stratum plus
Культурная антропология и археология
№6. 2010

ISSN: 1608-9057

«СЛОВА И ВЕЩИ»

Ad gloriam (Л. Л. Полевой)
Культовый центр Залмоксиса в Южной Добрудже
Античные монеты от Тираса до Боспора Киммерийского
Городища Буковины XIII—XIV вв.
Истоки и судьба «Шипинской земли»
Белгород — крепость двух Стефанов
Загадки мангупского октагона
Средневековые деньги от Дуная до Крыма
Мирон Костин и его эпоха
Из истории древнерусского костюма
Антропонимия «задунайских переселенцев»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ КИШИНЕВ ОДЕССА БУХАРЕСТ **2010**

ISSN: 1608-9057

Stratum plus. Nr. 6.

"Words and Things"

Ad gloriam (L. L. Polevoy)
Cult Center of Zalmoxis in Southern Dobrogea
Antique Coins from Tiras to Bosporan Kingdom
Forts of Bucovina from 13—14th cc.
Origins and Destiny of "Shypyntsi Land"
Belgorod — Fortress of Two Stephans
Enigmas of Mangoup Octagon
Medieval Money from the Danube to Crimea
Miron Costin and his Time
Pages of History of Early Russian Costume
Anthroponymy of Transdanubian Settlers

Volume Editor — Nikolai D. Russev
Associate Editor — Vladimir P. Kirilko

St.-Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.
2010

Stratum plus. Nr. 6.

„Cuvinte şi obiecte"

Ad gloriam (Л. Л. Полевой)
Centrul de cult al lui Zalmoxe din Dobrogea de Sud
Monedele antice de la Tiras pînă la Bosporul Cimerian
Cetăţuiele Bucovinei din sec. XIII—XIV
Originile şi destinul „Ţării Şepeniţului"
Belgorod — cetatea a doi Ştefani
Enigmele octagonului de la Mangup
Banii medievali de la Dunăre pînă la Crimea
Miron Costin şi epoca lui
Din istoria costumului antic rus
Antroponimia „imigranţilor de la Dunăre"

Redactorul volumului — Nicolai D. Russev
Redactor adjunct – Vladimir P. Kirilko

S.-Petersburg. Chişinău. Odesa. Bucureşti.
2010

High Anthropological School
Высшая Антропологическая Школа

The Supreme Council for Science and Technical Development of Moldovan Academy of Sciences and the National Council for Accreditation and Attestation of the Republic of Moldova, through their decision, recognized Stratum plus as a specialized journal in history disciplines (decision nr. 4 of 14 October 2004 and nr. 208 of 24 December 2009)

Editor-in-Chief — doctor of history **Mark E. Tkachuk**
Coordinating Editor — doctor of history **Roman A. Rabinovici**
Responsible Secretary — doctor of history **Leonid A. Mosionjnic**

Founder — **Alexei S. Tulbure**

Editorial Board:

M. B. Shchukin. *Through the Decision of the Senate of the High Anthropological School University and Stratum plus editorial board, the name of Mark B. Shchukin shall be written forever in the list of editors of this journal in memory of his outstanding merits.*

G. Atanasov — doctor of historical sciences (Museum of Archaeology, Silistra, Bulgaria)
M. Babeş — doctor of history (Institute of Archaeology "Vasile Pârvan", Bucharest, Romania)
S. Beletsky — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St.- Petersburg, Russia)
V. Borşevich — doctor habilitat of Physics and Mathematics (Moldovan Branch of the UN International Academy of Informatization, Kishinev, Moldova)
I. Bruyako — doctor of historical sciences (Odessa Archaeological Museum, Odessa, Ukraine)
V. Cavruc — doctor of history (Eastern Carpathians National Museum, Sfântu Gheorghe, Romania)
S. Covalenco — doctor of history (Institute of Cultural Heritage, Moldovan Academy of Sciences, Kishinev, Moldova)
V. Dergacev — doctor habilitat of history (Institute of Cultural Heritage, Moldovan Academy of Sciences, Kishinev, Moldova)
A. Dobrolyubsky — doctor of historical sciences (South Ukraine Pedagogical University, Odessa, Ukraine)
E. Girya — candidate of historical sciences (Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia)
B. Govedarica — professor (German Archaeological Institute, Eurasian Department, Germany)
M. Kazansky — doctor of historical sciences (CNRS – French National Center for Scientific Research, Center for Studies in History and Civilization of Byzantium, Paris, France)
V. Kirilko — candidate of historical sciences (Institute of Archaeology, Ukraine National Academy of Sciences, Simferopol, Ukraine)
A. Kovalev — member correspondent of the German Archaeological Institute, leader of Central Asian International Archaeological Expedition (St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia)
I. Manzura — doctor of history (High Anthropological School University, Kishinev, Moldova)
K. Marchenko — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia)
V. Myts — candidate of historical sciences (Institute of Archaeology, Ukraine National Academy of Sciences, Simferopol, Ukraine)
E. Nicolae — doctor of history (Institute of Archaeology "Vasile Pârvan", Bucharest, Romania)
L. Nikolova — doctor (International Institute of Anthropology, Salt Lake City, USA)
K. Randsborg — professor in archaeology (University of Copenhagen, Denmark)
N. Russev — doctor habilitat of history (High Anthropological School University, Kishinev, Moldova)
O. Sharov — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia)
P. Shuvalov — candidate of historical sciences (St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia)
O. Shcheglova — candidate of historical sciences (Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia)
N. Telnov — doctor of history (Institute of Cultural Heritage, Moldovan Academy of Sciences, Kishinev, Moldova)
L. Vishnyatsky — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia)
V. Zuev — candidate of historical sciences (St.-Petersburg, Russia)

Address: MD 2024, Republic of Moldova, Kishinev, Zimbrului St. 10a,
High Anthropological School University, Stratum plus Journal
Tel./fax: (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Prin hotărârea Consiliului Suprem pentru Ştiinţă şi Dezvoltare Tehnologică al AŞ Republicii Moldova, şi a Consiliului Naţional pentru Acreditare şi Atestare al Republicii Moldova, revista Stratum plus este recunoscută ca revistă de profil în domeniul ştiinţelor istorice
(hotărârea no. 4 din 14.10.2004 şi nr. 208 din 24.12.2009)

Redactor şef — doctor în istorie **Mark E. Tkachuk**
Redactor coordonator — doctor în istorie **Roman A. Rabinovici**
Secretar responsabil — doctor în istorie **Leonid A. Mosionjnic**

Fondator — **Alexei S. Tulbure**

Colegiul redacţional:

M. B. Shchukin. *Prin Decizia Senatului Universităţii Şcoala Antropologică Superioară şi a redacţiei revistei Stratum plus, în memoria meritelor savantului de seamă Mark B. Shchukin, numele său a fost înscris pe veci în componenţa colegiului redacţional.*

G. Atanasov — doctor în ştiinţe istorice (Muzeul arheologic, Silistra, Bulgaria)
M. Babeş — doctor în istorie (Institutul de arheologie "Vasile Pârvan", Bucureşti, România)
S. Beletsky — doctor în ştiinţe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiinţe a Rusiei, S.- Petersburg, Rusia)
V. Borşevici — doctor habilitat în fizică şi matematică (Filiala RM al Academiei internaţionale de informatizare pe lîngă ONU, Chişinău, Moldova)
I. Bruyako — doctor în ştiinţe istorice (Muzeul Arheologic din Odesa, Ucraina)
V. Cavruc — doctor în istorie (Muzeul Naţional al Carpaţilor Răsăriteni, Sfântu Gheorghe, România)
S. Covalenco — doctor în istorie (Institutul patrimoniului cultural al AŞM, Chişinău, Moldova)
V. Dergacev — doctor habilitat în istorie (Institutul patrimoniului cultural al AŞM, Chişinău, Moldova)
A. Dobrolyubsky — doctor în ştiinţe istorice (Universitatea pedagogică din Ucraina de Sud, Odesa, Ucraina)
E. Girya — candidat în ştiinţe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiinţe a Rusiei, S.- Petersburg, Rusia)
B. Govedarica — profesor (Institutul German de Arheologie, Departmentul Eurazia, Germania)
M. Kazanski — doctor în ştiinţe istorice (Centrul Naţional pentru Cercetări Ştiinţifice din Franţa, Centrul pentru Studii în Istorie şi Civilizaţie Bizantină, Paris, Franţa)
V. Kirilko — candidat în ştiinţe istorice (Institutul de arheologie, Academia Naţională de Ştiinţe din Ucraina, Simferopol, Ucraina)
A. Kovalev — membru corespondent al Institutului German de Arheologie, conducător al Expediţiei arheologice internaţionale în Azia Centrală (Universitatea de Stat din S.-Petersburg, Rusia)
I. Manzura — doctor în istorie (Universitatea Şcoala Antropologică Superioară, Chişinău, Moldova)
K. Marchenko — doctor în ştiinţe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiinţe a Rusiei, S.- Petersburg, Rusia)
V. Myts — candidat în ştiinţe istorice (Institutul de arheologie, Academia Naţională de Ştiinţe din Ucraina, Simferopol, Ucraina)
E. Nicolae — doctor în istorie (Institutul de arheologie "Vasile Pârvan", Bucureşti, România)
L. Nikolova — doctor (Institutul Internaţional de Antropologie, Salt Lake City, SUA)
K. Randsborg — profesor în arheologie (Universitatea din Copenhaga, Danemarca)
N. Russev — doctor habilitat în istorie (Universitatea Şcoala Antropologică Superioară, Chişinău, Moldova)
O. Sharov — doctor în ştiinţe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiinţe a Rusiei, S.- Petersburg, Rusia)
P. Shuvalov — candidat în ştiinţe istorice (Universitatea de Stat din S.-Petersburg, Rusia)
O. Shcheglova — candidat în ştiinţe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiinţe a Rusiei, S.-Petersburg, Rusia)
N. Telnov — doctor în istorie (Institutul patrimoniului cultural al AŞM, Chişinău, Moldova)
L. Vishnyatsky— doctor în ştiinţe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Ştiinţe a Rusiei, S.- Petersburg, Rusia)
V. Zuev — candidat în ştiinţe istorice (S.-Petersburg, Rusia)

Adresa: MD 2024, Republica Moldova, Chișinău, str. Zimbrului 10a,
Universitatea Şcoala Antropologică Superioară, revista Stratum plus
Tel./fax: (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Решением Высшего Совета по Науке и Техническому Развитию АН Республики Молдова и Национального Совета по Аккредитации и Аттестации Республики Молдова журнал «Stratum plus» признан профильным в области исторических наук (решения от 14.10.2004/№4, от 24.12.2009/№208)

Главный редактор — доктор истории **Марк Е. Ткачук**
Редактор-координатор — доктор истории **Роман А. Рабинович**
Ответственный секретарь — доктор истории **Леонид А. Мосионжник**

Основатель журнала — **Алексей С. Тулбуре**

Редколлегия:

М. Б. Щукин. *Решением Сената университета «Высшая антропологическая школа» и редакции журнала «Stratum plus» имя Марка Борисовича Шукина в память о его выдающихся заслугах навсегда вписано в состав редколлегии этого издания.*

Г. Г. Атанасов — доктор исторических наук (Археологический музей, Силистра, Болгария)
М. Бабеш — доктор истории (Институт Археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния)
С. В. Белецкий — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
В. И. Боршевич — доктор хабилитат физико-математических наук (Молдавское отделение Международной Академии Информатизации при ООН, Кишинёв, Молдова)
И. В. Бруяко — доктор исторических наук (Одесский археологический музей, Одесса, Украина)
Л. Б. Вишняцкий — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
Е. Ю. Гиря — кандидат исторических наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
Б. Говедарица — профессор (Германский Археологический Институт, Отдел Евразии, Германия)
В. А. Дергачев — доктор хабилитат истории (Институт культурного наследия АН РМ, Кишинев, Молдова)
А. О. Добролюбский — доктор исторических наук (Южноукраинский педагогический университет, Одесса, Украина)
В. Ю. Зуев — кандидат исторических наук (Санкт-Петербург, Россия)
В. Каврук — доктор истории (Национальный музей Восточных Карпат, Сфынту-Георге, Румыния)
М. Казанский— доктор исторических наук (Национальный центр научных исследований, Центр по изучению истории и цивилизации Византии, Париж, Франция)
В. П. Кирилко — кандидат исторических наук (Институт Археологии НАНУ, Симферополь, Украина)
А. А. Ковалев — чл.-корреспондент Германского Археологического Института, руководитель Центрально-Азиатской международной археологической экспедиции (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)
С. И. Коваленко — доктор истории (Институт культурного наследия АН РМ, Кишинев, Молдова)
И. В. Манзура — доктор истории (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
К. К. Марченко — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
В. Л. Мыц — кандидат исторических наук (Институт Археологии НАНУ, Симферополь, Украина)
Л. Николова — доктор (Международный Институт Антропологии, Солт-Лейк-Сити, США)
Е. Николае — доктор истории (Институт Археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния)
К. Рандсборг — профессор археологии (Копенгагенский университет, Дания)
Н. Д. Руссев — доктор хабилитат истории (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
Н. П. Тельнов — доктор истории (Институт культурного наследия АН РМ, Кишинев, Молдова)
О. В. Шаров — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
П. В. Шувалов — кандидат исторических наук (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)
О. А. Щеглова — кандидат исторических наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Адрес: MD 2024, Республика Молдова, Кишинев, ул. Зимбрулуй 10а,
Университет «Высшая антропологическая школа», журнал «Stratum plus»
Тел./факс: (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Stratum plus — международный журнал по археологии и культурной антропологии. Издается университетом «Высшая антропологическая школа», г. Кишинев, Республика Молдова. Журнал выходит шесть раз в год на русском языке в виде тематических номеров, каждый из которых посвящается либо отдельной эпохе, либо отдельной достаточно актуальной научной проблеме. Все материалы рецензируются.

Издан при поддержке
Олега Алексеевича Тюренкова
и Алексея Александровича Рыбалко

Редактор номера — **Николай Д. Руссев**
Зам. редактора — **Владимир П. Кирилко**

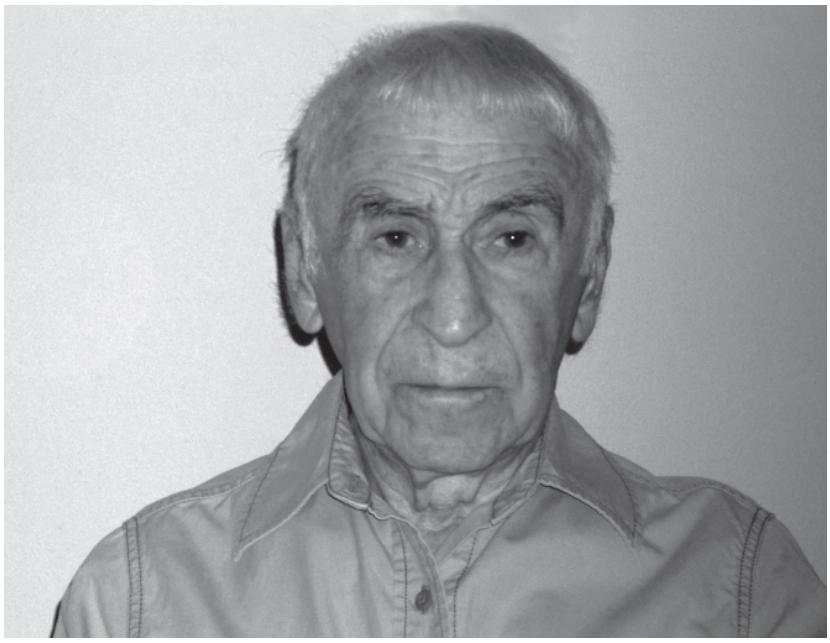
Редколлегия номера:

Светлана С. Рябцева
Николай П. Тельнов

Все права защищены.
© Университет «Высшая антропологическая школа»
© Издательство «Stratum plus»
© Обложка: Д. А. Топал
Редактор материалов на английском языке: Ю. Д. Тимотина
Перевод на государственный язык Республики Молдова: С. Церна, А. Патракова
Технический координатор: Ж. Б. Кроитор
Оригинал-макет: Д. А. Топал, Л. А. Мосионжник, Ж. Б. Кроитор
Корректор: Г. В. Засыпкина

Лазарю Львовичу Полевому

посвящается

Dedicated to Lazar Lvovich Polevoy

Dedicat lui Lazar Lvovici Polevoi

ОГЛАВЛЕНИЕ

AD GLORIAM

«Слова и вещи» по Л. Л. Полевому: неюбилейные наброски к портрету современного ученого **17**

«РАННЕФЕОДАЛЬНАЯ МОЛДАВИЯ»

А. В. Балух *(Черновцы, Украина).* **«Шипинская земля»: истоки и судьба** **27**

И. П. Возный *(Черновцы, Украина).* **Классификация городищ X—XIV вв. в междуречье Верхнего Сирета и Среднего Днестра по топографии и планировке оборонительных сооружений** **41**

НАШ АРХИВ

П. В. Советов. Мирон Костин и его эпоха (1633—1691) **61**

ЗОДЧЕСТВО

А. В. Красножон *(Одесса, Украина).* **Крепость двух Стефанов: о заказчиках и времени основания белгородских укреплений** **75**

В. П. Кирилко *(Симферополь, Украина).* **О времени строительства мангупского октагона и его идентификации (к вопросу об интерпретационных возможностях источников)** **103**

ТАЛАНТЫ И ЛЕПТЫ АНТИЧНОГО МИРА

В. П. Алексеев *(Одесса, Украина).* **Новые варианты литых монет Нижнего Побужья VI—V вв. до н. э.** **123**

В. П. Алексеев, П. Г. Лобода *(Одесса, Украина).* **Нумизматические раритеты античной Тиры в новых находках** **133**

А. В. Гаврилов *(Симферополь, Украина).* **Нумизматический материал селища Куру Баш (лагерь) и некоторые вопросы истории Феодосии конца II—I вв. до н. э.** **141**

О. Н. Мельников *(Николаев, Украина).* **Боспор Киммерийский и происхождение монетно-весовых систем античного мира** **159**

ЗВОНКИЕ ЦВЕТЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

М. В. Ступко, Е. Я. Туровский *(Севастополь, Украина).* **Литые монеты средневекового Херсона** **187**

А. В. Кривенко *(Тирасполь, Молдова),* **А. А. Казаров** *(Москва, Россия).* **Джучидские монеты Сакчи из находок на городище Костешты в Молдове** **201**

Н. Д. Руссев *(Кишинев, Молдова).* **Монеты Иоанна Лютого — свидетельства международных связей Молдавии второй половины XVI в.** **211**

АРХЕОЛОГИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Г. Г. Атанасов *(Силистра, Болгария).* **Скальный культовый центр Залмоксиса у реки Табан в Южной Добрудже** **219**

Е. А. Радзиховская *(Одесса, Украина).* **Устье Дуная на старинных портоланах** **241**

Ю. В. Степанова *(Тверь, Россия)***Этнографические материалы для изучения древнерусского костюма Верхневолжья** **249**

Н. В. Жилина *(Москва, Россия).* **Архаический головной убор (археология, этнография, народное искусство)** **255**

О. В. Кузьмина *(Великий Новгород, Россия)* **«Облечётся в красные, и в червленыя, и в багряныя одежды» (древнерусская верхняя мужская одежда XIV—XV веков) 269**

А Э. Жабрева *(Санкт-Петербург, Россия).* **Переиздание печатного источника как способ его сохранения (на примере «Проекта “Народы России”») 279**

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

ЭТНИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

И. Ф. Грек *(Кишинев, Молдова).* **Антропонимия «задунайских переселенцев» (последняя треть XVIII — начало XIX вв.) 289**

Введение 290

Глава 1. Антропонимия «старых переселенцев» 291

Глава 2. Антропонимия «новых переселенцев» 311

Глава 3. Этнические процессы в Болгарии в XII—XVII вв. и их отражение в антропонимии бессарабских болгар и гагаузов 323

Выводы 339

Литература 340

Список сокращений. 341

References Transliterated from Cyrillic into Latin Alphabet 342

Требования к материалам, предоставляемым в редакцию журнала *«Stratum plus»* 355

Наша географи 363

Requirements to contributions to *Stratum plus* 365

C O N T E N T S

AD GLORIAM

"Words and Things" according to L. L. Polevoy: anniversary-unrelated sketches to the portrait of a modern researcher **17**

"EARLY FEUDAL MOLDAVIA"

A. V. Balukh *(Chernivtsi, Ukraine).* **"Shipinskaya zemlya": the origins and the destiny** **27**

I. P. Vozny *(Chernivtsi, Ukraine)***. The Classification of the Settlements of the 10th and the 14th Centuries on the Territories of Upper Siret and Middle Dnister Based on Topographical Location and Planning of Defense Constructions** **41**

OUR ARCHIVES

P. V. Sovetov. Miron Costin and his Time (1633—1691) **61**

ARCHITECTURE

A. V. Krasnozhon. *(Odessa, Ukraine)***. Fortress of Two Stephans: on Customers and the Dating of Belgorod Fortifications** **75**

V. P. Kirilko *(Simferopol, Ukraine)***. On the Dating of Mangoup Octagon and its Identification (towards Interpretative Power of Sources)** **103**

TALENTS AND LEPTA OF THE ANTIQUITY

V. P. Alekseev *(Odessa, Ukraine)***. New versions of moulded coins of the Lower Bug in VI—V centuries B. C.** **123**

V. P. Alekseev, P. G. Lododa *(Odessa, Ukraine)***. Numismatic Rarities of Antique Tyra In New Findings** **133**

A. V. Gavrilov *(Simferopol, Ukraine)***. Numismatic Findings on Kuru Bash Settlement (Camp) and Some Issues of History of Theodosia (late 2nd—1st cc. BC)** **141**

O. N. Melnikov *(Nikolaev, Ukraine)***. Bosporan Kingdom and the origin of coin-weight systems of the classical antiquity** **159**

HARD FLOWERS OF THE MIDDLE AGES

M. V. Stupko, E. Ia. Turovsky *(Sevastopol, Ukraine)***. Cast Coins in Medieval Kherson**. **187**

A. V. Crivenco *(Tiraspol, Moldova)***, A. A. Kazarov** *(Moskow, Russia)***. Jujid Coins of Saqchi Found on Costesti Site in Moldova** **201**

N. D. Russev *(Kishinev, Moldova).* **John III the Terrible's Coins — Evidence of International Relations of Moldavia in 1550—1600** **211**

ARCHAEOLOGY OF REPRESENTATIONS

G. G. Atanasov *(Silistra, Bulgaria)***. Rocky Cult Center of Zalmoxis on the Taban River in Southern Dobrogea** **219**

O. O. Radzihovska *(Odessa, Ukraine).* **The mouth of the Danube in the old portolans**. **241**

Iu. V. Stepanova *(Tver, Russia)***. Ethnographical Material for the Study of Early Russian Female Costume in the Upper Volga Area** **249**

N. V. Zhilina *(Moskow, Russia)***. Archaic headgear (archaeology, ethnology, folk art)** **255**

O. V. Kuzmina *(Velikiy Novgorod, Russia)*.**"He will put on red, dark red and purple clothes" (early Russian upper clothing of men in 14 —15 cc.)** **269**

A. E. Zhabreva *(St.-Petersburg, Russia)*. **Reprinting as a Way to Save a Source (a case study of the Project "The Peoples of Russia")** **277**

MONOGRAPH INSIDE THE JOURNAL

ETHNIC ANTHROPOLOGY

I. F. Grek *(Kishinev, Moldova).* **Anthroponymy of Transdanubian Settlers (1770 — early 1800).** **289**

List of Abbreviations **341**

References Transliterated from Cyrillic into Latin Alphabet **342**

Requirements to contributions to *Stratum plus* **359**

C U P R I N S

AD GLORIAM

„Cuvinte şi obiecte", dedicat lui L. L. Polevoi: tuşe la portretul unui cercetător contemporan fără legătură cu aniversarea sa 17

„MOLDOVA FEUDALĂ TIMPURIE"

A. V. Balukh *(Cernăuți, Ucraina).* **„Țara Şepeniților": origine şi destin 27**

I. P. Vozny *(Cernăuți, Ucraina)***. Clasificarea cetăților din sec. X—XIV în interfluviul Siretului superior şi Nistrului de mijloc după criteriul topografic şi al planificării elementelor defensive 41**

ARHIVELE NOASTRE

P. V. Sovetov. Miron Costin şi epoca sa (1633—1691) 61

ARHITECTURA

A. V. Krasnozhon. *(Odesa, Ucraina)***. Cetatea a doi Ştefani: despre ctitorii şi perioada de fundare a elementelor defensive din Belgorod 75**

V. P. Kirilko *(Simferopol, Ucraina)***. Despre perioada de construcție a octagonului din Mangup şi identificarea lui (cu privire la posibilitățile interpretative ale surselor) 103**

TALENTELE ŞI LEPTA ANTICHITĂȚII

V. P. Alekseev *(Odessa, Ukraine)***. Noi versiuni ale monedelor turnate la Bugul de Jos în secolele VI—V î. Hr. 123**

V. P. Alekseev, P. G. Lododa *(Odesa, Ucraina)***. Rarităținumismatice din Tira antică în noi descoperiri 133**

A. V. Gavrilov *(Simferopol, Ucraina)***. Materiale numismatice din siliştea Curu Baş (tabără) şi unele aspecte istorice ale Feodosiei de la sfârşitul sec. II—I î.Hr. 141**

O. N. Melnikov *(Nicolaev, Ucraina).* **Bosporul cimerian şi originea sistemelor de greutate a monedelor antice 159**

FLORI NEVEŞTEJITE ALE EVULUI MEDIU

M. V. Stupko, E. Ia. Turovsky *(Sevastopol, Ucraina)***. Monedele turnate ale Hersonesului medieval 187**

A. V. Crivenco *(Tiraspol, Moldova)***, A. A. Kazarov** *(Moskaw, Rusia)***. Monedele Djuci de la Isaccea din descoperirile de pe aşezarea Costeşti din Moldova. 201**

N. D. Russev *(Chişinău, Moldova).* **Monedele lui Ioan Vodă cel Cumplit — mărturii despre relații internaționale ale Moldovei în a doua jumătate a secolului al XVI-lea 211**

ARHEOLOGIA REPREZENTĂRILOR

G. G. Atanasov *(Silistra, Bulgaria)***. Centrul de cult al lui Zalmoxis în stâncă lângă râul Taban în Dobrogea de Sud 219**

O. O. Radzihovska *(Odesa, Ucraina).* **Delta Dunării în portolane vechi 241**

Iu. V. Stepanova *(Tver, Rusia)***. Materiale etnografice pentru studiul costumului din perioada Rusiei Kievene din bazinul superior al r. Volga 249**

N. V. Zhilina *(Moskow, Rusia)***. Pălăria arhaică (arheologie, etnologie, artă populară). 255**

O. V. Kuzmina *(Velikiy Novgorod, Russia)*. **„Se va îmbrăca în haine roşii, şi purpurii, şi roşii întunecate” (îmbrăcămintea superioară bărbătească din Rusia Kieveană din secolele XIV—XV) 269**

A. E. Zhabreva *(S.-Petersburg, Rusia)*. **Publicarea repetată a unei surse tipărite în calitate de mijloc al păstrării ei (în baza exemplului Proiectului „Popoarele Rusiei”) 277**

MONOGRAFIE ÎN REVISTĂ

ANTROPOLOGIE ETNICĂ

I. F. Grek *(Chişinău, Moldova).* **Antroponimia „imigranţilor de la Dunăre” (ultima treime a sec. XVIII — începutul sec. XIX) 289**

List of Abbreviations 341

References Transliterated from Cyrillic into Latin Alphabet 342

Requirements to contributions to *Stratum plus* 359

Ad gloriam

«Слова и вещи» по Л. Л. Полевому: неюбилейные наброски к портрету современного ученого

Представить графически смысл слов — значит сначала сделать точный рисунок вещи, которую он обозначает

Мишель Фуко

Вступление редактора

Л. Л. Полевой — практически ровесник знаменитого Мишеля-Поля Фуко (1926—1984), выражение которого взято эпиграфом к этой статье. У книги французского структуралиста «Слова и вещи» есть подзаголовок — «Археология гуманитарных знаний». Странное совпадение, но это то, что всю жизнь занимает Лазаря Львовича. Нумизматические и эпиграфические материалы, летописи и грамоты, топонимика и антропонимика, керамика и жилища, образ жизни и миграции, традиционная культура и этносы… Десятки современных по исполнению исследований о средневековой истории Молдавии. Об их авторе давно хотелось написать. Однако издать в 2008 г. журнал, посвященный юбилею крупного ученого, не получилось. Прошлогодний «Stratum plus» вышел увесистым, то есть «спятеренным», объединив под одной обложкой публикации за 2005—2009 гг.

В этом году такая возможность представилась, но оказалось, что подробно рассказать о нем особенно некому — «иных уж нет, а те далече»… Кроме того, трудно живописать действующего ученого, не находящегося теперь в поле твоего внимания. И тогда я решил обратиться к тем, «кто знает и помнит», как порой высказывается сам Лазарь Львович.

В итоге журнал предлагает вниманию своих читателей краткие очерки авторов, откликнувшихся и поделившихся своими мыслями на заданную тему. На мой взгляд, из облеченных в слова личных впечатлений сложились весьма правдоподобные наброски к портрету нашего главного героя. Пусть они станут приятным сюрпризом для Л. Л. Полевого, так сказать, «вещью для себя».

1. «Объективка» от младшего сына

***Александр Полевой**, консультант по финансовым системам в компании Bloomberg.*

Лазарь Львович Полевой родился в городе Первомайск Одесской области (ныне Николаевская область) Украины в 1928 г. Вскоре после рождения он вместе с родителями переехал в Винницу. В 1934 или 1935 г. семья переехала в называвшийся тогда Чкаловым Оренбург (Россия). Однако в 1937 г. возникла угроза ареста НКВД отца, и семье пришлось скрываться в Виннице. Затем они перебрались в Одессу. Когда в 1940 г. Бессарабия вошла в состав СССР, переехали в Кишинев. С началом Великой Отечественной войны Л. Л. Полевой был эвакуирован в Оренбург, где его мать умерла. Позднее отец вместе с сыновьями переехал в Сталинабад (ныне Душанбе, столица Таджикистана).

В конце войны Л. Л. Полевой вернулся в Кишинев, где окончил среднюю школу и поступил на исторический факультет университета. После окончания вуза он был направлен на работу в одно из сел Молдавии. Затем был принят на работу в Молдавский филиал Академии наук СССР. Здесь он прошел путь от референта и лаборанта археологической экспедиции до доктора исторических наук (1989 г.) и ведущего научного сотрудника. Ему довелось работать в Отделе археологии и Института истории Академии наук Молдавской ССР, а затем в Отделе истории и культуры евреев, открытом при Институте национальных меньшинств. Много лет он работал в археологических экспедициях на территории Молдавии и Украины, в частности, участвовал в изучении крупнейших

© Н. Д. Руссев и др., 2010.

средневековых городищ края — Старого Орхея, Костешт, Белгорода-Днестровского. Л. Л. Полевой является автором многих книг, статей и коллективных работ по истории, археологии и нумизматике Молдовы и Румынии.

В юности я мечтал быть археологом и даже был в нескольких экспедициях. Особенно запомнилась первая, под руководством Н. А. Кетрару. Однако папа запретил мне поступать на исторический факультет по причине легкой будущей карьеры в археологии с фамилией Полевой. Но история и археология все равно остались у меня в крови, а все свободное время я провожу в путешествиях: Греция, Израиль, Италия, Мексика, Марокко, Тунис, Зимбабве, Мальта, Гватемала, Пуэрто-Рико, Франция, Испания, Занзибар, Португалия, Новая Зеландия, Австралия и много-много других мест.

По папиному примеру и, наверное, генетической зависимости я очень люблю учиться и осваивать новые дисциплины. Приехав в Нью-Йорк в 1992 г. совсем молодым человеком (после 2 лет учебы на механическом факультете Кишиневского политеха), я закончил здесь университет по специальности «Компьютерные системы», а затем продолжил учиться по программе MBA «Менеджер информационных систем». Работая в разных городах и корпорациях, много разъезжаю по Америке…

Л. Л. Полевой также сначала обосновался в Нью-Йорке, а с 2009 г. живет с моим старшим братом в Портленде (штат Орегон). В США он продолжил научные исследования. Итогом многих лет работы стал справочник по истории евреев Российской империи и СССР (демо-версия в Интернете).

И еще одно важное добавление к биографии папы — он наконец-то стал дедушкой. Этой осенью у меня родился сын Матвей (Matthew). Матвей Александрович Полевой уже унаследовал некоторые качества деда. Это спокойный характер и… мохнатые брови! Очевидно, генофонд Полевых не обойдет подрастающее поколение.

2. Труженик науки

Доктор истории ***Николай Тельнов****, Институт культурного наследия АН РМ.*

С Лазарем Львовичем Полевым я познакомился в 80-е годы прошлого века, когда ему было уже за пятьдесят и он являлся известным ученым не только в Молдавии, но и далеко за ее пределами. К этому времени вышли его монографические работы «Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в.» (Кишинев, 1969), «Археология Румынии» (Москва, 1973, в соавторстве с Г. Б. Федоровым), «Очерки исторической географии Молдавии XIII—XV вв.» (Кишинев, 1979), «Раннефеодальная Молдавия» (Кишинев, 1985). При его активном участии была подготовлена обобщающая коллективная монография «История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.)» (Кишинев, 1976), ряд других коллективных работ, десятки статей по различным проблемам археологии и истории средневековой Молдавии, а также по исторической географии и методам исследования археологических источников.

Лазарь Львович Полевой принадлежит поколению ученых, которые своими стараниями и усердным трудом создали молдавскую археологическую и историческую науку, взяв все лучшее из советской школы и творчески переработав зарубежные достижения в этих областях. В молодости Лазарю Львовичу довелось работать под руководством Г. Б. Федорова, с которым его связала многолетняя дружба. В ходе своего становления как ученого Лазарь Львович перепробовал многие направления научного поиска истины. Он одним из первых в Молдавии стал широко использовать методы естественных наук. Со временем его научный интерес все более сосредотачивался на проблемах средневековой Молдавии. Глубокое и всестороннее знание археологических материалов, нарративных источников, эпиграфики и нумизматики позволило Л. Л. Полевому выйти на новый уровень — перейти к широким обобщениям в области исследований политической истории, социальной структуры, государственного строя и этнического состава населения раннего периода Молдавского государства.

К решению проблем он подходил неординарно, поэтому и выводы его всегда являются оригинальными и убедительными. В решении многих вопросов, связанных с проблемами Молдавской государственности и молдавского феодализма, ученый в чем-то опережал достижения своего времени. Сделанные им выводы еще долго будут пользоваться вниманием исследователей, что свидетельствует о серьезном вкладе в науку. Нет необходимости специально рассматривать работы Л. Л. Полевого. Это сделано в рецензиях, как правило, характеризующих изыскания и основные выводы исследователя положительно.

Несколько слов хотелось бы сказать о незаметной для многих «черновой» работе, которую, благодаря своей эрудиции и умению, проводил Л. Л. Полевой. В 70—80-х гг. в АН МССР большие усилия прилагались к под-

готовке коллективных обобщающих трудов по истории. Тем, кому пришлось работать в группе соавторов по подготовке таких работ, знают, насколько это сложно. Сложно выдержать единый стиль и систему изложения, согласовать структуру текста, подготовить переходные разделы, чтобы работа выглядела как единое целое. С этим скрупулезным делом незаметно, без суеты и лишнего напряжения, умело справлялся Лазарь Львович Полевой. Опыт и знание многих проблем археологии и истории Молдавии позволяли ему выполнять это на неизменно высоком уровне. Уважительное отношение к коллегам и их текстам, советы и конкретная помощь по согласованию позиций авторов вызывали и вызывают у работавших с Л. Л. Полевым чувство благодарности.

Лазарь Львович с интересом и любовью относился к молодым исследователям. Он мог внимательно выслушать любого обратившегося к нему сотрудника, дать полезный совет, порекомендовать нужную литературу, вычитать текст… Всегда помогал в выборе тем не только для плановых исследований, но и для диссертационных работ.

Л. Л. Полевой является талантливым популяризатором науки. Такие работы, как «Молдавия от камня до бронзы» (в соавторстве с Н. А. Кетрару), «…И с того времени началась Земля Молдавская» написаны одновременно профессионально и доходчиво. Они понятны не только подготовленному читателю, но и тому, кто только начинает знакомиться с археологией и историей. При этом в них нет упрощающих проблемы банальностей, поэтому эти научно-популярные работы до сих пор приносят большую пользу и специалистам.

Ко всему Л. Л. Полевой подходил очень ответственно. Исследуя археологические памятники, он вводил в научной оборот полноценные источники, которые будут долго служить науке. Анализ этих источников выполнен им на очень высоком уровне и по достоинству оценен исследователями. Скрупулезно изучив летописи и грамоты, он внес значительный вклад в изучение становления государственности и развития феодальных отношений в Молдавии. Лазарь Львович — увлеченный исследователь и большой труженик, для которого интересы науки всегда стояли на первом месте. Это и позволило ему добиться больших успехов в науке, получить заслуженное признание коллег.

Лазарь Львович создал хорошую семью. Человеком большой души была его жена Майя Семеновна, работавшая в детском саду № 8 г. Кишинева. К большому сожалению, она рано ушла из жизни, но оставила о себе добрую память. И теперь в коллективе ее вспоминают с большой теплотой как доброго и светлого человека. В семье Полевых выросли два прекрасных сына, воспитанию которых отец уделял серьезное внимание.

Думаю, что и как человек, и как ученый Л. Л. Полевой сделал много полезного и нужного людям, всем, кто в дальнейшем будет изучать историю.

Дорогой Лазарь Львович! Признательные ученики и коллеги желают Вам крепкого здоровья, долгих лет жизни, творческих успехов и всего самого доброго.

3. Обаятельная интеллигентность большого ученого

Доктор хабилитат исторических наук ***Николай Червенков,*** *Тараклийский государственный университет им. Григория Цамблака.*

Когда заходит речь о молдавской школе медиевистики, то никак нельзя обойти молчанием тот факт, что одним из ее самых талантливых и видных представителей является доктор исторических наук Л. Л. Полевой, опубликовавший важные и не стареющие труды по истории средневековой Молдавии. Радуют и последние достижения ученого в исследовании развития еврейской диаспоры ряда стран, создании библиографии по истории еврейства в Молдавии.

С Лазарем Львовичем меня связывает многолетняя профессиональная работа в Институте истории Академии наук Молдовы, постоянное общение на бытовом уровне — мы были соседями в Кишиневе. Много хорошего я не раз слышал о нем в Москве от коллег из Института славяноведения РАН, особенно от известной исследовательницы Дунайских княжеств Л. Е. Семеновой.

С первого знакомства меня восхищала его широта знаний, многогранная эрудиция, высокий исследовательский профессионализм. Он никогда не выпячивал свои преимущества, всегда стремился высказаться осторожно, чтобы не задеть собеседника, уважал чужие мнения, даже не очень аргументированные и не основанные на объективных данных.

Мы не раз обсуждали вопросы болгарской истории, близкие моим профессиональным интересам. Меня не удивляло, что мой собеседник был в курсе методических аспектов темы. Потрясало знание конкретики истории, прежде всего из области социально-политического положения болгарских земель в Османской империи. Не забуду свое обсуж-

дение с ним социального содержания и политического места чорбаджийства в Болгарии. Он поделился многими интересными и важными наблюдениями. Это было очень кстати, поскольку я как раз собирался в Москву для участия в конференции, где этот вопрос стоял в центре внимания. Нельзя было не заметить, что многие наблюдения и определения Л. Л. Полевого совпадали с выводами ученых, которые долгое время углубленно занимались социально-экономическими аспектами истории болгарских земель.

В исследовании проблемы болгар Дунайских княжеств мне очень помогли выводы Л. Л. Полевого о заселении в Молдове выходцев из болгарских земель в средние века. Это не было его специальной задачей, но достигнутое им пока остается последним словом в науке. Он делился соображениями, как углубить исследование данного аспекта, какие можно использовать источники, как вести подсчеты, опираясь на новые тогда методы математического анализа демографических процессов. Последнее меня очень интересовало, так как я собирался заниматься проблемами демографии бессарабских болгар в XIX в. В связи с этим я очень благодарен Лазарю Львовичу, который, уезжая в США, оставил мне ряд важных изданий по демографии.

Говоря о Л. Л. Полевом, нельзя не упомянуть о его богатой, хорошо подобранной библиотеке, которая при его отъезде была передана только что созданному Комратскому государственному университету. Я видел, как он переживал, расставаясь с ней. Его успокаивало только то, что она попадает по назначению и будет полезна молодому вузу.

Работая в Институте истории АН Молдовы, Полевой старался сосредотачиваться только на научной работе. Стремился избегать общественной деятельности, которая, по его мнению, отнимала много полезного времени. Он настаивал, что главным критерием оценки работы научного сотрудника должна быть научная продукция, а не его участие в общественных делах. Впрочем, если ему поручали какое-то дело, он выполнял его добросовестно, стараясь, чтобы от результатов его работы не страдали коллеги. Помню, долгие годы мы с ним входили в состав комитета народного контроля института. Он всегда был на стороне тех, кого хотели наказать за опоздание на работу, за неучастие в каких-то общественных мероприятиях (манифестациях, субботниках, различных собраниях и т. д.).

Как бывшему соседу, Лазарь Львович представляется мне идеальным семьянином — мужем и отцом. У него было большое взаимопонимание с ныне покойной женой Маей Семеновной. Он всегда старался понять и помочь своим любимым сыновьям — Славику и Алику. Мы видели, с каким трепетом и уважением он относится к родственникам. По-соседски он был всегда внимательным, готовым посочувствовать и прийти на помощь. Мне его и сейчас не хватает, чтобы пообщаться, поделиться новостями, обсудить новый исторический труд.

Большой вклад Лазаря Львовича в историческую науку Молдавии, к сожалению, еще не достаточно оценен. Думаю, что номер журнала, посвященный выдающемуся историку, является достойным актом признания его достижений и важного места в молдавской историографии.

4. *Истинный историк*

Доктор права ***Владимир Мокряк****, Международный независимый университет Молдовы (ULIM).*

К нынешним реалиям нашей действительности невозможно применить термин «лучшие времена». Скорее всего, следует говорить о безвременье или использовать исторический термин «дикое поле». Иначе нельзя назвать время, когда «тоже историки», не помнящие своего родства, пляшут канкан на могилах своих предков, порочат имена великих предшественников, стоящих у истоков государственности молдавского народа, характеризуя их труды как «примитивное средневековое мышление». Обращаясь в прошлое, к лучшим временам в истории нашей республики, прежде всего, вспоминаются имена истинных историков, бескорыстных служителей богини Клио.

Среди известных историков, внесших существенный вклад в историю становления государственности молдавского народа, следует назвать в первую очередь Лазаря Львовича Полевого.

Его работы посвящены исследованиям широкого спектра проблем исторической науки — археологии, нумизматики, исторической географии, становлению и развитию феодализма, демографическим процессам на территории Молдавского княжества, развитию экономики и возникновению городов… Его исследования по этнолингвистике, топонимике, социальной истории внесли существенный вклад в историческую науку нашей страны.

Л. Л. Полевому присущи качества истинного исследователя, глубокого уважения к используемым историческим источникам. В каждой его монографии содержатся сотни и сотни ссылок на источники. Это не ме-

ханическое перечисление названий, а глубокий анализ проблемы и неопровержимые доказательства исторических фактов. В его работах неизменно присутствует и собственная позиция, свое видение исследуемого материала.

Зная Лазаря Львовича с середины 70-х годов, я всегда поражался его преданности науке и его уважению к коллегам по работе. Отстаивая свою точку зрения, он никогда не нарушал этику научных дискуссий. Молодые исследователи всегда могли рассчитывать на его помощь, советы и дружескую поддержку.

В Молдове, Лазарь Львович, многие Вас глубоко уважают и высоко ценят Ваш вклад в изучение истории нашей страны.

5. Глубокий исследователь и скромный человек

Доктор истории ***Иван Грек****, депутат Парламента Республики Молдова XV созыва.*

С Лазарем Львовичем Полевым мы работали вместе в Институте истории в здании Академии наук Молдавской ССР по проспекту Ленина, 1. Мы, естественно, виделись часто, в каждый присутственный день. Здоровались, причем он всегда здоровался первым, что свидетельствовало о его высокой культуре воспитания. Меня всегда поражало то, как он скромно одевался, даже на фоне того, что мало кто из мужчин в Институте уделял этому элементу своей внешности большое внимание. Позже, когда я узнал, что его жена умерла, и он один воспитывает двоих сыновей, мне стала в какой-то степени понятна причина: зарплата старшего научного сотрудника не бог весть какая, чтобы на нее прокормить и одеть трех человек…

Поближе я познакомился с Лазарем Львовичем уже после 1989 г., когда в Академии наук был организован Институт национальных меньшинств, состоявший из нескольких секторов, созданных по национальному признаку. В этом Институте наряду с прочими были и Отдел болгаристики, и Отдел иудаики. Кажется, так он официально назывался, но мы между собой всегда говорили «Еврейский отдел». Его заведующим стал мой бывший шеф Изяслав Ильич Левит, а ведущим научным сотрудником — Лазарь Львович.

Здесь я почувствовал, что по отношению ко мне у Лазаря Львовича выросло уважительное отношение. Вероятно, это было связано с моим активным участием в общественном движении, противостоящем унионистскому. Этим он выражал свои симпатии тем, кто открыто отстаивал свои общественные позиции. Сам он с сыновьями готовился к переезду в США. Так поступали в начале 90-х гг. минувшего столетия очень многие, и не только евреи, что было обусловлено острым политическим и межэтническим кризисом в Республике Молдова.

Наши научные интересы находились далеко друг от друга, поэтому общей темы для общения по исследовательским вопросам не было. Более того, Л. Л. Полевой, как и я, не относится к категории людей, легко вступающих в контакты с кем-либо. Но, тем не менее, нашлась одна область для нашего сближения. Лазарь Львович в последний год перед отъездом занимался составлением библиографии по теме «Евреи Бессарабии». Это мое название, как он называл свою работу, не помню. Как очень скрупулезный ученый, что видно из его научных публикаций, он по крупицам собирал все, что касалось истории и культуры бессарабских евреев, изданное отдельной монографией или научной статьей. В результате было собрано несколько каталожных ящиков карточек библиографических описаний по этой теме. Л. Л. Полевой не был специалистом-библиографом, поэтому обратился ко мне с просьбой ознакомиться с его рукописью. Конечно, как библиограф по профессии, я нашел довольно много недостатков в ней, главным образом, в систематизации материалов. Но меня, честно говорю, потрясло то, что ему удалось сделать, будучи не специалистом. Ведь тогда он только приступил к работе в сфере евреистики, но сумел за короткое время найти столько публикаций. Это не каждому дано. К сожалению, я не осведомлен, что стало с этой его библиографией. Жалко, если она исчезла вовсе, так как вскоре Лазарь Львович эмигрировал.

Жизненные обстоятельства прервали мои личные контакты с Л. Л. Полевым. Однако научные проблемы, которыми я занимался, все же вывели меня на научный труд «Очерки исторической географии Молдавии XIII—XIV вв». Знакомясь с его монографией с целью выявить наличие болгар и их расселение на территории средневековой Молдавии, я не только нашел то, что искал, но и порадовался за Лазаря Львовича. Ему удалось на очень ограниченном круге письменных источников, фрагментарного археологического и нумизматического материала глубоко и доказательно осветить географические, демографические и экономические вопросы, связанные с появлением и укреплением молдавской феодальной государственности в Карпато-Днестровских землях.

Сегодня Лазарь Львович живет за пределами Республики Молдова, но его книги

помогают нам отстаивать молдавские символы, молдавскую политическую и этническую идентичность от всякого рода недоброжелателей.

6. Слово об ученом

Доктор истории ***Роман Рабинович****, Университет «Высшая антропологическая школа».*

Искренне рад решению редакции журнала «Stratum plus» посвятить этот номер издания известному молдавскому ученому-медиевисту Лазарю Львовичу Полевому. И не только потому, что я принадлежу к тому поколению читателей, которые, можно сказать, выросли на его книгах. Время, история подчас несправедливо поступают со своими исследователями. Лазарь Львович по праву относится к той немногочисленной, но очень яркой плеяде историков и археологов Молдовы (Г. Б. Федоров, П. В. Советов, П. П. Бырня, И. А. Рафалович и др.), которые не просто оставили заметный след в региональной отечественной медиевистике, но и составили ядро науки, суть эпохи, которую можно смело назвать «эпохой титанов». Значение исследований этих ученых шагнуло далеко за территориальные пределы исторической Молдовы.

Развал СССР и возникновение новых суверенных государств с соответствующей новой идеологией, в какой то мере, прервали линию преемственности в развитии исторических школ. Это обусловило создание современной ситуации, позволившей некоторым «независимым» от идеологии ученым рассуждать о марксистской зашоренности, гипертрофированной роли славян в молдавской истории, характерных для советской медиевистики. И здесь хотелось бы отметить, что именно труды Л. Л. Полевого в наименьшей мере подвергнуты подобным переоценкам. Причина очевидна и кроется в глубокой научной фундаментальности, особой эвристической ценности работ этого ученого, значение которых не могут умалить ни время, ни новые идеологические веяния. Ни одна серьезная профессиональная научная работа по ранней истории Молдавского государства до сих пор не в состоянии обойтись без обращения к монографии «Очерки исторической географии Молдавии XIII—XV вв.», хотя с момента ее издания прошло уже более 30 лет. Широко востребованы другие книги и статьи Л. Л. Полевого, посвященные молдавскому средневековью.

Пользуясь случаем, в рамках этих заметок о Лазаре Львовиче хотелось бы сказать немного еще об одной его работе, как мне кажется, недостаточно и неадекватно оцененной коллегами, хотя этой статьей они регулярно пользуются и на нее ссылаются. Речь идет об исследовании под названием «Формирование основных гипотез происхождения восточнороманских народностей Карпато-Дунайских земель. (Феодальная и буржуазная историография XVII — первая половина XX в.)», изданном в 1972 г. в сборнике «Юго-Восточная Европа в средние века». Наверное, можно было бы сказать, что значение этой работы обусловлено хотя бы ее объемом и количеством проработанной научной литературы: одно бы перечисление задействованных авторов заняло бы не одну страницу.

Однако оценку этой статьи, как мне думается, все же нужно давать совсем в другой плоскости. Л. Л. Полевой показал, как формировались представления и гипотезы происхождения восточнороманских народностей с момента возникновения в литературе интереса к этой проблеме — от молдавских и валашских летописцев, деятелей эпохи Возрождения. Затем он последовательно проанализировал точки зрения всех писавших об этом авторов последующего времени. Именно при таком «тотальном» подходе и удалось увидеть разнообразие, яркость многих высказанных идей, ряд блестящих догадок и гипотез, к сожалению, основательно «подзабытых» современной историографией. И вопрос, конечно, не исключительно в «забывчивости» исследователей этногенеза волохов. Это явление носит универсальный и объективный характер. Наукометрические исследования доказали, что постоянный рост науки (появление новых авторов) приводит к постоянному «сжатию» историографической информации, к «смещению» в группе предшествующих результатов. Поэтому периодическое возвращение и введение в научный оборот вновь позабытых, но наиболее полезных для современных исследований достижений прошлой историографии становится остро необходимым. Благодаря Л. Л. Полевому, нынешние историки происхождения волохов могут даже в рамках одной карпатской гипотезы «непрерывности» прорабатывать гораздо больший спектр идей, чем это диктует все еще популярное в интеллигентских кругах Румынии и Молдовы течение крайнего автохтонизма.

Так случилось, что в последние годы научная деятельность Лазаря Львовича Полевого протекает вдали от Родины, и посвящена она уже другим темам. Однако не сомневаюсь, отдается ей автор с не меньшей энергией и преданностью. От всей

души желаю Лазарю Львовичу Полевому здоровья и успехов.

7. Компьютер — лучший друг «Крепкого орешка»

Владислав Полевой, *экономист, в настоящее время — реабилитационный терапевт.*

Папа, мой брат и я эмигрировали в США в 1992 г. Практически с первых месяцев пребывания в новых условиях, при всей нашей неустроенности, папа начал работать над теперь почти уже двадцатилетним трудом. Одной из самых первых покупок стал компьютер. Папу в буквальном смысле слова невозможно было оторвать от «нового друга». При каждой свободной минуте, а поначалу много времени и сил уходило на устройство быта, папа садился к IBM (которому и всем последующим машинам было присвоено человеческое имя), и на это время все тяготы эмигрантского жития отходили на второй план — папа погрузился в совершенно новый ему мир.

Папа — человек основательный. Вот с этой присущей ему дисциплиной и аккуратностью он принялся изучать компьютер. Сейчас может делать любую работу с текстом, устранять многие технические неполадки. А недавно создал сам свой веб-сайт и выставил часть новой работы в интернете. К слову сказать, многие люди возраста папы просто боятся подойти к компьютеру.

Внешне папа не производит впечатления сильного человека: невысокого роста, худощав, скромен. Но когда дело касается действий, то это человек дисциплинированный, выдержанный, преданный. Подростком он потерял мать. Рос практически без отца, у которого появилась новая семья. Война, эвакуация, голодные послевоенные годы, долгие годы признания как ученого, потеря супруги, эмиграция и, наконец, недавний переезд с восточного побережья Америки на западное… Однако он жизнерадостен: я никогда не видел папу унылым, никогда не слышал жалоб на жизнь. Отец для меня — пример недосягаемый. Прожив сложную жизнь, полную драм и трагедий, он остается оптимистом, светлым и энергичным человеком.

Получая пособие по старости, папа мог бы просто наслаждаться жизнью, как некоторые его знакомые. В таком почтенном возрасте многие люди отходят от активной деятельности, но, к сожалению, а может, к счастью, он не может себе это позволить. Это не для папы. Его страсть — любимая работа и компьютер. Еще на нем хозяйство — папа варит отличные супы. А вот недавно и долгожданный внучок появился.

Папа любит повторять: «Как жаль, что я родился так рано». Он имеет в виду, что если бы родился в эпоху компьютеров, то обязательно бы стал компьютерщиком. Что ж, если бы это случилось, то я не писал бы сейчас эти строки…

8. Вещие Слова Учителя

Доктор хабилитат исторических наук ***Николай Руссев****, Университет «Высшая антропологическая школа».*

С учеными чаще знакомятся не лично, а заочно, посредством их статей и книг. Так произошло и у меня с Лазарем Львовичем. Будучи студентом Одесского университета, я три года (1977—1980) занимался западными окраинами Золотой Орды, поэтому не раз внимательно читал его работы. Месяца за два до окончания вуза мне на глаза попалась только что изданная «Историческая география Молдавии XIII—XV вв.» Л. Л. Полевого. Поскольку времени оставалось мало, а на руки книгу не выдавали, я ее лихорадочно конспектировал в читальном зале. Именно эта монография привела в порядок мои еще не очень глубокие знания, сделавшись важным событием в моей интеллектуальной жизни. Она, несомненно, способствовала тому, что в июне 1980 г. Государственная экзаменационная комиссия признала мою дипломную работу одной из лучших. Правда, выступивший на защите оппонентом проф. П. О. Карышковский сначала расхвалил меня, потом почему-то заметил: материалами и выводами из книги Л. Л. Полевого дипломант воспользовался далеко не в полной мере… Только многие годы спустя я понял, насколько был прав Петр Осипович. Этот эпизод вспоминаю всегда, когда вновь раскрываю зачитанную едва ли не до дыр «Историческую географию».

Следующая «встреча» с Лазарем Львовичем состоялась лет через шесть. К этому времени я уже три сезона под руководством П. П. Бырни участвовал в раскопках Старого Орхея, где познакомился с П. В. Советовым. Их я и попросил ознакомиться с рукописью одной из первых своих работ, посвященной политическому положению Монкастро (Белгорода на Днестре) в начале XIV века. Статью мне вскоре вернули с множеством замечаний, написанных убористо незнакомым и своеобычным почерком. Это была рецензия Л. Л. Полевого — глубокая и бескомпромиссная, но все же щадящая и даже поощряющая. Этот интеллигентно разделанный «под орех» скороспелый опус определил дальнейшую судьбу его автора. Благодаря поддержке трех выдающихся медиевистов Молдавии,

я прошел по конкурсу в Институт истории Академии наук МССР. Последнее слово в вынесении неформального решения, как я понимаю, принадлежало Лазарю Львовичу, который в 1987 г. стал моим научным руководителем.

Мы работали рядом над близкой тематикой всего пять лет. За это время я лучше вник в работы Лазаря Львовича, как зеркало отражающие его личность. Увидел очень серьезное отношение к самым разноликим вещам, очевидную немоту которых он методично превращал в красноречивые источники, чтобы только после этого сказать свое веское ученое слово. Ради него исследователь подсчитывал, анализировал, чертил, рисовал, подбирал иллюстрации… Словом, он овеществлял и осуществлял Историю.

По анкетным данным, уже тогда мой руководитель был «человеком пенсионного возраста», но многое делал гораздо быстрее и качественнее большинства молодых людей. Всегда поражала его осведомленность в научных новинках. Приходя в академическую библиотеку на выставку новых поступлений, я каждый раз искренне удивлялся, что в десятках книг и журналов уже были закладки с фамилией «Полевой». Он читал не только для себя, но «присматривал» литературу для коллег, включая и меня.

Именно благодаря Л. Л. Полевому мне повезло постигнуть истинный смысл до поры остававшегося загадочным словосочетания «чуткое руководство». Как руководитель диссертационной работы, он был предельно корректен и конкретен, ненавязчив, но готов всегда помочь, одновременно осторожен и строг в оценках. Силясь вспомнить, что же мне не нравилось по существу в руководителе, или хотя бы в его манерах, признаюсь, что до сих пор сказать нечего…

Никогда не забуду 1991 г., когда тысячи людей в умирающем на их глазах некогда «едином и могучем» СССР, мягко говоря, были абсолютно дезориентированы. Я это осознал в сентябре по возвращении из села после трехмесячного творческого отпуска, данного мне для завершения диссертации. Казалось, уже никому не было дела до вчерашних планов, надежд, забот. «Порвалась связь времен». Мою беспомощность усугубляли изменения, которые происходили в Институте истории в связи с «возродительным процессом» в Молдове, а также уходом из жизни в конце июля П. В. Советова. Первым в состоянии полной методологической (в самом широком смысле слова) растерянности обнаружил меня Лазарь Львович, к тому времени перешедший в Институт нацменьшинств. Он убеждал, что надо завершить и защитить кандидатскую диссертацию, но работа никак не клеилась. Тогда мой руководитель попросил все опубликованные статьи и писанные-недописанные сюжеты. Через три дня безобразный ворох листиков обрел контуры живой работы. Целая кипа бумаг была испещрена восклицательными и вопросительными знаками, галочками и стрелочками. Отдельные части работы «стильно сшили» странички с емкими микротекстами Л. Л. Полевого. В отдельную папку он аккуратно сложил «остатки» материалов, так сказать, на будущее. «Руководящая и направляющая сила» одной личности не замедлила дать положительный результат — к концу года диссертация была завершена, а в апреле 1992 г. защищена.

Я счастлив, дорогой Учитель, что в моей жизни есть ВЫ!

P. S.

Второй день с любопытством читаю в Интернете отрывки из аналитического справочника Л. Л. Полевого **«Русские евреи»** (http://russian-jews-refbook.org). Как подтвердил мне Алик — А. Л. Полевой, многие поклонники «всемирной паутины» с неподдельным интересом обсуждают эту работу. Совсем не удивительно, ведь из точно взвешенных слов ученого, как и прежде, рождаются изящные вещи!

Здоровья и сил Вам, Лазарь Львович! Долгих лет, наполненных творчеством и увенчанных новыми успехами!

И еще мы очень надеемся вновь видеть Вас среди авторов журнала *Stratum plus*.

Вместо заключения позволю себе только несколько фраз. Уже 18 лет Лазарь Львович живет за океаном. Впрочем, слова и вещи, которыми он столько лет блестяще занимался в Молдавии, остались здесь, подаренные нам, нашим детям и нашим потомкам. Они являются неотъемлемой частью славного прошлого Земли Молдавской, ее трудного настоящего и, надеюсь, счастливого будущего.

«Раннефеодальная Молдавия»

“Early Feudal Moldavia”
„Moldova feudală timpurie”

А. В. Балух

«Шипинская земля»: истоки и судьба

A. V. Balukh.

“Shipinskaya zemlya”: the origins and the destiny.

The article goes on to discuss the problem of the so called land of Shypyntsi, military and political relations between Poland and Moldavia in the context of the history of Northen Bukovina, the problem of Polish-Moldavian opposition and borderland cooperation in the reign of Alexander I the Kind (1400—1432) and the end of Shypyntsi land.

A. V. Balukh.

„Ţara Şepeniţului”: origine şi destin.

Prezentul articol examinează, în baza analizei surselor şi a literaturii monografice, originea şi destinul Ţara Şepeniţului (teritoriul actual al regiunii Cernăuţi) în calitate de un component important al statului moldovenesc din jumătatea sec. XIV pînă la mijlocul sec. XV.

А. В. Балух.

«Шипинская земля»: истоки и судьба.

В статье на основе анализа источников и монографической литературы проанализированы истоки и судьба Шипинской земли (современная территория Черновицкой области) как важной составляющей Молдавского государства с середины XIV до середины XV в.

Keywords: land of Shypynti, Moldavia, Poland, military and political relations, borderland, Alexander the Kind.

Cuvinte cheie: Ţara Şepeniţului, Moldova, Polonia, relaţii militar-politice, teritoriu de hotar, Alexandru cel Bun.

Ключевые слова: Шипинская земля, Молдавия, Польша, военно-политические отношения, пограничье, Александр Добрый.

При рассмотрении проблем военно-политических отношений в Центральной и Восточной Европе во второй половине XIV — середине XV вв. выявляется ряд вопросов, недостаточно исследованных в историографии. Это вопросы, связанные с военно-политическим развитием Шипинской земли и имеющие непосредственное отношение к истории Украины, прежде всего северной части Буковины. Указанная проблема в значительной степени отражена в трудах украинских исследователей, частично освещена в работах молдавских, польских, румынских и австрийских ученых.

Учитывая недостаточную изученность этой темы и наличие письменных источников, автор поставил цель — осветить истоки, военно-политическую историю и судьбу Шипинской земли от первого упоминания и до ее исчезновения из поля зрения средневековых авторов.

Упадок Галицко-Волынского княжества, в состав которого входили территории между верховьями Сучавы и Средним Днестром и некоторые другие, спровоцировал посягательства со стороны соседних стран. В 40-х гг. XIV в. внутреннюю жизнь Восточно-Карпатского региона определяли четыре силы: Золотая Орда, союзные Польша и Венгрия и противостоявшая им Литва.

В ряде источников второй половины XIV в., запечатлевших польско-молдавские и польско-венгерские отношения, территория нынешней Черновицкой области упоминается под названием «Шипинская земля». Согласно документам, она находилась под властью господарей Молдавии, однако не считалась ее

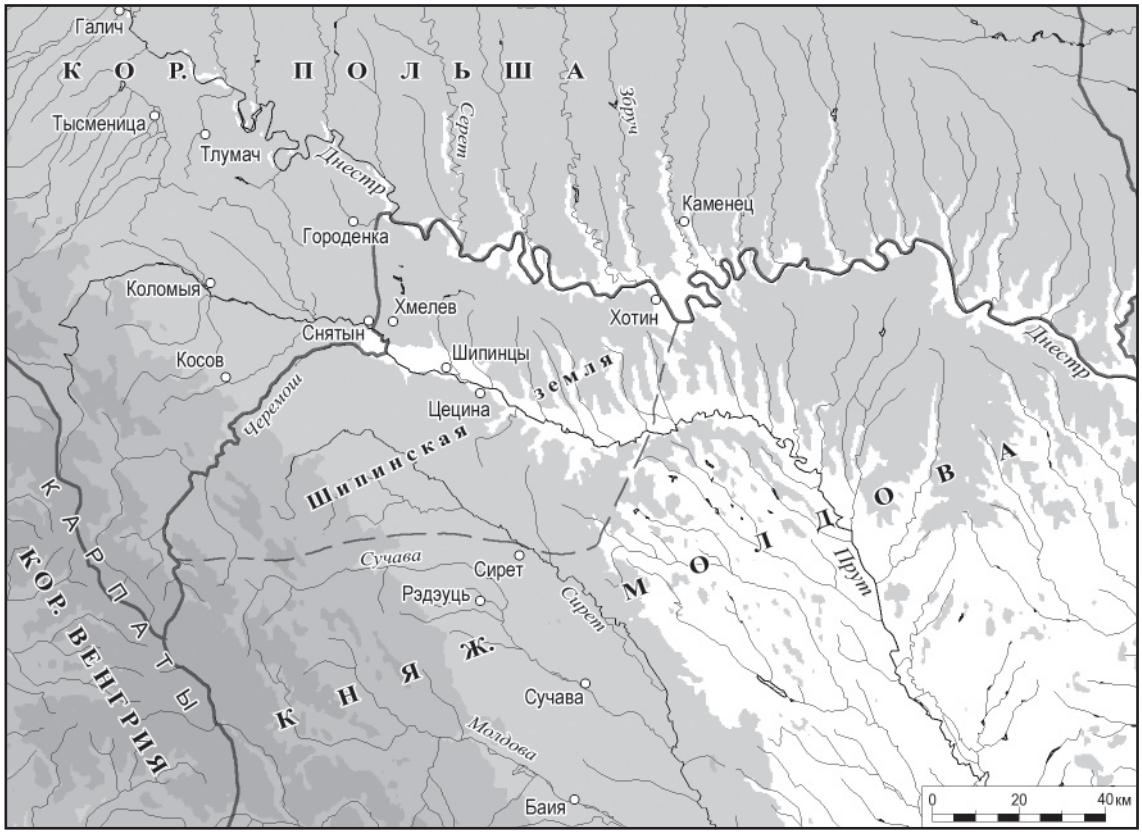
©А. В. Балух, 2010.

интегральной частью. Из-за недостаточности документальных сведений почти невозможно определить причины такого особого положения этой территории (Балух 2008: 150).

Следует отметить, что с ослаблением политических связей с Галицкой Русью в данном регионе прослеживается политическое и военное доминирование воевод и «князей» из Марамуреша (Ардял, Трансильвания), а также венгров, стремившихся подчинить эти территории (Болован, Поп 2005: 182—183; Чучко 2008: 20). Воспользовавшись нападением польских войск на Галичину, венгерский король Людовик (Лайош I) Анжуйский (1342—1382) перешел Карпаты и овладел землями в долине р. Молдова, «на краю татарских кочевий» (СМЛ 1976: 57), а Польша тогда же окончательно завоевала Галицкую Русь. После захвата бывших земель Галицко-Волынского государства между Карпатами и средним течением р. Прут в южной ее части около «1350 года образовалось Молдавское воеводство» (ЦГИА УЛ. Ф. 765. Оп. 1. Д. 13. Л. 5).

Под 1367 г. польский историк Ян Длугош (1415—1480) впервые упомянул о Шипинской земле, освещая события похода Казимира III Великого в Молдавское воеводство. Для короля Польши это был формальный повод «вернуть» территорию, ранее принадлежавшую Галицкой земле, которая в ходе захвата оказалась под венгерским господством (Боднарюк 2000: 224).

По-видимому, речь шла о Шипинской земле — территории, расположенной между верхним течением Сирета и Средним Днестром. Ян Длугош называет Шипинскую землю «враждебной территорией», граничащей с Покутьем (Dlugossii 1874: 277). Правда, непосредственный повод к вторжению поляков в эту область хронолог изложил слишком субъективно, исходя из реалий своего времени. Он писал, что в 1367 г. в Молдавии умер воевода, который имел двух сыновей — Петра и Стефана (Dlugossii 1874: 277). Власть в стране захватил младший сын Петр, который, видимо, ориентировался на Венгрию, поэтому историк отметил, что воевода Петр опирался на «венгерских наместников». Его старший брат Стефан обратился за помощью к королю Казимиру III, что, согласно Длугошу, и послужило поводом к походу. Польское войско в составе 11 хоругвей, сформированных из рыцарства Краковской, Сандомирской, Люблинской и Русской (Галицкой) земель, перешло 30 июня границу и вступило на Шипинскую землю. Разгромив мелкие молдавские отряды, поляки углубились в «обширный и длинный лес, который валахи называют Плонинами» — «пущу пу-

Карта 1. Шипинская земля.

стую и неурожайную, не вспаханную и необитаемую людьми» (Dlugossii 1874: 277). Войско воеводы Петра заранее подрезало деревья вдоль лесной дороги и неожиданно повалило их на польские отряды (Dlugossii 1874: 278). Рыцарство понесло большие потери, уцелевшие попали в плен к молдаванам. «А тот лес густой со временем был вырублен и в этом месте возникли обработанные поля» (Dlugossii 1874: 278). Разделяя точку зрения А. Масана, мы считаем, что описанные события происходили на территории нынешней Кицманьщины, земли которой осваивались, скорее всего, благодаря плодородным почвам (Масан 2005: 32). Летописец также сообщает, что воевода Петр отбил польское вторжение «с помощью венгров» (Ureche 1990: 29—30). Таким образом, поход королевского войска в Шипинскую землю закончился полным поражением.

Долгое время историки, вслед за Я. Длугошем и его продолжателями — Б. Ваповским, М. Мехновским, М. Кромером, М. Бельским, М. Стрыйковским и другими, придерживались традиционной даты этого похода — 1359 г. (Балух 2008: 5). Однако А. Чоловский считал, что воеводство образовалось еще до 1349 г., а вторжение поляков могло состояться между 1365 и 1369 гг. (Czolowski 1890: 25). Такие исследователи, как А. Горка и З. Сперальский (Spieralski 1964: 149—152), относили это событие к 70-х гг. XIV в., а Ч. Чиходару и С. Горовей — к 1367 или 1369 гг. (Gorovei 1997: 118).

По мнению И. Чаманской, на территории Молдавии государственный уклад возник еще до 1359 г. Существовавший там «самодеятельный государственный центр» лишь номинально подчинялся венгерскому королю. Причем очаг недовольства должен быть уже достаточно сильным, ведь в 1359 г. Богдан I смог открыто восстать против Венгрии. Именно это могло дать польской стороне основание вмешаться в молдавские дела (Czamańska 1996: 33). С другой стороны, король Польши Казимир III поддерживал союзные отношения с Венгрией и вряд ли атаковал бы территорию, которая официально считалась венгерской (Czamańska 1996: 36).

И. Чаманская также предполагает, что южнее Шипинской земли существовал еще один отдельный очаг с центром в г. Серет, который, как и Шипинская земля, находился сначала под влиянием Галицкой Руси. Родом из Серета была Маргарета Мушата (Margaretha de Sereth) — мать будущих молдавских господарей Петру I Мушата и Романа I. Она и ее сыновья могли быть представителями древней династии, правящей в Серете, впоследствии Маргарета Мушата была устранена Богданом I (Czamańska 1996: 37). Исследовательница считает, что поход польского войска мог состояться в 1359 г., когда Богдан захватил Серет. Польский король, как наследник Галицкой Руси, претендовал на власть в городе и рассматривал его захват как очередной этап подчинения русских земель. И. Чаманская отмечает, что только в период между 1355 и 1359 гг. Серет мог быть объектом польско-венгерского политического спора и только на этой территории король Польши мог вмешаться, не вступая в открытый конфликт с Венгрией (Czamańska 1996: 38). Однако эта гипотеза не подтверждена источниками.

В сложившихся обстоятельствах на территории Шипинской земли, вероятнее всего, существовала «отдельная земля», которая сначала управлялась упомянутым Я. Длугошем воеводой, а позже его сыном Петром (Масан 2005: 33).

Румынский историк К. Резакевич акцентирует внимание на том, что дата этой битвы и ее локализация долгие годы оставались в польской и румынской историографиях дискуссионными и до конца не определенными. Исследователь отмечает, что «Хронике» Я. Длугоша не вполне можно доверять, поскольку в ней многие факты придуманы или искажены. Большинство современных исследователей согласились, что битва произошла в 1367 г., а не в 1359 г., как считалось ранее (Rezachevici 1998: 74—75). Эти события отражены в одной «Хронике», посвященной Молдавии, которую обнаружил К. Резакевич в Кракове (CMC 2006). Он предложил собственную версию локализации этой битвы, считая, что она произошла на территории Шипинской земли. Свой вывод исследователь сделал на основе филологического анализа текста «Краковской хроники», связывая его с реалиями исторической географии. Автор предполагает, что термин, который там встречается — «połonina» — это «тропа». В итоге исследователь утверждает, что битва могла состояться не в лесу на равнине, а в горном лесу южнее Днестра, на востоке в направлении «Гор Плонины». К. Резакевич окончательную привязку делает, исходя из того, что в XIV—XV вв. в румынской топонимике и на румынских картах название «Горы Плонины» идентифицируется с территорией, расположенной как раз на Шипинской земле. Согласно исторической географии, этим термином в те времена обозначались земли, которые располагались по обеим сторонам главного пути, шедшего вдоль р. Прут (в ее северной

части) через Снятин на Черновцы (Rezachevici 1998: 75).

Итак, с 1367 г. связана первая попытка польской короны распространить свою власть на земли, вошедшие в состав Молдавского воеводства. Эта попытка завершилась неудачно, польское рыцарство потерпело поражение в Шипинской земле (в нынешней Черновицкой области). Учитывая это, сообщение Я. Длугоша о походе польского войска в Молдавию следует считать вполне достоверным, несмотря на дискуссионность его даты.

По мнению Я. Длугоша, молдавские воеводы — это местные властители с Шипинской земли. Старший брат Стефан опирался на военную помощь Польши, а младший — Петр — на «венгерских наместников». Как справедливо отмечает А. Масан, управление в Шипинской земле сразу двух воевод подтверждается фактом распространения воеводских правительств в западноукраинских землях в течение XIV в. (Масан 2005: 33—34).

Название «Шипинская земля» начали употреблять, прежде всех, поляки. Территория, на которую претендовали и Польша, и Венгрия, не имела единого политического и даже административного центра, поскольку таких центров было три: Хотин, Цецино и Хмелев. Первым же относительно значимым населенным пунктом на пути из польских владений в Молдавию были Шипинцы. Для польских дипломатов и населения Галичины территория, лежавшая за Шипинцами и не имевшая собственного названия, была землей Шипинской. За ней находились густые леса, называемые «буковины», а еще дальше на юг — Молдавская земля (Масан 1993: 31).

В историографии утвердилось мнение, что Шипинская земля представляла собой автономную украинскую территорию в составе Молдавского воеводства. Однако ни в одном из исследований суть этой автономии не раскрыта, а реальность ее ничем не аргументирована. В частности, Б. Тимощук пришел к выводу, что «Шипинская земля — это часть Галицкой Руси, которая с середины XIV в. попала под власть молдавских бояр. В составе Молдавского воеводства она некоторое время сохраняла автономию, которая постепенно терялась» (Тимощук 1973: 21). Согласно А. Жуковскому, «Шипинская земля составляла часть Галицкого королевства; после его упадка Шипинская земля недолгое время была независимой (1340—1349 гг.), чтобы с 1349 г. признать господство Польши. Шипинская земля существовала при своем самоуправлении, чтобы в конце XIV в. часть ее попала под Молдавию» (Жуковський 1991: 30). По мнению М. Кордубы, «Шипинская земля до середины XIV в. в качестве автономного образования принадлежала татарам», а «около 1358 г. находилась уже в составе Молдавского государства вместе с Покутьем, принадлежавшим ей до 1393—1394 гг.» (Кордуба 1906: 162, 164, 166, 171). И. Новосивский считал, что «вместе с Покутьем оказалась в фактическом владении Польши и территория Буковины <…> после 1342 г., а в 1387 г. король Ягайло (Владислав II) захватил Галичину, вместе с частью Буковины, минимум т. н. Шипенецкую (Шипинскую) землю» (Новосівський 1956: 850—851).

Б. Тимощук также считал, что политическим центром Шипинской земли были Шипинцы (Тимощук 1973: 21). Но ему оппонирует А. Масан, который убежден, что Шипинцы никогда не были политическим центром одноименной «земли», как и Куты — центром соседнего Покутья (Масан 2005: 29).

Название «Шипинская земля» происходило от села Шипинцы (теперь Кицманского района). Жители рассказывают, что название возникло от русского (древнеукраинского) слова «шепчет» — шипит, поскольку здесь раньше находились болота, которые шипели, когда проходили через них (Фішер 2000: 187).

В Шипинской земле издавна проживало русинское (украинское) население. Особенно много украинских поселений существовало между Днестром и Прутом, в верховьях рек Сучава и Сирет. Они состояли из 25—30 жилищ каждое, и в них проживало более 30 тыс. человек, или около 30% всего населения Молдавии (ИМ 1987: 342).

Основной административно-территориальной единицей продолжала оставаться «держава», или «волость», которую возглавляли старосты-державцы. В основном это были местные бояре, в том числе и украинские. Резиденции старост-властителей (позднее — пыркалабов) располагались, как правило, в крепостях (ХІН 2002: 66—67).

Северные владения Молдавского воеводства, названные поляками «Шипинская земля», состояли из трех волостей: Хотинской, Цецинской и Хмелевской. Волостные центры одновременно были и оборонительными пунктами. В грамотах они назывались «градами», то есть укрепленными поселениями. Это подтверждается и археологическими материалами (Тимощук 1973: 21).

Однако Польша не оставляла надежды присоединить молдавские владения. Среди других территорий Молдавского воеводства она выделяла именно Шипинскую землю, ибо

эта территория составляла часть исконных галицких земель, оторванных от Галицкой Руси в середине XIV в. Польский король считал себя наследником Галичины и включал в свою титулатуру выражение «дедич Руси» (Масан 1993: 31).

Однако после смерти Казимира III династия Пястов перестала существовать, а власть в Польше занял, по условиям польско-венгерской династической унии, его старый союзник Людовик I, правивший как польский король в 1370—1382 гг. С приходом к власти Людовика I в Польше управляющим «Русского королевства» (Галичины) с 1372 г. был назначен Владислав Опольский (Опольчик), сыгравший существенную роль в венгерских планах относительно Молдавии и Подолья (Юсяк 1999: 81—83). Очевидно, после смерти молдавского господаря Лацку в 1374 г. Владислав Опольский совершил поход в Молдавию и посадил на молдавский трон своего ставленника Юрия (Журжа), который правил в течении трех лет (Юсяк 1999: 83; Czamańska 1996: 46). Для обеспечения поддержки нового воеводы венгерские гарнизоны располагались на северных границах Шипинской земли, т. е. в Среднем Поднестровье, в частности, в Цецине (Пивоваров, Федорук 2006: 84). Найденные предметы вооружения, а также свинцовая печать, в круговой надписи которой четко читается слово «woewod», свидетельствует о пребывании в этой крепости не молдавского, а именно владиславова гарнизона (Пивоваров 2003: 214). Возможно, долина р. Прут в пределах Шипинской земли также оказалась под властью Владислава Опольского, потому что укрепление Цецинского замка было реконструировано по той же схеме, что и Перебыковского (Масан 2005: 34), а также то, что в результате археологических раскопок на горе Цецин были найдены идентичные предметы вооружения — болты от арбалетных стрел, панцирные пластины, монеты Людовика Венгерского и т. д. (Тимощук 1982: 97—99). Для археологов «болты» от арбалетных стрел являются своего рода показателем наличия венгерских гарнизонов или других «западноевропейских» войск.

Молдавский воевода Юрий (Журж), который правил в течение трех лет, не смог долго отстаивать интересы Владислава Опольского в этом регионе, а поэтому в конце 1377 г. из-за антивенгерских и антикатолических беспорядков с семьей и своими сторонниками вынужден был бежать в Галичину, где получил богатое наследие от князя Владислава (Масан 2006: 65; Юсяк 1999: 83).

Возможно, вдохновителем заговора и убийства князя Юрия, а также бегства Журжа в Польшу, был Петр Мушат (Параска 1980: 78). Он и стал господарем Молдавского воеводства, основав династию Мушатинов, которая правила страной до середины XVI в. Поэтому можно утверждать, что и Шипинская земля попала под власть новоизбранного молдавского господаря (Масан 2005: 35).

После смерти Людовика I (сентябрь 1382 г.) резко обострились венгерско-польские отношения, в частности, из-за галицких земель, на которых во время уний двух государств была установлена венгерская администрация.

Весной 1387 г. польское войско начало изгнание венгерских наместников из галицких земель на Прикарпатье, а летом — из Галича (Грабовецький 1997: 114). У Петра Мушата была возможность воспользоваться этим, чтобы установить свою власть над Шипинской землей и ее замками. Однако, учитывая вышеизложенное, он вынужден был прибегнуть к дипломатическому демаршу, чтобы сохранить власть над северными и восточными районами государства (Параска 1981: 23). У него были все основания опасаться наступления поляков на Шипинскую, а возможно, и Молдавскую земли. Положение Молдавии было очень непростым. На севере с ней граничила мощная Польша, на западе — Венгерское королевство, на востоке достаточно опасными соседями были татары. Эти могущественные соседи только и выжидали момента, чтобы захватить территории Молдавии. Поэтому 26 сентября 1387 г. воевода Петру I и его бояре, лично прибыв во Львов, составили вассальную присягу польскому королю Владиславу II Ягайлу и королеве Ядвиге (Hurmuzaki 1890: 295—296; Costăchescu 1932: 599—600), тем самым окончательно разорвав любые отношения с Венгрией, а также положив начало более чем 100-летней тесной связи Молдавии с Польшей.

Король Владислав II принял на себя роль гаранта целостности Молдавского воеводства, а вопрос об аннексии Шипинской земли он решил не поднимать (Боднарюк 2000: 225). Договор 1387 г. фактически снял основания для территориальных недоразумений между Польшей и Молдавией.

Союзный характер отношений Польши и Молдавии подтверждают и условия ссуды, предоставленной воеводой Петру I Владиславу II. Эта ссуда была доказательством того, что Шипинская земля принадлежала Молдавскому государству. В январе — феврале 1388 г. король Польши у молдавского господаря, «зятя и друга нашого, одалживали

нам (польскому королю. — А. Б.) 4 тысячи рублей фряжского серебра», обязавшись вернуть их через 3 года. В случае невозврата кредита Петр Мушат, его брат Роман и их потомки получали в залог город Галич с волостью и право пользоваться ими до тех пор, пока король не отдаст все 4 тыс. рублей (АИЗР 1846: 22—23; Costăchescu 1932: 605; Ieremia 1992: 18). Итак, если бы Шипинская земля в это время принадлежала Польше, то король отдал бы именно ее как предмет залога. Учитывая это, Шипинская земля должна была находиться за пределами владений польской короны. Из этого следует, что обладать ею мог только воевода Молдавии.

В начале 90-х гг. XIV в. Польша начала «собирать» галицкие земли, попавшие под власть других государств. Такую политику начал Владислав II в 1393 г., когда фактически отобрал Подольскую землю, прогнав князя Федора Корятовича. Едва ли не единственным активным союзником последнего выступил молдавский господарь Роман I, войско которого помогало оборонять подольские крепости. Он понимал, что после Подолья придет очередь и Шипинской земли (Масан 1993: 31). Отметим, что количество поселений, размещенных на территории Хотинской, Цецинской и Хмелевской волостей в последней трети XIV в., составляло 87 сел, 4 города и городка при общем количестве жителей 13680 человек (Боднарюк 2007: 62).

Свидетельством того, что к 1395 г. города Цецин и Хотин принадлежали Молдавскому государству, является «Список городов дальних и ближних», составленный в конце XIV в.: «А это имена всем градам <…> Чечун (Цецунь, Цецин), Коломыя, Городок на Черемоше, на Днестре Хотень, а это волоские грады» (СУЗ 1990: 38).

Итак, «на Днестре Хотень» вошел в состав Молдавии во второй половине XIV в. как город с каменной крепостью. Последнюю построили, как свидетельствуют археологические материалы, во второй половине XIII в. на месте более древней славянской деревянной крепости. Первая каменная крепость была небольшой — в XIII—XIV вв. она занимала площадь 2 га, но играла важную оборонительную роль (Тимощук 1973: 23). Хотин находился на перекрестке торговых путей, возле удобной важной переправы через реку Днестр. Гранича с владениями Польши, город и его крепость имели важное стратегическое значение для Молдавского государства.

Кроме Хотина, в состав Шипинской земли входили «грады» Цецин и Хмелев. Цецин размещался на одноименной горе правого берега Прута, на западной окраине Черновцов, и был каменным замком-башней. Известно, что площадка диаметром 50 м, в центре которой стояла каменная башня, размещалась на вершине горы высотой 541 м. По археологическим данным, каменная крепость на горе Цецино была построена в XIV в. на месте славянского городища. Возможно, ее построили молдавские хозяева с целью укрепления государственной границы (Пивоваров 2006: 80—81; Тимощук 1969: 135). Исследование руин башни показали, что в свое время она имела круглую форму, а диаметр ее составлял 20 м. Внутренняя площадь башни была приспособлена под жилые помещения (Тимощук 1982: 97). В Цецинской крепости жили воины, охранявшие границы Молдавского государства. Остатки их оружия (наконечники стрел, меч, фрагменты кольчуги и пр.) найдены во время раскопок. Крепость реконструировали во второй половине XIV в., когда территория Шипинской земли попала в состав Молдавского воеводства. В 1395 г. название замка и появилось в документальных и летописных источниках (Масан 2006: 129—130; Тимощук 1969: 135). К тому времени Цецин был административным центром обширной территории, охватывающей всю северо-западную часть Буковины, а также служил укрепленной резиденцией старост. Таким образом, каменный замок на горе Цецино имел сугубо военное назначение.

Дискуссионным остается вопрос о местонахождении «города Хмелева», или «Хмелова». Первое упоминание о Хмелеве относится к началу 1395 г. и содержится в послании молдавских бояр к польскому королю (Грамоти XIV ст. 1974: 125—126; Costăchescu 1932: 610), а также трижды упоминается в 1433, 1436, 1444 гг. (Costăchescu 1932: 661, 706, 721). Местоположение этого города неизвестно. Р. Ф. Кайндль полагал, что Хмелев, согласно более поздним данным, находился недалеко от нынешнего села Иванковцы (Кайндль 2005: 10). Позже некоторые исследователи отождествляли его с городищем второй половины XIII—XIV в., исследованным возле с. Карапчив (нынешний Вижницкий район Черновицкой области). В свое время Б. Томенчук выдвинул предположение, что Хмелев нужно отождествлять с Перебыковским городищем на Днестре. Эту гипотезу поддерживают также А. Масан, И. Возный и др. (Возний 2000: 99—100). Хотя названное городище вошло в научный обиход как Перебыковское (по названию соседнего села), но расположено оно рядом с с. Зеленая Липа, которое до 1946 г. называлось

Хмелевым. В справочниках автобусных сообщений соответствующая остановка обозначена как Хмелев Вал (Возний 2005: 152). Если сравнить археологические материалы этих двух городищ, то предпочтение нужно отдать наименованию «Перебыковское». Здесь линии обороны достигали 135 м в длину, тогда как в Карапчиве — всего 60 м. Конструкции оборонительных сооружений первой крепости были более сложными и современными (характерными для XIV в.), а второй — традиционные. На Карапчивском городище найдено только одно острие стрелы и остатки керамики. Среди находок на Перебыковском городище немало остатков оружия и снаряжения, инструментов и украшений. В последнее время Карапчивское городище, находившееся в урочище Городок, отождествляют с «Городком на Черемоше» (ХІН 2002: 68). Однако мы не поддерживаем ни одной из упомянутых выше версий, поскольку найденные на Перебыковском городище материалы относят примерно ко второй половине XIII в. Кроме того, исходя из геополитической ситуации конца XIV — первой половины XV вв., Карапчивское городище невозможно связать с «городом» Хмелев, на который претендовала Польша. Новые работы по изучению памятника, осуществленные под руководством Л. Михайлины и С. Пивоварова, также решительно отвергают эти версии (Пивоваров 2003: 120). Очевидно, что «город» располагался в совершенно другом месте. Этот вопрос требует дополнительных исследований.

Свидетельством того, что Шипинская земля входила в состав Молдавского воеводства и в последующие годы, может быть охранная грамота с разрешением когда угодно ездить в Сучаву в сопровождении своих людей, выдана 3 января 1397 г. воеводой Стефаном новому подольскому державцу Спитку из Мельштына (Costăchescu 1932: 616). В документе среди бояр-гарантов также упомянуто имя тогдашнего старосты Хотина — «Stephanus de Chotin», т. е. Степан Хотинский. И это не случайно, потому что первой крепостью на пути из Каменца к Сучаве был Хотин, а дальше путь проходил через Хотинскую часть Шипинской земли (Масан 2005: 37). Эти переговоры вызваны необходимостью покончить с последствиями сотрудничества воеводы Романа с Федором Кориатовичем и установить добрососедские отношения с подольским старостой, сюзереном которого был польский король (Czamańska 1996: 62). Пребывание сторонников Федора Кориатовича в Шипинской земле свидетельствовало о том, что господарь Молдавии не был польской марионеткой, а занимал самостоятельную позицию.

В 1400 г. борьба за господарский престол развернулась между сыном Петра Мушата — Ивашком и Александром — сыном Романа Мушата. Находясь в Бресте и ожидая помощи от Польши, Ивашко принес вассальную присягу на верность королю Владиславу и князю Витовту — 9 декабря 1400 г. (Costăchescu 1932: 619; в этом издании указана ошибочная дата 25 марта). По этому соглашению Ивашко обязывался быть верным польскому королю и обещал при условии прихода к власти отказаться от ссуды королю его отца Петра I и права на залог Покутья (Грамоти XIV ст. 1974: 148; Ульяницкий 1887: 11—12). Кроме того, Ивашко обещал «отступить» польскому королю «Шипинскую землю вместе со всеми городами, что есть в ней, к старой границе». Это свидетельствует, во-первых, о том, что она находилась под властью молдавского господаря, и, во-вторых, что польская сторона проявляла к ней особый интерес. Именно в этой грамоте данная территория впервые упомянута под названием «Шипинская земля». Под этим названием следует понимать область за селом Шипинцы, а значит, Северную Буковину (Кайндль 2005: 11). По мнению И. Новосивского, «отступить земли <…> Шепинской» означало «вернуть ее обратно», что является неправильным переводом слова «отступить» (Новосівський 1956: 852). Автор скорее согласен с А. Масаном, который считает, что в документе речь шла о передаче Шипинской земли, а не о ее возвращении (Масан 2005: 37). У польского правительства не было оснований утверждать, что воеводы захватили земли, некогда принадлежавшие Польше. Молдавская сторона могла предоставить веские аргументы о том, что Шипинскую землю первые воеводы получили еще на службе Венгрии, а последующие получили ее в наследство.

Резонным является утверждение, что поляки по-прежнему требовали от молдавских воевод Шипинскую землю, но их требования не были аргументированными, ибо эту территорию первыми получили после упадка Галицко-Волынского государства воеводы Молдавии, поэтому Польша не имела оснований «возвращать ее обратно» (Боднарюк 2000: 226).

В польской историографии бытовало мнение, что в 1400 г. король Польши передал Шипинскую землю своему брату князю Свидригайлу, хотя это утверждение справедливо опроверг еще М. Грушевский (Грушевський 1993: 476). Но к «отступлению» Шипинской земли королю Польши дело так и не дошло, поскольку сын Петра Мушата — Ивашко никогда не приходил к вла-

сти в Молдавском воеводстве. Власть в государстве и престол с весны 1400 г. принадлежала сыну Романа Мушата — Александру I. В летописи об этих событиях написано так: «В лето 6907 месяца 23 апреля стал Александр воевода хозяином Молдавский земли» (СМЛ 1976: 24). Следовательно, с 1400 г. в Молдавском воеводстве утвердилась власть сына бывшего воеводы Романа I Мушата — Александра, который властвовал на протяжении тридцати двух лет. За ним закрепилось прозвище «Добрый» (Балух 2008: 175). Сближение Польши и Молдавии произошло в Каменце 1 августа 1404 г. в результате личных присяг господаря и его бояр на верность польской короне (Costăchescu 1932: 625). В частности, среди молдавских бояр был и «господин Хотько Цяцинский», так в молдавском делопроизводстве назывался староста-державец, т. е. «господин Хотько» был старостой Цецинской волости в Шипинской земле (Масан 2005: 38). Хотько, очевидно, потомок семьи, проживавшей здесь еще со времен Галицко-Волынского государства, управлял значительной территорией, ведь Цецинская волость простиралась от села Урвиколеса (в пределах нынешней Новоселицы) вплоть до Шипинцев и от реки Сирет до Днестра. Волости назывались еще «державами», поэтому старосты «держали» их от имени господаря. Кроме того, слово «урядувати» передавалось выражением «держать ряд» (Nistor 1910: 37). Шипинская земля оставалась в составе Молдавии, а господарь Александр I, очевидно, удерживался от выдвижения каких-либо претензий на Покутье, во всяком случае в первые годы своего правления.

О налаживании польско-молдавских отношений свидетельствует также оживление торговых связей. 8 октября 1408 г. господарь Александр I выдал львовским и подольским купцам «Оуставицьство о пошлинах» (ИС 1965: 40—43). Кстати, в историографии не всегда точно указываются время и место издания документа, что принципиально важно, поскольку в этой грамоте упоминание о городе Черновцы впервые точно датировано. М. Грушевский считал, что «привилегий» был «выдан воеводой Александром львовским купцам в 1407 г., во время его пребывания во Львове» (Грушевський 1994: 59). Однако Р. Ф. Кайндль доказал еще в начале XX в., что правильной датой является 1408 г. (Кайндль 2005: 26, 293). Интенсивность польско-молдавских отношений в начале XV в. была связана также с тем, что между Польшей и Литвой, с одной стороны, и государством Немецкого ордена в Пруссии, с другой, назревала война. Союзницей последней в конце 1409 г. стала и Венгрия, которая выступила не только против польско-литовского блока, но и против Молдавии (ОВИМК 1987: 36—37). Согласно предварительным договоренностям, господарь Александр I должен был направить военную помощь Польше для борьбы с немецкими рыцарями (Балух 2008: 176). Помощь полякам составляла 800 «валахов», которые расположились над р. Нарев, т. е. в непосредственной близости от Пруссии (Kuczyński 1987: 555). А. Масан и А. Федорук считают, что отряд «валахов» Александра I Доброго, направленный Владиславу II, составлял именно 800 воинов. Ученые также доказали, что формирование этого отряда происходило прежде всего в Шипинской земле, которая была единственным регионом, не нуждавшимся в тщательной защите, ибо эта территория граничила с союзной в то время Польшей (Масан та ін. 2003: 62). Таким образом, упомянутый отряд «валахов» в действительности состоял из русинов и молдаван. Во главе отряда, возможно, стоял один из старост Шипинской земли. Прежде всего, это мог быть староста Цецинской волости, западная и северная границы которой совпадали с польско-молдавской границей. И все же пребывание отряда «валахов» в составе союзных войск Владислава II не вызывает сомнений (Ciobanu 1985: 30).

Как для Молдавии, так и для Польши внешняя угроза со стороны Венгрии все еще существовала. Следовательно, в случае реальной опасности, на какие силы мог бы рассчитывать Александр I Добрый? В начале XV в. молдавское войско делилось на несколько частей. «Малое войско» — постоянно действующая военная сила, состоявшая из больших и малых бояр, которые вынуждены были выступать со своими дружинами. Они назывались «четами». Кроме них, в «малое войско» входили цинутные ополчения — «стяги», управляемые пыркалабами (руководили гарнизоном крепости и принадлежавшей ей округи). В случае необходимости созывалось также «большое войско», состоявшее преимущественно из вооруженных крестьян и ремесленников (ИМССР 1965: 119).

Чрезвычайно важным элементом военной организации были крепости Хотин, Цецин, Хмелев, Сучава, Сорока и др., которые в основном составляли пограничную защитную систему, направленную на сдерживание натиска врага и позволявшую господарю созвать войско.

В первой половине XV в. в Молдавии насчитывалось около 27200 крестьянских дво-

ров, каждый из них обязан был предоставить хотя бы одного воина. Итак, в начале XV в. крестьянское ополчение могло составлять от 10 до 25 тыс. человек, что свидетельствовало о мощном военном потенциале. Значит, при необходимости Александр I вместе с ополчением и наемными подразделениями смог бы выставить войско в 30 тыс. воинов (Масан, Федорук 2003: 61—62).

Учитывая внешнюю угрозу со стороны Венгрии в конце мая 1411 г., Александр I Добрый принял новую присягу на верность королю Владиславу II, которая предусматривала взаимопомощь «напротиву кролю оугорському» (Costăchescu 1932: 638). Таким образом, Польша четко и однозначно отказалась от посягательств на территориальную целостность и нерушимость границ Молдавии. Прежде всего данные гарантии касались границ именно Шипинской земли, поскольку только она по состоянию на 1411 г. граничила с польскими владениями.

Свидетельством того, что и после 1411 г. Шипинская земля принадлежала Молдавии, является раздача земельных наделов господарем Александром I своим боярам и родственникам, в частности: в 1412 г.— «Вышня Чернавка», в 1413 г.— «Большой Кицман с приселками» и др. (Costăchescu 1931: 98, 101—102).

Несмотря на споры после Грюнвальдской битвы, король Польши Владислав II вынужден был сблизиться с Венгрией. Встреча двух королей закончилась подписанием в Любовле договора о мире и союзе 15 марта 1412 г. (Hurmuzaki 1890: 485—486). По его условиям Сигизмунд I не препятствовал Александру I, воеводе молдавскому, быть вассалом польской короны. Если турки и «неверные» напали бы на Венгрию большими силами, то король Владислав II должен был поручить Александру I поспешить со всей своей силой (войском) на помощь. Однако в случае невыполнения приказа оба короля имели полное право войти на территорию воеводства, сбросить господаря и разделить его владения (Балух 2008: 177). Относительно Шипинской земли в союзном договоре было сказано следующее: «большие леса, которые называются Буковиной, расположенные между этой землей Молдавии и Шипинской землей, начиная с гор или венгерских королевских Альп, тянущиеся вдоль Сирета к другому, меньшему, лесу, названному Буковиной, вплоть до реки Прут, должны быть разделены посередине» (Hurmuzaki 1890: 485—486). Достаточно интересным представляется тот факт, что данное союзное соглашение, как указывает и А. Масан, четко различало Шипинскую и Молдавскую земли, указывая на природный рубеж между ними, т.е. на лесные массивы Большой и Малой Буковины, которые были расположены вдоль Верхнего Сирета и Сирето-Прутского водораздела (Масан 2005: 39). По мнению черновицкого ученого, это и была «старая граница» Шипинской земли, упомянутая в документе воеводы Ивашка от 9 декабря 1400 г. (Масан 2005: 39). Цитируемый отрывок свидетельствует о расширении границ Шипинской земли: на западе ее граница проходила между Снятином и Хмелевом, на востоке границей была линия, соединявшая Хотин и Сирет, на юге она простиралась до лесов, расположенных над Прутом и Сиретом, на севере — достигала Днестра.

Несмотря на это, уже в 1415 г. состоялась личная встреча Александра Доброго с польским королем в Снятине, т.е. на границе Шипинской земли, где молдавский господарь составил новую вассальную присягу, текст которой не сохранился (Morgenbesser 1892: 52; Nistor 1910: 37—38). Относительно польско-молдавского приграничья следует отметить, что Шипинская земля была сравнительно заселенным краем. Ее население в начале XV в. могло насчитывать более 13 тыс. человек, что позволяло сформировать довольно значительную армию (Полевой 1979: 94—96). Кроме поселений, существовавших здесь с давних времен, на ее территории в XV в. возникло много новых сел. Возникновение новых поселений было связано в первую очередь с ростом числа местного населения. В каждом селе путем естественного прироста постоянно увеличивалось количество жителей, а община уже не могла прокормить их. Поэтому часть жителей того или иного населенного пункта вынуждена была оставлять свои жилища и переселяться на новые, неосвоенные земли.

О появлении новых поселений в результате увеличения количества обитателей указывает следующий пример. В грамоте 1413 г. упоминается село «Большой Кицмань со всеми приселками, к нему принадлежащими, а именно Суховерхов, Хливище, Давыдовцы» (Costăchescu 1931: 101). А уже в грамоте 1503 года указано, что «в Кицмань входят <…>Хавриловцы и Хливище и Давыдовцы, и Кливодинул и Блудна, и Суховерхов, и Чаплинцы, и Валява» (Costăchescu 1931: 224). Можно сделать вывод, что за 90 лет «Большой Кицмань» увеличился в размерах с трех до восьми хуторов, а это значит, что появилось пять новых населенных пунктов, которые и теперь существуют как отдельные села.

Однако в начале 30-х гг. XV в. в отношениях Польши и Молдавии произошли значительные изменения. Прослеживается сближение господаря Александра I Доброго с Свидригайлом, пытавшимся занять великокняжеский престол Литвы (Балух 2008: 179). Поэтому уже летом 1431 г., когда начались военные действия между польскими и литовскими войсками, Александр I, помогая Свидригайлу, напал на Покутье, а также на Галицкую и Каменецкую земли, опустошив часть Подолии и сжег Снятин и Коломыю (КМВ 1856: 610). Однако польские военные отряды догнали войско господаря Александра I при переходе через р. Днестр и разбили его, в результате чего была захвачена Шипинская земля вместе с Хотином (Czamańska 1996: 72). Как отмечал М. Бельский, «едва с того поражения сам воевода Александр бежал и затем быстро умер из большого сожаления» (КМВ 1856: 610). 1 января 1432 г. завершилось правление господаря Молдавии Александра I Доброго.

В начале 1432 г. господарем Молдавии стал старший сын Александра I — Илияш, который, очевидно, определенное время должен был считаться со Стефаном (Стецько) как титулованным соправителем. Они сначала сохраняли союз с Свидригайлом, который 15 мая 1432 г. созвал в Кристеле съезд своих союзников — рыцарей Немецкого ордена из Пруссии и Ливонии и «от поручителя воеводич Ильи и Стефана» (Грушевський 1993: 200). На переговорах их представлял боярин Богуш (Czamańska 1996: 87). Стороны возобновили трехлетний союз, направленный против Польши. Зимой и весной 1433 г. состоялись польско-молдавские пограничные столкновения, происходившие, безусловно, и на Шипинской земле (Масан 2005: 40). Неудачи в этих столкновениях показали нереальность планов Молдавии относительно захвата Покутья, поэтому других причин для конфронтации с Польшей у господаря не было. И уже в начале лета 1433 г. воевода Илияш попытался уладить конфликт с Польшей, отказавшись от союза с князем Свидригайлом и обнаружив готовность присягнуть на верность королю Владиславу II (Грушевський 1993: 215). Попытки примирения вылились в вассальные грамоты, изданные 3 и 5 июня 1433 г. на латинском и старославянском языках (Costăchescu 1932: 648—653). Судя по развитию событий, Владислав II не доверял обещаниям Илияша, а сделал ставку именно на Стефана (Czamańska 1996: 93). В октябре 1433 г. произошел государственный переворот, в результате которого Стефан захватил сучавский престол (СМЛ 1976: 25). Новый господарь Стефан II, не теряя времени, 13 декабря 1433 г. через своих послов заключил договор с Польшей, согласно которому он признал себя вассалом Владислава II (Costăchescu 1932: 654—657). В данном документе упоминаются города Шипинской земли: Цецин и Хмелев. Отдельным актом король оформил возвращение господарю Шипинской земли (Costăchescu 1932: 660—661). Следовательно, есть основания полагать, что в течение 1432—1433 гг. эти крепости находились в польских руках.

По этому акту «городы Цецин и Хмелев» с соответствующими волостями были предоставлены Стефану II в наследственное владение, но в случае неповиновения молдавского господаря или его измены король Владислав II мог вообще отобрать эти волости. То есть король Польши закрепил свое главенство покрайней мере над частью Шипинской земли. Следовательно, между двумя государствами был восстановлен союз в форме сюзеренитета Польши над Молдавией.

Как известно, Шипинская земля состояла из трех волостей (Цецинской, Хмелевской и Хотинской). Однако в цитируемом выше документе названы лишь «городы Цецин и Хмелев». Наверное, Хотинская волость не упоминалась потому, что этим документом Польша закрепляла свое верховенство над теми землями, которые граничили с ней, то есть за Цецинской и Хмелевской волостями, а Хотинская волость граничила с Подольем. Это обстоятельство и объясняет отсутствие в документах название «Шипинская земля».

О принадлежности обозначенной волости к Молдавскому воеводству свидетельствует таможенная привилегия, выданная львовским мещанам 18 марта 1434 г. Стефаном II. Текст документа мало чем отличался от текста 1408 г. и предусматривал уплату пошлин львовскими купцами «в Черновцах» и «в Хотине» (Costăchescu 1932: 669).

В договоре 1433 г. также упоминается и польско-молдавская граница: «Между нашим городом Снятин, а меж Шепинци, которые же Шепинци к валахам принадлежат, между ними река Колачин делит, и от реки Колачина, прямо поперек поля Болохова до великой реки Днестра, выше села Потока (принадлежащее Молдавии) и от того села Днестром до моря» (Costăchescu 1932: 660—661). Из текста видно, что граница проходила от р. Прут до р. Колачин, потом Днестром к морю. Кстати, современная граница между Галичиной и Буковиной в Пруто-Днестровском междуре-

чье начинается у села Кулачина и тянется по р. Колачин.

В августе 1435 г. в воеводстве воцарилось «двоевластие», в результате чего Молдавия была разделена: господарь Илияш получил в свое владение Верхнюю, т. е. северную Молдавию («Цара де Сус») с резиденцией в Сучаве, в состав которой входила и Шипинская земля, а Стефан II получил Нижнюю, южную часть с резиденцией в Васлуе (Costăchescu 1932: 681—682).

Положением в воеводстве воспользовалась Польша и ее король, который был гарантом данного соглашения, получив широкие возможности для усиления влияния на Молдавию, т. е. для вмешательства в ее внутренние дела. После длительных переговоров с польским правительством, 19 и 23 сентября 1436 г. Илияш принес королю Владиславу III вассальную присягу во Львове. В ее тексте говорилось, что господарь «дает, дарит и возвращает» польскому королю «землю Шипинскую, которую Молдавская земля от короны имела, с городами <…> Хотинь, Цецунь и Хмелевь, и со всеми волостями, городами и селами», в качестве компенсации «на веки вечные» (Costăchescu 1932: 706—707; Czamańska 1996: 97). Господарь также отказывался от всех уступок, сделанных ранее польским королем в документах, изданных господарем Молдавии. Но до реальной передаче Шипинской земли дело так и не дошло. Она продолжала оставаться в составе Молдавского воеводства, хотя некоторые историки считали, что в 1437 г. она реально перешла к полякам (Kaindl 1903: 20—21). З. Сперальский считал, что «Илияш <…> с возвращением Шипинской земли не спешил» (Сперальский 2001: 25). Во главе ее волостей стояли молдавские старосты — Мануил в Хотине и Штефул в Цецине (Costăchescu 1932: 62, 65—66). Воевода Илияш, принимая меры по недопущению аннексии Шипинской земли, ибо не был уверен в сохранении власти, передал Хотин, Цецин и Хмелев с волостями своей жене княжне Марии (сестре королевы Польши Софии Гольшанской). Она отдала акты на владение этими волостями польским дипломатам (Балух 2008: 40). В то же время в правление воеводы Илияша I отсутствуют грамоты о передаче сел, расположенных в Шипинской земле. Если это не случайность, связанная с потерей документов, то Илияш не был уверен в сохранении власти над ней.

Видимо, взвесив все «за» и «против», правительство Польши решило не спешить с реализацией условий львовского соглашения. Как отмечает А. Масан, «аннексия Шипинской земли могла бы усилить провенгерское настроение среди молдавских бояр» и населения, «дав повод Венгрии требовать от Польши исполнения тех пунктов соглашения 1412 г., касающихся разделения Молдавского воеводства» (Масан 2005: 45).

С 1436 г. термин «Шипинская земля» перестает упоминаться в документах, возможно, потому, что это название не получило распространения в самой Молдавии, а еще потому, что Польша постепенно сняла свои претензии на эти земли, ведь «Шипинская земля» — это название, которое использовала именно польская дипломатия для обозначения северных районов Молдавии.

Молдавский господарь Петр Арон в середине 50-х гг. XV в. провел «своего рода административно-территориальную реформу». В результате этого были ликвидированы Хмелевская и Цецинская волости, но образована Черновицкая волость (Боднарюк 2000: 233; БІН 1998: 27, 31) с ее новым административным центром — Черновцами.

Свидетельством того, что Петр Арон на территории Шипинской земли образовал две волости (Черновицкую и Хотинскую) вместо трех бывших (Цецинской, Хотинской и Хмелевской) является господарская грамота от 1 апреля 1457 г. (Costăchescu 1932: 809—810). Это была сделка, заключенная между молдавским воеводой и чиновниками соседних территорий Польши, в частности, старостой Подолии — Бартошем Бучацким, и старостой снятинским, коломыйским и королецким — Мужилом Бучацким. Петр Арон также назначил «на границе в Хотинской и Черновицкой волости двух господ справедливых и именованных, <…> чтобы один был нам старостой Хотинским, а второй Черновицким уставичем» (Costăchescu 1932: 809—810). Эти нововведения в условиях осложнения международной обстановки в регионе повергли в небытие проблему Шипинской земли и само ее название.

Таким образом к середине XIV в. территория северных волостей Молдавии (современной Черновицкой области) входила в состав Галицко-Волынского государства. Однако в результате его упадка и распада регион между верховьями Сучавы и Средним Днестром попал под власть молдавских господарей под условным названием «Шипинская земля». Но на эту территорию претендовали Польша и Венгрия, поэтому борьба за овладение ею продолжалась и дальше. Важным вопросом остается принадлежность этой земли к тому или иному государству в 70-х гг.

XIV в. Однозначный ответ невозможен из-за нехватки документальных материалов, однако ее можно отнести к владениям Петра Мушата, который был тогда господарем Молдавии. Развитие Молдавского государства, а вместе с ним и Шипинской земли, происходило в очень непростых внутренних и внешних условиях. С образованием польско-литовского блока в рамках Кревской унии Петр I Мушат (1377—1391) вынужден был признать в 1387 г. польский сюзеренитет над Молдавией, обеспечив тем самым территориальную целостность и ее защиту от других государств, в частности, Венгрии и Золотой Орды, а также сохранив Шипинскую землю с крепостями Цецин, Хотин и Хмелев. В течение первой трети XV в. военно-политическое положение Шипинской земли отмечено стабильностью. Господарь Александр I сумел сохранить всю полноту власти над Шипинской землей, которая продолжала входить в состав Молдавии. В период междоусобной борьбы, охватившей Молдавию в 30—50-х гг. XV в., Польша ужесточила вмешательство во внутриполитическую борьбу, поддерживая одних претендентов на престол против других и используя эту ситуацию для большей зависимости воевод как вассалов короны. Несмотря на это, к середине XV в. территория Шипинской земли оставалась под властью молдавских воевод, а проведенная в середине XV в. административно-территориальная реформа сняла проблему Шипинской земли.

Литература

АИЗР 1846. *Акты, относящиеся к истории Западной России*. Т. 1: 1340—1506 гг. Санкт-Петербург: б. и.

Балух О. 2008. Історія північної частини Буковини у контексті молдавсько-польських військово-політичних відносин за часів Олександра I Доброго (1400—1432 рр.). *Питання історії України*. Т. 11, 175—181.

Балух О. В. 2008. Особливості польського сюзеренітету над Молдавією та військово-політичне становище її північних волостей у період князівських міжусобиць 30—50-х років XV ст. *Сумська Старовина* XXIV, 37—48.

Балух О. 2008. Перехід «Шипинської землі» під владу молдавських воєвод у другій половині 70-х — 90-х рр. XIV ст. *Буковинський журнал* 2, 150—157.

Балух О. 2008. «Шипинська земля» та битва за «Плонини» 1359 року. *«Розвиток наукової думки — 2008»* 1, 4—6.

БІН 1998. Буковина: історичний нарис. Ботушанський В. М. (відп. ред.). Чернівці: Зелена Буковина.

Боднарюк Б. М., Масан О. М. 2000. Шипинська земля в міжнародних договорах кінця XIV — першої половини XV ст. *Питання історії України* 4, 221—237.

Боднарюк Б., Чучко М. 2007. Етнодемографічні процеси на Буковині в XV — останній чверті XVIII ст.: загальні тенденції та особливості розвитку (III). *Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології* 2, 62—69.

Болован И., Поп И. А. 2005. *История Румынии*. Москва: Весь мир.

Возний І., Масан О. 2000. Де лежав середньовічний «город» Хмелів. *Археологічні студії*. 99—112.

Возний І. П. 2005. *Поселення X—XIV ст. у межиріччі Верхнього Сиретy та Середнього Дністра*. Ч І. *Укріплені поселення та давньоруські міста*. Чернівці: Золоті литаври.

Грабовецький В. 1997. *Нарис історії Галича: З найдавніших часів до початку XX ст*. Галич: Райдрукарня.

Грамоти XIV ст. 1974. Пещак М. (отв. ред.). Київ: Наукова думка.

Грушевський М. С. 1993, 1994. *Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн*. Т. 4, 6. Київ: Наукова думка.

Жуковський А. 1991. *Історія Буковини*. Ч. 1. Чернівці: Час.

ИМ 1987. *История Молдавской ССР*. В 6-ти т. Т. 1. Кишинев: Картя Молдовеняскэ.

ИМССР 1965. *История Молдавской ССР. С древнейших времен до 1917 г*. В 2-х т. Т. 1. Кишинев: Картя Молдовеняскэ.

ИС 1965. *Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в.: Документы и материалы*. В 3-х т. Т. 1. Москва: Наука.

Кайндль Р. Ф. 2005. *Історія Чернівців від найдавніших часів до сьогодення*. Чернівці: Зелена Буковина.

Кордуба М. 1906. Молдавсько-польська границя на Покутю до смерти Стефана Великого. *Науковий збірник присвячений професорови Михайлови Грушевському*, 158—184.

Масан О. 2005. Буковина як об'єкт міжнародних відносин з давніх часів до 1774 р. В: Ботушанський В. М. (відп. ред.). *Буковина в контексті європейських міжнародних відносин (з давніх часів до середини XX ст.)*. Чернівці: Рута, 9—168.

Масан О. 2006. Середньовічний Цецин в історіографії XIX — початку XXI ст. *Питання історії України* 9, 128—132.

Масан О. 2006. Чернівці: перша писемна згадка на тлі історії міста в XV — на початку XVI ст. *Буковинський журнал* 2, 63—74.

Масан О., Федорук А. 2003. Русько-молдавський загін в битві під Грюнвальдом (з історії міжнародних зв'язків населення Буковини на початку XV ст.). *Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології* 2, 59—67.

Масан О. М. 1993. Шипинська земля: передісторія, устрій та статус. *Вісник Центру буковинства* 1, 24—35.

Новосівський І. М. 1956. Буковина в міжнародних договорах. В: Квітковський Ф. (відп. ред.). *Буковина — її минуле і сучасне*. Париж; Філадельфія; Детройт: Зелена Буковина, 849—869.

ОВИМК 1987. Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя четверть XIV — начало XIX в.). В: Драгнев Д. М. (отв. ред.). Кишинев: Штиинца.

Параска П. Ф. 1981. К вопросу о молдавско-польских отношениях конца XIV — первой трети XV в. (О займе 1388 г.). *Известия АН Молдавской ССР* 3, 21—31.

Параска П. Ф. 1980. Территориальное становление Молдавского феодального государства во второй половине XVI в. *Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.)*, 62—87.

Пивоваров С. В. 2003. Озброєння воїна XIV ст. з Середнього Подністров'я (за даними археологічних розкопок в с. Зелена Липа. *Матеріали V конгресу Міжнародної асоціації україністів* 1, 120—124.

Пивоваров С. В. 2003. Середньовічне озброєння з городища XIV ст. в Зеленій Липі. *Археологічні студії* (2), 204—215.

Пивоваров С., Федорук А. 2006. Цецинська кам'яна вежа: з історії середньовічних поселень на території Чернівців (XIII—XV ст.). В: Доброжанський О. В. (відп. ред.). *Науковий вісник Чернівецького національного університету* 323—324, 80—85.

Полевой Л. Л. 1979. *Очерки исторической географии Молдавии XIII—XV вв.* Кишинев: Штиинца.

Сперальский З. 2001. *Молдавские авантюры*. Бэлць: б. и.

СМЛ 1976. *Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв.* Москва: Наука.

СУЗ 1990. *Споконвічна українська земля. Історичні зв'язки Північної Буковини з Росією і Наддніпрянською Україною: Документи і матеріали*. Ужгород: Карпати.

Ульяницкий В. А. 1887. *Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв.* Москва: Типография Университета.

Тимощук Б. О. 1982. *Давньоруська Буковина (X — перша половина XIV ст.)*. Київ: Наукова думка.

Тимощук Б. О. 1969. *Північна Буковина — земля слов'янська*. Ужгород: Карпати.

Тимощук Б. О. 1973. Шипинська земля за археологічними даними. *Минуле і сучасне Північної Буковини* 2, 21—26.

Фішер Е. 2000. Топографічний опис населених пунктів. *Зелена Буковина. Серія «Історія і краєзнавство»* 1—2, 81—201.

ХІН 2002. Доброжанський О., Макар Ю., Масан О. *Хотинщина: історичний нарис*. Чернівці: Молодий буковинець.

Чучко М. К. 2008. *«И възят Бога на помощь»: соціально-релігійний чинник в житті православного населення північних волостей Молдавського воєводства та австрійської Буковини (епоха пізнього середньовіччя та нового часу)*. Чернівці: Книги-XXI.

ЦГИА Украины в г. Львов. Ф. 765. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.

Юсяк П. 1999. Оточення князя Владислава Опольчика в період його правління на Русі (1372—1379). *Вісник Львівського університету: Серія історична* (34), 81—93.

Ciobanu V. 1985. *Ţările române şi Polonia. Secolele XIV—XVI*. Bucureşti: Editura Academiei RSR.

CMC 2006. Cronika Moldovei de la Cracovia. Sec. XIII — începutului sec. XVII. C. Rezachevici (отв. ред.). Bucureşti: Meronia.

Czamańska I. 1996. *Mołdawia i Wołoszczyzna wobec Polski, Węgier i Turcji w XIV i XV wieku*. Poznań: Państw. Wyd. Naukowe. UAM.

Czolowski A. 1890. *Początki Moldawii i wyprawa Kazimierza Wielkiego r. 1359*. Lwów: Nakładem autora.

Gorovei Ş. S. 1997. *Întemeierea Moldovei: Probleme controversate*. Iaşi: Editura Universităţii A. I. Cuza.

Costăchescu M. 1931, 1932. *Documentele moldoveneşti înainte de Ştefan cel Mare*. Vol.1—2. Iaşi: Viaţa Românească.

Dlugossii J. 1874. *Historiae polonicae libri XII*. T. III. Cracoviae: Czas.

Hurmuzaki E. 1890. *Documente privitoare la istoria Românilor*. Vol. I. P. 2. Bucureşti: s. e.

Kaindl R. F. 1903. *Geschichte der Bukowina*. Czernowitz: H. Pardini.

KMB 1856. Kronika Marcina Bielskiego. T. 1. Sanok: K. Pollak, 1—699.

Kuczyński S. M. 1987. *Wielka wojna z Zakonem Krzyżackim w latach 1409—1411*. Warsźawa: Wyd-wo Min. Obrony Narodowej.

Ieremia I. 1992. *Moldova in contextul relaţiilor politice internationale. 1387—1858*. Chişinau: Universitas.

Morgenbesser A. 1892. *Przyczynek do dziejów Mołdawii od założenia państwa aż do wygasnicia dynastii Dragosza*. Lwów: Nakładem autora.

Nistor J. J. 1910. *Die moldauischen Ansprüche auf Pokutien*. Wien: Hölder.

Rezachevici C. 1998. *Istoria popoarelor Vecine şi Neamul Românesc în Evul Mediu*. Bucureşti: Editura Albatros.

Spieralski Z. 1964. W sprawie udzialu Moldawian w bitwie pod Grunwaldem. *Zapiski Historyczne*. T. XXIX, 7—14.

Ureche G. 1990. Letopiseţul Ţării Moldovei <…> de la Dragoş-vodă pîna la Aron-vodă. В: Ureche G., Costin M, Neculce I. *Letopiseţul Ţării Moldovei: Cronici*. T. Celac (отв. ред.). Chişinău: Hyperion, 23—118.

Статья поступила в номер 25 марта 2010 г.

Aleksey Balukh (Chernivtsi, Ukraine). Candidate of historical sciences. Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University.

Aleksey Balukh (Cernăuţi, Ucraina). Candidat în ştiinţe istorice. Universitatea de stat „I. Fedykovich" din Cernăuţi.

Балух Алексей Васильевич (Черновцы, Украина). Кандидат исторических наук. Черновицкий Национальный университет им. Ю. Федьковича.

E-mail: alekseybalukh@yandex.ru

И. П. Возный

Классификация городищ X—XIV вв. в междуречье Верхнего Сирета и Среднего Днестра по топографии и планировке оборонительных сооружений

I. P. Vozny.

Classification of Settlements of 10th and 14th Centuries on the Territories of Upper Siret and Middle Dniester Based on Topographical Location and Planning of Defense Constructions.

The article considers the problems of classification of settlements of 10th and 14th centuries on the territories of Upper Siret and Middle Dnister. Based on topographical location of settlements of studied territories they are divided into those located on promontories, on a ridge, on the edge of a natural obstacle, on the plain. Based on interconnection of plan construction of defense structures and topographical environment of location all fortified settlements of Bukovyna are divided into simple and complex. It is investigated that structures of defensive lines can be dismembered or solid.

I. P. Vozny.

Clasificarea cetăţuilor din sec. X—XIV în interfluviul Siretului superior şi Nistrului de mijloc după criteriul topografic şi al planificării elementelor defensive.

Articolul examinează problemele legate de clasificarea cetăţuilor din sec. X—XIV din interfluviul Siretului superior şi Nistrului de mijloc. După criteriul amplasării topografice a cetăţuilor, ele pot fi divizate în: cetăţui de promontoriu, cetăţui amplasate pe creastă, pe limita unui obstacol natural, pe un loc plat. După criteriul interrelaţiei dintre structura planigrafică a elementelor defensive şi condiţiile topografice de amplasare a cetăţuilor, toate aşezările fortificate din Bucovina pot fi divizate în simple şi compexe. S-a constatat, că structura liniilor defensive era dezmembrată sau neîntreruptă.

И. П. Возный.

Классификация городищ X—XIV вв. в междуречье Верхнего Сирета и Среднего Днестра по топографии и планировке оборонительных сооружений

В статье рассматриваются проблемы классификации городищ X—XIV вв. междуречья Верхнего Сирета и Среднего Днестра. По топографическому размещению городища исследуемой территории разделяются на: мысовые, расположенные на гряде, на краю естественного препятствия, на ровной местности. По взаимосвязи плановой структуры оборонительных сооружений и топографическим условиям расположения городищ все укрепленные поселения Буковины делятся на простые и сложные. При этом прослежено, что структура оборонительных линий бывает расчлененной или сплошной.

Keywords: fortified settlement, contiguous fortifications, overlapping fortifications, structure of defense lines.

Cuvinte cheie: cetăţuie, fortificaţii învecinate, fortificaţii suprapuse, structura liniilor de apărare.

Ключевые слова: городища, смежное размещение фортификаций, совмещенное расположение укреплений, структура оборонительных линий.

© И. П. Возный, 2010.

Проблема классификации укрепленных поселений Сирето-Днестровского междуречья по их внешним признакам начала привлекать внимание исследователей еще во второй половине XIX в. Одним из первых, кто положил начало изучению этого вопроса, был профессор Черновицкого университета Раймунд Фридрих Кайндль (Михайлина, Пивоваров 2000: 34—45; Фрунчак, Фантух 1998: 90—91). Он на протяжении 1899—1900 гг. проводил археологические разведки поселений на правом берегу Днестра, и результатом этих обследований стало открытие остатков древнерусского города Василева (Kaindl 1901: 47—48). Изучением городищ на территории края занимался также другой профессор Черновицкого университета В. Милькович (Михайлина, Пивоваров 1997: 242—249). В 1908 г. он исследовал остатки оборонительных укреплений второй половины XIII—XIV вв. на горе Цецын под Черновцами (Milkowicz 1908). Словом, австрийские ученые-краеведы положили начало исследованию древностей региона, сделав немало для их изучения и введения в научное обращение.

В межвоенный период местные достопримечательности исследовал археолог-краевед Евзыбий Лазарь. Он провел археологическое обследование ряда средневековых памятников края, а материалы исследований под названием «Раскопки с княжеских времен» опубликовал 14 июня 1936 г. в газете «Самостоятельность» (Пивоваров 1998: 36—38). Однако исследователи конца XIX — первой половины XX вв., в основном, уделяли внимание описанию найденных памятников и не проводили их типологизации.

Следующий этап в изучении древнерусских городищ Сирето-Днестровского междуречья начался после Второй мировой войны и длился до конца 70-х годов XX в. Он связан с деятельностью Б. А. Тимощука. Под его руководством были проведены археологические разведки и раскопки на многих древнерусских укрепленных поселениях (Тимощук 1953; 1959: 250—257; 1960/23; 1962/24; 1966/86; 1968/77; 1969: 335—337; 1969/40; 1976/135; 1970: 291—292; 1971: 187—190). Он положил начало составлению археологической карты северной части Буковины. Опираясь на материалы массового изучения древнерусских городищ Сирето-Днестровского междуречья, Б. А. Тимощук разработал собственную социальную типологию городищ. Однако, он почти не уделял внимания проблемам формально-типологической классификации городищ.

В 80—90-е годы XX вв. на территории края дело Б. А. Тимощука продолжали его ученики. Исследованиями славяно-русских городищ занимался Л. П. Михайлина, который сосредоточил основное внимание на изучении древностей культуры Луки-Райковецкой. Однако в своих публикациях он лишь изредка касается проблем типологизации и социальной классификации славянских укрепленных поселений (Михайлина, Возний 1990: 14—16; 1993: 5—13; Михайлина 1997: 21—31; 2002: 24—29; 2007: 57—68).

В 80-е годы XX ст. на территории края плодотворно работал М. А. Филипчук, который исследовал княжескую крепость X—XI вв. в с. Коростувата и древнерусское городище в с. Черновка (Тимощук, Филипчук 1982/58).

Проблемами изучения эволюции древнерусской культуры на территории Буковины начал в последние годы заниматься С. В. Пивоваров (Пивоваров 1999: 154—160; 2000: 74—91; 2001: 133—142; 2004: 70—80; Пивоваров, Чеховський 2000). Его статьи дополняют звенья, которых недостает по проблеме изучения славяно-русских укрепленных поселений, однако они имеют сугубо описательный характер. В них дается описание обнаруженного материала и не обращается внимание на социально-типологические признаки исследуемых объектов.

В это же время на исследуемых территориях активно работал Б. П. Томенчук, который провел значительные раскопки в летописном Василеве, Непоротовом, Молодии, Карапчеве. Благодаря этим раскопкам были открыты и исследованы оборонительные сооружения городищ, оборонная башня, которая прикрывала въезд на детинец Василева (Томенчук 1977/52; 1978/68; 1980/47; 1984/169; 1985/61; Томенчук, Тимощук 1977).

Древнерусские памятники Сирето-Днестровского междуречья XII — первой половины XIII вв. ряд лет исследует и автор (Возний 1996: 72—74; 1997: 13—25; 1997а: 213—225; 1999: 174—188; 2005; 2009).

Но все исследователи древнерусских городищ региона, в основном, изучали достопримечательности с точки зрения их функционального назначения. При этом социальную сторону данной проблемы они не задевали или же касались бегло.

По нашему мнению, характер каждого городища можно определить только после раскопок всей площади, когда проявятся его типологические отличия от других категорий поселений. Потому проблема укрепленных поселений может быть решена окончательно только в результате раскопок сплошными площадями памятников данного типа и окружаю-

щих территорий, на что не раз указывали ведущие археологи (Куза 1985: 39—51; Раппопорт 1967: 8; Тимощук 1982: 5).

Таким образом, археологическая классификация городищ — дело достаточно важное. Ее задача заключается в том, чтобы дифференцировать городища по самым существенным, формальным признакам: по условиям топографического размещения, по степени зависимости планировки от рельефа местности, структуре оборонительных сооружений и т. п. Так составляется источниковедческая основа для более углубленных исторических исследований (Кучера 1999: 11).

На территории Сирето-Днестровского междуречья известно 32 городища конца X—XIV вв. (карта 1). Относительно этого числа среди исследователей есть определенные расхождения. Так, С. В. Пивоваров насчитывает лишь 25 укрепленных поселений, не указывая их местонахождение (Пивоваров 2004: 70). М. П. Кучера приводит данные о 31 городище (Кучера 1999: 205—210). Но при этом исследователь относит к укрепленным поселениям рубежа X—XI вв. городища в Белой, Садгоре (ур. Красная Глина) и XII — первой половины XIII вв. Онут. Вместе с тем, на первых двух на площадках, укрепленных оборонительными сооружениями, материалы XI в. археологически не засвидетельствованы. Они обнаружены на открытых поселениях, которые находились неподалеку (Тимощук 1976: рис. 11; 1982: 185—186; 1990: 146, 175). Обитатели этих поселений, очевидно, обслуживали военные гарнизоны княжеских крепостей, размещенных на господствующих высотах Цецын и Горишних Шеровцах. Что же касается Онута, то здесь укрепления не обнаружены, на что уже указывали исследователи (Пивоваров 2000: 91—99; Тимощук 1982: 181). Поэтому, на наш взгляд, определение его в качестве городища кажется сомнительным. В то же время М. П. Кучера не упоминает такие городища, как Бабин, Горошивцы, Дорошивцы, Капливка, Снячив. По этому предложенное нами число 32 представляется более достоверным (Возний 1999: 174—188).

На некоторых городищах были проведены разведочные раскопки, но на большинстве из них исследования сводились к незначительному шурфованию и съемкам планов. По этой причине их археологическая классификация чрезвычайно усложнена. Для определения конструкции оборонительных сооружений на некоторых городищах проводились раскопки валов, отдельных объектов на укрепленных площадках (Ленковцы на Пруте, Горишние Шеровцы, Молодия, Недобоивцы), и лишь один памятник — Черновское — раскопан полностью.

За последние годы заметно возросло техногенно-антропогенное влияние на окружающую среду, в том числе на достопримечательности истории и культуры, расположенные на территории современных городов и сел. Некоторые из них оказались полностью снивелированными, поэтому исследование данной категории археологических объектов должно быть безотлагательным и глубоким.

Планировка городищ региона почти не отличается от размещения на местности подобных памятников других областей Древней Руси X—XIV вв. (Раппопорт 1956: 22, 23). В стратегическом отношении все городища расположены очень выгодно, на высоких мысах, в районе многочисленных балок и оврагов. Благодаря такому географическому

Карта 1. Городища X—XIV вв. Сирето-Днестровского междуречья:
а — городища-княжеские крепости; б — городища-феодальные замки; в — городища-сторожевые крепости; г — городища-святилища; д — городища неустановленного типа.

Фото 1. Мысы, на которых размещены городища: А — Ленковцы на Днестре; Б — Капливка; В — Дорошевцы

положению они являли собой труднодоступные оборонительные укрепления.

К оборонительным сооружениям зодчие выставляли конкретные требования: во-первых, они должны были быть труднодоступными для врага, но защищаться минимальным количеством защитников; во-вторых, укрепления оборонного комплекса должны были сооружаться в максимально короткий срок с наименьшей затратой труда и ресурсов; в-третьих, при возведении укреплений нужно было учитывать жилую площадь для воинов, а также для населения из окружающих поселений (Рожко 1993: 152). Топография городищ и их планировка находятся в тесной взаимосвязи. В большинстве случаев планировка зависит от топографических условий, поэтому оборонительные сооружения городищ возводились по-разному в соответствии с особенностями их расположения. И топография, и планировка принадлежат к числу признаков, которые характеризуют внешний вид городищ. Следовательно, классификация городищ по топографии и планировке фактически означает деление городищ на типы по внешним признакам.

Внешний вид городищ часто зависит от естественно-географического и общественно-исторического факторов — топографических условий размещения на местности и влияния на их планировку тактических приемов ведения боевых действий в разные хронологические периоды, местных традиций и т. д. В этой связи при классификации городищ необходимо отличать те особенности рельефа, которые влияли на форму укрепленной площадки и, одновременно, использовались для ее защиты.

П. А. Раппопорт в своей классификации по данным параметрам выделил лишь два типа городищ: островные и мысовые (Раппопорт 1967: 67). Некоторые археологи выделяют среди городищ мысовые, островные, круглые и сложные (АПВЗ 1990: 135). М. П. Кучера по топографическому положению разделил городища на шесть типов: расположенные останце (холме), мысу, краю естественного препятствия, гряде, возвышении, ровной местности (Кучера 1999: 13).

Городища размещенные на исследуемой территории можно разделить следующие типы:

а) мысовые, которые ограничены естественными препятствиями с двух или трех сторон. Их форма повторяет очертания мыса, который они занимают. К таким городищам можно отнести укрепленные пункты X—XI вв. в Рухотине, XII — XIV вв. в Непоротовом, Нагорянах, Кулишевке, Дарабанах, Перебыковцах, Ленковцах на Днестре, Горишних Шеровцах, Васловивцах, Молодии, Василеве (Хом), Капливке и др. (рис. 1: Б, В, И; 2: А, Б, В; 3: А, Г, Д, Е; 4: А, В; фото 1) (Кучера 1990/12: 4—7; Тимощук 1960: 164—166; 1969: 70, 153, 162; 1976: 157; 1982: 140, 148, 161—162);

б) расположенные на гряде. Здесь естественные препятствия ограничивают городище с двух сторон, а форма лишь частично зависит от конфигурации местности (в большинстве случаев она четырехугольная, трапециевидная). К таким городищам можно отнести укрепленные пункты X—XI вв. в Коростуватой, XII—XIII вв. в Черновке, Пригородке, Недобоивцах, Горошивцах, Карапчеве (рис. 1: Е; 2: Г, Д; 3: Б, Ж; фото 2) (Тимощук 1982: 114, 180, 182; 1990: 154, 170; Возний 1998: 11; 2006: 122—128; Кучера 1983: 97);

в) на краю естественного препятствия — ограниченные лишь с одной стороны. Их форма так же, как и в предыдущих, зависит от конфигурации местности (в основном они полукруглые). Среди городищ Сирето-

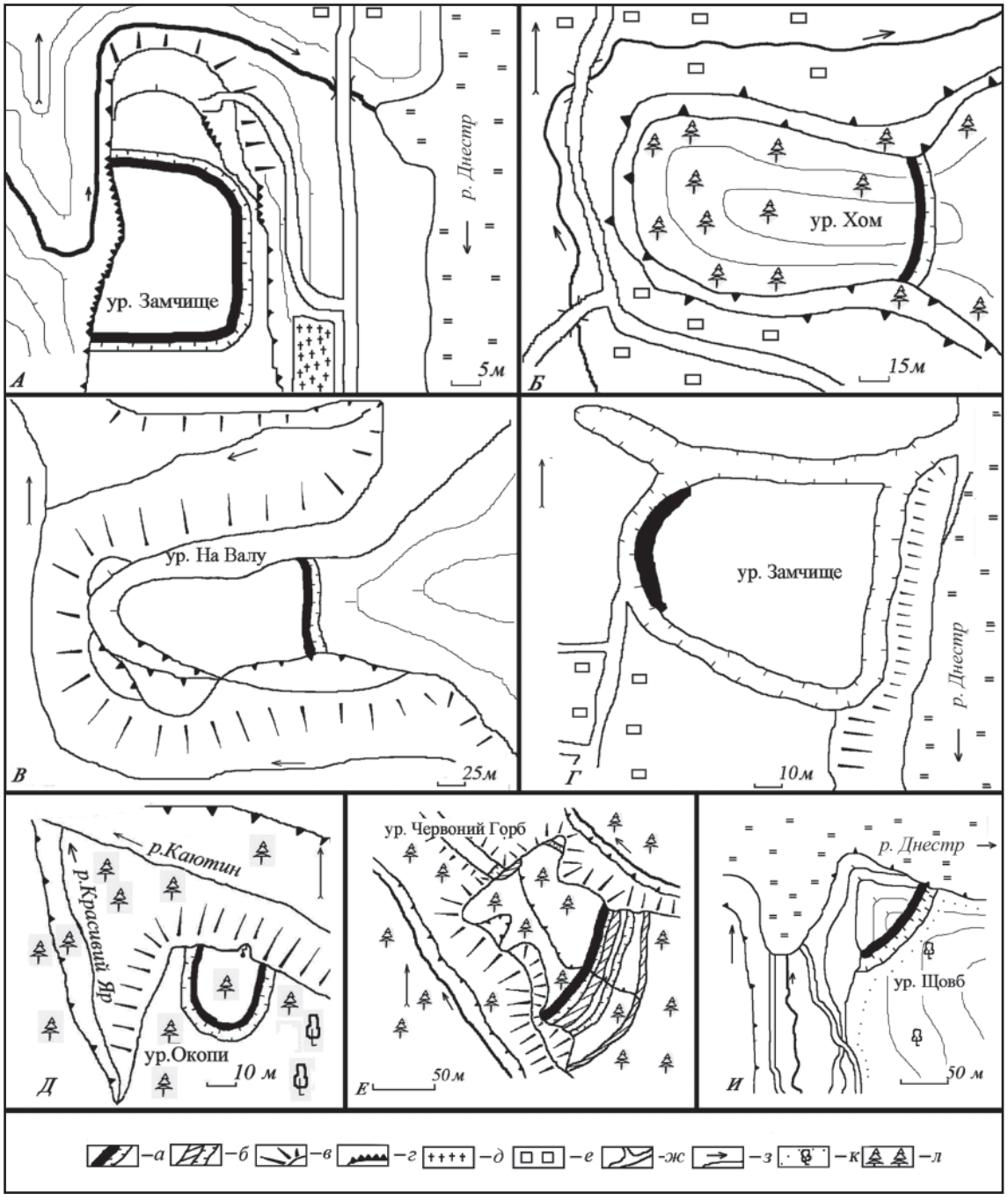

Рис. 1. Простые городища XII — первой половины XIII вв. А — Дарабаны (Замчище); Б — Василев (Хом); В — Капливка; Г — Василев (Замчище); Д — Ломачинцы; Е — Горошевцы; И — Дарабаны (Щовб).
а — вал и ров XII—XIII вв.; б — вал и ров раннего периода; в — склоны горба; г — крутые склоны; д — кладбище; е — сооружения; ж — дорога; з — речка; к — сад; л — лес.

Днестровского междуречья это — Дарабаны (Щовб), Ломачинцы (рис. 1: А, Д; фото 3) (Кучера 1983: 99; Русанова, Тимощук 1981: 92—93; Тимощук 1969: 79; 1971: 190; 1973: 104);

г) городища, расположенные на ровной местности. Их не ограничивают естественные препятствия. Такое планирование городищ искусственное, а форма, обычно, округлая или овальная. Иногда форма может зависеть от естественных контуров местности. Как отмечал М. П. Кучера, городища на ровной местности идеально отображают нормы оборонительного строительства. Лишь на них можно выяснить, какие формы, придававшиеся укреплениям, считались рациональными (Кучера 1999: 18). Как правило, такие городища располагаются в низинах и в долинах рек. К ним принадлежит городище Ленковцы на Пруте (рис. 3: В) (Малевская, Раппопорт, Тимощук 1970: 112; Раппопорт 1967: 26; Тимощук 1959: 250—357).

Статистика и картографирование городищ региона почти полностью совпадает с картиной топографических условий размещения городищ на всей территории Руси (Куза 1985: 40). Таким образом, при сооружении укрепленных поселений местное население, прежде всего, удачно использовало топографические условия, выбирая наиболее неприступные, естественно защищенные места. В связи с этим форма укреплений преимущественно повторяет рельеф местности, и только в некоторых случаях они имели правильную геометрическую форму. Как отмечал немецкий исследователь И. Геррманн, овальная форма городищ являлась наиболее рациональной в планировании (Herrmann 1976: 124). Это самый простой вид организации фортификационных сооружений, состоящий, в основном, из одной линии, которая шла по всему периметру или защищала поселение с наиболее опасных сторон (Куза 1983: 21—42; Тимощук 1982: 109—118). Преимущество округлых укре-

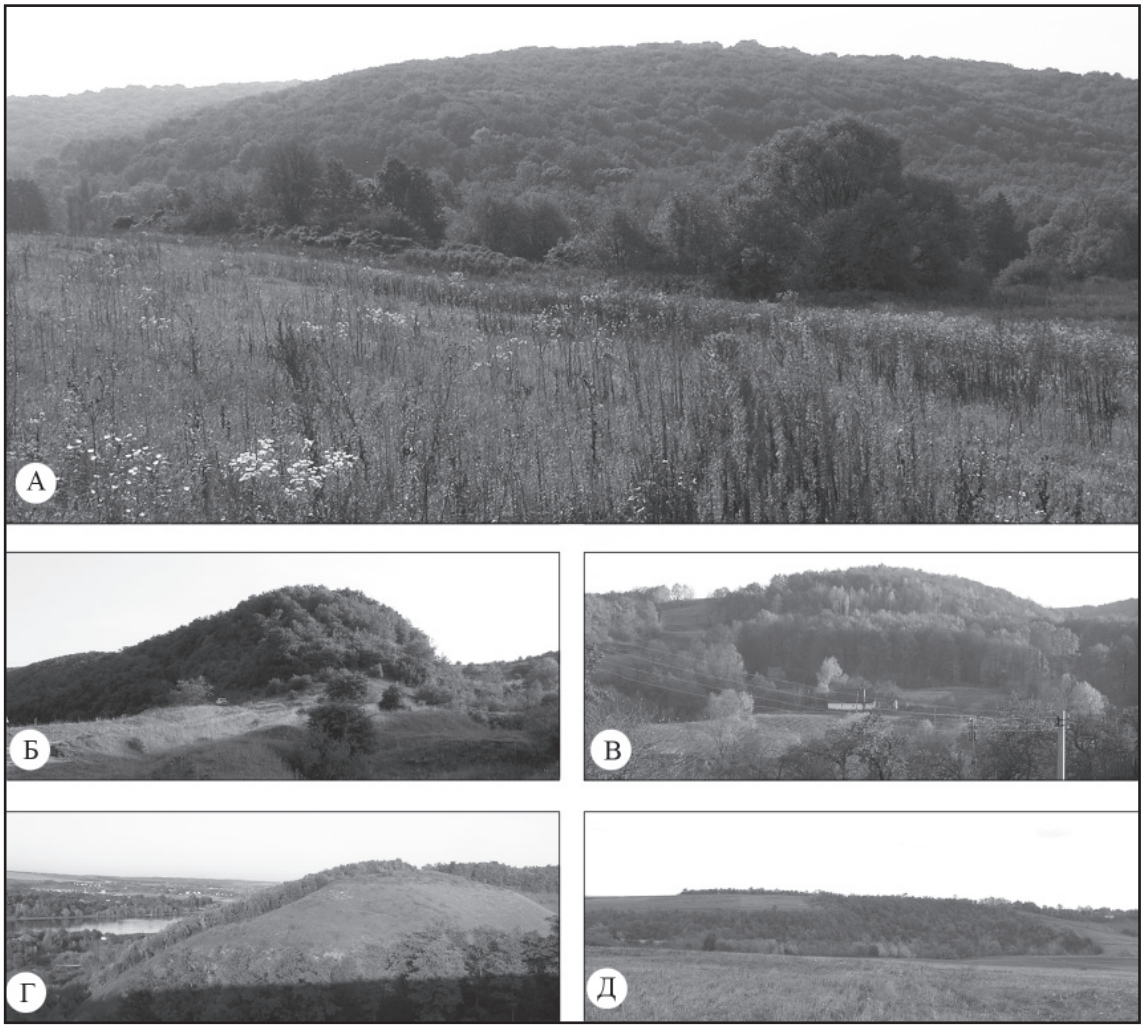

Фото 2. Гряды, на которых размещены городища: А — Черновка; Б — Зеленая Липа; В — Карапчев; Г — Пригородок; Д — Молодия.

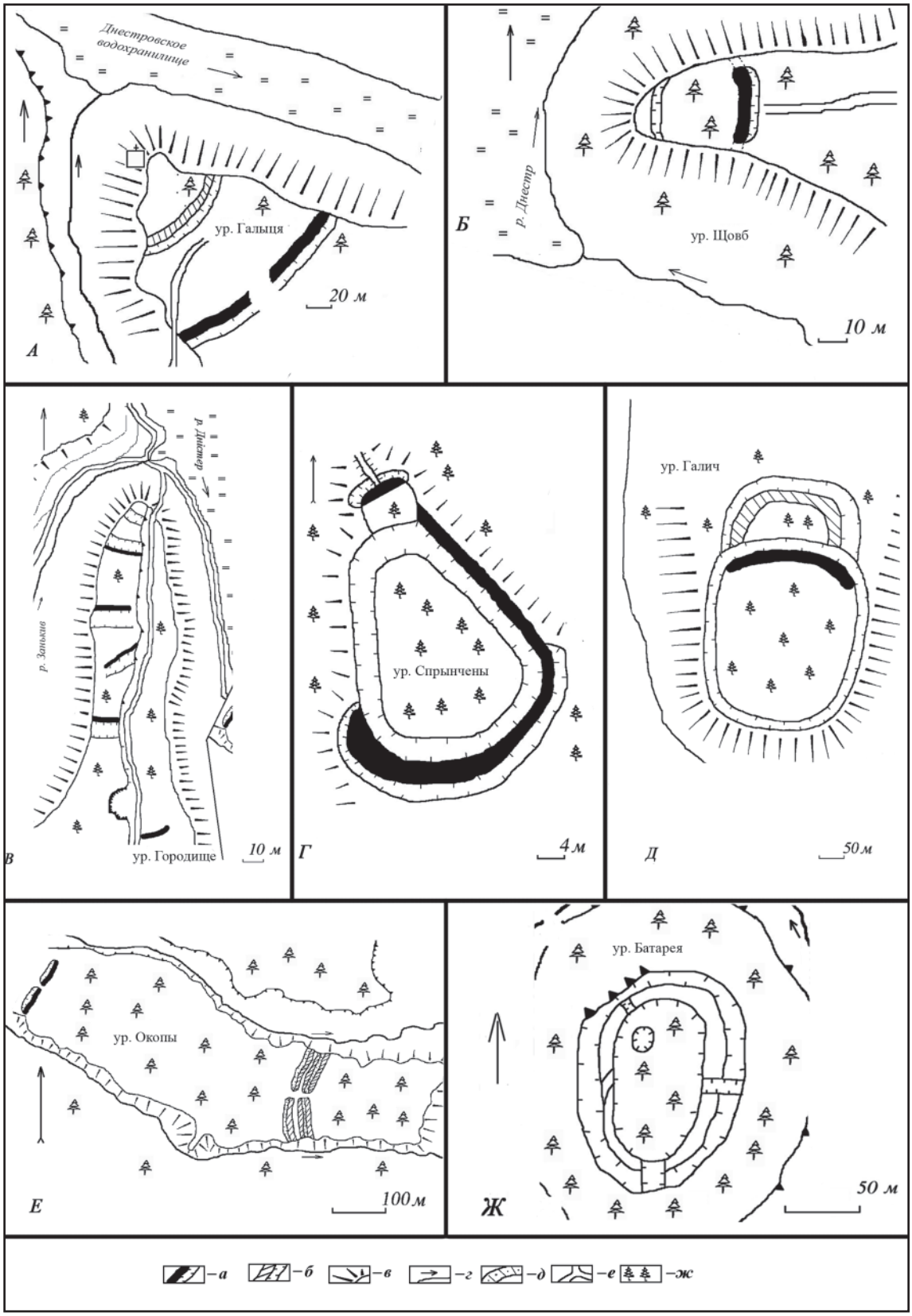

Рис. 2. Простые городища XII — первой половины XIII вв. Сирето-Днестровского междуречья: А — Непоротове (Гальця); Б — Непоротове (Щовб); В — Зеленая Липа; Г — Черновка; Д — Недобоевцы; Е — Снячев; Ж — Рухотин.

а — вал и ров XII—XIII вв.; б — вал и ров раннего периода; в — склоны горба; г — речка; д — вал XI в.; ж — лес.

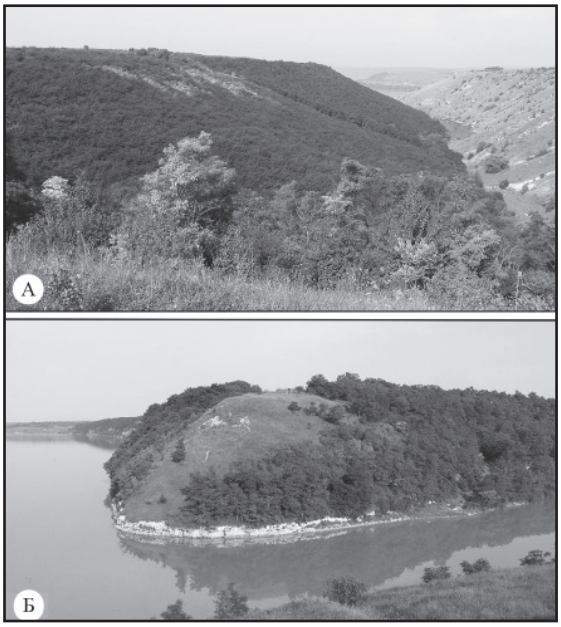

Фото 3. Размещение городищ: А — Ломачинцы; Б — Дарабаны (ур. Щовб).

плений заключалось в их экономичности, поскольку при одинаковой площади они имели наименьшую протяжность оборонительных стен (Кучера 1978: 21—31). П. А. Раппопорт допускал, что округлые укрепления возникли в связи с внедрением новой тактики ведения боя — круговой фронтальной стрельбы с крепостных стен (Раппопорт 1956: 40, 62—63; 1961: 162—163; 1967: 157—159). Но округлые укрепления существовали и в более раннее время — в раннем железном веке. Круговая планировка городищ эпохи средневековья характерна не только для Восточной Европы, но и для Западной (Довженок 1962: 33). Такие поселения сооружались по заранее намеченному плану: сначала возводились мощные оборонительные полосы, а затем заселялась внутренняя территория.

Мысовые городища были распространены на территории Галицкой Руси и известны в Городнице, Рокитном, Малых Грибовичах, Залесье (Ратич 1962: 87; 1964: 115—129). На остальной территории Древней Руси распространены, в основном, городища круглого типа (Раппопорт 1967: 202).

По формально-типологической классификации, то есть в соответствии с взаимосвязью плановой структуры оборонительных сооружений и топографических условий их расположения, все городища Буковины можно разделить на простые и сложные. Большинство памятников составляют собой простые, огороженные одной линией городища и только въезды в них имели дополнительные укрепления (табл. 1).

Сложные могли быть со смежным размещением фортификаций, когда укрепленные части располагались друг возле друга в ряд, и совмещенным расположением укреплений, при котором одно охватывается другим (табл. 2) (Кучера 1999: 19). К сложным городищам со смежным расположением укреплений относятся городища Горишние Шеровцы, Карапчив, Молодия, Коростувата (рис. 3: Г, Е, Ж, 3). Примером сложного городища с совмещенными укрепленными частями является Ленковцы на Пруте (рис. 3: В).

В планировке городищ важной деталью является структура оборонительных линий. Она бывает расчлененной, когда ряды укреплений не прилегают друг к другу и образуют междувалье, или сплошной, когда между рядами нет промежутков. Чаще встречается расчлененный вариант размещения укреплений. При этом использовался прием сочетания нескольких линий валов и рвов, когда они были расположены так, что между ними образовывались горизонтальные площадки разной ширины. Последняя колеблется от 25 до 350 м. К городищам этого варианта можно отнести укрепления Коростуватой, Кулишивки, Перебыковцов, Нагорян, Непоротового-Гальщи (рис. 2: А, В; 3: 3; 4: А, В). Так, на городище Непоротове-Гальця сохранились два дугообразных валы с рвами. Первый вал огораживает площадку диаметром 50 м. Как полагают исследователи, он был построен в раннежелезном веке. В 80—100 м от него в XII — первой половине XIII вв. был построен новый вал (Тимощук 1982: 84). Тем самым, укрепления городища состояли из двух линий обороны, между которыми располагалась полоса шириной около 50 м. Аналогичные конструктивные особенности известны в городах Болоховской земли и на Волыни (Раппопорт 1967: 134; Винокур і ін. 2004: 14—19). Как утверждает П. А. Раппопорт, такие конструкции начали использоваться в военном зодчестве с X—XI вв., но наиболее массовое их использование приходится на XII — первую половину XIII вв.

Примером городищ со сплошной структурой оборонительных линий, когда линии валов и рвов размещены впритык друг к другу, могут быть Черновское, Карапчивское, Горишнешеровецкое городища (рис. 2: Г; 3: Г, Ж). Так, в Горишних Шеровцах укрепленные линии были построены племенами лукашевской культуры еще в II—I вв. до н. э. и активно использовались славяно-русским населением. Главная укрепленная линия, состоявшая из вала высотой 1,2—2 м и рва, окружала площадку размерами 180×170 м.

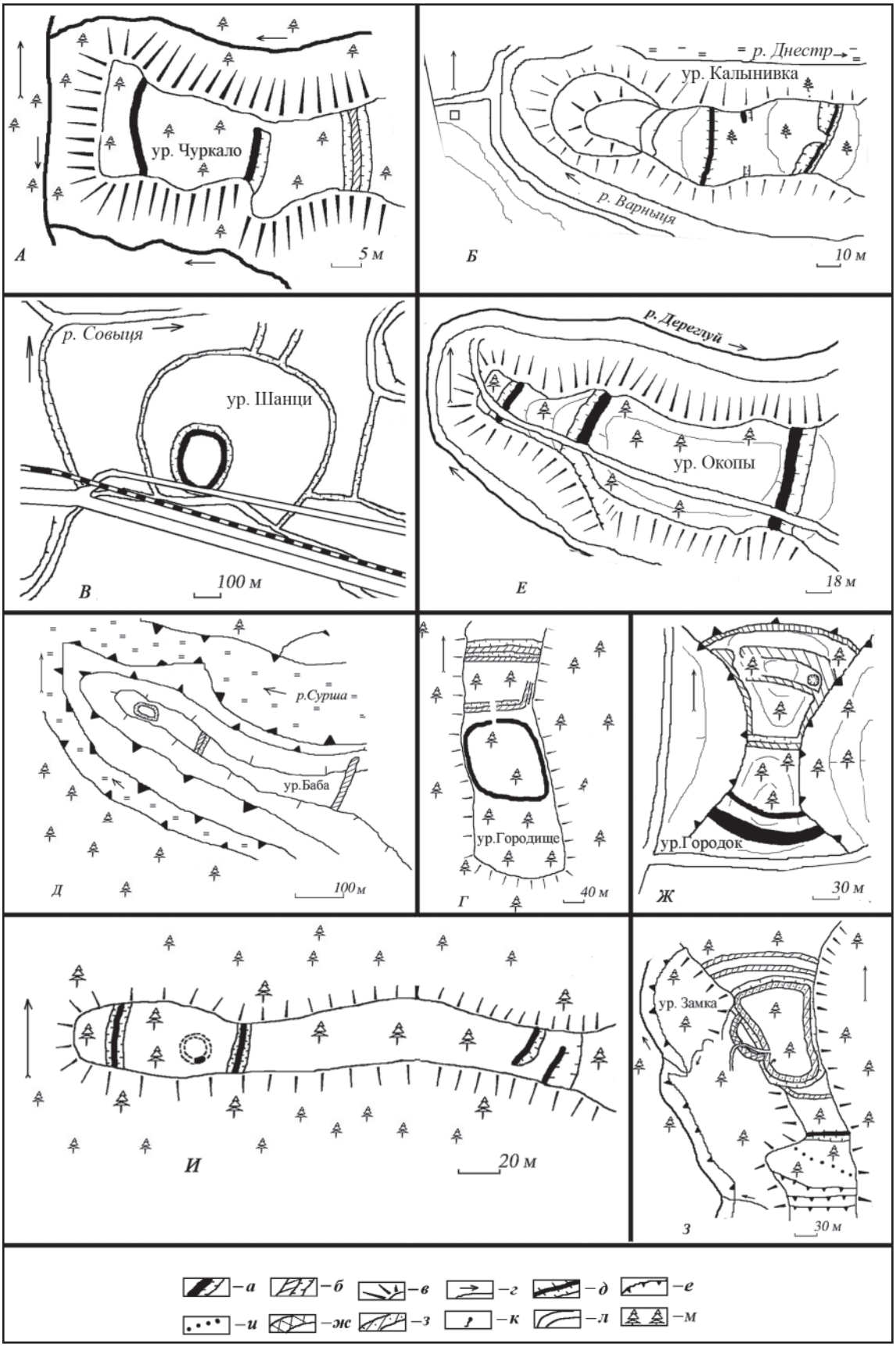

Рис. 3. Сложные городища XII—XIV вв. Сирето-Днестровского междуречья: А — Васловивцы; Б — Пригородок; В — Ленковцы на Пруте; Г — Горишние Шеровцы; Д — Ленковцы на Днестре; Е — Молодия; Ж — Карапчив; З — Коростувата; И — Цецын.

а — вал и ров XII—XIII вв.; б — вал и ров раннего периода; в — склоны горба; г — речка; д — вал раннежелезного века, использовавшийся в XI в.; е — вал неопределенного времени; и — следы частокола; ж — вал дополнительной укрепленной линии IX в.; з — укрепления XI в.; к — колодец; л — дорога; м — лес.

Таблица 1.

Классификация простых городищ Пруто-Днестровского междуречья

№ на карте	Расположение	Время функционирования (вв.)	Площадь укрепленных площадок (га)	Использование ранних конструкций	Различия в:				
					топографическом расположении	форме	структуре оборонных линий		
							однорядные	многорядные	
								сплошная	расчлененная
1	Бабине	IX—XII	0,01	*	мыс	треугольное		-	3
2	Василев (Замчище)	XII — 1-я пол. XIII	1,4	-	мыс	овальное	*	-	-
3	Василев (Хом)	XII — 1-я пол. XIII	0,4	-	мыс	овальное	*	-	-
6	Гореча	XII — 1-я пол. XIII	?	-	мыс	?	?	-	-
7	Горошивцы	IX—XII	1,3	*	гряда	прямоугольное	-	3	
8	Дарабаны (Замчище)	XII — 1-я пол. XIII	2,4	-	на краю препятствия	полуовальное	*	-	-
9	Дарабаны (Щовб)	XII — 1-я пол. XIII	0,1	-	мыс	овальное	*	-	-
10	Дорошивцы	XII — 1-я пол. XIII	1,2	-	мыс	?	?	-	-
11	Калпивка	XII — 1-я пол. XIII	13,6	-	мыс	овальное	*	-	-
13	Кулишевка	XI — 1-я пол. XIII	0,05	*	мыс	треугольное	-	-	5
17	Ломачинцы	XI — 1-я пол. XIII	0,3	-	на краю препятствия	полуовальное	*	-	-
20	Недобоивцы	XI — 1-я пол. XIII	0,7	*	мыс	овальное	-	-	2
21	Непоротово (Галыця)	XII — 1-я пол. XIII	0,2	*	мыс	треугольное	-	-	2
22	Непоротово (Щовб)	XII — 1-я пол. XIII	0,3	-	мыс	овальное	*	-	-
23	Острица	XII — 1-я пол. XIII	0,4	-	мыс	?	?	-	-
24	Перебыковцы, Зеленая Липа	IX—XIV	0,2	-	гряда	прямоугольное	-	-	3
27	Рухотин	X—XI	0,2	-	мыс	овальное	*	-	-
28	Снячив	VIII — XII	3,7	*	гряда	прямоугольное	-	3	-
29	Спасская	XII — 1-я пол. XIII	0,4	-	мыс	овальное	?		
30	Хотин	X—XIV	?	*	гряда	прямоугольное	?	-	-
32	Черновка	XII — 1-я пол. XIII	0,2	-	гряда	овальное	-	2	-

Таблица 2.

Классификация сложных городищ X—XIV вв. Сирето-Днестровского междуречья

№ на карте	Расположение	Время существования (вв.)	Площадь укрепленных площадок (га)	Использовании ранних конструкций	Различия в:					
					топографическом расположении	форме	планировочной структуре		структуре многорядных оборонительных линий	
							со смежным размещением укрепленных частей	с совмещенным размещением укрепленных частей	сплошная	расчлененная
4	Васловивцы	XII — 1-я пол. XIII	0,2	*	гряда	прямоугольное	*	-	-	3
5	Г. Шеровцы	X — 1-я пол. XII	3,2	*	гряда	прямоугольное	*	-	2	2
12	Карапчив	XIII — XIV	0,6	*	гряда	трапециевидное	*	-	2,3	-
14	Коростувата	X—XI	1,0	*	гряда	подпрямоугольное	*	-	-	2,5
15	Ленковцы на Днестре	XII — 1-я пол. XIII	0,2	*	мыс	подчетыреугольное	*	-	-	2
16	Ленковцы на Пруте	XII — 1-я пол. XIII	0,5	-	ровное место	овальное	-	*	-	3
18	Молодия	XII — 1-я пол. XIII	0,5	-	гряда	подпрямоугольное	*	-	-	2,2
19	Нагоряны	XII — 1-я пол. XIII	0,7	*	гряда	подовальное	*	-	-	4
25	Пригородок	IX — 1-я пол. XIII	1,0	-	гряда	прямоугольное	*	-	-	3
26	Ревне	IX—X	4,8	*	гряда	подпрямоугольное	-	*	-	6
31	Цецыно	X — 1-я пол. XIV	0,1	-	гряда	прямоугольное	*	-	-	3

Центральную площадку, кроме главной линии, прикрывали с напольной стороны еще три дополнительных полосы обороны, в состав которых входили валы высотой до 3 м и рвы раннежелезного века (Тимощук 1982: 58—59). Аналогичная картина прослежена в древнем Галиче.

При археологической классификации городищ важными показателями являются условия топографического местоположения и планировочная структура оборонительных сооружений. По этим признакам городища X—XIV вв. Сирето-Днестровского междуречья можно разделить на несколько типов. *Простые городища* типа 1 — небольшие мысовые городища. Они расположены на берегах рек, возвышаясь над их руслом. Большинство из них не выступает за линию края плато, а ограничены по бокам балками или ручьями, которые впадают в реку (рис. 1: Б, В, Г, И; 2: А, Б; 4: А, Б). Минимальная высота склонов мысовых городищ составляет 4—5 м (Кучера 1999: 28).

На всех мысовых городищах, не разрушенных поздними слоями, сохранились оборонительные сооружения — вал и ров, которые, в основном, повторяют особенности рельефа местности и располагаются с напольной стороны. К таким городищам можно отнести укрепленные поселения в Василеве (Хом), Капливке, Дарабанах-Щовб, Непоротовому-Щовб и др.

Так, городище Дарабаны-Щовб размещено на высоком мысу правого берега р. Днестр. Главная площадка укрепленного поселения размерами 40×25 м с напольной стороны была огорожена дугообразным земляным валом и рвом. С трех других сторон городище защищали естественные крутые склоны мыса (Тимощук 1982: 116).

Незначительная часть городищ может иметь с напольной стороны многорядную сплошную или расчлененную оборонную линию. Из общего количества мысовых городищ 23,8% имеют многорядную оборонную линию (табл. 1). При этом укрепления могут размещаться как по всему периметру площади городищ, так и с наиболее уязвимых сторон (Непоротове-Гальця, Кулишивка и др.) (рис. 1: В; 2: А; 4: А). Вал по краю обрыва в сравнении с валом с напольной стороны имеет обычно незначительные размеры. Встречаются памятники, на которых значительный по размерам вал или ров проходит по всему периметру как с напольной стороны, так и над краем. Форма большинства мысовых городищ повторяет конфигурации обрывов, поэтому она может напоминать в плане четырехугольник, треугольник или неправильную фигуру.

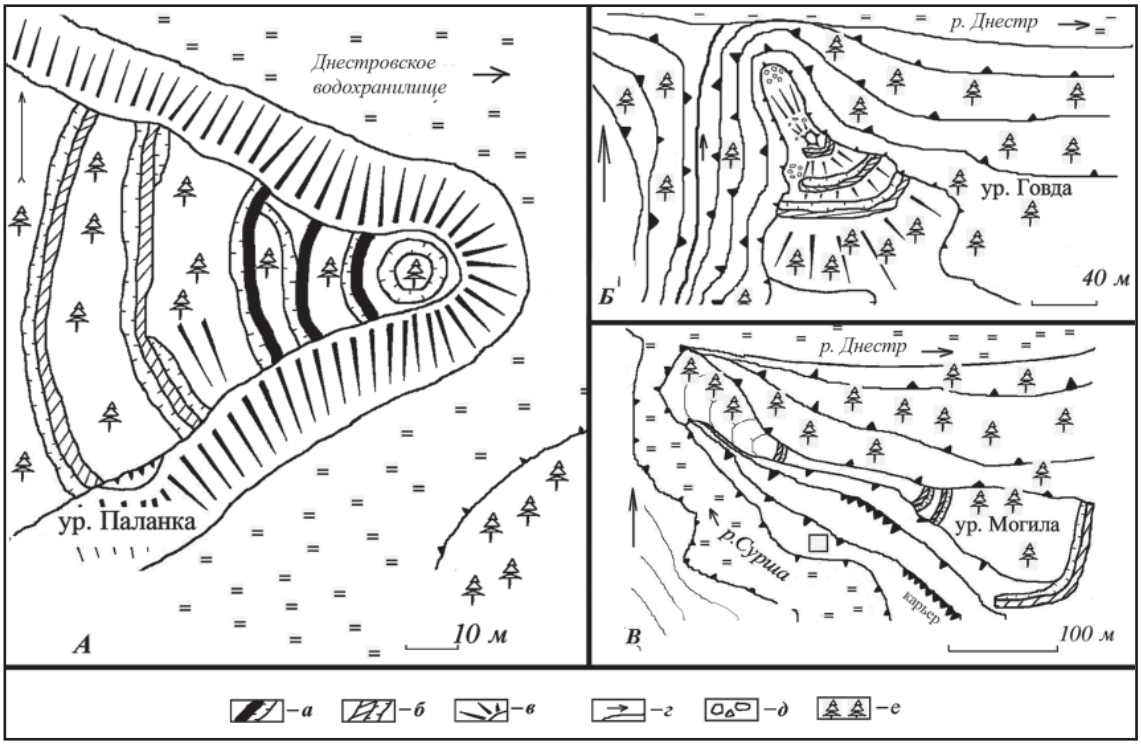

Рис. 4. Городища-святилища X—XII вв.: А — Кулишевка; Б — Бабин; В — Нагоряны.
а — вал и ров XII — XIII в.; б — вал и ров раннего периода; в — склоны холма; г — речка; д — камни; е — лес.

Однако отмечены городища овальной или округлой формы. Они занимают короткие, недостаточно выразительные мысы с широкой напольной стороной. В плане они имеют вид прямого угла, ограниченного смежными естественными препятствиями, никогда не выступая за линию края плато. Оборонительные сооружения их частично повторяют защитные свойства рельефа местности. Как правило, их оборонительные линии имеют правильную геометрическую форму: круг, полукруг, прямоугольник и др. — Недобоивцы, Василев-Замчище, Рухотин (рис. 1, Г; 2, Д, Ж). Из 14 мысовых городищ правильную геометрическую форму в виде овала имеют 7 городищ, 3 — треугольную и 4 — неопределенную. Подобные городища X—XIV вв. широко представлены на территории Древнерусского государства (Зварыч и др. 1977: 297—298; Звіздецький 2004: 41—50; Кучера 1967/15; 1970/21; 1982: 72—82; Раппопорт 1967: 51).

К типу 2 относятся простые городища, расположенные на удлиненном мысе, конец которого отделен валами от узкого продолжения. Городища на гряде с двух противоположных напольных сторон защищены несколькими оборонительными линиями, которые частично повторяют защитные свойства рельефа местности. Как правило, их оборонительные линии имеют правильную геометрическую форму: круг, полукруг, прямоугольник и др. К таким городищам можно отнести Черновку, Перебыковцы, Горошивцы, Снячив (рис. 1: Е; 2: В, Г). Так, Горошивское городище IX—XII вв. расположено на гряде. С напольной стороны его отгораживали три вала со рвами. Два первые из них были построены в раннежелезном веке и в славянский период (IX в.), а третий — внутренний построен в XII в. с противоположной северо-западной стороны, на месте въезда, где проходил крестовидный спуск. В IX в. был построен вал с рвом. Аналогичный ров прослеживался и с северной стороны, где склоны площадки городища были не такими крутыми (Тимощук 1990: 154). Такие укрепления широко использовались и в древнерусское время.

Аналогичные городища известны и на других территориях расселения восточных славян. Это городища Калюс, Пишки, Битица II, Стеблив (Артамонов 1946/12; Довженок, Кучера 1956/12; Кучера, Сухобоков 1971/17; Кучера, Іванченко 1987: 67—79).

К типу 3 относятся городища, расположенные на краю плато, преимущественно высоких, со стремительными склонами. Большинство из них имеет полукруглую форму, иногда округлую. К таким городищам можно отнести Ломачинцы, Дарабаны-Замчище (рис. 1: А, Д). Так, городище Дарабаны-Замчище расположено на краю высокого мыса и полукругом окружено высоким валом со рвом. Возможно, вал раньше проходил и вокруг городища, но в наше время часть укреплений разрушена каменным карьером (Тимощук 1982: 166). На краю естественного препятствия исследованы городища и на других территориях, в частности, Жовнине II, Калениках, Фесковцах, Новой Слободе и др. (Довженок, Гончаров, Юра 1966; Кучера 1978: 21—31; Ляпушкин 1961: 345; Кучера, Сухобоков 1971/17: 4).

Сложные городища. Среди сложных городищ следует, в первую очередь, отметить укрепленные поселения со смежным расположением укрепленных частей, которые, как правило, занимают естественно отделенный участок местности. В большинстве это городища, расположенные на мысах или гряде, и расчлененные на несколько укрепленных площадок поперечными многорядными сплошными или расчлененными оборонительными линиями. Это городища типа 4. К ним можно отнести укрепленные поселения в Коростуватой, Васловивцах, Нагорянах, Ленковцах на Днестре, Пригородке, Карапчеве, Горишних Шеровцах, Цецыно, Молодии (рис. 3: А — 3). Так, Карапчевское городище состояло из двух укрепленных площадок со сложной системой сплошных и расчлененных многорядных линий (Тимощук 1982: 93—94). Самой сложной была система обороны с напольной стороны, достигавшая в глубину 60 м. Здесь располагались три мощных вала, между которым проходили широкие — до 18 м — рвы. Эта площадка была огорожена дополнительно и боковыми укрепленными линиями в виде остатков валов, проходивших со стороны восточного и западного городища над обрывами. Южная площадка городища была менее защищенной. Ее оборонительная полоса состояла лишь из небольшого вала и рва. Боковые укрепления отсутствуют. На этой площади военные зодчие при постройке древнерусских укреплений использовали остатки славянской укрепленной линии городища общинного центра IX в.

Подобная картина прослежена на городище X—XI вв. в Коростуватой, где оборонная система состояла из нескольких рядов разновременных валов и рвов. Самой сложной была система обороны с напольной южной стороны (глубина обороны 200 м) и на месте въезда с востока. Здесь размещались три вала неопределенного времени, перекрывавшие перешеек гряды. За ними на расстоянии

Таблица 3.

Абсолютные и процентные характеристики распределения городищ XII—XIV вв.

Абсолютные и процентные характеристики		Интервалы площадей городищ (га)												
	от	0	0,31	всего до 0,5	0,51	всего до 1	1,1	2,6	всего до 5	5,1	всего до 10	10,1	всего до 20	Итого
	до	0,3	0,5		1		2.5	5		10		20		
Абсолютное значение количества городищ	простые	8	3	11	1	1	4	1	5	-	-	1	1	18
	сложные	3	2	5	3	3	-	1	1	-	-	-	-	9
Доля (%) городищ соответствующей площади	простые	29,7	11,1	40,8	3,7	3,7	14,8	3,7	18,5	-	-	3,7	3,7	66,7
	сложные	11,1	7,4	18,5	11,1	11,1	-	3,7	3,7	-	-	-	-	33,3
Итого городищ		**11**	**5**	**16**	**4**	**4**	**4**	**2**	**6**	**-**	**-**	**1**	**1**	**27**
Итого %		**40,7**	**18,5**	**59,2**	**14,8**	**14,8**	**14,8**	**7,4**	**22,2**	**-**	**-**	**3,7**	**3,7**	**100**

20—30 м исследованы следы деревянного частокола. Дальше, через 30—40 м, зодчие использовали вал голиградской культуры, где построили оборонительные деревянные срубы стен. В 40—50 м к северу сохранился вал раннежелезного века, за которым через 20 м находились деревяно-земляные укрепления главной площадки размерами 120×80 м. Въезд с восточной стороны прикрывала дополнительная оборонная линия IX в., которая активно использовалась и в XI в.

Городища подобной конструкции широко представлены среди древнерусских древностей Украины и смежных регионов (Кучера 1982: 72—82; Кучера, Сухобоков 1971/17; Попко 1971: 129—140; Петегирич 1983: 306—307; Раппопорт 1967: 64).

Тип 5 — сложные городища с совмещенным планированием оборонительных сооружений. Такие памятники расположены, как правило, на ровной местности, для которой характерны минимальные отклонения от идеальной равнины. Эти городища имеют оборонительные линии правильной геометрической формы, независимо от особенностей рельефа местности. Причем, оборонная линия внешнего ряда не соединяется с оборонной линией внутреннего ряда, а концентрически обходит ее вокруг. К такому типу относится городище Ленковцы на Пруте с оборонительными сооружениями овальной формы (рис. 3, В). Система обороны Ленковецкого городища была достаточно сложной. Кроме главного мощного оборонительного вала, окружавшего площадь диаметром 80 м, укрепленное поселение прикрывали заполненные водой концентрические рвы шириной до 13 м и глубиной до 3 м, которые окружали детинец со всех сторон (Тимощук 1982: 69—70). Глубина оборонительных полос вокруг Ленковецкого городища составляла 350 м.

Подобные сложные городища правильной геометрической формы известны на многих

древнерусских землях (Кучера и др. 1988/156; Dąnbrowska 1973; Skibiński 1964: 493—494).

Из учтенных в классификации городищ, доля поселений 1 типа составляет 46% (13). На четыре другие, соответственно, приходится 13,3% (4), 10% (2), 26,6% (8), 3,3% (1). Эти цифры полностью совпадают с выводами, к которым пришел А.В. Куза, исследуя городища на территории Древнерусского государства (Куза 1985: 40).

Аналогичным образом, среди простых городищ исследуемой территории 13 расположены на мысах, что составляет 61,9%; 5 — на гряде, соответственно, 23,8%; на краю площадки 3—14,2%. Больше всего сложных городищ расположено на гряде — 8, что составляет 80%. По одному находится на мысу и ровной местности — 10% каждый случай (табл. 3). Подобное расположение простых и сложных городищ прослежено археологами и на других территориях Древнерусского государства, в частности, в Прикарпатье, Полесье, Среднем Поднепровье и др. Здесь на мысах размещено 51,6% всех городищ (ДПСП АК 1984: 20; Кучера 1959: 132—145; 1976: 176—179; Терещук 1976: 164—175).

Таким образом, при сооружении укреплений на Руси максимально использовались защитные свойства рельефа местности. Это простое, но в то же время эффективное решение задач обороны с наименьшими затратами трудовых и материальных ресурсов было наиболее распространенным (Куза 1985: 40).

Однако расположение городищ Сирето-Днестровского междуречья имеет определенные локальные особенности. В силу особенностей местности здесь имеется множество мысов, особенно в Днестровском каньоне. Поэтому на исследуемой территории преобладают мысовые городища.

Как видно из таблиц 1, 2, в Сирето-Днестровском междуречье встречаются простые и сложные городища с многорядной системой оборонительных линий — как сплошной, так и расчлененной. По мнению М.П. Кучеры, целесообразность многорядных оборонительных линий предопределялась и тактическими рассуждениями, и свойствами рельефа местности (Кучера 1999: 48). Всего на территории края насчитывается 21 простое и 10 сложных городищ древнерусского времени с многорядными оборонительными линиями, что, соответственно, составляет 67,7% и 32,2%. Из них сплошное планирование имеют 3 простых и 2 сложных городища, что составляет, соответственно, 10,3% и 6,8%. Расчлененное расположение оборонительных линий имеют 5 простых и 8 сложных городищ (17,2%, 24,1%). Оборонительные линии сложного городища в Горишних Шеровцах соединяли в себе расчлененную и сплошную структуру оборонительных линий (3,4%). Остальные 55,3% приходятся на однорядные оборонительные линии. Следовательно, многорядные линии почти в два раза чаще встречаются на сложных городищах, чем на простых. На сложных городищах, кроме того, значительно больший удельный вес расчлененных оборонительных линии, что характерно собственно для Сирето-Днестровского междуречья. Для других славяно-русских территорий, например, междуречья Случа и Южного Буга, присущи как сплошные, так и расчлененные, а для Правобережья, Среднего Поднепровья и Левобережья — сплошные многорядные линии.

Литература

Артамонов М.И. 1946/12. *Археологические памятники Южной Подолии (по материалам Южно-Подольской экспедиции 1946 г.)* НА ІА НАНУ.

Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (раннеславянский и древнерусский периоды). 1990. Киев: Наукова думка.

Археология СССР с древнейших времен до средневековья: В 20 т. 1985.: Рыбаков Б.А. (отв ред.). *Древняя Русь. Город. Замок. Село*. Москва: Наука.

Винокур і ін. 2004: Винокур І.С., Журко О.І., Мегей В.П. 2004. *Літописний Губин XII — XIII ст. Болохівська земля*. Київ; Кам'янець-Подільський; Хмельницький; Старокостянтинів.

Возний І.П. 1996. Чорнівське городище XII—XIII ст. у контексті вивчення давньоруських феодальних садиб. *Тези доповідей української делегації на VI Міжнародному конгресі слов'янської археології*. Новгород, 72—74.

Возний І.П. 1997. До питання про датування і характеристику культурного шару Чорнівського городища XII—XIII ст. *Питання історії України: Збірник наукових статей*. Чернівці (1), 13—25.

Возний І.П. 1997а. Система і конструкції оборони Чорнівського феодального замку XII—XIII ст. *Питання історії, історіографії, джерелознавства та архівознавства Центральної та Східної Європи: Збірник наукових праць*. Київ; Чернівці (1), 213—225.

Возний І.П. 1998. *Чорнівська феодальна укріплена садиба XII—XIII ст.* Чернівці: Рута.

Возний І.П. 1999. Топографія, розміри та фортифікаційні споруди городищ Північної Буковини XII—XIII ст. *ПССІАЕ* (2), 174—188.

Возний І.П. 2005. *Поселення X—XIV ст. у межиріччі Верхнього Сиретy та Середнього Дністра*. Чернівці: Золоті литаври.

Возний І.П. 2006. Класифікація городищ X—XIV ст. Сирето-Дністровського межиріччя за топографічним місцезнаходженням. *Християнська спадщина Галицько-Волинської держави: Цін-*

нісні орієнтири духовного поступу українського народу: Матеріали міжнародної ювілейної наукової конференції. Івано-Франківськ; Галич, 122—128.

Возний І. П. 2009. *Історико-культурний розвиток населення межиріччя Верхнього Сірету та Середнього Дністра в X—XIV ст. Частина І. Поселення*. Чернівці: Золоті литаври.

Довженок В. И., Кучера М. П. 1956/12в. *Отчет о работе древнерусской экспедиции в 1956 г. на Росси*. НА ІА НАНУ.

Довженок В. И. 1962. Археологический комментарий к сведениям литературных источников о смердах и закупах. *КСИАУ* 12, 28—36.

Довженок і ін. 1966: Довженок В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О. 1966. *Древньоруське місто Воїнь*. Киев: АН УРСР.

Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (археологическая карта) 1984. Киев: Наукова думка.

Зварыч и др. 1977: Зварыч В. В., Пелещишин Н. А., Чайка Р. М. Разведки на Волыни. *АО 1976 г.* 297—298.

Звіздецький Б. А. 2004. Про деякі особливості древлянських городищ VIII—X ст. *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст*. Київ: Корвін Пресс, 41—50.

Куза А. В. 1983. Социально-историческая типология древнерусских укрепленных поселений IX — середины XIII вв. (методика исследования). *Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднестровья в I тыс. н. э.* Воронеж: Изд-во ВГУ, 21—42

Куза А. В. 1985. Укрепленные поселения. *Древняя Русь. Город, замок, село*. Москва: Наука, 39—51.

Кучера М. П. 1959. Основні етапи розвитку стародавнього Пліснеська *МДАПВ* (2), 132—145.

Кучера М. П. 1967/15. *Звіт про роботу Волинського загону в 1967 р.* НА ІА НАНУ.

Кучера М. П. 1970/21. *Звіт про розвідкові археологічні розкопки на городищі поблизу с. Лище та на замчищі поблизу с. Городище Луцького р-ну в 1970 р.* НА ІА НАНУ.

Кучера і ін. 1971/17: Кучера М. П., Сухобоков О. В. *Звіт про роботу Лівобережного розвідзагону Інституту археології АН УРСР за 1971 р.* НА ІА НАНУ.

Кучера М. П. 1976. Давньоруські городища на правобережжі Київщини. *Дослідження з слов'яно-руської археології*. Київ: Наукова думка, 176—179.

Кучера М. П. 1978. Давньоруські городища в західній частині Переяславщини. *Археологія* (25), 21—31.

Кучера М. П. 1982. Нові дані про городища Житомирщини. *Археологія* (41), 72—82.

Кучера М. П. 1983. Обследование городищ в зоне водохранилища Могилев-Подольской ГЭС на Днестре. *Археологические памятники Среднего Поднестровья*. Київ: Наукова думка, 97—101.

Кучера і ін. 1987: Кучера М. П., Іванченко Л. І. 1987. Давньоруська оборонна лінія в Пороссі. *Археологія*. (59) 67—79.

Кучера и др. 1988/156: Кучера М. П., Звиздецкий Б. А., Иванченко Л. И. *Отчет о разведке памятников археологии Житомирской обл. в 1988 г.* НА ІА НАНУ.

Кучера М. П. 1990/12. *Звіт про роботу експедиції по дослідженню Траянових валів у 1990 р.* НА ІА НАНУ.

Кучера М. П. 1999. *Слов'яно-руські городища VII—XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем*. Київ: ІА НАНУ.

Ляпушкин И. И. 1961. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. *МИА* 104.

Малевская и др. 1970: Малевская М. В., Раппопорт П. А., Тимощук Б. А. Раскопки на Ленковецком поселении 1967 г. *СА* (4), 112—127.

Михайлина Л. П., Возний І. П. 1990. Розкопки феодальної садиби XII — першої половини XIII ст. в с. Чорнівка. *Охорона та охоронні дослідження пам'яток археології. на Україні: Тез. доп. та повідомл. на науково-практичному семінарі*. Вінниця, 14—16.

Михайлина Л. П., Возний І. П. 1993. Формування приватного землеволодіння на південній окраїні Галицько-Волинського князівства в XII—XIII ст. *Вісник Центру буковинознавства*. Чернівці, Серія історична (І), 5—13.

Михайлина Л., Пивоваров С. 1997. Вивчення старожитностей Буковини в XIX — на поч. XX ст. *Питання історії, історіографії, джерелознавства та архівознавства Центральної та Східної Європи*. Київ, Чернівці (1), 242—249.

Михайлина Л. П. 1997. *Населення Верхнього Попрутя VIII—X ст*. Чернівці: Чернівецький державний університет, Буковинський центр археологічних досліджень: Рута.

Михайлина Л., Пивоваров С. 2000. Розвиток археологічної науки в Чернівецькому університеті. *ПССІАЕ* (3), 34—45.

Михайлина Л. П. 2002. Городища Північної Буковини VIII—X ст.: топографія, оборонні споруди, забудова укріпленого майдану. *БІЕВ* (4), 24—29.

Михайлина Л. П. 2007. *Слов'яни VIII—X ст. між Дніпром і Карпатами*. Київ: Ін-т археології НАН України.

Петегирич В. М. 1983. Исследования древнего Белза и у с. Тяглив. *АО 1981 г.*, 306—307.

Пивоваров С. 1998. Дослідження старожитностей Буковини Євзибієм Лазарем. В: Постаті української археології. *МДАПВ* (7), 36—38.

Пивоваров С. В. 1999. Візантійська монета з Чорнівського городища. *ПССІАЕ* (3), 154—160.

Пивоваров С. В. 2000. Давньоруська язичницька споруда в с. Галиця. *ПССІАЕ* (1), 74—91.

Пивоваров С. 2000. Літописний Онут. *ПССІАЕ* (2), 91—99.

Пивоваров С., Чеховський І. 2000. *На Дністрі на «оукраине Галичьской»*. Чернівці: Місто.

Пивоваров С. В. 2001. Нові знахідки предметів озброєння та спорядження вершника і верхового коня з Чорнівського городища (перша половина XIII ст.). *ПССІАЕ* (2), 133—142.

Пивоваров С. 2004. Дослідження давньоруського городища в с. Недобоївці у 2003 р. *ПССІАЕ* (1) (17), 70—80.

Попко О. О. 1971. Слов'янські археологічні пам'ятки в нижній течії Десни. *СВУ* (1). Київ: Наукова думка, 129—140.

Раппопорт П. А. 1956. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. *МИА* 52.

Раппопорт П. А. 1961. *Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв*. Москва; Ленинград: Наука.

Раппопорт П. А. 1967. Военное зодчество Западнорусских земель X—XIV вв. *МИА* 140.

Раппопорт П. А. 1967. О типологии древнерусских поселений. *КСИА* 110, 3—8.

Ратич А. А. 1962. Городища Росточья. *КСИА АН УССР* 12, 87—91.

Ратич О. О. 1964. До питання про розташування і оборонні споруди древньоруських городів Південно-Західної Русі. *МДАПВ* (5), 115—129.

Рожко М.Ф. 1993. Конструктивні особливості оборонних споруд XII—XIII ст. Південно-Західної Русі. *Старожитності Південної Русі: Матеріали III історико-археологічного семінару «Чернігів і його округа в IX—XIII ст.»* Чернігів: Сіверянська думка, 152—161.

Русанова И.П., Тимощук Б.А. 1981. *Древнерусское Поднестровье: Историко-краеведческие очерки*. Ужгород: Карпати.

Терещук К.І. 1976. До питання про локалізацію Болохівської землі. *Дослідження з слов'яно-руської археології*. Київ: Наукова думка, 164—175.

Тимощук Б.А. 1953/18. *Отчет об исследованиях Ленковецкого городища (древние Черновцы)*. НА ІА НАНУ.

Тимощук Б.А. 1959. Ленковецкое древнерусское городище. *СА* (4), 250—257.

Тимощук Б.О. 1960/23. *Звіт про археологічні дослідження Чернівецького краєзнавчого музею в 1960 р.* НА ІА НАНУ.

Тимощук Б.О. 1960. Літописні міста Буковини за археологічними даними. *УІЖ* (6), 164—166.

Тимощук Б.О. 1962/24. *Звіт про розкопки в Хотинській фортеці в 1961—1962 рр.* НА ІА НАНУ.

Тимощук Б.О. 1966/86. *Звіт про археологічні дослідження давньоруського городища в с. Дарабани Хотинського району в 1966 р.* НА ІА НАНУ.

Тимощук Б.О. 1968/77. *Звіт про розкопки на давньоруському городищі Галиця в с. Ломачинці Сокирянського району Чернівецької області в 1968 р.* НА ІА НАНУ.

Тимощук Б.А. 1969. *Древнерусское городище Галица в Северной Буковине.* АО 1968 г., 335—337.

Тимощук Б.О. 1969/40. *Звіт про розкопки давньоруського городища в с. Перебиківці Хотинського району Чернівецької області*. НА ІА НАНУ.

Тимощук Б.О. 1969. *Північна Буковина — земля слов'янська*. Ужгород: Карпати.

Тимощук Б.А. 1970. Военная крепость XIII — XIV вв. на Среднем Днестре. *АО 1969 г.*, 291—292.

Тимощук Б.О. 1971. Дослідження давньоруського городища Дарабани-Щовб. *Середні віки на Україні*, (1), 187—190.

Тимощук Б.О. 1973. Ломачинське городище. *Археологія* (9), 100—107.

Тимощук Б.О. 1976/135. *Звіт про розкопки давньоруського городища Окопи в с. Молодія Глибоцького району Чернівецької області в 1976 р.* НА ІА НАНУ.

Тимощук Б.О. 1976. *Слов'яни Північної Буковини V—IX ст.* Київ: Наукова думка.

Тимощук Б.А., Томенчук Б.П. 1977. *Отчет о раскопках древнерусского г. Окопы в с. Молодия, Глыбокского района (XII—XIV вв.) в 1977 г.* АНВ. ЧКМ. Фонд Р. 2342. Оп. 2. Од. зб.286.

Тимощук Б.О. 1982. *Давньоруська Буковина (X — перша половина XIV ст.)*. Київ: Наукова думка.

Тимощук Б.А., Филипчук М. 1982/58. *Отчет об исследовании городища XII—XIII вв. в с. Черновка Новоселицкого района Черновицкой области*. НА ІА НАНУ.

Тимощук Б.А. 1990. *Восточнославянская община VI—X вв.н.э.* Москва: Наука.

Томенчук Б.П. 1977/52. *Звіт про розкопки давньоруського городища Замчище (дитинця літописного міста Василева на Дністрі) в с. Василеві Заставнівського району, Чернівецької області в 1977 р.* НА ІА НАНУ.

Томенчук Б.П., Тимощук Б.А. 1977. *Отчет о раскопках древнерусского г. Замчище в с. Василев на Днестре Заставновского района в 1977 г.* АНВ ЧКМ. Фонд. Р. 2342. Оп. 2. Од. зб. 287.

Томенчук Б.П. 1978/68. *Звіт про розкопки давньоруського городища Замчище (дитинця літописного міста Василева на Дністрі) в с. Василеві Заставнівського району, Чернівецької області в 1978 р.* НА ІА НАНУ.

Томенчук Б.П. 1980/47. *Звіт про розкопки давньоруського городища Городок — літописного Городка на Черемоші в с. Карапчеві на Черемоші Вижницького району Чернівецької області в 1978—1980 рр.* НА ІА НАНУ.

Томенчук Б.П. 1984/169. *Звіт про охоронні археологічні розкопки на давньоруському городищі Замчище та розвідки в Івано-Франківській та Чернівецькій областях.* НА ІА НАНУ.

Томенчук Б.П. 1985/61. *Звіт про охоронні розкопки на давньоруському городищі Луковище Рогатинського району Івано-Франківської області та в с. Василів Заставнівського району, Чернівецької області в 1985 р.* НА ІА НАНУ.

Фрунчак С., Фантух А. 1998. З археологічної спадщини Раймунда Фрідріха Кайндля. В: Постаті української археології. *МДАПВ* (7), 90—91.

Dąbrowska E. 1973. *Wielkie gródy dorzecza górnej Wisły*. Wrocław.

Herrmann J. 1976. *Zwischen Hradschin und Vineta*. Leipzig; Jena; Berlin.

Kaindl R.F. 1901. Archäeologische Untersuchen zu Wassileu und Panka in der Bukowina. *MZKHD* (27), 47—48.

Milkowicz W. 1908. Grabungen am Cecina. *Czernowitzer Zeitung* (122).

Skibiński S. 1964. Wczesnośredniowieczne grodzisko Szwedzkie Okopy w Kaniach-Krowicy, pow. Chełm. *WA* (30, Z.3/4), 493—494.

Статья поступила в номер 2 апреля 2010 г.

Igor Vozny (Chernivtsi, Ukraine). Doctor of historical sciences. Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University.

Igor Vozny (Chernivtsi, Ucraina). Doctor în ştiinţe istorice. Universitatea de stat „I. Fedykovich" din Cernăuţi.

Возный Игорь Петрович (Черновцы, Украина). Доктор исторических наук. Черновицкий Национальный университет им. Ю. Федьковича.

E-mail: voznyj_igor@rambler.ru

Наш архив

Our Archives

Arhivele noastre

П. В. Советов

Мирон Костин и его эпоха (1633—1691)*

P. V. Sovetov.

Miron Costin and his Time (1633—1691).

Miron Costin's works are inherent in the time of the Ottoman rule in Moldavia, terrible economic decline and massive failures of land owners. He founded a new stage in Moldavian historiography and literature, and owing to him they became part of the common European Baroque. His writings were intended to educate and entertain readers. Miron Costin wanted to see an educated and wise monarch rule the country liberated from the Ottoman domination, and he wished people of his class enjoyed the same rights as the Polish gentry (szlachta).

P. V. Sovetov.

Miron Costin şi epoca sa (1633—1691).

Opera lui Miron Costin este inseparabilă de epoca dominației otomane în Moldova, declinul economic teribil şi falimentul masiv al proprietarilor. El a deschis o nouă etapă în istoriografia şi literatură moldovenească, pentru a le înscrie în contextul barocului european. Raționalul din operele sale s-a reflectat în aspirația de a educa şi a distra pe cititori. M. Costin a vrut să vadă în fruntea țării eliberate de sub dominația otomană pe un monarh educat şi inteligent, iar pentru oameni din pătura socială a lui — drepturile şlehtei poloneze.

П. В. Советов.

Мирон Костин и его эпоха (1633—1691).

Творчество Мирона Костина неотделимо от эпохи османского владычества в Молдавии, губительного экономического упадка и массового разорения землевладельцев. Он положил начало новому этапу в молдавской историографии и литературе, вписав их в общеевропейский контекст барокко. Европейский дух гуманизма, пронизывающий его произведения, выражается в кредо: «просвещать читателя, развлекая». М. Костин желал видеть во главе страны, освобожденной от господства османов, просвещенного и мудрого монарха, а людей своего сословия — на правах польской шляхты.

Keywords: Miron Costin, feudal Moldavia, Ottoman rule, economic decline, Baroque in Moldavia, humanist principles.

Cuvinte cheie: Miron Costin, Moldova feudală, dominația otomană, declin economic, barocul în Moldova, principiile umanismului.

Ключевые слова: Мирон Костин, феодальная Молдавия, османское господство, экономический упадок, барокко в Молдавии, рациональное начало, гуманистические взгляды

Творчество Мирона Костина оставило неизгладимый след в истории молдавской культуры. Из-под пера Костина вышли традиционная молдавская летопись событий 1595—1661 гг. и вдохновенная стихотворная хроника, первые в Молдавии монография и философская поэма, панегирики и эпистолярные творения. Так ярко и лаконично характеризовал наследие этого выдающегося человека наиболее крупный современный исследователь его творчества Евгений Руссев.

* Доклад прочитан 15 декабря 1983 г. на организованной Союзом писателей Молдавии и Академией наук МССР научной конференции, посвященной 350-летию со дня рождения Мирона Костина. Опубликован на молдавском языке: Sovetov P. V. 1990. Miron Costin şi epoca sa. În: Revista de istorie a Moldovei. Anul I, Nr. 2 (2). P. 3—15. На русском языке печатается впервые по авторскому оригиналу, любезно предоставленному С. И. Советовой-Пармакли.

© П. В. Советов, 2010.

Вместе с тем, итоговый аккорд в оценке культурного наследия Мирона Костина — соединение его творчества с определенной историко-культурной эпохой, к которой он принадлежал как поэт и ученый, мыслитель и историк, в наших литературоведении и исторической науке еще не прозвучал. Представление об историко-культурной эпохе, в которую, в той или иной степени, вписывается творчество Мирона Костина, позволяет нам постичь более полно масштабы, место и значение этой незаурядной личности в истории европейской и молдавской культуры.

Творчество каждого писателя и поэта, мыслителя и историка неотделимо от эпохи, в которую он жил и творил, сколь бы далеко вперед ни забежал его гений. От правильного понимания этой эпохи зависит и возможность верной оценки творчества живших в ней или воспринявших ее художников слова и мыслителей.

Понимание Мирона Костина и его историко-культурной эпохи в нашей послевоенной научной литературе вначале связывалось преимущественно с «чистым» средневековьем, что может объяснить творчество таких летописцев XVI в., как Азарий, Макарий, Евфимий и даже, в какой-то мере, Григорий Уреке и его эпоху, но не может объяснить творчество Костина, хотя они жили в одном и том же XVII столетии. То, что такой подход давно изжил себя, стало очевидным в молдавском литературоведении и историографии. Но, как часто бывает в подобных случаях, когда, не поняв и недооценив наше место в истории мировой и европейской цивилизации, мы не смогли соотнести и синхронно вписать в «свою эпоху» творчество и личность ряда собственных писателей и ученых, первоначально срабатывает самый простой рефлекс «обратного действия» по отношению к тому, что так бесславно просмотрели. Начинается прямолинейная, порой формальная, примерка самых «престижных» одежд в масштабе истории мировой культуры. Возник вопрос: нельзя ли рассматривать творчество М. Костина как одну из страниц эпохи европейского Возрождения?

Идея прямо вписать Мирона Костина в эпоху Ренессанса не смогла увенчаться успехом, в той же мере, в какой и предыдущее стремление отнести его творчество только к «чистому» средневековью. Но сопоставление с эпохой европейского Возрождения не прошло даром. Оно подсказало нам, что поиски связей с Ренессансом и его истоками должны идти несколько иным, более сложным путем, не таким прямолинейным и упрощенным. Более перспективным теперь оказывается поиск, который ведет в последнее время ряд ученых Восточной Европы (Польши, Украины, Белоруссии, России и др.). Что касается России, то нынче, по широко распространенному мнению, другая историко-культурная эпоха — эпоха барокко сыграла здесь роль Возрождения. Она прививала русскому обществу некоторые идеи Возрождения, в той или иной степени гуманистические и прогрессивные по своему духу.

Молдавская историческая наука, медиевистика и литературоведение, должны констатировать сегодня, с некоторым опозданием, что, как и русская наука вначале, они прошли мимо этой эпохи, характерной для истории европейской цивилизации, эпохи, которая, оказывается, нас также не миновала. Так же, как и Московская Русь не знала Ренессанса, его не знала и Молдавия, поскольку в Молдавии, как и на Руси, не было соответствующих исторических предпосылок для такого глубокого культурного переворота. Неограниченный произвол и попрание правового порядка, по мнению историков русской литературы (авторский коллектив во главе с Д. С. Лихачевым), несовместимы с Ренессансом.

Зато в Молдавии, как и в ряде других стран Юго-Восточной и Восточной Европы, именно эпоха барокко впервые начала прививать обществу ряд идей, воспринятых от Возрождения, дала элементы того гуманистического пафоса, который отличает Мирона Костина от его предшественников в истории молдавской культуры.

В последние десятилетия в СССР и других социалистических странах Европы велась большая исследовательская работа по восстановлению действительного облика историко-культурной эпохи барокко (1). В результате по-новому прочитываются и оцениваются многие достижения литературы. Значительно расширяется географический диапазон этой эпохи, как признается сейчас, общеевропейской, распространенной в том числе и в Восточной и Юго-Восточной Европе, от России (где было буквально вновь «открыто» московское барокко второй половины XVII в.) до гораздо более позднего болгарского варианта, задержанного тяжким османским владычеством. Повсюду оказывается, что это — составная часть одного общеевропейского культурного процесса, хотя и не протекавшего повсеместно синхронно, но имевшего общие типологические черты. Если в соседней с Молдавией Речи Посполитой он зарождается тогда же, когда и в Западной Европе (конец XVI в.), в Чехии, Венгрии, Украине, Белоруссии — в середине XVII в., то в Молдавии распро-

страняется примерно в тот же период, что и в Москве — во второй половине XVII в. В Юго-Восточную Европу, непосредственно включенную в турецкую государственность (Сербия, Болгария и др.), стиль проникает намного позже.

Общая направленность барокко, вернее, литературного барокко (законченные черты которого пока еще недостаточно определены, несмотря на десятки монографий и сотни статей, правда, в МССР пока ни одной), не является еще непременным свидетельством наличия единого центра развития, единой модели или эталона. И, вместе с тем, по мнению Д.С. Лихачева, эта первая общеевропейская тенденция в литературе — «своего рода знамение времени», «первое всеобщее проявление кристаллизации общеевропейской культуры и литературы». Другой вопрос, что в одних случаях явления барокко стали ведущими и предопределили облик эпохи, в других — лишь сосуществовали с другими тенденциями.

Мирон Костин был одним из первых проводников и, в то же время, проявлением этой общеевропейской историко-культурной эпохи в Молдавии (2). И произошло это в один из самых тяжелых периодов истории страны, стонавшей под османским владычеством, в период турецко-татарских походов и нашествий, максимального экономического упадка молдавского хозяйства, апогея феодального угнетения народных масс и выкачивания из страны огромных материальных средств в Османскую империю. Это было время сословного разорения наиболее древних молдавских родов землевладельцев и служилого дворянства (куртян, немешей, мазылов, служиторов), упадка городской жизни, время всеобщего обнищания народных масс и самого низкого падения стандарта феодальной жизни в Молдавском государстве.

Условия, в которых жил Мирон Костин, придают особое значение творчеству молдавского мыслителя и летописца, историка и поэта, приобщавшего свою тяжко израненную османским угнетением Родину к современной ему историко-культурной жизни Европы. И здесь мы должны попутно коснуться еще одной пока мало разъясненной в науке загадке молдавской истории: почему взлет молдавской литературы (3), сопровождаемый самыми блестящими за всю эпоху развитого феодализма в Молдавии именами — Григория Уреке, Мирона Костина, Варлаама, Досифея, Николая Костина, Николая Милеску-Спафария, Дмитрия Кантемира, Иона Некулче, анонимных летописцев — приходится не только на период иноземного османского ига, но большей частью именно на время самого страшного в стране экономического упадка и массового, фактически корпоративного социального разорения большинства феодальных сословий (4). Ответ на этот вопрос, по всей вероятности, может быть только один. В Молдавии, как и в ряде других стран, внутри одной и той же общественно-экономической формации периоды взлета духовной культуры не всегда совпадают с подъемами социально-экономического развития общества. К. Маркс заметил по этому поводу, что определенные периоды расцвета культуры не всегда «находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации» (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 12: 736).

В молдавском варианте этого феномена проявилось интересное своеобразие. Внутренний протест против иноземного владычества огромной Османской империи — одной из самых мощных в мире военных держав средневековья (характеристика Карла Маркса),— привел к тому, что небольшая страна, которая не была в состоянии сама свергнуть военным путем это иго, выработала взамен мощное духовное оружие консолидации. В результате ряд ярких явлений истории культуры молдавского народа опережал социально-экономическое развитие общества. Были и внешние факторы и стимулы, способствовавшие такому развитию. Они исходили от соседних славянских народов, откуда приходили многие культурные импульсы при создании в Молдавии книгопечатания, развитии образования, единоверной религиозной жизни, вселяющей надежду на совместное противостояние экспансии не только мусульманского, но и католического мира. Именно этим путем проникают в Молдавию, пребывающую под османским игом, и элементы европейской культуры эпохи барокко.

Таковы, по нашему мнению, внутренние и внешние причины того поразительного противоречия, которое наблюдается между катастрофическим упадком молдавской сельской экономики и городской жизни, с одной стороны, и самым высоким за весь период феодализма взлетом, в то же время, молдавской оригинальной литературы. Эта трагически противоречивая ситуация — также характерная черта эпохи, в которой формировался великий молдавский книжник Мирон Костин.

Завершая общую характеристику культурного аспекта эпохи, в которую жил и творил Мирон Костин, восстанавливая ее связи с общеславянской и русской культурой, важно отметить еще одно немаловажное наблюдение. Между путями проникновения общеевропейского культурного и литературного течения барокко в Россию и Молдавию есть много общего, иногда совпадающего до удивительной идентичности. У истоков этого первого литературного направления в России стоял Симеон Полоцкий и ряд писателей и поэтов, выходцев из Речи Посполитой, изучавших «семь свободных художеств» в Киево-Могилянской академии или обучавшихся в школах, идентичных той, в которой занимался наш Мирон Костин. Правда, чаще всего не в Баре, а в Вильно (Вильнюсе), и в то же самое время — 40-е годы XVII столетия. Любопытно и то, что, по мнению авторского коллектива истории русской литературы (руководитель Д. С. Лихачев), именно «латинствующие» впервые пересадили на русскую почву европейский стиль барокко. В этом смысле, по-видимому, не случайно для Молдавии это сделал Мирон Костин — первый из молдавских писателей и поэтов, отметивший латинские корни в языке, культуре и истории молдавского народа, который он считал наследником римской цивилизации.

Мы приходим к такому же предположению, которое высказал авторский коллектив I тома Истории русской литературы во главе с Д. С. Лихачевым. Так же, как и на русскую почву, так и на молдавскую стиль барокко был пересажен извне, а здесь он был приобщен к местным традициям и условиям. Правда, имелась весьма существенная разница, и ее следует подчеркнуть. В отличие от Московской Руси второй половины XVII в., где, как указывал В. И. Ленин, начался новый период ее истории, зарождались элементы новых, капиталистических отношений, Молдавия, придавленная османским владычеством, находилась во власти безраздельного господства феодальных отношений и средневековья. Эти местные условия, конечно, усилили средневековую струю в творчестве М. Костина, но не смогли полностью приостановить приобщение М. Костина и других молдавских книжников к историко-культурной современности Европы, заложенной в них воспитанием в среде общеславянского барокко Польши и Западной Украины (5).

По общепринятому сейчас мнению, эпоха барокко, в том или ином ее проявлении, не знала языковых барьеров. М. Костин знал три необходимых языка, которые приобщили его к этой эпохе. Он знал латинский, польский и украинский. Знание еще двух языков — эллинского и древнерусского — позволяло обращаться к древней античной литературе, столь чтимой этим направлением.

М. Костин связан с первым общеевропейским литературным направлением, с этой историко-культурной эпохой многими зримыми и незримыми нитями. В первую очередь, об этом свидетельствуют энциклопедизм и обращение к античности, черты, которые были характерны для барочных писателей. Эти черты прослеживаются неоднократно и в методе литературной работы Мирона Костина, который был сугубо историческим. Он держал в памяти множество исторических фактов, которые давали читателю широчайший для условий Молдавии XVII века свод знаний из разных времен и из разных отраслей науки, включая универсальную историю, древнегреческую, римскую, византийскую, а также средневековую европейскую, в том числе мифологию, исторические анекдоты. М. Костин знает Овидия и Горация, обращается к Гомеру и Вергилию, вдохновляется Плутархом. Мыслитель прибегает к непререкаемому для писателей эпохи барокко авторитету античной философии. *«Говорит философ Аристотель,* — пишет М. Костин, — *что всяк человек знания алчет, но* — добавляет наш мыслитель, — *не всяк человек познать старается. И ничто не отличает так человека от животного, как знание. И из знания рождается наука…»*

Высокое чувство ответственности, свойственное молдавскому ученому, весьма четко выражено им в предисловии к монографии, посвященной этногенезу молдавского народа, того самого монографического исследования этногенеза молдавской народности, которое современные советские молдавские ученые, к сожалению, до сих пор не смогли «подарить» своему народу. Полемизируя в своей монографии с Симионом Даскэлом, интерполятором летописи Григория Уреке, по поводу происхождения молдаван якобы от римских каторжников, М. Костин пишет: *«Не шутейное дело хулу вечную на народ возводить, ибо писание — дело вечное… За все, что пишу, я буду в ответе»*. Конечно, интерполяция Симиона Даскэла к летописи Григория Уреке не выдерживает критики источников, а Мирон Костин в определенной мере к ней стремился, как и многие барочные авторы (6).

Влияния гуманизма, воспринятые писателями барокко, приводили и у Мирона Костина к критическому использованию всех доступных источников. Он разделял

идеи о необходимости всесторонней осведомленности для историка и писателя при создании своих произведений, привлечения всесторонних знаний из области географии, археологии, этнографии, нумизматики, эпиграфики, лингвистики, топонимики и т. д. Будучи следствием этого благотворного влияния, углубленные разыскания Костина явились вкладом в развитие феодальной историографии в Молдавии, ценной лептой в сокровищницу молдавской культуры. В своей монографии Мирон Костин преодолел этап накопления исторических знаний, которому частично соответствует его летопись, и поднялся до уровня одного из зачинателей (наряду с Дмитрием Кантемиром) исторической науки в Молдавии на монографическом уровне, соответствующем т. н. дворянской историографии в России (В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин).

К историко-культурной эпохе барокко и ее художественному стилю Мирон Костин наиболее близко подошел в своей поэме «Жизнь мира», которую он открывает гимном стихосложению:

«ЫН тоате цэриле, юбитуле четиторуле,
се афлэ ячесту фел де скрисоаре, каре елинеште "ритмос" се киамэ иарэ словенеште "стихословие" ши ку ачесту кип де скрисоаре ау скрис мулць лукруриле ши лаудиле…»[1].

При этом он не упускает возможности отметить, что и на родном языке возможно стихосложение:

«…сэ се вазэ кэ поате ши ын лимба ноастрэ
а фи ачес фел де скрисоаре, че се кямэ стихурь»[2].

Костин использовал в поэме «Жизнь мира» свойственные стилю барокко символику, аллегории, игру слов, подчеркивание натуралистических деталей в сравнениях, приобретающих характер символов определенных абстрактных идей:

Трек зилеле ка умбра, ка умбра де варэ…
Спума мэрий ши нор супту чер трекэторю[3].

Поэт связывает это с мыслями о непостоянстве и тщетности земного благополучия. С этой мысли начинается и сама поэма:

А лумий кынту ку жале кумплита виаца
Ку грижь ши примеждий, ку ясте ши аца
Пря сипцире ши'н скуртэ време трэитоаре
О, луме хиклянэ, луме ыншелэтоаре[4].

Характерно, что через несколько десятилетий другой великий представитель молдавской литературы конца XVII — начала XVIII вв. Дмитрий Кантемир, также отдавший дань стилю барокко, в «Иероглифической истории» воспроизводит в той же литературной манере мысли и настроения Мирона Костина, своего предшественника:

А лумий кынт ку жале кумплита вяцэ
Кум се трече ши кум се рупе ка кум ар фи о ацэ[5].

Свойственная писателям барочной эпохи тенденция к символической интерпретации мира, при которой явления в мире выступают как символы, вещи — как метафоры, прослеживается у Мирона Костина неоднократно. Реальные предметы и явления теряют свои обычные повседневные значения и становятся элементами языка, с помощью которого воссоздавался иной, высший мир — мир значений:

Ши ка апа ын курсул сэу кум ну сэ опреште
Аша курсул ал лумий ну сэ контеште.
Фум ши умбрэ сынту тоате, висурь ши пэрере.
Че ну петрече лумя ши-н че ну-й кэдере[6]?

В картине мира, данной М. Костиным, совсем как по канонам эпохи барокко проявляются новые качества, трагизм потерянности в этом большом и непознаваемом мире и героизм усилий познания этого мира, законов, им управляющих, и, тем самым, обретения в нем своего места. В поэме М. Костина нет, конечно, естественной гармонии Ренессанса. Но зато имеет место внутренне напряженная метафизическая гармония барокко. Подход М. Костина, как человека эпохи барокко, приобретает в поэме поистине космические масштабы, ибо от его правильности

---

[1] «Во всех землях, дорогой читатель, существует этот вид писаний, который по-эллински именуется "ритмос", а по-славянски "стихословие", и таким способом написаны многие произведения и восхваления».

Здесь и далее переводы оригинальных текстов Мирона Костина принадлежат С. И. Советовой-Пармакли.

[2] «Можно сказать, что и на нашем языке может существовать такой род письма, который называется стихами».

[3] Дни текут словно тени, как летние тени
Преходящие, как пена морская, как облачко в небе.

[4] Мира жалобная песнь о жестокой жизни
с заботами и опасностями; она как нить
слишком тонкая и проживаемая за короткое время.
О, предательский мир, обманчивый мир.

[5] Пою с болью о жестокой жизни мира
Как проходит и рвется она, подобно нити.

[6] И как вода в своем течении никогда не останавливается
Так не останавливается и течение жизни
Все есть дым и тень, сны и призраки
Что не переживет мир, и в чём нет упадка?
Пена моря и облака под бренным небом.

зависело, по представлению поэта, то вечное и непреходящее, что было заключено в каждой личности.

Как и в целом в эпоху барокко, в произведениях Мирона Костина развивалось личное начало в литературе и искусстве, формировалась тенденция к оригинальности, которая долгое время не входила в число доминирующих художественных тенденций. Зарождение этого направления означало изменение типа художественного сознания, в первую очередь, за счет роста интереса к человеческой личности.

В эпоху барокко находят широкое распространены и художественные свойства панегирической литературы, прославляющей личности владык мира сего. В своем «Лабиринте», написанном через год после завершения летописи в 1676 г., М. Костин прибегает и к этой форме литературы. Он здесь изобретает неожиданные аллегории и символы, прибегает к утонченным и причудливым формам, усложненным приемам композиции, заимствуя образы из античной литературы. Сама идея этого заимствования, к которой писатели эпохи барокко обычно явно прибегали как бы в наследство от Ренессанса, открывает «Лабиринт» Костина:

«Антикитатя чя плинэ де спирит ши ынцеляптэ ын нэскочириле ей а инвентат ши а пэстрат обичеюл, кэ ла сэрбэториле ануале супушь сэ експриме… приетений приетенилор, унул фацэ де челелалт, ындаторириле ши бунэвоинца лор, сэ урезе норок ши феричире… ну нумай прин кувынтэрь плине де спирит, дар ши прин граюл пэсэрилор муте, ынвэцате сэ ворбяскэ»[7].

В Молдавии, где из-за тяжелого османского ига в целом консервировалась средневековая эпоха и господствовали свойственные ей целостность художественной системы и единство художественных вкусов, перо М. Костина, пускай и на основе трансплантации элементов эпохи барокко извне, использовало возможность выбора художественного метода. Так рождаются литературные направления. Барокко — первый из европейских стилей, зарождающихся не только в русской, но и в молдавской литературе.

Конечно, всех стилевых орнаментов и художественных форм, всех черт и черточек этого сложного общеевропейского литературного течения в творениях Мирона Костина, по крайней мере пока, мы выявить еще не смогли. Но ряд особенностей мы можем отметить и сегодня. На некоторые из них, вытекающие из безраздельного господства и консервации феодальных отношений периода экономического упадка Молдавии, тяжелого османского ига, указывалось выше. Здесь хотелось бы отметить и особенности другого рода.

Как и московские писатели и поэты эпохи барокко, многие из которых получили образование в тех же школах, что и наш писатель и поэт, М. Костин предпочитал уклоняться от крайностей, смягчать барочную мятежность и экзальтацию, которая в официальных кругах, к которым он принадлежал, всегда отличалась умеренностью. Это привело к кажущейся стертости многих художественных приемов, особенно стиля, и в то же время выпячиванию других.

Рациональное начало, свойственное в целом описываемой культурной эпохе, выразилось у Мирона Костина в стремлении к риторичности (7), риторическим контрастам — *курсул лумий аць черкат, лумя курсул вострy а тэят*[8]. Это стремление, в свою очередь, имело в основе желание поучать и воспитывать читателей. Оно, пожалуй, подавляло соседствующую задачу «трогать и развлекать». Это рациональное дидактическое начало проходит через все его произведения, начиная от «Летописи земли Молдавской» и до монографии «О племени молдаван, из какой страны вышли их предки»: *«Кэ летописецеле ну сынт нумай сэ ле читяскэ омул, сэ штие че а фост ын времь трекуте, чи май мулт сэ фие де ынвэцэтурэ, че есте бине ши че есте рэу…»*[9].

Элементы гуманизма у Костина, как и у многих других писателей Восточной Европы эпохи барокко, были ограничены феодальным строем, остатками, а то и пластами провиденциалистских убеждений средневековья. Они отражали, как и повсюду в эту эпоху, ту или иную степень синтеза и соотношения наследия и влияний средневековья и Ренессанса в их причудливом сплаве, который и составляет суть особенностей барокко (оно рождается как отрицание Ренессанса и в то же время, в силу последовательного

[7] «Древность, полная духовности и мудрости в своих фантазиях, изобрела и сохранила обычай, чтобы во время ежегодных праздников… друзья друзей, лицом друг к другу, выражали свои обязательства и доброжелательность, желали удачи и счастья… не только в речах, полных душевности, но и на языке немых птиц, обученных разговору».

[8] Попытали жизни путь;
Мир же — путь ваш оборвал

[9] «Ибо летописи существуют не только для того, чтобы человек читал их и знал, что было в прежние времена, но более того, также чтобы служить поучением тому, что такое добро и что такое зло...»

развития цивилизации, что-то существенное от него воспринимает по закону отрицания отрицания: провозглашая черты провиденциализма, воспринимает в то же время элементы гуманизма).

И действительно, ведь в культуре европейского барокко место ренессансного человека (как высшего проявления гуманизма), в той или иной степени потеснив его, снова занимает бог — первопричина и цель земного существования. Эта средневековая струя способствовала усвоению элементов барокко как в России, так и в Молдавии, для которых средневековая культура отнюдь не была далеким прошлым. Потому-то и наш великий книжник и мыслитель не может еще окончательно вырваться из тисков божественного предопределения: *«Сколько стараний человек ни прилагает,*— пишет М. Костин,— *миропорядка божьего, как он ныне устроен, никто изменить не в силах»*. Здесь налицо наследство средневекового провиденциализма, к которому, в равной мере, добавляется и классовая ограниченность. Но в рамках этого, богом данного, строя, которого никто изменить не может, наш мыслитель все же занимал позицию ожидания перемен. Она была выявлена молдавскими учеными недавно, благодаря возникшему в советской историографии направлению по изучению типологии феодализма в Молдавии.

Прежде чем перейти к этой интересной и новой проблеме, необходимо коснуться общеизвестного мнения о социально-экономическом строе, который установился на родине великого молдавского книжника и мыслителя. В таком случае окажется возможным затем рельефнее выделить оригинальную новизну типологического подхода, открывающего путем универсального моделирования не только общее, но и особенное, колоритно-специфическое в истории молдавского феодализма (8).

Характеризуя вначале эту общеизвестную по литературе картину мировоззрения в самом общем виде, следует учитывать, что среди книжников и ученых, писателей и поэтов, историков и мыслителей, которых дала молдавская земля в XVII в., никто не ставил под сомнение господствующий в то время в стране феодальный общественный строй. Мирон Костин также выступает в роли откровенного защитника социального неравенства в государстве и проповедует феодальную иерархию и сословное деление. *«Господарь,*— говорит он,— *должен обращаться с боярином как с боярином, со служилым человеком как со служилым, с крестьянином как с крестьянином»*. Сословная замкнутость высшей прослойки — боярства — подчеркивается им с особой силой на примере приближенного служилого человека господаря Раду Михни, который оказался не в состоянии по своему *«человеческому духу»* стать боярином. Личность монарха и его власть, по мнению М. Костина, божественного происхождения. В «Польской поэме» он прямо пишет, что монарх — наместник бога на земле, сама мысль, что монарх может выйти из низов, отвергается им со всей решительностью на примере Драгоша.

В соответствии со своими общими взглядами М. Костин рассматривает вопросы войны и мира, чрезвычайно важные для порабощенной Молдавии, ведущей освободительную борьбу против османского владычества. Связь между религией и войной хотя и прослеживается у летописца, но гораздо реже, чем у его предшественника Григория Уреке. Вырываясь из тисков провиденциализма, его воззрения оставляют гораздо больший простор для личной инициативы человека, государей и полководцев, их военного искусства, смелости и преданности солдат воюющих сторон. Захватнические войны, по самой их сути, летописец осуждает со всей страстью, на какую был способен мыслитель угнетенной османами небольшой страны. Для авторитета он прибегает к словам Плутарха о том, что мудрость владык и монархов больше видна из слов и добрых советов, чем из войн, которые они ведут. Но если война должна возникнуть, то, по мнению М. Костина, ее надлежит вести в законных для человека рамках. В духе теоретиков международного права его эпохи (Джентиле, Гуго Гроция и др.) он одобряет тех государей, которые перед началом войны объявляли ее, — разумеется, в интересах мирного населения.

Представляют интерес и высказывания М. Костина о стремлениях к мировому господству и созданию, таким образом, мировой феодальной монархии, — теории, которая в средние века вынашивалась в реакционных феодальных кругах Европы и была начертана на знамени Османской империи, поработившей и безжалостно топтавшей его родную Молдавию. *«Много государств в мире,*— предупреждает он,— *желая захватить другие страны, сами погибали»*. Так погибла держава Дария, Карфаген, Эпир. *«Так случается,*— продолжает он,— *со всеми империями, когда они слишком расширяются, не имея возможности больше укрепляться, рассыпаются…»*. Империя османов, охватившая огромную территорию от границ бывших

владений Дария и древнего Карфагена до его родной Молдовы, считал М. Костин, должна когда-нибудь рассыпаться под ударами изнутри и извне ее пределов. Он как бы призывает к этому.

Противник мирового господства одной державы, мировой феодальной монархии, М. Костин, естественно, был сторонником освобождения своей родины от иноземного ига. Он призывает к общему выступлению против османских захватчиков. Но, проявляя разум большого государственного и политического деятеля, предупреждает против поспешного выступления без должной подготовки: *«…с разумом, а не без расчета и подготовки,* — пишет он, — *чтобы вместо пользы принести стране ее гибель»*.

И в случае такого освобождения М. Костин желал бы, в духе своих воззрений, видеть во главе страны образованного и умного монарха, не предающегося праздности, мудрого политика и тонкого дипломата.

Сам он неоднократно выступает в роли опытного политика, стремящегося не допускать бессмысленного возмущения народных масс, возмущения, которое одинаково грозит как господарям, так и его, феодального летописца, классовым интересам. *«О Молдавия,* — восклицает наш книжник, — *если бы господари твои, которые владеют тобой, были бы мудры, то так легко не погибла бы ты. Алчные господари, не ведающие обычаев твоих, суть причина твоей гибели»*.

В обширной литературе о Мироне Костине этот монолог обычно считали наиболее глубоким пониманием положения Молдавии в XVII в., где господари (иногда чужестранцы, не ведавшие местных обычаев), стали ставленниками турецкого султана. В действительности же Мирон Костин видел глубже: причины — нарушение старых молдавских обычаев и проистекавшие отсюда, по его мнению, страшные беды, грозящие гибелью родной стране.

Этот аспект мировоззрения Мирона Костина станет более ясным, если мы вернемся здесь к вопросу о новейших изысканиях современной молдавской историографии по проблеме типологии феодальной формации и перейдем от общих формационных характеристик общественного строя Молдавии к оценке типологической вариативности молдавского феодализма. До недавнего времени (не допуская социалистического плюрализма во взглядах) не выделяли и многоликую вариативность форм феодализма в науке и, как следствие этого, не различали и вариативности общественно-политических взглядов, вытекавших из возможности этих различных альтернатив исторического развития каждой страны или региона.

Феодальная формация в Молдавии периода османского ига в конце XVI—XVIII вв. не сохраняла одну и ту же застывшую, законсервированную типологическую форму («старых обычаев», согласно М. Костину, неведомых новым господарям-ставленникам турецкого султана), которая была присуща стране накануне и в первые десятилетия османского владычества (т. е. в XV — середине XVI вв.). Наоборот, в конце XV—XVIII вв. происходили весьма существенные сдвиги и изменения в типологическом ряду форм феодальной общественно-политической формации в Молдавии. И, разумеется, эти сдвиги не были результатом просто «злого умысла» алчных господарей.

Мирон Костин, как и все его современники в Европе, конечно, не мог понять истинный социальный смысл происходивших тогда перемен, тем более в том плане, как мы сейчас видим, вооруженные марксистско-ленинской методологией, учением об общественно-экономических формациях. Но его развитый, проницательный интеллект не мог не выразить, в рамках мышления того времени, своего отношения к тому, что, хотя эпоха феодализма в Молдавии, в которой он жил, сохранялась и даже консервировалась османским владычеством, ее типологическое лицо изменялось, и резко изменялось, даже на его глазах.

Сеньориальный, т. н. «классический», европейского типа, феодализм, который господствовал до османского владычества («старые добрые обычаи», о которых сожалеет М. Костин), все время и особенно в XVII — середине XVIII вв. слабел, а вместе с ним массовым образом разорялось и сословие, к которому принадлежал М. Костин, — сословие местных молдавских феодальных землевладельцев, вплоть до старинных боярских родов, которым грозила «гибель» (9). Взамен все время усиливались формы государственного феодализма. Он принимал все более низкие, варварские, «азиатские» формы, присущие, как считал К. Маркс, самому османскому феодализму. Происходило огосударствление всех сторон общественной жизни в Молдавии XVII—XVIII вв. (10). Основным катализатором этих типологических сдвигов в сторону государственного феодализма была Османская империя, выкачивавшая из Молдавии посредством феодально-государственной эксплуатации народных масс свой основной доход. Последний достигал в конце столетия, в котором

жил М. Костин, более половины всего производимого в стране прибавочного продукта. Часть местного молдавского боярства и многие влившиеся в его состав выходцы из Османской империи приспособились получать доходы за счет государственных податей и налогов. Это было крупное служилое боярство, и среди них — сам М. Костин, занимавший высшие посты в феодально-государственной иерархии: старосты-пыркалаба, великого комиса, великого логофета, великого ворника и т. д.

Но, будучи служилым боярином, он стал и одним из наиболее крупных землевладельцев (89 хотаров сел и их долей — третья по величине магнатская вотчина в стране). И хотя М. Костин как служилый боярин пользовался вполне тем благополучием, которое давал ему господствующий в стране тип феодализма, он сделал свой выбор. У нас есть все основания считать, что именно Мирон Костин был автором известного обращения к польскому королю в 1684 г. о переходе Молдавии в королевское подданство для освобождения с его помощью страны от турецкого ига. В этом обращении, написанном от имени феодальных сословий земли Молдавской, содержится просьба об установлении тех же феодальных порядков и социальных прав, которые имеет *«шляхта польская в землях Короны и Литвы»*, т. е. отказ от господствующих как в Молдавии, так и в Турции форм государственного феодализма и установление его наиболее выраженных, как и в Речи Посполитой, европейских (преимущественно сеньориальных) форм.

М. Костин выступал, скажем мы словами сегодняшней науки, против преимущественно «азиатских», восточных форм феодализма, которые насаждала в Молдавии Османская империя, против укрепления власти господарей как ставленников турецкого султана, видя в них причину крушения не только своего сословия, но и родной Молдавии. Отсюда, между прочим, мыслитель допускал право сопротивления господарям, вплоть до восстания. Поэтому божественное предопределение власти, по его мнению, относится только к ее сущности, но приобретение и пользование может быть противными воле божьей. В таком случае подданные, под которыми он имел в виду только свое феодальное сословие, могут отказать в повиновении тирану-господарю. Тираноборческие идеи нашего мыслителя были, однако, ограничены классовыми интересами боярской олигархии, своего боярского сословия, которое, как он всегда мыслил, должно разделять власть с господарем и его ограничивать.

Это право на восстание, даже под знаменем тираноборчества, не допускается для крестьян и городских низов. Здесь, наоборот, мнение летописца о «добродетели» сменяется требованием страха перед феодальными властями. Это особенно видно из того места летописи, где он говорит о грозных событиях первого в XVII в. народного восстания 1633 года.: *«Неспусэ врэжмэшия а простимей»*[10]. Оно произошло как раз в том году, в котором он родился.

Вскоре после этого восстания семья Костиных с годовалым ребенком Мироном на многие годы покидает пределы родины, уезжает в Польское королевство, где получает польский «индигенат» (гражданство), шляхетство, образование и воспитание, что на многие годы определило не только симпатии Мирона Костина и всего его рода, но и многие черты его мировоззрения. Поэтому он, — поборник освобождения родной Молдавии от тяжелого османского ига, — ждал его от Польши. М. Костин еще не мог увидеть в России, чья мощь тогда только нарастала, единоверную державу и мощного союзника в борьбе за освобождение. Мирон Костин — пленник из армии, разбитой поляками под Веной, — обращается пока к победителю турок, польскому королю Яну Собесскому. В своем почетном плену в охотничьем замке под Дашавой он пишет посвященную королю «Польскую поэму» — как символ своей надежды добиться освобождения Молдавии от османов с помощью короля. М. Костину еще не было дано видеть наступающего кризиса шляхетской Польши и ее последующего упадка. Однако благодаря впечатлениям и образованию, полученным в Речи Посполитой, которая раньше знала эпоху своего Ренессанса, а затем вписала самую раннюю страницу в последующую историко-культурную эпоху барокко в Центральной и Восточной Европе, М. Костин стал проводником передовых для своего времени гуманистических идей в своей родной Молдавии.

Оценивая историко-культурное и литературное направление, в которое во многом вписывается перо М. Костина, нельзя не отметить еще раз, что если общеевропейское барокко в целом осознало себя в непосредственном отношении к Ренессансу, то трансплантированные элементы эпохи барокко в Молдавии, как и барокко московское, имели предшественником не Ренессанс, а средневековую традицию. Предшественником М. Костина и дру-

[10] «Несказа́нная опасность глупости».

гих книжников, воспринявших эту эпоху, был Григоре Ureке, т. е. в основном еще средневековая традиция.

Эпоха, открытая для Молдавии Мироном Костиным, не закончилась с его трагической гибелью в 1691 г., она продолжала развиваться на уровне элементов т. н. «высокого барокко» в некоторых произведениях Дмитрия Кантемира, например, «Иероглифической истории» и «низового», связанного больше с фольклором и устной традицией, нежели обращением к античности, в произведениях Иона Некулче (11).

Творчество Мирона Костина внесло новый этап в молдавскую историографию и литературу, вписало молдавских книжников в первую общеевропейскую историко-культурную эпоху, разумеется, не осознавая значения этого свершения. Но он понимал другое. *«Посредством писания,* — отмечал М. Костин, — *счастливую жизнь сотворяем, бессмертное имя заслуживаем».*

И, действительно, верно заметил один из видных советских исследователей молдавской культуры XVII в. Е. М. Руссев, «трудом своим и книгами своими Мирон Костин заслужил бессмертье». Произведения Мирона Костина, превратившись в народное достояние, живут своей второй жизнью. А это — высшее признание, о котором может только мечтать подлинный творец, 350 лет со дня рождения которого мы сегодня отмечаем.

Примечания

1. Комплекс историко-культурных и философско-эстетических категорий, получивший название барокко, вначале использовался для характеристики художественного стиля, затем литературного и художественного течения и, наконец, для определения целой историко-культурной эпохи.

2. Элементы историко-культурной эпохи барокко, в той или иной степени, прослеживаются в различных областях молдавской культуры того времени (помимо литературы, также в архитектуре — церковном и светском зодчестве, изобразительном искусстве и др.). В целом эта интересная страница истории Молдавии не стала пока предметом специального изучения, и является одной из неотложных задач советской молдавской историографии, литературоведения, искусствоведения. Она может открыть путь к новым, пока еще неизведанным, просторам для определения места молдавской культуры XVII—XVIII вв. в рамках европейской цивилизации.

3. В определенной мере это касается и некоторых других сторон развития культуры: окончательного утверждения письменности на молдавском языке, появления книгопечатания, развития новых мотивов в фольклоре (острие которых теперь было направлено не только против местных, но и иноземных угнетателей), новой ступени образования (славяно-греко-латинская академия), хотя и не достигшего в период турецкого ига уровня высшего университетского образования, как в соседней Польше. Правда, именно там, в соседнем Польском королевстве, которое перешло от своего Ренессанса к барокко, учился юный Мирон Костин.

4. Из перечисленных выше имен, составлявших гордость молдавской литературы эпохи развитого феодализма, пожалуй, только Григорий Ureке и Варлаам жили накануне упадка. Экономический упадок разворачивался во второй половине XVII в., особенно в последние десятилетия XVII — начале XVIII вв.

5. Термин, принятый в нашем советском литературоведении и современной историографии. По этому вопросу имеется значительная оригинальная литература, которая легла в основу анализа барочных мотивов в настоящем докладе и соответствующих научных формулировок.

6. Впоследствии эта полемика была возобновлена Д. Кантемиром (в творчестве которого также встречаются элементы барочной культуры) и продолжалась длительное время в молдавской историографии. Однако, истины ради, следует заметить, что она толковалась долгое время односторонне. Никто из участников дискуссии не обратил внимания на то, что Симион Даскэл, собственно говоря, внес в текст летописи Григория Ureке не указание о происхождении в целом всей молдавской народности, как таковой, а только ее феодальной знати — боярства. Такое уточнение требует несколько иной интерпретации традиционной дискуссии, которая началась в XVII в. и продолжается до наших дней. Интерполятор Симион Даскэл (в отличие от служилых бояр Ureке и Костина) был выходец из низших

слоев служилого сословия (куртян и немешей). Последние разорялись в корпоративном масштабе из-за существования непомерной феодально-государственной податной эксплуатации населения, от которой наживалось, наряду с османами, и служилое боярство Молдавского княжества. Так что «хулу» своей интерполяцией С. Даскэл возводил на высшее феодальное сословие — служилое боярство, которое сумело приспособиться к утверждению в княжестве государственного феодализма, в то время как бóльшая часть землевладельцев и молдавского дворянства от него разорялась. Но все это уже не вопросы критического отношения к источникам, свойственного барочным писателям, а проблема классовой и внутриклассовой интерпретации.

7. Молдавский литературовед Ефим Левит справедливо обратил внимание на влияние риторики барокко и у других молдавских книжников XVII в. Он отмечает в этом смысле «Ответ на кальвинистский катехизис» митрополита Варлаама.

8. К сожалению, до недавнего времени модели молдавского феодализма слепо проектировались с моделей русского феодализма, в такой же мере, в какой феодализм на Руси в определенной степени копировался с «классического» французского образца сеньориальной модели без учета сопоставления русской и молдавской истории с типологическим подходом в универсальном, всемирно-историческом масштабе путем изучения общего и особенного.

9. И, словно подытоживая эту тенденцию, через несколько лет сын Мирона Костина летописец Николай Костин писал, что до конца XVII — начала XVIII вв. *«погасли почти все старые боярские роды Молдавии»*, эти роды *«обеднели и исчезли»*. «Гибли» и более поздние роды XVI — начала XVII вв. В перечне Д. Кантемира начала XVIII в. насчитывается 75 боярских родов. В нем обнаруживаем лишь 20 родов, упоминаемых в конце XVI — начале XVII вв.

10. Об огосударствлении формационных отношений и государственных форм всех классово-антагонистических формаций писали классики марксизма-ленинизма (К. Маркс, В. И. Ленин). В. И. Ленин прямо использовал в своих теоретических работах термины «государственный капитализм», «государственный феодализм» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16, С. 310). В последнее время отмечают и государственные формы социализма, «государственный социализм» (Бурлацкий Ф. Какой социализм народу нужен. *«Литературная газета»*. № 16. 20 апреля 1988 г.). М. С. Горбачев использовал для этого термин «бюрократический социализм», а Е. К. Лигачев отмечал в 1987 г. «огосударствление общественно-экономических отношений социализма».

11. Античное наследие имеет определяющее значение лишь для западноевропейского, в основном итальянского Возрождения, зато фольклорная традиция едва ли не более значительна в формировании многих писателей, испытавших влияние Возрождения или барокко. Они представляли так называемое сейчас в литературоведении «низовое барокко», в котором особенно ощущалась преемственность с народной культурой, но отсутствовал высокий образовательный ценз, взамен которого свободно использовались формы народного искусства и творчества.

Статья поступила в номер 5 июля 2010 г.

Pavel Sovetov (1927—1991). Doctor of historical sciences, professor, corresponding member, Moldova Academy of Sciences.

Pavel Sovetov (1927—1991). Doctor în ştiinţe istorice, profesor, membru corespondent al Academiei de Ştiinţe a RM.

Советов Павел Васильевич (1927—1991). Доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. АН Молдавской ССР.

Зодчество

Architecture
Arhitectura

А. В. Красножон

Крепость двух Стефанов:
о заказчиках и времени основания белгородских укреплений

A. V. Krasnozhon.

Fortress of Two Stephans: on Customers and the Dating of Belgorod Fortifications.

It was traditionally considered that medieval fortress in Belgorod on Dniester was built in a few stages, during 90 years (from 1390 — to 1479), and the territory of defensive complex during this time gradually broadened from 0,09 ga to 8,73 ga. However, many facts revealed by the historical-architectural analysis of the fortress prove that the fortress was built rather quickly and works on its construction did not last more than two years (1438—1440). Some wide-scale modernization works on the complex were carried out in 1470-1475.

Building of this fortress was stimulated by continuous feudal conflicts between the two pretenders on Moldavian throne — Stephen II and his brother Iliaş. As a result, the country was divided into spheres of influence, and Belgorod in 1438 grew into the capital of Ţara de Jos ruled by Stephen II. Modernization in 1470s, carried out during Stephan III the Great's rule, was motivated by the Ottoman military aggression in the region.

A. V. Krasnozhon.

Cetatea a doi Ştefani: despre ctitorii şi perioada de fundare a elementelor defensive din Belgorod.

Tradiţional se considera, că cetatea medievală din Belgorod pe Nistru a fost construită în cîteva etape, în decursul a 90 ani (din anii 1390 pînă la 1479), iar suprafaţa complexului defensiv s-a lărgit consecutiv de la 0,09 la 8,73 hectare. Cu toate acestea, rezultatele analizei istorico-arhitecturale a cetăţii permit interpretarea ei în calitate de un obiect construcţional simultan, ridicarea căruia a durat doar aproximativ doi ani (1438—1440), lucrări masive de modernizare a complexului fiind realizate în a doua jumătate a anilor 70 ai sec. XV.

În baza fundării şi construcţiei cetăţii au stat conflictele de lungă durată dintre doi pretendenţi la tronul Ţării Moldovei — Ştefan II şi fratele său Iliaş. Aceste divergenţe au adus la împărţirea statului moldovean în diferite sfere de influenţă, Belgorod devenind în 1438 capitala Ţării de jos sub conducerea lui Ştefan II. Modernizările din anii 1470, din perioada domniei lui Ştefan III, au fost provocate de agresiunea militară otomană în regiune.

А В. Красножон.

Крепость двух Стефанов: о заказчиках и времени основания Белгородских укреплений.

Традиционно считалось, что средневековая крепость в Белгороде-Днестровском строилась в несколько этапов, на протяжении 90 лет (с 1390-х — по 1479 гг.), а территория оборонного комплекса в течение этого времени постепенно расширялась от 0,09 га до 8,73 га. Однако факты, полученные в результате проведенного историко-архитектурного анализа крепости, позволяют видеть в ней единовременный строительный объект, на возведение которого ушло всего около двух лет (1438—1440 гг.). В первой половине 70-х гг. XV в. произошли масштабные работы по модернизации комплекса.

Стимулом для основания и строительства крепости послужили затяжные междоусобные конфликты двух претендентов на молдавский престол — Стефана II и его брата Ильяша, в результате чего страна была поделена на сферы влияний, а Белгород в 1438 г. превратился в столицу Цара де Жос господаря Стефана II. Причиной модернизаций в 1470-х гг., пришедшихся на эпоху правления господаря Стефана III Великого, послужила османская военная агрессия в регионе.

Keywords: Belgorod fortress, "the Time of Troubles" in Moldavian Principality, Stephan II, construction activities of Stephan III, Moncastro, Dniester estuary, defensive ditch.

Cuvinte-cheie: Cetatea din Belgorod, „timpurile tulburi" ale Ţării Moldovei, Ştefan II, activitatea de construcţie a lui Ştefan III, Moncastro, limanul Nistrului, sistem defensiv

Ключевые слова: Белгородская крепость, «смутное время» Молдавского княжества, Стефан II, строительная деятельность Стефана III, Монкастро, Днестровский лиман, оборонный ров.

© А. В. Красножон, 2010.

Современное состояние источников в исследованиях Белгород-Днестровской крепости (далее — Белгородской) находится на уровне, предполагающем высокую степень гипотетичности выводов применительно к серии ключевых вопросов: когда была основана крепость, кем она была выстроена, и как развивались ее укрепления в хронологической перспективе.

Критика «концепции долгостроя»

Согласно историографической традиции, на строительство Белгородской крепости ушло от 60 до 90 лет (Шлапак 2001: 46—47, 141; Бруяко, Сапожников 2000: 443—451; Очерки 1979: 79; Войцеховский 1969), при общей площади обороняемой территории 8,73 га и объемах строительного камня 53237,55 м³. На основании свидетельств, в основном, лапидарных источников (Мурзакевич 1850: 480—483; Кочубинский 1889: 506—547) была установлена общая последовательность строительных периодов крепости доосманского времени. Предполагается, что в течение всего этого срока укрепления развивались в три этапа:

1) Не позже 1396 г. появилась цитадель (дата основания и сроки строительства не определены).

2) С 1421 по 1440 гг. возводились стены и башни Военного двора (т.н. «Малая крепость»).

3) С 1476 по 1479 гг. (включительно) возвели укрепления Гражданского двора.

Говоря иначе: «строительство внешнего пояса каменных укреплений могло быть начато молдавскими господарями между 1396 и 1440 гг., а закончено Стефаном Великим в 1479 г.» (Шлапак 2001: 64).

В цифровом выражении эти данные выглядят следующим образом. «Малая крепость» строилась почти 20 лет, в течение которых было уложено около 12 тыс. м³ камня. В то время как кладку, объемом более чем 15 тыс. м³ (стены и башни Гражданского двора), каменщики успели поднять в течение 5 лет. Тогда же они должны были вырыть ров (по логике вещей) объемом почти 106,750 м³, облицевать его камнем, построить в нем две внутренние башни и возвести внешние стены перибола с объемом кладки более 5 тыс. м³.

Впрочем, ров, перибол и Торговый двор вообще не прописаны в указанной схеме поэтапного развития Белгородской крепости. Между тем, трудовременные затраты, которые ушли на сооружение рва, приравниваются аналогичным показателям по возведению всех каменных сооружений крепости (включая цитадель). Объем рва превышает более чем в два раза объем всех использованных стройматериалов при кладке стен и башен Белгорода. Другими словами, если всю крепость (включая фундаменты) разобрать на блоки и выложить во рву, то он заполнится менее чем наполовину.

С позиции концепции поэтапного расширения площади Белгородской крепости (Шлапак 2001: 58), трудно объяснить, как именно происходило «преобразование» первоначальной «Малой крепости» (Войцеховский 1969: 341) в «большую», не вступая в противоречия с данными о конструктивных и архитектурных особенностях рассматриваемого объекта. Так, одним из основных аргументов «концепции» является сама планировка оборонного комплекса (рис. 1), в частности, его внутренняя стена, которая разграничивает на плане два основных двора и вызывает соблазн делить саму крепость на два разновременных объекта.

По всем конструктивным и архитектурным признакам разделительная стена не могла выполнять функции южной линии обороны т.н. «Малой крепости». Об этом свидетельствует ее толщина — 2,6 м против 3—3,5 м внешних стен Военного двора. Кроме того, стена снабжена всего одной башней на 170 м своей длины, в то время как с восточной (тоже напольной) стороны того же двора таких башен насчитывается шесть, на 140 м куртин. Если же оборону на этом самом опасном участке предполагалось организовать без башен, то удивляет отсутствие каменных лестниц при куртинах. На всем протяжении стены таковых насчитывается всего лишь три, в то время как другие сектора внешней оборонительной линии крепости (на аналогичных участках, с напольной стороны), снабжены лестницами в среднем через каждые 30 м (рис. 1).

К тому же, ко времени окончания строительства стены в 1440 г. (Мурзакевич 1850: 480—483), напротив центральной ее части, в 15 м к югу, уже столетие как располагалась одноапсидная церковь (сооруж. №III/7) (Мезенцева 1981: 283—284). По меньшей мере удивительно, чтобы зодчий т.н. «Малой крепости» проигнорировал культовую постройку, при выносе на местность ее предполагаемого южного оборонительного фронта (рис. 1). Оставлять храм с внешней стороны южных укреплений, под самой стеной, означало обеспечить штурмующих прекрасным укрытием, а святыню подвергнуть потенциальной опасности.

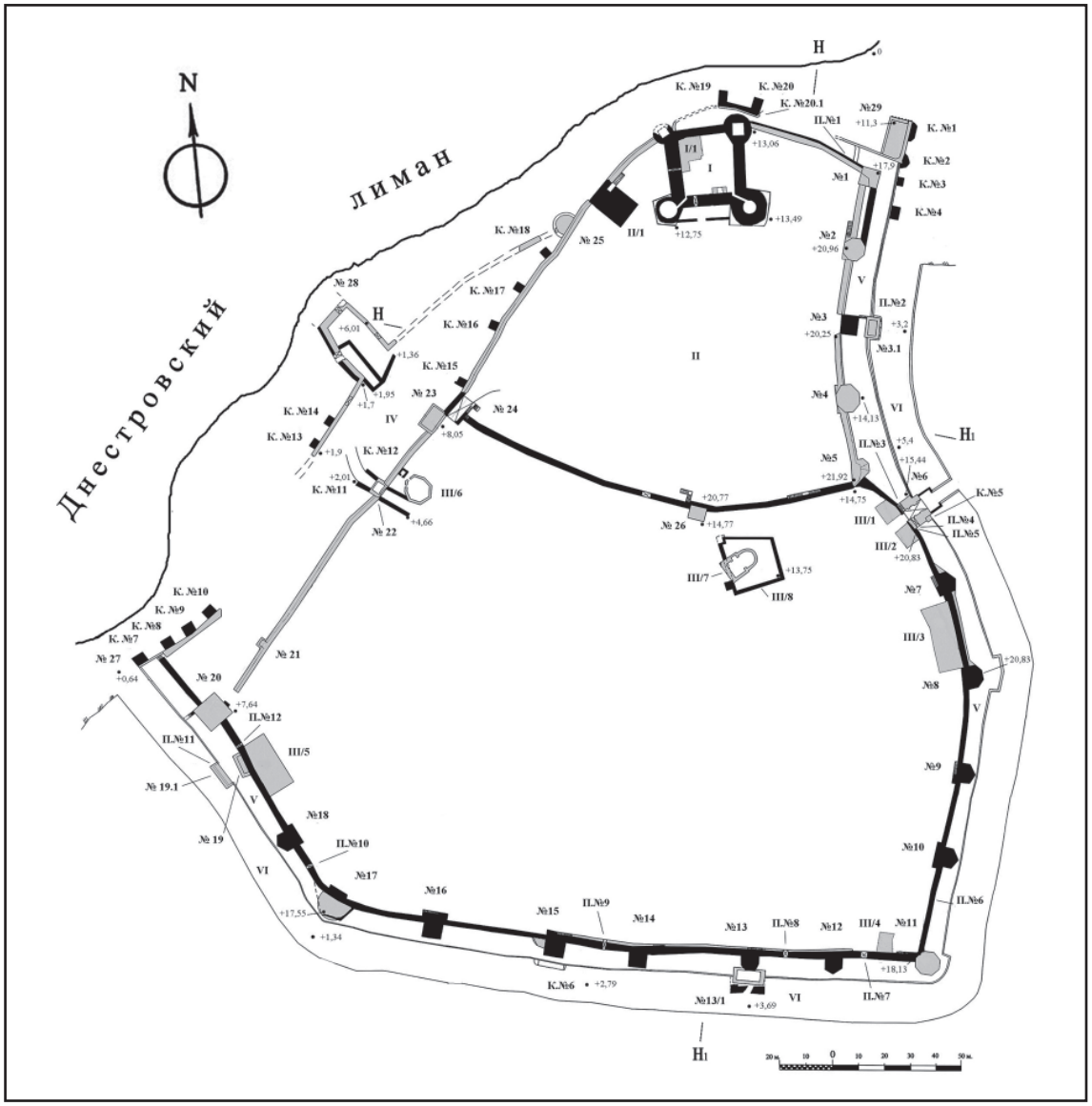

Рис. 1. Обмерный план Белгород-Днестровской крепости. I — Цитадель; II — Военный (малый) двор; III — Гражданский (большой) двор; IV — Торговый двор; V — Перибол; III/2 — Внутренние постройки (помещения хозяйственного назначения, цейхгаузы, культовые сооружения); № 1 — Потерны; К.№5 — Контрфорсы; П.№1 — Потерны; +13,49 — Отметки высот над уровнем моря. *Примечание*: разными оттенками заливки контуров показаны сегменты в пределах границ стыковочных швов.

Письменные источники

Сведения письменных источников, на которых основываются все современные представления о времени закладки Белгородской крепости, не многочисленны. Эвлия Челеби об этом говорит следующее: «Первооснователем ее является Салсал. В его время название этой крепости было Богаз-конман» (Челеби 1961: 33). В этих словах усматривается осколок некой полулегендарной истории, которую Челеби, скорее всего, узнал по прибытии в город от местных жителей. Более информативным представляется отрывок из «Записок» Гильбер де Ланнуа. Побывав в Монкастро (Белгороде) в 1421 г., рыцарь пишет: «в это самое время, при мне, (прибывает) упомянутый губернатор Подолии, Гельдигольд, с тем, чтобы на одном из берегов реки основать и соорудить новый замок, который был выстроен менее чем в один месяц в пустынном месте, где нет ни леса, ни камней; но сказанный губернатор привел двенадцать тысяч человек и четыре тысячи повозок, нагруженных камнем и лесом» (Брун 1853: 438—439).

На основании изложенных Ланнуа сведений трудно утверждать, что строительство Белгородской крепости началось именно в год путешествия рыцаря,

при непосредственном «наблюдении губернатора Подолии Гельдигольда при помощи литовского князя Витовта», как реакция на турецкий поход 1420 г. (Шлапак 2001: 27). В тексте источника нет ни слова о том, что подчиненный литовского князя Витовта строил замок именно в Белгороде. Если бы он имел отношение к строительству укреплений в этом городе, рыцарь выразился бы более определенно, не прибегая к размытому географическому определению: «на одном из берегов реки». Кроме того, Белгород первой трети XV в. не подходит под определение «места пустынного». Это довольно крупный город (Егоров 1985: 79—82; Кравченко 1986), с населением до 10 тыс. чел. (Полевой 1979: 118). Тем более что и строительного камня здесь избыток, хоть и наблюдается недостаток лесов.

Но главное — именно в 1421 г. молдавский господарь Александр Добрый разорвал династический союз с Витовтом, отвергнув его сестру Ригмайлу, на которой был женат. По некоторым сведениям, литовский князь даже собирался напасть на Молдавию. Поэтому в отечественной историографии уже давно оформилась реакция на попытки сопоставления литовского «замка Гельдигольда» с Белгородом: «При таком развитии событий, сведения Ланнуа о сооружении подольским старостой Гельдигольдом каких-то укреплений в районе Белгорода трудно рассматривать как помощь Витовта Молдавии в восстановлении и реконструкции Белгородской крепости. Речь может идти лишь о строительстве литовских укреплений, угрожавших Белгороду» (Очерки 1979: 46).

Не заметил также рыцарь в Белгороде и серьезных строительных работ, о которых он несомненно упомянул бы, как произошло в случае с проектом Гельдигольда. И если бы здесь уже была мощная крепость, путешественник не ограничился бы пространной фразой об «укрепленном городе и порте» (ville ferme et port) (Брун 1853: 438—439), характеризуя перед неискушенным читателем малоизвестный Монкастро.

Никакой крепости в Белгороде не заметил и дьякон Сергиева монастыря Зосим, который останавливался в городе на целых две недели в 1419 г., по пути в Царьград и Палестину (Прокофьева 1971: 12).

Таким образом, есть основание предполагать, что масштабное строительство, которое привело к появлению здесь крупной, по средневековым меркам, крепости, развернулось уже после визита Ланнуа. Существовавшие в Белгороде некие фортификационные сооружения заслужили с его стороны лишь беглого упоминания. Наверняка ядром «крепкого города» являлся четырехбашенный замок, датируемый концом XIV в., и именуемый в системе оборонного комплекса Белгородской крепости «цитаделью» (рис. 1).

На эту его датировку ясно указывает карта из Codex Latinus Parisinus № 7239, которая была составлена по приказу венгерского короля Сигизмунда Люксембургского (Dumitriu-Snagov 1979) не позднее 1396 г. На карте изображен четырехбашенный замок, напоминающий нынешнюю цитадель Белгорода, с сопутствующей подписью: «Monhcastro», в районе нижнего течения Днестра. Замок изображен автономно, вне каких-либо крепостных стен или городских построек (Очерки 1979: 27).

Лапидарные источники

Известно всего пять закладных строительных плит из Белгородской крепости. Наиболее ранней, из датированных, является мраморная плита с южного фасада западной куртины разделительной стены (Мурзакевич 1850: 180—183). Верхнюю, бóльшую ее часть занимает изображение хачкара XV в. (Якобсон 1986) между ветвями креста которого расположены аббревиатуры из греческих букв: «IC», «XC», «NI», «KA». Памятная надпись при этом, также выполнена по-гречески; в тексте упомянут молдавский господарь Стефан II, при котором, к 1440 г., и была «сооружена настоящая крепость» (κάστρον).

Но в контексте господарского имени, использование резчиком неофициального языка Молдавского княжества (Руссев и др. 2003: 21), а также всякое отсутствие державной символики, может указывать на то, что именно греки (представители местной общины?) выступили в роли исполнителей «благочестивейшей» инициативы господаря в проведении указанных строительных работ.

Содержание текста плиты вызвало разные варианты его интерпретации. Но самые активные научные споры разгорелись вокруг личности Федорко, чья молитва предваряет весь текст. Легендарный белгородский Θεδωρκά неоднократно превращался то в «молдавского пыркалаба» (Шлапак 2005: 473—478), то в славянского зодчего и «инженера» крепости (Ключник, 1977: 10; Кочубинский, 1889: 176), то в «мастера, строителя средней стены» (Мурзакевич 1850: 480), и даже в тульчинского грека Теодораки (Cetăți 1998: 157).

В контексте озвученных в данной работе целей, первостепенной задачей представляется не выяснение того, кем был Федорко, а что построил упомянутый в таблице «начальник

области и комендант той крепости». Другими словами: что именно подразумевается в памятной надписи под словом «кастрон»?

С позиций концепции долгостроя, само расположение плиты на разделительной стене, которая замыкала Военный двор с южной стороны — и определяло его периметр, как указанный в тексте «кастрон». Другими словами, единственный повод соотносить упомянутую «крепость» именно с периметром стен двора дает сам факт локализации плиты на фасаде разделительной стены. Но конструктивные и архитектурные особенности стены, как позднейшей вставки в оборонный комплекс Белгорода (рис. 1), не позволяют этого сделать.

Надпись 1440 г., среди других, уникальна благодаря своему указанию на объем произведенных работ. Если в остальных известных текстах из крепости речь идет об окончании постройки отдельной стены, или конкретных башен, то в греческом тексте с хачкаром говорится о завершении строительных работ не локального, а общего характера (γέγονεν κάστρον: «сооружена крепость»).

Следующая памятная строительная надпись на греческом языке находилась на южном фасаде башни № 26 (рис. 1). В распоряжении исследователей сегодня имеется лишь единственный вариант ее прорисовки, сделанный русскими военными в 1819 г. (Войцеховский 1972: 371—374). Первую публикацию текста осуществил Н. Н. Мурзакевич. Им было указано место первоначального расположения памятника, а также дан вариант перевода. В двухстрочной надписи идет речь об окончании строительства то ли «стены», то ли самой башни (Мурзакевич 1850: 480—483).

Одну из последних, известных в историографии, попыток датировать таблицу предприняла М. Е. Шлапак. Она выдвинула версию двойного датирования текста, согласно которой во второй из четырех его строк приведена дата по исламскому календарю, отражающая один из строительных этапов турецкого времени, а в другой — более ранняя дата, «от сотворения мира». Таким образом, таблица два раза подверглась обработке резчика: в 1452 г. и в 1603 г. Но аргументация автора (Шлапак 2000: 260—265) при трактовке рассматриваемой группы знаков не представляется убедительной.

В течение более чем столетнего периода изучения крепости вывести сколь-нибудь внятную датировку этой таблицы не представлялось возможным таким блестящим эпиграфистам, как В. В. Латышев, И. Богдан, Н. Н. Мурзакевич, А. А. Кочубинский, по причинам, связанным с состоянием сохранности лапидарного памятника. Но из всей плеяды ученых, работавших над этой проблемой, максимально точно выразился Шт. С. Горовей, резонно заметив, что указанная надпись содержит такое число, обозначенное тремя славянскими буквами, которое позволяет датировать оригинал весьма широким периодом: начиная с 1392 по 1482 гг., т. е. примерно от основания крепости и до сдачи ее туркам (Gorovei 1994: 44).

На восточном (внешнем) фасаде башни № 3 была найдена еще одна памятная плита, датируемая мартом 1454 г. Надпись выполнена на старославянском, с гербовым изображением Молдавского княжества в нижней части таблицы и свидетельствует о том, что: «Свершися сий мур и оружен был от пана Станчула в лето 6962 месяца марта» (Кочубинский 1901: 79—178).

Другая закладная плита — 1476 г. также содержала надпись на старославянском, вместе с гербовым изображением Молдавского княжества. Текст посвящен окончанию строительства «великих врат» (сиречь Килийских: башня № 6) в дни благочестивого Стефана Воеводы и в дни пана Луци и пана Хермана (Кочубинский 1889: 506—541).

Последняя закладная плита — 1479 г., с точки зрения гармоничности «концепции долгостроя» крепости, является наиболее значимой из всех перечисленных. Именно на ее текст ссылаются исследователи, когда утверждают, что «Стефан Великий существенно увеличил внутреннюю площадь унаследованной от предшественников крепости, соорудив стены Гражданского двора» (Шлапак 2001: 108).

Вся важность таблицы определяется самим местоположением, которое ей отводится, поскольку 476 м стен Военного двора и 10 башен «датируются» по другим таблицам относительно сносно, в то время как бóльшая часть крепости, в периметре 633 м стен и 19 башен двора Гражданского, почти лишена всяких датирующих лапидарных памятников.

В 1908 г. румынский эпиграфист И. Богдан предложил свой вариант перевода текста этой плиты: «В дни благочестивого и христолюбивого и богодарованного и всякой хвалы достоин Иоанн Стефан Воевода, господарь всей Земли Молдавской, сын Богдана Воеводы, почя и сверши сей мур при пыркалабы Дума и Хръман». Также И. Богдан представил и свою версию ее датировки — 1479 г. (Bogdan 1908: 338), вместо 1482 г., предложенного А. А. Кочубинским.

Логика И. Богдана в определении даты понятна. Совместное правление пыркалабов Думы и Хермана в Белгороде длилось три года, с 1478 по 1480 гг. (включительно).

Однако выбор исследователя не случайно пал именно на 1479 год, а не, скажем, на 1480-й. Возможно, это произошло под впечатлением от сообщений летописей о том, что именно в 1479-м Стефан III Великий отстроил крепость в Килие (СМЛ, 1976: 52). Итак, с легкой руки румынских исследователей (Bogdan 1908; Arbure 1901; Tanoviceanu 1901) в историографию в начале XX в. проникло утверждение, будто Гражданский двор был выстроен к 1479 г. Проникло и уверенно закрепилось там (Шлапак 2001: 62, 169; Очерки 1979: 79).

Но в переводе Богдана речь идет не о стенах, а единственном муре. Выходит, что эпиграфист в старославянском выражении: «сей мур», увидел слова: «эти стены»! И даже если он не ошибся, единственным основанием для сопоставления «этих стен» именно с периметром каменных укреплений Гражданского двора может служить только факт обнаружения плиты, вмурованной в их кладку.

Так где же была найдена памятная плита 1479 г.? В поисках описаний обстоятельств находки лучше всего обратиться к первоисточнику. В первой публикации надписи, сделанной почти за двадцать лет до перевода И. Богдана, в ЗООИД читаем: «В бумагах нашего Общества имеется старый, начала 50-х годов, инвентарь приобретений Музея по местностям, сделанный собственноручно покойным Н. Н. Мурзакевичем, и в нем мы находим, между прочим, следующее: “Мраморная доска с молдавским гербом и (славянской) надписью. Найдена в 1838 г. в Аккермане, принадлежала какой-либо православной церкви. Подарена Н. Е. Афанасьевым” <…>. Доска поступила в Музей общества в 40-х годах» (Кочубинский 1889: 538).

То есть, таблица не была найдена в крепости. Находка зафиксирована вне контекста крепостных стен. Автор публикации, давний исследователь Белгорода и опытный эпиграфист А. А. Кочубинский, дал свой вариант перевода, который почти идентичен более позднему варианту И. Богдана. Лишь за исключением года (1482), а также единственной фразы. Там, где у румынского исследователя читается: «и сверши сей мур при пыркалабы…», у первоиздателя выглядит, как: «и сверши сия монас(ты)ри пыркалабы…» (Кочубинский 1889: 548). Потому-то таблица и «принадлежала какой-либо православной церкви».

Прекрасная фотокопия этого утерянного ныне лапидарного памятника многократно опубликована, и поэтому аргументация переводчиков доступна критике. В пояснениях к своему переводу А. А. Кочубинский пишет: «Буква “с” довольно еще ясна, слог “ты” сбит. Окончание “ри”, вместо “рь”, вероятно, под влиянием румынского языка, где славянское слово приняло форму monastire, и женский род. Оттого и определение: “сия”, вместо: “сий”» (Кочубинский 1889: 543). Действительно, романско-славянский билингвизм имел место среди населения Молдавского княжества и особенно массовым стал во времена Стефана Великого (Руссев и др. 2003: 23).

В сравнение приведем старославянскую молдавскую надпись 1454 г. с башни № 3. На фотокопии этой таблицы видно, что перед словом «мур» используется указательное местоимение «сiѧ» («сий»), с характерной буквой «юс малый» (Кочубинский 1901: 79—178), а не «сiꙗ» («сия»), как в случае с рассматриваемой плита 1479 г. Впрочем, исследователь осторожно допускает, что в тексте могла идти речь и о нескольких монастырях, тогда выражение «сия монастыри» (во мн. числе) звучало бы вполне корректно (Кочубинский 1889: 543).

Вариант перевода, предложенный первоиздателем, представляется более правильным и с позиции текстуальной логики. Так, по Кочубинскому следует, что пыркалабы Дума и Хърман начали и завершили строительство некоего монастыря в дни правления благочестивого Стефана Воеводы. Тогда как по Богдану, предлагающему видеть в конце шестой строки слово «мур», а в начале седьмой — местоимение « (п)ри» (поскольку слог «ри» надо, в таком случае, как-то объяснить), следует, что в дни благочестивого Стефана Воеводы, при пыркалабах Дума и Хърман, сам же Стефан Воевода начал и сам же завершил «сей мур». Выходит, что авторитарный господарь не забывает подчеркнуть, что трудился при двух своих назначенцах.

Итак, к настоящему времени непосредственно со строительными работами в Белгородской крепости доосманского периода соотносится четыре из пяти приписываемых ей памятных строительных плит. Из этих четырех две плиты содержат тексты на старославянском языке и снабжены геральдическими знаками Молдавского княжества. В каждой из них идет речь о возведении отдельной башни. Две более ранние таблицы содержат памятные тексты на греческом языке. В недатируемой сообщается об окончании строительства «стены», но местом ее расположения является башня № 26. На другой плите, 1440 г., сказано об окончании работ масштабного, а не локального характера («сооружена крепость»). Плита 1479 г. не имеет никакого отношения к оборонительным сооружениям Белгорода. Данный эпиграфический материал не дает аргументов в пользу поэтапного, долговременного строительства крепости.

Цитадель: конструктивные особенности

Цитадель считается самым ранним элементом в нынешней системе укреплений Белгородской крепости. Карта из «Codex Latinus Parisinus № 7239» является единственным документальным основанием для ее хронологической привязки (Dumitriu-Snagov 1979), но этой информации оказалось недостаточно для определения точной даты основания данного сооружения и авторства заказчиков.

Поскольку четырехбашенная постройка замкового типа изображена в «Кодексе» без каких-либо крепостных стен вокруг, исследователями был сделан вывод о разновременном сооружении в Белгороде крепости и замка (цитадели) (Бруяко, Сапожников 200: 443—451; Шлапак и др. 2001).

Оборонительные стены Военного двора действительно примыкают к цитадели (к двум северным ее башням) встык (рис. 1). На северо-восточном участке стык куртины имеет характерный скос, который относится к работам по усилению старой стены в турецкое время (характерный тип кладки). Увеличение ее ширины на целый метр привело к необходимости «сглаживания» на участке стыка с башней. С внутренней стороны куртина осталась непотревоженной, и участок того же стыка наглядно демонстрирует, что средневековые каменщики не просто подвели к башне куртину, а предварительно подрубили кладку башни и только затем завели куртину в створ, придав ей большую устойчивость.

Кладка цитадели отличается повсеместными вставками массивных жерновов, каменных козырьков водостоков, фрагментов массивных резных архитектурных деталей. О некоторой поспешности, которая сопутствовала каменщикам в их работах на объекте, может свидетельствовать особенность его планировки. В плане цитадель является почти квадратной постройкой: прямые углы между куртинами не соблюдены, в результате чего северная стена оказалась несколько длиннее южной, а западная и восточная не строго параллельны. При том, что разбивка квадрата 30×30 м на ровной местности, даже самым простым «методом диагонали», с помощью веревки и колышков, не должна была вызвать особых затруднений у профессиональных мастеров. Толщина всех четырех стен также различна и варьируется от 3,5 до 5,5 м.

В то же время, сооружение ориентировано строго по сторонам света, согласно истинным значениям точек севера и юга. На углах этого «куба» располагаются разновеликие, неправильные в плане (овальные) башни, самая большая из которых — юго-восточная — выстроена с заметной погрешностью.

Обвал большей части северо-западной башни, произошедший немногим позже 1889 г. (Кочубинский 1889: 518), открыл ее основание в разрезе берегового склона. Первый, нижний ряд выложен в траншее крупными, тесаными блоками постелистой кладки. Нет ни ступенчатой отмостки, ни массивного фундамента. При этом сами блоки залегают неравномерно: ряды то поднимаются «волной», то опускаются вниз, повторяя контур дна самой закладной канавы.

Строители выбрали не самую лучшую материковую основу под столь массивный объект, да еще расположенный на береговом склоне. Закладные плиты покоятся на прослойке понтических каштановых песков, ниже которых следует брекчевидная жерства с многочисленными включениями гальки. Еще ниже идет слой мягкого суглинка, затем — сыпучая жерства. И лишь под ним выступает мощная известняковая скала. На эту скалу и следовало бы опереть стены цитадели, углубив траншею еще на 1,5—2 м, дабы уберечь постройку от обрушения.

Судя по высоте нижнего не оштукатуренного пояса кладки на внешней поверхности башни (и примыкающей стены протейхизмы), глубина закладной траншеи составляла всего 1,5 м. И «нежелание» (?) строителей углубить закладную траншею еще на полтора метра может говорить все о той же поспешности в работах.

Внутреннее пространство северо-западной башни разделено на три яруса, которые соединены каменной лестницей по периметру несущих стен. На первом ярусе (самом просторном, с высотой потолка до 4-х м) расположен высокий (до 3 м) арочный вход в башню (полностью замурован). Разница между уровнем дневной поверхности внутреннего дворика цитадели и уровнем пола нижнего яруса башни составляет примерно два метра. Это косвенно указывает на наличие лестницы в теле куртины, к которой примыкает башня.

Арочный проход в северо-западную башню выглядит парадным в сравнении с узкими, длинными и низкими коридорами, ведущими в юго-восточную, юго-западную и северо-восточную башни. Такими же узкими и невысокими являются два внешних входа в цитадель (западный и южный). Это говорит об особом статусе, который отводился северо-западной башне, а также о высоком

общественном положении ее обитателей, для комфорта которых был задуман широкий и высокий вход.

Вход замурован под самый свод еще до разрушения башни. Выход во двор, по плану, находился там, где сегодня располагается старый турецкий пороховой погреб (сооруж. № I/1). Судя по памятной строительной надписи, погреб был построен в 1756 г. (Шлапак 2001: 47). Эта дата определяет верхний хронологический рубеж закладки входа. Сам факт закладки, надо полагать, был связан с аварийным состоянием башни, к которому привела просадка ее фундаментов.

Уровень пола второго яруса северо-западной башни маркирован тремя гнездами от квадратных в сечении несущих балок. На этом ярусе, в восточной стене, ближе к северному углу бывшего жилого помещения, обустроена небольшая ниша с арочным сводом. Она сооружена вместе с башней, располагаясь на высоте ок. 1,5 м над уровнем пола. Внешнюю закраину ниши формирует поставленная на торец тщательно подтесанная плита.

Над нишей в кладку стены вмонтирована деталь верхней части наличника дверей в виде прямоугольной плиты архитрава с фрагментом боковой закраины. Плита украшена орнаментом типа «сельджукская цепь». Деталь выполнена из местного известняка и служила наличником парадного входа некоего монументального сооружения, которое предшествовало по времени возведению цитадели. Аналоги таких каменных наличников, декорированных резной «сельджукской цепью», особенно широко представлены по материалам средневековых памятников Крыма (Айбабина 2001).

В одной из своих работ Е. А. Айбабина прямо указывает на то, что рисунок «сельджукской цепи» из Белгородской крепости является «близким по характеру» к обрамлению из храма Иоанна Предтечи в Каффе, который может быть датирован второй половиной XIV — началом XV вв. (Айбабина 2001: 159). Практически идентичной белгородской по технике исполнения является деталь портала с латинской надписью 1406 г. из Каффы о возведении храма «во славу Святых Петра и Павла» (Айбабина 2001: 50—52).

Белгородский наличник в стене башни выступает как деталь вторичного использования. Об этом говорит тот факт, что его внутренняя плоскость основательно подтесана каменщиком в ущерб самому орнаменту (одно из звеньев таким образом уничтожено почти на треть). Это было сделано с тем, чтобы подогнать его сравнительно покатую линию под заостренный свод небольшой ниши (возможно, алтарь). Внутренний контур плиты архитрава указывает, что она создавалась для более широкого свода. Негабаритный фрагмент резьбы, извлеченный из каких-то руин общественного здания, возможно, связанного с генуэзской колонией Белгорода, дает дополнительную датировку цитадели: конец XIV в.

Другим примечательным культовым памятником цитадели является апсида христианской церкви, встроенная зодчими в восточную куртину со стороны двора. В топографическом смысле апсида ориентирована тыльной своей частью на 88º от точки севера, что показывает высокую точность разбивки «крепостного замка» по сторонам света с отклонением лишь в два градуса от координат истинного географического востока (90º).

Согласно сохранившейся планировке, средневековым зодчим было задумано устройство двух разных входов в цитадели. Первый — в южной куртине, ныне действующий. Второй — в западной (заложенный после сооружения турецкого погреба). Оба входа предназначались для раздельного доступа в цитадель. Южный вход, судя по сравнительно большим габаритам, имел общественное назначение. Тогда как западный — узкий и невысокий, был рассчитан явно на пользование ограниченным количеством людей. Судя по всему, западный вход вел в тот самый «королевский дворец», который еще сохранялся к XVII в. и был упомянут Эвлия Челеби во время посещения Аккермана (Челеби 1961: 36—37).

Над западным входом размещается огромное окно, размером 3×1 м с парадным арочным сводом. Оно было явно рассчитано на освещение некоего обширного помещения на уровне второго этажа, располагавшегося в дворовой пристройке цитадели у западной куртины. Несколько левее от сводов окна в стену вмонтирован герб Молдавского княжества, вырезанный на шести отдельных плитах серого песчаника и скрепленных воедино. Герб расположен на стене ассиметрично по отношению к входному проему и огромному окну над ним.

Все это делает сооружение более уязвимым с точки зрения обороноспособности. Логике оборонной архитектуры также противоречит организация еще одного светового окна, размером 1×1,5 м, — с восточной стороны северо-восточной башни, на высоте до 3 м от уровня современной дневной поверхности. Через него свет попадает в самый нижний ярус этой башни.

Все четыре башни замка выполняли разные функции. Юго-западная и юго-восточная, как две наиболее крупные, имеют самые мощные стены, узкие, длинные и извилистые коридоры-входы на нижние ярусы, которые легко блокируются защитниками. Тем не менее, боевые характеристики этих башен позволяли вести огонь лишь с их верхних площадок, под непосредственным прикрытием мерлонов.

По периметру несущих стен этих башен, на каждом ярусе, оборудованы лишь узкие световые щелевидные окна, с глубокими, тамбурными воронковидными раструбами. Отсутствие бойниц говорит о том, что башни минимально приспособлены к ведению активной обороны на отведенных им флангах. Эти просторные и одновременно мощные сооружения, в первую очередь, служили укрытием (складским или гарнизонным помещением).

Более скромными размерами отличаются обе северные башни, которые выстроены с расчетом на комфортные условия проживания. Для каждой из них был даже предусмотрен отдельный туалет: из северо-восточной доступ через тамбур второго яруса, из северо-западной — по карнизу северной стены. Туалетные площадки нависают над внешним фасадом северной стены, в северо-восточном углу, располагаясь на консолях. Консоли верхнего туалета (разные в профиле) — вторичного использования. Входные тамбуры туалетов сооружены вместе с северной стеной, и нет признаков для их датирования турецким временем (Шлапак 2001: 87).

Северо-восточная башня снабжена несколькими артиллерийскими бойницами, одна из которых, на уровне второго яруса, прекрасно сохранилась. Она вырезана в квадратной известняковой плите и достигает диаметра 40—50 см. Еще две такие же бойницы (ныне замурованные в наружной части) с длинными тамбурными ходами, были расположены в нижнем ярусе башни. Всех их объединяет общая направленность в сторону лимана. Ни одна другая сохранившаяся башня в крепости подобными бойницами не снабжена.

Самой маломощной среди всех четырех куртин цитадели является северная (всего 3,5 м), обращенная внешним фасадом к лиману. Это единственная стена в замке, которая снабжена бойницами для ведения стрельбы из артиллерийских орудий (нижний ярус) и ручного оружия. Ниши для стрелков расположены по всей ее высоте в шахматном порядке. Оборона этого участка усиливалась за счет верхней площадки стены.

Характерно, что ни одна другая стена цитадели не обладает такими же возможностями для активной обороны. Это означает, что заказчики замка строили его в ожидании нападения прежде всего со стороны лимана (или противоположного берега). При этом, с напольной стороны подходы к замку были надежно защищены, о чем говорит устройство двух отдельных входов, огромного окна в западной куртине, а также наличие трех «глухих» куртин и двух башен, не приспособленных к ведению активной обороны на промежуточных ярусах по всей своей высоте.

По всем признакам т. н. цитадель Белгородской крепости не является объектом оборонного значения, предназначенным для противостояния долговременной осаде. Заказчик заботился о своем комфорте, обеспечив замок двумя отдельными входами (общественным и личным), широкими окнами с «солнечных» сторон, калориферным отоплением (керамические трубы в северной стене) и навесными туалетными кабинками. В европейской фортификационной практике потребность в комфорте получает окончательный перевес над предосторожностями обороны в последние годы XIV в., когда жилище сеньора начинают освещать и с внешней стороны (Шуази 1935: 535).

Итак, комплекс источников позволяет датировать цитадель не позднее первой половины 90-х годов XIV в. Замок приспособлен для проживания небольшого гарнизона и сеньора; на долговременную осаду и даже серьезный штурм сооружение не рассчитано. Замок представлял собой нечто вроде пограничного, наблюдательного и административного сооружения с некоторыми фортификационными функциями. Заказчик настаивал на срочной реализации проекта, предполагая некую потенциальную угрозу со стороны Днестровского лимана (или же левого берега). Причем, уязвимость постройки с напольной стороны говорит об относительной уверенности в своих тылах, обращенных в степь.

Заказчики Белгородской цитадели

Для Белгорода XIV в. известно несколько наиболее влиятельных этнополитических сил: золотоордынцы, болгары, итальянцы и молдаване.

Появление итальянцев в Белгороде историография связывает с 1290-ми гг., болгар — с началом XIV в., молдаван — с последним десятилетием XIV в. Что касается золотоордынцев, то их присутствие здесь ограничивается концом XIII в. — 70-ми годами XIV в.

Данные о городе раннее конца XIII в. туманны. Хотя некое поселение на его месте, возможно, существовало еще до прихода монголов, но сведения на этот счет пока недостаточно убедительны (Руссев 1999: 77, 103).

Золотоордынцев источники упоминают чаще всего в составе населения Белгорода на протяжении первых шести десятилетий XIV в. В городе они представляют государство, подчинившее своей властью все Северо-Западное Причерноморье (Руссев 1999: 68). Но два архитектурных элемента цитадели — апсида христианского храма в восточной куртине и ниша домашнего алтаря на восточной стене северо-западной башни, указывают на то, что заказчики исповедовали христианство, и исключает золотоордынцев из числа основателей.

Болгарское участие в строительстве цитадели не менее гипотетично. Хоть подданные царя Федора Светослава (1300—1322 гг.) и были христианами, город не принадлежал им полностью, а был лишь передан ордынской властью «на откуп» за определенные политические услуги (Руссев 1999: 64, 83). Согласно источникам, царю позволялось держать в Белгороде гарнизон. Трудно сказать, обладали болгары правом возводить столь мощные укрепления в городе, находившемся в составе Золотой Орды, или нет. Во всяком случае, кроме как ордынцев, болгарам в Белгороде бояться было некого. Коль скоро так, то нелогичным выглядит ориентация активной оборонительной линии замка к лиману, тогда как для татарских войск (сухопутных) он оставался уязвим.

Обзор исторических сведений не дает существенных аргументов и в пользу генуэзской версии происхождения цитадели Белгородской крепости. Власть общины республики Св. Георгия не была прочна и сильна в городе на протяжении всего столетия. Во всяком случае, настолько, чтобы создать грандиозную постройку для чиновников рангом явно не ниже консульского. Общественные гражданские и культовые постройки итальянцев тут наверняка были, но о строительстве мощного зáмка говорить не приходится. Сам архитектурный стиль его башен не выдержан в стиле классической колониальной генуэзской крепостной архитектуры, представленной на примере Таврики (Мыц 2009; Кирилко 2005). Тем более что никаких данных о существовании в городе генуэзской фактории с административным аппаратом многочисленные свидетельства эпохи не содержат (Коновалова, 1989: 19).

Наиболее явными претендентами на роль фундаторов замка остаются молдавские господари. Молдавское присутствие в Белгороде имело место уже в конце XIV в. И оно не ограничивалось властью ордынцев или каким-либо другим сильным государством, что предоставляло некоторую свободу действий (Руссев 1999: 74, 162).

Господарь Петр Мушат (1375—1391 гг.), при всей активизации крепостного строительства в Молдове, вряд ли мог инициировать строительство и замка в отдаленном и автономном тогда Белгороде. Этот город станет молдавским лишь при его преемнике — Романе I (ок. 1391—1394). Тем более что в истории правления Петра Мушата трудно найти такие сюжеты, которые могли бы подвигнуть его к необходимости срочного возведения замка в таком городе, как Белгород, ожидая опасности с противоположной стороны Днестра. Тоже самое касается и Стефана I (1394—1399 гг.), который был ставленником Ягайло и Витовта и не мог позволить себе вести самостоятельную политику, тем более сооружать оборонительные комплексы на смежных с сюзереном территориях (Очерки 1979).

Совершенно иным выглядит правление Романа. Весь краткий срок его правления отличался предельным напряжением в отношениях с польско-литовской властью и динамичным развитием событий в приграничных землях, требовавшим от господаря оперативных действий по защите государства от возможного вторжения. В 1392 г. этот господарь юридически закрепил успехи территориального становления Молдавии XIV в. «Совершенно ясно, что к началу 90-х гг. XIV в., в правление молдавского господаря Романа (уже) вся территория от Дуная до Днестра <…> до моря была интегрирована в состав Молдавского княжества» (Бырня 2003: 182).

Итак, если «Кодекс Латинус Парисинус № 7239» опубликован в 1396 г., то замок уже существовал в 1394—1395 гг., когда он и попал в поле зрения составителей. Значит, на строительство самого сооружения следует отвести еще как минимум один год (1393—1394 гг.).

Развернув военные действия против Польско-Литовского государства, Роман получил реальный повод опасаться и за собственные границы, которые с 1392 г. уже простираются «от планины до моря» (DRH 1975: 3). Учитывая, что весной 1393 г. под влиянием возникшей угрозы Витовт помирился с Ягайло и выступил с военной кампанией против объединенных отрядов Кориатовича и Романа, а осенью того же года господарь был пленен, время сооружения Белгородского замка следует датировать весенне-летним периодом 1393 г.

Отсюда и те признаки спешки, которые присущи постройке. И тот расчет на «королевские» апартаменты в пределах ее стен, для высокопоставленной особы явно высшего государственного ранга. Боязнью литовского вторжения с противоположного берега Днестра объясняется и единственное предусмотренное направление активной обороны замка, в совокупности с его крайней уязвимостью со стороны суши. Вполне объяснимо и присутствие молдавского герба над западным входом (вход для «сеньора») в цитадель. Время его водружения, в таком случае, следует датировать созданием самой цитадели. Равным образом объясняется и присутствие в кладке обломков архитектурных деталей из руин некоего, вероятно, генуэзского общественного здания, возможно, пришедшего в запустение в результате предшествующего кризисного десятилетия.

Наконец, строительство замка в Белгороде господарем Романом I могло быть связано не только с угрозой литовского вторжения на наиболее уязвимом направлении по всему нижнему течению Днестра, но и с его желанием подчеркнуть незыблемый авторитет правителя, а также продемонстрировать закрепление молдавской власти в новоприсоединенных землях.

Крепость: конструктивные особенности

Военный двор. Периметр его стен (включая ширину башен) превышает 470 м, из которых 164 м представляют собой внешнюю линию обороны (северные и восточные куртины). Площадь двора составляет 1,44 га, общее количество башен достигает 10 шт. (рис. 1). В северной части двор примыкает к обрывистому высокому берегу лимана, включив в свою систему цитадель. С востока укрепления двора открыты к напольной стороне. С запада — граничат с площадью т.н. Торгового двора. Южный периметр укреплений Военного двора ограничен разделительной стеной, за которой располагается двор Гражданский. В этой стене, согласно плану, расположены единственные ворота, выполняющие в крепости функцию внутренней коммуникации — Средние, расположенные в надвратной башне № 24.

Вся восточная линия обороны, с башнями № 1, № 2, № 4 и № 5, является единой с точки зрения архитектурной стратиграфии. Разделительная стена (с закладной таблицей 1440 г.) состоит из двух куртин, каждая из которых примыкает встык к башне № 26. Западная и восточная линии обороны двора также была построена раньше разделительной стены и башни № 24, в систему которой последняя оказалась встроена. На северо-западном участке двора в стратиграфическом отношении также выделяется 11-метровый отрезок внешней стены, принадлежащий сооружению №II/1, которое было возведено раньше западной оборонительной стены.

Башня № 3 встроена в данную линию крепостных стен позже, о чем свидетельствуют характерные стыковочные швы. Об этом же говорит и панорама ее тыльного фасада (рис. 2a, c). Здесь наглядно видно, что башня встроена в широкий пролет, существовавший на этом месте прежде. Пролет замурован лишь частично, отчего его внутренние стенки прослеживаются более чем на половину толщины куртин (до 1,6 м). Они полуциркульные, со следами известковой штукатурки, без следов намеренной деформации (пролом, подтеска).

Данный пролет во внешней оборонительной стене может быть объяснен наличием здесь крепостных ворот («Старые»), заложенных пыркалабом крепости Станчулом весной 1454 г. в преддверии возникшей опасности турецкой осады. Примеры такого рода «усиления», путем закладки (частичной или полной) потерн под угрозой внезапного нападения на крепость, известны в истории средневековой европейской фортификации (Кирилко 2005: 120).

Гражданский двор располагается к югу от Военного и формирует собой нижнюю часть треугольника Белгородской крепости. Это самый большой двор крепости, его опоясывает 633 м оборонительных стен, на которых устроено почти два десятка башен, в совокупном объеме каменной кладки 15173 м^3.

Едва ли не самой поздней постройкой Белгородской крепости доосманского периода является надвратная башня № 6 Килийских ворот, 1476 года постройки (рис. 1). Башня является предмостным укреплением, вынесенным за пределы основной линии обороны практически до кромки рва, заняв перибол во всю ширину (рис 3b). Проезд ворот, расположенный в башне, ориентирован по оси северо-восток — юго-запад, на христианскую церковь.

Напротив Килийских ворот, во рву, почти в половину его ширины, возведен парапет на сводах, имеющих в основании мощные опорные пилоны (рис. 3a). Парадный восточный фасад башни асимметричен. Как и внутренний контур проезда ворот. На плане (рис. 1) расположение противоположных пилонов сводов проезда,

чередующихся с выступами и нишами, демонстрирует смещение от 20 до 40 см по продольной оси.

Юго-восточный угол несущих стен надвратной башни усилен контрфорсом № 5 (рис. 1, 3а). С противоположной стороны входного портала такого контрфорса нет. Сам ров в этом месте делает крутой изгиб, и линия его эскарпа пролегает не параллельно по отношению к главному фасаду надвратной башни. Это означает, что ров уже существовал перед тем, как была основана башня № 6, и его конфигурация существенно повлияла на расположение и планировку последней. Перед зодчим стояла задача ориентировать надвратную башню ровно по линии восток-запад, в пространстве между изогнутой кромкой рва и не параллельной эскарпу линией оборонительной стены, соблюдая запланированную ориентировку на церковь. Выполнить ее можно, если внести коррективы в направление изгиба внутренней кромки самого рва. Поэтому сегодня мы видим, как у юго-восточного угла надвратной башни № 6 изгиб линии эскарпа испытывает резкий излом, не совпадая в направлении с его абрисом на противоположной стороне (рис. 1). Образовавшееся, в результате несовпадения линии эскарпа и восточного фасада башни, пустующее пространство у юго-восточного угла внешней стены, было использовано для возведения массивного контрфорса № 5.

Куртины, примыкающие к башне № 6, были выстроены раньше нее, а вовсе не наоборот, как предполагалось раннее (Шлапак 2001: 46—47). Об этом говорят характерные швы в области их стыка. Кроме того, в южной куртине, протянутой к башне № 7,

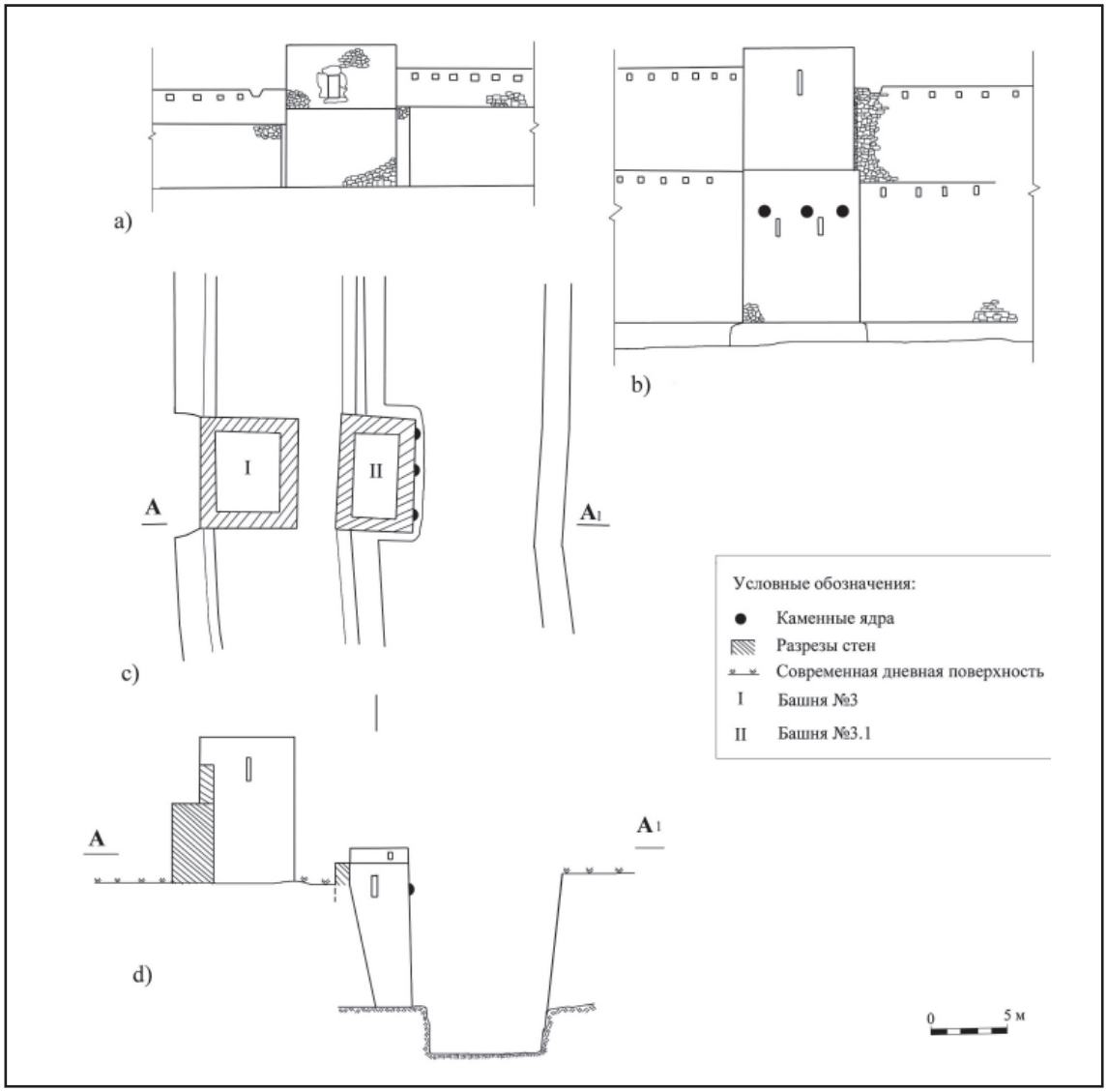

Рис. 2. Комплекс башен №3 и №3.1: a) западный фасад (тыльная сторона); b) восточный фасад (лицевая сторона); c) план оборонительного комплекса на участке стен с башней №3; d) профиль.

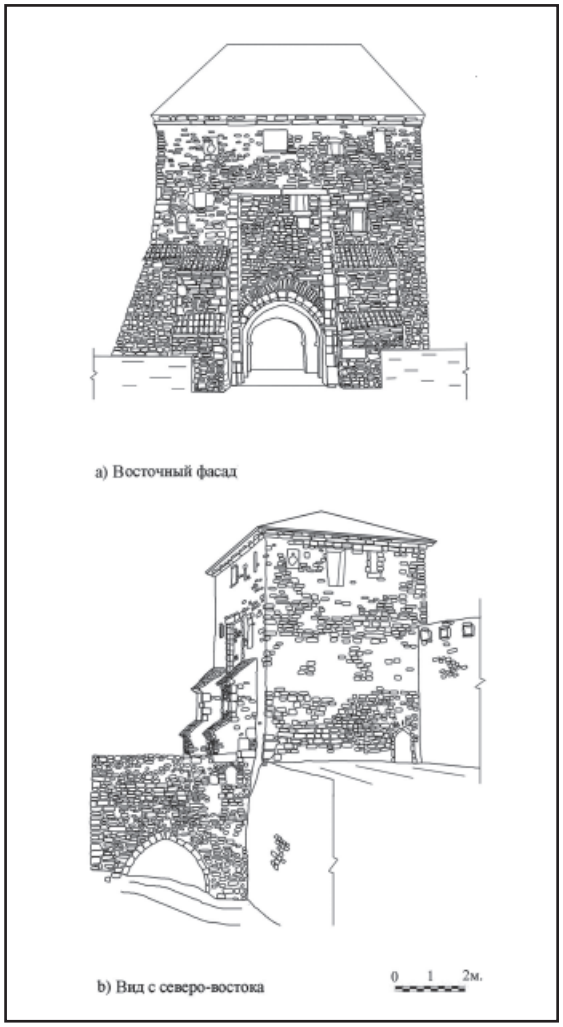

Рис. 3. Башня №6 (Килийские ворота).

на участке стыка с несущей стеной надвратной башни № 6, наблюдается часть разрушенной потерны № 5 с арочным сводом. Она обеспечивала доступ на перибол из Гражданского двора и была разрушена на 70% при строительстве башни № 6.

В целом, оборонительные стены Гражданского двора сохраняют свое стратиграфическое единство в восточном и южном секторах. Западная оборонительная линия двора также представляется однородной с позиций архитектурной стратиграфии, вместе с башнями № 21, № 22 и № 23. При этом последняя из них выстроена раньше башни № 24. Башни № 20 и № 11 выстроены раньше примыкающих к ней куртин. Башни № 19, № 17 и № 6 выстроены позже примыкающих к ним куртин. Остальные многоугольные «полубашни» находятся в единой системе примыкающих куртин, опоясавшей Гражданский двор с южной и восточной стороны (рис. 1).

Крепостной ров опоясывает Белгородскую крепость с напольной стороны и протянут на 647 м (от башни № 2 до башни № 27). Его ширина по верхней кромке составляет 13—15 м, глубина (первоначальная): от 11 — до 15 м, в зависимости от рельефа местности. Общий объем извлеченного грунта составляет 111,793 м^3 (из которых — 19 тыс. м^3 приходится на пласт известняка: объем, которого хватило бы на возведение почти двух белгородских цитаделей). Форма рва в сечении — трапециевидная. В древности был заполнен водой на глубину до 1,5 м, и соединялся с лиманом. Во рву находятся две, прилегающие к эскарпу в приустьевых зонах, прямоугольные в плане башни: № 19.1, № 3.1 (рис. 1), и остатки некой массивной постройки в центральном секторе, напротив башни № 13.1 (рис. 4).

Под несколькими башнями и барбаканами во рву специально оставлены основания в виде материковой скалы, что свидетельствует о существовании заблаговременного плана крепости уже на стадии работ по сооружению рва. К таким постройкам относятся: башня № 3.1, барбаканы башен № 8 и № 11, а также башни № 15 и № 18, под которые оставлены цокольные выступы под основания контрфорсов (рис. 1).

Башня № 3.1 располагается под башней № 3. Если принять, что на месте последней до 1454 г. могли находиться внешние крепостные ворота («Старые»), основная функция башни «во рву» № 3.1 должна была состоять в том, чтобы служить опорной платформой для основания аппарели подъемного (или перекидного) моста. Такую функцию сегодня выполняет аналогичная пристройка во рву под Килийскими воротами (рис. 3b).

Башня № 13.1 выстроена в ходе реставрационных работ. Напротив нее, практически по центру рва, расположены остатки толстой (2,6 м) стены, сохранившейся на высоту около трех метров от современной дневной поверхности дна рва (рис. 4). Еще около двух метров кладки сокрыто под насыпным грунтом рва. Протяженность стены достигает 13 м. Она разделена на две части, одна из которых (западная) находится в непотревоженном виде, тогда как вторая испытывает большой уклон вовнутрь и некоторое смещение вокруг своей оси. Это свидетельствует о попытке намеренного разрушения в древности кладки с помощью подрывных работ. При этом западная часть стены несет на себе фрагмент углового переплета с боковым фасом, который некогда примыкал к эскарпу (рис. 4b).

Следовательно, во рву, напротив башни № 13, располагалось некое сооружение, прямоугольное в плане и полое внутри. Оно примыкало к кладке эскарпа и, надо полагать,

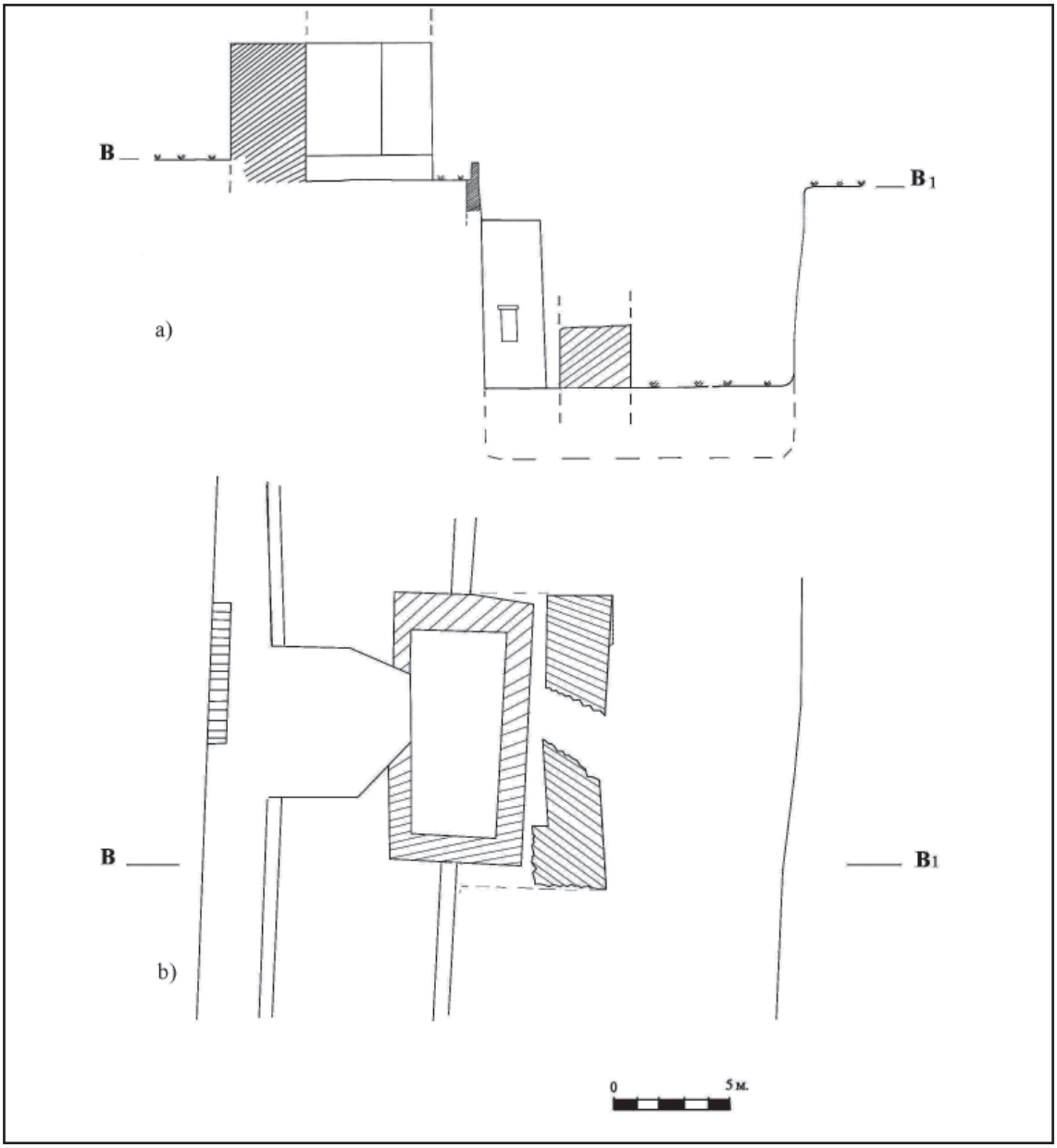

Рис. 4. Комплекс башен №13 и №13.1: a) план; b) профиль.

возвышалось до самой кромки рва. В определенный момент сооружение было частично разрушено.

Столь массивные несущие стены, вынесенные от кромки эскарпа почти на половину ширины рва, позволяют видеть в них вовсе не остатки очередной фланкирующей башни (типа № 3.1 или № 19.1, которые выстроены в более скромных масштабах и в стратегически обусловленных местах), а несущей опоры для платформы подъемного моста еще одних крепостных ворот («Южных»)[1]. Наличие здесь этих ворот объясняет проблему обеспечения доступа в крепость через ров задолго до создания т. н. Килийских, в 1476 г.

Примечательно, что в структуре куртин внешней южной линии обороны крепости, расположенных напротив данной постройки во рву, нет никаких следов присутствия надвратной башни или замурованного пролета ворот. Сегодня на этом месте находится полубашня № 13, которая не приспособлена для

[1] К такой интерпретации подталкивает и анализ «Плана-проспекта крепости Килия 1770 г.» (Шлапак 2009: 421—429), повторявшего в основе своей план Белгородской крепости. В Килие главные крепостные ворота находились именно там, где на плане зафиксированы остатки подобного сооружения во рву Белгородской крепости.

выполнения функций надвратной постройки. Следовательно, налицо различные строительные периоды на данном участке линии обороны: Южные ворота были выстроены раньше башни № 13 и примыкающих куртин южной и восточной линии обороны Гражданского двора, и упразднены вследствие их возведения. В свою очередь, данные куртины выстроены раньше Килийских ворот. Значит в ближайшие годы, предшествующие 1476 г., вся южная и юго-восточная часть крепости была модернизирована в пределах сформировавшейся раннее линии обороны (где башни № 11, № 20 и, вероятно, № 17, остаются самыми старыми). А именно: были возведены каменные куртины с промежуточными полубашнями (рис. 1).

Наши представления о датировках рва существенно дополняет комплекс башен № 3 и № 3.1, в северо-восточном секторе крепости. Башня № 3.1 «во рву» — прямоугольная в плане, с аккуратной квадровой кладкой, аналогичной той, что использована при возведении «восьмиугольников» Военного двора (рис. 1). Поскольку ее основание покоится на известняковом скальном материковом останце, который был специально оставлен и обтесан строителями при сооружении рва в придонной его части, то ров и башня № 3.1 — постройки единовременные.

И поскольку ориентировка башен № 3.1 и № 3 не совпадают, а также существенно отличаются по типам кладок — эти сооружения разновременные. Судя по закладной таблице 1454 г., башня № 3 вторична по отношению к примыкающим к ней куртинам (а значит, и более поздняя по отношению к башне № 3.1). Следовательно, время постройки башни № 3.1, а также крепостного рва, не может быть датировано позднее, чем 1454 годом.

И коль скоро башня № 3, как главный датирующий элемент, является вторичной по отношению к системе каменных укреплений Военного двора (вмурована в пролет Старых ворот?), а башни № 3.1 и № 1, 2, 4 — наоборот, синхронны ей, то дата 1440 г., как время окончания «кастрона», распространяется и на них, равно как и на крепостной ров.

Итак, оборонительный ров Белгорода является единовременным сооружением. Его строительство предшествовало возведению внешних оборонительных стен крепости, и он может быть датирован самым ранним периодом возведения крепости. В свою очередь, это означает, что и крепость была спланирована, а также разбита на местности сразу, в пределах всей своей площади, вопреки общепринятой версии ее долгосрочного и поэтапного развития.

Этот вывод не противоречит и классическим трактатам по архитектуре, в которых сказано, что сперва следует вырыть ров, и лишь затем возводить над ним крепостные стены (Витрувий: I, V.1). Античным архитекторам вторят и фортификаторы современности: «Постройка долговременных укреплений начинается всегда с отрывки рвов <…> Раньше всего разбивается на местности линия кордона эскарпа, которую и принимают за магистральную линию всего фронта крепости» (Цабель 1902).

Действительно, ров Белгорода — уникальный гидротехнический объект с вертикальной 15-метровой бровкой, инженерные характеристики которого не позволяют соорудить его после возведения самой крепости, в непосредственной близости от ее стен и башен, без создания угрозы их обрушения.

Топография расположения обоих устьев рва свидетельствует о том, что зодчий, прежде чем приступить к созданию общего плана крепости, ознакомился с геологической обстановкой на местности и сначала распланировал контуры рва по всей его линии и лишь затем включил в него периметр будущих стен. И если сама крепость расположилась на куполе известнякового поднятия (единственного на всем правом берегу Днестровского лимана (Анисимов 2001: 10)), то ров заложили в его боковых складках (рис. 5), испытывающих понижения. Тем самым средневековый зодчий получил надежное основание для фундамента каменной одежды эскарпа и контрэскарпа рва в придонной его части.

Расположив ров в зоне погружения пласта понтических известняков (мощностью от 2,5 до 4,5 м) по отношению к уровню водоносного горизонта, который формируется подстилающим известняки десятиметровым водоупорным слоем зеленовато-серых глин, зодчий добился, что дренаж грунтовых вод не нарушает целостности бортов сооружения. Воды просачиваются гораздо ниже крепежной кладки эскарпа и контрэскарпа. Эти же глины создавали упор для воды, заполнявшей ров.

По запискам турецкого путешественника можно оценить и то значение рва, которое он представлял в деле успешной обороны крепости. Повествуя о знаменитой осаде крепости войсками султана Баязида II в 1484 г., Эвлия Челеби говорит, что хотя стены на трех участках и были пробиты артиллерией, турки не могли подобраться к проломам и вынудить защитников к сдаче, пока стоял открытым

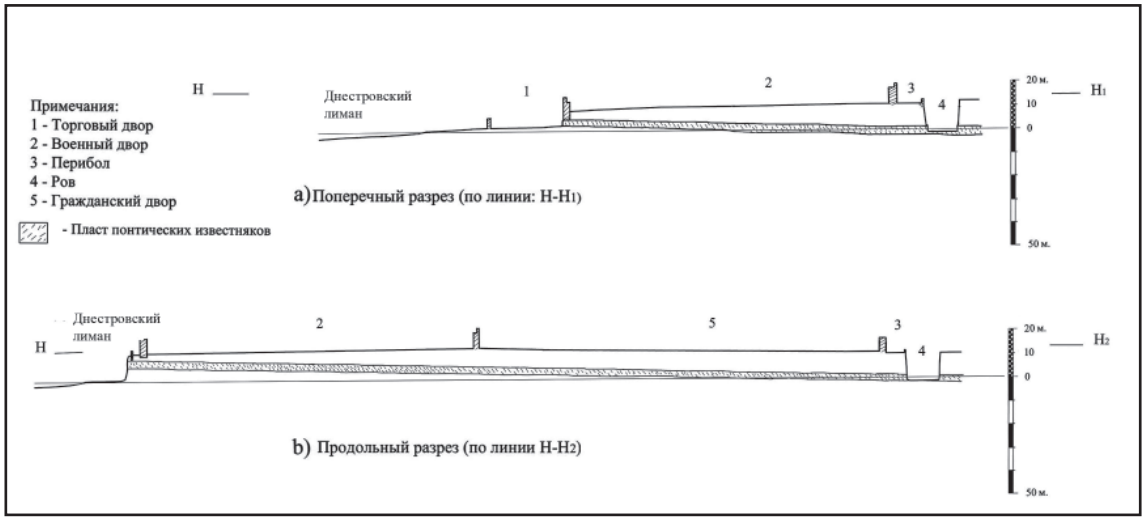

Рис. 5. Разрезы оборонного комплекса Белгородской крепости (по обмерному плану) .

ров (Челеби 1961: 34). Иными словами, падение стен не означало падения самой крепости до тех пор, пока ров существовал. Следовательно, ров на этой ровной, как стол, местности следовало заложить первым и лишь затем приступать к долговременным строительным работам, делавшим объект уязвимым до их окончания. Только лишь наличие столь глубокого рва давало защитникам возможность удерживать оборону даже при частичном отсутствии стен, как, например, в периоды их строительства.

Разбивка крепости на местности

Единовременное основание крепости означает и ее разбивку на местности, по заранее созданному плану. Зодчий, который взялся за его создание, столкнулся с задачей вписать в план укреплений уже стоявшие на нынешнем Аккерманском мысу четырехбашенный замок и одноапсидную церковь.

Церковь Гражданского двора (сооруж. №III/7) заняла самую высокую точку нынешнего Аккерманского мыса (+14 м над уровнем моря). Фундаменты храма и сегодня позволяют определить, что постройка находилась точно на юге от «общественного» (южного) входа в Цитадель (для наблюдателя, который стоит во дворе цитадели — северо-западный угол церкви находится ровно в створе прохода). Угловое значение заданного направления составляет 180° от точки юга, что соответствует ее истинному значению. Расстояние от внешнего края северной стены цитадели до церкви составляет ровно 150 м (рис. 6).

Взаимозависимое расположение двух построек друг относительно друга согласно географическим координатам истинных сторон света, позволяло зодчему использовать их в качестве надежных геодезических ориентиров при выносе на местности узловых точек будущей крепости. Если на северной стене цитадели определилась базовая реперная точка, откуда перед зодчим открывался максимальный обзор планируемой к застройке местности, то церковь превращалась в прекрасный ориентир (промежуточная точка выноса), расположенный точно на юге от выбранной реперной точки (рис. 1).

Надо заметить, что расположение храма по указанному направлению (180° от точки юга), точно совпадает с линией полуденной тени, отбрасываемой Солнцем на протяжении всего года от шеста (гномона), установленного возле постройки. Сегодня эта тень определяет центральный базис разбивки, который пролегает по касательной через северо-западный угол храма. В этой точке находится идеальное место для установки такого шеста.

Полуденная тень могла служить надежным топографическим базисом, заменявшим зодчему оптический прибор при разбивке такого большого объекта малыми отрезками. Прямая тень в первую очередь сводила к минимуму погрешность при выносе углов. Она позволяла каждый раз при разворачивании новой очереди строительства, на протяжении многих лет, независимо от сезона, проверять точность выноса новых точек. При этом наиболее подходящими для разбивки являются полуденные тени ранней весны, т. к. они сравнительно длинные (ввиду положения Солнца над горизонтом). Этот факт, а также начало теплого календарного сезона, благоприятного для строительства, объясняют столь «популярную» ориентировку в средневековом

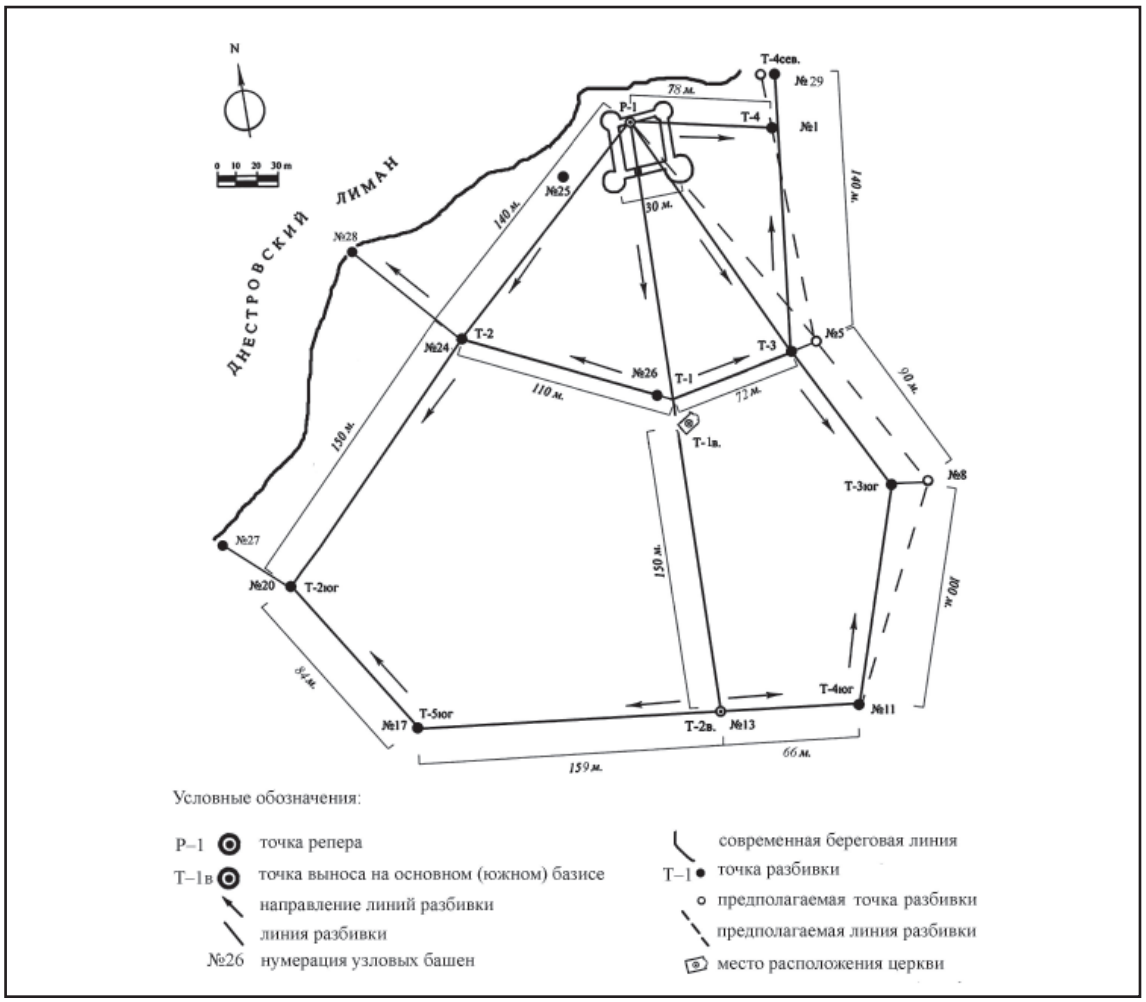

Рис. 6. Схема пространственной разбивки Белгородской крепости.

храмовом зодчестве именно на «весенний восток» (Раппопорт 1974: 43—45).

Витрувий (трактат которого был необычайно востребован средневековьем) рекомендует именно по полуденной тени начинать разбивку города. Добиться ее можно с помощью гномона, который устанавливается в предполагаемом центре будущего города. Этот метод не должен восприниматься как «первобытный», «магический» или же «примитивный». До изобретения точных оптических приборов, вплоть до эпохи позднего средневековья, гномоника играла основополагающую роль в архитектуре, особенно в том ее разделе, который посвящен самым первым этапам строительства. Установив гномон, зодчий должен внимательно следить за появлением рассветной, а затем и полуденной тени. Их направления дадут ему узловые точки в дальнейшей разбивке квартальной сетки (с использованием геометрических методов) (Витрувий, I.VI.6). Именно в центре основанной крепости оказался старый храм — сакральный и геодезический ориентир будущей системы укреплений.

Этапы разбивки. К сожалению, единственный из планов Белгородской крепости, созданных в научных целях (НИИ «Укрпроектреставрация», 1955 г.) во многом далек от точной передачи конструктивных и топографических особенностей объекта, необходимых для реализации поставленных в данной работе задач. Поэтому предложенная схема разбивки (рис. 6) основана на подготовленном нами (Красножон, Картелян 2009: 62—77)[2] топографическом плане крепости (рис. 1), и этот процесс можно разделить на этапы:

1 этап. Рекогносцировка местности. Реперной точкой разбивки зодчий Белгородской крепости выбрал пересечение указанного направления на церковь (точнее, на северо-западный ее угол) и несущей северной стены цитадели (перпендикуляр 90°),

[2] Совместно с геодезистом Морской геолого-геофизической экспедиции при Причерноморском Государственном региональном геологическом предприятии (г. Одесса) Е. Д. Картеляном.

строго напротив ее южного входа. Такая позиция открывала перед архитектором панораму местности, а также позволяла гармонично вписать цитадель в общую систему будущих укреплений.

2 этап. «Выработав представление» (Витрувий: X.4) о том, какой должна быть крепость (масштаб, число узловых башен и промежуточных, расположение устьев рва и т. д.), зодчий приступил к выносу основного, центрального (или южного) базиса. Сперва от точки репера (Р-1) было определено расстояние до первой точки выноса Т-1в (церковь). Оно составило 150 м. Точно через северо-западный угол здания церкви (рис. 6) этот базис был продлен на юг от Т-1в. еще на 150 м, где вынесена крайняя южная точка основного базиса: Т-2в. Здесь были задуманы главные крепостные ворота — т. н. Южные. Таким образом, протяженность основного, южного базиса крепости составила 300 м.

3 этап. Разбивка точек Военного двора. Предполагая организацию двух основных крепостных дворов с т. н. «разделительной» стеной, зодчий выносит от Т-1в. на 10 м к северу точку Т-1 (изгиб стены). Разделение этих точек позволило разделить и сами объекты: церковь и будущую стену. При этом запланированную в узловом месте башню (№ 26) зодчий смещает на несколько метров к западу от изгиба, в сторону от церкви, видимо, чтобы не прикрывать ее. Башня № 26 стала первой из запланированных узловых укреплений. На общем плане она расположена почти в центре крепости, с некоторым смещением к юго-востоку. Это самая высокая башня крепости, ввиду того, что занимает превалирующее топографическое положение. Возможно, на нее были возложены дозорные функции. На ней же была установлена памятная плита с греческим текстом (к сожалению, недатируемая): «Постройка стены с божьей помощью окончена. Да снизойдет благословение твое, Иисусе Христе, на строителя» (Мурзакевич 1850: 481).

4 этап. От точки Р-1 зодчий выносит юго-западный базис к Т-2 на 140 м. Эта мера длины принимается за основную при разбивке точек Военного двора. В Т-2 основана надвратная башня № 24. Абрис будущей т. н. «разделительной» стены от Т-1 к Т-2 составляет 110 м. Рядом с башней, на южном фасаде куртины этой стены, будет водружена вторая мраморная плита с греческим текстом, в которой пойдет речь об окончании строительства уже всей крепости («κάστρον») в 1440 г. (Кочубинский 1889: 506—547).

5 этап. От Р-1 выносится следующий, юго-восточный базис на расстояние 140 м до точки Т-3 (башня № 5). Абрис от Т-1 до Т-3 равен 72 м.

6 этап. От Р-1 выносится Т-4 на расстояние 78 м к востоку (башня № 1). Линия соответствует общему абрису береговой черты, точка заложена почти на самом краю обрыва, в устье будущего рва.

7 этап. Завершающим этапом разбивки Военного двора является вынос от точки Т-3 в северо-восточном направлении (через Т-4) на 140 м точки Т-4 сев. (башня № 29). Вынос этого сооружения за пределы внешней оборонительной линии, а также береговой черты с ее скальным основанием под фундамент, соответствовал общему плану разбивки, т. к. башня № 29 была призвана выполнять не только оборонительные функции (Красножон, Картелян 2008: 43—62).

8 этап. Разбивка точек Гражданского двора. В распоряжении зодчего уже имеется крайняя южная точка Т-2в. на расстоянии 150 м от Т-1в., на основном базисе. Поэтому он приступает к выносу точек Гражданского двора по двум другим, крайним базисам. Данное расстояние берется за основу при выносе Т-2 юг (башня № 20) от точки Т-2, в продолжение юго-западного базиса.

9 этап. Далее, на противоположной стороне площадки, от точки Т-3 выносится точка Т-3 юг, как продолжение юго-восточного базиса. При этом точка выносится лишь на 90 м (башня № 8).

10 этап. От точки Т-2в. прокладывается на запад, почти под прямым углом (85°) линия длиной 159 м к точке Т-5 юг (башня № 17). После чего эту точку остается лишь соединить отрезком с Т-2 юг. Длина почти совпадает с длиной смежного отрезка, на противоположной части двора (Т-3 — Т-3 юг) и составляет 90 м. Эти отрезки параллельны между собой. Выносом Т-5 юг зодчий добился излома оборонительной линии у западного устья рва.

11 этап. В противоположном, восточном направлении от Т-2 в., выносится точка Т-4 юг, на расстояние 66 м. Оставалось соединить Т-4 юг с Т-3 юг отрезком длиной 100 м (эта длина почти совпадает с отрезком Т-1 — Т-2, а также с расстоянием от южного входа в цитадель до Т-1).

12 этап. После общей разбивки крепости и выноса узловых башен происходит вынос промежуточных башен на отрезках между ними. Наиболее высокая их концентрация наблюдается на северо-восточном участке Военного двора (северное устье рва): между

двумя узловыми (№ 1 и № 5) расположено три промежуточных. Далее, на восточном отрезке наблюдается по две башни между двумя основными. На южном участке — по одной между двумя узловыми. На юго-западном участке (западное устье рва) — снова две промежуточных между двумя узловыми башнями. Зато на всем участке от Т-2 до Т-2 юг наблюдается только две башни (№ 21, № 23) и Водяные ворота (№ 22), каждая из которых расположена на 30-метровом удалении от соседней (лишь между башней № 21 и воротами наблюдается пролет). Наконец, по одной башне между двумя узловыми наблюдается на участке от Р-1 до Т-2 (башня № 25) и на участке от Т-2 до Т-3 (башня № 26). Таким образом, степень плотности расположения башен на указанных отрезках прямо пропорциональна ожидаемой плотности наступления неприятеля в данных направлениях.

В геометрическом отношении Военный двор сложен тремя треугольниками. Два из них обращены вершиной к северу (Р-1 — Т-2 — Т-1; и Р-1 — Т-3 — Т-1), один — к югу (Т-3 — Р-1 — Т-4). Гражданский двор сложен двумя пятиугольными многогранниками: большим (Т-2 — Т-1 — Т-2в.— Т-5 юг — Т-2 юг) и малым (Т-1 — Т-3 — Т-3 юг — Т-4 юг — Т-2в.).

На фоне единой системы координатных построений Военного и Гражданского дворов несколько выделяется т. н. Торговый, четвертый, двор Белгородской крепости. Его осевая структура направлена в широтном направлении, в то время как первые два двора сориентированы вдоль продольных осевых направлений.

На примере истории европейского средневекового градостроительства видно, что нарушение координатной системы построений ведет к разделению градостроительных образований на различные однокоординатные архитектурные фрагменты и свидетельствует об их разновременности (Фондорко 2001: 104—108). Применительно к стенам Торгового двора это означает, что они были разбиты отдельным приемом, но в строгой привязке к общей системе разбивки крепости, согласно заранее подготовленному плану. Об этом свидетельствует принцип равных расстояний, который был соблюден при выносе двух узловых элементов двора — башни № 27, находившейся у западного устья рва, и башни № 28, занимавшей центральное место в системе стен Торгового двора. Продольное направление куртин, протянутых между ними, определялось, в данном случае, изгибом самой береговой черты.

Итак, на плане разбивки видно, что башня № 27 продолжает направление выноса юго-западного участка стен Гражданского двора (рис. 6). При этом куртина, в месте соединения с башней № 20, пристроена встык. Равным образом и башня № 28 вынесена по линии, указанной абрисом разделительной стены, как бы продолжая ее в широтном (западном) направлении.

Каждая из этих башен находится на расстоянии от 325 до 315 м от башни № 11 (по прямой). Медиана между башней № 11 и № 28 проложена строго через башню № 23. В свою очередь, от башни № 11 прослеживается расстояние 305 м по прямой и до башни № 29, крайней в северо-восточном углу крепости, и 315 м до точки Р-1 на северной стене Цитадели (рис. 5). Это свидетельствует в пользу строгой координатной зависимости всех рассмотренных точек выноса и единовременности их разбивки в пределах сравнительно короткого хронологического отрезка.

Анализ плана Белгородской крепости позволяет вычислить ее модуль как величину, принятую средневековым архитектором за исходную. Так, все башни по периметру оборонительных стен находятся на равном расстоянии друг от друга, которое в среднем соответствует 30 м. Половине этой величины равна ширина рва и его глубина. Основой этих построений зодчему Белгородской крепости, несомненно, послужили размеры старого четырехбашенного замка, как реперной постройки, где расстояния между внешними краями стен равно половине высоте каждой башни.

В системе византийских мер длины модульной величине крепости соответствует плефр, который был заимствован средневековьем из античной традиции. Его длина варьируется от 29,81 м до 35,77 м. Так называемый «греческий плефр» составлял 30,65 м. У Страбона плефр равнялся 1/5 стадии (32,8 м) (Страбон: VII, III, прим. 68).

Следовательно, 5 плефров составляли 1 стадий (~150 м) — расстояние от Р-1 до Р-1в. (от цитадели до церкви). По основному (южному) базису крепость разбита ровно на два стадия, или на десять плефров (т. е. 10 модулей).

Ошибки в разбивке. Из всех инструментов для воплощения «идеи соразмерности» (Эко 2004), у средневекового зодчего была всего лишь веревка, колышки да полуденная тень. Выше уже говорилось, что прямая полуденная тень служила надежным геодезическим базисом при разбивке, и могла помочь свести к минимуму погрешность при выносе

углов. Тем не менее, грубые ошибки при разбивке крепости допущены были.

Речь идет о всей восточной линии обороны крепости, от Т-4 до Т-4а (рис. 6). Линия напоминает зигзаг с почти равными отрезками изломов. Зигзаг намеренно устроен с восточной, напольной стороны фортификационного сооружения, поскольку отсюда ожидалось наиболее интенсивное наступление неприятеля. Эта ломаная линия обороны была задумана изначально, будучи привязанной к центральной медиане плана разбивки. Но при взгляде на этот план сразу бросается в глаза несоразмерность смежных линий Р-1 — Т-4, Т-1 — Т-3, и Т-2в. — Т-4а, из-за чего возникает асимметрия трапеции Военного двора.

Линии Р-1 — Т-4 и Т-1 — Т-3 формируют стороны трапеции, с основанием на центральном базисе (фигура сформирована двумя треугольниками, перевернутыми друг по отношению к другу вершинами). При этом каждая из линий является одной из сторон этих треугольников. И если длина указанной стороны в треугольнике Р-1 — Т-4 — Т-3 равна 78 м, что составляет чуть больше половины от принятого расстояния 140 м, то второй треугольник Р-1 — Т-1 — Т-3 имеет в смежной стороне (Т-1 — Т-3) лишь 72 м. Таким образом, вершина усеченной трапеции, образованная этими двумя фигурами, имеет явно ошибочную точку выноса (Т-3). Для соблюдения симметрии и пропорций в трапеции следовало бы вынести точку на 6 м восточнее.

Другими словами, соответствующая этой точке башня № 5 должна была бы находиться примерно в трех метрах от кромки рва, (подобно башням № 2, № 4 и др.), а не в 9-ти метрах, как это имеет место[3]. В таком случае, трапеция приобрела бы идеальный вид. Линия Т-3 — Т4 (усеченная вершина) легла бы параллельно основанию фигуры, как и подобает с точки зрения «эстетики пропорциональности» (Эко 2004).

Тем не менее, этого не произошло, и погрешность отразилась на всем участке разбивки, привязанном к юго-восточному базису. Например, точка Т-8, вынесенная от Т-3, должна была бы находиться на 15 м восточнее от своего реального положения. При этом на точки Т-4 и Т-4а данная погрешность не влияет, они вынесены верно (поскольку первая отбивалась от Р-1, а вторая — от Т-2в.).

Если бы Т-3 изначально была вынесена правильно, то линия Т-3 — Т-3а получила бы недостающие 6 м для полного соответствия по длине со смежным отрезком Военного двора (Р-1 — Т-4).

Трудно сказать, почему точка Т-3 (башня № 5) была вынесена на местности с такой погрешностью. Разумеется, в прикладной геометрии известны способы выноса разметки на большие расстояния через непреодолимые препятствия при помощи все тех же веревок и колышков. Они известны едва ли не со времен Пифагора (Раппопорт 1994: 107, 134), но их применение на практике могло вызвать определенные трудности. Поскольку изменить симметрии на стройплощадке гораздо легче, чем на чертеже.

Расчеты трудозатрат на строительство[4]

Общий объем оборонительного рва составляет 106,750 м³. Трудозатраты на сооружение объекта подобного рода, с учетом откатки грунта и облицовки бортов, глубин залегания и типов пород, составили порядка 503,489 чел./часов. То есть, один человек был бы занят на строительстве Белгородского рва около 280,9 лет, принимая во внимание такие параметры, как восьмичасовой рабочий день и сезонность работ. Примем за исходное наиболее адекватное число рабочих, которое могло быть задействовано на строительстве объекта такого масштаба, как ров Белгородской крепости, в количестве 500 человек. В этом случае время сооружения рва сокращается до 125 дней, или 0,56 рабочего периода[5].

Результаты подсчетов (здесь и ниже) приведены по следующей формуле:

C÷T1=C2÷T2=F÷H=D×T2=T3

503489÷8=629000÷224=280÷500=0,56×224 =125,44

[3] Ширина перибола между внешним краем башни № 5 и кромкой рва — самая большая на всей его протяженности. Стандартная ширина внешней оборонительной площадки варьируется в пределах 3—4 м; исключениями являются участки в районе башен № 9, 10, 17 (от 0,5 до 1 м).

[4] Автор выражает глубокую признательность ведущему геологу Морской геолого-геофизической экспедиции при Причерноморском Государственном региональном геологическом предприятии (г. Одесса), начальнику проектно-сметной группы, Л. А. Петренко, за помощь в подготовке данного раздела.

[5] Рабочим периодом назван период времени, затраченный на активную строительную деятельность, с 1 марта по 14 октября, за вычетом одного выходного в каждой неделе и трех основных праздников: Пасха, Троица, Покров. В данном случае за «рабочий период» принято 224 дня.

Где: С — чел./часы; Т1 — продолжительность рабочего дня (в часах); С2 — кол-во чел./дней; Т2 — продолжительность рабочего периода; F — количество рабочих периодов, необходимых одному человеку на выполнение работы; Н — количество рабочих, задействованных в строительстве; D — долевая часть[6]; Т2 — количество дней в рабочем периоде; Т3 — количество рабочих дней, требуемых на сооружение объекта.

В периметре абриса эскарпа оборонного рва были возведены «второй очередью» стены и башни Военного, Гражданского и Торгового дворов, протейхизма. Общая кубатура кладки наземных каменных сооружений крепости (в пределах всех строительных этапов до 1484 г., но без учета цитадели) составляет 43395,15 м³. Следовательно, на возведение крепости таких объемов требуется 240,583 чел/часов, которые при расчете на 500 каменщиков (наиболее адекватное число строителей для данного объекта) составят, при указанных выше календарных параметрах, 134,2 рабочих дня.

Общий объем кладки цитадели составляет 9842,4 м³. Проектная трудоемкость затрат, требуемых на ее возведение, составляет 54,566 тыс. чел./часов, т. е. один человек строил бы цитадель более 30 лет. На объекте таких размеров наиболее адекватное количество рабочих составляет 100 человек. Это число каменщиков потратило бы на возведение объекта (от фундамента до мерлонов) порядка 68 рабочих дней. Данные цифры согласуются с предположением о том, что за́мок был возведен в довольно короткий срок, весной-летом 1393 г.

Сказанное означает, что строительство крепости при указанном объеме кладки и среднем количестве каменщиков в 500 человек заняло бы всего два рабочих сезона, включая строительство рва, всех каменных укреплений в его периметре, а также стен Торгового двора. Этот показатель может быть принят за минимальный.

Теперь применим методику проектных расчетов к самой «концепции долгостроя» Белгородской крепости. Попытаемся выяснить: сколько рабочих должно было трудиться на возведении стен и башен Военного двора, чтобы его строительство продолжалось 19 лет: с 1421 по 1440 гг. (Шлапак 2001)?

Совокупный объем кладки двора равен 11915,25 м³, на возведение которого необходимо затратить 66,068 тыс. чел./часов ручного труда. Чтобы работать с таким объемом 19 лет, на стройке т. н. «Трапециевидной» крепости должно было трудиться всего два человека. Что касается Гражданского двора, то при объеме кладки в 15173 м³ и трудовых затратах 84119 чел/часов, четыре года его строили бы 14 человек (с 1476 по 1479 гг.).

Как известно, ни в одном историческом документе, свидетельствующем о строительстве той или иной крепости в Карпато-Днестровских землях в XIV—XV вв., не фигурируют столь малые объемы трудовых ресурсов, затрачиваемые на сооружение стратегических объектов государственной важности. Тем более, эти данные противоречат свидетельствам источников о самом Белгороде, как городе очень многолюдном.

Таким образом, строительство Белгородской крепости состоялось в течение двух сезонов (или 259 полных рабочих дня). Эти сроки не выглядят невыполнимыми для средневековой Молдавии, что явствует из соответствующих письменных источников. Так, крепость Килия почти равна по площади (7,5 га), а также облику и планировке (Шлапак 2009: 425) (а значит, и по объему использованного камня), Белгороду. Необычайную схожесть этой несохранившейся на дунайских берегах твердыни с ее поднестровским аналогом, иллюстрирует «План-проспект крепости Килия» 1770 г. Судя по изображению, к тому времени крепость сохранила свой первозданный облик, минимально подвергнувшись турецким модернизациям. Собственно, укрепительные работы коснулись ворот (в Килие они расположены согласно такой же системе размещения Южных и Старых ворот Белгорода), напротив которых, с напольной стороны, османы возвели горнверки. Их соорудили для того, чтобы прикрывать архаичные пролеты в крепостной ограде, ставшие уязвимыми, от обстрелов полевой артиллерии. Кстати, это же относится и к крепости Белгорода, которая, судя по такому же «Плану-проспекту» 1770 г., оставалась практически нетронутой масштабными турецкими модернизациями до появления в регионе ощутимой военной угрозы со стороны Российской империи.

Есть все основания полагать, что план Килийской крепости 1479 г. калькирован с Белгородской. Тем важнее выглядят свидетельства летописей о времени, затраченном на ее постройку, и количестве привлеченных трудовых ресурсов. Согласно свидетельству Бистрицкой летописи, молдавский господарь Стефан Великий привлек в Килию

[6] Долевой частью является та часть рабочего периода (принятая за единицу), которая необходима данной бригаде для выполнения работ указанного объема.

800 каменщиков и 17 тыс. подсобных рабочих, которые приступили к работам 22 июня, а закончили «в то же лето», 16 июля 1479 г. (СМЛ 1976: 52). То есть, на все ушло 25 дней.

Однако, по мнению исследователей, цифры относительно численности рабочей силы явно завышены, а данные о временных затратах — сильно занижены. И после скептического пересмотра показаний источников, сроки возведения семигектарной, треугольной в плане, опоясанной глубоким водным рвом крепости поместили в «более разумные» рамки. Больше в силу некой убежденности, нежели в результате математических вычислений, современные исследователи, вопреки Быстрицкой летописи, выдвинули свою версию сроков грандиозной стройки 1479 г. Так, П. П. Бырня полагает, что строительство Килии было начато где-то в 1475/1476 гг. То есть, даже при самых осторожных предположениях, он отвел на это всего лишь три сезона (Бырня 2003: 183).

И, тем не менее, строительство крепости Килии проходило гораздо быстрее, чем в три сезона. Хотя бы потому, что оно не могло развернуться в «грозные» (по выражению П. В. Советова) для Молдавии 1475-й и 1476-й годы. К лету 1475 г. и без того сложная политическая обстановка в регионе крайне обострилась. Для Молдавии напряжение стало спадать только после битвы при Рэзбоенах летом 1476 г. (Советов 1972: 271). Тем более что во время похода 1475 г. османам, возможно, удалось временно подчинить Килию (Очерки 1979: 77).

То есть, строительство масштабной Килийской крепости могло развернуться лишь в результате этих событий, либо в преддверии их. Но никак не во время оных. Впрочем, летопись и так ясно указывает, когда оно началось и завершилось: «в то же лето» 1479 г. и искать этому надо объяснения, а не опровержения.

Исследователей справедливо смущает указанное число т. н. «подсобных рабочих», которые в таком количестве попросту не смогли бы физически разместиться по всему периметру возводимых ими стен и башен (Шлапак 2001: 167—169). Однако подсобным рабочим как раз и не следовало там размещаться, в то время как число каменщиков на строительстве Килии было адекватным: 800 чел.

Действительно, для Молдавии середины XV в. такая численность мобилизованных соответствовала половине ополчения знаменитой «крестьянской армии» Стефана Великого (Советов 1972). Кого же имела в виду летопись под формулировкой «подсобные рабочие»? Не исключено, что 17 тыс. чел. в действительности являлись воинами. Ведь известно, что господарю активно препятствовали строить на этом неспокойном пограничье новые укрепления турки. Стефану даже пришлось отбивать нападение весьма внушительного османского отряда, численностью 8 тыс. чел., «приплывшего на кораблях и галерах, чтобы захватить крепость, которую Стефан начал строить на Дунае» (Iorga 1897: 90, 98). Надо ли доказывать, что силами одних лишь каменщиков в такой непростой обстановке обеспечить желаемые темпы строительства было крайне сложно?

Но вернемся к Белгородской крепости и проектно-сметным расчетам. Вернее, к историографическим реалиям по данному вопросу. Наша попытка подойти к решению основных проблем истории Белгородской крепости через определение затратных усилий на ее возведение — не первая в своем роде. Посему кратко представим результаты предшественников, в качестве объяснения причин, побудивших нас к тому, чтобы вновь произвести известные калькуляции.

Подобные вычисления приводит М. Е. Шлапак, но только для Гражданского двора. Однако приведенный ею объем кладки превышает кубатуру всей (!) Белгородской крепости: 58 тыс. м^3 (Шлапак 2001: 168), когда реальный объем крепости составляет чуть более 53 тыс. м^3.

Итак, согласно подсчетам исследовательницы, на строительство Гражданского двора объемом 58 тыс. м^3 (?), потребовалось 345 тыс. человеко-дней (согласно нормам проектно-сметных расчетов, учет требуется вести в человеко-часах). Цифра 345 тыс. человеко-дней означает, что один человек трудился бы на возведении крепости 1669,5 лет, при длине рабочего периода около 203 дней[7]. В качестве наиболее адекватного числа рабочих, требуемых на строительстве Гражданского двора, М. Е. Шлапак приняла 1700 чел.

Следовательно, 1669,5 лет ÷ 1700 чел.= 0,999 рабочего периода. Так как этот период равен 203 дням (по мнению исследовательницы), то 0,999 ×203 =202,8 рабочих дня. Это означает, что 1700 человек были бы заняты на строительстве стен и башен с общей кубатурой кладки, превышающей реальные размеры Белгородской крепости, всего 202,8 дня, или один сезон с апреля по ноябрь.

Получив такие цифры, на последующих страницах своей монографии М. Е. Шлапак

[7] Здесь рабочий период вычислен по данным, приведенным исследовательницей: с учетом четырех праздников и одного выходного дня в неделю (Шлапак 2001: 168).

продолжает утверждать, что Белгородская крепость — сооружение поэтапное, которое строилось более полувека (Шлапак 2001: 197—198).

К сожалению, исследовательница не раскрывает цепочку расчетов, которые привели ее к таким результатам, поэтому попробуем восстановить логику рассуждений самостоятельно. Судя по всему, расчеты производились «от обратного». То есть, от заведомо принятого числа возможных участников строительства, которое взято на основании серии документальных сообщений XV в. о количестве рабочих, занятых в других масштабных строительных проектах (Брун 1853; СМЛ 1976).

Определив это число, как 1700 чел., исследовательница умножила его на количество дней теплого периода года, пригодного для ведения строительных работ (также известное заранее). Поэтому: 1700÷202,8=344,760. Так в вычислениях появилось значение 345 тыс. чел./дней. Но почему оно превратилось в «человеко-дни», когда следовало бы оперировать понятием чел./часов? Дело в том, что подсчеты в чел./часах дали бы еще более сжатый срок по трудозатратам: 1700 чел. возвели бы крепость (и даже не двор) с объемом камня в 58 тыс. м³ всего за 25 дней (почти как в Килие!).

Основатели Белгородской крепости

В ноябре 1440 г. на центральной, разделительной стене оборонного комплекса Белгорода, сооруженной после окончания основных внешних укреплений, зодчие водрузили памятную закладную таблицу с указанием, что при «благочестивейшем Воеводе земель Молдавских, Стефане II» крепость («кастрон») окончена. Выше уже говорилось, что строительство крепости при указанном объеме кладки и условном количестве каменщиков в 500 человек заняло бы два рабочих сезона, включая строительство рва, а также всех каменных укреплений в его периметре и стен Торгового двора.

Таким образом, достаточно вычесть из указанной даты два года и получить время основания крепости. И эта дата не покажется столь уж гипотетичной, если учесть сообщения письменных источников о том, что господарь Стефан II захватил Белгород именно в 1438 г., во времена «смут» в Молдавском княжестве (Бырня, Руссев 1999: 189, 237). Строительство данной крепости отвечало требованиям военного присутствия правителя Цара де жос в подчиненном городе. Очень вероятно, что все работы выполнялись не только силами местных вольнонаемных (при руководстве мастеров греческой общины), а прежде всего военными отрядами Стефана II. Поэтому с учетом модернизации укреплений, проведенной Стефаном III Великим в середине 1470-х гг., Белгород по праву можно назвать «крепостью двух Стефанов».

Рассмотрим причины, которые побудили одного из господарей приступить к реализации столь грандиозного фортификационного проекта в Северо-Западном Причерноморье, а второго заняться его совершенствованием.

На первый взгляд может показаться, что «катализатором» основания Белгородской крепости, а также всех последующих ее модернизаций в доосманский период, стали всплески военной агрессии со стороны Турецкой империи в Северо-Западном Причерноморье (Гонца 1984: 18—30). Отчасти это верно, но с известными оговорками, особенно применительно к раннему периоду османской экспансии в регионе, когда первые «вымогательские» морские походы турок к черноморским берегам еще даже не были осознаны современниками как реальная и долгосрочная угроза.

Так, господарь Александр Добрый, на чье правление пришелся первый «разведочный» поход турок на Килию и Белгород в 1420 г., похоже, вообще оценил угрозу как перманентную. И после ухода неприятеля вернулся к традиционным выяснениям своих отношений с венграми и литовцами (Очерки 1979). Более того, Стефан II, в памяти которого этот поход наверняка превратился в эпизодическое событие пятнадцатилетней (!) давности, похоже, строил крепость в Белгороде вовсе не из расчета на стратегические намерения Порты. Учитывая, что очередной поход турок в Северо-Западное Причерноморье (и на Белгород в частности) состоялся только через 16 лет после предполагаемого нами основания крепости. Выступая как заказчик оборонительного комплекса, Стефан II оставался крайне прагматичным правителем, типичным отпрыском феодальной эпохи. Строительством крепости он добивался в это «смутное» для него и страны время защиты своей собственной жизни и создания военно-политической базы для захвата молдавского престола с целью консолидации страны.

Единственным же основанием для предположений о строительстве крепости при Александре Добром в результате похода 1420 г. (Шлапак 2001: 27) может послужить неопределенная фраза Ланнуа о том, что Монкастро — «укрепленный город»

(Брун 1853: 439). Теоретически, крепость могла быть заложена и в период обострения отношений с литовцами (1421 г.) или поляками (1431 г.). Однако исследователи ставят под сомнение не только сам факт строительства молдавских крепостей при Александре Добром, но и даже осуществление каких-либо особых работ по их ремонту (Бырня 1984: 81).

Вся серьезность отношений с турками для Молдавского княжества стала очевидной лишь после первых принуждений к выплате дани, в середине 1450-х годов. Именно тогда для государства наступила новая эпоха, породившая нового правителя. Его усилиями к середине 1470-х годов Белгородская крепость превратилась в наиболее грандиозное архитектурное сооружение своей эпохи во всем Северо-Западном Причерноморье, от юго-западных берегов Крыма, до устья Дуная. Но, к сожалению, не в самое совершенное.

С фортификационной точки зрения оборонительный комплекс Белгорода доосманского периода относится к эпохе предшествующей эффективному применению осадной пороховой артиллерии (Шперк 1957; Яковлев 1931; Шуази 1935).

Стефан III Великий реализовал тот план модернизации в Белгороде (и фортификационных работ в Килие), который требовала крайне сложная политическая обстановка в Северо-Западном Причерноморье. Но в проектном отношении эти работы не предусмотрели развития новых методов артиллерийской осады крепостей (даже после печального опыта Константинополя (Рансимен 1983)).

Известны минимум три попытки осады Белгорода турками (не считая кампании 1484 г.), а также один случай вторжения турецких войск в Дунай-Днестровское междуречье, когда город не был потревожен (Гонца 1984: 16—23). Именно эти военные операции, судя по памятным строительным таблицам и «спровоцировали» промежуточные строительные этапы в Белгородской крепости, предполагавшие ее модернизацию и усовершенствование. Но само основание Белгородских укреплений было вызвано внутриполитическими причинами в княжестве, а не угрозой извне. После смерти Александра Доброго его наследник и старший сын Ильяш получает серьезного соперника на престол в лице младшего брата, Стефана II (Очерки 1979: 56). Но в 1435 г., при посредничестве польских дипломатов, между братьями были заключены соглашения о разделе княжества на «Страну Верхнюю» и «Страну Нижнюю», с сохранением господарского титула за Ильяшем (Очерки 1979: 57).

И уже в 1438 г. мир между братьями оказался нарушен. В этом году Стефан II захватил Белгород (не входивший, видимо, в состав его «Нижней страны»), и стал «единоличным правителем этого приднестровского центра стратегического значения». На некоторое время (где-то до 1442 г., пока хрупкое «согласие между братьями окончательно не рухнуло»), он даже превратил Белгород в столицу своей «Цара де жос» и наладил выпуск собственных денег (Бырня, Руссев 1999: 189, 237). С этим событием и следует связывать основание оборонного комплекса в Белгороде.

После смерти Стефана II в 1447 г. и вплоть до начала правления Стефана III Великого (1457 г.) в истории Молдавского княжества не будет ни одного господаря, который сумел бы задержаться на престоле более двух лет подряд (за исключением Богдана II, который правил около трех лет). Правление большинства из них ограничивалось одним годом. Частая смена господарей, внутриполитическая нестабильность княжества, его зависимость не только от европейских вассалов, но и от даннических обязательств перед Турцией, делало маловероятным основание большой и дорогостоящей крепости в период междуцарствия двух Стефанов в городе с широкими правами автономии.

Впервые активизация османской угрозы повлияла на модернизацию белгородских укреплений лишь в 1454 г., когда пыркалаб Станчул замуровал Старые ворота путем сооружения башни № 3. Вряд ли княжеский бюджет «смутного» времени позволял ему совершить нечто большее, чем попросту упразднить один из самых уязвимых, с точки зрения полиоркетики, участков обороны.

Турки подошли к Белгороду через тридцать четыре года после первой его осады, летом 1454 г. Турецкий флот (показавший себя не столь уж умело в битвах под Константинополем годичной давности (Рансимен 1983)) состоявший из 60-ти судов, управляемых капуданом Тимиркаем, пришел в Черное море с целью сбора дани с генуэзцев, но сначала направился к Белгороду (Мыц 2009: 237).

О характере похода свидетельствует уже хотя бы то, что турки посчитали крепость неприступной, сняли невыгодную им осаду и поскорей направились к Каффе (Бырня 1997: 119). Тем не менее, шантаж удался: уже через год Молдавское княжество снарядило посольство в Стамбул, где султан поставил условием выплату ежегодной

дани в размере 2000 золотых (Гонца 1984: 18). Е. Ч. Скржинская называет этот поход турецкой эскадры в Черное море «небольшой экспедицией». Зато по ее итогам не только Молдавия, но и Каффа обязалась выплачивать султану дань — в 3000 дукатов (Скржинская 2006: 135). Действительно, это была первая, с начала правления Мехмеда II, военно-морская экспедиция, и она носила, скорее всего, характер рекогносцировки (Мыц 2009: 239).

В XV в. османская агрессия в Северо-Западном Причерноморье развивается поступательно, оставляя Молдавии достаточно времени и сил не только на укрепление собственных границ, но также на осознание происходящего, и даже на контрнаступления (в пределах Валахии) (Гонца 1984: 19).

Стефан III Великий (1457—1504 гг.) разворачивает активную и повсеместную строительную деятельность (в том числе и фортификационную) в пределах Молдавского княжества. Значительно были расширены и укреплены Сучавская, Нямецкая крепости. Построены две новые: деревянно-земляное укрепление в Сороках, крепость в Старом Орхее. В Хотине происходят значительные ремонтные работы (Очерки 1979: 71). Но главное — на юго-восточных рубежах княжества в рекордные сроки возводится Новая Килия, а незадолго до этого в Белгороде сооружаются Килийские ворота, происходит перепланировка южной и восточной линий обороны.

Османская опасность при Стефане Великом вошла в третью, самую активную фазу. Она вынуждала господаря к поиску союзников. Вспомнились давние отношения господарей с Мангупским княжеством (Мыц 2009: 403). Он также устанавливает отношения с Венецией и Римским папством. В конечном итоге, воспользовавшись занятостью султана Мехмеда II в военных действиях с Узун-Хасаном, союзники объединились с Венгрией, Неаполитанским королевством и Кипром в антиосманскую лигу (Очерки 1979: 76). Турецкая опасность заставляет даже Каффу в 1471 г. перейти в отношениях со своим давним врагом — княжеством Феодоро, от «конфликтов» к «контактам» (Мыц 2009: 402).

Через 11 лет после своего последнего вторжения, в 1475 г. турецкая армия предпринимает новый поход в Северное Причерноморье, направленный против генуэзских торговых колоний в Крыму (Гонца 1984: 22). Сразу же после взятия Каффы султан Мехмед II направил галеры на Белгород с приказом: «чтобы флот шел без промедления». Тем не менее, крепость выстояла, а османское наступление оказалось скомканным в виду незапланированного, длительного и упорного сопротивления Мангупа. Туркам удалось выгрузить на берег четыре пушки, но защитники Белгорода ночью захватили их, загнав турок в воду (Бырня 1997: 120—121).

Этот странный военно-морской выпад султан приказал дублировать сухопутной операцией, отправив против Молдавии почти стотысячную армию. Молдавское войско Стефана III насчитывало всего 40 тыс. чел., что по меркам княжества немало. Утром 10 января 1475 г. Стефан начал сражение под городом Васлуй (Очерки 1979: 77—78). Разгром турок, надо полагать, оказался полной неожиданностью как для султана, так и для «международного сообщества». Впервые европейской державе удалось одержать над османами столь крупную победу (Мыц 2009: 405).

Учитывая эти события, Килийские ворота в Белгороде должны были быть закончены не позже чем к началу лета 1476 г. Описанные выше события послужили фоном, на котором в Белгороде разворачивалась модернизация южной и юго-восточной линий обороны. Килийские ворота оказались последним звеном в этой серии работ, а не первым, как предполагалось. Следовательно, их начало можно отнести к годам не многим более ранним: к 1474—1475 гг., и связать с подготовкой крепости к ожидаемому нападению турецкой эскадры.

Следующий, 1476 г. принес Стефану III новую тяжелую войну с Мехмедом II. Только теперь султан начал готовить отдельный поход на Молдавию, собрав большое войско (численностью в 100—200 тыс. чел.). Перед наступлением султан направил молдавскому господарю ультиматум, в котором выдвинул несколько требований. А именно: погасить задолженность по дани за три года, отдать Килию, отправить в Стамбул в качестве заложника своего сына, вернуть «рабов» с турецкого корабля, захваченного во время летней кампании 1475 г. плененными в Каффе генуэзцами и нашедших убежище в Белгороде. Стефан, разумеется, ответил молчанием (Мыц 2009: 500).

Летом 1476 г. (между 10 и 25 июня) турецкое войско, на этот раз во главе с самим султаном, форсировало Дунай у Исакчи и вторглось на территорию княжества (Очерки 1979: 80). Стефан Великий располагал войском в 10—12 тыс. человек, но, тем не менее, ему удалось принудить турок к отступлению после

генерального сражения при Разбоенах 26 июля 1476 г., и даже разгромить часть войска при переправе через Дунай (Мыц 2009: 501).

Одновременно с османами, с востока в Молдавию вступил десятитысячный отряд татарского хана Менгли-Гирея. В его задачу входило поддержать турок на противоположном фланге. Хан направился к Белгороду, но потерпел поражение, а часть турецкого флота, строившего некий мост где-то «ниже Белгорода», была рассеяна горожанами (Бырня 1997, 121). Крепость снова выстояла.

После кампании 1476 г. наступило «время затишья» и в отношениях княжества с османами, которое продлилось вплоть до 1484 г. Пользуясь передышкой, Стефан приступает в 1479 г. к строительству новой крепости в Килие, видимо, взяв за образец планировку Белгорода, показавшего к тому времени свою эффективную обороноспособность.

Но буквально через пять лет Килия перейдет под власть османов, равно как и Белгород. Судьбы двух крепостей были решены задолго до осады 1484 г. В результате ряда удачных дипломатических маневров, турки, наконец, сосредоточили свое внимание исключительно на приобретении «ключей от Валахии, Польши и Крыма» (Гонца 1984: 33). После падения крымских крепостей эти два города Дунай-Днестровского междуречья оставались едва ли не последними на пути более чем полувековой экспансии турок в Причерноморском регионе.

* * *

Фортификационный комплекс Белгородской крепости возник и сформировался в строгой зависимости от контекста этнополитической обстановки, динамично изменявшейся в Северо-Западном Причерноморье в период с 1390-х — 1480-е гг. Проведенный историко-архитектурный анализ позволил выделить пять основных строительных периодов (до османского завоевания):

I этап. Весна-осень 1393 г.— основание и строительство цитадели; в более широком хронологическом диапазоне XIV-го в. возник христианский одноапсидный храм в нынешнем Гражданском дворе.

II этап. 1438 — ноябрь 1440 гг.— основание и строительство рва, а также башен при его устьях, разбивка всей линии каменных укреплений; основание и строительство Торгового двора, внешних западных стен крепости и башен № 25, № 28; Водяных ворот, восточных стен и башен Военного двора и организация Старых ворот; строительство разделительной стены с башнями № 24, № 26; сооружение узловых башен № 11, № 17, № 20, а также башен № 29 и № 27 на периболе, и линии протейхизмы; наконец, основание в южном секторе Южных ворот.

III этап. Март 1454 г.— возведение башни № 3 и упразднение Старых ворот.

IV этап. 1474—1475 гг.— модернизация южной и восточной линий обороны Гражданского двора (создание каменных куртин и промежуточных башен, упразднение Южных ворот).

V этап. До середины июня 1476 г.— возведение надвратной башни Килийских ворот и платформы во рву для подъемного моста[8].

Цитадель — самый ранний элемент в нынешней системе укреплений крепости. Судя по архитектурным и конструктивным признакам сооружения, ее заказчик настаивал на срочной реализации проекта, предполагая потенциальную угрозу городу со стороны Днестровского лимана (левого берега). Заказчиком зáмка выступил молдавский господарь Роман I Мушат. Это строительство могло быть связано не только с угрозой литовского вторжения на наиболее уязвимом участке по всему нижнему течению Днестра, но и с желанием укрепить авторитет правителя Молдавского княжества в новоприсоединенных землях.

Менее чем через полвека вокруг цитадели сформировались куда более мощные фортификационные укрепления, и прежний замок был включен в их состав как внутреннее ядро всей системы обороны. О единовременном строительстве крепости говорит и анализ ее планировки. Разбивка крепости на местности была произведена с помощью трех медиан, по которым зодчий вынес десять узловых точек. В этих точках были заложены «основные» башни крепости. Вся крепость была разбита согласно единому модулю, принятому средневековым архитектором за исходную меру расстояния (30 м).

---

[8] Недавние исследования автора в Бендерской крепости позволили установить полную идентичность многоугольных полубашен ее внутреннего рва с полубашнями южного и юго-восточного фронтов Белгородской крепости №№ 7—10, 12—16, 18. Установленная для бендерских башен дата сооружения —1584 год (см. статью автора в Сугдейском сборнике за 2010 год) позволяет перенести ее и на аналогичные укрепления в Белгороде. Таким образом, это несколько уточняет последовательность строительных этапов в предалах Гражданского двора. Самыми ранними на этом участке являются башни №№ 11, 17, 20. Башня № 6 пристроена в 1476 году к системе куртин, а в конце XVI века, возможно, под общей угрозой польско-казацких вторжений, была кардинально перестроена южная и восточная линии Гражданского двора — созданы многоугольные полубашни.

Таким образом, в строительстве оборонного комплекса Белгорода можно выделить два основных хронологических периода: 1) вторая половина 30-х гг. XV в.; 2) первая половина 70-х гг. XV в.

Стимулом для первого периода послужили затяжные междоусобные конфликты двух претендентов на молдавский престол — Стефана II и его брата Ильяша, в результате чего страна была поделена на сферы влияний, а Белгород в 1438 г. превратился в столицу Цара де жос господаря Стефана II. Во втором периоде сыграла свою роль турецкая военная экспансия в Северо-Западное Причерноморье. Белгородская крепость, которая превратилась к середине 70-х гг. XV в. в одну из главных целей османской военной агрессии в регионе, испытала на себе серьезные изменения. Модернизация оборонной линии, перенесение главных ворот на восточный фронт и т. п. проводится в эпоху правления господаря Стефана Великого, в преддверии войны Молдавского княжества с турками 1475 г. На это косвенно указывает хронология перестроек южной и восточной линии обороны Гражданского двора (пер. пол. 1470-х гг.), хотя документальные сведения о перестройках Белгорода отсутствуют.

В контексте данной модернизации расположение Южных ворот на южной линии обороны Гражданского двора (по оси центрального базиса разбивки), в системе «бывших дотоле земляных укреплений» (?) (Кочубинский 1901: 147), показалось пыркалабам уязвимым. Поэтому новые ворота, Килийские, заняли центральное положение во всей восточной линии крепостных укреплений.

Характер перестроек подтверждает выводы отечественных исследователей о некотором запаздывании преобразований средневековой фортификации Причерноморья по отношению к развитию новой тактики штурма крепостей. Влияние огнестрельного оружия на форму крепостных оград стало ощущаться только в последней трети XV в. (Мыц 2009: 507), когда оборонный комплекс Белгорода был уже давно окончен. Наступившие для него с 1484 г. времена «провинциализации» под властью новых хозяев не предполагали радикальных изменений. Во всех русско-турецких войнах, которые коснулись Белгорода, он сдавался практически без боя — его судьба теперь решалась на других полях сражений, под стенами иных крепостей.

Литература

Айбабина Е. А. 2001. *Декоративная каменная резьба Каффы (XIV—XVIII вв.)*. Симферополь: Сонат.

Анисимов А. М. 2001. *Гидрогеологическое заключение о современном состоянии эксплуатационных запасов подземных вод Белгород-Днестровского месторождения в Одесской области.* Архивные Фонды Причерноморского государственного регионального геологического предприятия, № 3270. Одесса.

Бертье-Делагард А. Л. 1900. О состоянии Аккерманской крепости. *ЗООИД* XII, 75—82.

Брун Ф. К. 1853. Путешествия и посольства господина Гильберта де Ланнуа, кавалера Золотого руна, владельца Санта, Виллерваля, Троншиена, Бомона, Вагени в 1399—1450 гг. (Текст и археографическое вступление). *ЗООИД* III, 433—465.

Бруяко И. В., Сапожников И. В. 2000. Белгород-Днестровская крепость, как памятник военно-инженерного искусства (основные этапы истории конца XIV — начала XV вв.). *Stratum plus* (5), 443—451.

Бугаева Н. И. 2006. Рукописные и печатные трактаты по архитектуре XV—XVI вв. *Архитектон* 15.

Бырня П. П. 1997. Из истории молдавского Белгорода — Четатя Албэ. *Аккерманские древности*, 107—126.

Бырня П. П. 2003. Килия и Нижний Дунай в эпоху Стефана Великого. *Stratum plus* (6), 180—189.

Бырня П. П. 1984. *Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV — начало XVI в.)*. Кишинев: Штиинца.

Бырня П. П., Руссев Н. Д. 1999. Монеты средневековой Молдавии. Историко-нумизматические очерки. *Stratum plus* (6), 176—262.

Витрувий. 1936. *Десять книг об архитектуре (перев. Ф. А. Петровского)*. Москва: Изд-во Академии архитектуры.

Войцеховский В. А. 1972. Строительные надписи на стенах крепости в Белгород-Днестровском. *Юго-Восточная Европа в средние века*, 371—374.

Войцеховский В. А. 1969. Этапы строительства крепости в Белгород-Днестровском. *Материалы научно-технической конференции Кишиневского Политехнического института*, 341.

Герцен А. Г. 1990. Крепостной ансамбль Мангупа. *МАИЭТ* 1, 88—166.

Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. 1992. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале. В: Могаричев Ю. М. (ред.-сост.). *Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму*. Симферополь: Таврия, 182—192.

Гонца Г. В. 1984. *Молдавия и Османская агрессия в последней четверти XV — первой трети XVI века.* Кишинев: Штиинца.

Егоров В. Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды.* Москва: Наука.

Кирилко В. П. 2005. *Крепостной ансамбль Фуны (1423—1475 гг.)*. Киев: Стилос.

Ключник А. 1977. *Белгород-Днестровский.* Одесса.

Коновалова И. Г. 1989. Торговая фактория в Килие (по данным нотариальных актов 1360—1361 гг.). *Известия АН Молдавской ССР. Серия общественных наук* (1), 14—21.

Кочубинский А. А. 1889. Лапидарные надписи XV столетия из Белгорода, что ныне Аккерман. *ЗООИД* XV, 506—547.

Кочубинский А. А. 1901. Тира-Белгород-Аккерман (и его новая лапидарная надпись от 1454 г.). *ЗООИД*

XXIII, 79—178.

Кравченко А. А. 1986. *Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII—XIV вв.).* Киев: Наукова думка.

Красножон А. В., Картелян Е. Д. 2009а. Античные знаки-символы Белгород-Днестровской крепости. *Stratum plus* (4), 446—463.

Красножон А. В., Картелян Е. Д. 2009б. Модульные отношения в архитектуре Белгород-Днестровской крепости. *Історіосфера*, 62—77.

Красножон А. В., Картелян Е. Д. 2008. Сакральные знаки Белгород-Днестровской крепости. *Юго-запад Одессика* (5), 43—62.

Крыжицкий С. Д. 1993. *Архитектура античных государств Северного Причерноморья.* Киев: Наукова думка.

Логвин Г. Н. 1978. *Украинское искусство второй половины XIII—XVI вв. Архитектура в системе художественной культуры*. Фонды НИИТАГ. Инв. № 1140. Киев.

Мезенцева Г. Г. 1981. Раскопки в Белгород-Днестровской крепости. *Археологические открытия 1980 г.*, 508.

Мурзакевич Н. 1850. Аккерманские греческие надписи. *ЗООИД* II, 480—483.

Мыц В. Л. 2009. *Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты.* Симферополь: Универсум.

Овчаров Д. 1982. *Византийски и български крепости V—X век.* София: Изд-во на БАН.

Одесский астрономический календарь. 2006. Одесса: Астропринт.

Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV — начало XV вв.). 1979. Кишинев: Штиинца.

Полевой Л. Л. 1979. *Очерки исторической географии Молдавии (XIII—XV вв.).* Кишинев: Штиинца.

Прокофьева Н. И. 1971. Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину (Текст и археографическое вступление). *Вопросы русской литературы (Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина)* 435, 12—42.

Рансимен С. 1983. *Падение Константинополя в 1453 г.* Москва: Наука.

Раппопорт П. А. 1994. *Строительное производство Древней Руси (X—XIII вв.).* Санкт-Петербург: Наука.

Репников Н. И. 1932. Остатки укреплений Эски-Кермена. *ИГАИМК* 12, 181—212.

Руссев Н. Д. 1999. *На грани миров и эпох (города низовий Дуная и Днестра в конце XIII—XIV вв.)* Кишинев: Высшая антропологическая школа.

Руссев и др. 2003: Руссев Н. Д., Кройтор Ж. Б., Лазо Ю. В. Стефан Великий в обстоятельствах времени (антропологические эскизы). *Stratum plus* (6), 19—62.

Скржинская Е. Ч. 2006. *Судакская крепость. История-археология-эпиграфика.* Киев; Судак; Санкт-Петербург: Академпериодика.

Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. 1976. Москва: Наука.

Советов П. В. 1972. *Исследования по истории феодализма в Молдавии. Т. 1. Очерки истории землевладения в XV—XVIII вв.* Кишинев: Штиинца.

Страбон. 1994. *География (пер. с др.-греч. Г. А. Стратановского).* Москва: Ладомир.

Фондорко Е. Е. 2001. Семантика координатных построений в архитектуре. *Проблемы теории и истории архитектуры Украины* (2), 104—108.

Цабель С. А. 1902. Фронт. *ЭСБЕ* (36а), 769—77.

Челеби Э. 1961. *Книга путешествия (Земли Молдавии и Украины).* Вып. 1. Москва: Наука.

Шлапак М. Е. 2000. Самая загадочная надпись Белгород-Днестровской крепости. *Stratum plus* (6), 260—265.

Шлапак М. Е. 2001. *Белгород-Днестровская крепость (исследование средневекового оборонного зодчества).* Кишинев: ARC.

Шлапак М. Е. 2005. По следам молдавского пыркэлаба. *Stratum plus* (6), 473—478.

Шлапак М. Е. 2009. Килийская каменная крепость. *Stratum plus (*6), 421—429.

Шперк В. Ф. 1957. *История фортификации.* Москва: Издание Военно-Инженерной академии.

Шуази О. 1935. *История архитектуры (в двух томах).* Т. 2. Москва: Изд-во Всесоюзной Академии архитектуры.

Эко У. 2004. *Эволюция средневековой эстетики.* Санкт-Петербург: Азбука-классика.

Якобсон А. Л. 1986. *Армянские хачкары*. Ереван: Айастан.

Яковлев В. В. 1931. *История крепостей: эволюция долговременной фортификации.* Москва: Изд-во НАРКОМата обороны Союза ССР.

Arbure Z. 1901. Inscripţiunea de la Cetatea Albă. *NRR*. Bucureşti.

Bogdan I. 1908. Inscripţiile de la Cetatea Albă şi stăpînirea Moldovei asupra ei. *AARMSI*. T. XXX. Bucureşti.

DRH M. 1975, 1976, 1980. Moldova. Vol. I. (1384—1448); II. (1449—1486); III. (1486—1504). Bucureşti.

Dumitriu-Snagov I. 1979. *Ţările Române în sec. XIV. Codex Latinus Parisinus-7239.* Bucureşti.

Cetăţi pe Nistru. 1998. Chişinău.

Gorovei Şt. S. 1994. Enigmele Cetăţii Albe. *Magazin istoric* 8, 9. Bucureşti.

Iorga N. 1897. *Acte şi fragmente cu privire la istorie Românilor (IAF).* Vol. II, III. Bucureşti.

Tanoviceanu I. 1901. Iar inscripţia de la Cetatea Albă. *NRR*. Bucureşti.

Статья поступила в номер 10 ноября 2009 г.

Andrei Krasnozhon (Odessa**,** Ukraine). South Ukrainian National Pedagogical University named after K. D. Ushynsky.

Andrei Krasnozhon (Odesa**,** Ucraina). Universitatea pedagogică de stat din Ucraina de sud „K. D. Uşinski”.

Красножон Андрей Васильевич (Одесса, Украина). Южноукраинский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.

e-mail: ahmar@mail.ru

В. П. Кирилко

О времени строительства мангупского октагона и его идентификации
(к вопросу об интерпретационных возможностях источников)

V. P. Kirilko.

On the Dating of Mangoup Octagon and its Identification (towards Interpretative Power of Sources).

Urban aspects and, especially, architectonics of a building are key factors to the dating of the octagon church in Mangoup and its identification. Based on the analysis compared to information of an epigraphic source the temple is believed to have been erected in 1427 and dedicated to St. Constantine and Elena as a castle church of the Feodoro rulers. This is supported by archaeological evidence.

V. P. Kirilko.

Despre perioada de construcție a octagonului din Mangup şi identificarea lui (cu privire la posibilitățile interpretative ale surselor).

Aspectele urbanistice şi particularitățile arhitectonicii edificiului sunt factori cheie pentru determinarea perioadei de construcție a bisericii octagonale din Mangup şi identificarea ei. Analiza lor în juxtapunere cu informațiile de ordin epigrafic permit să considerăm, că acest templu a fost edificat în 1427 în numele sfinților Constantin şi Elena în calitate de biserică de castel a conducătorilor din Theodoro. Materialele cercetărilor arheologice ale obiectului poartă un caracter auxiliar.

В. П. Кирилко

О времени строительства мангупского октагона и его идентификации (к вопросу об интерпретационных возможностях источников).

Градостроительные аспекты и особенности архитектоники здания являются ключевыми факторами для определения времени строительства октагональной церкви Мангупа и её идентификации. Их анализ в сопоставлении с информацией эпиграфического источника дает основание считать, что этот храм был возведен в 1427 г. во имя свв. Константина и Елены в качестве замковой церкви правителей Феодоро. Материалы археологических раскопок объекта имеют вспомогательный характер.

Keywords: Mangoup, Feodoro, octagon temple, complex of fortress, fortification, construction inscription, medieval architecture.

Cuvinte cheie: Mangup, Theodoro, biserica octagonală, ansamblu de cetate, fortificare, inscripție de construcție, arhitectură medievală.

Ключевые слова: Мангуп, Феодоро, октагональный храм, крепостной ансамбль, фортификация, строительная надпись, средневековая архитектура.

© В. П. Кирилко, 2010.

«Может и вправду есть смысл в утверждениях тех, кого природа одарила особым одухотворенным ощущением окружающего мира, о том, что на Мангупе существует особое историческое пространство-время, которое ощутить доступно каждому, кто не потерял вкус к аромату прошлого, осознает его органическое проникновение в настоящее, а значит, и угадывает контуры будущего».
(Герцен 2007: 59).

В 1890 г. Ф. А. Браун на территории цитадели средневекового Мангупа, в 50 м к северо-востоку от входа, раскопал восьмигранную в плане церковь (рис. 1: 1; 2). До начала работ на этом месте возвышался небольшой, густо поросший кустарником холм, на склонах которого всюду проступали из-под земли крупные, хорошо обработанные камни. В течении шести дней памятник был раскрыт полностью. Сохранность храма оказалась крайне плохой. От стен строения уцелели только нижние части кладки, а максимальная высота руин едва достигала 1,25 м. Сообщая о находках, учёный ограничился лишь упоминанием не идентифицированной медной монетки «с изображением мужской головки» (Отчет 1890: 21, 23, 34; Браун 1893: 16—19).

Каким временем следует датировать октагон, Ф. А. Браун не знал, ибо «не было найдено ничего, что могло бы послужить точкой опоры для определения его». Тем не менее, исследователь счел возможным отнести церковь к «до-татарскому времени, т. к. она построена очень тщательно и аккуратно», при этом особо подчеркнув тождество её кладки с древнейшими частями крепостных стен и дворца. Ф. А. Браун не смог установить и назначение здания. Первоначально видя в сооружении дворцовую часовню мангупских князей, по окончанию работ он стал колебаться, объясняя свое сомнение тем, что «не нашел здесь ни малейших следов живописи или мозаики, не нашел также и обломков мрамора». По внешней форме церковь напоминала ему баптистерий, но отсутствие главного храма по соседству не позволило Ф. А. Брауну безоговорочно принять и эту версию (Отчет 1890: 23).

Осенью 1913 г. Р. Х. Лепер завершил раскопки октагонального храма. Судя по записям в полевом дневнике, в засыпи были найдены только «майоликовой большой чашки обломки, выс. ст. 7,5» и «поливные черепки», представленные четырьмя фрагментами. Ряд предметов, полученных при археологическом изучении здания, упомянут без указания конкретного места их обнаружения — «поливной черепок (желтый с коричневым орнаментом)», «костяная палочка (ручка)» и «каменный кружочек с двумя отверстиями» (Дневник 1913: 31). По мнению исследователя, высказавшего предположение о возможном отождествлении октагона с храмом свв. Константина и Елены, «ничего важного эта раскопка не дала» (Протоколы 1914: 299).

Посредством археологических изысканий точную дату и назначение сооружения ни Ф. А. Брауну, ни Р. Х. Леперу установить не удалось. В конце июля 1891 г. остатки октагонального храма осмотрел Н. П. Никольский. По его мнению, церковь была возведена греками во 2-й пол. VI в. и входила в дворцовый комплекс — резиденцию епископа (Никольский 1892: 71, 79). Насколько результаты исследований Ф. А. Брауна сказались на выводах Н. П. Никольского, неизвестно. Во время раскопок октагона Р. Х. Лёпером на Мангупе побывал А. Л. Бертье-Делагард. Позднее, в одной из своих работ, он отметил уникальность обнаруженной церкви, а некоторые характерные черты её архитектоники соотнес с традициями армянского зодчества. От датировки и атрибуции здания учёный, будучи сам археологом, тем не менее, воздержался (Бертье-Делагард 1918: 44).

Попытки определить время возведения и назначение октагона возобновились с начавшимся в 1938 г. комплексным археологическим изучением других памятников Мангупа. Исходя из восьмигранной формы плана и характера кладки (рис. 3)[1], А. Л. Якобсон высказал предположение о синхронности данного храма главной базилике города, датируемой им VI в. (Якобсон 1940: 220; 1959: 196—197). Эту версию поддержала и М. А. Тиханова (Тиханова 1953: 326). По мнению А. Л. Якобсона, строение могло быть крещальней. Е. В. Веймарн также видел в сооружении баптистерий (Веймарн 1953: рис. 2: 16), но относил его к VIII—IX вв. (Веймарн 1975: 460).

[1] Фотография была сделана во время крымской поездки А. Л. Якобсона 1926 г. (Фототека ИИМК РАН. 1197/97—101. I — 29716).

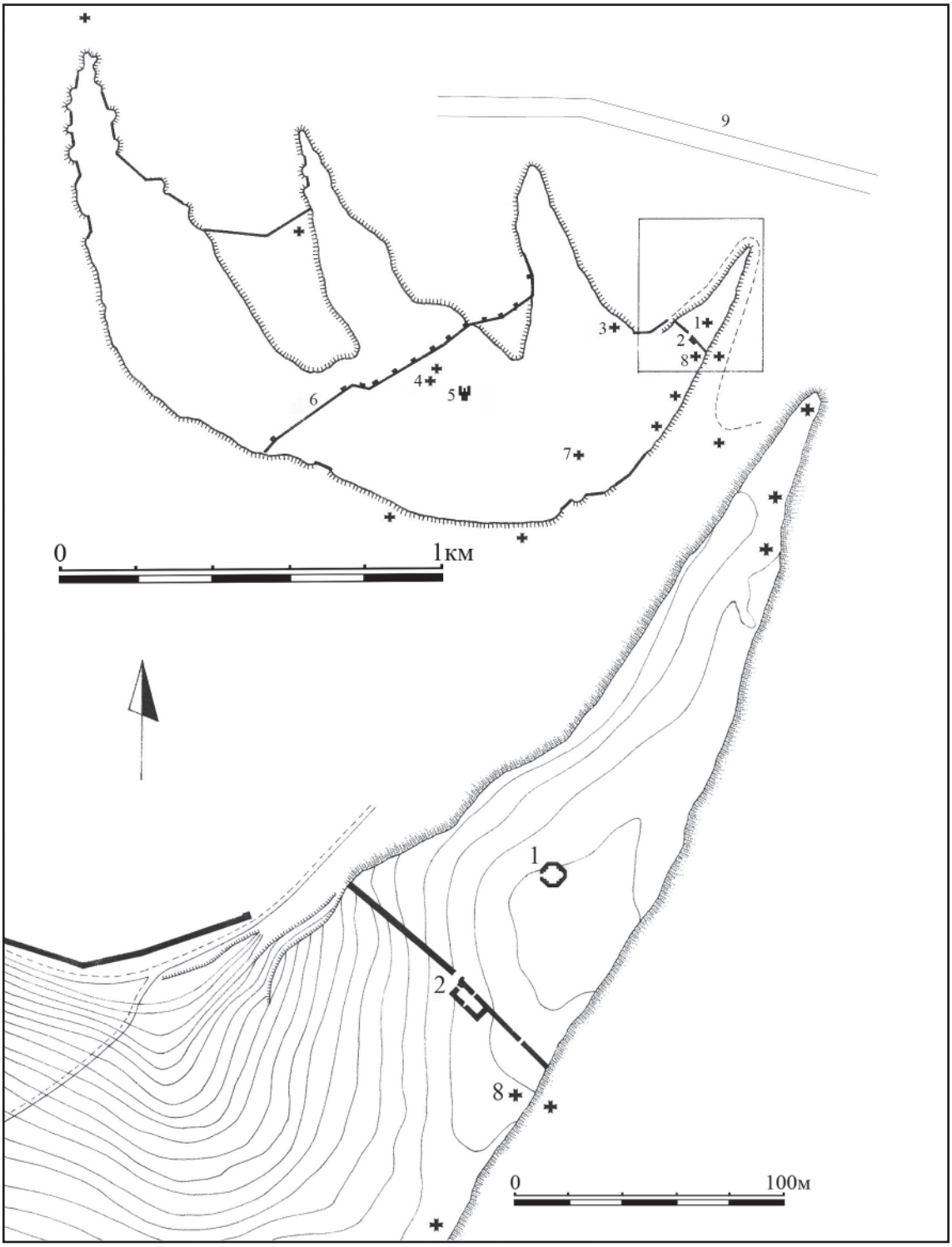

Рис. 1. Ситуационный план: 1 — октагональный храм; 2 — донжон цитадели; 3 — церковь св. Георгия; 4 — Большая базилика; 5 — дворец; 6 — ВЛО (вторая линия обороны); 7 — т.н. церковь Богородицы; 8 — храм VI в.; 9 — раннесредневековый ров.

В связи с подготовкой общего обзора истории средневековой архитектуры Крыма в 1958 г. к рассмотрению октагона обратился Ю. С. Асеев. Первоначально время возведения храма им было определено VIII—IX вв. (Асеев, Лебедев 1961: 16). Позже ученый предложил новый вариант датировки: VI — нач. VII вв., интерпретировав само здание как замковую капеллу (Асеев 1966: 509). О. И. Домбровский и О. А. Махнёва также считали церковь княжеской капеллой, но относили строение к VIII в. (Домбровський, Махнева 1973: 51).

Поскольку в VIII в. Мангуп еще не являлся центром княжества и в этот период ничего не известно о каких-либо князьях, В. Л. Мыц предложил строительство октагональной церкви отнести к более позднему времени — XII—XIII вв.— и связать его с деятельностью первых князей из рода Гаврасов (Мыц 1984: 58; 1990: 224). Другой исследователь — А. Г. Герцен, приняв в качестве точки отсчёта тот же VIII в., также высказался за «более позднюю дату», но соотнес её с XIV—XV вв., когда, по его мнению, в Крыму получили распространение мусульманские центрально-купольные постройки — мавзолеи (дюрбе) татарской знати, имеющие обычно в плане форму восьмигранника (Герцен 1990: 144). Особую позицию заняла Е. И. Лопушинская, исследовавшая памятник при разработке проекта реставрации цитадели. С учётом техники кладки стен октагон ею датирован X в. (Лопушинская 1996: 53).

Полный историографический обзор начального этапа изучения октагональной церкви Мангупа, а также все основные научные материалы, которые были получены в результате детального анализа архитектурных остатков храма, представлены в специальной статье, подготовленной и опубликованной мною совместно с В. Л. Мыцом (Кирилко, Мыц 2001: 354—375)[2].

Выполненные нами исследования, в частности, позволили установить, что для выяснения даты возведения мангупской ротонды ключевыми факторами являются градостроительные аспекты церкви и некоторые особенности её архитектоники. В свое время, предпринимая попытку датировать октагон, А. Г. Герцен был весьма близок от решения проблемы, обратив внимание на такие важные особенности памятника как «планировочная привязанность к цитадели, возникшей в период княжества Феодоро, архитектурная целостность и сохранность» (Герцен 1990: 144). Остаётся только сожалеть, что это наблюдение не получило у автора дальнейшего развития, ибо основные сооружения Тешклибурунского замка действительно образуют цельный и гармонично сложенный, практически единовременный, комплекс.

Так как для установления точной даты храма результаты археологических раскопок оказались недостаточными, первостепенное значение приобретает именно композиционная связь с фортификационными строениями ансамбля, поскольку, несмотря на то, что самая высокая точка мыса (и к тому же наиболее оптимальная в градостроительном плане площадка под культовое здание) находится всего в 20 м к юго-востоку от октагона, определяющим фактором при выборе места для последнего, тем не менее, стала не она, но расположение главного входа в цитадель (рис. 1).

Церковь возведена на оси крепостных ворот замка, замыкая её и акцентируя направление движения вглубь территории. В плановой схеме цитадели четко прослеживается композиционное ядро в виде правильного равнобедренного треугольника, основой которого является оборонительная стена, а вершина отмечена октагональным храмом. Приблизительно в этой же точке находится и физический центр крепостного полигона замка.

Архитектоника церковного здания и его местоположение взаимообусловлены. При наличии кругового обзора лишь равнозначные фасады могли придать строению качества, необходимые для эффективной организации внутреннего пространства цитадели. Стройное же очертание силуэта здания и монументальность композиции, а при кажущейся миниатюрности реконструируемая высота сооружения составляла 15 м (рис. 4), превращали октагон в одну из основных доминант замка, по объёмам и значимости сопоставимой только с донжоном.

Занимаемое им место внутри Тешклибурунского укрепления было хорошо продуманным и выверенным. Позволяя одновременно видеть и фортификационные сооружения цитадели, под защитой которых храм находился, и наиболее приступную, закрытую крепостными стенами, северную линию обороны, оно, по сути, предельно точно отвечает градостроительной ситуации, представленной в надёжно датированном эпиграфическом источнике, предположительно, мангупского происхождения. Надпись, в которой речь, вероятнее всего, идет именно об октагоне, сообщает: «Построен храм сей с благословенною крепостью, которая ныне зрится, во дни господина Алексея, владетеля города Феодоро и поморья и ктитора святых славных, боговенчанных, великих царей и равноапостольных Константина и Елены в месяце Октябре, индикта шестого, лета 6936» (Латышев 1896: 50—53).

Как оказалось, не менее ценные сведения можно почерпнуть из анализа самой плиты, на которую нанесена надпись. К сожалению, подобно многим другим эпиграфическим ис-

[2] Вне нашего внимания осталось лишь мнение Е. И. Лопушинской, которое было введено в научный оборот уже после того, как работа над статьёй по октагону в целом завершилась.

точникам, она не избежала участи однобокого, в прямом и переносном смысле, подхода к изучению, возникающего обычно в тех случаях, когда исследователи, увлекаясь чтением текста, напрочь забывают о том, что находки такого рода являются не только носителями письменной информации, но в свое время они нередко наделялись также определенными утилитарными функциями.

Плита с надписью 1427 г. представляет собой архитрав, перекрывавший наружную (фасадную) часть проема (рис. 5). Ее размеры: 44,0×133,0×19,5 (17,0) см. Высота рельефа — 0,4 см. Материал — известняк. Плита имеет две лицевые поверхности — переднюю и нижнюю. Обе они еще при первичной обработке (до нанесения надписи) были тщательно выровнены и заглажены. Угол между ними составляет 86—91°. Видимо, в связи с этим во время установки заготовки на место нижняя грань вдоль внешнего края получила дополнительную подчистку зубаткой на ширину около 5 см, вследствие чего значение угла увеличилось до 93—95°. Её пригонка велась, предположительно, уже с подмостей, чем и могла быть вызвана некоторая, явно вынужденная, небрежность, допущенная при корректировке ложка.

В нижней части изделия с тыльной стороны на расстоянии 14 см от переднего ребра выбран прямоугольный в сечении паз длиной 102 см. Его глубина — 7,0—7,7 см. Именно наличие этой выемки дает основание трактовать плиту как перемычку. В горизонтальной плоскости торцы паза развернуты наружу (один из углов равен 107°, значение второго фиксации не поддается), что указывает на трапециевидность плана камеры проема. В трёх местах углубления, в углах и посередине имеются небрежно высеченные гнёзда неопределённой формы. Их размеры: 6,0×5,0×3,0 см, 7,0×5,0×1,3 см и 11,0×2,0×3,0 см.

Верхняя и боковые грани по всей поверхности околоты, их кромки вдоль внешнего края слегка подчищены и выровнены зубаткой. Угол между ними и лицевой плоскостью составляет около 95°. Идентичность характера обработки всех этих трех сторон исключает какую-либо вероятность утраты части плиты, на которой была изображена левая половина двуглавого орла, при эвентуальном вторичном использовании. Продолжение надписи, без сомнения, находилось на соседнем камне, что, учитывая незначительные размеры дополнения (всего 11 см), имело смысл лишь в том случае, если облицовка фасада была сплошной, а резьба выполнялась после установки плиты в кладку. Последнее косвенно подтверждается некоторыми особенностями композиции надписи, прежде всего, совпадением главных осей рельефа (но не перемычки) и проёма. Именно поэтому изображение орла, располагаясь симметрично по отношению к правой геральдической фигуре, частично оказалось за пределами архитравной плиты.

Возвращаясь к предпринятой нами идентификации храма надписи 1427 г. с октагоном, следует отметить, что выводы, полученные при изучении плиты, этому не противоречат. Представленный на планах Ф. А. Брауна (рис. 2) и А. Л. Бертье-Делагарда (Бертье-Делагард 1918: рис. 10), вход в здание соразмерен с проёмом, который в своё время перекрывался данным архитравом, а само оно было полностью сложено из хорошо обработанных блоков известняка.

В целом же, материалы изучения мангупского октагона дали нам основание предположить, что этот храм, архитектоника которого генетически связана с армянским культовым зодчеством, был возведён в 1427 г. во имя свв. Константина и Елены в качестве замковой церкви князей Феодоро.

Идея подобного отождествления памятника сама по себе не нова, на что мы особо и не претендуем (Кирилко, Мыщ 2001: 355, 367—368, 370). 30 января 1914 г. на заседании Таврической Учёной Архивной Комиссии Р. Х. Лёпер, сообщая о своих раскопках на Мангупе в 1913 г., отметил: «Расчищена и маленькая восьмигранная церковь, быть может та, которая построена была в честь свв. Константина и Елены, но ничего важного эта раскопка не дала» (Протоколы 1914: 299). Ещё раньше, в первой трети XIX в., другой исследователь — Ф. Дюбуа де Монпере попытался соотнести октагональный храм с именем св. Константина: «Я предположил, что это одна из двух церквей, описанных Броневским» (Дюбуа де Монпере 2009: 255). Дату плиты, правда, немного в ином контексте, в своё время применил также Ф. К. Брун, предположив, что «замок, построенный князем Алексеем в Феодоро в 1427 г., был тот самый, который полтораста лет спустя очевидец Брониовий застал еще на Мангупе» (Брун 1880: 235). В этой связи первостепенное значение приобретает не столько сама гипотеза, но, прежде всего, фактологический материал, позволивший исследователю сделать и обосновать свой вывод. Показательным примером тому является новая, весьма долгожданная (Мыщ 2009: 130, прим. 57), работа по октагону, выполненная А. Г. Герценом и В. Е. Науменко после проведения собственных раскопок храма (Герцен, Науменко 2009б: 423—266). Предпринятая

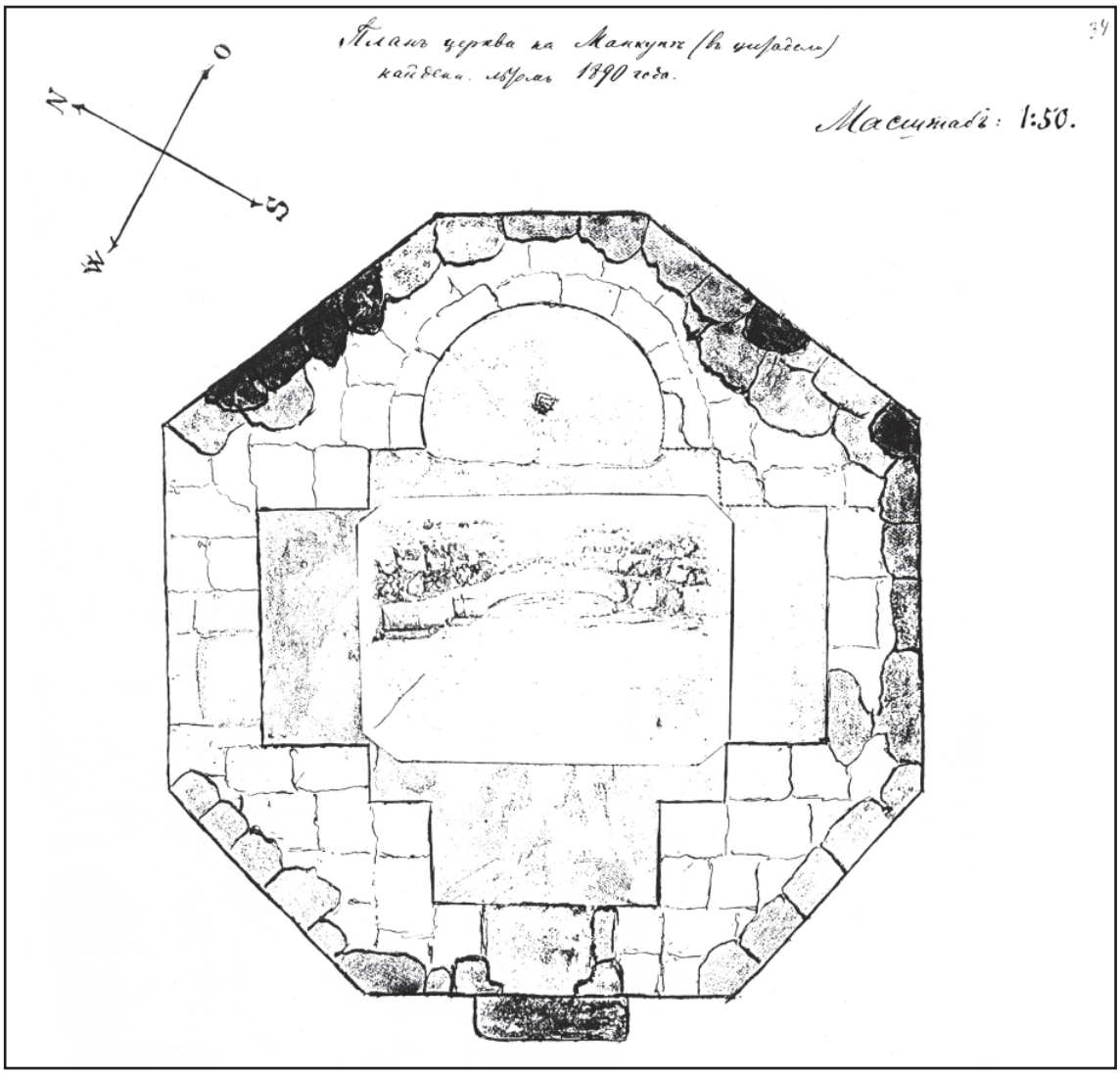

Рис. 2. План октагонального храма (по Ф. А. Брауну).

ими при этом несколько предвзятая ревизия нашего исследования, обуславливает необходимость детальнее рассмотреть в настоящей публикации как наиболее существенные претензии авторов, так и, пожалуй, отдельные аспекты истории изучения памятника, имеющие к ним непосредственное отношение.

Разработка данной темы мной начата ещё в середине 80-х годов прошлого века в рамках подготовки диссертации «Архитектура средневекового Мангупа (VI—XVIII вв.)», первые результаты которой в виде совместного с В. Л. Мыцом доклада под названием «Октогональный храм Мангупа» были заявлены для участия в Пигулёвских чтениях 1987 г. (Хроника 1990: 137) — за три года до того, как «в 1990 г. к изучению памятника обратился А. Г. Герцен» (Герцен, Науменко 2009б: 431). Полностью наше исследование было завершено весной 1997 г. Пока готовая статья томилась в редакционных портфелях нескольких издательств — сначала «Археологии Крыма» (1997, № 4), затем АДСВ (2001, вып. 32), в 1997—1999 г. экспедицией во главе с А. Г. Герценом были проведены раскопки территории внутри и вокруг октагонального храма Мангупа. Насколько их результаты могли повлиять либо повлияли на предложенные нами дату и идентификацию строения, весьма красноречиво свидетельствуют введённые в научный оборот материалы, появившиеся по завершению археологических исследований.

Одновременно с нашей публикацией, там же, издана статья А. Г. Герцена, в которой тот, комментируя «Сказание Матфея о городе Феодоро», определенное внимание уделил октагональному храму Мангупа. Подвигло его на это упоминание монахом круглых церквей (стронгула), хотя и явно озадачило, поставив перед необходимостью сделать выбор — между соблазном отождествить одну

Рис. 3. Руины октагонального храма. Общий вид с северо-запада. Фото 1926 г.

из них с октагоном, датируемым им второй половиной XIV — серединой XV вв., и предположением о том, «что в городе был еще один храм (храмы) подобной оригинальной для Крыма конструкции, более ранний, чем тешклибурунский». Возникновение дилеммы обусловлено отсутствием достоверных сведений о точной дате возведения октагонального храма и его строительной истории, убедительным свидетельством чему служат две посылки автора: «Пока нет доказательств того, что октагон в цитадели имеет два строительных периода» и «Менее вероятно, что последний (*октагон — В.К.*) уже существовал в конце XIV в., хотя надо признать, что пока нет и достаточных оснований чтобы полностью отбросить такую возможность». Как результат «в свете имеющихся данных» появляется вывод о том, что строительство октагонального храма Мангупа «**следует отнести ко времени князя Алексея, когда сложился современный архитектурно-планировочный облик цитадели**» (*выделено мной — В.К.*), исходя из чего, А. Г. Герцен задается вопросом: «Не он ли подразумевается в надписи 1427 г., **если принять версию о ее мангупском происхождении** (*выделено мной — В.К.*)?» (Герцен 2001б: 273). Увы, но А. Г. Герцен, ранее считавший строительную надпись 1427 г. инкерманской (Герцен 1990: 145), явно сомневается в том, что плита могла иметь мангупское происхождение.[3] Более того, судя по примечанию к обозначенному недоумению, сам он, несмотря на результаты раскопок 1997—1998 гг., которыми его экспедиции «пришлось завершать исследование территории вокруг памятника», не готов к ответу, ибо утверждает: «Для решения этой проблемы **необходимо продолжить исследования пространства вокруг октагона,** а также **тщательно проанализировать имеющиеся материалы** (*выделено мной — В.К.*), отражающие градостроительную историю цитадели в целом» (Герцен 2001б: 273).

Одновременно с этой статьёй, опубликованной «в авторитетном византиноведческом издании», в научно-популярном виде А. Г. Герценом была предложена более пространная версия своего видения идентифи-

[3] В этом плане весьма показательна его нынешняя (не давняя), причем достаточно взвешенная, позиция: «К сожалению, вопрос о месте первоначального нахождения надписи **пока не может быть решен окончательно** (*выделено мной — В. К.*) без новых документов, касающихся обстоятельств ее поступления» (Герцен 2008: 245). Но поскольку в появившейся затем, на следующий год, публикации материалов раскопок октагонального храма А.Г. Герцен уже аппелирует к «известной мангупской надписи 1427 г.» (Герцен, Науменко 2009: 432), возникает закономерный вопрос: «Неужели, наконец-то, найдены те самые, выше упомянутые, новые документы?»

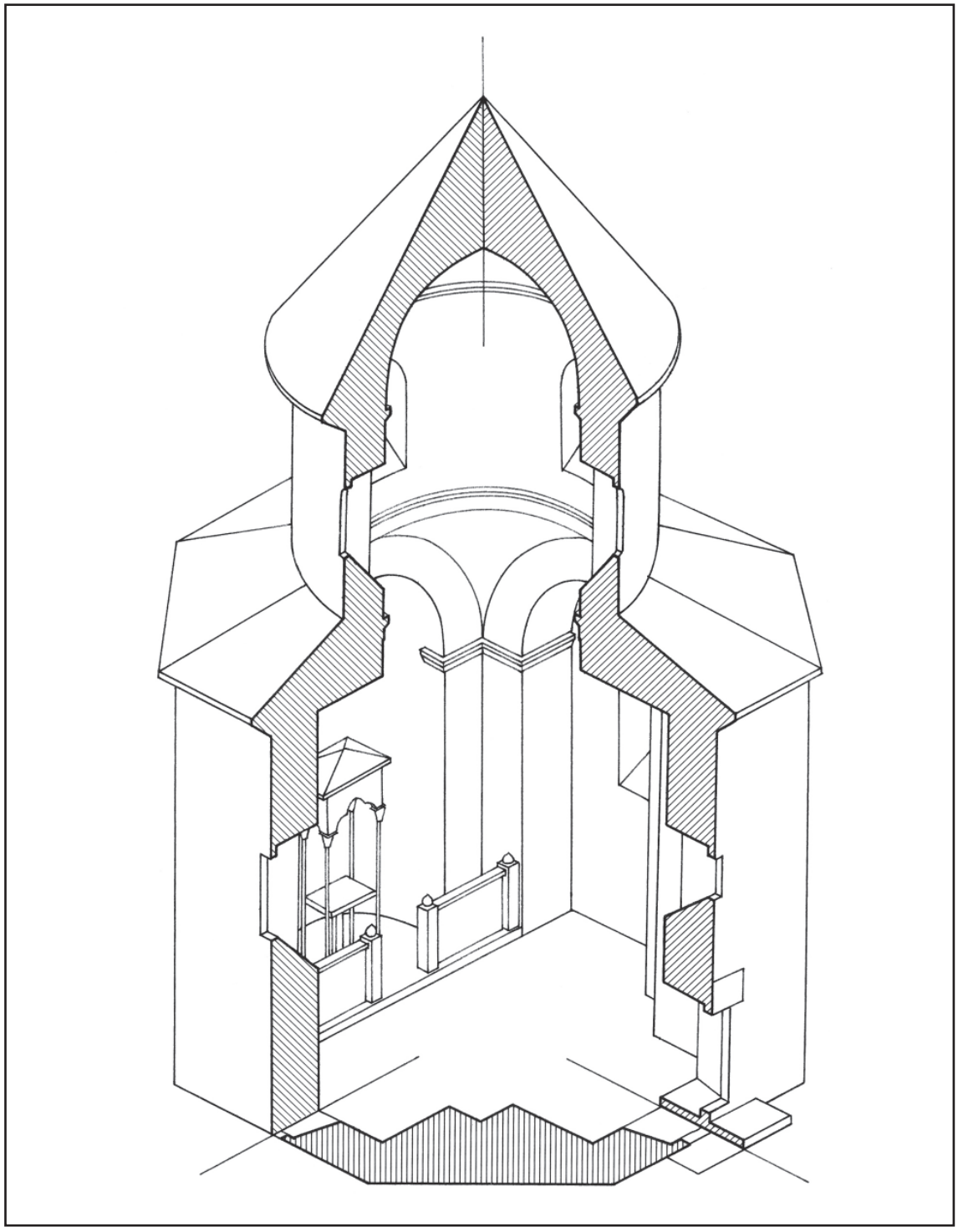

Рис. 4. Реконструкция октагонального храма. Аксонометрический разрез.

кации и датировки октагонального храма Мангупа, предельно адаптированная для его восприятия широким кругом читателей — т. е. без конкретных ссылок и чётких обоснований: «Это уникальное для Крыма здание, являлось, вероятно, княжеской церковью. Исследования памятника, проведенные в последние годы, дали основание заключить, что возведена она была в период реконструкции цитадели в правление князя Алексея» (Герцен 2001а: 36—38). В контексте он предпринял попытку соотнести содержание строительной надписи 1427 г., которое, по его мнению, «максимально соответствует ситуации рисуемой археологическими материалами», со свидетельствами Мартина Броневского (1578 г.) и Эвлии Челеби (1666 г.) о том, «что над воротами цитадели была вделана греческая надпись,

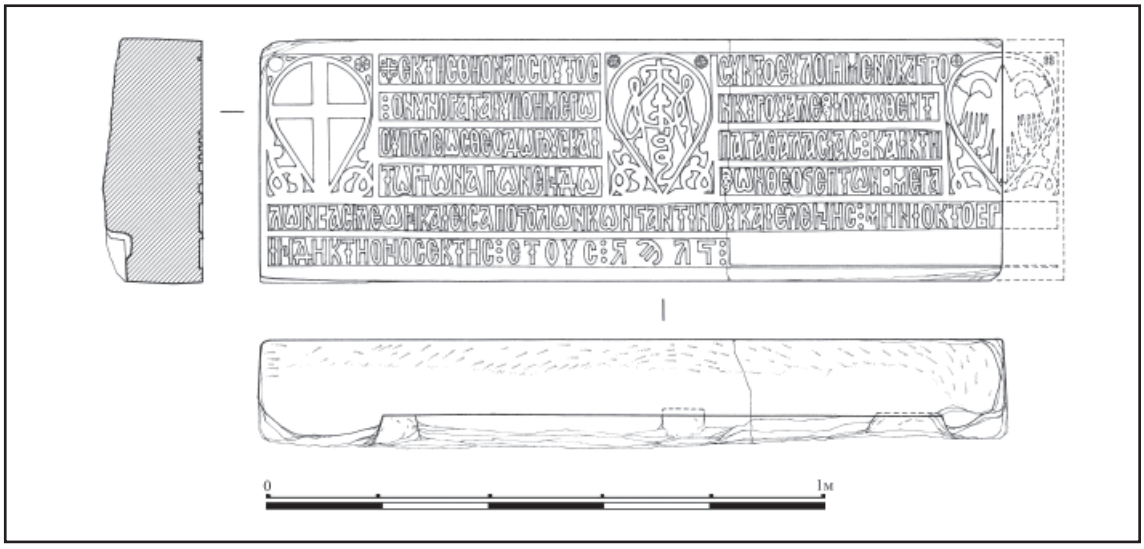

Рис. 5. Архитравная плита с надписью 1427 г. Передний и нижний виды, поперечный разрез.

содержавшее указание на время сооружения внутренней крепости города». Далее следует вывод: «Легко представить, как человек оказавшийся перед открытыми воротами цитадели видел сквозь них храм, по своим габаритам хорошо вписывавшийся в контур воротного проема. Подняв голову, он из содержания надписи узнавал о том, кто и когда был строителем, а точнее, преобразователем, величественного кремля столицы феодоритов, органично вписанного в его архитектурный ансамбль храма. Он был освящен во имя причисленных к лику святых императора Константина I, при котором христианство в Римской империи из преследуемой веры получило равные права с другими религиями, и его матери Елены, согласно преданию, совершившей паломничество в Святую Землю и обретшую на Голгофе крест, на котором был распят Спаситель» (Герцен 2001а: 36—38).

Любопытно то, что в обновлённом недавно издании брошюры этот пассаж и версия о связи надписи 1427 г. с воротами цитадели полностью исчезают. Основная информация о времени строительства и идентификации октагональной церкви теперь ограничивается вводной цитатой, которая в свою очередь претерпела определенные метаморфозы. Изменения незначительные, но существенные: в первой фразе наречие «вероятно» уступило место словосочетанию «скорее всего», а второе предложение сократилось вдвое и приобрело качество аксиомы — «Возведена она была в период реконструкции цитадели в правление князя Алексея». При этом на план-схеме Мангупа в аннотации к условным обозначениям конкретно 1425 г. А.Г. Герценом датирован только княжеский дворец Алексея, **руины октагона отнесены к началу XV в.,** а церковь «Богородицы» представлена как «**предполагаемый храм св. Константина** (*выделено мной — В.К.*)», что отражено также в основном тексте (Герцен 2007: 32, 34, 49).

Последнее немаловажно, ибо ещё в первой, самиздатовской, публикации брошюры наряду с попыткой связать между собой храм (свв. Константина и Елены) надписи 1427 г., якобы находившейся в свое время над крепостными воротами цитадели, и октагон, А. Г. Герцен счёл также возможным соотнести с именем св. Константина другую мангупскую церковь — более известную как церковь «Богородицы» (Герцен 2001а: 42, 45, 49).

Год 2005. В докладе на Международной церковно-исторической конференции «Духовое наследие Крыма» А.Г. Герцен объявил: «Церковь св. Константина может быть отождествлена с находящейся в верховьях ущелья Гамам-Дере, на окраине городского квартала, так называемой «церковью Богородицы». Попутно исследователь отметился и по поводу октагонального храма: «По нашему мнению, с плитой над воротами цитадели можно идентифицировать так называемую инкерманскую надпись, находившуюся в конце XVIII в. в имении Саблы (совр. Партизанское). Надпись сообщает о строительстве в 1427 г., в правление князя Алексея, храма вместе с крепостью. **По смыслу ее содержания она вполне могла бы находиться над воротами цитадели** (*выделено мной — В.К.*), через которые просматривался октагональный храм, возведенный, по данным наших археологических исследований, в первой половине XV в., одновременно с основательной реконструкцией

цитадели, "верхнего замка", по Броневскому» (Герцен 2006: 32—33, 34—35).

Первое из двух упомянутых положений вскоре после публичного представления получило в печатном виде развёрнутую трактовку с реальными очертаниями и вполне приемлемой аргументацией. По крайней мере, сопоставление сведений М. Броневского и материалов, полученных при археологическом изучении данного объекта, пока особых возражений не вызывает (Герцен и др. 2007: 236—238).

Второе положение, наоборот, с оглашением на конференции неожиданно перестает фигурировать в дальнейших публикациях. То ли кто подсказал, то ли А.Г. Герцен сам понял, но, несмотря на кажущуюся обоснованность вывода и эффектность идеи, его гипотеза является ошибочной. Плита с надписью 1427 г. не могла находиться над воротами цитадели по ряду причин.

Во-первых, в надписи крепость упоминается исключительно в качестве дополнения к приоритетному по сути сообщению о возведении храма.

Во-вторых, расположение мемориальной плиты с таким текстом над входом в цитадель могло иметь смысл только при открытых воротах, в противном случае, при её чтении неизбежно возник бы естественный вопрос — о каком таком храме идет речь.

В-третьих, плита с надписью 1427 г. является архитравом, перекрывавшим проём, просвет которого не соразмерим с пролётом ворот цитадели.

В-четвертых, данная плита принадлежала строению, которое полностью было сложено из крупного тесаного камня.

В-пятых, мемориальная плита 1427 г. не может быть отождествлена с надписью крепостных ворот, которую видели М. Броневский [4] и Э. Челеби [5], ибо эта часть цитадели в настоящем виде появилась лишь на рубеже 50—60 гг. XV в. (Кирилко 2005: 226, 229).

Знаменательным событием в историографии восьмигранной церкви Мангупа стало введение в научный оборот основных результатов археологического исследования памятника в 1997—1999 гг., которое позволило А.Г. Герцену конкретизировать гипотезу о времени строительства октагона: «На сегодняшний день, его дата соотносится с периодом реконструкции цитадели князем Алексеем в 20—30-х гг. XV в., когда окончательно сложился архитектурно-планировочный облик акрополя городища. Выбор места для церкви был подчинен общей композиции ансамбля цитадели — она расположена точно на оси от ворот к оконечности мыса. **Есть все основания** (*выделено мной — В.К.*) связывать памятник с храмом, упомянутым в известной мангупской надписи 1427 г., из которой следует, что он был освящен во имя императора Константина Великого и его матери Елены, совершившей в начале IV в. паломничество в Святую Землю и обретшую на Голгофе крест, на котором, по преданию, был распят Иисус Христос» (Герцен, Науменко 2009б: 432).

В чём именно состоят обозначенные «все основания», статья А.Г. Герцена и В. Е. Науменко ответа не дает. Историографический обзор, предварявший данную концепцию, позволяет получить представление только о первоначальном облике гипотезы: «С учетом планировочной привязанности октагональной церкви к цитадели появилась возможность высказать гипотезу о синхронности появления обоих памятников. В качестве дополнительного аргумента для новой даты октагона были приведены распространенные в горной части Таврики октагональные в плане мавзолеи (дюрбе) золотоордынской и крымскотатарской знати, форма которых могла быть заимствована при возведении капеллы мангупских правителей, получив иную смысловую нагрузку» (Герцен, Науменко 2009б: 431—432).

Судя по ссылке, данная формулировка является немного видоизмененной версией гипотезы, опубликованной А.Г. Герценом в 1990 г.: «Это уникальное для христианской архитектуры Крыма сооружение обычно датируют VIII в. Однако планировочная привязанность к цитадели, возникшей в период княжества Феодоро, архитектурная цельность и сохранность этого памятника могут быть указанием на более позднюю дату. В Крыму в XIV—XV вв. получили распространение центрально-купольные постройки — мавзолеи (дюрбе) татарской знати, имеющие обычно в плане форму восьмигранника. Не исключено, что этот «типовый проект» по заказу правителя Мангупа мог быть приспособлен под христианский храм. Этому предположению соответствуют многочисленные малоазийские по характеру детали декора донжона цитадели, дворца князя Алексея и большой базилики, хронологически и стилистически сочетающихся с мавзолеями этого типа. В дальнейшем необходимо провести всесторонний

[4] «…есть ворота, испещренные греческими надписями…» (Описание Крыма 1867: 343).

[5] «Над воротами этой внутренней крепости есть тарих её построения, начертанный письмом генуэзских неверных» (Эвлия Челеби 2008: 76).

архитектурный анализ октогонального храма в цитадели для окончательного решения о его дате и для культурно-исторической интерпретации» (Герцен 1990: 144).

Ни в одной из представленных версий исходного варианта гипотезы плита с надписью 1427 г. не упоминается. Но в этом нет ничего удивительного, поскольку саму её А.Г. Герцен тогда считал инкерманской и, как следствие, не пытался привлечь данный эпиграфический источник даже для датировки оборонительных сооружений Мангупа — основного предмета своих исследований (Герцен 1990: 145—146).

Не проясняют ситуацию с появлением идеи и основные выводы совместной публикации А.Г. Герцена и В.Е. Науменко: «Нужно сказать, что именно результаты археологических исследований октагона 1997—1999 гг. позволили окончательно сформулировать изложенную выше гипотезу об отождествлении октагона с храмом св. Константина и Елены из мангупской надписи 1427 г. » (Герцен, Науменко 2009б: 450). Каким образом это произошло, авторы не комментируют, а введённые ими в научный оборот материалы раскопок конкретного ответа не дают.

Зато незамедлительно последовал обличительный приговор относительно нашей публикации: «В ней авторы, члены Полевого комитета КФИА, хорошо осведомленные о наших раскопках и имевшие непосредственный доступ к материалам этих исследований, констатируют, что “это храм, архитектоника которого генетически связана с армянским культовым зодчеством, был возведен в 1427 г. во имя свв. Константина и Елены в качестве замковой церкви князей Феодоро”, что, как видим, практически полностью, за исключением армянской версии происхождения памятника, повторяет изложенную выше гипотезу А.Г. Герцена» (Герцен, Науменко 2009б: 443).

Претензия является немного странной, ибо **повторить можно лишь то, что предшествует по времени.** Само же обвинение настолько голословное, что оправдываться особого смысла нет [6]. Более того, в своё время, чтобы исключить впоследствии какие-либо подобные инсинуации по этому поводу, мне (кстати, единственному из двух авторов статьи, кто является членом Полевого комитета) пришлось прекратить рецензирование отчётов по Мангупу, а также отказаться от посещения памятника на весь тот период, когда там велись раскопки октагона. Увы, не помогло. Впрочем, даже если бы мы и предприняли инкриминируемое нам незаконное использование отчётов о раскопках, то, как показало время и **нынешнее** ознакомление с их содержанием, почерпнуть по обозначенной проблеме там нечего.

Итак, какой же научный эксклюзив, связанный с датировкой и идентификацией октагонального храма, таят в себе отчёты А.Г. Герцена о раскопках памятника за 1997—1999 гг.:

«Раскопки 1997 г. на участке между воротами в северо-западной куртине цитадели и октагоном дали разнообразный археологический и архитектурный материал, отражающий основные этапы жизни участка поселения на мысе Тешкли-Бурун. Территория его была освоена человеком по крайней мере с медно-бронзового века, однако, обнаруженные строительные остатки относятся к средневековой эпохе. Наиболее ранние из них — следы винодельческого комплекса, существовавшего, вероятно, здесь до формирования цитадели. При подготовке площадки

[6] Я слишком хорошо воспитан, чтобы позволить себе подобный проступок. Но неизбежность появления такого рода обвинений допускал, что отчасти нашло отражение в одном из моих майских писем 1997 г. к издателю. Рано или поздно наше эпистолярное наследие станет полноценным научным источником, пока ограничусь лишь цитатой: «Больших литературных планов на этот год не строю. Только написание диссертации, хотя и не очень хочется, да завершение плановых статей. Видимо, настал час и “Октогонального храма Мангупа”. Благодаря отдельным качествам и национальным особенностям моего характера, как-то упрямство, чего мне не занимать (да я и Телец к тому же), В.Л. наконец созрел. Теперь, подобно Бойлю-Мариотту, наши мнения как соавторов не расходятся и мы, т.е. как одно лицо, относим строение к началу XV в., при этом не исключая вероятности того, что плита 1427 г. раньше принадлежала октогону! В связи с этим и возник мой интерес к “Описанию города Феодоро”, поскольку там упоминается круглый храм стронгула в ст. 47 (октогон?). Валера, как ты считаешь, в поэме действительно два пласта повествования или это только мое благое желание. Кстати, что по этому поводу думает Ханс? Вопрос далеко не праздный (Матвей не мог одновременно лицезреть красоты и разруху Феодоро), потому, что перевод Байера даже в тезисном виде явно отличается от перевода Меркати, изложенного Васильевым. А мне теперь из-за легкомыслия А.Г. приходится сокрушаться, что если Ханс издаст его за границей, а издавать нужно обязательно и где угодно, теперь придется ломать голову, как его переводить с немецкого или другого языка. Статья по октогону настоятельно требует публикации еще и потому, что не дай Бог, А.Г. в этом году начнет раскапывать его остатки, потом неприятностей не оберешься за посягательство. Хотя ходят упорные слухи, будто бы он решил возобновить раскопки дворца, что еще хуже. Культурные слои базилики уже уничтожили, неужели теперь его (еще одного источника) черед. Зато потом о Мангупе можно будет писать все, что угодно. Как не кстати сейчас эта диссертация!»

для строительства храма, место для которого было выбрано в центральной части мыса, на зрительной оси, проходящей через главные ворота, с учетом возможности наилучшего его обзора, проводилась нивелирование скальной поверхности, приведшее к уничтожению находившихся здесь давильных площадок, но сохранились их суслоприемники. На расчищенном месте был возведен октагональный храм, а вокруг него начали расти постройки, пока еще неясного назначения. Вероятно, этот комплекс продолжал некоторое время функционировать и после захвата города турками. Уточнение назначения его зданий, их планировки и абсолютной хронологии возможно при расширении участка исследований. Это в полной мере касается и октагона, история которого может быть реконструирована только при сопоставлении с другими комплексами цитадели и исходя из общей стратиграфической ситуации в данном районе мыса Тешкли-бурун» (Герцен 1998: 40).

«Раскопки предшествующего года показали, что храм был сооружен в более позднее время, нежели обычно указывавшееся в литературе. Несмотря на то, что напластования в пределах храма и в непосредственной близости от него были сняты нашими предшественниками (Ф. А. Браун, Р. Х. Лепер), исследования стратиграфической ситуации на участке в целом показали, что **время сооружения октагона может быть определено второй половиной XIV — первой половиной XV вв.** (*выделено мной — В. К.*) Эта дата может быть сужена при специальном архитектурно-археологическом анализе памятника в общем контексте истории поселения, но эта задача выходит за рамки данного отчета» (Герцен 1999: 5).

«Получены материалы для датировки октагонального храма, **исходя из них** (*выделено мной — В. К.*), наиболее вероятным временем его сооружения и функционирования может считаться **вторая половина XIV—XV вв.**» (Герцен 1999: 13).

«На основании полученного археологического материала можно определенно говорить, что **возведение октагонального храма** и перестройка участка жилой застройки, примыкающего к нему, **датируется в пределах 1-й половины XV в.** (*выделено мной — В. К.*)» (Герцен 2000: 14).

Создается впечатление, что, обвиняя нас в посягательстве на информацию из отчётов, сам А. Г. Герцен своих отчётов никогда не читал, благо есть кому их писать. По крайней мере, ни в одном из них ни строительная надпись 1427 г., ни идентификация октагональной церкви Мангупа как храма свв. Константина и Елены, ни определение времени возведения октагона 1427 г. и соотнесение его со строительной деятельностью аутента Алексея даже не упоминаются — ни словом, ни полусловом, ни в виде намёка.

Высказывались ли устно подобные версии А. Г. Герценом и В. Е. Науменко, также сомнительно, поскольку они нигде и никак не отражены — ни в публикациях, ни в протоколах заседаний Полевого комитета.

Рискуя быть обвинённым в предвзятости, вынужден констатировать и то, что ни в одной из своих работ А. Г. Герцен даже на йоту не приблизился к предложенной нами интерпретации плиты с надписью 1427 г.

Более того, превращение им «церкви Богородицы» в храм св. Константина создало коллизию, существенно озадачившую исследователей исторической топографии Мангупа: «Осталось непонятным, церковь Св. Константина из сообщения Мартина Броневского и церковь Свв. Константина и Елены мангупской надписи 1427 г. — это одна и та же постройка или разные? Если это одно здание, то свидетельство Мартина Броневского относится к октогональному храму на территории цитадели, обращенному в мечеть, но украшенному греческой строительной надписью. Если это разные постройки, то получается, что в феодоритский период в городе были две церкви — Свв. Константина и Елены и Св. Константина» (Бочаров 2008: 207). Поскольку ни в одной из публикаций А. Г. Герцена и его соавторов ответа на этот вопрос нет, позволю себе, вновь рискуя вызвать негодование оппонентов, обозначить свою точку зрения. Безусловно, о синхронном существовании практически рядом двух церквей (замковой и квартальной) с одинаковым и столь редким посвящением речи быть не может. Вероятнее всего, «храм Богородицы» был переименован в честь св. Константина позднее, после превращения октагона в мечеть.

Наше исследование октагонального храма Мангупа А. Г. Герцен и В. Е. Науменко отметили положительно только в нескольких номинациях — «довольно полный обзор истории изучения памятника, подробное описание плиты с надписью 1427 г., а также ряд ценных наблюдений в отношении интерьера храма, сделанных по плану Ф. А. Брауна» (Герцен, Науменко 2009б: 433). В одной из них они преуспели и сами, разнообразив историографический обзор новыми, порой шокирующими, деталями. В частности, совершенно неожиданно, особенно для меня, оказалось, что вплоть до начала их раскопок не только

В. Л. Мыц, но и я придерживался «совершенно иных представлений о дате памятника» (Герцен, Науменко 2009б: 433). Авторы сенсации сообщают: «Итог “архивному” этапу изучения памятника (30—80-е гг. XX в.), когда исследователи пытались недостаток источников компенсировать общеисторическими соображениями об его происхождении и месте в истории городища, подводит В. П. Кирилко в статье, посвященной византийской архитектуре Мангупа. Несмотря на звучное название работы, **автор не уделяет анализу октагональной церкви в тексте ни единой строчки** (*выделено мной — В. К.*). Октагон присутствует лишь на схематичном плане Мангупского плато, в условных обозначениях к которому приводится его дата — VI в.» (Герцен, Науменко 2009б: 431). То, что в моей статье ни слова не сказано об октагональном храме, вполне естественно, ибо он принадлежит к поствизантийскому этапу архитектуры Мангупа, который в данной работе не рассматривается. Что касается объекта (согласно аннотации к иллюстрации — «Храм VI в.»), представленного на ситуационном плане, то, на самом деле, на чертеже предельно точно отмечено местоположение остатков церковного здания у обрыва плато, раскопанного в своё время группой исследователей во главе с Е. В. Веймарном (Кирилко 1997: 89, 94, 96, рис. 1: 1; 2: 1). Разумеется, никакого отношения к октагону он также не имеет (рис. 1: 8). Воистину, искать чёрную кошку в тёмной комнате, тем более, когда её там нет, — занятие крайне бессмысленное и неблагодарное.

Столь же неожиданно для себя я узнал, что исповедую «армянскую версию происхождения местной династии» (Герцен, Науменко 2009б: 436), тогда как, хотя и пытаюсь выявить «редкие свидетельства армянского **культурного** присутствия на территории Феодоро» (Кирилко, Мыц 2001: 365), но являюсь всё-таки сторонником идеи «эвентуальной генетической связи мангупских князей с черкесами Таврики» (Кирилко 1999: 140) и существования «двух ветвей рода — греческой и адыгской» (Кирилко 2005: 229).

Изумление и недоумение вызывает утверждение А. Г. Герцена и В. Н. Науменко, согласно которому в результате возобновления ими в 1997 г. раскопок территории вокруг октагона «памятник постепенно стал **полноценным** (*выделено мной — В. К.*) археологическим источником» (Герцен, Науменко 2009б: 432). Вряд ли позволительно его считать таковым, если учесть, что изучался объект, утративший культурный слой не только внутри строения, но и снаружи, вдоль всех стен, на значительную ширину — 2—3,5 м. Более последовательными авторы выглядят, реально представляя информационный потенциал памятника в своём отчёте: «Особо следует подчеркнуть, что **ряд существенных деталей, связанных с устройством храма, был подмечен даже не в процессе раскопок, а по мере тщательных архитектурных обмеров после общей зачистки** (*выделено мной — В. К.*), проводившихся под руководством Л. П. Щусь. Это как раз тот важнейший этап исследований, который не удалось в должной мере по разным причинам провести нашим предшественникам» (Герцен 1998: 10). Иначе не могло и быть, ибо после раскопок Ф. А. Брауна и Р. Х. Лёпера октагональный храм Мангупа волей-неволей превратился в архитектурный источник.

Бесспорной удачей А. Г. Герцена и В. Е. Науменко является обнаружение ими перед входом в октагон остатков неизвестного нам сооружения. Самими исследователями оно уверенно трактуется как нартекс (Герцен, Науменко 2009б: 440—441, рис. 6), что представляется маловероятным. Судя по подрубкам поверхности основания и архитектонике строения, данная часть храма имела вид четырехстолпного портика и могла использоваться в качестве паперти либо колокольни.

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить А. Г. Герцена и В. Е. Науменко за высокую оценку качества наших исследований, которой, правда, ими придана несколько изысканная и хорошо завуалированная форма[7]. Итак,

[7] Сама оценка имеет следующий вид: «Наконец, нуждается в комментарии предположение В. Л. Мыца и В. П. Кирилко относительно принадлежности октагону ряда архитектурных деталей из кладки донжона цитадели. Они полагают, что из храма происходит “архитравная плита окна, на лицевой стороне которой в низком плоском рельефе вырезано поле тимпана с крестом мальтийского типа. Фрагмент этой перемычки при ремонте донжона цитадели турками и превращения окон третьего этажа в ружейные бойницы был использован в качестве перекрытия крайнего (юго-восточного) отверстия. Реконструируемая ширина проема в свету составляет 30—32 см. Толщина четверти — 12 см. Высота рельефа 0,3—0,9 см”. Данная пространная цитата необходима для того, чтобы дать представление о точности наблюдений авторов над архитектурно-декоративными особенностями деталей в кладке донжона. Действительно, наличник перекрытия указанного юго-восточного окна третьего этажа имеет декоративный элемент в виде креста с расширяющимися концами. На фотографии хорошо видно, что крест вырезан на высоком круглом медальоне в центральной части наличника. Однако, сравнивая фотоизображение архитектурной детали с чертежом в статье, становится ясным их полное несоответствие. К тому же, для нас представляются невероятными приведенные размеры наличника, с точностью до нескольких сантиметров, что невозможно без натур-

как всё же нам удалось выполнить точный обмер фрагмента архитектурной детали, использованной вторично в качестве перемычки проема ружейной бойницы османского времени на третьем этаже донжона (рис. 6—8) (Кирилко, Мыщ 2001: 373, рис. 8)? Будучи обладателем значка «Алпинист НРБ» (квалификационное удостоверение № 223) и имея определенный опыт изучения недоступных с земли мест сооружений (рис. 9), вершину, четко обозначенную на фотографии мнительными коллегами (Герцен, Науменко 2009б: рис. 13: 1), я смог бы покорить без особых затруднений. Но в штурме фасада нет никакой необходимости, ибо данное окно легко доступно изнутри донжона — с площадки дверного проема, который ведёт на крепостную стену. Остаётся только удивляться, почему этот любопытный образец каменной пластики прежде (до нашей публикации) не был замечен исследователями, которым приходится работать на памятнике, если они до сих пор позволяют себе утверждать, что «эта деталь не имеет отношения к Мангупу» (Герцен, Науменко 2009б: 438)[8].

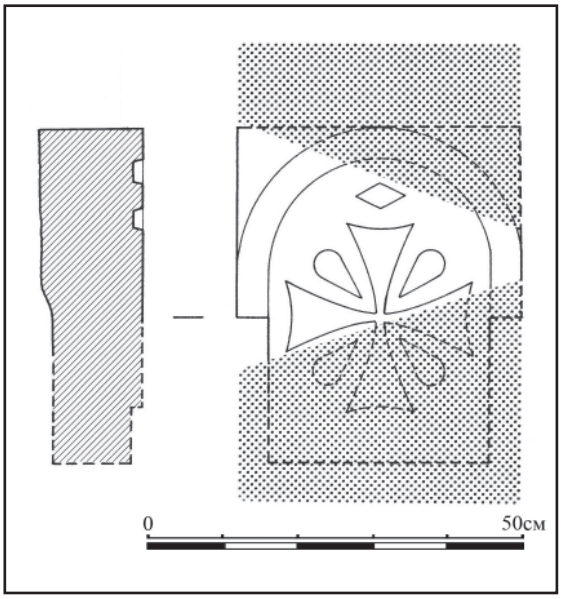

Рис. 6. Лицевая перемычка оконного проема, вторично использованная для перекрытия ружейной бойницы. Обмер и реконструкция. Пунктирной сеткой обозначено горизонтальное сечение бойницы.

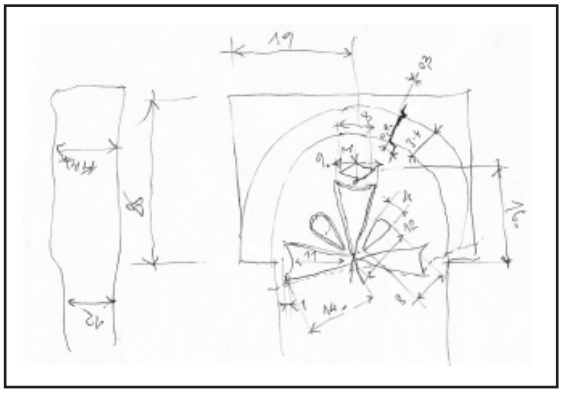

Рис. 7. Лицевая перемычка оконного проема, вторично использованная для перекрытия ружейной бойницы. Кроки.

Сполна досталось от А.Г. Герцена и В.Е. Науменко также нашей графической реконструкции октагонального храма (рис. 4), хотя взамен ими не предложено ничего конкретного. Как следствие, по меньшей мере странным выглядит их недоумение по поводу использования нами в своей работе польского издания «Книги путешествий», из-за чего мы якобы «постарались не заметить противоречия, которое следует из описания 1666 г. Эвлии Челеби, единственного автора, видевшего храм целым» (Герцен, Науменко 2009б: 436). Во-первых, во время написания

ных обмеров, на высоте, с применением специального снаряжения. Однако, в таком случае фасовое и профильное изображения имели бы иной вид, близкий фотографии. Очевидно, что в данном случае мы вновь имеем дело либо с фантазией на архитектурную тему, либо эта деталь не имеет отношения к Мангупу» (Герцен, Науменко 2009б: 437—438).

[8] Предпринятая ими при этом, в качестве альтернативы, попытка уличить нас в другом грехе — с рецидивом («в данном случае мы вновь имеем дело либо с фантазией на архитектурную тему, либо…»), по меньшей мере, вызывает смех. Кто бы говорил? Большего выдумщика, чем сам А.Г. Герцен, сыскать трудно. Чего только стоят введённые им в научный оборот феодоритские крепостные стены без зубцов (Кирилко 2001: 288—290) или паперть Большой мангупской базилики размером с хорошую площадь (Кирилко 2005б: 262). Не менее преуспел А.Г. Герцен и как мастер различного рода архитектурных головоломок. За примерами далеко ходить не надо. Составленное при его участии описание октагона представляет собой настоящую путаницу, в которой, не зная памятник, разобраться практически невозможно (Герцен, Науменко 2009б: 439—443). В частности, когда исследователь говорит: «Переход между ними (*ветвями креста — В.К.*) оформлен в виде ломаной под прямым углом линии с длиной стороны около 0,6 м. Возможно, **эти проемы** (*выделено мной — В.К.*) предназначались для квадратных в плане столбов (*? — В.К.*) под подпружные арки свода церкви», надо понимать угловые участки подкупольного пространства, а «каменные выступы-пилоны» в его интерпретации являются не чем иным, как остатками кладки передней стены здания у входа, который почему-то при этом превратился в «световой проем церкви». Имеются также определённые проблемы с применением специальных терминов. Называть восьмигранную форму храма внешним контуром плана наоса, всё алтарное пространство вимой, трёхслойную двухлицевую кладку стен «двуслойной двупанцирной», а столпы квадратными колоннами несколько непрофессионально.

Рис. 8. Лицевая перемычка оконного проема, вторично использованная для перекрытия ружейной бойницы. Общий вид снизу.

статьи особого выбора у нас не было, если, конечно, не считать достойной альтернативой публикацию русскоязычной версии польского перевода (Книга путешествия 1996: 89), но подобное сродни игре в испорченный телефон. Во-вторых, оба варианта свидетельства турецкого путешественника — «okrom meczetu z kamienną kopułą, przebudowanego z kościoła» польского издания (Ksiega podrózy 1969: 261) и «только одна мечеть с каменным куполом, переделанная из церкви» новейшего перевода османского источника на русский язык (Эвлия Челеби 2008: 76) — абсолютно идентичны по смыслу и содержанию. Поскольку одновременно с нами аналогичной критике подверглись также реконструкции перекрытия октагона, предложенные в своё время А.Л. Бертье-Делагардом и Ю.С. Асеевым (Герцен, Науменко 2009б: 427, 430, прим. 24), создается впечатление, что А.Г. Герцен и В.Е. Науменко просто не имеют представления о том, что такое купол и как обычно завершались церковные постройки с подобной плановой схемой.

И последнее. По поводу нашей оценки состояния изученности материальной культуры Мангупа (Кирилко, Мыц 2001: 368, прим. 74), так задевшей самолюбие её исследователей (Герцен, Науменко 2009б: 434). Мы, пожалуй, были не правы в том, что не стали питать иллюзий на улучшение ситуации. Время всё расставило по своим местам. По крайней мере, не прошло и десяти лет, как А.Г. Герцен и В.Е. Науменко сами пришли к подобному выводу, представляя результаты своих исследований в районе церкви Св. Константина: «Речь идет о максимально полном, в рамках одной статьи, издании археологических комплексов этого времени, полученных в ходе раскопок. Такой формат работы помогает, на наш взгляд, лучше представить структуру вещественного комплекса находок Мангупского городища интересующей нас эпохи и попытаться выделить в нем надежные хроноиндикаторы для массового археологического материала, прежде всего керамического. **Как ни парадоксально, несмотря на то, что культурный слой и строительные остатки этого периода выражены в стратиграфии памятника практически повсеместно и достаточно хорошо, а такие архитектурно-археологические объекты, как Цитадель, Дворец 1425 г., Большая Базилика, доминируют в планиграфии городища, такая работа предпринимается едва ли не впервые** (*выделено мной — В.К.*). До этого в историографии при публикации материалов XIV—XV вв. обычно речь шла либо об общей характеристике открытых объектов и иллюстрировании исследователями своих заключений наиболее яркими и показательными категориями находок, либо об анализе отдельных групп артефактов, прежде всего, глазурованной керамики» (Герцен, Науменко 2009а: 390)[9].

Рис. 9. В.П. Кирилко в работе над статьей «Надвратные башни укреплений Юго-Западной Таврики (XIV—XV вв.)». Фото С. В. Татарцева.

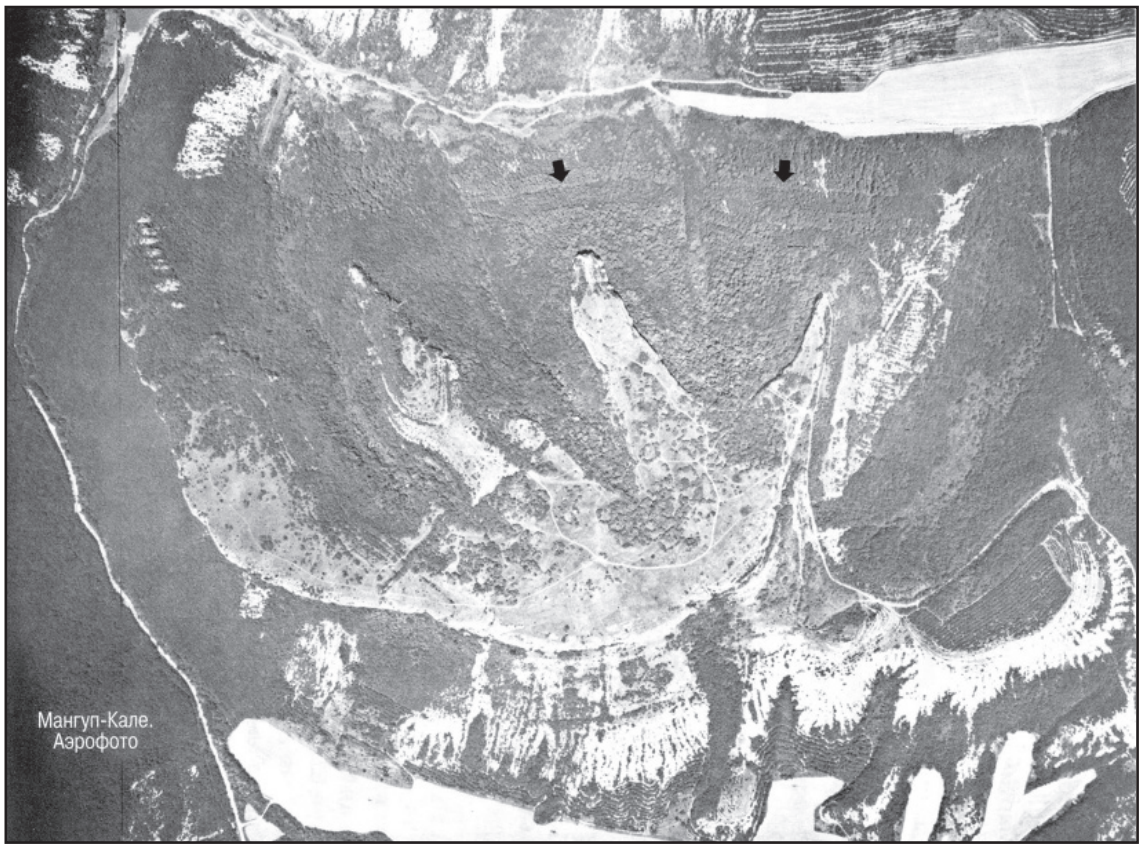

Рис. 10. Аэрофотоснимок Мангуп-Кале. Стрелками обозначен раннесредневековый ров.

Лёд всё-таки тронулся, господа присяжные заседатели и коллеги.

P. S.

Как ни странно, но, несмотря на всю мерзость предъявленных обвинений, я весьма признателен А. Г. Герцену и В. Е. Науменко. Чтобы разобраться в возникшей, по сути дела, на пустом месте проблеме, мне вновь пришлось поднять основную литературу по Мангупу и тщательно её проштудировать. Как результат, моё усердие, помимо прочего, было вознаграждено также уникальной находкой, почему-то не замеченной до сих пор другими исследователями. На аэрофотоснимке Мангуп-Кале, уже введённом в научный оборот (Герцен 2001а: 29; 2007: 33), отчётливо виден широкий ров перед мысами Тешкли-бурун и Елли-бурун, который препятствовал доступу на плато через балки Капу-дере и Гаммам-дере (рис. 10). Предварительно, это сооружение может быть отнесено к раннему средневековью. Если данное наблюдение получит подтверждение при археологических раскопках, современное представление о фортификации Мангупа претерпит основательную корректировку.

[9] В ссылках к цитируемому фрагменту наряду с работами предшественников авторы статьи критически отметили также несколько своих публикаций, правда, почему-то позабыв упомянуть при этом ключевое исследование памятника — монографию А. Г. Герцена «Крепостной ансамбль Мангупа», в которой керамический материал представлен всего одиннадцатью обломками сосудов, запечатлённых двумя фотографиями (Герцен 1990: 260, рис. 27—28).

Литература

Асеев Ю.С., Лебедев Г.А. 1961. *Архитектура Крыма*. Киев: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре УССР.

Асеев Ю.С. 1966. Архитектура Северного Причерноморья (V—IX вв.). В: Яралов Ю.С. (отв. ред.). *Всеобщая история архитектуры*. Т. 3. Ленинград; Москва: Издательство литературы по строительству, 502—515.

Бертье-Делагард А.Л. 1918. Каламита и Феодоро. *ИТУАК* 55, 1—44.

Бочаров С.Г. 2008. Картографические источники по топографии турецкого города Мангуп. В: Могаричев Ю.М. (ред.-сост.). *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Симферополь: АнтиквА, 191—211.

Браун Ф.А. 1893. Раскопки, произведенные на Мангупе летом 1890 г. *ОАК за 1890 г*. Санкт-Петербург, 16—19.

Брун Ф.К. 1880. Черноморские готы и следы их долгого пребывания в Южной России. *Черноморье*. Т. II. Одесса.

Веймарн Е.В. 1953. Разведки оборонительных стен и некрополя. *МИА* 34, 419—429.

Веймарн Є.В. 1975. Пам'ятки південно-західного Криму. В: Довженок В.Й. (відп. ред.). *Археологія Української РСР*. Т. 3. Київ: Наукова думка, 454—467.

Герцен А.Г. 1990. Крепостной ансамбль Мангупа. *МАИЭТ* I, 87—166, 242—271.

Герцен 1998: *Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища 1997 г. (к открытому листу № 125/33 от 27 июня 1997 г. и Разрешению на исследования недвижимого памятника истории и культуры № 21 от 2 июля 1997 г. выданным Герцену А.Г.)*. Научный архив КФ ИА НАНУ. № 491.

Герцен 1999: *Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища 1998 г. (к Открытому листу № 125/35 от 01 июля 1998 г. и Разрешению на исследования недвижимого памятника истории и культуры № 21 от 2 июля 1998 г. выданным Герцену А.Г.)*. Научный архив КФ ИА НАНУ. № 599.

Герцен 2000: *Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища 1999 г. (к Открытому Листу № 125/40 от 19 июня 1999 г. и Разрешению на исследования недвижимого памятника истории и культуры № 30 от 28 июня 1999 г., выданным Герцену А.Г.)*. Научный архив КФ ИА НАНУ. № 629.

Герцен А.Г. 2001а. *Мангуп: город в крымском поднебесье*. Симферополь: Историко-археологический благотворительный фонд «Наследие тысячелетий».

Герцен А.Г. 2001б. Рассказ о городе Феодоро. Топографические и археологические реалии в поэме иеромонаха Матфея. АДСВ 32, 257—282.

Герцен А.Г. 2006. Христианская община Мангупа под властью турок. В: *Материалы Международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма» памяти преподобного Иоанна, епископа Готфского. 7—10 июля 2005 г., пос. Партенит*. Симферополь: Изд-во Симферопольской и Крымской епархии, 22—40.

Герцен А.Г. 2007. *Мангуп: город в крымском поднебесье*. Симферополь: Таврия.

Герцен А.Г. 2008. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI — начало XX в.). В: Могаричев Ю.М. (ред.-сост.). *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Симферополь: АнтиквА, 212—254.

Герцен и др. 2007: Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е., Смокотина А.В. 2007. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI—XVIII вв.). *МАИЭТ* XIII, 233—289.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. 2009а. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.). *МАИЭТ* XV, 389—431.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. 2009б. Октагональная церковь Мангупской цитадели по данным археологических исследований 1997—1999 гг.: планировка, стратиграфия, хронология. *АДСВ* 39, 423—466.

Дневник 1913: *Дневник Р.Х. Лепера (Археологические заметки, рисунки и черновые чертежи по Мангупу). 1913 г.* Научный архив НЗХТ. Д. 90.

Домбровский О.И., Махнева О.А. 1973. *Столица феодоритов*. Симферополь: Таврия.

Дюбуа де Монпере Ф. 2009. *Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 томах. Париж, 1843. Т. 5, 6*. Перевод, предисловие и примечания Т.М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ.

Кирилко В.П. 1997. Византийская архитектура Мангупа. *Археология Крыма*. Т. I. № 1. Симферополь: «Южногородские ведомости», 89—97.

Кирилко В.П. 1999. Аспры с большим «Т» на лицевой стороне: опыт интерпретации. *Stratum plus* 6, Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест: Высшая антропологическая школа, 137—141.

Кирилко В.П. 2001. Надвратные башни укреплений Юго-Западной Таврики (XIV—XV вв.). *АДСВ* 32, 283—308.

Кирилко В.П. 2005а. *Крепостной ансамбль Фуны (1423—1475 гг.)*. Киев: ИД «Стилос».

Кирилко В.П. 2005б. Южный вход большой Мангупской базилики. *АДСВ* 36, 260—272.

Кирилко В.П., Мыц В.Л. 2001. Октогональный храм Мангупа. *АДСВ* 32, 354—375.

Книга путешествий 1996: *Книга путешествий Эвлии Челеби. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1461—1667 гг.)*. Перевод с польского М.Б. Кизилова. 1996. Симферополь: Таврия.

Латышев В.В. 1896. *Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Лопушинская Е.И. 1996. Цитадель на Мангуп-Кале. *АН* 41, 50—54.

Мыц В.Л. 1984. Загородный храм и некрополь Мангупа. *АДСВ* 21, 57—66.

Мыц В.Л. 1990. Крестообразный храм Мангупа. *СА* (1), 224—243.

Мыц В.Л. 2009. *Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты*. Симферополь: Универсум.

Никольский Н.П. 1892. Мангуп-Кале. *Записки Крымского горного клуба* 2. Одесса.

Описание Крыма 1867: Описание Крыма (Tartariæ Descriptio) Мартина Броневского. *ЗООИД* 6, 333—367.

Отчет 1890: *Отчет и другие материалы о раскопках приват-доцента Петербургского университета Ф.А. Брауна в 1890 г. на Мангупе с целью отыскания готских поселений*. Архив ИИМК РАН. Ф.1. Д. № 40/1890.

Протоколы 1914: Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. *ИТУАК* 51, 280—346.

Тиханова М. А. 1953. Базилика. *МИА* 34, 333—389.

Хроника 1990: Хроника. Ленинградское отделение Российского Палестинского общества. 1987—1988 гг. *Палестинский сборник* 30 (93). Ленинград, 135—141.

Эвлия Челеби 2008. *Книга путешествия. Крым и сопредельные области (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века)*. Симферополь: «Доля».

Якобсон А. Л. 1940. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика. *СА* (6), 205—226.

Якобсон А. Л. 1959. Раннесредневековый Херсонес. *МИА* 63.

Ksiega podrózy 1969: *Ksiega podrózy Ewliji Czelebiego: (Wybór)*. 1969. Tlumaczyly z jezyka tureckiego Z. Abrahamowicz, A. Dubinski, St. Plaskowcska-Rymkiewicz; Redakcija naukowa, wybór i komientarze Z. Abrahamowicz. Warszawa: Ksiazka i wiedza.

Статья поступила в номер 15 мая 2010 г.

Vladimir Kirilko (Simferopol, Ukraine). Candidate of historical sciences. Crimea Branch of Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences.

Vladimir Kirilko (Simferopol, Ucraina). Candidat în ştiinţe istorice. Institutul de arheologie, filiala Crimea, Academia Naţională de Ştiinţe a Ucrainei.

Кирилко Владимир Петрович (Симферополь, Украина). Кандидат исторических наук. Крымский филиал Института археологии НАН Украины.

E-mail: archaeo@ukrpost.net

Таланты и лепты античного мира

Talents and Lepta of the Antiquity

Talentele şi lepta antichităţii

В. П. Алексеев

Новые варианты литых монет Нижнего Побужья VI—V вв. до н. э.

V. P. Alekseev.

New Versions of Moulded Coins of the Lower Bug in VI—V centuries B. C.

The analysis of published materials i. e. the late archaic period's moulded bronze item in form of a prolate trapezium (No 1), "heavy dolphins" (No 2—4) and a large as with the icon of Athena and the inscription ΕΠΙΠΑΥΣΑ (No 5, b. 464,9 g) brought to several final propositions.

The trapezium item, like similar units, is understood as a singular form of money. The icons of two its sides are interpreted, as contrasted to existing opinions, as the image of a wolf's head and of a branch of laurel.

From the standpoint of semantics it looks like symbols of Apollo — Licaon, who was the patron of the first Greek colonists of Asia Minor in the Northern Black Sea shore. The comparison of the weight data of the rarely found in excavations "heavy dolphins" (No 2 — 9 g, No 3 — 51.4 g, No 4 — 72 g) and of weights of published analogs (see Fig. I) has brought to the decision that the their par value should be determined as obol, which weight varies within 50—100 g. The comparison of diameters and weights of Olbian coins' series of great values with types "Athena — wheel" (480—450 B. C.) showed that, by almost equal diameters and outlaying weights, it is impossible to consider them as different variants, due to opinion of several numismatists, of high-order value — pentobols, tetrobols, diobols, and it is necessary to consider it as an obol, which weight gradually reduced (see Table II). High weights of initial as issues with Athena are explained by low prices of copper in that period. The rise in price of copper in the second half of 5th century B. C. during the last emissions of those coins, and increasing control over consumption of the monetary copper led to the fixing of a particular weight standard for the superior value, equal on an average to 122 g.

V. P. Alekseev.

Noi versiuni ale monedelor turnate la Bugul de Jos în secolele VI—V î.e.n.

În acest articol sunt prezentate cîteva concluzii, rezultate din analiza unui obiect de formă trapezoidală alungită din perioada arhaică tîrzie (Nr. 1), a două monede de tipul „delfinului greu" (Nr. 2—4) şi a unei monede de tip as de dimensiuni mari cu reprezentarea zeiței Atena şi inscripția ΕΠΙΠΑΥΣΑ (Nr 5, greutatea. 464,9 g). Obiectul trapezoidal, ca şi alte obiecte similare cunoscute, trebuie să fie interpretat ca un tip specific de monedă timpurie. Reprezentările de pe ambele părți ale lui sunt tratate, contrar opiniilor existente, ca imagini ale unui cap de lup şi unei crengi de laur. Din punct de vedere semantic, ele par a fi simboluri ale lui Apollo Lycaon — divinități protectoare ale primilor colonişti greceşti din Asia Mică pe țărmul Mării Negre. Compararea datelor cu privire la greutatea „delfinilor grei" (ce sunt descoperiți destul de rar în săpături: Nr. 2 — 74,9 g, Nr. 3 — 51,4 g, Nr. 4 — 72 g) cu greutatea monedelor similare publicate (tabelul I) a adus la concluzia, că nominalul lor superior urmează a fi determinat ca obol, cu greutatea variind între 50 şi 100 g. Compararea raportului dintre diametrul şi greutatea nominalelor majore ale seriilor monetare de tipul „Athena — roată" din Olbia (480—450 î.e.n.) a arătat că, necătînd la diametrele aproape identice şi greutățile accentuat diferite, ele nu pot fi considerate ca fiind variante diferite, cum consideră unii numismați, de nominal superior — pentoboli, tetraboli, dioboli; ci reprezentau, de fapt, un obol, greutatea căruia se reducea treptat (vezi tabelul II). Greutățile sporite ale emiterilor inițiale de aşi cu Athena se explică prin prețul redus al cuprului în perioada respectivă. Scumpirea cuprului în jumătatea a doua a sec. V î.e.n., în perioada ultimelor emisii ale acestor monede, precum şi înăsprirea controlului asupra consumului de cupru monetar au adus la fixarea unui standard anumit, de 122 g, pentru nominalul lor superior.

© В. П. Алексеев, 2010.

№6. 2010

В. П. Алексеев.

Новые варианты литых монет Нижнего Побужья VI—V вв. до н. э.

В данной статье анализ публикуемых материалов — литого бронзового изделия позднеархаического времени в форме вытянутой трапеции (№ 1), «тяжелых дельфинов» (№ 2—4) и крупного асса с изображением Афины и надписью — ΕΠΙΠΑΥΣΑ (№ 5, в. 464,9 г) — привел к нескольким итоговым положениям. Трапециевидное изделие, как и подобные ему предметы, понимается как своеобразная форма ранних денег. Изображения на двух его сторонах трактуются в противоположность существующим мнениям как изображения головы волка и лавровой ветки. В семантическом плане они представляются как символы Аполлона — Ликея, покровителя первых малоазийских греческих колонистов в Северном Причерноморье. Сравнение весовых данных редко обнаруживаемых в раскопках «тяжелых дельфинов» (№ 2 — 74,9 г, № 3 — 51,4 г, № 4 — 72 г) и весов аналогичных изданных (см. табл. I) привело к заключению, что старший их номинал следует определить как обол, вес которого колебался в пределах 50—100 гг. Исследование соотношений диаметров и весов крупных номиналов ольвийских монетных серий с типами «Афина — колесо» (480—450 гг. до н, э.) показало, что при их почти одинаковых диаметрах и резко отличающихся весах видеть в них разные варианты, как полагают некоторые нумизматы, старшего номинала — пентоболы, тетроболы, диоболы, невозможно, а следует определить его как обол, вес которого постепенно редуцировался (см. табл. II). Высокие веса начальных выпусков ассов с Афиной объясняется дешевизной меди в этот период. Подорожание меди ко второй половине V в. до н. э., во время последних эмиссий этих монет, и ужесточение контроля за расходом монетной меди привели к установлению для их старшего номинала определенного весового стандарта, равного в среднем 122 г.

Keywords: moulded coins, wolf, laurel, Apollo, dolphin, Athena, obol, copper, Pausanias.

Cuvinte cheie: monede turnate, lup, laur, Apollo, delfin, Athena, obol, cupru, Pausanias.

Ключевые слова: литые монеты, волк, лавр, Аполлон, дельфин, Афина, обол, медь, Павсаний.

В данной статье на основе материалов из частных собраний г. Одессы представлены: бронзовое литое изделие в форме вытянутой трапеции с изображениями на двух сторонах и монеты Ольвии — «тяжелые дельфины» и крупные ассы с Афиной: с надписью **ΕΠΙΠΑΥΣΑ** и **ΠΑΥΣ**. Рассматривая семантику изображений на трапециевидном изделии, представим новое их толкование, критически пересмотрим существующие в литературе определения номиналов больших ассов с Афиной среди всех их серий, выпущенных в первой половине V в. до н. э.

Дадим описание своеобразного литого предмета, являющегося, по моему мнению, особой формой денежного знака. Найдено это изделие на побережье, расположенном напротив о. Березань.

№ 1.

Л. с. На гладкой поверхности трапециевидного изделия углубленными линиями моделирована голова и шея какого-то животного, глаз эллипсовидной формы и закрытая пасть с узкой нижней челюстью. На верхней части шеи имеются семь уменьшающихся к голове коротких рельефных отростков.

О. с. На ровной плоскости имеется рельефное изображение ветки с листьями какого-то растения — с одной стороны имеются восемь коротких листьев, с другой — семь. Патина светло-зеленого цвета.

Длина — 55 мм, ширина шеи в обрезе — 40 мм, ширина узкой части морды животного — 13 мм, толщина — 5 мм, вес — 83,1 г. Бронза[1] (рис. 1: 1). Датируется изделие позднеархаическим временем (см. Крапивина 1986: 105; Назаров 2005: 110).

Аналогия — Анохин 1988: 175—177, № 2 (в. 34,87 г), № 3 (в. 28,62 г, бракованный экземпляр); Наумов 2002: 33, № 1, 3 (в верхнем ряду); Назаров 2005: 189, № 1, 2.

Некоторые из этих изделий, на лицевых сторонах которых помещено такое же изображение, как на публикуемом, на реверсах имеют изображение «стрело-рыбы». Найдены они в основном на о. Березань, а часть — на сопредельной ему территории (Назаров 2005: 109, 110, 189, рис. 1, 2). Многие исследователи видят в этих изделиях весовые гири (см. Крапивина 1986: 105—107; 1987: 131 и работы авторов, придерживающихся этой гипотезы).

В. А. Анохин считает их патрицами (1988: 177). В. Б. Пиворович (2000: 119—122) и В. Наумов (2002: 33) монетами. Все эти трактовки были подвергнуты критике В. В. Назаровым, который пришел к выводу, что однозначного объяснения этим из-

[1] Подлинность представленного предмета подтверждается проведенным спектральным анализом методом рентгеновской флуоресценции XPF (в диапазоне от 0,0001%), рентгенофлуоресцентным спектрометром Niton XII (целость ядра 95,48%) в центральной лаборатории Киевского завода “Артема”. Этот анализ установил, что изготовление данного предмета произведено из низкотехнологичной бронзы, и подтвердил идентичность руд и метода их плавки 2000 лет назад.

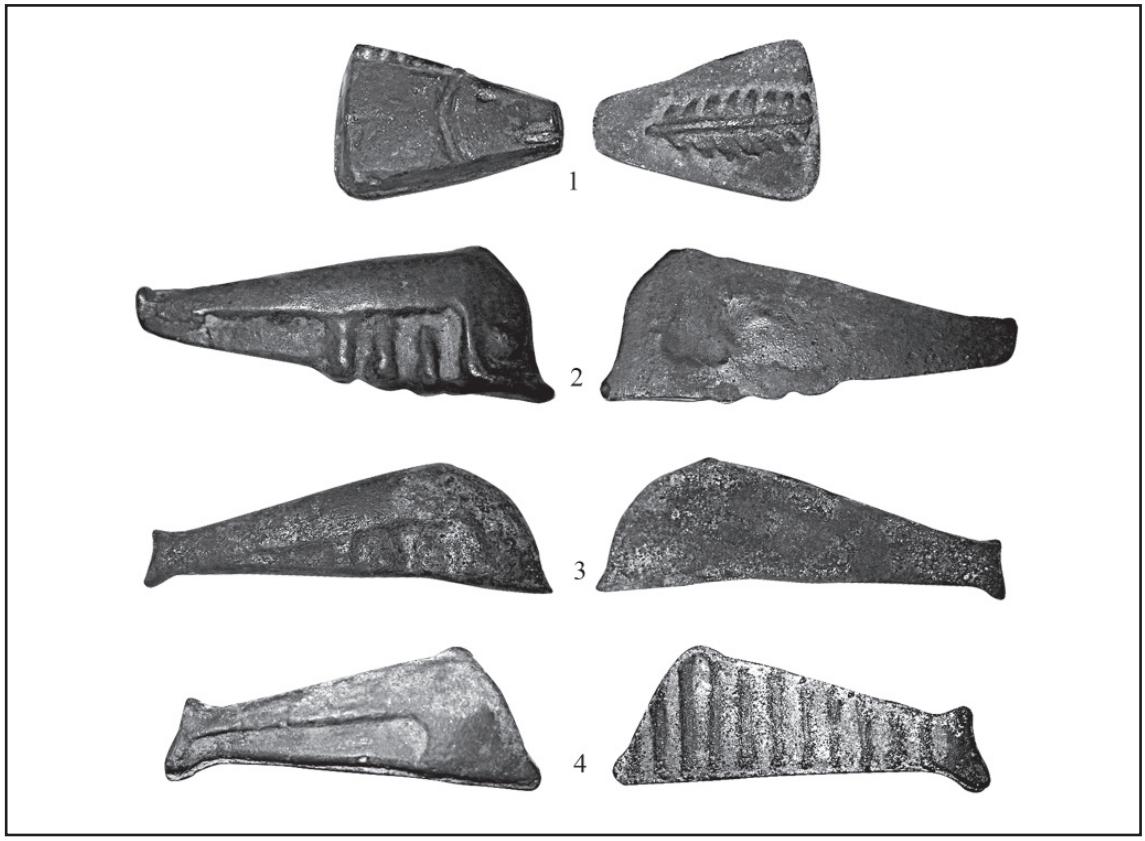

Рис. 1. Литые денежные знаки («монеты») Нижнего Побужья: № 1 — изделие из сопредельной к о. Березань территории (в. 83,1 г), «тяжелые дельфины» Ольвии: № 2 (в. 74,9 г), № 3 (в. 51,4 г), № 4 (в. 72 г).

делиям в настоящее время не существует (2005: 112—114). Однако я все же склоняюсь к мнению тех, кто считает такие изделия монетами, ареал которых ограничивался пределами Березанского поселения (Борисфена) и близлежащих к нему территорий. Весовые данные рассматриваемых изделий позволяют, по моему мнению, определить их как отношение старшего и младшего номиналов: старший номинал — 71 г, веса младшего номинала таковы: 39,75 г — 38,25 г — 37,3 г — 34,87 г — 33,84 г — 22,97 г (см. Назаров 2005: 111, таблица). Средний их арифметический вес равен примерно 34,49 = 34,5 г, т. е. половине старшего. Вес публикуемой другой их разновидности, с иным изображением реверса (веткой), равен 83,1 г. Вес остальных экземпляров с такой же типологией сторон, вероятно, младших номиналов, равен 34,87 г и поврежденного — 28,62 г (Анохин 1988: 175—177, рис. 2, 3). Таким образом, имеются два старших номинала рассматриваемых монетовидных денежных знаков с весами 83,1 г и 71 г, изображения лицевых сторон которых тождественны, а оборотные различные. Выпущены они были, возможно, поочередно и с небольшим промежутком времени. В монетном деле рассмотренная картина в колебании весов для каждого номинала (старшего, младшего) вполне естественна, но невозможна в метрологии гирь, в определенной категории их разновесов.

Попытаемся определить типы изображений сторон публикуемого бронзового изделия и их семантику. Ввиду того, что изображение на его лицевой стороне является грубообобщенным и стилизованным, однозначно определить голову существа на ней очень трудно. Вместе с тем нельзя согласиться с мнением В. Наумова о том, что на аверсе изображена голова тунца (2002: 33). Челюсти этой рыбы образуют острый угол, а на изданных экземплярах (Анохин 1988: 175, рис. 1—4; Наумов 2002: 33, рис. 2, 3 в верхнем ряду; Назаров 2005: 189) и на публикуемом (рис. 1: 1) суженная их передняя часть резко обрезана под прямым углом. Верхний плавник тунца находится на середине его спины, а не у самой головы (или тем более не на ее части), как короткие рельефные отростки («валики»), помещенные на верхней части шеи и начале головы какого-то животного на рассматриваемых изделиях (ср. рис. 1: 1 и изображение в работе: Анохин 1988: 175, рис. 2).

В. Б. Пиворовичу видится в этом изображении другая порода рыб — глосса (Пи-

ворович 2000: 121—122). Однако такая интерпретация опровергается проведенными исследованиями костных остатков рыб на Березани — в ихтиофауне этого района глоссы не были обнаружены (Назаров 2005: 115, прим. № 8).

Думается, что можно попытаться выяснить тип изображения на аверсе публикуемого экземпляра косвенно, исходя из более ясного изображения реверса — ветки с листьями — и определения атрибутов тех богов, покровительствовавших первым переселенцам Нижнего Побужья. Ветку с листьями, на мой взгляд, допустимо понимать как лавровую ветвь, которая, как известно, символизировала Аполлона как бога очищения и исцеления. А по одному из мифов ветку лавра Аполлону после убийства им Пифона первым принес именно волк (Лосев 1996: 321). В греческой мифологии священным животным Аполлона считался волк, и даже сам бог являлся в образе волка-оборотня. К VI в. до н. э. относят украшения или вотивы с изображением волчьей маски. Среди древнейших эпиклез Аполлона была и эпиклеза «Ликей» («Волк»). С этой эпиклезой Аполлон почитался в самой Греции и в Малой Азии, в частности, также и в Милете. Аполлон Ликей в первой половине VII в. до н. э. являлся главным покровителем Милета (волки кормили и охраняли сына Аполлона Милета) и в Северное Причерноморье был занесен милетянами. Аполлон Ликей был среди покровителей первых милетских колонистов, основавших Березанское поселение под названием «Борисфен». В граффити на костяной пластинке с Березани, датируемой третьей четвертью VI в. до н. э., фразу «Семь: волк слаб» исследователи понимают как зашифрованное иносказание о самой первой небольшой группе колонистов, прибывших в Нижнее Побужье (Виноградов, Русяева 1980: 26, 34; 1986: 30—40; 1992: 47; Виноградов 1989: 28, 78). Если Аполлона-Врача в представлениях греков-колонистов символически представляли монеты-стрелки, а Аполлона-Делфиния — монеты-дельфины, то Аполлона-Ликея олицетворял на денежных знаках первых поселенцев-милетян на о. Березань образ волка.

Если приведенная трактовка допустима, то в этом случае данный предмет с подобными изданными можно трактовать наряду с монетами-стрелками как первые деньги милетских колонистов на Борисфене, расположенном на о. Березань. Найденные на о. Березань и его округе подобные предметы с изображением такой же головы, как и указанные выше, а на оборотной их стороне были помещены три рельефные стрелы, собранные в пучок (Наумов 2002: 33, рис. 2 в верхнем ряду и рис. 4 в нижнем ряду), возможно, являют собой синтез семантики волчьей головы — Аполлон-Ликей — и монет-стрелок — Аполлон-Врач. Такие денежные знаки особой формы, если исходить из представленных наблюдений, вероятно, в единстве демонстрируют первые монетовидные платежные средства колонистов-милетян из Борисфена на о. Березань, покровителем которых были Аполлон-Ликей и Аполлон-Врач.

В Ольвии в третьей четверти VI в. до н. э. был установлен культ Аполлона-Дельфиния, и в это же время появляются новые денежные знаки в форме дельфинов, являвшихся символами этого божества (Русяева 1992: 41; Карышковский 1988: 34—40). Перейдем к рассмотрению одной из наиболее редких групп этих монет — «тяжелых дельфинов».

№ 2.

Л. с. Рельефное изображение тела дельфина с крутым лбом и заметно выступающим рыльцем. Глаз моделирован в виде небольшого шарика. Нижняя часть дельфина представляет собой расширяющееся почти от хвоста до середины головы углубление, в передней части которого имеются три коротких и широких валика, имитирующих, вероятно, плавники. Вся сторона покрыта ровной черной патиной.

О. с. Плоская поверхность покрыта темно-зеленой патиной, посредине — большое пятно красной патины. Медь.

Длина — 91 мм, ширина головной части — 35 мм, в. — 74,9 г (рис. 1: 2).

№ 3.

Л. с. То же, но хвост имеет небольшое раздвоение.

О. с. То же. Обе стороны покрыты светло-зеленой патиной и большими пятнами черной патины. Медь.

Длина — 85 мм, ширина головной части — 27 мм, в. — 51,4 г (рис. 1: 3).

Точное место находки этих двух дельфинов неизвестно.

Аналогии — Зограф 1951: табл. XXX, 1; Анохин 1989: табл. III, 16.

№ 4.

Л. с. Рельефное изображение тела дельфина с довольно покатым лбом, с моделированным в виде небольшого шарика глазом и немного выступающим рыльцем. Хвост слегка раздвоен. От него по горизонтальной оси дельфина проходит небольшое расширяющееся к голове углубление.

О. с. На плоской поверхности имеются 11 вертикально расположенных довольно ши-

роких и прямых рельефных полос (валиков). Медь. Обе стороны дельфина покрыты ровной темно-зеленой патиной.

Длина — 80 мм, ширина головной части — 28 мм, ширина конца хвостовой части — 16 мм, вес — 72 г (рис. 1: 4). Найден в окрестностях с. Парутино.

Аналогии — Анохин 1989: табл. III, 18 (в.— 28,15 г), 19 (в.— 14,95 г.); Нечитайло 2000: 10, рис. 4, 5, те же монеты, но с несколько измененными весовыми данными — 28,2 г и 15 г.

Сравнение публикуемого дельфина с указанными дельфинами в каталоге В.В. Нечитайло с 10-ю и 5-ю рельефными валиками (Нечитайло 2000: 10, рис. 4, 5) позволяет определить его как уникальный вариант.

В настоящее время общепризнан денежный характер дельфиновидных знаков, как одних из ранних форм платежного средства. Представленный дельфин (№ 4) по его фактурно-стилистическим признакам и весу может быть отнесен к ранней группе дельфинов — к первой группе, названной А.Г. Сальниковым, «геометрической», которую он датировал последними десятилетиями первой половины VI в. до н.э. (1959: 50, 53). Большинство же специалистов относит эту группу ко второй половине VI в. до н.э. (Харко 1964: 322—330; Лапин 1971: 42, 46, 48; Рубан 1982: 15 сл.; Ольговский 1986: 99; Карышковский 1988: 37). Аналогично тому, как анэпиграфные дельфины выпускались раньше эпиграфных, что уже стало доказанным, так и в нашем случае, вероятно, «тяжелые» дельфины с плоской поверхностью реверса следует считать наиболее архаичными, они были отлиты раньше, нежели дельфины с рельефными знаками на оборотных сторонах. Исходя из этого, сгруппируем «тяжелые» дельфины по их фактурным и весовым показателям и на этом основании условно определим их номиналы (см. табл. I). Вместе с тем фактурный и стилистический анализ групповой находки анэпиграфных дельфинов на Березани показал не только постепенный и непрерывный переход от одной группы к другой, но и то, что несколько серий дельфинов отливались в одно время (Лапин 1971: 42). Поэтому наше распределение «тяжелых» дельфинов по группам и их хронологическая последовательность из предпосланного критерия являют собой один из гипотетических вариантов.

№ 5.

Л.с. Голова Афины Паллады в аттическом шлеме с султаном влево. Перед ней дельфин. Верхний толстый край обода возвышается над уровнем рельефа изображений головы Афины и дельфина.

О.с. Колесо с четырьмя спицами, которые в перекрестии образуют утолщение ромбовидной формы, а другие их концы снабжены небольшими распорками. В верхней части очень широкого обода помещена справа налево надпись с большими, редко поставленными и тонкими буквами — **ΕΠΙΠΑΥΣΑ** (ретроградно).

Бронза. Монета покрыта плотной темно-зеленой патиной. На аверсе заметны мелкие пятна светло-зеленой патины, а на реверсе имеются большой величины участки красной патины.

Д.л.с.— 78 мм, д.о.с.— 81 мм, в.— 464,9 г, толщина гурта — 13 мм (рис. 2: 1).

№ 6.

Л.с. То же.

О.с. То же, но сокращение имени «Павсаний» представлено без предлога «επι» и начальные буквы имени помещены между спицами колеса — **ΠΑΥΣ.**

Монета покрыта зеленой патиной.

Д.— 70 мм, в.— 195 г (рис. 2: 2).

Аналогии — Нечитайло 2000: 15, № 29; 16, №№ 31—35. В первом ассе каталога (№ 29, в. 285 г) полузаплывшее патиной имя «Павсаний» представлено хотя также в сокращении, но не ретроградно, как на публикуемой монете (№ 5), а в нормативном виде и в несколько другой транскрипции — **ΕΠΙΠΑΙΣ**.

П.О. Карышковским был опубликован из коллекции С.В. Страшного младший номинал этой серии и с такой же, как и на издаваемом старшем номинале, ретроградной надписью имени Павсания (1988: 42, рис. 5, № 1, д.— 47 мм, в.— 66,71 г). Подобный младший номинал асса с Афиной, но с нормативной надписью **ΕΠΙΠΑΥΣΑ** представлен в каталоге монет Ольвии В.В. Нечитайло (2000: 15, № 27, д.— 45 мм, в.— 67 г).

Таким образом, из приведенной информации следует, что науке стали известны четыре монеты с Афиной и с надписью ΕΠΙΠΑΥΣΑ на ободе колеса — два асса старшего номинала (с весами 464,9 г и 285 г) и два асса младшего номинала (67 г и 66, 71 г). Каждый из них имеет как нормативно представленную надпись с именем Павсания, так и ретроградную. Диаметры монет старшего номинала этой серии примерно одинаковы, но диаметры их реверсов несколько больше аверсов — 78—81 мм (публикуемый асс) и 75—78 мм (Нечитайло 2000: 15, № 29). Веса же этих ассов резко отличаются — разница составляет почти 180 г (464,9 г — 285 г = 179,9 г — табл. II: 5, 6).

Таблица I.

Параметры изданных и публикуемых «тяжелых дельфинов» Ольвии

№ групп	Фактурные особенности реверсов «тяжелых» дельфинов	Вес (г)	Длина (мм)	Номинал	Литература
I	плоская поверхность	103	?	обол	Зограф 1951: 122, табл. XXX, 1 (Британский музей); Карышковский 2003: табл. II, 1.
	– « –	92,75	?	– « –	Крапивина 1986: 108, табл.
	– « –	58,02	?	гемиобол	Крапивина 1986: 108, 110 табл.
II	– « –	74,9	91	обол	публикуемый дельфин
	– « –	71,5	65	обол	Анохин 1989: табл. III, 16; Карышковский 2003: табл. II, 3 (ГИМ)
	– « –	70,8	?	– « –	Зограф 1951: 122 (ОАМ)
	– « –	51,4	85	– « –	публикуемый дельфин
	– « –	26,438	?	гемиобол	Крапивина 1986: 108, табл.
	– « –	25,235	?	– « –	Крапивина 1986: 108, табл.
III	рельефный знак «+»	92,54	93	обол	Анохин 1989: табл. III, 17; Карышковский 2003: табл. II, 2 (ИА)
	рельефный знак «+»	70,76	71	обол	Сальников 1957: 103, рис. 16 (ОАМ)
IV	11 рельефных прямых и широких полос	72	80	обол	публикуемый дельфин
	10 рельефных неровных и вертикальных валиков	28,15 (28,2)	81	гемиобол	Анохин 1989: 104, № 18 (Нечитайло 2000: 10, № 4) (НОКМ)
	5 рельефных наклонных и узких полос	14,95 (15)	63	тетартеморий	Анохин 1989: табл. III, 19 (Нечитайло 2000: 10, № 5) (ГЭ)

Подобное явление в соотношении диаметров и весов наблюдается и в более ранней серии ассов с Афиной без надписей. Различие в весе между ассом, помещенным в каталоге В.В. Нечитайло — 393 г (Нечитайло 2000: 14, рис. 26) и ассом, найденным на Березани с весом 275,6 г, хотя и несколько меньшее — 117,4 г, но все же весьма значительно. И в этом случае фиксируем примерно равную величину их диаметров — 85 мм и 79 мм (табл. II: 1, 2). Если учесть при этом асс с весом 140,233 г, на котором вместо надписи между спицами его колеса помещены друг на друге диски разной величины, то контраст весов асса без надписи с 393 г и приведенного асса будет весьма внушительный — 252,767 г (табл. II: 1, 3). Различие в весах старшего номинала последней серии ассов с Афиной (с начальными буквами имени Павсания между спицами колеса) составляет меньшее число — 195 г — 92 г = 103 г (табл. II: 7—30). Величина же диаметров и здесь остается почти одинаковой, в среднем составляет 74/75 мм (табл. II: 7—13, 26).

При рассмотрении складывающейся ситуации возникает вопрос — как на сравнительно небольшом отрезке времени, примерно около 30 лет (480—450 гг. до н. э. — см. Зограф 1951: 123; Карышковский 1988: 45; Анохин 1989: 104, № 4, 6, 8) можно объяснить резкие перепады в весах старшего номинала рассмотренных монетных серий (от 252,767 г до 103 г) при почти одинаковых размерах их диаметров? Допустимо ли видеть в них разные номиналы при почти одинаковых диаметрах? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим существующие мнения о номиналах крупных ассов с Афиной в разных их эмиссиях.

Многие нумизматы единодушны в том, что старшим номиналом ольвийского монетного литья в V в. до н. э. был обол (Зограф 1951: 125; Карышковский 1988: 47; Нечитайло 2000: 15, № 27; 16, № 30; 17, № 38). А.Н. Зограф принимает за обол ассы с весами, близкими к 120 г (1951: 125), П.О. Карышковский — к 122 г (1988: 47).

В.В. Нечитайло считает (2000: 14—17): асс с Афиной без надписей пентоболом (393 г, № 26) при оболах, равных 82 г (№ 28) и 78 г (№ 30), с надписью на ободе колеса тетроболом (285 г, № 29) при оболе в 67 г (№ 27), с надписью между спицами колеса пентоболом (175 г, № 36), тетроболами (155—100 г, № 31—35) при оболах, равных 38—35 г (№ 37—39). При таком подходе появляются старшие номиналы разного достоинства — диоболы (275,6 г

Рис. 2. Ольвийские ассы с Афиной: № 1 — с ретроградной надписью ЕПІПАУΣА на ободе колеса (в.— 464,9 г), № 2 — с сокращенным именем ПАУΣ... между спицами колеса (в.— 195 г.).

у П.О. Карышковского 1988: 47), тетроболы и пентоболы (у В.В. Нечитайло) с разными весами, но с почти одинаковыми диаметрами, а пентоболы и тетроболы в небольших соседних промежутках времени являются теми же самыми номиналами, но с резко отличающимися весовыми показателями: пентоболы — 393 г и 175 г, тетроболы — 285 г и 155—100 г, причем определенные тетроболы (285 г) оказываются тяжелее некоторых пентоболов (175 г). В таком случае мы сталкиваемся с возможностью возникновения абсурдной ситуации. Ольвиополиты на протяжении небольшого отрезка времени для того, чтобы определить старший номинал в монетных сериях с Афиной, обладающих очень разными весами, но с тождественными типами и почти одинаковыми диаметрами, должны были каждый раз взвешивать эти монеты. Но это полностью противоречило бы функциональной предназначенности самой сути монеты как денежного знака с четко фиксированной его стоимостью. Использовать для объяснения рассматриваемой ситуации явление юстировки, по которому на некоторое число медных монет выделялось отмеренное определенное количество металла и вес отдельной монеты при этом мог колебаться от средней нормы (см. Зограф 1951: 40), вряд ли возможно. Ибо в нашем случае имеют место не колебания веса, а его резкие обвалы (табл. II: 9—28). Поэтому выход из этого сложившегося странного положения мне видится в признании того, что в первой половине V в. до н.э. ольвиополиты, их монетарии определяли старший номинал литых монет с Афиной не по весу, не по количеству заключенного в них металла, а по величине их диаметров, размеров монет. В силу этого все крупные, старшие номиналы ассов с Афиной всех серий в указанный период времени, на разных его отрезках представляются мне оболами независимо от их веса, который постепенно и неуклонно редуцировался (от 464,9 г до 92 г).

Для объяснения этого предположения исходными данными могут стать следующие наблюдения. В Ольвии во второй половине VI в. до н.э. медь была дешевым сырьем (Карышковский 1988: 37). Ольвийские ассы на рынке этого полиса заменяли мелкие фракции серебра, а также выполняли функции разменной монеты по отношению к кизикинам. Эти бронзовые оболы соответствовали милетскому серебряному оболу и электровой гемигекте Кизика (Карышковский 1988: 46—48). Ценность литых монет, как заменителей полноценных указанных монет из серебра и электра (и вследствие этого в определенной мере ставшая условной), возможно, компенсировалась в первых сериях ассов с Афиной большим содержанием в них количества меди, которая в первой половине V в. до н.э. отличалась дешевизной.

В древнем мире стоимость монетной меди постепенно повышалась. Если в раннее время для денежно-весовой системы Нижнего Побужья рацио электра и бронзы составляло 1: 867 (12224 г: 14,1 г), то во второй половине V в. до н.э. оно уменьшилось до 1: 748 (12224 г: 16,35 г), а рацио серебра и бронзы уменьшилось с 1: 117 до 1: 100 (Анохин 1989: 17). Поэтому вполне реальной становится вероятность того, что в 480 г. и в начале второй четверти V в. до н.э., когда отливались ассы с Афиной без надписей и с сокращенным именем Павсания на ободе колеса (Виноградов 1989: 114; Нечитайло 2000: 14, № 26; 15, № 29 и публикуемый асс — рис. 2, № 1) стоимость монетной меди была ниже, чем во второй половине V в. до н.э. Исходя из этих сведений, думается, что ольвийские монетарии при отливке ассов с Афиной, особенно в начальных эмиссиях, не придерживались каких-то выверенных или тем более точных дозировок металла, предназначенного для выпусков медных крупных монет. Такая щедрость в использовании количества металла для этих целей, вероятно, объясняется в это время тесными связями с регионами, обладающими богатством ископаемых материалов, обилием источников сырья, которые привели к широкому развитию металлообработки, даже к ее процветанию в позднеархаическое и ранне-

Таблица II.

Параметры монет старшего номинала в эмиссиях ольвийских ассов с Афиной

№	Диаметры (мм)	Веса (г)	Особенности реверсов	Литература
1	85 мм	393 г	без надписи	Нечитайло 2000: 14, № 26
2	79?	275,6	– « –	ОАМ
3	69/65	140,233	– « –	Алексеев, Лобода 2006: 4, № 2
4	?	127	ЕПІК..	Бурачков 1884: 37, № 3; Анохин 1989: 104, № 6
5	78/81	464,9	ЕПІПАΥΣА (ретроградно на ободе колеса)	Публикуемый асс
6	75/78	285	то же, но надпись нормативная	Нечитайло 2000: 15, № 29
7	70	195	ПАΥΣ между спицами колеса	Публикуемый асс
8	72	175	– « –	Нечитайло 2000: 17, № 36
9	78/75	(155	– « –	– « — 16, 17, № 31 (цвет. фото)
10	73/75		– « –	– « — № 32 — « –
11	70/75		– « –	– « — № 33 — « –
12	68/73		– « –	— « — № 34 — « –
13	81/76	100)	– « –	— « — № 35 — « –
14	?	136	– « –	Карышковский 2003: 58, табл. 22
15	?	134	– « –	– « –
16	?	129	– « –	– « –
17	?	127	– « –	– « –
18	?	125	– « –	– « –
19	?	123	– « –	– « –
20	?	121	– « –	– « –
21	?	120,83	– « –	Анохин 1989: 104, № 8
22	?	119	– « –	Карышковский 2003: 58, табл. 22
23	?	118	– « –	– « –
24	?	116	– « –	– « –
25	?	112	– « –	– « –
26	66/70	108,95	– « –	Алексеев 1997: 105, рис. 1; 109
27	?	107	– « –	Карышковский 2003: 58, табл. 22
28	?	102	– « –	– « –
29	?	97	– « –	– « –
30	?	92	– « –	– « –

классическое время на Березани, в Ольвии и Ягорльцком поселении. Полагают, что таковыми сырьевыми источниками для них были — Карпато-Дунайский регион, Кавказ и Малая Азия (Рубан 1979: 257; Островерхов 1981: 33; Трейстер 1988: 26, 40).

Важную роль в рассматриваемом процессе стабилизации весового стандарта для

старшего номинала монет с Афиной сыграла, по моему мнению, социально-политическая деятельность Павсания. В Ольвии в раннее время эсимнет мольпов выступал в роли городского эпонима. Таким верховным магистратом и главой религиозного объединения мольпов в этом полисе и был в начальных десятилетиях V в. до н. э. Павсаний. В один год он выпустил монеты с Афиной и со своим сокращенным именем, предваряемым предлогом επι на ободе колеса, а позже, ставши, как полагают некоторые, тираном, на протяжении не более десяти лет в Ольвии отливались монеты с теми же типами, но начальные буквы его имени помещались уже между спицами сакрального колеса и без указанного предлога (см. подробно аргументацию этого положения: Виноградов 1989: 111—115). При автократическом правлении Павсания упорядочение процессов в монетном деле проявилось в регулярности выпусков монет с Афиной, контроль за выделяемым количеством металла для этих последних эмиссий монет с Афиной, судя по весовым данным этих монет (табл. II: 9—30), оказался строже и при нем произошло установление определенного весового стандарта для старшего номинала в рамках, ограниченных показателями 155 г — 100 г, с меньшей амплитудой колебания веса (табл. II: 9—28)[2].

В завершение рассмотрения сложившейся ситуации акцентируем некоторые положения. Предполагать существование в ранних сериях ассов с Афиной среди старших номиналов диоболов, тетроболов и пентоболов при очень близкой и в некоторых случаях почти одинаковой величине их диаметров нет оснований. В реальной практике на рынке Ольвии при допущении возникновения такой ситуации в краткий период времени, когда отливались первые серии этих монет, невозможно было визуально отличить один вид старшего номинала от другого. Поэтому именно величина диаметра определяла старшинство номинала, а не его вес. В период выпуска последней серии ассов с Афиной стал создаваться с учетом подорожания монетной меди для старшего номинала этой эмиссии и весовой стандарт со средним весом примерно в 122 г, который укреплялся и более строго контролировался во время тирании Павсания. Монеты с весами 195 г и 175 г, думается, следует воспринимать на общем фоне весовых их показателей как следствие начавшегося явления постепенного подорожания меди, а монеты с весами 97 г и 92 г — как редкие исключения, выходящие за рамки нормы допускаемой редукции веса этих монет (табл. II: 7, 8, 29, 30).

Крупные монеты во всех сериях ассов с Афиной являлись исключительно оболами, даже в первых их эмиссиях, несмотря на небывалые для одного номинала резкие перепады в их весовых показателях[3].

Литература

Алексеев В. П. 1997. К вопросу о типологии первых литых монет Ольвии. *Археологія* (4), 104—109.

Алексеев В. П., Лобода П. Г. 2006. Монеты Ольвии из частных коллекций г. Одессы. *Вестник Одесского музея нумизматики* 23, 4—14.

Анохин В. А. 1988. О так называемых гирях Березани. В: Анохин В. А. (отв. ред.). *Античные древности Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 174—178.

Анохин В. А. 1989. *Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.

Бурачков П. О. 1884. *Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря*. Ч. I. Одесса: Типография А. Шульце.

Виноградов Ю. Г. 1989. *Политическая история Ольвийского полиса (VII—I вв. до н. э.)*. Москва: Наука.

Виноградов Ю. Г., Русяева А. С. 1980. Культ Аполлона и календарь в Ольвии. В: Анохин В. А. (отв. ред.). *Исследования по античной археологии Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 19—64.

Зограф А. Н. 1951. *Античные монеты*. МИА 16. Академия наук СССР.

Карышковский П. О. 1983. Ольвийские монеты, найденные на о. Левке. *МАСП* 9. Киев: Наукова думка, 158—170.

Карышковский П. О. 1988. *Монеты Ольвии*. Киев: Наукова думка.

Карышковский П. О. 2003. *Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э.— IV в. н. э.)*. Одесса: ЧП «Фридман А. С.»

Крапивина В. В. 1986. Архаические весовые гири Березани и Ольвии. В: Русяева А. С. (отв. ред.). *Ольвия и ее округа*. Киев: Наукова думка, 105—111.

[2] К этому следует добавить, что вообще правление этого ольвийского тирана, его достижения в различных сферах, как показал Ю. Г. Виноградов, имели много общего с деятельностью афинского тирана Писистрата (1989 : 119—126).

[3] Младшие номиналы этих серий представляют гемиоболы с диаметрами от 50 мм до 44 мм и с весами от 82 г до 57,54 г (см. Карышковский 1988 : 41, примеч. № 4 ; 42, рис. 5, № 1 ; Анохин 1989 : 104, № 5 ; Нечитайло 2000 : №№ 27, 28, 30 ; Алексеев, Лобода 2006 : 4, № 1) и тетартемории с диаметрами от 42 мм до 35 мм и весами от 43 г до 23,37 г (см. Карышковский 1988 : 42, рис. 5, №№ 2,3 ; 47 ; 2003 : 59, табл. 25, приложение : 447, табл. VIII ; 448, табл. IX ; Анохин 1989 : 104, № 10 ; Нечитайло 2000 : №№ 37-39). В каждом из этих номиналов перепады между максимальными и минимальными показателями весов также имеются, но не в таких резко контрастных масштабах. В гемиоболах такая разница составляла 24,46 г, в тетартемориях — 19,63 г

Крапивина В.В. 1987. Весовые гири. В: Крыжицкий С.Д. (отв. ред.). *Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время*. Киев. Наукова думка, 131—133.

Лапин В.В. 1971. Групповая находка ольвийских «дельфинов» на Березани. *МАСП* 7, 42—51.

Лосев А.Ф. 1996. *Мифология греков и римлян*. Москва: Мысль.

Назаров В.В. 2005. Еще раз об одной группе архаических бронзовых изделий с Березани. В: Радзиховская Е.А. (гл. ред.). *Древнее Причерноморье*. Одесса: Астропринт, 109—116.

Наумов В. 2002. Новый тип литой монеты? *Древний мир* 3, 33.

Нечитайло В.В. 2000. *Каталог античных монет Ольвии (VI в. до н.э.— III в.н. э.)*. Киев.

Ольговский С.Я. 1986. Металл литых монет Нижнего Побужья. В: Русяева А.С. (отв. ред.). *Ольвия и ее округа*. Киев: Наукова думка, 89—105.

Островерхов А.С. 1981. Обробка кольорових металів на античних поселеннях. *Археологія* (36), 26—37.

Пиворович В.Б. 2000. Древнейшие денежные знаки Северного Причерноморья. *Летопись Причерноморья: литература, история, археология, нумизматика* 4, 119—122.

Рубан В.В. 1979. Літейна форма з поселення Козирка XV. *СА* (3), 257—258.

Рубан В.В. 1982. О хронологическом соотношении литых стрело- и дельфиновидных бронзовых монет на территории Нижнего Побужья. В: Янин В.Л. (отв. ред.). *Нумизматика античного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 15—20.

Русяева А.С. 1986. Милет — Дидимы — Борисфен — Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья. *ВДИ* (2), 25—64.

Русяева А.С. 1992. *Религия и культы античной Ольвии*. Киев: Наукова думка.

Сальников А.Г. 1957. Литой дельфин из фондов Одесского государственного археологического музея. *МАСП* I, 102—104.

Сальников О.Г. 1959. Ольвійські «рибки»: початковий етап ольвійського грошового обігу. *МАСП* II, 44—58.

Трейстер М.Ю. 1988. Роль металлов в эпоху Великой греческой колонизации. *ВДИ* (1), 17—42.

Фурманська А.І. 1963. Бронзоливарне ремесло в Ольвії. *Археологія* (15), 61—70.

Харко Л.П. 1964. Монеты из раскопок Ольвии в 1946—1947 гг. В: Гайдукевич В.Ф. (отв. ред.) *Ольвия. Теменос и агора*. Москва; Ленинград: Наука, 321—379.

Статья поступила в номер 17 февраля 2010 г.

Vladimir Alexeev (Odessa, Ukraine). Candidate of Arts Studies. The Odessa State Musical Academy «A. V. Nezhdanova».

Vladimir Alexeev (Odesa, Ucraina). Candidat în studiul artelor. Academia de Muzică de Stat din Odesa „A. V. Nezhdanova”

Алексеев Владимир Петрович (Одесса, Украина). Кандидат искусствоведения. Одесская Государственная Музыкальная Академия им. А. В. Неждановой.

E-mail: omn@te.net.ua

№6. 2010

В. П. Алексеев, П. Г. Лобода

Нумизматические раритеты античной Тиры в новых находках

V. P. Alekseev, P. G. Lododa.

Numismatic Rarities of Antique Tyra In New Findings.

This article identifies special characteristics of published rare Tyra's coins. Among three coins with the type «Demeter–horse's forepart, tuna» (№№ 1—3, figure 1), the following coins are noted: with new stamps on coin's sides, with new monogram ⍓ (№ 1, № 3) and full-preserved ethnicon (№ 1, № 2). The coin «Athena-bull» (№ 4, figure 1) on reverse has the englific stamp in the form of the letter «omega» (Ω). One of the coins with types «Cabeiri-ear» (№ 6, figure 1) has a countermark in the form of octactinal star, on the coin «Apollo-bull» (№ 7, figure 2, № 1) there is an ethnicon placed not under the line as a rule but over the bull, the coin «Athena-wreath» (№ 8, figure 2, № 2) unlike the same coins has a stamp. The coins «Apollo, bow — IЄPA/ЄCYNK/AHTO/Y, ball» (№ 9, № 10, figure 2, № 3, № 4) are minted by new stamps and there are spelling mistakes in the phrase «Holy Senate». The first one among the similar coins has the greatest diameter (27 mm) and the second one has the greatest weight (12,9 g). The semantic analysis of the coin types «Beardless head — eagle, branch» (№ 11, figure 2, № 5) has shown that the image on obverse should be considered as the image of Augustus, and the «branch» as a palm branch. Reverse images should be deemed as symbolic glorification of the idea of unconquerable military force of Rome. The coin «Julia Domna's bust — eagle, letter "B"» (№ 12, figure 2, № 6) is a unique coin representing the unknown face value «dupondius» in the finale series of Caracalla's coins. The coin «Julia Mamaea's bust — Hermes» is the second specimen of «assarion» with new stamps of coin's sides in the last series of Tyra's coins with the name of Alexander Severus.

V. P. Alekseev, P. G. Lododa.

Rarități numismatice din Tira antică în noi descoperiri.

Acest articol prezintă caracteristici speciale ale monedelor publicate rare din Tyra. Dintre cele trei monede tip „Demeter — o protomă de cal, ton" (nr. 1—3, fig. 1) se evidențiază monede: cu noi ştampile ale părților, cu o monogramă nouă ⍓ (nr. 1, nr. 3), şi cu un ethnikon care s-a păstrat complet (nr. 1, nr. 2). Moneda „Athena — taurul" (nr. 4, fig. 1) pe revers are o ştampilă englifică, unică cu litera „Omega" (Ω). La una din monede tip „Kabir — spicul" (nr. 6, fig. 1) este plasată contramarca în formă de stea cu opt colțuri, moneda „Apollo — taurul" (nr. 7, fig 2, nr.1) ethnikonul nu se află sub linie, ca de obicei, ci deasupra taurului, pe moneda „Athena — o coroană de flori" (nr.8, fig. 2, nr. 2), în contrast cu monede similare au un marcaj. Monede „Apollo, arcul — IЄPA/ЄCYNK/Anto/Y, sfera" (nr. 9, nr. 10, fig. 2, nr. 3, nr. 4) sunt emise cu noi ştampile; inscripția, care înseamnă „Senatul sacru", conține greşeli de ortografie. Prima dintre monede de acest tip are cel mai mare diametru (27 mm), a doua — cea mai mare greutate (12,9 g). Analiza semantică a tipurilor de monede „Capul fără barbă — un vultur, o creangă" (nr.11, fig 2, nr. 5) a arătat că imaginea de pe avers trebuie considerată ca un portret al lui Augustus, iar «creanga» reprezintă o ramură de palmier. Imaginile de pe revers sunt interpretate ca o glorificare simbolică a ideii de putere militară invincibilă a Romei. Moneda „Bustul Iuliei Domnei — vulturul, litera „B" (nr. 12, fig.2, nr.6) este o monedă unică, cu un nominal necunoscut „dupondius", din seria finală de monede emise de Caracalla. Moneda „Bustul Iuliei Mamea — Hermes" este al doilea exemplar al monedei „assarius" cu noi ştampile ale părților din recenta serie de monede din Tyra cu numele lui Alexandru Sever.

В. П. Алексеев, П. Г. Лобода.

Нумизматические раритеты античной Тиры в новых находках.

В данной статье отмечаются особые признаки публикуемых редких монет Тиры. Среди трех монет с типами «Деметра — протома коня, тунец» (№№ 1—3, рис. 1) выделяются монеты: с новыми штемпелями сторон, новой монограммой ⍓ (№ 1, № 3) и полностью сохранившемся этниконом (№ 1, № 2). Монета «Афина — бык» (№ 4, рис. 1) на реверсе имеет энглифическое уникальное клеймо в виде буквы «омеги» (Ω). На одной из монет с типами «Кабир — колос» (№ 6, рис. 1) помещена надчеканка в форме восьмилучевой звезды, на монете «Аполлон —

© В. П. Алексеев, П. Г. Лобода, 2010.

бык» (№ 7, рис. 2, № 1) этникон расположен не под чертой, как обычно, а над быком, на монете «Афина — венок» (№ 8, рис. 2, № 2), в отличие от подобных монет, имеется клеймо. Монеты «Аполлон, лук — IЄPA/єCYNK/AHTO/Y, шар» (№ 9, № 10, рис. 2, № 3, № 4) биты новыми штемпелями, и в надписи, означающей «священный сенат», содержатся орфографические ошибки. Первая из них обладает среди монет такого рода наибольшим диаметром (27 мм), вторая — весом (12,9 г). Анализ семантики типов монеты «Безбородая голова — орел, ветка» (№ 11, рис. 2, № 5) показал, что изображение на аверсе следует рассматривать как портрет Августа, а «ветку» — как пальмовую ветвь. Образы реверса понимаются как символическое прославление идеи непобедимой военной мощи Рима. Монета — «Бюст Юлии Домны — орел, буква "В" (№ 12, рис. 2, № 6) — уникальная монета, представляющая неизвестный номинал «дупондий», в заключительной серии монет Каракаллы. Монета — «Бюст Юлии Мамеи — Гермес» — это второй экземпляр «ассария» с новыми штемпелями сторон в последней серии тирских монет с именем Александра Севера.

Keywords: face value, typology, stamp, monogram, countermark.

Cuvinte cheie: nominal, tipologie, ştampilă, monogramă, contramarcare.

Ключевые слова: номинал, типология, штемпель, монограмма, надчеканка.

В данной статье публикуются неизвестные варианты монет Тиры, содержащие немаловажную информацию, и уникальная монета этого полиса римского времени. Найдены они в Белгороде-Днестровском и на берегах Днестровского лимана. Предлагаемые вниманию раритеты хранятся в частных собраниях одесских любителей древностей. Исследуемые монеты Тиры могут стать необходимым дополнением к Корпусу монет этого города.

Дадим описание новых нумизматических памятников Тиры.

№ 1.

Л. с. Голова Деметры в венке из колосьев вправо. Штемпель новый.

О. с. Протома скачущего коня вправо, за ней помещено изображение тунца головою вниз. Сверху надпись — **TYPANON**, под животом коня монограмма . Штемпель новый.

Д. — 23,5 мм, в. — 10,1 г (рис. 1: 1).

Аналогия — Алексеев 2001: 69, табл. II: 1.

А. Н. Зографом было установлено, что подобные монеты часто перечеканивались на тирских монетах с типами «голова Тираса — голова коня» (1957: 25, 68, № 15). А. С. Коциевский первым зафиксировал экземпляр, на реверсе которого за протомой коня был изображен тунец (1982: 117, 118). Один из авторов этих комментариев опубликовал аналогичную монету, но с неизвестной до того монограммой под ногами коня и перечеканенную на ольвийской монете — т. н. «борисфене» (Алексеев 2001: 69, табл. II, 1). Издаваемая здесь монета на реверсе имеет монограмму , которая, возможно, является немного искаженным вариантом, неточным повторением ранее опубликованной монограммы . Следует отметить, что существует еще одна монета такого рода, которая содержит монограмму , но этникон дан в сокращении — **TYPA** (рис. 1: 3). Штемпеля сторон монеты № 1 новые, что составляет вторую ее особенность. Поверхность ее реверса не вогнутая, как обычно, а почти ровная, что, возможно, объясняется большой толщиной монеты — высота гурта составляет величину от 2,9 мм до 3,1 мм. Третьим признаком, выделяющим публикуемую монету, является написание этникона в полном развернутом виде — **TYPANON**. Оно сохранилось только на двух представляемых здесь монетах — № 1 и № 2. Ведь на монетах, изданных П. О. Бурачковым (1884: табл. X, 8) и А. В. Орешниковым (1887: табл. I, 1), а также на ряде их повторных фотографических воспроизведениях (Pick 1898: Tab. XII, 13; Анохин 1989: 116, № 432; Фролова 2006: 159, табл. IV, 5, 6) в этниконе отсутствуют первые две буквы — **[TY]PANON**. Все три вышеуказанные особенности определяют уникальность и научную значимость публикуемой монеты Тиры.

Начало чеканки монет рассматриваемой эмиссии датируется последними годами IV в. до н. э. — началом III в. до н. э. (Алексеев 2001: 71; Фролова 2006: 20; Туровский, Демьянчук 1998: 146, 148, рис. 1, № 5). Вследствие того, что этникон на драхмах Тиры показан от полного его написания с постепенными его сокращениями до трех начальных букв (Фролова 2006: 12—16, типы: 1—3; 8—15; 4—6; 7; 16), то и начальными выпусками медных тирских монет с типами «Деметра — протома коня» следует считать те, на которых этникон представлен в полном виде (Зограф 1957: 24, 25).

№ 2.

Л. с. То же, но бита штемпелем, известным по публикациям.

О. с. То же, но часть плохо сохранившейся монограммы находится под ногами коня. Поверхность реверса имеет вогнутый характер.

Д. — 20,5 мм, в. — 6,7 г (рис. 1: 2).

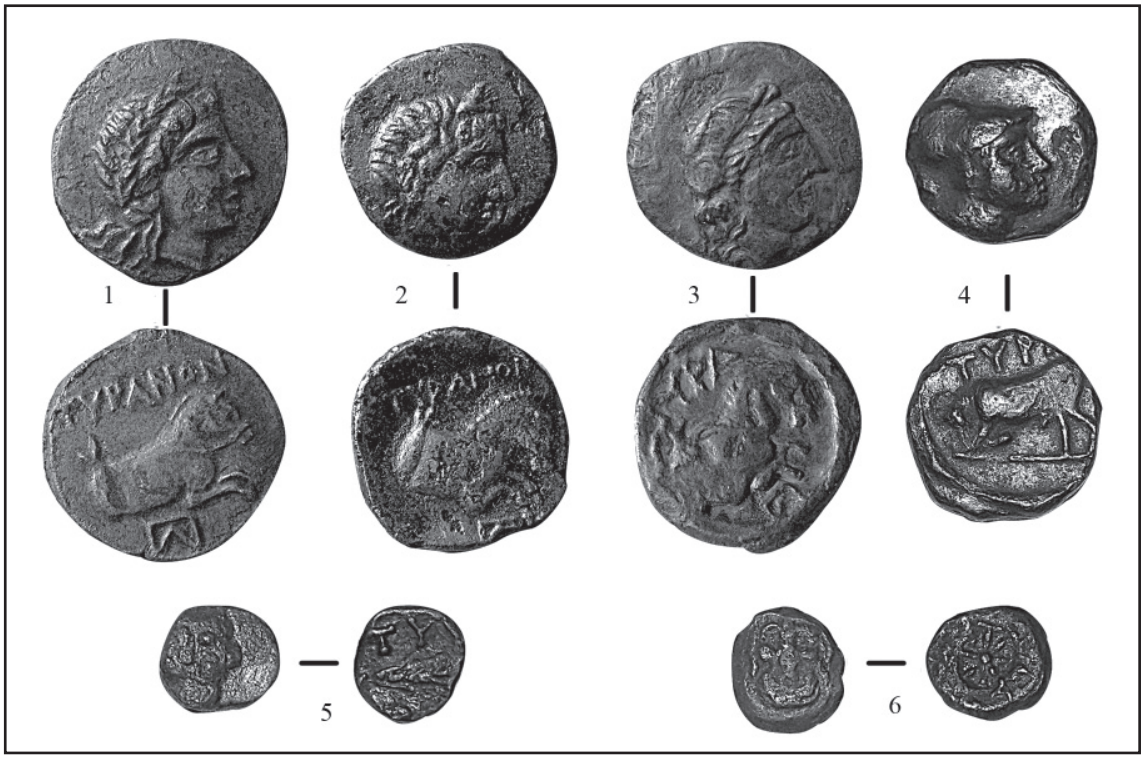

Рис. 1. Монеты Тиры (конец IV в. — конец III в. до н. э.).

Из всех изданных монет с указанными типами данная монета обладает наименьшим диаметром, а ее вес немного выше самого низкого веса (Фролова 2006: 20—22, типы № 23—25, 21; тип 23, № 3 — 6,15 г).

№ 3.

Л. с. То же, но штемпель новый.

О. с. То же, но монограмма ⍓, и этникон дан в сокращенном виде — **TYPA**. Штемпель новый.

Д. — 23, 5 мм, в. — 9, 21 г (рис. 1: 3).

Отмеченные признаки позволяют определить данную монету как уникальный вариант.

№ 4.

Л. с. Голова Афины в коринфском шлеме вправо.

О. с. Бодающий бык влево. На верхнюю часть задней ноги нанесено энглифическое клеймо в виде греческой буквы «омеги» в палеографической трактовке лапидарных надписей — **«Ω»**. Сверху — **TYPA**.

Д. — 18 мм, в. — 4,5 г (рис. 1: 4).

Аналогии — Зограф 1957: 71, № 22, табл. II, 7; Анохин 1989: 117, № 444; Алексеев 1997: 8, № 4; Фролова 2006: 24, тип 29, табл. V, 7—9.

Датируют подобные монеты одни исследователи концом III в. до н. э. (Зограф 1957: 71; Фролова 2006: 11), другие — 280—270 гг. до н. э. (Анохин 1989: 116, № 444).

Особенностью публикуемой монеты, определяющей ее научную ценность, является энглифическое клеймо на реверсе в виде буквы «омеги», свойственной лапидарным надписям. Надчеканки в виде отдельных букв на монетах Тиры автономного периода нам неизвестны. В первом веке нашей эры они появляются как цифровые обозначения в рельефном изображении. Энглифические надчеканки в виде букв, нанесенные монетариями Тиры, встречаются на римских монетах — сестерциях Клавдия и Агриппины Старшей, которые были включены в денежное обращение этого города (Коциевский 1982: 121, № 6, табл. IX, 7; Макандаров 2007: 45, № 119; 46, № 124; Алексеев, Лобода 2008: 144, № 18; 154, № 10). Из этих фактов вытекают два допущения. Либо публикуемая монета с энглифической надчеканкой была использована в качестве денежного средства в первой половине I в. н. э., когда Тира не чеканила собственной монеты, а пользовалась монетами Одрисского царства и затем Рима (отдельные случаи использования монет прошлых лет спустя более ста лет известны). Либо данное клеймо было поставлено не в Тире. Пока же данный вопрос и смысловое значение этой энглифической надчеканки, помимо ее прямого функционального предназначения, оставляем открытыми.

№ 5.

Л. с. Голова Кабира анфас.

О. с. Колос, сверху буквы **TY**, внизу — **P[A]**.

Д. — 9 мм, в. — 1 г (рис. 1: 5).

Аналогии — Зограф 1951: табл. XXVIII, 10; Алексеев 1997: 8, № 3; Нечитайло, Михайлов 2000: 46, № 118; Алексеев, Лобода 2008: 216, № 3, 4; Макандаров 2007: 19, № 42; 20, № 43—45.

В. А. Анохин полагает, что монеты с данными типами являются младшим номиналом, халком, в эмиссии монет «Деметра — киста» (дихалк) и датирует их серединой III в. до н. э. (1989: 94, 116, № 447, 448). Другие нумизматы — второй половиной IV в. — конец III в. до н. э. (Зограф 1957: 66, 70, № 19) и второй половиной III в. до н. э. (Дюков, Смекалова 1997: 233; Фролова 2006: 26). П. О. Карышковский и И. Б. Клейман все монеты Тиры автономной эпохи после IV в. до н. э. относят к широкому периоду — от 250 г. до 120 г. до н. э., т. е. до митридатовской эпохи (1985: 76, рис. 26, № 1—11).

Нельзя не отметить заметное огрубление, если не сказать — деградацию, в изображении божества на ее аверсе. Н. А. Фролова, ссылаясь на монету из коллекции А. С. Коциевского, на которой это божество изображено с четко видимыми двумя рогами, считает его Тирасом, а не Кабиром (2006: 26, табл. V, 3). Вследствие того, что оба эти божества способствовали плодородию земель Тиры, то попеременное их появление на младшем номинале данной серии (на старшем изображена Деметра в венке из колосьев анфас) вполне естественно.

№ 6.

Л. с. То же.

О. с. На почти полностью стертую поверхность наложено клеймо в виде восьмилучевой звезды (от прежнего типа сохранились только три буквы этникона — **TY[P]A)**.

Д. — 10 мм, в. — 0,9 г (рис. 1: 6).

Аналогии — Нечитайло, Михайлов 2000: 46, № 120; Макандаров 2007: 21, № 46; Алексеев, Лобода 2008; 146, 154, № 7.

Появление надчеканки в виде восьмилучевой звезды на публикуемой монете, как и на других монетах Тиры (Анохин 1989: табл. XXV, 424; Нечитайло, Михайлов 2000: 46, № 117; Макандаров 2007: 12, № 18; 21, № 46; 40, № 104; Алексеев, Лобода 2008: 154, № 7) естественнее всего, на наш взгляд, связать с влиянием монет понтийского царя Митридата VI. Будучи одной из династических эмблем царей Понта, восьмилучевая звезда была связана с культами Ахуро-Мазды, Мена и Митры. Этот символ был нанесен на монеты Тиры, вероятно, в период ее зависимости от власти Митридата VI — от последнего десятилетия II в. до н. э. до 60-х годов I в. до н. э. (Алексеев, Лобода 2008: 146).

№ 7.

Л. с. Голова Аполлона вправо.

О. с. Бодающий бык на черте вправо, вверху — **TYPA**.

Д. — 16 мм, в. — 2,85 г (рис. 2: 1).

Аналогии — Зограф 1957: 76, тип 41 (д. — 14 мм, в. — 2,31 г.). Изображение этой монеты в виде рисунка см. Фролова 2006: табл. VIII, 2б.

Публикуемую монету отличают от изданной две особенности — **этникон** в сокращении помещен **над быком**, а не внизу под чертой, диаметр и вес превышают таковые экземпляра, приведенного в качестве аналогии. Таким образом, наша монета является всего вторым экземпляром и новым вариантом изданной монеты. Датируются они концом II в. до н. э. (Фролова 2006: 39, 41, тип 48) или первым десятилетием I в. до н. э. (Анохин 1989: 117, № 473).

№ 8.

Л. с. Голова Афины в шлеме, украшенном султаном вправо. На шлем нанесена круглой формы четкая надчеканка с изображением змеи (?), клешни рака (?).

О. с. В лавровом венке **TY/PA**.

Д. — 14 мм, в. — 2,3 г (рис. 2: 2).

Аналогии — Анохин 1989: 116, № 445; Фролова 2006: 165, табл. VIII, 9а.

Особенностью публикуемой монеты, определяющей ее уникальность, является круглое клеймо с четким изображением какого-то предмета, который однозначно определить трудно. На всех изданных монетах с описанными типами какие-либо надчеканки отсутствуют. В отношении даты их чеканки мнения нумизматов резко расходятся — В. А. Анохин относит их чеканку к 270—260 гг. до н. э. (1989: 116, № 445), Н. А. Фролова — к митридатовской эпохе (2006: 42, тип № 51).

№ 9.

Л. с. Голова Аполлона вправо с длинными волосами в венке, концы лент которого свисают до плеч. Перед его лицом помещено изображение лука. Слева снизу вверх по часовой стрелке надпись — **TYPANѠN**.

О. с. В венке четырехстрочная надпись — **IЄPA/ЄCYNK/AHTO/Y.** В третьей строчке между буквами «эта» и «тау» помещено изображение шара.

Д. — 27 мм, в. — 11 г. (рис. 2: 3).

№ 10.

Л. с. То же.

О. с. То же, но последняя буква «ипсилон» (Y) помещена на самом шаре, а не под ним.

Д. — 26,5 мм, в. — 12,9 г. (рис. 2: 4).

Аналогии — Коциевский 1982: 120, № 4, табл. IX, 5 (д. — 25×26 мм, в. — 12,8 г.);

Рис. 2. Монеты Тиры (конец II в. до н. э. — первая треть III в. н. э.).

Алексеев 1997: 8, № 6 (д.— 25 мм, в.— 12,68 г).

Публикуемые монеты (№ 9, 10), битые новыми штемпелями, имеют на реверсе в отличие от указанных ряд ошибок в надписи, означающей «священный сенат» — во второй строке вместо «С» — «ε», в третьей строке вместо «Л» — «А». На монетах, изданных В.В. Нечитайло и С.Л. Михайловым (2000: 48, № 129, д.— 26 мм, в.— 12 г) и В.П. Алексеевым и П.Г. Лободой (2008: 148, № 14, д.— 24 мм, в.— 11,553 г), на аверсах которых перед Аполлоном помещен лук, а на реверсах отсутствует шар, имеются другие ошибки в надписи на оборотных сторонах монет. Вторая издаваемая здесь монета (№ 10) обладает наибольшим весом (12,9 г) среди подобных ей монет.

Мнение В.А. Анохина в отношении семантики изображения безбородой головы на аверсе этих монет как головы Аполлона (1989: 97, 117, № 477) подтвердилось изданием монет, на которых перед головой был изображен лук (Нечитайло, Михайлов 2000: 48, № 129; Алексеев, Лобода 2008: 148, № 14). Лук, как известно, был с давних времен атрибутом этого бога, Аполлона-стрельца. Причем и в период поздней античности среди многочисленных эпиклез Аполлона имелась «наслаждающийся тетивой», «стреловержец» (Лосев 1996: 392, 401). Приведенные факты и упомянутое определение безбородой головы на подобных монетах опровергают мнение А.С. Коциевского о ней как о персонифицированном, аллегорическом изображении римского сената (1982: 120).

Мысль Н.А. Сон рассматривать «венок» на реверсе этих монет как символ, отражающий в античной религии и общественной жизни сакральную чистоту, высший ранг отличия граждан, своими поступками заслуживающих почета, вполне приемлема. Из различных источников известно, что римские императоры награждались венком как спасители всех римских граждан (Сон 1993: 21, 22). Надпись «священный сенат», окруженная венком, также позволяет видеть в сенате, этом верховном органе Рима эпохи принципата, защитника и спасителя интересов городской общины Тиры. Некоторые исследователи полагают, что рассматриваемые монеты Тиры, вероятно, были выпущены вследствие хотя и неизвестного нам какого-то решения римского сената, но которое было особо важным для граждан этого полиса (Сон 1993: 22). Более того, П.О. Карышковский и И.Б. Клейман считают, что появление данных монет стало возможным в результате признания городом римской власти и новой эры (1985: 90, 92). Это предположение подкрепляется тем, что агрессивность варварских племен и частые волны разрушительных их набегов на античные центры Северо-Западного Причерноморья в первом веке нашей эры значительно возросли (Карышковский, Клейман 1985: 92).

Касаясь семантики «шара» (сферы) на данных монетах, можно отметить, что этот символ в контексте рассматриваемой эпохи означал нечто высшее и всевластное над людьми. В таком значении понималось появление орла на шаре как символа суверенной и высшей власти — Зевса-Юпитера (Фролова 1986: 213), богини Ники на шаре с венком и пальмовой ветвью на римских знаменах II—III вв.н. э. (Блаватский 1954: иллюстрация между 126 и 127 страницами) как символа грандиозной Победы космического масштаба. Думается, что и на реверсе тирской монеты с надписью «священный сенат» общий смысл ее изображений (шар, венок) допустимо понимать как прокламацию власти сената не только как верховного органа Рима, но и как высшей власти и державности на Земле. Суммируя смысловое значение монетных типов на сторонах исследуемых монет, можно понимать их как своеобразное выражение благодарности жителей Тиры — и заступничеству Аполлона-

стрельца, и римскому сенату, высшей власти на земле, какое-то решение которого, видимо, было направлено на осуществление военной опеки города и защиты от угроз и периодических грабежей со стороны различных варварских племен.

Подобные монеты датируют 30—45 гг. н. э. (Коциевский 1982: 120) или началом второй половины I в. н. э. (Карышковский, Клейман 1985: 88).

№ 11.

Л. с. Безбородая мужская голова в лавровом венке, ленты которого свисают вдоль шеи, влево. По часовой стрелке слева по кругу помещена надпись — **KAICAPOC CЄBACTOV**.

О. с. Орел с полурасправленными крыльями в ¾ (три четверти) вправо. Под лапами орла изображена ветка. Слева сверху по часовой стрелке надпись — **TYPA/NΩN**.

Д. — 31,5 мм, в. — 15,9 г (рис. 2: 5).

Аналогии — Алексеев 2005: 368, № 11, табл. II, 4; Фролова 2006: табл. X, 4.

В своем каталоге монет Тиры Н. А. Фролова при описании изображений на реверсе подобных монет указывает — «орел на молнии…» (2006: 52, 53). Однако на приведенной ею таблице отсутствуют монеты с изображением молнии (см. там же, табл. X, 2—7). На X-ой таблице каталога имеется монета под № 4, на реверсе хорошей сохранности под лапами орла помещено изображение «ветки», а справа внизу буква «Н». Но эти детали в описании реверса данной монеты отсутствуют, хотя на таблице четко видны. Такая небрежность в представлении довольно редкой монеты недопустима, тем более в каталоге. При публикации подобной монеты весьма посредственной сохранности одним из авторов этих комментариев не была упомянута в описании ее буква «эта» (Н), т. к. очертания ее были приняты при значительной коррозированности монеты за «игру» изъеденного металла (Алексеев 2005: 368, № 11, табл. II, 4). В одной из проведенной Одесским археологическим музеем экспедиции была найдена аналогичная тирская монета с точно такими же добавочными символами — «веткой» и буквой «этой» (Носова 2005: 31, 32; д. — 33 мм, в. — 20,5 г).

Черты лица безбородой мужской головы на аверсе этих монет — длинный и прямой нос, небольшой рот с тонкими губами, очень маленький подбородок и длинная шея — совпадают с таковыми деталями головы и шеи римского императора — «божественного Августа» (более подробно о его иконографии см. Алексеев 2005: 369, табл. II, 4, 5). Из найденной в 2002 г. в неопубликованном архиве А. Н. Зографа его статьи «Очерки монетных находок на территории древней Тиры» следует, что еще в 1940 г. автор указывал в ней на изображение мужской головы на аверсе этих монет как на портрет Августа (Фролова 2006: 131, прил. № 13).

Изображения орлов с полурасправленными крыльями, подобными на рассматриваемых монетах, представляют, как показал П. О. Карышковский на примере ольвийских монет и монет Фарзоя, не очень умелые подражания орлам на штандартах римских легионов и на римских монетах I в. до н. э. — I в. н. э. (1962: 110, табл. I, 1—8; 119). Орел олицетворял не только главное божество Рима — Зевса-Юпитера, но и символизировал военную мощь и славу имперской армии (Цветаева 1979: 39). Изображение же «ветки» под орлом на рассматриваемых тирских монетах, на наш взгляд, представляет скорее, несмотря на свою схематичность, не лавровую ветвь, какая обычно помещалась на головах богов и императоров, а «пальмовую ветвь». Ведь именно этот символ, являясь атрибутом богини Победы Ники, и в римское время служил средством выражения идеи «победоносности». Думается, что предложенная трактовка «ветки» именно в общем семантическом контексте типов двух сторон монеты раскрывает таковой смысл, согласуясь с их содержанием. А оно служило пропаганде идеи мощи Рима и непобедимости его армии. Примерно в 56/57 гг. н. э. Тира включается в состав Римской империи, что объясняется стремлением обезопасить этот город от возрастающей агрессивности варварских племен (Карышковский, Клейман 1985: 90—93).

Датировка всех монет с типами «голова Августа — орел», с отмеченным добавочным символом и без него, не вызывает у исследователей разногласий — это время правления Веспасиана, 69—79 гг. н. э. (Карышковский, Клейман 1985: 88; Анохин 1989: 98, 118, № 483). Не ясным остается вопрос о номинале этих монет. Присутствие на некоторых монетах данной эмиссии дифферента в виде буквы «эта» (Н) (Алексеев 2005: 368, № 11, в. — 16,142 г; Носова 2005: 31, 32, в. — 20,5 г; Фролова 2006: табл. X, 4) являет собой факт интересный и исключительный для времени выпуска этих монет.

Некоторыми специалистами на XIII Всероссийской нумизматической конференции при обсуждении информации Л. В. Носовой о представленной монете Тиры с вышеуказанным дифферентом было высказано мнение о том, что, возможно, буква «эта» имеет цифровое значение — «8», и число это допустимо

понимать как обозначение номинала в 8 халков (устное сообщение Л.В. Носовой). В таком случае этот номинал следует определить как «обол», исходя из расчета, что в Афинах обол был равен 8-ми халкам (Зограф 1951: 48). Если же исходить из весовых показателей данных монет (в среднем равных 17—18 г — см. выше), то они приближаются к весам римских сестерциев Клавдия и Веспасиана. В случае подтверждения мнения о буквенном дифференте на рассмотренных монетах как знака, обозначающего номинал, то тогда Тиру можно будет причислить к редким исключениям среди греческих городов, монеты которых содержали такие обозначения. Ведь подобных случаев известно только два: это монеты царя Антиоха IV и квазиавтономный чекан о. Хиоса императорского времени (Зограф 1951: 48). Пока же вопрос о номинале исследуемых монет Тиры оставим открытым.

№ 12.

Л.с. Бюст Юлии Домны вправо. Слева снизу по часовой стрелке надпись — **IOVΛ[IA]ΔO[M]NA.**

О.с. Орел со сложенными крыльями, стоящий на линии обреза, влево. Голова повернута вправо, в клюве — венок, под хвостом орла буква «В». Слева вверх надпись — **TVPA/NΩN**. Небольшая часть монеты утрачена. Дупондий.

Д.— 17,6 мм, в.— 1,5 г (рис. 2: 6).

Публикуемый дупондий является уникальным экземпляром. Данный номинал с буквенным обозначением («В») известен с портретами Коммода (Зограф 1957: № 57, 61), Геты (во 2-й и 3-й сериях Септимия Севера), с портретом Каракаллы (в 5-й серии Септимия Севера) (Зограф 1957: № 73, № 80, № 98, 98а) и в серии монет, выпущенных в период его единоличного правления (Зограф 1957; № 109, 109а). Но дупондии с портретом Юлии Домны науке неизвестны.

Необычно низкий вес издаваемого дупондия (1,5 г) резко выпадает из общей картины весовых данных этого номинала — средний вес дупондиев не опускается ниже трех грамм (Зограф 1957: табл. 2 в тексте между страницами 36 и 37). Даже самый низкий вес дупондия, известный в серии монет Александра Севера — 2,2 г (Зограф 1957: № 121) оказывается выше веса представляемого дупондия. Его вес приближается к весам некоторых ассариев — см. Зограф 1957: № 110, 1 (1,62 г), 2 (1,26 г). Объясняется это не только утраченной незначительной частью нашей монеты, но и очень тонким ее монетным кружком.

Определяя место издаваемой монеты в эмиссиях Тиры, мы полагаем, что ее следует отнести к последней серии монет, выпущенных в период единоличного правления Каракаллы. Основанием этому служит то, что взаимоотношение осей штемпелей монет в каракалловской серии такое же, как и на издаваемой монете. На монетах Домны в сериях монет Септимия Севера оно другое (Зограф 1957: 42). Таким образом, заключительная эмиссия монет с портретом Юлии Домны в серии монет единоличного правления Каракаллы (Зограф 1957: 115, 116) после нашего сообщения стала состоять из четырех номиналов — тетрассария, трессиса, дупондия и ассария.

№ 13.

Л.с. Бюст Юлии Мамеи с диадемой на голове вправо. **IOVΛIAMAM/ЄACЄBA.**

О.с. Стоящий Гермес с повернутой влево головой, в правой руке держит кошелек, в левой — кадуцей. **TVPA/NΩN.** Ассарий.

Д.— 17 мм, в.— 2 г (рис. 2: 7).

Аналогия — Бурачков 1884: табл. XII, № 81.

Представленная монета — это всего второй экземпляр редкого номинала — «ассария» — в эмиссиях монет с изображением Юлии Мамеи. Эта эмиссия входит в серию монет ее сына Александра Севера и принадлежит второму, по мнению В.А. Анохина, его выпуску (1989: 100, 101). Штемпеля сторон публикуемого ассария отличаются от штемпелей ассария, изданного П.О. Бурачковым (насколько можно судить по рисунку этой монеты в его каталоге). Главные отличия таковы: на аверсе нашей монеты укладка прядей прически Мамеи имеет иную форму, в легенде первая буква «мю» приходится за закрученные пряди возле затылка, а вторая «мю» заканчивается перед круглой прядью над лбом; на реверсе фигура Гермеса более тяжеловесна, а буквы легенды по-другому соотносятся к частям его фигуры (Бурачков 1884: № 81). Указанные отличия позволяют определить штемпеля издаваемой монеты как новые. Серия монет Александра Севера с его портретом и портретом его матери имеет два варианта младшего номинала — ассария: один с типами «Александр — Геракл» (Зограф 1957: табл. X, 7; Анохин 1989: табл. XXXI, 566), другой — «Мамея — Гермес» (данное наше сообщение). Датируются монеты Тиры с портретами Юлии Мамеи 222—228 гг. н. э. (Анохин 1989: 121, № 559, 560).

Литература

Алексеев В. П. 1997. *Редкие и неизданные монеты античных городов Северного Причерноморья*. Одесса: Полис.

Алексеев В. П. 2001. Памятники древних культур из Днестро-Дунайского региона. *ВДИ* (4), 66—76.

Алексеев В. П. 2005. Редкие и уникальные монеты античных городов Северного Причерноморья. *Stratum plus* (6), 364—373.

Алексеев В. П., Лобода П. Г. 2008. *Материалы по нумизматике и археологии древнего Северного Причерноморья*. Одесса: КП Одесская городская типография.

Анохин В. А. 1989. *Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.

Блаватский В. Д. 1954. *Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья*. Москва: Академия наук СССР.

Бурачков П. О. 1884. *Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря*. Ч. I. Одесса: Типография А. Шульце.

Дюков Ю. Л., Смекалова Т. Н. 1997. Исследование состава монет Тиры из собрания Государственного Эрмитажа. В: Охотников С. Б. (отв. ред.). *Никоний и античный мир Северного Причерноморья*. Одесса: Ветаком, 231—240.

Зограф А. Н. 1951. Античные монеты. *МИА* (16). Академия наук СССР.

Зограф А. Н. 1957. *Монеты Тиры*. Москва: Академия наук СССР.

Каришковський П. Й. 1962. З історії греко-скіфських відносин у Північно-Західному Причорномор'ї. *Археологічні пам'ятки УРСР* XI. Академія наук УРСР, 102—121.

Карышковский П. О., Клейман И. Б. 1985. *Древний город Тира*. Киев: Наукова думка.

Коциевский А. С. 1982. Несколько неизданных монет Тиры из частных собраний. В: Янин В. Л. (отв. ред.). *Нумизматика античного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 117—125.

Лосев А. Ф. 1996. *Мифология греков и римлян*. Москва: Мысль.

Макандаров Г. И. 2007. *Сводный каталог монет города Тиры*. (Изд. второе). Одесса: СПД Фридман А. С.

Нечитайло В. В., Михайлов С. Л. 2000. *Каталог античных монет Скифии, Березани, Никония, Тиры, Керкинитиды*. Киев.

Носова Л. В. 2005. Монеты Тиры середины I в. н. э. В: Молчанов А. А. (отв. ред.). *XIII Всероссийская нумизматическая конференция 11—15 апреля*. Москва: Альфа-Принт, 31—32.

Орешников А. В. 1887. *Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова*. Москва: Типография и словолития О. Гербека.

Сон Н. А. 1993. *Тира римского времени*. Киев: Наукова думка.

Туровский Е. Я., Демьянчук С. Г. 1998. К вопросу о хронологии серебряных и медных монет Тиры автономного периода. В: *Древнее Причерноморье*. Одесса: Каламо, 144—149.

Фролова Н. А. 1986. К вопросу об интерпретации некоторых изображений на позднебоспорских монетах. В: Кошеленко Г. А. (отв. ред.). *Проблемы античной культуры*. Москва: Наука, 209—214.

Фролова Н. А. 2006. *Каталог монет античной Тиры*. Москва: Российская политическая энциклопедия.

Цветаева Г. А. 1979. Боспор и Рим. Москва: Наука.

Giel Chr. 1886. *Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Sudrusslands*. M.: Buchüdruckerei und Schriftgiesserei O. Herbeck.

Pick B. 1898. *Die antiken Münzen Nord-Griechenlands*. Bd. I. T. I. Berlin: Hlbbd.

Статья поступила в номер 10 января 2010 г.

Vladimir Alexeev (Odessa, Ukraine). Candidate of Arts Studies. The Odessa State A. V. Nezhdanova Musical Academy.

Vladimir Alexeev (Odesa, Ucraina). Candidat în studiul artelor. Academia de Muzică de Stat din Odesa „A. V. Nezhdanova".

Алексеев Владимир Петрович (Одесса, Украина). Кандидат искусствоведения. Одесская Государственная Музыкальная Академия им. А. В. Неждановой.

E-mail: omn@te.net.ua

Petr Loboda (Odessa, Ukraine). Odessa Numizmatics Museum.

Petr Loboda (Odesa, Ucraina). Muzeul de numismatică din Odesa.

Лобода Петр Григорьевич (Одесса, Украина). Одесский музей нумизматики.

E-mail: loboda@te.net.ua

А. В. Гаврилов

Нумизматический материал селища Куру Баш (лагерь) и некоторые вопросы истории Феодосии конца II—I вв. до н. э.

A. V. Gavrilov.

Numismatic Findings on Kuru Bash Settlement (Camp) and Some Issues of History of Theodosia (late 2nd —1st cc. BC)

The author publishes numismatic findings from Kuru Bash settlement (camp) situated at the chora of Theodosia. They allow a detailed analysis of certain aspects of life in a polis during Mitridates' time — late 2nd — 1st c. BC.

A. V. Gavrilov.

Materiale numismatice din siliştea Curu Baş (tabără) şi unele aspecte istorice ale Feodosiei de la sfârşitul sec. II—I î.Hr.

În articolul sunt publicate materiale numismatice din siliştea Curu Baş (tabăra), situată pe vatra Feodosia. Acest material oferă o privire detaliată asupra unor aspecte din viaţa polisurilor din epoca lui Mitridate — sfârşitul sec. II—I î.Hr.

А. В. Гаврилов.

Нумизматический материал селища Куру Баш (лагерь) и некоторые вопросы истории Феодосии конца II—I в. до н. э.

В статье публикуются нумизматические материалы селища Куру Баш (лагерь), которое находится на хоре Феодосии. Данный материал позволяет детально рассмотреть некоторые аспекты жизни полиса в митридатовскую эпоху — конец II—I в. до н. э.

Keywords: Theodosia in late 2nd — 1st c. BC, coins of Panticapaeum, Spartokidai, fortified asylums of Crimea, the Kingdom of Pontus, Bosporus, the coins of Pontus

Cuvinte cheie: Teodosia la sf. sec. II — sec. I î.e.n., monedele din Panticapeum, Spartokidai, aziluri fortificate din Crimea, Pontus, Bospor, monedele oraşelor pontice .

Ключевые слова: Феодосия конца II—I вв. до н. э., монеты Пантикапея, Спартокиды, убежища-укрепления Крыма, Понтийское царство, Боспор, монеты Понта.

В 2003 году жители села Насыпное Феодосийской административной зоны обнаружили поселение, на котором нашли античные монеты (см. каталог). Аналогичные монеты (см. каталог) были найдены здесь феодосийскими, старокрымскими и другими искателями древностей. С большим трудом были собраны все доступные сведения об этих монетах, сделаны слепки и фотографии части из них (Гаврилов 2004: рис. 104, 105). Было обследовано само селище и его окрестности, определены его границы, собран подъемный материал. Памятнику было присвоено условное название «Куру Баш (лагерь)», и далее он будет упоминаться под этим названием. В этой работе приводится вся собранная на сегодняшний день информация о нумизматическом материале этого памятника. Он содержит новые данные, важные для изучения истории Боспора и Феодосии конца II — первой половины I в. до н. э.[1]

[1] Информация о находках монет на селище Куру Баш (лагерь) была опубликована (Гаврилов, Шонов 2005; Alexander, Gavrilov 2008; 2009).

© А. В. Гаврилов, 2010.

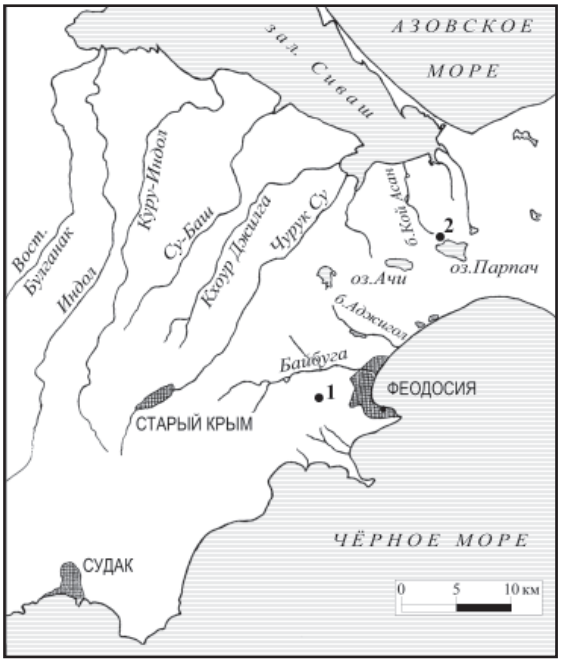

Рис. 1. Карта-схема Юго-Восточного Крыма:
1 — селище Куру Баш (лагерь); 2 — могильник Фронтовое II.

Поселение находится в 0,3 км от северо-восточной околицы села Виноградное Феодосийской административной зоны (рис. 1; 2), или в 0,7 км восточнее укрепления Куру Баш (Гаврилов 2004: 175). Оно располагается на отроге хребта Тете Оба, на холме (высота 197,5) и у его юго-западного — северо-западного подножия (рис. 2). Территория поселения частично задернована (в основном это территория холма), частично занята виноградником, примыкающим к холму с юго-востока — запада и, соответственно, распахивается. На холме не отмечено каких-либо внешних признаков, свидетельствующих о капитальных постройках, хотя вполне возможно, что они были разобраны в древности. С холма хорошо обозреваются предгорья, степь вплоть до Акмонайского перешейка и побережье Феодосийского залива. Пункт имеет зрительную связь с городищем Сары Кая, укреплением Береговое 1 и самой Феодосией. Античный город находится в прямой видимости, в 6 км к юго-востоку от поселения. Поблизости от поселения, вдоль северного подножья хребта Тете Оба в античную эпоху проходили дороги, связывающие Феодосию с западными районами полуострова. Они и сейчас пролегают по тем же местам, что и ранее, как наиболее удобным для этих целей.

Такие холмы зачастую использовались как сторожевые посты, обязательным элементом которых были сигнальные башни (Буйских 1991: 88; Масленников 1998: 111). Судя по топографии памятника и концентрации подъемного материала, на холме могла находиться деревянная сторожевая башня и сопутствующие ей постройки. На это указывает большое количество найденных бронзовых гвоздей, которыми, очевидно, скреплялись деревянные детали построек (рис. 3). У юго-западного — западного подножия холма на территории, занятой виноградниками, располагалось селище. Подъемный материал здесь попадается на довольно большой территории, около 200×200 м. Он представлен фрагментами амфор, лагиносов с витыми ручками, синопской черепицы, зернотерок из карадагского трасса, бронзовыми гвоздями и фибулами, свинцовыми биконическими снарядами для метания из пращи весом 58—60 грамм (рис. 8), отдельные экземпляры имели вес 96 грамм (Гаврилов 2004: рис. 75: 16—28).

На пологом северном склоне отрога между укреплением Куру Баш (высота 194,1) и селищем Куру Баш (лагерь, высота 197,5) выявлены остатки межевых кладок между наделами (Гаврилов 1998: 111; Гаврилов 2004: 29, 175). Относительно хорошо они сохранились на небольшом участке, и представляют собой полосы из развалов бутовых известняковых камней средних размеров, шириной до 2,5 м. Их высота составляет 0,3—0,4 м. Межи имеют направление с юга на север и с востока на запад, образуя квадратные участки. В настоящее время черноземный слой на участках незначителен и почти смыт. Однако в древности он, возможно, специально завозился на участки. Наделы, очевидно, использовались для выращивания винограда, поскольку склоны отрога и каменистые почвы способствуют возделыванию именно этой культуры. Кстати, в XIX—XX вв., как и в настоящее время, окружающие земли используются под виноградники. Выявленные наделы, скорее всего, принадлежали жителям вышеуказанных античных пунктов и, возможно, относятся к II — началу I в. до н. э. В целом, археологические материалы свидетельствуют, что это был неординарный пункт на северо-западных подступах к Феодосии, и наиболее информативны в этом плане найденные здесь монеты. Большинство их было найдено у подножия холма на винограднике, т. е. на территории бывшего селища. Со слов находчиков, особой системности в распределении нумизматического материала на территории селища ими отмечено не было, за исключением оболов типа «Дионис — горит».

Нумизматический материал представлен серебряными и медными монетами чеканки Пантикапея времени последних Спартокидов:

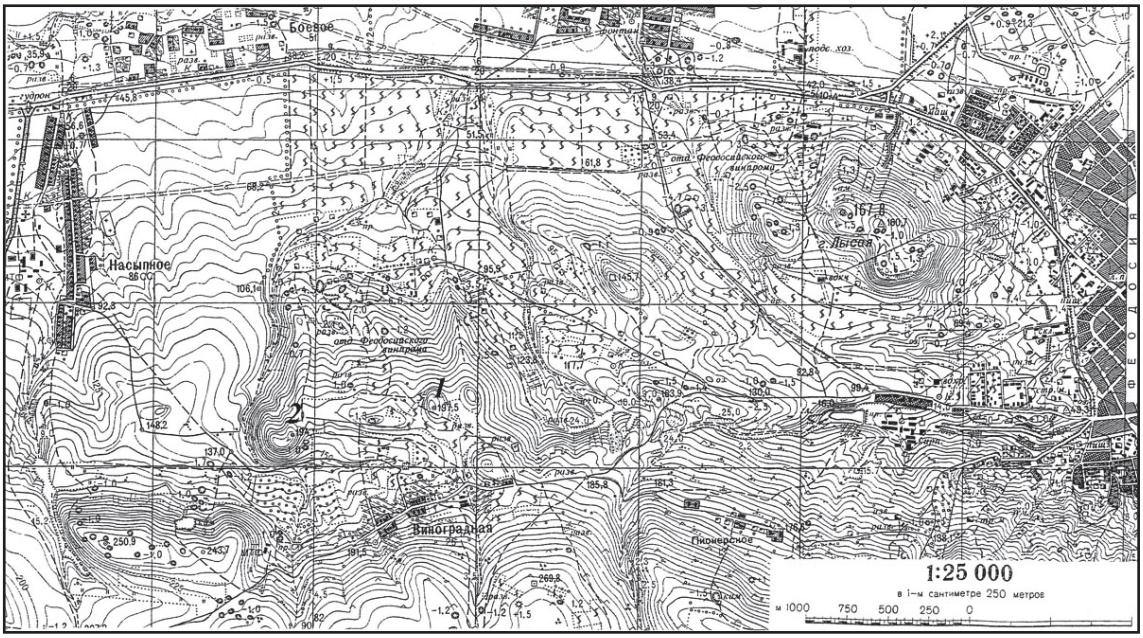

Рис. 2. Топографическая карта северо-западной окраины Феодосии и прилегающих окрестностей: 1 — селище Куру Баш (лагерь); 2 — укрепление Куру Баш. М. 1: 250 м.

Перисада IV и V; республиканского Рима этого же времени; монетами периода правления Митридата VI Евпатора, а также медью и серебром чеканки Синопы, Амиса, Амастрии, Фарнакии, Газиуры, Команы, Фанагории и Каппадокии второй половины II — первой половины I вв. до н. э. Самые ранние монеты из данного пункта относятся к чеканке Пантикапея и свидетельствуют, что возник он во второй половине II в. до н. э. В частности, это тетробол типа «голова Аполлона — протома коня» (рис. 4: 1), оболы типа «голова Аполлона — горит» (рис. 4: 2—3), тетрахалки типа «голова Аполлона — лук, стрела» (рис. 4: 4—5) и дихалк типа «голова сатира — шапки Диоскуров» (рис. 4: 6), которые относят ко времени царствования Перисада IV (ок. 155—125 г. до н. э.). Кроме этого, здесь также был найдены диобол типа «Аполлон — кифара» (ср. Анохин 1999: 96, рис. 25: 5) и пентобол типа «Аполлон — треножник» (ср. Анохин 1986: 143, табл. 5: 172а) (рис. 6: 84, 86). К этому же времени относится римский денарий (рис. 4: 7), который, впрочем, мог попасть сюда несколько позже. История их появления здесь, по всей видимости, такова.

Несмотря на произошедшие во второй четверти III в. до н. э. в Северном Причерноморье потрясения, Феодосия и её сократившаяся хора продолжали входить в состав Боспора. Теперь полис, как никогда ранее, соответствовал статусу пограничного города, поскольку со стороны степи всегда можно было ожидать нападения кочевников-савроматов и сарматов, а близкие горы Юго-Восточного Крыма были населены не всегда дружелюбными племенами тавро-скифов. Поэтому защита полисных владений и города была первоочередной задачей граждан и боспорских властей. Следствием создавшейся обстановки стало укрепление некоторых существующих поселений и строительство крепостей по периметру владений города. Как правило, это были пункты, занимавшие выгодное стратегическое положение на местности и контролировавшие дороги, ведущие в город. Строительством укреплений, по-видимому, занималась боспорская администрация в лице наместника, а сами крепости, очевидно, находились на царской земле, и Куру Баш (лагерь), похоже, не был исключением. Царские земли, по-видимому, располагались по периметру городской хоры полиса.

После прекращения существования селищ в степной зоне региона хора Феодосии ограничилась территорией хребта Тете Оба и землями в прибрежной полосе Феодосийского залива. На это указывают укрепленные памятники (Биюк Янышар, Куру Баш, Береговое 1), расположенные по периметру вышеуказанных территорий, прилегающих к Феодосии (Гаврилов 2004: 29—33). Археологические материалы свидетельствуют, что Береговое 1 и Куру Баш возникли еще в IV в. до н. э., по-видимому, как селища открытого типа, но во второй половине III в. до н. э. их уже укрепили. Так, в крепости Биюк Янышар жили, по всей видимости, наемники, которые на условиях несения военной службы получали от боспорских царей плату и наделялись участками на прише-

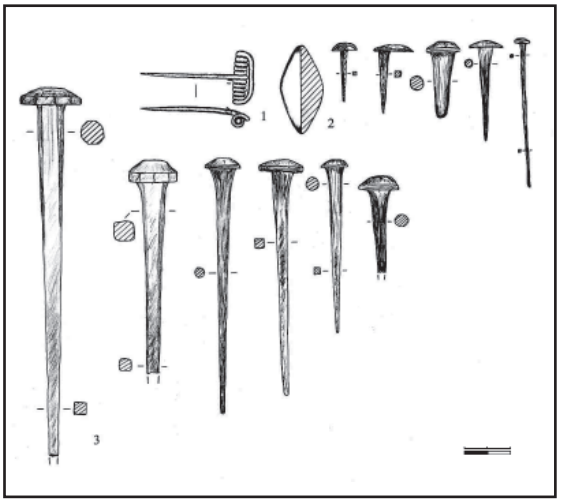

Рис. 3. Подъемный материал с селища Куру Баш (лагерь): 1 — фибула; 2 — свинцовый снаряд для метания из пращи; 3 — бронзовые гвозди.

гающих землях (Катюшин 1999: 41; Гаврилов 2004: 99). Сложившаяся в это время оборонительная система на подступах к Феодосии и, соответственно, на западных границах Боспора существовала с перерывами и не теряла своего значения до середины III в. н. э. Находки монет времени последних Спартокидов на селище Куру Баш (лагерь) наряду с другими археологическими материалами подтверждают, что накануне включения Боспора в состав Понта феодосийский оборонительный рубеж был под контролем боспорской царской администрации. Так, по-моему, можно объяснить наличие на селище Куру Баш (лагерь) боспорских монет второй половины II в. до н. э.

Вполне очевидно, что укрепление Куру Баш и селище Куру Баш (лагерь), расположенные почти в одном месте, составляли единый комплекс (рис. 2). Тем более, что на укреплении Куру Баш многочисленны материалы второй половины III—I вв. до н. э. и найден почти такой же состав монет второй половины II—I вв. до н. э. (Гаврилов 2004: 32, 198, 199). Это свидетельствует, что во второй половине II—I вв. до н. э они сосуществовали как единый, взаимосвязанный комплекс. Хорошо защищенный природными препятствиями холм Куру Баш как нельзя лучше подходил для создания на нем убежища-укрепления, а находящееся поблизости селище Куру Баш (лагерь) во II в. до н. э. носило хозяйственно-бытовой характер. По-видимому, увеличившиеся вспомогательные и хозяйственные службы, их персонал не помещались на территории укрепления и были вынуждены располагаться за его пределами. Это, очевидно, и обусловило сосуществование на определенном промежутке времени этих двух памятников.

В это же время аналогичные укрепления и усадьбы возникли в предгорьях и горах Юго-Восточного Крыма на территории, населенной таврами (Биюк Яньшар, Сары Кая, Карасан Оба, Яман Таш, Агармыш, Мачук и др.). Часть из них состояла из цитаделей-убежищ, располагавшихся на труднодоступных возвышенностях, и находящегося рядом селища (Гаврилов 2004: 27—29, 177). В них проживало местное преимущественно варварское (тавро-скифское) население, которое объединялось в сельские общины. Они контролировали и обрабатывали прилегающие земли. Обитатели этих укреплений, очевидно, возглавлялись этнархами, а сами пункты являлись их резиденцией и местом хранения продовольственных припасов, имели самостоятельное оборонное значение.

Следующей большой группой нумизматических находок, найденных на селище, являются монеты Понта. Их появление здесь, по-видимому, было связано со следующими событиями. Тетрахалки Амиса, Синопы, Газиуры типа «Арес — меч» (рис. 4: 8—24), относимые к 111—105 гг. до н. э.; оболы Амиса типа «Афина — Персей» (рис. 4: 31) и тетрахалки Синопы и Амиса типа «Эгида с головой медузы Горгоны — Ника с пальмовой ветвью» (рис. 4: 26—31), относимые к 105—90 гг. до н. э., могли попасть на селище Куру Баш (лагерь) после похода Диофанта на Боспор в начале весны 108/7 г. до н. э. (IPE, I, № 352). Во время похода Диофанту, по-видимому, пришлось силой взять Феодосию и некоторые укрепления на границах её хоры (Зеест 1953: 147; Катюшин 1998: 40). Вполне возможно, что на селище Куру Баш (лагерь) во время этих событий располагался лагерь понтийских войск, что и обусловило появление здесь вышеуказанных монет. При этом нужно отметить, что тетрахалки Амиса типа «Арес — меч» чеканились на протяжении довольно длительного периода (111—90 гг. до н. э.) и, соответственно, делятся на раннюю и позднюю группы. К этому времени также относится и найденная на селище проволочная фибула с широкой 11-витковой пружиной (рис. 3: 1). Аналогичные фибулы исследователи относят к последней четверти II в. до н. э. (Зайцев, Мордвинцева 2003: 152).

По-видимому, полис, управлявшийся одним из членов царствующего дома Спартокидов, не признал новой власти, поддержал Савмака в борьбе за боспорский престол и выступил на его стороне, что привело к противостоянию понтийского экспедиционного войска и граждан Феодосии. Но и после покорения полиса оппозиция власти Митридата VI Евпатора в Феодосии была довольно сильной

Рис. 4. Монеты, найденные на селище Куру Баш (лагерь). Центры чеканки: 1—6 — Пантикапей; 7 — Рим; 8—20 — Амис; 21—23 — Синопа; 24 — Газиура; 25 — Пантикапей; 26—29 — Амис; 30 — Синопа; 31 — Амис; 32—35 — Каппадокия. Размеры монет изменены.

и устойчивой, и сохранялась на протяжении всего периода его правления, что отразила письменная традиция (App., Mithr., 107—111). Кроме этого, близкое варварское окружение и пограничный статус полиса вынуждали царя содержать в регионе какое-то военное формирование. В самом городе в силу вышеуказанных обстоятельств всем подразделениям находиться было опасно, поэтому для их дислокации были выбраны пункты в его ближней округе. Практика дислокации войск за пределами непокорных городов не была редкостью. Например, Митридат VI после поражения у Тенедоса и Неи расположил свое войско на зимовку не в самой Гераклее, а в устье реки Гиппий, что было обусловлено наличием в городе сил, недовольных политикой царя (Сапрыкин 1986: 233).

В самой Феодосии, возможно, находился военный наместник округа (стратег) и часть гарнизона, что было связано с включением этой области Боспора в военно-административную систему управления Понтийского царства (ср. Сапрыкин 1996: 220, 221). Например, так было в Ольвии, где царский наместник являлся одновременно стратегом и градоначальником (Крапивина, Диатроптов 2005: 69). Укрепление Куру Баш и селище Куру Баш (лагерь) являлись опорой власти царя в противовес городской общине Феодосии. Их основным предназначением было, в первую очередь, противостоять стремлению феодосийцев к автономии и самоуправлению, которые, по-видимому, не прекращали попыток к освобождению, а также выполнять охранные функции по отношению к хоре полиса. При этом Феодосия, как ненадежный по отношению к новой власти полис, была постоянно под военным контролем, а её хора и царские земли были защищены от вторжений кочевников и тавро-скифов.

Нужно отметить, что и в Понте подобные укрепления, как правило, располагались на царской земле поблизости от города, как было, например, в Амасии и Амисе. Там полисные земли со всех сторон были окружены царскими крепостями, что ограничивало рост полисных владений. С помощью командиров гарнизонов (фрурархов) и особых чиновников (эпистатов или эпископов), контролировавших выполнение царских указов, законов, уплату налогов, власть осуществляла надзор за полисами. Укрепления создавались по этническому или племенному принципу и притягивали к себе в военно-экономическом отношении местное население.

Жители части таких укреплений были организованы на военно-хозяйственный лад еще до прихода к власти Митридата VI. Возможно, они были независимы в плане организации и управления, выступали в качестве самостоятельных податных единиц. Позже обитатели укреплений были вовлечены в централизованную административно-территориальную структуру Понтийского царства в качестве военных поселенцев. Они владели земельными участками, с которых взимались налоги в царскую казну. Митридатиды сделали их своей опорой в борьбе против других племен и превратили в военно-административные центры. Такая централизованная, полувоенная система организации земель была закреплена Митридатом VI, использовалась им в других регионах государства и продолжалась при его преемниках, получив название стратегий, эпархий или диойкесий (Сапрыкин 1996: 226, 241, 285). Она была отличительной чертой Понта и применялась во многих других местностях царства (Сапрыкин 1996: 217—220, 228). Феодосия, как пограничная область Боспора со сложившейся системой организации и управления, вполне могла войти в административно-территориальную структуру Понта в качестве отдельной стратегии.

Известно, что граждане греческих полисов, входивших в состав Понтийского царства, могли владеть собственной землей, но это право зависело от царя как верховного собственника земли в государстве. Если монарх имел основание, то мог отобрать у граждан часть земли или, наоборот, приписать её им. Так было, например, в Синопе, где Фарнак I ограничил подвластную полису область небольшой полоской земли, прилегающей к стенам города, а также в Кабире, Зеле, Комане Понтийской (Сапрыкин 1996: 218, 219). Поскольку часть земель Феодосии еще до правления Митридата принадлежала царскому дому Спартокидов (γη βασιλικη), то и после присоединения Боспора к Понту она продолжала оставаться в этом же статусе, вошла в общий земельный фонд царства и контролировалась царской администрацией. Основание на царской земле поселения понтийских солдат и укрепления было вполне естественным. Одними из таких пунктов в ближней округе Феодосии, где расположились какие-то понтийские подразделения, очевидно, стали уже существующие укрепление Куру Баш и селище Куру Баш (лагерь).

Это косвенно указывает на то, что полисная хора Феодосии (γη πολιτικη), включавшая личные наделы граждан (τα κτηματα) и неразделенный земельный фонд, занимала территорию, непосредственно прилегающую к античному городу, которая в настоящее время находится под современной застройкой (Гаврилов 2004: 20). Феодосийцам, по-видимому, были оставлены в основном их личные наделы, которые находились сразу же за стенами города (ср. Сапрыкин 1996: 243, 280). Нужно отметить, что остатки каких-то еле заметных межевых полос в виде слабовыраженных земляных валиков и террас прослеживаются в непосредственной близости от Карантинной горки (месторасположение древней Феодосии) недалеко от мыса Ильи (на участке между очистными сооружениями и маяком). Возможно, это остатки античного земельного кадастра, принадлежавшего гражданам Феодосии.

Судя по тому, что Гераклея в 72—70 гг. до н. э., во время осады римлянами, направляла в Феодосию и Херсонес посольство с просьбой о поставках продовольствия (Memn. XLXII; XLIX), можно утверждать, что Митридат VI Евпатор оставил гражданской общине полиса некоторые права самоуправления и городскую хору (ср. Виноградов 1991: 26). Однако, даже эти небольшие права контролировались посредством понтийского гарнизона, части которого дислоцировались в пунктах Куру Баш и Куру Баш (лагерь). Поскольку полис не был полностью лояльным по отношению к царю, то не получил некоторых политических привилегий, в частности, не имел права чеканить собственную монету.

Также археологические материалы дают возможность предположить, что какие-то подразделения понтийских войск располагались и в находящемся на Акмонайском перешейке укреплении Фронтовое 2 (Корпусова 1980: 142); укреплении Береговое 1 на побережье Феодосийского залива; городище Сары Кая (Колтухов 1999: 23; Гаврилов 2004: 37). В частности, к II—I вв. до н. э. относятся материалы (фрагменты колхидских амфор, лагинос и др.) с поселения Береговое 1 (Гаврилов 2004: 34, рис. 79: 1—8; ср.: Цецхладзе 1992: 103, рис. 7: 1—5). Совершенно интересной является и происходящая с этого памятника находка фрагмента серолощеного сосуда с налепными волютами и стилизованными человеческими лицами. Такая керамика характерна для культур фрако-фригийского круга, что, по-моему, косвенно указывает на присутствие здесь выходцев из определенных областей Понта. Размещение понтийских гарнизонов сопровождалось организацией святилищ, которые несколько отличались от культовых объектов местного населения, что отражает археологический материал и, в частности, вышеотмеченная лепная керамика (Уженцев 2006: 127; Ланцов 2001: 66; Кошеленко, Масленников 2003: 184). Нужно также отметить, что в конце II — начале I вв. до н. э. увеличивается количество колхидской амфорной тары, монет и на других памятниках Северного Причерноморья (Цецхладзе 1991: 175). Это свидетельствует о возросшем торговом обмене этих регионов Причерноморья и возможном перемещении военных формирований внутри державы Митридата.

На укреплении Фронтовое 2 (рис. 1, 2) в материалах некрополя II—III вв. н. э. были найдены, вторично использованные, надгробные стелы из более раннего некрополя, принадлежащие малоазийским грекам, возможно, из понтийского гарнизона (Корпусова 1972: 48; 1980: 148). Понтийские гарнизоны были размещены и в других, стратегически важных, пунктах крымского побережья и внутренних районах полуострова (Ланцов 2003: 47; Уженцев 2006: 127). Данные памятники вполне подходят под определение το φρουριον — «крепость с гарнизоном или стражей» во главе с фрурархом, которому подчинялась и прилегающая территория (Масленников 1998: 180).

К первым пантикапейским выпускам Митридата VI, найденным на селище, относятся драхмы типа «голова Аполлона — горит» с монограммой П (ок. 107—100 гг. до н. э.) (рис. 4: 25; рис. 6: 85). Это новые, ранее неизвестные штемпели данного типа драхмы, поскольку на одной монете рядом с горитом изображен наконечник копья, а на другой — палица (ср. Анохин 1999: 108). По-видимому, эти драхмы попали сюда в конце II — начале I вв. до н. э., когда данный пункт уже несколько лет использовался понтийским гарнизоном в качестве поселения и базы в феодосийском регионе.

Драхма Ариарата VII Филометора (племянник Митридата VI, сын Ариарата VI и Лаодики, сестры Митридата VI) (рис. 4: 32) была отчеканена, по-видимому, в последнее десятилетие II в. до н. э. Драхмы каппадокийских правителей Ариарата IX Евсевия (сын Митридата VI) (рис. 4: 33—34; рис. 6: 86) и Ариобарзана I Филоромея (рис. 4: 35; рис. 5: 36) были выпущены, очевидно, в начале I в. до н. э., еще до начала Первой войны Митридата VI с Римом (89—85 гг. до н. э.), когда Каппадокия полностью оказалась во власти Понта (Сапрыкин 1996: 191). Во время этой войны, очевидно, была захвачена и государственная казна Каппадокии, которую Митридат VI использовал для содержания войск и выплат наемникам. На селище Куру Баш (лагерь) эти монеты оказались несколько позже, по-видимому, во второй половине 80-х или начале 70-х гг. до н. э. в качестве платы, находившимся здесь военнослужащим или же были привезены ими. С одной стороны, они могут свидетельствовать, что в то время среди обитателей Куру Баш (лагеря) были солдаты из подразделений, участвовавших в Первой войне с Римом и позже передислоцированные под Феодосию. Свинцовые литые биконические снаряды для метания из пращи (рис. 3: 2, 8) также указывают на присутствие здесь воинского подразделения, имевшего такое вооружение (ср. Hellmann 1982: 82, 87; Anochin, Rolle 1998: 837).

Ариарат VII правил с 116/115 по 101/100 гг. до н. э. (при регентше-матери), когда и был убит Митридатом VI во время переговоров за несогласие принять Гордия (аристократ,

возглавлявший пропонтийскую группировку в Каппадокии). Воцарение Ариарата IX в Каппадокии произошло в 101/100 г. до н. э. (при регенте Гордии), а отзыв — в 97/96 г. до н. э. Очевидно, в этот промежуток были выпущены драхмы, найденные на селище Куру Баш (лагерь). В 97/96 г. до н. э. на царство был призван Ариарат VIII (брат Ариарата VII), воспитывавшийся в римской провинции Азия. И в этом же году Митридат VI вторгся в страну, изгнал Ариарата VIII, который вскоре умер. С 96/95 по 94/93 гг. до н. э. правил Ариобарзан I Филоромей — представитель проримской партии, выбранный в Каппадокии голосованием. Это привело к усилению римского влияния в Каппадокии. В 94/93 г. до н. э., когда армянские и понтийские войска вторглись в страну, Ариобарзан I бежал в Рим. На престол в Каппадокии снова взошел Ариарат IX и его опекун Гордий. Правил он недолго — до 93/92 г. до н. э., потому что Л. Корнелий Сулла разбил армяно-понтийские войска и восстановил на царстве Ариобарзана I (Сапрыкин 1996: 195). В 91/90 г. до н. э. Митридат VI в союзе с Тиграном опять вторгся в страну и выгнал Ариобарзана I. В 89 г. до н. э. Митридат VI под давлением римлян убивает Сократа Хреста (младший сын царя Вифинии — Никомеда III) и восстанавливает Ариобарзана I на престоле. В этом же году, увидев, что уступками войны с Римом не избежать, он в очередной раз изгнал Ариобарзана I и посадил на трон Ариарата IX. Это послужило поводом к Первой войне Понта с Римом (89—85 гг. до н. э.). После Второй войны с Римом (83—81 г. до н. э.) Митридат VI примирился с Ариобарзаном I. Эти перипетии межгосударственных отношений того времени несколько осложняют датировку найденных на Куру Баше (лагере) каппадокийских монет и, соответственно, время их появления на памятнике. Поэтому приведенные нами выше время и причины появления монет этих правителей на селище можно считать приемлемыми.

В 80—70 гг. до н. э. на Боспоре все больше появляется монет Амастрии и Фарнакии, но в обращении находились преимущественно синопские тетрахалки типа «Зевс — орел на молнии» (Сапрыкин 1996: 171, 180, 181). Относительно много их найдено и на селище Куру Баш (лагерь) (рис. 5: 66—69; рис. 6: 70—77). Возможно, это было связано с увеличившимися поставками продовольствия и материалов в Синопу для войск Митридата, в том числе из Феодосии.

Тетрахалк типа «Дионис — треножник с тирсом» (рис. 5: 37) и обол типа «Мэн — стоящий Дионис» чеканки Пантикапея (рис. 5: 39); тетрахалк Горгиппии типа «Дионис — треножник с тирсом» (рис. 5: 38); оболы Амиса типа «Персей в шлеме — пьющий пегас» (рис. 5: 40—41), а также тетрахалки Амиса (рис. 5: 63—65), Синопы (рис. 5: 66—69; рис. 6, 70—77), Амастрии (рис. 6: 78) и Фарнакии (рис. 6: 79) — типа «Зевс-Аполлон — орел на молниях», ходившие в 80—70 гг. до н. э., показывают, что селище выполняло те же функции, что и прежде.

В 80—70 гг. до н. э. на боспорских монетах встречается ряд монограмм, близких монограммам на монетах Амиса и Синопы (рис. 7). Особенно разнообразны они на оболах типа «голова Диониса — горит» (рис. 5: 41—61; см. таблицы). В этих монограммах предполагают имя царских монетных чиновников, отвечавших за выпуск монеты на Боспоре. Соответственно, вся чеканка анонимных оболов типа «голова Диониса — горит» являлась царской (Фролова 1998: 55). На Боспоре выпуск этих оболов был массовым, поэтому потребность денежного рынка в самом крупном номинале меди была удовлетворена. Боспор не испытывал большой потребности в привозных амисских оболах типа «Персей — Пегас» (Голенко 1964: 61).

В последние годы правления Митридата и начале правления Фарнака (первая половина — середина 60-х гг. I в. до н. э.) на Боспоре идет массовая перечеканка тетрахалков Синопы типа «Зевс — орел на молнии» на пантикапейские тетрахалки типа «Аполлон — треножник» и анонимных оболов «Дионис — горит» на оболы типа «Аполлон — орел на молнии, звезда» (рис. 6: 80) (Сапрыкин 1996: 182). Перечеканки, по-видимому, были связаны с тем, что эти монеты теперь предназначались для обращения только на рынке Боспора. Южнопонтийские полисы: Гераклея, Синопа и Амис к 70 г. до н. э. перешли к римлянам и прекратили посреднические торгово-экономические функции в регионе. Это нарушило сложившиеся экономические связи, вызвав недовольство населения Боспора и стремление отложиться от Митридата. В целом же Феодосия находилась под его властью до 63 г. до н. э. и позже, во время правления Фарнака II, — продолжала оставаться в составе Боспора.

В 85—83 или в 83—81 гг. до н. э. на Боспоре наместником был Митридат Младший, которого позже отец казнил (Сапрыкин 1996: 177). В 81/80 г. до н. э. после

окончания Второй войны с Римом на Боспор и в Колхиду наместником был послан другой сын Митридата VI — Махар. Во время его наместничества прекратилась автономная чеканка в городах Северного Причерноморья, что было следствием ограничения полисных свобод и усиления царской власти (Сапрыкин 1996: 179). В это время на Куру Баше (лагере) продолжали жить военные поселенцы, получавшие плату за службу. Поэтому обнаружение на селище такого количества так называемых анонимных оболов типа «голова Диониса — горит» (со слов находчиков, около 300 экземпляров; рис. 5: 42—62) показывает, что здесь находилась казна гарнизона (Анохин 1986: № 212; ср. Сапрыкин 1996: 217, 227). Их

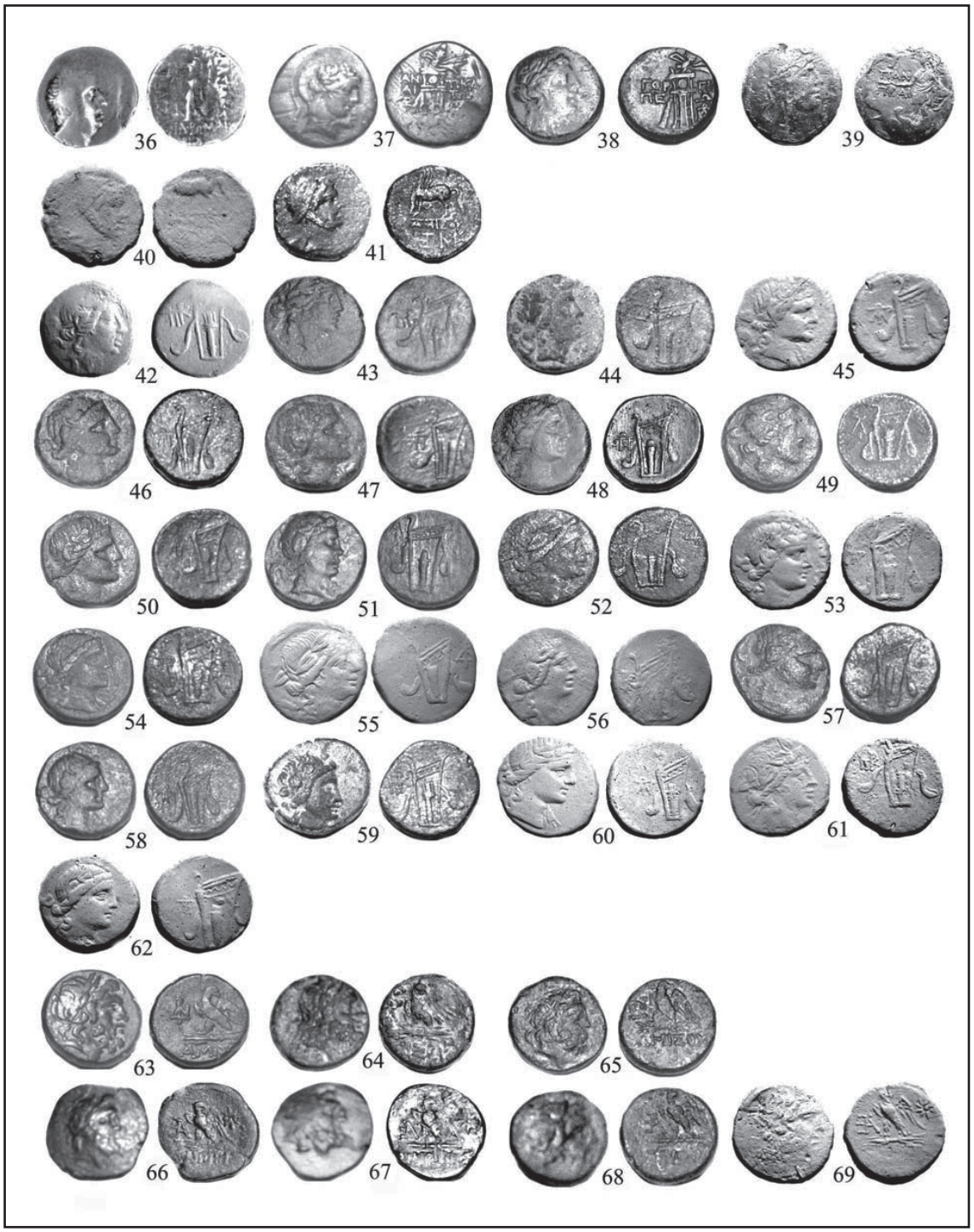

Рис. 5. Монеты, найденные на селище Куру Баш (лагерь). Центры чеканки: 36 — Каппадокия; 37, 39 — Пантикапей; 38 — Горгиппия; 40—41 — Амис; 42—62 — Пантикапей; 63—65 — Амис; 66—69 — Синопа. Размеры монет изменены.

большая часть была сконцентрирована в двух местах: на вершине и западном склоне холма (рис. 2, высота 197,5).

Выпуск этих оболов датируется в довольно широких рамках: 100—75 гг. до н. э. (Фролова, Масленников 1994: 186; Сапрыкин 1996: 179). В. А. Анохин относит их чеканку к 80—65 гг. до н. э. — времени правления на Боспоре сына Митридата VI — Махара (Анохин 199: 109). Если судить по неиспользованному количеству оболов, то селище могло прекратить существование во второй половине 60-х г. до н. э. Это могло произойти после измены и бегства Махара с азиатской стороны Боспора на европейскую (Керченский полуостров) в 65 г. до н. э., когда Митридат VI уничтожил поддерживавшие его гарнизоны. Очевидно, гарнизон Куру Баша (лагеря) был предан Махару, а Феодосия — отдаленная область царства, способствовала созданию здесь базы оппозиционных сил. Во время измены Махара наряду с другими городами царства отпала и Феодосия. В 65 г. до н. э. стратегам царя пришлось брать её заново с помощью военной силы (App., Mithr., 107—108; Сапрыкин 1996: 182, 244). Это и предопределило судьбу укрепления Куру Баш и селища Куру Баш (лагерь) после перемещения Митридата VI из Понта на Боспор. Они были разгромлены, гарнизонная касса осталась неиспользованной. По-моему, так можно объяснить факт обнаружения большого количества анонимных оболов типа «голова Диониса — горит» на территории памятника. Однако, жизнь на селище не прекратилась совсем. Куру Баш (лагерь) продолжал существовать, но уже, по-видимому, как незначительный пункт.

В течение двадцати с лишним лет правления Асандра (46/45—17/16 гг. до н. э.) Боспор восстановил свое могущество. О быстром экономическом росте свидетельствует золотая чеканка, воссоздание военно-административного управления в виде округов и, соответственно, укреплений на царских землях. Находки на селище Куру Баш (лагерь) тетрахалков пантикапейской чеканки типа «Аполлон — пьющий пегас» (рис. 6: 81—82) конца его правления свидетельствуют, что какие-то обитатели здесь были, и данный пункт еще существовал.

Хотя, возможен и другой вариант развития событий. В 48 г. до н. э. Фарнак II, отправляясь в поход на римлян в Малую Азию, оставил наместником на Боспоре своего доверенного этнарха Асандра, который позже узурпировал власть. В 47 г. до н. э. Фарнак был разбит Цезарем и вернулся на Боспор с небольшим пешим войском, состоящим из скифов и сар-

Рис. 6. Монеты, найденные на селище Куру Баш (лагерь). Центры чеканки: 70—77 — Синопа; 78 — Амастрия; 79 — Фарнакия; 80—85 — Пантикапей; 86 — Каппадокия. Размеры монет изменены.

матов. Восстановив свою власть на территории европейского Боспора, в самом конце 47 — начале 46 гг. до н. э. он погиб в сражении с войсками Асандра. Если исходить из того, что на селище найден только один обол типа «Мужская голова — нос корабля, трезубец», перечеканенный из обола типа «Аполлон — орел на молнии» времени архонтата Асандра (рис. 6: 81), то дату гибели селища можно отнести и к 47 г. до н. э. Это могло произойти после возвращения Фарнака из Понта после поражения при Зеле, когда ему пришлось силой брать Феодосию и Пантикапей. Тогда и могло быть разгромлено селище Куру Баш (лагерь), где находился верный Асандру гарнизон. Об активных военных событиях того времени свидетельствуют и материалы памятников Крымского Приазовья, где войсками Фарнака были уничтожены опорные пункты Асандра, в которых находились принявшие его сторону наемники (Голенко 2005: 389).

По-видимому, так называемые анонимные оболы типа «голова Диониса — горит» продолжали ходить во время правления Фарнака и в начале правления Асандра, которые по разным причинам не чеканили мелкую разменную монету. Поэтому наличие вышеуказанных оболов на селище в таком количестве может косвенно указывать на его функционирование в том же качестве и после смерти Митридата VI. То, что обол типа «Мужская голова — нос корабля, трезубец» найден в единственном экземпляре, указывает на непродолжительность и небольшой объем этой чеканки. Соответственно, эти монеты и не должны встречаться на памятниках в большом количестве. Таким образом, селище Куру Баш (лагерь) могло продолжать существовать до 47 г. до н. э. Какой из вариантов предпочтительнее, может показать только археологическое изучение памятника.

Нужно отметить, что почти аналогичные по составу клады (66 и 1140 монет) были найдены на поселении военно-хозяйственного типа «Полянка» в Крымском Приазовье. Оно было построено при Митридате VI, а расцвет пришелся на время правления Фарнака II и архонта Асандра. По мнению А. А. Масленникова, найденные клады являлись невыплаченным жалованьем обитавшим здесь военным поселенцам (Масленников 1998: 128).

Таким образом, приведенные материалы свидетельствуют, что Феодосия и её хора продолжали оставаться важной областью Боспора, как во время правления последних Спартокидов, так и при Митридате VI. Во II—I вв. до н. э. территория, контролируемая полисом, была сравнительно небольшой и ограничивалась укреплениями, одним из которых был Куру Баш с находящимся поблизости селищем Куру Баш (лагерь). Феодосийский укрепрайон, по-видимому, продолжал функционировать до конца I в. до н. э., когда был разрушен наряду с некоторыми другими городами Боспора во время правления Полемона I (ср. Сапрыкин 1996: 318;

№	изобр.	№	изобр.	№	изобр.	№	изобр.	№	изобр.
1		11		21		31		41	
2		12		22		32		42	
3		13		23		33		43	
4		14		24		34		44	
5		15		25		35		45	
6		16		26		36		46	
7		17		27		37		47	
8		18		28		38		48	
9		19		29		39		49	
10		20		30		40		50	

Рис. 7. Монограммы на монетах с селища Куру Баш (лагерь). Номера соответствуют указанным в каталоге.

Рис. 8. Подъемный материал с селища Куру Баш (лагерь): свинцовые снаряды для метания из пращи. Фото.

2002: 219). Очевидно, сказались относительная отдаленность и независимость полиса, частое использование его оппозиционными силами на протяжении V—I вв. до н. э., неистребимое стремление граждан к самостоятельности. В первую очередь был уничтожен город, как оплот всех потенциальных сил, выступавших против центральных властей, а затем и укрепления в его округе. Жители также могли быть уничтожены или проданы в рабство. Вот почему уже с I в. н. э. о Феодосии как о полисе ничего неизвестно, а письменные источники II в. н. э. свидетельствуют о нем как о заброшенном городе (Arr., Per., 30). Поскольку Арриан взял сведения о Феодосии из более раннего источника, то это лишь еще раз указывает на возможную дату прекращения существования полиса — конец I в. до н. э. Конечно, какой-то пункт на месте Феодосии (современная Карантинная горка) продолжал существовать, как порт и торжище для местного населения, продолжавшего жить в округе, но полиса в полном значении этого института здесь уже не было.

Округа полиса еще долго продолжала оставаться в составе Боспора в качестве административной области «Феодосии — Кафы», здесь был наместник. Однако, где была его резиденция, как осуществлялось управление областью, каковы были и как изменялись её границы на протяжении первых веков н. э., — на эти вопросы еще предстоит ответить. Вполне очевидно, что эти важные проблемы могут быть решены только после интенсивного археологического изучения ключевых памятников этого времени в Юго-Восточном Крыму.

Таковыми мне представляются некоторые памятники на территории современных Феодосийской и Судакской административных зон. Территория горной части Юго-Восточного Крыма от Феодосии до Судака, где есть такие памятники I—III в. н. э., как Куру Баш, Отлу Кая, Скала, Мокрая Балка, Сары Кая, Карасан Оба, Алан Тепе 1, Яман Таш, вполне подходит под историческую область западного Боспора «Феодосию — Кафу». На это указывают находки на месте современной Судакской крепости, а также комплекс памятников на горе Таракташ у села Дачное. Фрагменты лапидарных надписей и монеты, найденные на территории Судакской крепости, и значительные по объему монетные клады у села Дачное позволяют говорить о неординарности этих памятников и данного региона в целом. Вполне возможно, что именно на территории Крепостной горы, где располагается Судакская крепость, в III — начале IV в. н. э. находился административный центр и резиденция наместников боспорской области «Феодосия», а комплекс памятников на горе Таракташ являлся укреплением и селищем военных поселенцев, охранявших наиболее удобный горный проход и дорогу, связывавшую укрепления северной части региона с приморскими крепостями. Исследование вышеуказанных памятников позволит более аргументированно решать проблему боспорских владений в первые века н. э. в Юго-Восточном Крыму.

Каталог монет, происходящих с античного селища Куру Баш (лагерь)

№	Номинал	Кол-во	Датировка	Описание и аналоги
1	Тетробол. Серебро. (Пантикапей)	1	155—145 гг. до н. э.	Л.С. Голова Аполлона в венке вправо. О.С. ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ. Протома скачущего коня вправо. Вес 2,62 г (Анохин 1999: 96, рис. 25: 4).
2	Пентобол. Серебро. (Пантикапей)	1	140—130 гг. до н. э.	Л.С. Голова Аполлона в венке вправо. О.С. ΠΑΝΤΙΚΑ | ΠΑΙΤΩΝ. Треножник, внизу Е Г. Вес 2,72 г (Анохин 1999: 96, рис. 25: 8).
3	Обол. Медь. (Пантикапей)	2	155—145 гг. до н. э.	Л.С. Голова Аполлона в венке вправо. О.С. ΠΑΝ. Горит. Вес 2,5; 2,82 г (Анохин 1999: 96, рис. 25: 6).
4	Тетрахалк. Медь. (Пантикапей)	2	155—145 гг. до н. э.	Л.С. Голова Аполлона в венке вправо. О.С. ΠΑΝ. Лук, под ним стрела вправо. Вес 1,6; 2,0 г (Анохин 1999: 96, рис. 25: 7).
5	Дихалк. Медь. (Пантикапей)	1	135—125 гг. до н. э.	Л.С. Голова безбородого сатира в венке вправо. О.С. ΠΑΝΤΙ. Шапки Диоскуров, над ними две 8-лучевые звезды. Вес 2,50 г (Анохин 1999: 97, рис. 25: 12).
6	Денарий. Серебро. (Рим)	1	132 г. до н. э.	Л.С. COSO · M · F. (*M. Fabrinius?*). Голова мужчины в крылатом шлеме вправо, по краю монетного поля точечный ободок. О.С. Колесница, запряженная двумя лошадьми вправо. На ней стоит воин с копьем и щитом вправо. Над ними голова дракона и, под чертой CCN · ROM, по краю монетного поля точечный ободок. По гурту нанесена нарезка. Вес 3,82 г.
7	Тетрахалк. Медь. (Амис)	12	111—105 гг. до н. э.	Л.С. Голова молодого Ареса в шлеме с гребнем вправо. О.С. AMI | ΣOY. Легенда располагается по обе стороны меча. Меч с портупеей в ножнах острием вниз. Монограмм нет. Одна из монет перечеканена из какой-то другой. Вес 6,80; 6,95; 6,96; 7,20; 7,45; 7,50; 7,54; 7,68; 7,90; 8,44 г (RG: 54, pl. VII, fig. 20; Imhof-Blumer 1912: 184; Зограф 1951: 237, табл. XVIII: 21; Malloy 1970: fig. 30—31; Голенко 1966: 143).
8	Тетрахалк. Медь. (Синопа)	4	111—105 гг. до н. э.	Л.С. Голова молодого Ареса в шлеме с гребнем вправо. О.С. ΣINΩ | ΠHΣ. Легенда располагается по обе стороны меча. Меч с портупеей в ножнах острием вниз. Вес 6,6; 8,08; 9,45 г (RG: 196, pl. XXVI, fig. 16). На экземпляре с весом 9,45 г, на реверсной стороне справа от меча внизу — веточка-лоза, слева — «un aplustre» (RG: 196, pl. XXVI, fig. 18).
9	Тетрахалк. Медь. (Газиура)	1	111—105 гг. до н. э.	Л.С. Голова молодого Ареса в шлеме с гребнем вправо. О.С. ΓAZI | OYPΩN. Легенда располагается по обе стороны меча. Меч с портупеей в ножнах острием вниз. Вес 6,61 г (RG: 83, pl. XII, fig. 14; ср. Сапрыкин 1996: рис. 2, 2).
10	Драхма. Серебро. (Пантикапей)	1	107—100 гг. до н. э.	Л.С. Голова Аполлона в венке вправо. О.С. ΠΑΝΤΙΚΑ | ΠΑΙΤΩΝ. Легенда расположена в две строки. Горит, слева от него наконечник копья острием вниз, ниже его монограмма № 1. Новый тип. Вес 3,44 г (Анохин 1999: 106, рис. 27: 1).

11	Драхма. Серебро. (Пантикапей)	1	107—100 гг. до н. э.	Л.С. Голова Аполлона в венке вправо. О.С. ΠΑΝΤΙΚΑ | ΠΑΙΤΩΝ. Легенда расположена в две строки. Горит, слева от него палица вершиной вниз, ниже его монограмма, просматривается только буква П. Новый тип. Вес 3,40 г (Анохин 1999: 106, рис. 27: 1).
12	Тетрахалк. Медь. (Амис)	4	105—90 гг. до н. э.	Л.С. Эгида с головой медузы Горгоны в анфас. О.С. ΑΜΙ | ΣΟΥ. Ника, идущая вправо с пальмовой ветвью; слева у концов её крыльев монограмма из букв № 2; у второго экземпляра монограмма справа у колен № 3; у третьего экземпляра монограмма справа у колен № 4; у четвертого — неясно. Вес 6,35; 6,68; 7,46; 7,63 г (RG: 57, pl. VIII, fig. 1—4; Malloy 1970: 22, fig. 45 d).
13	Тетрахалк. Медь. (Синопа)	1	105—90 гг. до н. э.	Л. С. Эгида с головой медузы Горгоны в анфас. О.С. ΣΙΝΩ | ΠΗ. Ника, идущая вправо с пальмовой ветвью; справа у её колен монограмма № 5. Вес 7,05 г (RG: 195, pl. XXVI, fig. 13; Malloy 1970: 22, fig. 45 d).
14	Обол. Медь. (Амис)	2	105—90 гг. до н. э.	Л.С. Голова Афины в шлеме с гребнем вправо, шлем украшен летящим пегасом. О.С. ΑΜΙ | ΣΟΥ. Фигура стоящего Персея в тунике, в правой вытянутой руке палица, в левой опущенной руке держит голову Медузы. У ног Персея тело Медузы, слева от ног монограмма № 6; на втором экземпляре — не оттиснулась. Вес 16,85 г (RG: 51, pl. VII, fig. 10; Malloy 1970: 8, fig. 16).
15	Драхма. Серебро. (Каппадокия)	1	112/111— 101/100 гг. до н. э.	Л.С. Голова Ариарата VII в повязке вправо. О.С. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΡΙΑΡΑΤΟΥ ΦΙΛΟΜΗΤΟΡΟΣ. Афина стоит влево, в правой руке держит статуэтку Ники. Левой опирается на щит и придерживает копье, слева на уровне колен буквы Г Λ І. Вес 4,1 г (Head 1963: 751).
16	Драхма. Серебро. (Каппадокия)	3	101/100—97/96 и 89/8—87/6 г. до н. э.	Л.С. Голова Ариарата IX в повязке вправо (сын Митридата VI Евпатора). О.С. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΡΙΑΡΑΘΟΥ ΕΥΣΕΒΟΥΣ. Легенда расположена справа, слева и внизу по отношению к Афине. Под всеми словами легенды имеются отдельные буквы: справа от строки № 7; слева от строки № 8; под нижней строкой буквы Г Λ. Афина стоит влево, в правой руке держит статуэтку Ники, левой рукой опирается на щит и придерживает копье. Справа от Афины внизу на уровне ног монограмма № 9. У второго экземпляра иконография аверса и реверса, расположение легенды аналогичны. Под всеми словами легенды имеются отдельные буквы и монограммы: справа от строки № 10; слева от строки № 11; под нижней строкой Г Λ. Справа от Афины внизу на уровне ног монограмма № 12. Вес 3,9; 3,95; 4,0 г (Head 1963: 751).
17	Драхма. Серебро. (Каппадокия)	2	96/95— 93/92 гг. до н. э.	Л.С. Голова Ариоварзана I в повязке вправо. О.С. ΒΑΣΙΛΕΩΣΙ ΑΡΙΟΒΑΡΖΑΝΟΥ ΦΙΛΟΡΩΜΑΙΟΥ. Легенда расположена справа, слева и внизу. Под всеми словами легенды имеются отдельные буквы, они плохо оттиснуты. Афина стоит влево, в правой руке держит статуэтку Ники, левой рукой опирается на щит и придерживает копье. Справа и слева от Афины внизу монограммы: № 13, № 14. Второй экземпляр сильно потерт, монограммы не читаются. Вес 3,97; 4,20 г (Head 1963: 751).
18	Тетрахалк. Медь. (Пантикапей)	4	90—83 гг. до н. э.	Л.С. Голова Диониса в венке вправо. О.С. ΠΑΝ | ΤΙΚΑ | ΠΑΙ | ΤΩΝ. Треножник и тирс, справа монограмма № 15. Вес 6,8 г. Перечеканена из тетрахалка Амиса типа «Арес — меч» (ср. Сапрыкин 1996: рис 2: 3; Анохин 1999: 107, рис. 27: 18).
19	Тетрахалк. Медь. (Горгиппия)	1	90—83 гг. до н. э.	Л.С. Голова Диониса в венке вправо. О.С. ΓΟΡ | ΓΙΠ | ΠΕ | ΩΝ. Треножник и тирс, справа монограмма № 16. Вес 9,3 г (Анохин 1999: 107, рис. 27: 21).

20	Обол. Медь. (Пантикапей)	1	90—83 гг. до н. э.	Л.С. Голова бога Мэна вправо. О.С. ΠΑΝ | ΤΙΚΑ | ΠΑΙ | ΤΩΝ. Дионис левой рукой поддерживает тирс, в вытянутой правой — виноградная гроздь, слева от него пантера, справа неясная монограмма. Перечеканена из обола «Посейдон — нос корабля», или тип 191 в тип 201 по Анохину (1986: 144—145). Вес 17,75 гр (Анохин 1999: 106, рис. 27: 12).
21	Обол. Медь. (Амис)	2	80—70 гг. до н. э.	Л.С. Голова Персея в шлеме вправо. О.С. ΑΜΙ | ΣΟΥ. Пьющий пегас влево, под урезом монетного поля монограмма № 17. У второго экземпляра монограмма № 18. Вес 12,5; 12,7 г (RG: 55, pl. VII, fig. 27; Malloy 1970: 21, fig. 33; Сапрыкин 1996: рис 2: 4).
22	Обол. Медь. (Пантикапей)	≈ 300 ед.	100—75 ггг. до н. э.	Л.С. Голова Диониса в венке вправо. О.С. Горит, в поле монограмма. Среди найденных экземпляров есть монеты с разными монограммами, которые расположены как слева, так и справа от горита. Вес зафиксированных экземпляров колеблется от 13,1 до 17,7 г. Размеры: от 2,4×2,4×0,4 до 2,5×2,5×0,45 см (Анохин 1986: 146, № 212, табл. 40). Ниже приводятся монограммы и вес некоторых экземпляров: Монограмма слева от горита, на горите факел № 19. Вес 12,61 г. Монограмма слева от горита, на горите меч № 20. Вес 13,1 г. Монограмма слева от горита, на горите факел № 21. Вес 13,45 г. Монограмма слева от горита, на горите факел № 22. Вес 13,62; 16,2 г. Монограмма слева от горита, на горите факел № 23. Вес 14,0 г. Монограмма слева от горита, на горите факел № 24. Вес 14,3 г. Монограмма слева от горита, на горите факел № 25. Вес 14,8; 17,2 г. Монограмма слева от горита, на горите факел № 26. Вес 14,8; 15,09; 15,7 г. Монограмма слева от горита, на горите факел № 27. Вес 14,9 г. Монограмма слева от горита, на горите меч № 28. Вес 14,95; 17,8 г. Монограмма слева от горита, на горите факел № 29. Вес 15,09 г. Монограмма справа от горита, на горите факел № 30. Вес 15,32 г. Монограмма слева от горита, на горите факел № 31. Вес 15,34 г. Монограмма слева от горита, на горите факел № 32. Вес 15,4 г. Монограмма слева от горита, на горите факел № 33. Вес 15,8 г. Монограмма слева от горита, на горите факел № 34. Вес 16,1 г. Монограмма слева от горита, на горите факел № 32. Вес 16,2 г. Монограмма слева от горита, на горите факел № 33. Вес 16,5 г. Монограмма слева от горита, на горите факел № 34. Вес 16,6 г. Монограмма слева от горита, на горите меч № 35. Вес 16,7 г. Монограмма слева от горита, на горите факел № 36. Вес 16,8 г. Монограмма слева от горита, на горите факел № 37. Вес 17,27 г. Монограмма слева от горита, на горите факел № 38. Вес 17,52 г. Монограмма слева от горита, на горите факел № 39. Вес 17,61 г. Монограмма слева от горита, на горите меч № 40. Вес 17,7 г.

23	Тетрахалк. Медь. (Амис)	2	75/4 г. до н. э.	Л.С. Голова Зевса в венке вправо. О.С. AMI | ΣOY. Орел на молнии с развернутыми крыльями, голова повернута вправо, слева от него монограмма № 41. На второй монете монограмма неясна. Вес 8,0; 9,0 г (RG: 51, pl. VII, fig. 8, 9; Malloy 1970: 8, fig. 14).
24	Тетрахалк. Медь. (Амастрия)	1	75/4 г. до н. э.	Л.С. Голова Зевса в венке вправо. О.С. AMAΣTP (EΩΣ) Орел на молнии с раскрытыми крыльями, голова обращена вправо, слева от орла монограмма № 42. Вес 7,60 г (RG: 195, pl. XVIII, fig. 13; ср. Сапрыкин 1996: рис. 2: 8, 8а).
25	Обол. Медь. (Фарнакия)	1	75/4 г. до н. э.	Л.С. Голова Зевса в венке вправо. О.С. (Φ)APNAKEIH (Σ). Орел на молнии с раскрытыми крыльями, голова повернута вправо, слева от него нечеткая монограмма. Вес 8,2 г (RG: 99, pl. XIV, fig. 18).
26	Тетрахалк. Медь. (Синопа)	13	75/4 г. до н. э.	Л.С. Голова бородатого Зевса-Аполлона вправо. О.С. ΣINOΠHΣ. Орел с раскрытыми крыльями на молнии, голова повернута вправо, слева от него монограммы № 43, на большей части экземпляров справа 8-лучевая звезда, есть экземпляры без звезды. Вес изменяется от 4,4; 6,5; 7,5 до 8,4 г (RG: 194, pl. XXVI, fig. 6; Зограф 1951: табл. XVIII, 22; Карышковский 1988: 104, рис. 13: 18; Анохин 1999: 107, рис. 27: 24; Фролова, Ireland 1999: 236, табл. XV, XVI).
27	Обол. Медь. (Синопа)	1	65—63 гг. до н. э.	Л.С. Голова Зевса-Аполлона вправо. О.С. (ΠANTIKAΠAITΩN). Легенда не оттиснулась. Орел на молнии, слева монограмма, от которой оттиснулась только точка. Вес 20,55 г (Анохин 1999: 107, рис. 27: 24).
28	Обол. Медь. (Пантикапей)	1	50/49— 48/47 гг. до н. э.	Л.С. Мужская голова вправо. О.С. APXONTOΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ. Нос корабля справа трезубец. Надчеканка «звезда» с обеих сторон. Вес 16,92 г. Перечеканена из обола «Аполлон — орел на молнии», или тип 214 в тип 224 по Анохину 1986: 146—147 (Анохин 1999: 118, рис. 29: 2).
29	Тетрахалк. Медь. (Пантикапей)	1	37—27 гг. до н. э.	Л.С. Голова Аполлона в венке вправо в точечном ободке. О.С. ΠANTIKA | ΠAITΩN. Пасущийся пегас влево, в точечном ободке. Вес 6,8 г (Анохин 1999: 118, рис. 29: 9).
30	Тетрахалк. Медь. (Пантикапей)	1	27—21 гг. до н. э.	Л.С. Голова Аполлона вправо. О.С. ΠANTIKAΠAITΩN. Нос корабля. Вес 4,9 г. Перечеканена из какой-то другой монеты (Анохин 1999: 118, рис. 29: 10).

Литература

Анохин В. А. 1986. *Монетное дело Боспора в VI—II вв. до н. э.* Киев: Наукова думка.

Анохин В. А. 1999. *История Боспора Киммерийского.* Киев: Одигитрия.

Буйских С. Б. 1991. *Фортификация ольвийского государства.* Киев: Наукова думка.

Виноградов Ю. Г. 1991. Фанагорийские наемники. *ВДИ* (4), 14—33.

Гаврилов О. В. 1998. Нові дані про сільську округу античної Феодосії. *Археологія* (1), 105—117.

Гаврилов А. В. 2004. *Округа античной Феодосии.* Симферополь: Азбука.

Гаврилов А. В., Шонов И. В. 2005. Краткая информация о нумизматическом материале селища Куру Баш (лагерь) близ Феодосии. *Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников.* Материалы научной конференции. Санкт-Петербург: ГЭ.

Голенко К. В. 1964. Состав денежного обращения Херсонеса I в. до н. э. *ВДИ* (4), 50—73.

Голенко К. В. 1966. Подражания медным монетам городов Понта и Пафлагонии времени Митридата Евпатора. *ВДИ* (3), 142—149.

Голенко В. К. 2005. К «реабилитации» античного поселения Полянка. В: Зуев В. Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников.* Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург: ГЭ, 385—392.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. 2003. Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода. *РА* (2), 135—154.

Зограф А. Н. 1951. Античные монеты. *МИА.* 16.

Зеест И. Б. 1953. Раскопки Феодосии. *КСИИМК* 51, 143—148.

Карышковский П. О. 1988. *Монеты Ольвии (очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху).* Киев: Наукова думка.

Катюшин Е. А. 1998. *Феодосия, Каффа, Кефе*. Феодосія: Издательский дом «Коктебель».

Колтухов С. Г. 1999. *Укрепления Крымской Скифии.* Симферополь: СОНАТ.

Корпусова В. М. 1972. Про населення хори античної Феодосії. *Археологія* (6), 41—55.

Корпусова В. Н. 1980. Надгробные стелы некрополей сельских поселений Боспора. В: *Исследования по античной археологии Северного Причерноморья.* Киев: Наукова думка, 141—150.

Кошеленко Г. А., Масленников А. А. 2003. Еще раз о культе Митры-Аттиса. *ДБ* (6), 184—189.

Крапивина В. В., Диатроптов П. Д. 2005. Надпись наместника Митридата VI Евпатора из Ольвии. *ВДИ.* (1), 67—73.

Ланцов С. Б. 2001. К вопросу о пребывании войск понтийского царя Митридата VI Евпатора в Таврике. В: Иваненко П. И. (отв. ред.). *175 лет Керченскому музею древностей.* Материалы международной конференции. Керчь, 63—66.

Ланцов С. Б. 2003. *Античное святилище на западном берегу Крыма.* Киев: Стилос.

Масленников А. А. 1998. *Эллинская хора на краю ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху.* Москва: Индрик.

Сапрыкин С. Ю. 1986. *Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колонии в VI—I вв. до н. э.* Москва: Наука.

Сапрыкин С. Ю. 1996. *Понтийское царство: государство греков и варваров в Причерноморье.* Москва: Наука.

Сапрыкин С. Ю. 2002. *Боспорское царство на рубеже двух эпох.* Москва: Наука.

Уженцев В. Б. 2006. *Эллины и варвары Прекрасной Гавани.* Симферополь: СОНАТ.

Фролова Н. А., Масленников А. А. 1994. Монеты из клада боспорских монет начала — середины I в. до н. э. из поселения «Полянка» как исторический источник. В: *Международная конференция по применению методов естественных наук в археологии.* Материалы международной конференции. Т. II. Санкт-Петербург, 186—187.

Фролова Н. А. 1998. Клад боспорских монет I в. до н. э., найденный на античном поселении «Полянка» (1984—1985 гг.). *ПИФК* (VI), 53—76.

Фролова Н. А., Ireland S. 1999. О хронологии эмиссий монет на Боспоре в митридатовский период (110/9—63 гг. до н. э.). *ДБ* (2), 232—265.

Цецхладзе Г. Р. 1991. Колхидские амфоры Северо-Западного Крыма. В: *Памятники железного века в окрестностях Евпатории.* Москва, 175—177.

Цецхладзе Г. Р. 1992. Производство амфорной тары в Колхиде. В: В. И. Кац, С. Ю. Монахов (отв. ред.). *Греческие амфоры*. Саратов: СГУ, 90—110.

Alexander V., Gavrilov A. 2008. Coins finds from Kuru Bash (Camp) settlement and some questions of history of Theodosia in the end of the II—I centuries BC. *Acta musei varnaensis*. T. VII—I. Varna.

Alexander V., Gavrilov A. 2009. Coins finds from Kuru Bas (Camp) fortified settlement and some questions concerning the history of Theodosia in the late 2nd and 1st centuries BC. *Mithridates VI and the Pontic Kingdom.* Aarhus university press.

Anochin V.A., Rolle R. 1998. Griechische schlen der blie bei den manern von Olbia. In: *Archeiologische stadien in Köntaktzonen der antiken Welt.* Gottingen. Vandenholik & Ruprecht, 837—848.

Imhoof-Blumer F. 1912. Die Kupferpagung des Mithraidatischen Reiches und andere Münzen des Pontus und Paphlagoniens. *NZ*. Bd. 45, 169—192.

Hellmann M.—C. 1982. Collection Froehner: balles de fronnde grecques. *BCH* (CVI), 85, 87.

Malloy A. G. 1970. *The Coinage of Amisus*. USA, 31.

Head B. V. 1963. H*istoria nummorum a manual of greek numismatics.* London: Sprink & son LTD.

Waddington W. H., Babelon E., Reinach Th. 1904. Recueil général des monnaies grecques d`Asie Mineure. *Pont et Paphlagonie.* T. I. Paris.

Статья поступила в номер 4 февраля 2008 г.

Alexandr Gavrilov (Simferopol, Ukraine). Candidate of historical sciences. Crimea Branch of Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences.

Alexandr Gavrilov (Simferopol, Ucraina). Candidat în ştiinţe istorice. Institutul de arheologie, filiala Crimea, Academia Naţională de Ştiinţe a Ucrainei.

Гаврилов Александр Викторович (Симферополь, Украина). Кандидат исторических наук. Крымский филиал Института археологии НАН Украины.
E-mail: chorafeo@i.ua

№6. 2010

О. Н. Мельников

Боспор Киммерийский и происхождение монетно-весовых систем античного мира

O. N. Melnikov.

Bosporan Kingdom and the Origin of Coin-Weight Systems of the Classical Antiquity.

The variety of the most ancient coin-weight systems of Ecumene can be explained by various parities of gold and silver in natural and artificial electrum. These parities in monetary face values were accounted by means of small standard fractions of the most ancient weight systems of the Near East and Eastern Mediterranean. This ensured metrological unity of all earliest coin-weight systems of Ecumene. Coin-weight systems of silver were adjusted to electrum coins in two ways: either by coordination with the total cost of such equivalent, or by taking the weight of silver of this equivalent as a basis. Further changes in ratios of precious metals in electrum coins of Cyzicus and changes in these metals`ratio caused changes in coin-weight systems of silver. Such changes are demonstrated on the example of coinage in Bosporan Kingdom. The proposed methodology of development of the earliest coin-weight systems can be used for calculations and corrections on many minting centres of antiquity.

O. N. Melnikov.

Bosporul cimerian şi originea sistemelor de greutate a monedelor antice.

Drept o cauză a diversității majorității sistemelor monetare arhaice ale oicumenei se propun diversele raporturi dintre aur şi argint în electrul natural şi artificial. Evidența acestor rapoarte în nominalele monetare se realiza prin intermediul fracțiunilor mici standarde ale sistemelor antice monetare ale Orientului Apropiat şi Mediteranei de Est. Aceasta a asigurat unitatea metrologică a tuturor sistemelor monetare antice ale oicumenei. Sistemele monetare ale argintului se formau prin corelarea cu monedele din electru prin două modalități: sau se acorda la valoarea totală a unui asemenea echivalent, sau drept bază se lua greutatea argintului acestui echivalent. Modificările ulterioare ale raportului metalelor neferoase în monedele din electru ale or. Cyzicus şi modificarea rației acestor metale au adus la modificările sistemelor monetar-metrologice ale argintului. Aceste modificări sunt prezentate pe exemplul producției monetare din Bosporul cimerian. Metodologia propusă de formare a sistemelor antice monetar-metrologice poate fi utilizată pentru procedurile de calcul şi corecție a materialelor din multe centre monetare antice.

О. Н. Мельников.

Боспор Киммерийский и происхождение монетно-весовых систем античного мира.

Причиной формирования многообразия древнейших монетно-весовых систем Ойкумены предполагаются различные соотношения золота и серебра в природном и искусственном электре. Учёт этих соотношений в монетных номиналах вёлся мелкими стандартными фракциями древнейших весовых систем Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья. Это обеспечило метрологическое единство всех древнейших монетно-весовых систем Ойкумены. Монетно-весовые системы серебра формировались подстройкой под электровые монеты двумя способами: шло либо согласование с общей стоимостью такого эквивалента, либо за основу брался вес серебра этого эквивалента. Дальнейшие изменения соотношения драгоценных металлов в электровых монетах г. Кизика и изменение рацио этих металлов вызывали изменения монетно-весовых систем серебра. Такие изменения показаны на примере монетного дела Боспора Киммерийского. Предложенная методология формирования древнейших монетно-весовых систем может быть использована для вычисления и коррекции по многим монетным центрам античности.

Keywords: development of coinage and weight systems, electrum alloy in cyzicines, Miletus system, Phocaean system, Samos system, Aeginetan system.

Cuvinte cheie: formarea sistemelor monetar-metrologice, compoziția electrului monedei din Cyzicus, sistemul Milet, sistemul Phocaea, sistemul Samos, sistemul Egina.

Ключевые слова: формирование монетно-весовых систем, состав электра кизикинов, милетская система, фокейская система, самосская система, эгинская система.

© О. Н. Мельников, 2010.

Внести существенные коррективы и дополнения в предшествующие разработки по метрологии ранних монет Боспора архаического и классического периодов (Мельников 2005в) стало возможным лишь при исследовании механизма возникновения монетно-весовых систем Ойкумены.

Сведения письменной традиции о формировании древнейших малоазийских и греческих монетно-весовых систем весьма ограничены. При эмпирически установленных весовых колебаниях нормативов основных монетных систем (см., например: Чуистова 1962: 152—157, табл. XXVII) — способ их образования и взаимосвязь находятся, в лучшем случае, в области общих догадок. Настоящая статья представляет попытку заменить эти догадки гипотезой.

Нет сомнений, что в основу древнейших монетно-весовых систем Ойкумены легли весовые системы Ближнего Востока, одной из самых массовых фракций которых, был *шекель* (библейский *сикль*; на аккадском языке *имклу*). До появления монет — судя по археологическим находкам слитков металла нормированного веса — *шекель* бытовал в двух основных единицах: **вавилонского** *царского* (*тяжёлого*) *шекеля, ок*. 22—23 г (что составляло вес 360 «хлебных» зёрен) и **финикийского** *царского* (*тяжёлого*) *шекеля — ок*. 14,5—15,3 г (вес 240 «хлебных» зёрен), соотносившихся между собой как 3:2. Дробной единицей *шекеля* была *гиру* (на аккадском; на иврите — *гера*; отсюда в русском языке — «гиря»), которая в **священной иудейской** весовой системе составляла $^1/_{20}$ часть финикийского шекеля (вес 12 «хлебных» зёрен), а в **талмудистской** — его $^1/_{24}$ долю (10 «хлебных» зёрен). Последнюю дробность, но уже в вавилонском царском шекеле слагали 15 «хлебных» зёрен, связывавших вавилонскую систему с древнейшей **египетской,** будучи в последней $^1/_{100}$ частью *дебена* (*утена*) или $^1/_{10}$ частью *кедете* (*кеде, кате, ките*).

Впервые в Ойкумене золотая и серебряная монета появилась, согласно Геродоту (Hist. I, 94), в Лидии, на базе разработок её богатейших в древности месторождений сплава золота с серебром — электра. В лидийском природном электре содержание серебра колеблется от 17 до 30% (Ramage, Craddock 2000: 169), что отчасти совпадает со свидетельством Геродота (Hist. I, 50) о соотношении золота и серебра в этом сплаве как 7:3 (Карышковский 2003: 231). По иным сведениям, золото в природном электре может составлять от 2% до 69% (Смекалова, Дюков: 2001: 30), а по «Естественной истории» Плиния (XXXIII, 23) — 80%. Вместе с тем, используемые в роли домонетных денег слитки и рубленые куски металла, найденные при раскопках храма Артемиды в Эфесе, в среднем содержали 54% золота, 44% серебра и 2% меди, что соответствует рассмотренному ниже **фокейскому** соотношению золота и серебра в электре как 5:4. Последнее свидетельствует об искусственной стандартизации различных природных электровых сплавов, поскольку технологически проще было разбавить электр серебром до требуемой консистенции, чем разделять электр на золото и серебро (Ramage, Craddock 2000: 169; Wolters 2002: 25, 26).

Таким образом, монетная чеканка Ойкумены основывалась изначально на электре — природном сплаве, различающемся по местам добычи своим соотношением драгметаллов. При изготовлении же искусственного электра — посредством добавок серебра к электру природному — единого стандарта также не сложилось, что и позволяет сформулировать задекларированную в начале статьи гипотезу: ***основой создания различных монетно-весовых систем стали разные составы электра.*** Согласуем эту гипотезу с нумизматическим материалом.

Первые монеты в Ойкумене представляли собой электровые слиточки округло-приплюснутой или бобовидной формы, проштампованные с одной стороны 1—3-мя квадратными или прямоугольными чеканами, выглядящими как торцы грубо обломанных стержней: 1, 6, 19—21, 26, 31, 37, 41, 42, 45, 48, 49, 54, 56, 68, 91, 95 (изображения монет см. табл. I). Изначальной ролью таких штемпелей-пробивок была демонстрация качества металла монеты: удостоверялось отсутствие в ядре её заготовки дешёвого металла. С течением времени подобная заверка как одна из функций монетного штемпеля была утрачена.

В древнейшей монетно-весовой системе Ближнего Востока — **милетской** — весовым нормативом *статера* (системообразующего монетного номинала в электре) был принят финикийский царский шекель. В Афинах солоновской реформой 594/593 г.[1] были засчитаны, вероятно, 30 финикийских (=20 вавилонских) царских шекелей в качестве **эвбейской** *мины* с общепринятым исследователями весом 436,6 г. Отсюда вычисляем теоретические нормы финикийского (14,553…3 г) и вавилонского (21,83 г) царского шекелей, а так же их дробные фракции: $^1/_{24}$ финикийского шекеля —

[1] Даты античной истории в тексте даны до н. э.

талмудистскую *гиру* в 0,60638…8 г, $^{1}/_{20}$ финикийского шекеля — **финикийскую** *гиру* в 0,7276…6 г и $^{1}/_{24}$ вавилонского шекеля — **вавилонскую** *гиру* в 0,909583…3 г (табл. II). ***Эти гиру (преимущественно — две последние) подобно кирпичикам слагали кратность целых чисел единиц веса в электре разных соотношений драгметаллов при конструировании древнейших монетно-весовых систем, нормативы которых формировались потребностью и посредством простого и удобного учёта золота и серебра в электровых монетах.***

Металл монет **милетской** монетно-весовой системы в древности понимали как сплав 9 частей (56,25%) золота с 7 частями серебра. Эти 16, выраженных в вавилонских гиру (по 0,909583…3 г), частей образовали **милетский** *статер* (*1—5, 12*), равновесный финикийскому царскому шекелю =14,553…3 г.

Вторая основная электровая монетно-весовая система — **самосская** (42—58) базировалась на соотношении сплава золота и серебра как 7:5. Здесь 12 **финикийских** *гиру* (по 0,7276…6 г) образовали статер (45—47) нормативом 8,732 г; а 24 *гиру — двойной статер* =17,464 г[2] (*42—44)*.

Электр монет третьей древнейшей монетно-весовой системы — **фокейской** (*59—80*) — в 600—525 гг. состоял из 53,8% золота, 38,4% серебра и 7,8% меди (Moesta, Franke 1995: 29; Смекалова, Дюков 2001: 30). Откуда наиболее вероятно понимание пропорции в этом сплаве частей золота к серебру как 5:4[3] (соответственно — 55,5 к 44,5%), выражение которой в 18 вавилонских гиру (что на 2 гиру тяжелее статера милетского**)** дало двойной статер (59, 60) =16,3725 г при 10 гиру золота и 8 серебра. Основные дробные номиналы фокейской системы: *трите* (⅓ статера — 61—67) и *гемигекта* ($^{1}/_{12}$ статера —68—75).

Представления о соотношении металлов в электре и монетные единицы веса отразились широким спектром практических вариантов. Например, монеты 91—96 являют некую локальную **милетско-самосскую** систему с теоретическим статером =11,6426…6 г при милетском соотношении золота к серебру 9:7 и при финикийском гиру (**самосской** *гемигекте***)** =0,7276…6 г. Интересно наличие общего штемпеля гемистатера 91 этой системы и **самосского** *гемистатера 49*. Очевидно, некий монетный двор предпринял опыт чеканки как по самосской, так и по милетско-самосской системам. О чём свидетельствует и трите 92 милетско-самосской системы, поскольку её едва ли можно принять за $^{2}/_{5}$ статера системы самосской. Показателен и пример Эфеса, в котором уже в раннемонетное время — судя по чеканенным в вавилонских гиру статеру (97) и гекте (98) — полагали соотношение в электре драгметаллов как 4:3 (где золота было ≈57,14%); откуда норматив статера **эфесской** системы =6,367083…3 г. Последние две и большинство иных, сконструированных подобным образом электровых систем дальнейшего развития и распространения не получили.

Рассмотрим монетно-весовые системы Ойкумены, начавшие использовать золото и серебро раздельно, что монетарии впервые применили при царе Крезе в Лидии (Зограф 1951: 41). **Лидийскую** серебряную *драхму* (*102*) в 5,4575 г образовали 6 ставших *оболами* вавилонских гиру. Такой норматив подтверждён серебряным статером (12 оболов — 101), с эмпирически высчитанным весовым нормативом ≈10,89 г (Kraay 1976: 31—32), т. е. в действительности представляющим 12 вавилонских гиру =10,915 г. Статер того же веса чеканили и из золота (99) как и более лёгкую монету (100) в 9 гиру (*тригемидрахму* =8,18625 г), равноценную 20 серебряным лидийским драхмам при рацио золота к серебру как 1:13⅓ (5,4575×20:13⅓=8,18625).

Завоевавшие Лидию персы переняли лидийский (в основе — вавилонский) стандарт для чеканки золотого «дарика» (*103*) и серебряного *сикла* (*сикля*) (Зограф 1951: 42). Однако в **персидской** монетно-весовой системе при выпуске большинства «дариков» рацио золота и серебра учитывалось как 1:13. Поэтому для обмена 20 сиклов (105, 106) нормативом по 5,4575 г чеканили «дарик» (104) ≈8,396 г. Но если при таком «дарике» рацио золота и серебра менялось к 1:13⅓, то сиклу придавали норму ≈5,597 г (107), которую переняли, например, в V—IV вв. для своей драхмы Византий и Калхедон (Зограф 1951: 41—42). В свою очередь, сикл ≈5,597 г и рацио 1:13 приводят к «дарику» в 8,6 г. Отмеченные значения «дарика» ≈8,186, ≈8,39 и 8,6 г близки среднему весу разных групп этих монет (Голенко 2004: 190 со ссылкой на: Viedebantt 1923: 29—30; Дандамаев, Луконин 1980: 204).

---

[2] А. Н. Зограф (1951: 43) упомянул о малоазийских электровых монетах весом 8,65 и 17,30 г, предположив в них дидрахму и тетрадрахму эвбейской системы. Но очевидно, что данные номиналы являются одинарным и двойным статерами системы самосской

[3] Медь в этом расчёте распределена пропорционально между золотом и серебром, т. к. на начальный момент завоевания денежного рынка ранними электровыми монетами в их составе официально полагали наличие одних лишь драгметаллов.

Таблица I.

Монеты Малой Азии и Греции архаического и классического времени

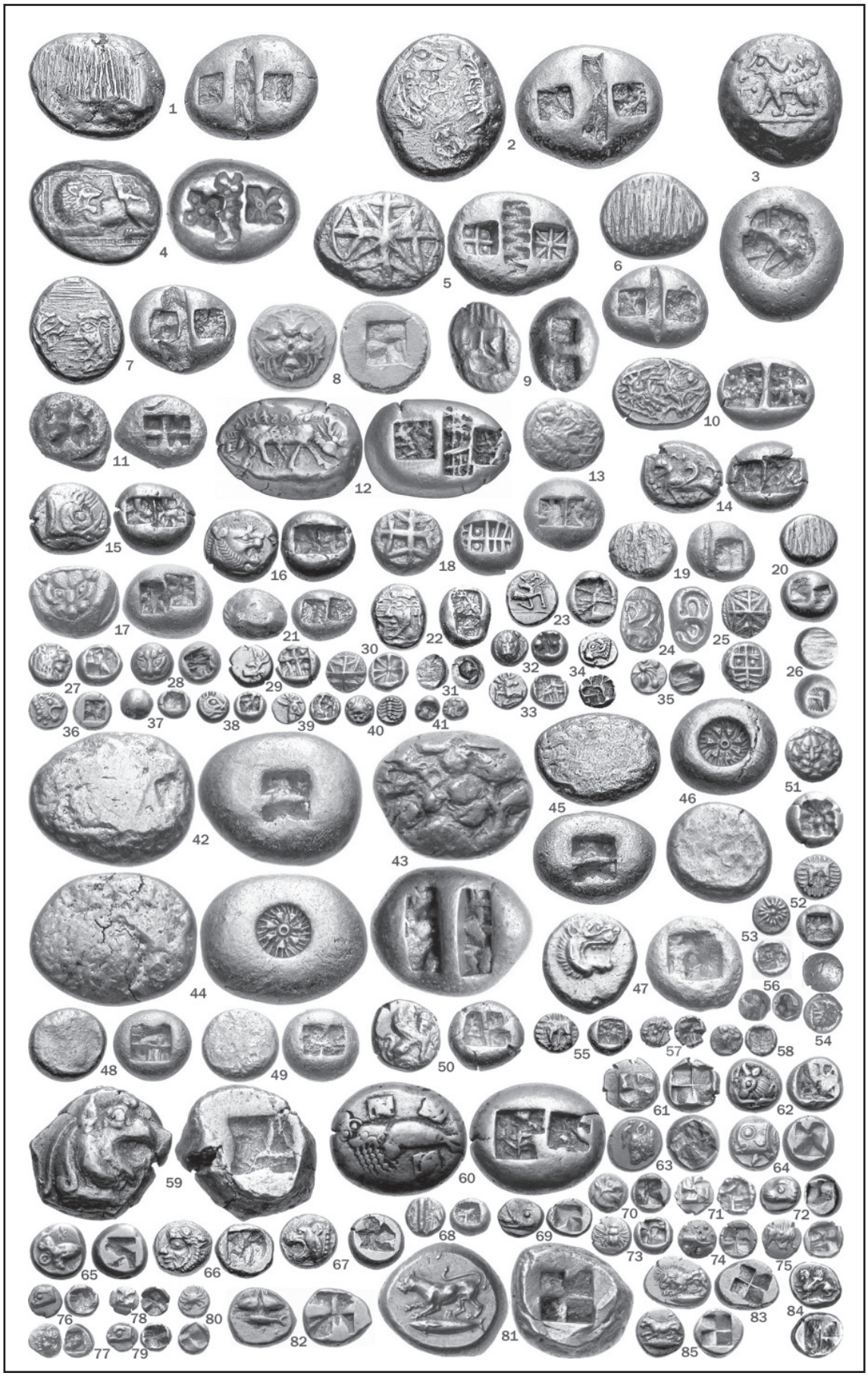
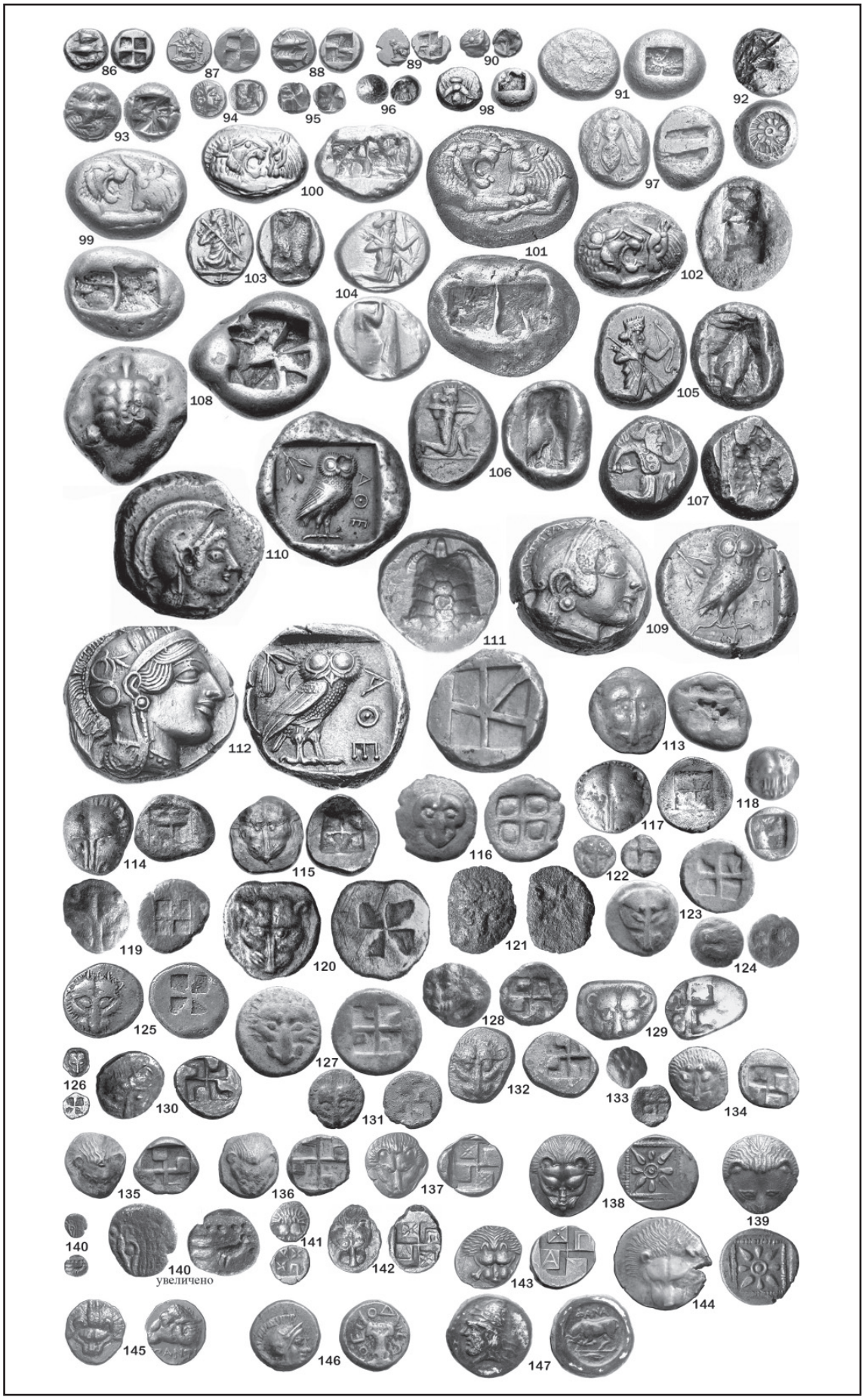

Таблица I (окончание).

Откуда ясно, что приведённые и иные разновидности теоретических весов, восходящих к персидской (вавилонской, лидийской) системе, проистекают из меняющихся по месту и времени рацио драгметаллов и зависят от точки отсчета этих рацио — того или иного серебряного либо золотого монетного номинала.

Обратимся к формированию монетно-весовых систем, основанных на серебре.

По сведениям Эфора (историка IV в.), переданным в «Географии» Страбона (VIII. 3,33), царь Аргоса Фейдон (Фидон) ввёл на о. Эгина чеканку серебряной монеты, старший номинал которой — если судить по весу древнейших серебряных *статеров* Эгины в «14,55 г» (Казаманова 1969: 35) — указывает на финикийский царский шекель в 14,553…3 г (=16 вавилонских гиру или вес статера милетского). Причина выбора такого, т. с. **фейдонова** норматива неясна, однако распространения он не получил, поскольку вскоре на Эгине перешли к собственно **эгинской** монетно-весовой системе, спровоцировавшей у специалистов мнение о независимом от других архаических систем её сложении (Зограф 1951: 42; Казаманова 1969: 35—36; Мельников 2005 б: 8; 2005 в: 348). Однако такого самостоятельного (изолированного) возникновения едва ли можно ожидать в центральных районах Ойкумены, тесно переплетённых торговыми связями. В отмену высказанной не самой удачной версии[4] создания эгинской системы, предложу вариант заимствования **эгинской** *драхмой* норматива серебра некоего электрового статера в 16 вавилонских гиру, т. е. милетского веса, в котором, однако, на Эгине соотношение золота и серебра приняли в эфесской пропорции 4:3. Откуда и возникла эгинская драхма ≈6,237 (14,553…3:7×3) г с её $^1/_6$ частью — *оболом*, позволившим учесть и вес золота в милетском статере как 8 *оболов* **эгинских**. Из уравнивания 16 вавилонских гиру милетского статера (=16 персидских оболов) с 14 оболами эгинскими (8 оболов золота и 6 серебра) — персидская и эгинская монетно-весовые системы соотнеслись как 8:7. Таким образом, целью синкретического (из систем милетской и эфесской) возникновения системы эгинской, стал упрощённый размен привозного электра, серебро которого учитывалось в установленных — по составу того же электра — местных весовых единицах, а золото разменивалось по курсу текущего рацио. Принцип формирования монетно-весовой системы серебра, аналогичный эгинскому**,** применяли и некоторые иные античные центры, в частности — Боспор, что будет рассмотрено ниже.

По письменному преданию (*Arist. Ath. Pol., IV.10,2)* о реформе Солона 70 **эгинских** *драхм* стали весовым эквивалентом 100 *драхмам* (по 4,366 г) **эвбейской** *мины* =436,6 г. Однако при Солоне ни об эгинской, ни об эвбейской драхмах как монетных номиналах ещё ничего не знали (Wolters 2002): тогда вообще не существовало ни этих, ни любой другой серебряной монетно-весовой системы[5]. Поэтому более вероятно предположенное выше прямое заимствование эвбейской миной 30 финикийских (=20 вавилонских) царских шекелей. То есть, эвбейская система возникла подобно лидийской и персидской, с той лишь разницей, что за единицу веса в Аттике приняли не вавилонскую, а финикийскую гиру (вес 12 «хлебных» зёрен[6] или **самосской** *гемигекты*), которая и составила **эвбейский** *обол* =0,7276…6 г. Несколько позже (с середины VI в.) сервисом 100 драхм (50 *дидрахм* или, позже — 25 *тетрадрахм — 109*, *110*) эвбейской мины стало её весовое равенство сначала 30 **фейдоновым** *статерам*, а затем 70 эгинским драхмам (или 35 статерам — 108), а также 80 персидским (лидийским) драхмам (102, 105, 106) (см. табл. II). Эвбейская система добавилась как 10 частей к пропорции 7:8 эгинской и персидской систем. Откуда возникшее соотношение персидской (лидийской) и эвбейской монетно-весовых систем как 4:5 стало наследием соотношения финикийского гиру к вавилонскому.

В основе предлагаемых здесь — для всех монетно-весовых систем — абсолютных весовых значений лежит норматив **эвбейской** системы; что согласуется с замечанием П. О. Карышковского (1988: 145—146) о том, что «существовавшие в классическое и эллинистическое время монетные системы Восточного Средиземноморья в принципе могут быть представлены как сравнительно простые подразделения аттической (эвбейской) мины».

[4] Здесь и ниже скорректированы некоторые предшествующие вычисления автора (Мельников 2008: 122 сл.).

[5] Самое раннее эллинское упоминание о денежно-весовом нормативе — таланте (=60 мин) — содержится у Диодора (XI, 26) в описании контрибуции, возложенной на карфагенян разгромившими их при Гимере (480 г.) сицилийскими греками.

[6] 4 «хлебных» зерна =1 карату; 3 карата =1 оболу; 2 обола =1 граммату; 3 граммата =1 драхме.

Вновь вернёмся к деньгам электровым, а именно к заслуживающим особого внимания монетам г. Кизика — «кизикинам» (81—85, 86—90), — учитывая их ведущую роль в формировании локальных монетно-весовых систем[7]. «Кизикины» в зависимости от соотношений в них золота и серебра должны быть, разделены на несколько хронологически последовательных весовых групп, границы которых могут не совпадать с абсолютной датировкой групп, выделенных Х. Фритце (Fritze 1912) по принципу различения типа реверсов. Хронологические коррективы может внести (помимо металлографического анализа) формирование новых монетно-весовых систем, в частности, на архаическом и классическом Боспоре Киммерийском.

Содержание золота порядка 60,8% в I хронологическо-весовой группе «кизикинов» (Смекалова, Дюков 2001: 36, 31, №№ 1, 2) отражает их качество чисто природного электра, в котором античные монетарии и финансисты полагали драгметаллы в пропорции 11: 7 (61,1..1% золота и 38,8…8% серебра). Эти 18, измеряемые в вавилонских гиру, единицы (=16,3725 г[8]) формально равновесны двойному статеру фокейскому. Что привело исследователей (Штейнванд 1930: 13; Зограф 1951: 41; Seltman 1960: 30, 41, 113; Казаманова 1969: 43; Анохин 1971: 5; 1986: 36—37; 1989: 17; Карышковский 1988: 147) к убеждению о заимствовании Кизиком фокейской монетно-весовой системы. Однако этому противоречит изначальный в фокейской системе норматив золота и серебра как 5:4.

Воздействие метрологии «кизикинов» на боспорское монетное дело прослеживается с его начала в последней трети 40-х гг. VI в. и до перехода Пантикапея к чеканке золота по аттической системе на рубеже III—IV четвертей IV в. Настоящее исследование позволило существенно уточнить (в сравнении с предшествующими публикациями (Мельников 2008; 2009)) представления о монетно-весовых системах Боспора периодов архаики и классики, результаты чего показаны на табл. III и IV. Попутно табл. III представляет очередную коррекцию хронологии и эмитентной принадлежности некоторых типов монет, а также указывает на их новые типы и разновидности, иллюстрации которых приведены на таблице I и снабжены прилагаемым описанием).

Вариант **«А» архаической боспорской** монетно-весовой системы с нормативом драхмы =6,367083…3 г в 7 вавилонских гиру (персидских оболов) принят на основании известного наивысшего веса[9] *триобола* =3,15 г

[7] В альтернативу многочисленным, но безуспешным попыткам исследователей дать толкование большому многообразию (более 250 типов л. с.) электровых монет г. Кизика — выдвигаю, как представляется, единственно адекватное объяснение. Г. Кизик помещал на свои монеты «говорящие эмблемы», городские гербы или действующие монетные типы тех полисов, которые признали монетно-денежную состоятельность «кизикинов» для своих внутренних рынков. Т. е. отмеченные таким образом полисы принимали данные монеты не просто как нормированные кусочки металла, но вместе с их номинальной наценкой, превышавшей стоимость золотого и серебряного состава «кизикинов» соответственно на 20 и 25% (Мельников 2005в: 332, 345, прим. 3). Полисные законодательные постановления о правомочности «кизикинов» касались, как правило, этих монет в электре; хотя можно предположить эпизодический допуск к денежному обращению в некоторых местах (возможно, и на Боспоре — о чём будет сказано в отдельной публикации) и серебряных монет Кизика.

[8] При среднем весе кизикских статеров «немного более 16.00 г» (Зограф 1951: 41) — высказывались мнения об их нормативе в 16,57 (Brandis 1866: 121—122), 16,46 (Чуистова 1962: 48), 16,42 (Карышковский 1988: 146, табл. 11, 147), 16,344 (Анохин 1986: 37) гг. Предлагаемый норматив в 16,3725 г на практике хорошо соответствует экземплярам в 16,27 и 16,39 г, как и гектам (норматив 2,72875 г) в 2,73 (х6=16,38) и 2,75 (х6=16,5) г (Смекалова, Дюков: 2001: 32, № 22: 170, 171, №№ 81, 88, 95: 173, № 27: 174, №№ 1, 8). См. так же вес гект 82, 83.

[9] Методологию метрологических исследований ранних серебряных монет см.: Мельников 2005в: 320—327. Отмечу, что положенный в основу этой методологии при вычислении монетно-весовых систем принцип ориентировки на наиболее тяжёлые экземпляры старших номиналов — никем доказательно не опровергнут. Поэтому вызывает удивление мнение А. Е. Терещенко (2010: 138—140), который, с одной стороны, называет этот принцип «постулатом» (т. е. аксиомой, принимаемой без доказательств), а с другой — соглашается с тем, что «критерии» указанного принципа «логически обоснованы» (т. е. доказаны), но при этом, тут же голословно заявляет о том, что «ориентация на монеты старших номиналов, и вообще на самые тяжелые экземпляры, для изучения ранней боспорской нумизматики, в методологическом плане неприемлема. Во всяком случае, на данный момент, ввиду явной нехватки материала». Исследователь игнорирует или просто не понимает того, что отвергаемый им метод «допустимо максимальных весов» как раз и предназначен для применения в случаях «явной нехватки материала», необходимого для методики «частотно-весовой шкалы». А. Е. Терещенко сомневается в достоверности отвергаемого им метода «в случае с ранней пантикапейской чеканкой», мотивируя это сомнение большим разбросом реального веса монет. В связи с последним обстоятельством специалист игнорирует указание автора (Мельников 2005в: 324—325) на необходимость различать «реальные» веса монет по двум группам: «установленного» и «фактического» веса, из которых для полноценных метрологических исследований годится только немногочисленная первая группа. Тем

(15’[10]) серии IAA1[11]. Откуда понятно, что при создании древнейшей монетной системы Боспора был применён **эгинский** принцип: драхма приравнена к весу серебра привозного электрового статера — в боспорском случае — «кизикина». Причём, если предположить на тот момент времени возможное боспорское рацио золота к серебру 1:14⅔ (это и близкие ему соотношения обосновываются всем комплексом представленных ниже вычислений), то указанный норматив позволял удобно менять кизикский статер на 24 драхмы Пантикапея или на 36 тетроболов Аполлонийского монетного союза (далее сокращённо — АМС). Поэтому весьма вероятно, что вариант «А» архаической боспорской монетно-весовой системы был образован измеряемой в 7 персидских оболах весовой нормой серебра I хронологическо-весовой группы кизикских электровых статеров.

Соотношение драгметаллов в уже искусственном электре «кизикинов» II хронологическо-весовой группы является самосским — 7:5; что видно по наиболее представительной группе в 33 экз., содержащей в среднем 56,3% золота (Смекалова, Дюков 2001: 36). При коррекции, разделяющей 3,4% меди между драгметаллами «кизикинов» этой группы[12], золото ближе всего согласуется с 7 долями (58,3…3% или $^{7}/_{5}$) веса «кизикина» при его делении на 12 частей, каждая в 1½ вавилонскую гиру. Соотношение 7:5 для 18 вавилонских гиру означает трансформацию электрового статера Кизика в *тригемистатер*, а прежней *гекты* — в *тетарту*. Отсюда становится понятно появление кизикской *гекты* норматива 1,81916…6 г (86).

«Кизикины» **самосского** соотношения инициировали краткое бытование ок. середины последней четверти VI в. варианта **«Б» архаической боспорской** монетно-весовой системы. Согласно ранее применённому эгинскому принципу драхма чеканится в весе серебра кизикского статера. Этот вес увеличился во II хронологическо-весовой группе «кизикинов» до 7½ вавилонских гиру (персидских оболов) =6,821875 г. Вариант «Б» подтверждён весом драхмы =6,70 г. (120) и триобола = 3,40 г (121) серии IAП5.

Однако вскоре на Боспоре отказались от варианта «Б», возможно, из-за плохого его соответствия практическому размену «кизикинов» (см. табл. IV) и несогласованности с весом находящегося на рынке предшествующего серебра варианта «А». Если же кизикский статер измерять в финикийских 22½ гиру, то они — при близком к самосскому соотношению драгметаллов — дают пропорцию 13:9½ (9½ финикийских гиру серебра =6,91283…3 г). Учёт драгметалла «кизикина» в финикийских гиру обеспечивал простые операции монетного обмена с серебром эвбейского норматива, причиной выбора которого могло послужить начало поступления на Боспор серебра из рудников Лавриона. Подбор наиболее подходящего норматива допускает (в замену предшествующей версии (Мельников 2008: 124, 130, табл. II)) определение наиболее тяжёлых монет =2,96 г (20’, 125) серии IAП6 как эвбейского тетробола (=4 финикийских гиру =2,9106…67 г), позволившего принимать в качестве того же номинала более ранние триоболы варианта «А» (с учётом среднего реального веса последних). В полученном для конца предпоследнего — двух третей последнего десятилетий VI в. **архаическом боспорском** варианте **«В»** кизикский статер мог разменяться на 50 тетроболов при рацио золота к серебру 1:14⅔. Этот вариант можно было бы назвать эвбей-

самым, А. Е. Терещенко остаётся приверженцем метода «frequency table» как единственно достоверного, показавшего, однако, свою неэффективность в случае раннего серебра Боспора. Ведь согласно этому методу в интерпретации А. Е. Терещенко (2010: 140) можно «фиксировать лишь некоторое снижение веса пантикапейских монет по отношению к первым сериям, но никак не кардинальную смену весовой системы». Более того, не сумев с помощью «частотно-весовой шкалы» объяснить метрологические инновации монетного дела Боспора, А. Е. Терещенко в русле «откровенно спекулятивных гипотез и допущений» (Терещенко 2010: 132) выдвигает, например, версию о том, будто «выпуском драхм Пантикапей, вероятно, официально заявлял о принадлежности своей чеканки к эгинской (облегченной?) весовой системе, при этом, однако, не собираясь соблюдать соответствующие весовые пропорции мелких номиналов, сознательно занижая их», идя, тем самым, на «государственный обман» (Терещенко 2010: 140). Колебание же весов ранних боспорских монет «в чрезвычайно широком диапазоне» специалист считает «связанным исключительно с выработкой оптимальных приемов для изготовления монет в нужных параметрах» (Терещенко 2010: 140). Подчеркну, что А. Е. Терещенко допускает приведённые «варианты», несмотря на своё знакомство со специальным развёрнутым исследованием по ранней боспорской метрологии (Мельников 2005в), методологическую базу которого он даже не пытается оспорить.

[10] См. расшифровку сокращений к табл. III.

[11] См. расшифровку сокращений к табл. III. О номерах с апострофами см. сноску 19.

[12] Уже в следующих хронологических группах «кизикинов» дешёвые примеси (преимущественно — медь) составляют в среднем 5—6%, при том, что состав меди в природном электре колеблется в пределах 1,5—3% (Смекалова, Дюков 2001: 30, 42).

ской системой, если бы не отсутствие соответствующей боспорской драхмы в 4,366 г.

Следующее изменение состава электра «кизикинов» произошло в их III хронологическо-весовой группе: понимание самосского соотношения золота и серебра как 7:5 сменилось на милетскую пропорцию 9:7 (Мельников 2003а: 149; 2005 а: 207) с весом 1,02328125 г каждой $^{1}/_{16}$ доли статера. На основе такой доли, чуть меньшей эгинского обола, возникла **лёгкая эгинская** монетно-весовая система с драхмой ≈6,13 г (16,3725:16×6) и *дидрахмой-статером* ≈12,27 г (Мельников 2005в: 348). Именно последнему весу, нежели статеру собственно эгинскому ≈12,47 г, оказались в итоге более близки статеры Эгины (норматив которых исследователи искали эмпирически в пределах от 11,96 до 13,96 гг): А. Л. Бертье-Делагард (1909 (1911): 34, прим. 2, с. 37, прим. 3, 4) отметил стабилизацию со второй половины VI в. к 480 г. среднего веса статера Эгины (111) ок. 12,20 г. Более обстоятельная проверка этого результата (Карышковский 1977: 116—117, прим. 8; 1984: 80; 1988: 51, 145; 1999: 41—42; 2003: 50—51) показала вес ≈12,23 г.

Милетский весовой расклад «кизикина» обусловил применение на Боспоре с последней трети последнего десятилетия VI в. до середины 480-х гг. варианта **«Г»** местной **архаической** монетно-весовой системы, полученной путём приравнивания старшего боспорского номинала тетробола к 2⅔ лёгким эгинским оболам =2,72875 г (известный максимальный вес — 2,82 г — 127), допускающим к этому варианту адаптацию на практике тетроболов среднего веса варианта «В». Ценовой эквивалент статеру Кизика составили 52 боспорских тетробола и гемиобол (последний, возможно, составлял маржу в пользу боспорского владельца серебра) при условной драхме в 4 лёгких эгинских обола = 4,093125 г и рацио 1:14⅔.

На базе лёгкого эгинского норматива — посредством пропорции 7:10 — была образована система **аттическая**, сменившая эвбейскую после 490 г.. Аттическая система выявляется в колебании большинства афинских серебряных дидрахм-статеров в пределах 8,6—8,4 г (Seltman 1924: 127, table XI, col IV—V) и в среднем весе золотого аттического статера =8,58 г (Babelon 1901: col. 103—110, № 43). Откуда понятна близость этих значений не эвбейскому статеру =8,732 г, а именно статеру аттическому ≈8,595 г при тетрадрахме (112) ≈17,19 г.

В монетном деле Боспора норматив в 2¾ аттического обола применялся в середине — второй половине 480-х гг. в виде триобола ≈1,969 г варианта «**Д**» местной **архаической** системы. Это заключение основано на известных максимальных весах монет в толстом слое «рогового» серебра — 2,184 г (Абрамов, Захаров 2007: 16, 20, рис. А, Б; Захаров 2009: 208, 209, рис. 2, 2 а, 2 б) и в тонком слое окислов — 2,00 г (135, 136). 72 триобола или 54 тетробола (Ф.I.22) приравнивались кизикскому статеру при рацио драгметаллов 1:14⅔.

Максимальное в монетном деле архаического Боспора снижение норматива условной драхмы (≈3,939 г) в варианте «Д» объясняет весовую характеристику самого массового в рассматриваемом времени монетного типа АМС «лев (муравей)/перекрестие, 2 точки», представленного исключительно младшими номиналами (IБА2, IВА1). Сравнив средний вес монет этих и соседних серий, А. Е. Терещенко (2004: 34—35) сделал вывод о «деградированном весе» монетной стопы выделяемой им серии «Па-5» (IБА2, IВА1) в рамках единой монетно-весовой системы соседствующих монетных типов. Монетную стопу, действительно, «сократили», но только за счёт изменения самой монетно-весовой системы серий IБА2, IВА1. Указанный норматив определяет и старший номинал этих серий в роли обола — вместо выведенного здесь ранее (Мельников 2005 в: 333) *тритетартемория*.

Следующее изменение в «кизикинах» соотношения золота и серебра на **фокейское** — 5:4 — превратило их старший номинал в двойной статер. Отсюда — появление тетарты (¼ статера — 84, 85) — номинала, подтверждающего в роли статера условную монету в 9 вавилонских гиру, поскольку при статере в 18 гиру определяемая тетарта явилась бы ⅛ фракцией статера, чеканка которой не практиковалась. Фокейское соотношение оказалось для «кизикина» наиболее удачным, так как наличие в двойном статере 8 вавилонских гиру серебра — равновесного 8 персидским оболам — позволяло удобно учитывать это же серебро как 7 оболов эгинских или 10 оболов эвбейских.

Переход на Боспоре к пониманию соотношения в «кизикине» драгметаллов как фокейского (выражаемого в вавилонских гиру или персидских оболах) вызвал краткое функционирование ок. 479 г. (момент прихода к власти Археанактидов) варианта **«Е» архаической боспорской** монетно-весовой системы с аттическим тетроболом ≈2,865 г (максимальный известный вес — 2,89 г — А.19). 48 тетроболов менялись на кизикский двойной статер

при рацио драгметаллов 1:14⅓[13]. В варианте «Е» впервые на Боспоре появляются номиналы *пентобол* (*55'*) и *пентагемиобол* (2½ обола — Ф.IV.17, V.10), назначением которых, вероятно, стало приравнивание 2-х пентоболов или 4-х пентагемиоболов аттическому декоболу серебра в электровом двойном статере Кизика.

Вскоре вариант «Е» архаической боспорской монетно-весовой системы посредством персидского норматива перешёл в вариант «**Ж**», который просуществовал с ок. 478 г. до рубежа 470—460-х гг.[14] В варианте «Ж» кизикский *статер* менялся на 75 *диоболов* норматива ≈1,845 г (максимальный известный вес — 1,86 г — *137*) при рацио драгметаллов 1:14¼. В начале указанного времени АМС выпустил *пентагемиобол* (138, 139) норматива ≈2,306 г[15], ориентированный количеством 60 шт. к обмену на *статер* Кизика.

С учётом снижения веса старших и средних номиналов[16] начальной эпиграфной серии IIАП1 Пантикапея первых трёх четвертей 460-х гг., и подбирая к тому наиболее слаженный вариант — вероятно допущение возврата на Боспоре рацио золота и серебра к 1: 14¾ вместе с разменом кизикского двойного статера на 30 драхм А.29 (IIА6 П1 д) при их нормативе ≈4,710 г варианта «**А**» **раннеклассической боспорской** монетно-весовой системы.

Вероятно, уже со второй половины 60-х гг. V в. серебро старшего номинала монет Кизика стали воспринимать на Боспоре в ранее принятом весе 7 лёгких эгинских оболов, равных 8 оболам лёгким персидским. Норматив последних составил пропорцию 8 к соотношению 7:10 лёгкой эгинской и аттической систем. Разницу веса серебра в «кизикинах» (фокейского соотношения драгметаллов) между условными 8 персидскими и принятыми 8 лёгкими персидскими единицами античные финансисты стали относить к дешёвой лигатуре и отбрасывали в операциях с «кизикинами». Согласование новых нормативов «кизикинов» с лёгкой эгинской системой обеспечило простой пересчёт серебра электровых монет старшего номинала сразу в трёх монетно-весовых системах: аттической, лёгкой персидской и легкой эгинской[17], что исключало путаницу и сложные расчёты при изменении рацио золота и серебра.

С последней четверти 60-х гг. V в. в серии IIАП2 повышение веса диоболов (максимальный известный вес = 1,80 г — *143*) предполагает первый ввод лёгкой персидской системы с её драхмой ≈5,372 г. (Мельников 2005в: 326—327, 348, 349). По этой системе (хотя и с отклонением от неё в рассмотренных ниже случаях) серебро на Боспоре чеканили до середины предпоследнего десятилетия IV в. Если ко времени эмиссии серии IIАП2 рацио драгметаллов изменилось к 1:14⅔, то размен старшего номинала «кизикинов» составил 78 диоболов и обол. Последний мог составлять маржу местных менял.

Вероятное снижение рацио драгметаллов к соотношению 1:14⅓ вызвало в последней трети 50-х гг. V в. чеканку Пантикапеем монеты по варианту «**Б**» **раннеклассической боспорской** монетно-весовой системы, ори-

---

[13] Это значение практически совпадает с рацио, засвидетельствованным для Афин середины V в. комиком Кратесом (Pollux, IX. 62), согласно которому кизикская гемигекта ценилась в 8 аттических оболов, что при фокейском соотношении драгметаллов даёт рацио золота к серебру как 1: 14,32 = [(0,716296875×8)-(0,6821875:9×4)]: (0,6821875:9×5). Эти же данные указывают на понимание античными метрологами старшего номинала электровых монет Кизика как двойного статера. Тем самым полностью снимаются «многие сомнения» (Карышковский 1960: 10, прим. 37) исследователей в отношении упомянутого свидетельства Кратеса.

[14] Приходится согласиться с атрибуцией В. А. Анохиным (1986: 22—23) серий IВП3, А3 (А.20—23) (но не всех последующих архаических и классических эмиссий) как чеканенных по персидской весовой системе (но, опять-таки, без наличия реальной драхмы), признав в данном ограниченном случае полное отрицание такой системы (Мельников 2005в: 326) ошибочным.

[15] При среднем весе ≈2,248 г компактной основной группы *пентагемиоболов* установленного веса от 2,17 до 2,31 гг (с отбраковкой по методу frequency table случайных весов, отстоящих от этой группы) — максимальный известный вес — 2,42 г (139). Пример последней монеты показывает редкую возможность превышения ремедиума и необходимость взвешенного подхода при применении метода «допустимо максимальных весов», на что уже специально указывалось (Мельников 2005в: 326).

[16] Реальный вес драхмы А.29—4,71 г, а максимальный вес диобола А.30—1,54 г (Анохин 1986: 23, табл. I, П-9).

[17] Отмечу равенство 7 лёгких эгинских, как и 8 лёгких персидских, так и 10 аттических оболов — $^1/_{64}$ части веса 105-ти эвбейских драхм. Занимательна эта пропорция в связи с сообщением Аристотеля (Ath. Pol. IV, 10. 2) об эквиваленте 100 драхм эвбейских (мины, введённой Солоном) 105 драхмам аттическим. Однако выводимый из этого свидетельства вес аттической драхмы ≈4,158 г не совпадает с весом ≈4,297 г, нумизматически вычисленным для того же номинала, что рождает сомнения в истинности или точности упоминаемых Аристотелем сведений. Вместе с тем, несомненна метрологическая связь аттической системы (уменьшенной от эвбейской на $^1/_{64}$ её часть) с весом 105 эвбейских драхм (равных 160 аттическим тетроболам — табл. II); хотя и неясен смысл совпадения этих значений с цифрами, указанными у Аристотеля.

ентированной на систему **аттическую** с нормативом драхмы ≈4,297 г. На это указывают веса драхмы 144 (4,25 г) и диоболов (норматив ≈1,432 г) серии IIАП2 (А.36, 97'). В этой системе старший номинал «кизикинов» ценился в 32 боспорские драхмы (96 диоболов).

Возврат рацио драгметаллов на Боспоре с рубежа 50—40-х гг. V в. к соотношению 1:14⅔ привел ко второму вводу лёгкой персидской системы, позволявшей легко учитывать серебряный состав «кизикинов».

Не исключено бытование некоего варианта раннеклассической боспорской монетно-весовой системы во время эмиссии IIАП5, поскольку максимальные известные веса её диоболов — А.45, 106' — составляют 1,61 г, что заметно меньше лёгкого персидского норматива ≈1,79 г. Однако малое количество хорошей сохранности монет этой серии не даёт возможности достоверно судить о её системе, что позволяет пока засчитать оную условно как лёгкую персидскую. То же самое относится и к следующей серии IIБП1 с её максимальным известным весом диобола =1,69 г — 42".

Есть основание полагать, что монетарии Херсонеса Таврического при чеканке своего первого серебра по **среднепонтийской** монетно-весовой системе (варианта **А**) 90-х — первой половины 80-х гг. IV в. исходили из рацио золота к серебру 1:14⅓ (Мельников 2005в: 351—352). Если к тому же соотношению вновь привело очередное колебание рацио драгметаллов на Боспоре середины последнего десятилетия V в., то это вызвало к жизни **среднеклассические боспорские** монетно-весовые системы. Тогда ценность кизикского статера III хронологическо-весовой группы в понимании современников составила в серебре 137,536579861…1 г (9,09583…3×14⅓+7,16296875). $^{1}/_{36}$-ю часть этого эквивалента монетарии Пантикапея назначили на роль драхмы (48", А.70) нормативного веса ≈3,82 г (максимальный известный вес — 3,79 г — 48") при диоболе ≈1,27 г (максимальные известные веса — 1,26 г — 49" и — 1,27 г — А.71).

Феодосия также ввела новую монетную систему, но сделала её отличающейся от принятой в Пантикапее вследствие обострения отношений со Спартокидами после захвата ими Нимфея весной 403 г. (Мельников 2007: 336—337). В Феодосии серебряный эквивалент кизикского статера поделили на 40 частей-драхм нормативом ≈3,438 г (максимальный известный вес — 3,43 г — 146). Откуда нормативы младших номиналов составили: для *гемидрахмы* ≈1,719 (максимальный известный вес — 1,62 г (Сидоренко, Шонов 2009: 520, рис. 1)), для диобола ≈1,146 (максимальный известный вес — 1,09 г (Шонов 2002: 328, рис. 1,*4*)).

Аналогичным метрологическим инновациям последовала и Фанагория. Но, если максимальный известный вес в 3,3 г её новой драхмы — 147 — хорошо соответствует системе, принятой Феодосией, то диоболы (А.84) той же серии демонстрируют значительные колебания веса, притом, однако, что их средний вес заметно меньше лёгких персидских диоболов (А.78) серии предшествующей. Дальнейшие исследования, возможно, позволят уточнить монетно-весовую систему Фанагории завершающей серии средней классики.

В Пантикапее же вернулись к лёгкой персидской системе со второй половины 390-х гг. Рацио драгметаллов этого времени, как и предшествующего периода, находится в области предположений, аналогичных высказанным выше, как, следовательно, и курс статера Кизика. Но вполне уверенно можно говорить по последней трети 370-х гг. — времени начала чеканки пантикапейских золотых т. н. тяжёлых статеров (А.91) нормативом в персидский декобол =9,09583…3 г, равновесный золоту кизикского электрового статера. Поскольку серебро последнего по-прежнему учитывалось как 8 оболов лёгкой персидской системы, а размен тяжёлого статера наиболее вероятен на 24 лёгких персидских драхмы, то старший номинал «кизикинов» оценивается в 76 лёгких персидских диоболов, что и даёт рацио золота к серебру 1:14$^{7}/_{40}$ (на практике, вероятно — 1:14$^{1}/_{6}$) (Мельников 2005в: 349, 352; 2008: 126).

Таким образом, в свете представленного понимания способов формирования древнейших монетно-весовых систем Ойкумены — кардинально прояснились создание и метрология монетно-весовых систем Боспора Киммерийского. Если ранее существовало убеждение о чеканке всего архаического и классического боспорского серебра по некой «**облегчённой эгинской**» системе с неустановленным нормативом, а затем появилось мнение о ранней смене этой системы на персидскую (Анохин 1986: 20—23), то настоящим исследованием выявлено бытование только в одном лишь Пантикапее указанного времени не менее 11 монетно-весовых систем и предложено определение их нормативов. Многообразие этих систем диктовалось необходимостью подстройки местного серебра под удобный размен электровых монет г. Кизика с их меняющимся серебряным и золотым со-

ставом, осложнённым непостоянством рацио этих драгметаллов.

Последняя весовая коррекция электра «кизикинов» произошла в их IV хронологическо-весовой группе. Финансисты центральной Греции признали содержание золота в старшем номинале «кизикинов» равным статеру аттическому. При этом в ценовом отношении — как дешёвая лигатура — стали игнорироваться 3,75% веса «кизикинов» (Мельников 2005б: 350). Эти изменения были вызваны согласованием и, одновременно, закреплением в греческом мире, а затем и на Боспоре, перехода к чеканке золотых монет по аттическому нормативу, каковой в итоге и вытеснил электр Кизика с денежного рынка.

Таблица IV представляет параметры некоторых, основанных на серебре монетных систем, образованных сочетанием различных весовых норм. Подстройка монетно-весовых систем серебра под электровую монету-эквивалент осуществлялась двумя способами: шло либо согласование с общей стоимостью такого эквивалента, либо за основу создаваемой системы брался вес серебра этого эквивалента.

Главным требованием в таких расчётах являются простота и удобство практического денежного размена золотосодержащей денежной единицы при подходящих месту и времени рацио золота и серебра. Возможно, появление нового нумизматического материала позволит поменять или откорректировать некоторые указанные в настоящей публикации метрологические величины, характеризующие монетные системы Боспора рассмотренного времени и даже количество последних.

Основная задача настоящего исследования состояла в разработке методологической базы для практической метрологии. По предложенному здесь принципу могут быть объяснены, нормативно откорректированы и другие, не получившие иного приемлемого толкования, локальные монетно-весовые феномены архаического и классического времени многих монетных центров античности.

Описание к иллюстрациям таблицы I[18]

Милетская система

1. 14,52 г. Статер.
2. 14,30 г. Статер.
3. 14,22 г. Статер.
4. 14,05 г. Статер.
5. 13,93 г. Статер.
6. 7,26 г. Гемистатер.
7. 7,19 г. Гемистатер.
8. 7,00 г. Гемистатер.
9. 4,80 г. Трите.
10. 4,78 г. Трите.
11. 4,72 г. Трите.
12. 14,14 г. Статер.
13. 4,70 г. Трите.
14. 4,74 г. Трите.
15. 4,71 г. Трите.
16. 4,76 г. Трите.
17. 4,72 г. Трите.
18. 4,65 г. Трите.
19. 3,67 г. Тетарта.
20. 2,47 г. Гекта.
21. 2,35 г. Гекта.
22. 2,35 г. Гекта.
23. 2,36 г. Гекта.
24. 2,41 г. Гекта.
25. 2,27 г. Гекта.
26. 1,21 г. Гемигекта.
27. 1,20 г. Гемигекта.
28. 1,19 г. Гемигекта.
29. 1,15 г. Гемигекта.
30. 1,11 г. Гемигекта.
31. 0,55 г. Мисгемигекта.
32. 0,58 г. Мисгемигекта.
33. 0,58 г. Мисгемигекта.
34. 0,59 г. Мисгемигекта.
35. 0,56 г. Мисгемигекта.
36. 0,58 г. Мисгемигекта.
37. 0,26 г. $^1/_{48}$ статера.
38. 0,30 г. $^1/_{48}$ статера.
39. 0,29 г. $^1/_{48}$ статера.
40. 0,28 г. $^1/_{48}$ статера.
41. 0,13 г. $^1/_{96}$ статера.

Самосская система

42. 17,44 г. Двойной статер.
43. 17,22 г. Двойной статер.
44. 17,60 г. Двойной статер.
45. 8,73 г. Статер.
46. 8,73 г. Статер.

[18] Фото монет 1—112 и их весовые данные взяты с Интернет-портала: http://www.coinarchives.com/a/.

47. 8,35 г. Статер.
48. 4,34 г. Гемистатер.
49. 4,32 г. Гемистатер.
50. 4,15 г. Гемистатер.
51. 2,87 г. Тетарта.
52. 1,47 г. Гекта.
53. 0,72 г. Мисгемигекта.
54. 0,77 г. Мисгемигекта.
55. 0,68 г. Мисгемигекта.
56. 0,32 г. $^1/_{48}$ статера.
57. 0,36 г. $^1/_{48}$ статера.
58. 0,31 г. $^1/_{48}$ статера.

Фокейская система

59. 16,47 г. Двойной статер.
60. 16,35 г. Двойной статер.
61. 2,55 г. Трите.
62. 2,58 г. Трите.
63. 2,56 г. Трите.
64. 2,60 г. Трите.
65. 2,59 г. Трите.
66. 2,61 г. Трите.
67. 2,58 г. Трите.
68. 0,64 г. Гемигекта.
69. 0,69 г. Гемигекта.
70. 0,67 г. Гемигекта.
71. 0,65 г. Гемигекта.
72. 0,64 г. Гемигекта.
73. 0,63 г. Гемигекта.
74. 0,63 г. Гемигекта
75. 0,62 г. Гемигекта.
76. 0,33 г. Мисгемигекта.
77. 0,34 г. Мисгемигекта.
78. 0,14 г. $^1/_{48}$ статера.
79. 0,14 г. $^1/_{48}$ статера.
80. 0,18 г. $^1/_{48}$ статера.

«Кизикины»

81. 16,24 г. Статер (двойной статер?).
82. 2,72 г. Гекта (трите?).
83. 2,72 г. Гекта (трите?).
84. 2,01 г. Тетарта.
85. 2,09 г. Тетарта.
86. 1,84 г. Гекта.
87. 1,33 г. Гекта.
88. 1,36 г. Гекта.
89. 0,65 г. Гемигекта.
90. 0,32 г. Мисгемигекта.

Милетско-самосская система.

91. 5,78 г. Гемистатер.
92. 3,49 г. Трите.
93. 2,85 г. Тетарта.
94. 0,82 г. Гемигекта.
95. 0,43 г. Мисгемигекта.
96. 0,46 г. Мисгемигекта.

Эфесская система.

97. 6,35 г. Статер.
98. 1,12 г. Гекта.

Лидийская система.

99. 10,71 г. Тяжёлый золотой статер.
100. 8,07 г. Лёгкий золотой статер.
101. 10,87 г. Тяжёлый серебряный статер.
102. 5,44 г. Драхма.

Персидская система

103. 5,43 г. Лёгкий дарик.
104. 8,39 г. Тяжёлый дарик.
105. 5,43 г. Сикл.
106. 5,44 г. Сикл.
107. 5,59 г. Тяжёлый сикл.

Эгинская система

108. 12,42 г. Статер.

Эвбейская система

109. 17,46 г. Тетрадрахма.
110. 17,61 г. Тетрадрахма.

Лёгкая эгинская система

111. 12,27 г. Статер.

Аттическая система

112. 17,19 г. Тетрадрахма.

Боспор Киммерийский

Архаическая боспорская система (вариант «А»)

Пантикапей

IA3П1в. *Вторая половина 30-х гг. VI в. до н. э.* Л. с.: верхняя часть лысой головы льва анфас. О. с.: в грубом квадратном углублении с прямоугольным размещением выступов и впадин имеется три глубоких пробоя-вдавления. Триобол.

113. 3,11 г, 16×13 мм. Куликов 2007: 325 (упом.). Аналог: Ф.I.*7* (2,82 г).

IA3П2а. *Вторая четверть 20-х гг. VI в. до н. э.* Л. с.: анфас верхняя часть головы льва со схематично переданной короткой прямой гривой и раздвоенной линией носа. О. с.: в грубом квадратном углублении выступы и впадины ориентированы по 4-м разновеликим прямоугольным секторам. Триобол.

114. 2,67 г. Gorny & Mosch. Auction 147: March 7th, 2006. Аналог: Ф.XII.*16*.

IA3П3а. *Третья четверть 20-х гг. VI в. до н. э.* Л. с.: как **IA3П1в**, но линия носа слегка раздвоена. О. с.: слабо намеченное прямоугольное перекрестие во вдавленном квадрате разделяет треугольные впадины и выступы. Триобол.

115. 3,08 г. 13 мм.

IA3П3в. *Конец 20-х гг. VI в. до н. э.* Л. с.: как **IA3П1в**. О. с.: высокорельефные овальные выпуклости поля вдавленного квадрата между лучами прямоугольного перекрестия. Триобол.

116. Д/о 3,2, п/о 2,7 гг, 13 мм.

IA3П3г. *Первая четверть предпоследнего десятилетия VI в. до н. э.* Л. с.: как **IA3П1в**. О. с.: как **IA3П3в**, но выпуклости прямоугольные и слабо выражены. Триобол.

117. 2,71 г, 13 мм.

Аполлонийский монетный союз (чекан храма Аполлона в Пантикапее)

IA1A4б. *Первая четверть предпоследнего десятилетия VI в. до н. э.* Л. с.: как **IA3П1в**. О. с.: намечено разделение вдавленного квадрата на четыре прямоугольные секции, две диагональные из которых приподняты. Обол.

118. 0,99 г, 10 мм.

IA3A4в. *Вторая четверть предпоследнего десятилетия VI в. до н. э.* Л. с. и о. с.: как **IA3A4б**, но всё более чётко выражено. Триобол.

119. 2,49 г, 11,7×13,7 мм.

Архаическая боспорская система (вариант «Б»)

Пантикапей

IA6П5. *Рубеж третьей-четвёртой четвертей предпоследнего десятилетия VI в. до н. э.* Л. с.: как **IA3П1в**. О.с.: перпендикулярно к сторонам вдавленного квадрата «закрученный» по ходу часовой стрелки свастический рисунок с подтреугольными, скошенными к поверхности монеты выступами. Драхма.

120. 6,70 г, 18 мм. ГИМ. А.*3* (с весом 6,04 г); Ф.I.*2*. Аналог: Ф.I.*16*, XII.*17*.

IA3П5. Как **IA6П5**. Л. с. и о. с.: как **IA6П5**. Триобол.

121. 3,40 г, 13×16 мм.

Аполлонийский монетный союз (чекан храма Аполлона в Пантикапее)

IA¼A5б. *Рубеж третьей-четвёртой четвертей предпоследнего десятилетия VI в. до н. э.* Как **IA6П5**. Л. с.: как **IA3П1в**. О. с.: во вдавленном квадрате прямоугольное перекрестие. Тетартеморий.

122. 0,16 г, 7×8 мм.

Архаическая боспорская система (вариант «В»)

Пантикапей

IA4П6г. *Вторая четверть последнего десятилетия VI в. до н. э.* Л. с.: как **IA3П1в**. О. с.: во вдавленном квадрате свастический рисунок со смешанными подтреугольными и прямоугольными выступами «закручен» по ходу часовой стрелки. Тетробол.

123. 2,00 г, 13,4×13,9 мм.

Предполагаемая чеканка храмом Аполлона в Пантикапее монет Нимфея

IA1HA6. *Конец предпоследнего — первая половина последнего десятилетий VI в. до н. э.* Л. с.: влево голова льва с раскрытой пастью. О.с.: как **IA1A4б**. Обол.

124. 0,78 г, 8,1×8,5 мм. Аналог: *81'*, *82'*.

Пантикапей

IA4П6д. *Середина последнего десятилетия VI в. до н. э.*. Л. с.: анфас верхняя часть головы льва со схематично переданной короткой прямой гривой. О.с.: во вдавленном квадрате свастический рисунок с треугольными выступами «закручен» против хода часовой стрелки. Тетробол.

125. 2,96 г, 13×14 мм. Аналог: Мельников 2005: *5*.

IA½П6д. Л. и о. с.: как **IA3П6д**. Гемиобол. Р1.

126. 0,35 г, 6 мм.

Архаическая боспорская система (вариант «Г»)

IБ4П1б. *Последняя четверть последнего десятилетия VI в. до н. э.*. Л. с.: верхняя половина схематичной головы льва анфас со схематично переданной короткой прямой гривой. О. с.: во вдавленном квадрате «закрученный» по ходу часовой стрелки свастический рисунок с формирующимися на его концах квадратными выступами. Тетробол.

127. Д/о 2,82 г, 16,5 мм. Аналог (те же штемпеля): ГЭ. Giel 1886: III, *20*; А.*11*; Ф.I.*17*.

IБ4П1в. *Конец последнего десятилетия VI в. до н. э.* Л. с. и о. с.: как **IБ4П1б**, но квадратные выступы-флажки свастического рисунка геометрически правильной формы. Тетробол.

128. 1,22 г, 11,8×13,3 мм.

IБ4П1г. *Начало первого десятилетия V в. до н. э.*. Л. с. и о. с.: как **IБ4П1в**., но свастико-флажковый рисунок «закручен» против хода часовой стрелки. Тетробол.

129. 11×16 мм.

IБ2П1д. *Первая четверть первого десятилетия V в. до н. э.*. Л. и о. сс.: как **IБ3П1г**, но иная трактовка головы льва. Диобол.

130. 1,46 г, 12×13,5 мм.

IБ2П1з. *Середина первого десятилетия V в. до н. э.*. Л. с. и о. с.: как **IБ4П1г**., но иная трактовка головы льва и свастико-флажковый рисунок «закручен» по ходу часовой стрелки. Диобол.

131. 1,2 г,11 мм**.**

IБ4П1к. *Рубеж третьей-четвёртой четвертей первого десятилетия V в. до н. э.*. Л. с. и о. с.: как **IБ2П1з**., но иная трактовка головы льва. Тетробол.

132. 2,00 г. Gorny & Mosch, Auction 147, March, 2006.

Аполлонийский монетный союз (чеканка в Гермонассе?)

IБ½A2а. *Середина первого десятилетия V в. до н. э.*. Л. с.: верхняя половина головы льва анфас.

О. с.: во вдавленном квадрате прямоугольное перекрестие с двумя точками по диагонали. Гемиобол.

133. 0,30 г, 7,4×7,8 мм.

Архаическая боспорская система (вариант «Д»)

Пантикапей

IВ3П1а. *Вторая четверть 80-х гг. V в. до н. э.* Л. с.: анфас верхняя половина головы льва с густой гривой. О. с.: свастико-флажковый рисунок во вдавленном квадрате «закручен» по ходу часовой стрелки. Триобол.

134. 1,7 г.

IВ3П1в. *Вторая половина 80-х гг. V в. до н. э.* Л. с. и о. с.: как **IВ3П1а,** но иная трактовка головы льва. Триобол.

135. 2,00 г.

136. 1,98 г.

Архаическая боспорская система (вариант «Ж»)

IВ2П3. *Около 478 — рубеж 70—60-х гг. V в. до н. э.* Л. с.: анфас верхняя половина головы льва с густой гривой. О. с.: во вдавленном квадрате на выступах «закрученного» по ходу часовой стрелки свастико-флажкового рисунка по диагонали две четырёхлучевые звезды. Диобол.

137. 1,86 г. Аналог: А.*20*; Ф.IV.*13—16*,*18*,*19*, V.*1—3*; *56'—58'*.

Аполлонийский монетный союз (чекан храма Аполлона в Пантикапее)

IВ2½А2б. *Около 478 г. до н.* э.. Л. с.: верхняя половина морды льва анфас с волнистым, аккуратно уложенным пробором гривы. О. с.: по периметру вдавленного квадрата бусинная рамка с четырёхлучевой звездой с кольцом и точкой по центру. Между лучами звезды четыре каплевидные точки. Пентагемиобол.

138. 2,28 г, 14 мм.

139. 2,42 г, 14 мм.

Аналог: Egger 1904: *354*; 3.XXXIX,*16*; А.*23*; Ф.IV.*7а*.

Феодосия?

IВ⅛Фе1(?). *Середина — вторая половина 70-х гг. V в. до н. э.* Л. с.: голова быка влево. О. с.: Во вдавленном квадрате птица в точечной рамке вправо. Гемитетартеморий.

140. Д/о 0,08, п/о 0,065 г, 4×4,5 мм.

Раннеклассическая боспорская система (вариант «А»)

Пантикапей

IIА½П1в. *Первая четверть 60-х гг. V в. до н. э.* Л. с.: анфас голова льва со схематичной гривой. О. с.: во вдавленном квадрате на выступах свастико-флажкового рисунка по диагоналям 2 четырёхлучевые звезды и **П-А**. Гемиобол.

141. 7,5 мм.

IIА2П1е. *Рубеж 3—4 четвертей 60-х гг. V в. до н. э.* Л. с. и о. с.: как **IIА½П1в,** но иное расположение букв **П-А**. Диобол.

142. 1,47 г, 11—13 мм.

Раннеклассическая боспорская система (вариант «Б»)

IIА2П2. *Последняя четверть 60-х — первые две трети 50-х гг. V в. до н. э.* Л. с.: анфас скальп льва. О. с.: как **IIА2П1е**. Диобол.

143. 1,80 г, 12 мм. Аналог: А.*33*; 91'

Раннеклассическая боспорская система (вариант «В»)

IIА6П3. *Последняя треть 50-х гг. V в. до н. э.* Л. с.: голова льва анфас. О. с.: на выступах свастико-флажкового рисунка П-А-N и восьмилучевая звезда. Драхма.

144. 4,25 г, 17—17,5 мм.

Лёгкая персидская система

IIБ2П7. *Начало 80-х гг. IV в. до н. э.* Л. с.: верхняя половина морды льва анфас. О. с.: голова барана влево, ниже ΠANTI. Диобол.

145. 1,30 г.

Среднеклассическая феодосийская система

Феодосия

IIБ6Фе5. *Вторая четверть 90-х гг. IV в. до н. э.* Л. с.: вправо безбородая голова в аттическом шлеме. О.с.: в округлом углублении букраний анфас, по сторонам и вверху ΘΕ-ΟΔ-ΕΩ.

146. 3,43 г, 13,0×13,2 мм.

Фанагория

IIБ6Ф1. *Вторая половина 90-х — первая половина 80-х гг. IV в. до н. э.* Л. с.: бородатая голова влево в шлеме, украшенном венком. О. с.: в округлом углублении на черте бодающий бык влево, вверху ΦANA, ниже черты зерно.

147. 3,3 г, 15,5×16,5 мм.

Таблица II.

Основополагающие архаические и классические весовые и монетно-весовые системы Малой Азии и Греции

вес в граммах	вес в «хлебных» зёрнах	Весовые системы. Вес в гиру		Монетно-весовые системы								
				на основе электра			на основе золота и серебра					
		вавилонская	финикийская	самосская	милетская	фокейская	эгинская	эвбейская	лидийская, персидская	лёгкая эгинская	лёгкая персидская	аттическая
0,060638...8	1	1/15	1/12	1/144 статера	1/240 статера	1/135 статера		1/12 обола	1/15 обола			
0,303194...4	5	1/3	5/12		1/48 статера							
0,34109375		3/8	15/32			мисгеми-гекта						
0,36383...3	6	2/5	1/2	мисгеми-гекта				гемиобол				
0,60638...8	10	2/3	5/6		мисгеми-гекта							
0,6821875	11¼	¾	15/16			гемигекта						
0,716296875		63/80	63/64							7/10 обола	4/5 обола	обол
0,7276...6	12	4/5	1	гемигекта				обол				
0,89537109375		63/64	159/256							7/8 обола	обол	1¼ обола
0,909583...3	15	1	1¼						обол			
1,02328125		1⅛	1 13/32							обол		

Таблица II (продолжение).

1,2127...7	20	1⅓	1⅔		гемигекта							
1,364375	22½	1½	1⅞			гекта						
1,4553...3	24	$1^{3}/_{5}$	2	гекта				диобол				
1,7907421875		$4^{31}/_{32}$	$4^{59}/_{128}$							1¾ обола	диобол	2½ обола
2,0465625	33¾	2¼	$2^{13}/_{16}$			тетарта				диобол		
2,425...5	40	2⅔	3⅓		гекта							
2,72875	45	3	3¾			трите			геми-драхма (триобол)			
2,9106...67	48	$3^{1}/_{5}$	4	трите				тетробол				
3,6383...3	60	4	5		тетарта			5 оболов	тетробол			
4,29778125		$4^{29}/_{40}$	$5^{29}/_{32}$							$4^{1}/_{5}$ обола	$4^{4}/_{5}$ обола	драхма (6 оболов)
4,366	72	$4^{1}/_{5}$	6	гемистатер				драхма (6 оболов)				
4,84...4	80	5⅓	6⅔		трите							
5,3722265625		$5^{29}/_{32}$	$7^{49}/_{128}$							5¼ обола	драхма (6 оболов)	7½ обола
5,4575	90	6	7½						драхма (6 оболов)	5⅓ обола		
6,1396875	101¼	$6^{3}/_{4}$	$8^{7}/_{16}$							драхма (6 оболов)		

Таблица II (окончание).

≈6,2371428 571428571 428571414		$6^{6}/_{7}$	$8^{4}/_{7}$				драхма (6 оболов)					
7,16296875	118⅛	$7^{7}/_{8}$	$9^{27}/_{32}$							7 оболов	8 оболов	10 облов
7,276...6	120	8	10	5 гект	геми-статер		7 оболов	10 оболов	8 оболов			
8,18625	135	9	11¼			статер			тригеми-драхма	2 тетробола		
8,59556225	141¾	$9^{9}/_{20}$	$11^{13}/_{16}$								$9^{3}/_{5}$ обола	статер (дидрахма)
8,732	144	$9^{3}/_{5}$	12	статер				статер (дидрахма)				
10,915	180	12	15						статер (дидрахма)			
12,279375	202½	13½	16⅞							статер (дидрахма)		
14,553...3	240	16	1 царский шекель (20 гиру)	5 трите	статер		14 оболов	дидекобол (20 оболов)	16 оболов			
16,3725	270	18	22½			двойной статер			тридрахма	4 тетробола		
17,1911245	283½	$18^{9}/_{10}$	$23^{5}/_{8}$							$16^{4}/_{5}$ обола	$19^{1}/_{5}$ обола	тетра-драхма
17,464	288	$10^{1}/_{5}$	24	двойной статер				тетра-драхма				
21,83	360	1 царский шекель (24 гиру)	30						тетра-драхма			
436,6	7200	20 царских шекелей	30 царских шекелей	50 статеров	30 статеров	160 трите	70 драхм	25 тетра-драхм	20 тетра-драхм			
458,43	7560	21 царский шекель	31½ царских шекелей	105 геми-статеров	63 драхмы	28 статеров	147 геми-драхм	105 драхм	21 тетра-драхма	112 тетро-болов	128 тетро-болов	160 тетро-болов

Таблица III.

Периодизация, хронология и система номиналов монет Пантикапея, Аполлонийского монетного союза, Фанагории, Гермонассы (?), Феодосии (?) и Нимфея (?) VI — начала IV вв. до н. э. [19]

Период			**I. Архаический**																											
Этап			**А. Ранней архаики**																											
М/весовая система			**Архаическая боспорская, вариант А: драхма =6,367083…3 г (7 персидских оболов)**														**Вар. Б: 6,821875 г**	**Архаическая боспорская вариант В: условная драхма = 4,366 г (эвбейская драхма)**											
Серия			**П1**				**П2**		**П3**				**П4**		**П5**	**П6**														
Выпуск			**а**	**б**	**в**	**г**	**а**	**б**	**а**	**б**	**в**	**г**	**а**	**б**		**а**	**б**	**в**	**г**	**д**										
Г. до н.э.			**543**	**540**	**535**	**530**	**528**	**526**	**525**	**522**	**521**	**520**	**518**	**515**	**513**	**512**	**510**	**508**	**507**	**506**	**503**									
Пантикапей	Номинал в оболах	36										?																		
		6	1’										5’ (А.7)		120 (А.3)															
		4														3”, 19’	20’	21’	123	125, 5”										
		3	Ф.I.9	2’	113 Ф.I.7	7’, Ф.I.6	114 Ф.XII.16	6’ (А.2/2)	115	А.8	116	117	2”	11’	121															
		2																Нимфей?		6”										
		1½		С.2.10	Нимфей?																									
		1													Ф.II.3			Феодосия?		7”										
		¾					8’, Т.2																							
		½	3’	4’	1”	А.6														126										
		40393					9’, Ф.IX.5																							
		¼											4”																	
Аполлонийский союз		4		13’ (Ф.I.3)			25”			27”	14’ (А.1)	10’																		
		3		15’		16’, Ф.I.8		18’, А.2/1					119	А.4																
																12’, 39’, 40’, Т.3, 4, 7, А.9												
		1										118				Феодосия? 80’														
																Нимфей? 124, 81’, 82’														
		¾						Гермонасса?		78’			Т.1																	
		½		17’				26”					А.5																	
		¼								28”					122	А.10, Ф.IX.3, Т.34														
																Нимфей? 29”														
	Выпуск					а	б	а		б	а	б	в	а	б															
	Серия			А1			А2	А3			А4			А5		А6														

Таблица III (продолжение 1)

Период			**I. Архаический**																	
Этап			**Б. Средней архаики**																	
Система			**Архаическая боспорская, вариант Г: условная драхма = 4,093125 г (4 лёгких эгинских обола)**																	
Правитель			**Неизвестные архонты аполлонийской конфедерации полисов Боспора**																	
Серия			**П1**																	
Выпуск			**а**	**б**	**в**	**г**	**д**	**е**	**ж**	**з**	**и**	**к**	**л**	**м**	**н**	**о**	**п**	**р**		
Г. до н.э.		**503**	**502**	**501**	**500**	**499**	**498**	**497**	**496**	**494**	**493**	**492**	**491**	**490**	**489**	**488**	**487**	**486**		
ПАН	Номинал в оболах	4	8”	127, 23'	128	129	12”, 24’	10”, 26’	14”	25’, 27’—28’	16”, 30’, 32’	132	31’	Ф.II.2,4,7	33’, 34’	35’	37’, 36’	17”		
		2				Т.5	130			131		15”								
Апол.союз		1	41', 42', А.12, Ф.IV.4—7; Т.29—31						46', 9”		11”	13”, А.14		Ф.III.4,29		Ф.III.5		Ф.III.3		
			Гермонасса? 79’																	
		½							133			50’		51’		Т.9		18”		
		¼	43’-45’, А.13 (Ф.IX.17), Т.38						47’—49’, 24”											
Выпуск									а		б	в		г		д		е		
Серия			А1						А2											

Таблица III (продолжение 2)

Период			I. Архаический								
Этап			B. Поздней архаики								
Правитель						Археанактиды					
Система			Архаическая боспорская (вариант Д): драхма =3,9396328125 г			(вариант Е): =4,29778125 г		Арх. боспорская (вариант Ж): усл. драхма =5,4575 г			
Серия			П1			П2		П3			
Выпуск			а	б	в						
Г. до н. э.			486		485	479	478	477	470/469		
Пантикапей	Номинал в оболах	5				55’					
		4		Ф.I.22		A.19					
		3	134		135, 136						
		2½				Ф.V.10					
		2					137, 56’—58’				
		1½			21”						
		¼				33”	59', 60'				
		⅛					34”, 60’				
Аполлонийский союз		2½					138, 139				
		1	19”								
		½	62'—70, 22”, 23”			74’, 75’					
		¼			73’						
		⅛						A.66			
								140			
			Нимфей?		83'	76’, A.25	32’	Феодосия?			
Выпуск			а		б						
Серия			A1			A2	A3	Фе1?			

Таблица III (окончание).

| Период | II. Классический | | |

[19] Таблица отражает дополнения и очередную коррекцию взглядов автора на эмитентную принадлежность, монетно-весовые системы, номиналы, хронологию и периодизацию монетных типов Боспора, показанных в предшествующей публикации (Мельников 2009: 204—206, табл. II).

Даты в таблице указаны приблизительно и для отдельных серий или выпусков допускают колебания до 3-х лет в пределах VI в. и до 2-х лет в пределах V—IV вв. — за исключением дат, специально оговоренных в тексте.

В таблице простые номера обозначают монеты, показанные в табл. иллюстраций I. Номера с двойным апострофом (”) означают монеты, приведённые в (Мельников 2005 в: 338—344). Номера с апострофом (') — фото монет в (Мельников 2009: 212—225). В последней публикации были допущены технические ошибки — несоответствия некоторых иллюстраций данным им описаниям (Мельников 2009). См. список исправлений: номера изображений 4, 5, 6, 7, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 38, 39 на С. 212 и 213 соответствуют номерам в своде монет, тексте и таблице II настоящей работы 5, 6, 7, 4, 18, 12, 15, 13, 14, 17, 39, 38.

Иные сокращения к таблице III, тексту, описанию монет: А. (Анохин 1986); Т. (Таманский музей): (Абрамзон и др. 2008: 637–640); Б-Д. (Бертье-Делагард 1913); Г. (Голенко 1974); З. (Зограф 1951); С. (Строкин 2009); СШ. (Сидоренко и др. 2009); Ф. (Фролова 1996); ШШ. (Шалобудов и др. 2004); ЯТ. (Яценко и др. 2005: 28).

Примеры условных сокращений монетных типов: IБ4 П1 д: I — архаический период, Б — этап средней архаики, 4 — тетробол, П — Пантикапей, 1 — серия, д — выпуск; IIA1/4 А4 а: II — классический период, А — этап ранней классики, '/4 — тетартеморий, А — Аполлонийский монетный союз, 4 — серия, а — выпуск.

Таблица IV.

Формирование монетно-весовых систем, основанных на серебре

Монетно-весовые системы	Вес основного расчётного номинала в граммах	Стоимостный размен	Учёт золота в размениваемом электровом статере	Рацио золота к серебру
Эгинская: Эгина; 50-е гг. VI в. до н. э	≈6,237142857142857 1428571428571414 драхма	20 драхм за милетский статер	≈8,316190476190476 (8 эгинских оболов)	1:14¼
Архаическая боспорская (вариант А): Боспор: последняя треть 40-х гг. — конец предпоследнего десятилетия VI в. до н. э.	6,367083...3 драхма (=7 персидских оболов)	24 драхмы за «кизикин»* I группы	10,005416...6 (11 персидских оболов)	1:14⅔
Архаическая боспорская (вариант Б): Боспор: ок. середины последней четверти VI в. до н. э.	6,821875 драхма (=7½ персидских оболов)	21 драхма и диобол за «кизикин»* II группы	9,4596...67 (13 эвбейских оболов)	1:14⅔
Архаическая боспорская (вариант В): Боспор; конец предпоследнего — $^{2}/_{3}$ последнего десятилетий VI в. до н. э.	2,9106...6 тетробол (эвбейский)	50 тетроболов за «кизикин»* II группы	9,4596...67 (13 эвбейских оболов)	1:14⅔
Архаическая боспорская (вариант Г): Боспор; последняя треть последнего десятилетия VI в. — первая половина 480-х гг. до н. э.	2,72875 тетробол (=2⅔ лёгких эгинских оболов)	52 тетробола и гемиобол за «кизикин»* III группы	9,20953125 (9 лёгких эгинских оболов)	1:14⅔
Архаическая боспорская (вариант Д): Боспор; 480-е гг. до н. э.	1,96981640625 триобол (=2¾ аттических оболов)	72 триобола за «кизикин»* III группы	9,20953125 (9 лёгких эгинских оболов)	1:14⅔
Архаическая боспорская (вариант Е): Боспор; 479 г. до н. э.	2,8651875 тетробол (аттический)	48 тетроболов за «кизикин»* III группы	9,09583...3 (персидский декобол)	1:14⅓
Архаическая боспорская (вариант Ж): Боспор; начало 470-х — рубеж 470—460-х гг.. до н. э.	1,81916...6 диобол (персидский)	75 диоболов за «кизикин»* III группы	9,09583...3 (персидский декобол)	1:14$^{1}/_{5}$
Раннеклассическая боспорская (вариант А): Боспор; первые три четверти 460-х гг. до н. э.	4,7108836805...5 драхма	30 драхм за «кизикин»* III группы	9,09583...3 (персидский декобол)	1:14¾

Таблица IV (окончание).

Монетно-весовые системы	Вес основного расчётного номинала в граммах	Стоимостный размен	Учёт золота в размениваемом электровом статере	Рацио золота к серебру
Лёгкая персидская: Боспор; последняя четверть 460-х — первые две трети 450-х гг. до н. э.	1,7907421875 диобол (лёгкий персидский)	78 диоболов и обол за «кизикин»* III группы	9,09583...3 (персидский декобол)	1:14⅔
Раннеклассическая боспорская (вариант Б): Боспор; последняя треть 450-х гг. до н. э.	4,29778125 драхма (аттическая)	32 драхмы за «кизикин»* III группы	9,09583...3 (персидский декобол)	1:14⅓
Ольвийская («EMINAKO»): Ольвия; 440-е — 437 гг. до н. э.	11,6426...6 статер 16 эвбейских оболов или 11,63982421875 13 лёгких персидских оболов	12 статеров за «кизикин»* III группы	9,09583...3 (персидский декобол) либо 9,20953125 (9 лёгких эгинских оболов)	1:14$^{3}/_{5}$ либо 1:14⅓
Лёгкая персидская: Боспор; 40-е гг. – середина последнего десятилетия V в. до н.э.	1,7907421875 диобол (лёгкий персидский)	78 диоболов и обол за «кизикин»* III группы	9,09583...3 (персидский декобол)	1:14⅔
Среднеклассическая пантикапейская Пантикапей; вторая половина последнего десятилетия V в. — первая половина первого десятилетия IV вв. до н. э.	≈3,82046055169753 драхма	36 драхм за «кизикин»* III группы	9,09583...3 (персидский декобол)	1:14⅓
Среднеклассическая феодосийская: Феодосия; конец V в. — первая половина 80-х гг. IV в. до н. э.	3,438414496527...7 драхма	40 драхм за кизикский статер III группы	9,09583...3 (персидский декобол)	1:14⅓
Среднепонтийская (вариант А): Херсонес Таврический; 90-е — первая половина 80-х гг. IV в. до н.э.	8,59603624125 или 8,59556225 статер аттический	16 статеров за «кизикин»* III группы	9,09583...3 (персидский декобол)	1:14⅓
Среднепонтийская (вариант Б): Херсонес Таврический и Гераклея Понтийская; 60—50-е гг. IV в. до н.э.	6,7252317708 статер	20 статеров за «кизикин»* III группы	9,09583...3 (персидский декобол)	1:14
Лёгкая персидская: Боспор; последняя треть 370-х гг. до н.э.	1,7907421875 диобол (лёгкий персидский)	76 диоболов за «кизикин»* III группы	9,09583...3 (персидский декобол)	1:14$^{1}/_{6}$
Самосская	13,1472690971 тетрадрахма	10 тетрадрахм за «кизикин»* III группы	9,09583...3 (персидский декобол)	1:13$^{2}/_{3}$
Хиосско-родосская	15,6761002603 тетрадрахма	8 тетрадрахм за «кизикин»*	9,09583...3 (персидский декобол)	1:13
Финикийская	3,48357783563 драхма	36 драхм за «кизикин»* III группы	9,09583...3 (персидский декобол)	1:13
Среднепонтийская (вариант В): Херсонес Таврический и Гераклея Понтийская, 345—337 гг. IV в.	9,90877316...6 статер	12 статеров за «кизикин»* IV группы	8,59556225 (аттический статер)	1:13
Македонская: Македония: 356—336 гг.	14,5050113227 тетрадрахма	8 тетрадрахм за «кизикин»* IV группы	8,59556225 (аттический статер)	1:12$^{2}/_{3}$

* «кизикин» — старший номинал электровых монет г. Кизика.

Литература

Абрамзон и др. 2008: Абрамзон М. Г., Фролова Н. А. 2007—2008. *Корпус боспорских кладов античных монет* I. Симферополь; Керчь: Издательский дом «АДЕФ-Украина».

Абрамов А. П., Захаров Е. В. 2007. Комплекс первой четверти V в. до н. э. из Патрея. *ДБ* 11, 15—23.

Анохин В. А. 1971. Относительная стоимость золота и серебра в Ольвии и на Боспоре в конце V—IV в. до н. э. *НиС* 4, 3—14.

Анохин В. А. 1986. *Монетное дело Боспора*. Киев: Наукова думка.

Анохин В. А. 1989. *Монетное дело античных городов Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.

Бертье-Делагард А. Л. 1909. *Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до Р. Х*. Отд. оттиск из НС МНО.

Бертье-Делагард А. Л. 1911. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до Р. Х. *НС МНО* I, 1—100.

Бертье-Делагард А. Л. 1913. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды. *НС МНО* II, 49—134.

Булатович С. А. 1981. Влияние типологии кизикинов на монетное дело городов Причерноморья. В: Карышковский П. О. (отв. ред.). *Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 114—119.

Голенко В. К. 2004. Еще раз о типологии раннего серебра Боспора. В: Колтухов С. Г., Ланцов С. Б., Пуздровский А. Е. (отв. ред.). *У Понта Евксинского (памяти Павла Николаевича Шульца)*. Симферополь: Культурный научный центр, 183—198.

Голенко К. В. 1974. Монеты из раскопок Нимфея 1939—1970 гг. *НЭ* XI, 61—93.

Дандамаев и др. 1980: Дандамаев М. А., Луконин В. Г. *Культура и экономика древнего Ирана*. Москва.

Захаров Е. В. 2009. Монеты VI—V вв. до н. э., найденные на поселении Гаркуша I (Патрей). *ДБ* 13, 206—223.

Зограф А. Н. 1951. Античные монеты. *МИА* 16.

Казаманова Л. Н. 1969. *Введение в античную нумизматику*. Москва: МГУ.

Карышковский П. О. 1960. Об обращении кизикинов в Ольвии. *НЭ* 2, 3—13.

Карышковский П. О. 1977. Ольвийские эксагии из собрания ГИМ. НС. Ч. 5. Вып. 1. *ТГИМ* 49, 110—120.

Карышковский П. О. 1984. Новые материалы о монетах Эминака. В: Черняков И. Т. (отв. ред.). *Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 78—89.

Карышковский П. О. 1988. *Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху*. Киев: Наукова думка.

Карышковский П. О. 1999. Ольвийские монеты: производство и метрология. *Sp*. 6.

Карышковский П. О. 2003. *Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. — IV в. н.э.). Дисс. ... докт. истор. наук. Одесса. 1968*. Одесса: ЧП «Фридман А. С.»

Куликов А. В. 2007. К находке архаической пантикапейской монеты на поселении Чатр-Тау (о месте возникновения боспорского города Китея). В: Зуев В. Ю. (отв. ред.). *БФ* II, 325—331.

Мельников О. Н. 2003а. К публикации крупнейшей серебряной монеты античного Причерноморья. *Sp*. 6, 146—156.

Мельников О. Н. 2005а. Кизикин в монетных системах Боспора и Афин IV в. до н.э. В: Зинько В. Н. (отв. ред.). *БКВМПАС* VI, 207—209.

Мельников О. Н. 2005б. Кизикин как метрологический координатор монетно-весовых систем Греции и Боспора. *Нумизматика* 9, 8—12, 28.

Мельников О. Н. 2005в. Метрология монет Боспора второй половины VI — начала IV вв. до н. э. *Sp*. 6, 320—355.

Мельников О. Н. 2007. Нимфей, скифский вождь Самма (…) и две измены Гилона. В: Зуев В. Ю. (отв. ред.). *БФ* II, 331—337.

Мельников О. Н. 2008. Формирование древнейших монетно-весовых систем Ойкумены. *СС* III, 118—136.

Сидоренко и др. 2009: Сидоренко В. А., Шонов И. В. 2009. К типологии монетной чеканки античной Феодосии. *МАИЭТ* XV, 501—524.

Смекалова и др. 2001: Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л. 2001. *Монетные сплавы государств Причерноморья: Боспор, Ольвия, Тира*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет.

Строкин В. Л. 2009. Нимфей — Самма(?) — Нимфей. *ДБ* 13, 359—392.

Терещенко А. Е. 2004а. *Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского VI – V вв. до н.э.* Дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.

Терещенко А. Е. 2010. Полисная чеканка Боспора Киммерийского в конце VI начале IV вв. до н. э. *Сайт, посвященный монетам Крыма*: http://coins.ucoz.ru/load/polisnaja_chekanka_bospora_kimmerijskogo_v_konce_vi_nachale_iv_vv_do_n_eh/5-1-0-86

Фролова Н. А. 1996. Монетное дело Боспора середины VI—V в. до н. э. *РА* 2, 34—69.

Чуистова Л. И. 1962. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье. *АИБ* II, 7—235.

Шалобудов и др. 2004: Шалобудов В. Н., Шульга А. Н. К вопросу о чеканке железных монет в городах античного Боспора. *Старожитності степового Причорномор'я і Криму* XI. Запоріжжя, 285—287.

Шонов И. В. 2002. О монетной чеканке Феодосии последней четверти V—начала IV вв. до Р. Х. *БИ* II, 327—332.

Штейнванд Г. 1930. Кизикський гект Од. Історично - Археологічного музею в зв'язку з електроновим карбуванням м. Кизика взагалі. *ВОККУАН* 4—5, 7—25.

Яценко и др. 2005: Яценко В. В., Тителакис А. В. О неизвестном варианте синдских гемитетартемориев. В: Молчанов А. А. (отв. ред.). *Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция*. Москва, 28—29.

Babelon E. 1901. *Traité des monnaies grecques et romaines. Première partie. Théorie et doctrine, t. II, fasc. 3*. Paris.

Brandis J. 1866. *Münz-, Mass- und Gewichtswesen in Vorderasien*. Berlin.

Fritze H. 1912. Die Elektronprägung von Kyzikos. *Nomisma* VII.

Giel Ghr. 1886. *Kleine Beitrage zur antiken numismatik Südrusslands*. Moskau.

Kraay C. M. 1976. *Archaic and classical Greek coins*. Lon-

don: Methuen.

Moesta H., Franke P. R. 1995. *Antike Metallurgie und Münzpragung*. Basel; Boston; Berlin; Birkhauser Verlag.

Ramage A., Craddock P. 2000. *King Croesus' Gold: Excavations at Sardis and the History of Gold Refining*. Archaeological Exploration of Sardis, 11. Cambridge, MA: Harvard Univ. Art Museums, in association with British Museum Press.

Seltman Ch. T. 1924. *Athens, its History and Coinage before the Persian Invasion*. Cambridge.

Seltman Ch. T. 1960. *Greek coins*. London: Methuen.

Viedebantt O. 1923. *Antike Gewichtsnormen und Münzfüsse*. Berlin.

Wolters R. 2002. *Zwischen Asien und Europa: Lydisches Elektron und die Anfänge der griechischen Silbermünzen*: www.fondazionecanussio.org/atti2002/wolters.pdf

Статья поступила в номер 9 апреля 2010 г.

Oleg Melnikov (Nikolaev, Ukraine).

Oleg Melnikov (Nicolaev, Ucraina).

Мельников Олег Николаевич (Николаев, Украина).

E-mail: bospor-mon@mail.ru

Звонкие цветы средневековья

Hard Flowers of the Middle Ages
Flori neveştejite ale Evului Mediu

№6. 2010

М. В. Ступко, Е. Я. Туровский

Литые монеты средневекового Херсона

M. V. Stupko, E. Ia. Turovsky.

Cast Coins in Medieval Chersonese.

The authors discuss various debatable questions connected with issue of cast coins in medieval Chersonese. It is a question of technological features of coinage, their relative and absolute chronology. The considered chronological framework covers an interval from the beginning of minting of the first cast coins in the first half of 8th c. till 13th century, when the last unilateral cast coins with the monogram Pω were thought to have been issued.

M. V. Stupko, E. Ia. Turovsky.

Monedele turnate ale Hersonesului medieval.

Articolul discută diferite aspecte legate de emiterea monedei turnate în Hersonesul medieval. Sunt examinate particularităţile tehnologice ale emisiunii monedelor, cronologia relativă şi absolută a lor. Limitele cronologice ale lucrării cuprind intervalul dintre începutul emiterii primelor monede turnate în prima jumătate a sec. VII pînă în sec. XIII, cînd, probabil, erau emise ultimele monede turnate unilaterale cu monograma Pω.

М. В. Ступко, Е. Я. Туровский.

Литые монеты средневекового Херсона.

В статье рассмотрены различные спорные вопросы, связанные с выпуском литой монеты в средневековом Херсоне. Речь идет о технологических особенностях выпуска монет, их относительной и абсолютной хронологии. Хронологические рамки работы охватывают интервал от начала выпуска первых литых монет в первой половине VIII в. до XIII в., когда, вероятно, выпускались последние односторонние литые монеты с монограммой Pω.

Keywords: cast coins, medieval Chersonese, issue of coins, lead bronze, Byzantine Empire

Cuvinte cheie: monede turnate, Hersonesul medieval, emisie de monede, plumb bronz, Imperiul Bizantin

Ключевые слова: литые монеты, средневековый Херсонес, выпуск монет, свинцовистая бронза, Византийская империя.

Производство монеты методом литья известно со времен греческой архаики. Причем интересно, что этот феномен возник в процессе колонизационной практики ионийских греков. Эллинские полисы Причерноморья: Ольвия, Керкинитида, Истрия, Аполлония выпускали литые монеты как классического круглого вида, так и специфические монеты типа «стрел», «дельфинов», «рыб» уже в VI—V вв. до н. э. Другим местом появления литой монеты была Средняя Италия. В Риме первые так называемые «либральные ассы» появляются около 338 г. до н. э. Однако выпуск литой монеты был скорее исключением из правил, поскольку наличие литой монеты в обороте сильно упрощало жизнь фальшивомонетчикам, появившимся едва ли не со времени изобретения самих монет. Скорее всего, именно по причине большой технологической простоты изготовления литых монет относительно чеканенных в античности отдали предпочтение чеканенной монете, причем с изображениями достаточно высокого художественного уровня, усложнявшими её фальсификацию.

В течение большого промежутка времени литая монета не производились нигде. В средние века на Анатолийском полуострове

© М. В. Ступко, Е. Я. Туровский, 2010.

только в XII—XV вв. династией Артукидов выпускались литые бронзовые фельсы.

Появление литых монет в средневековом Херсоне можно считать уникальным для Византии VIII—XIII вв. По всей территории Византийской империи вплоть до ее гибели ходила исключительно чеканенная монета. Предоставление Херсону властями империи права выпуска разменной литой бронзовой монеты наиболее логично объяснить дефицитом денежной массы на местном рынке, который, по-видимому, не покрывался привозной монетой имперского чекана. Выбор в Херсоне технологией производства монет именно литья обуславливался его дешевизной и, скорее всего, отсутствием квалифицированных граверов. В пользу последнего утверждения говорят весьма незатейливые сюжеты на херсонских литых монетах, представляющие собой отдельные буквы, монограммы и, в редких случаях, примитивные портреты.

Отливка монет производилась в закрытые двусторонние формы, вероятнее всего, из отощенной глины, которая обеспечивает максимальную живучесть при весьма низкой себестоимости. Расположение оттисков производилось по решетчатой схеме (рис. 33). Оттиски изображений в форме производились, по всей видимости, глиняным штемпелем вручную, о чем свидетельствует разная толщина монет с одинаковым рисунком.

В процессе производства монет литейные формы изнашивались, так же, как и штампы для оттиска, которые, вероятнее всего, изготовлялись из обожженной глины, что технологически существенно снижает трудоемкость и себестоимость производства. В дальнейшем для новых оттисков использовались штемпели, полученные переоттиском с изношенных форм. Утверждение И. В. Соколовой, которое поддержал В. А. Анохин (Анохин 1977: 103), об использовании в этих целях монет не представляется убедительным в силу технологических особенностей: вдавив монету в опоку из сырой глины, проблематично извлечь ее обратно, не оставив следов пальцев или инструмента, с помощью которого монета-штемпель извлекалась обратно. При этом процесс нанесения оттисков может ощутимо затянуться. В то же время, по разметочной сетке можно нанести оттиски цилиндрическим глиняным штемпелем за считанные минуты. В пользу этой версии говорят следующие факты. Отощенная глина в сыром состоянии обладает пониженной пластичностью, из-за чего при описанном переснятии изображения теряется его четкость, что хорошо заметно при изучении серий монет — Василия II (тип В — крест) и Льва VI (тип ΛΑ — крест и ΛΕ — крест), где более крупные (читай — ранние) экземпляры всегда обладают четким рисунком, а наименьшие в серии — чаще всего имеют размытое изображение. Различие диаметров более крупных и уменьшенных экземпляров составляет в среднем 13—15%, что примерно соответствует двукратной сушильной усадке отощенной глины: усадка штемпеля плюс усадка новой формы. Данная технологическая тенденция прослеживается до последних выпусков литой монеты в Херсоне с монограммой Рω. Кроме того, происходила, так сказать, технологическая порча монеты, которая также давала некоторую экономию металла.

В качестве монетного материала использовалась свинцовистая бронза, обладающая неплохой жидкотекучестью, обеспечивавшей приемлемое качество отливки. По сравнению с оловом, более предпочтительным в качестве присадки для бронзы, однако более дефицитным, применение свинца также снижало себестоимость. Необходимо отметить довольно интересный момент, связанный с качеством монетного металла. Наличие среди найденных монет Василия I и Льва VI заметного числа экземпляров из свинца следует относить не к специальным эмиссиям, а к плохому смешиванию сплава, поскольку известны биметаллические монеты данного типа. Получая медь и (или) бронзу из казны, местные власти, по живущей до сих пор традиции, пытались извлечь посильную выгоду для себя, добавляя в монетный металл вполне доступный и дешевый свинец. Начиная с Василия I, известны свинцовые монеты практически всех последующих правлений. Огромные тиражи выпуска литых монет Херсона могут говорить о чрезмерной загруженности монетариев, приводившей к снижению качества продукции. Очень часто в обращение попадали бракованные экземпляры. За счет значительного количества разменной монеты местного производства, по всей видимости, покрывался денежный дефицит, в том числе и денег из драгметаллов, являвшихся основным средством накопления. Вероятно, этой причиной объясняется наличие нескольких известных на данный момент весьма крупных кладов литой монеты местного производства.

Учитывая тот факт, что никаких данных о выпуске литой монеты в средневековом Херсоне в письменных источниках не имеется, приходится исходить из той информации, которую дают сами монеты и их легенды. Начнем с самых ранних выпусков литых монет. Сразу же отметим, что существующие их атрибуции и хронологические привязки

в наиболее авторитетных работах на эту тему (Анохин 1977: 102—104; Соколова 1983: 30—39), на наш взгляд, нуждаются в очень существенных уточнениях, а зачастую и в пересмотре. В последнее время к проблеме хронологии ранних литых монет обратился М.М. Чореф (2008). Некоторые его заключения заслуживают, по нашему мнению, внимания. Итак, обратимся к наиболее вероятной последовательности литых эмиссий Херсона и их хронологии.

М.М. Чореф полагает, что первым литым выпуском следует считать выпуск, целиком подражающий типу херсонесского пентанумия времени императора Юстиниана I, хотя и выражает сомнение в его литом характере (Чореф 2008: 118). В.А. Анохин, который опубликовал до сих пор единственный экземпляр такой монеты, почему-то располагает ее вслед за литыми подражаниями херсонским полуфоллисам (Анохин 1977: 103). Датирует он эту монету, как и все остальное раннее литье, второй половиной VIII в., в то время как подобный тип монеты не выпускался позднее начала VII в. Мы полагаем, что строить далеко идущие теории вокруг единственной монеты, литой характер которой к тому же вызывает серьезные сомнения, не стоит.

На наш взгляд, начало выпуска литой монеты в Херсоне следует отсчитывать от редкого, но достаточно хорошо представленного в музейных собраниях и частных коллекциях анонимного выпуска, подражающего херсонским полуфоллисам второй половины VI — первой половины VII вв. (рис. 1). Наличие среди монет этой серии экземпляров, значительно отличающихся один от другого размерами, позволяют говорить об относительно длительном выпуске, в ходе которого происходила порча монеты. Однако более определенно данный вопрос может быть изучен только с накоплением материала. До сих пор такие монеты остаются значительной редкостью.

Рис. 1. Литые подражания чеканенным херсонским монетам в 20 нуммий.

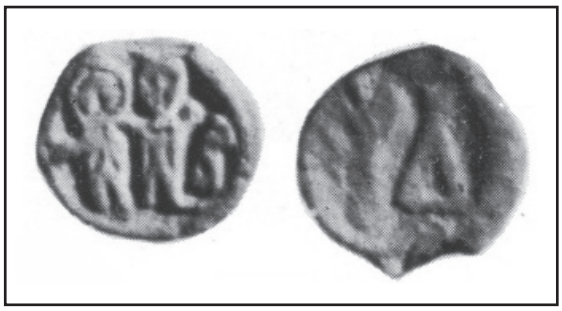

Рис. 2. Литые монеты, возможно, принадлежавшие выпускам времени Вардана Филиппика.

М.М. Чореф сделал попытку приписать отдельные выпуски ранних литых монет к конкретным правлениям византийских императоров (2009). Во многом, его выводы опираются на предположения И.В. Соколовой, хотя местами он идет дальше. Рассмотрим некоторые выводы И.В. Соколовой относительно времени выпуска литых монет Херсона, например, относительно литых монет первого выпуска, подражающего чеканенным херсонским монетам времени императора Маврикия Тиберия, которые маркированы литерой В (рис. 2). И.В. Соколова предположила, что если это первая буква имени императора, то монету можно приписать только одному императору — Филиппику Вардану, и датировать временем до его коронации, т.е. периодом пребывания в Херсоне (Соколова 1983: 33). Мы тоже полагаем данную реконструкцию наиболее вероятной.

Если В.А. Анохин все раннее литье датирует второй половиной VIII в. (Анохин 1977: 103), то И.В. Соколова склонна относить их к более широкому периоду — всему VIII в. (Соколова 1983: 33). Она же, совершенно, на наш взгляд, справедливо, отметила, что изображение на херсонских монетах святых после 730 г., когда Лев III запретил почитание икон, вряд ли возможно (Соколова 1983: 32). М.М. Чореф, признавая возможность денежной эмиссии от лица Вардана Филиппика, считает, что она происходила в период его борьбы с Юстинианом II с целью финансирования военных расходов. В этом случае оригиналом могли служить самые распространенные и узнаваемые населением монеты, производство которых было относительно хорошо налажено и сравнительно дешево. А для узаконения их обращения, на аверсах была размещена его монограмма (Чореф 2008: 120).

М.М. Чореф приходит к заключению, что в Херсоне в первой половине VIII в. выпускали литую бронзовую монету от имени пяти византийских императоров (Чореф 2009). Хотим отметить, что такой вывод трудно при-

знать правомочным. Вряд ли следует относить монеты со строчной альфой, с косой гастой и крестом (рис. 3) ко времени правления Анастасия II (713—716), поскольку форма креста практически одинакова с крестами на херсонских монетах IX в. с буквой М (в данном случае не столь важно, кто скрывается за этой буквой — Михаил II или Михаил III).

Другое дело — монеты с легендой DN TH (рис. 4). В. А. Анохин полагает, что латинская легенда расшифровывается как имя императора Феофила (DN THEOFILVS) (Анохин 1977: 113). Против такой возможности решительно выступила И. В. Соколова, которая считает, что Анохин исходит из современного написания имени Феофил в странах с латинским алфавитом. В византийское же время на всех монетах, в том числе и выпущенных в Италии, где больше всего можно было бы ожидать появления латинского шрифта, имя Феофил начинается с теты. С теты начинаются и имена Феодоры и Феклы, соправительниц Михаила III в годы его малолетства. Таким образом, ни одному из этих трех правителей нельзя приписать изучаемые монеты (Соколова 1983: 38). Тем не менее, И. В. Соколова не предлагает какую-либо альтернативу реконструкции имени на монете.

М. М. Чореф предполагает, на наш взгляд, достаточно реальную реконструкцию имени на данной монете — Феодосий III (716—717). Мы также считаем эту атрибуцию наиболее продуктивной, поскольку в начале VIII в. еще существовала традиция монетных легенд на латинском языке, а в IX в. уже нет (Чореф 2008: 124). Добавим, что и титулатура DN (DOMINVS NOSTRVM) исчезает в VIII в. В самом Херсонесе в V в. чеканились монеты императора Феодосия II с легендой DN THEODOSIVS, аналогичные легенды обозначались и на византийском золоте Феодосия III. В пользу датировки временем Феодосия III литого выпуска с латинской легендой свидетельствует и то, что тип монеты значительно отличается от остальных монет подобного типоразмера, уверенно относимых уже к первой половине IX в.

Рис. 3. Монета с титулом архонта.

Рис. 4. Монета с именем Феодосия III.

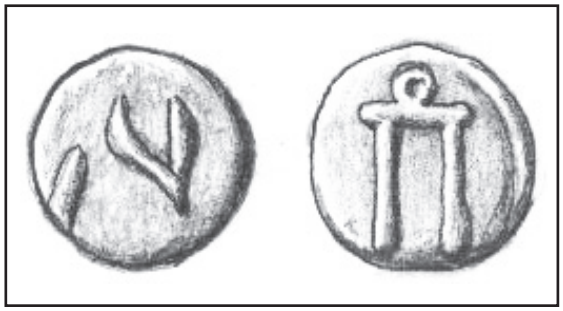

Рис. 5. Монета с именем Никифора (?).

Что касается других реконструкций М. М. Чорефа, то они вряд ли продуктивны. По крайней мере, к первой половине VIII в. они не имеют отношения. Действительно, Никифор — наиболее вероятный вариант для монет с N и буквами П и О, но это уже начало IX в. (рис. 5).

Непонятно, из каких соображений В. А. Анохин усмотрел в явной N — М (Анохин 1977: 159). Время императора Никифора (802—811) очень хорошо укладывается в схему херсонской чеканки начала IX в. Буква П очень схожа по виду с аналогичной буквой на монетах с П П.

Монеты с П-П и П-Х составляют отдельную группу херсонесского литья, которая является промежуточной между монетами первых двух десятилетий VIII в. и монетами уже IX в. (рис. 6). О том, что эти монеты образуют отдельную группу, свидетельствует клад из 45 монет, найденный в 1964 г. в Херсонесе, в состав которого входили только монеты обоих названных видов (Соколова 1971: 21).

Буквы П-Х И. В. Соколова вслед за А. В. Орешниковым читает как πολις Χερσωνος, что, по ее мнению, ясно указывает, на решающую роль городского самоуправлени в момент выпуска этой серии (Соколова 1983: 36). Относительно букв П-П она отказалась предлагать свои версии. В этом отношении представляет большой интерес недавняя работа Н. А. Алексеенко, в которой он обращает внимание на моливдулы с упоминанием

должности патера полиса Херсона (Алексеенко 2008: 83—85). Патер здесь выступает в значении отец (куратор). Версия о том, что в данном случае за буквами П-П скрывается должность πατήρ τής πόλεως (Алексеенко 2008: 83), не кажется нам слишком смелой. Можно осторожно предположить, что и буквы П-Х здесь имеют подобное значение — πατήρ τής Χερσωνος. Не беремся судить о точной хронологии этих выпусков, разместив их в пределах второй половины VIII в., скорее всего, ближе к концу столетия. Предположительно, вслед за монетами с первой буквой имени Никифора в начале IX в. отливались монеты, выпущенные в правлении Никифора или Михаила II. На лицевой стороне они имели букву А (рис. 3) или П. Оборотная сторона монет с П содержит крест. Типы крестов имеют варианты (рис. 7).

Монеты с А известны с изображением креста (рис. 3) или монограммы П°Х (πόλης Χερσονος) (рис. 8). Недавно найдена монета, на которой на лицевой стороне — П, на оборотной — А (рис. 8).

Затем, очевидно, следуют монеты с М, которые имеют на оборотной стороне кресты той же формы, что и монеты с П и А (рис. 9), скорее всего, времени правления Михаила II (820—829).

Все названные монеты очень близки морфологически. Наличие среди них очень тонких экземпляров без следов на гурте ленточных литников позволяет предполагать одновременный выпуск литых и чеканенных медных монет одинаковых типов. Все эти монеты с П и А нельзя сопоставить ни с одним из известных византийских императоров того времени. Сопоставлять монеты с А, как это делает М. М. Чореф, с именами Анастасия II и Артавазда мы не считаем логичным. О первом из названных персонажей мы уже говорили, что касается второго, то, на наш взгляд, кратковременность его прав-

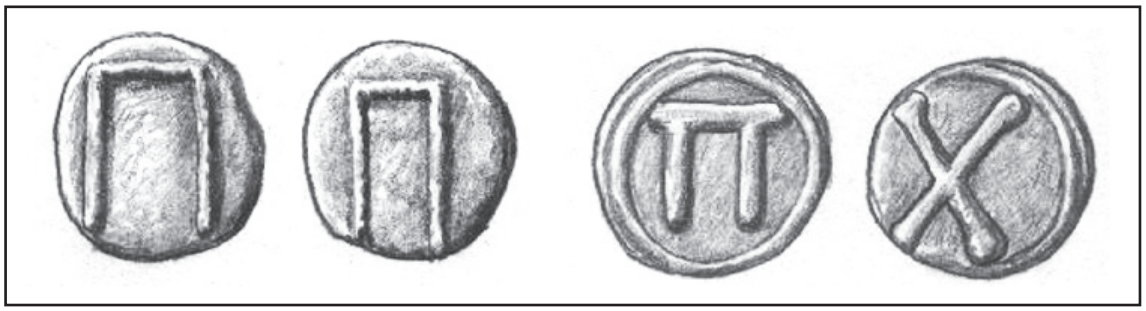

Рис. 6. Монеты с титулом патера полиса или протевона.

Рис. 7. Анонимные монеты полиса Херсона.

Рис. 8. Монеты с титулом архонта полиса.

Рис. 9. Монеты с именем Михаила.

Рис. 10. Монеты времени соправления Михаила III и Василия I.

ления и отрыв от основных двух первых этапов херсонского литья делают такое допущение крайне маловероятным. К тому же, попытки связать каждую из монет с конкретным императором достаточно спорны, поскольку все равно не удается привязать к ним монеты с П, а их достаточно много. Поэтому следует со всем вниманием отнестись к той части гипотезы Анохина, где речь идет о протевонах (или, может быть, патерах полиса?) и архонтах (Анохин 1977: 110, 159).

Затем наступает этап, когда обозначение имени императора в виде одной, двух первых букв имени или монограммы имени становится обязательным (единственное исключение — редкая монета с двумя крестами). Первые в этом ряду — выпуски времени императоров Михаила III (842—867) и Василия I Македонянина (867—886). Поскольку соправителями они были в 866—867 гг., то тогда же, надо думать, осуществлялись и херсонесские выпуски (рис. 10). На лицевой стороне этих весьма обильных выпусков обозначались первые буквы имен императоров — МВ, на оборотной — ПºХ (πολις Χερσονος).

В данной эмиссии наблюдается внутрисерийная дифференциация типоразмеров с превышением диаметров наибольших экземпляров над наименьшими практически на 50%. При этом сохраняется достаточная четкость изображения на всех подвидах. Речь уже не идет об упоминавшейся «технологической порче», а о вероятности наличия разных номиналов.

К единоличному правлению Василия I относится ряд выпусков, на которых лицевая сторона всех монет содержит первую букву имени — В. Редкий выпуск, отличающийся от прочих большим размером (рис. 11), имеет на оборотной стороне неразборчивую легенду или орнамент вокруг креста. Форма этого креста подобна крестам с Т-образными окончаниями на монетах Михаила, а также на монетах с П и А.

На оборотной стороне большинства монет Василия I, раннего этапа его правления, обозначался символ П — πολις. В ряде случаев как В, так и П сопровождают изображения небольших крестов (рис. 12). На последнем этапе этого правления в Херсонесе

Рис. 11. Редкая монета начала индивидуального правления Василия I.

Рис. 12. Монеты Василия I, выпущенные от лица полиса.

Рис. 13. Монеты Василия I с крестом на Голгофе разных вариантов.

появляется устойчивый тип монеты с сокращением имени императора и крестом на Голгофе. Подобный вариант легенд литых монет Херсона в последующие годы деятельности херсонского монетного двора становится преобладающим (рис. 13). Выпуски позднего этапа правления Василия в Херсоне отмечены большими тиражами и разнообразием форм для лицевой и оборотной сторон. Существует достаточно большое число вариантов, которые имеют как изображения буквы В, так и креста. Изображение В имеет нормативный вид — правый поворот, внизу оно ограничено чертой. Очень редко, но случается левый (зеркальный) поворот буквы В. Третий вариант начертания буквы — симметричный, наподобие просвета замочной скважины. Буква В, в ряде случаев, сопровождается точками. Иногда точка расположена в нижней части буквы. По-видимому, на самом последнем этапе правления Василия, по мнению В. А. Анохина, выпускались монеты, где по сторонам буквы В изображено по точке. В пользу такой версии исследователь отмечает, что разновидности монет с точками обнаруживают наиболее яркие признаки деградации (в частности, уменьшается вес и размер монет).

Что касается крестов, то они также имеют варианты, отличающиеся окончаниями лучей креста, наличием или отсутствием точек по сторонам креста. Объединяет эти кресты наличие внизу так называемой «Голгофы». Тип имеет название — «крест на Голгофе», либо «архангельский крест».

Предположение И. В. Соколовой о том, что крупный тип литой монеты с моногram-

Рис. 14. Монета с двумя крестами, базирующимися на сфере и на Голгофе.

мой имен Константина и Василия (рис. 28) относится ко времени совместного правления Василия I и Константина (его младшего брата и соправителя в течение десятилетия) (Соколова 1983: табл. VII, 10, 11), вряд ли соответствует истине как по типологическим соображениям (см. ниже), так и по стратиграфическим. Приведем стратиграфическое наблюдение, сделанное нами в 2009 г. в ходе последних исследований на херсонесской свалке у южной крепостной стены города, точнее, более чем в 2-метровом слое пожара, вывезенном из сожженного города. Среди нескольких сотен монет, найденных там, самыми поздними оказались монеты Романа II Порфирогенета (959—963). Монеты с кВω в слое пожара отсутствовали. Это при том, что все выпуски от Василия I до Романа II в слое представлены большим числом экземпляров.

Скорее всего, к промежутку между правлениями Василия I и Льва VI принадлежит редкий выпуск с двумя крестами (крест на сфере и крест на Голгофе) как символ симфонии власти небесной и власти земной (рис. 14).

Василию наследовал Лев VI (886—913). Выпуски его отмечены двумя группами — временем единоличного правления (886—911) и временем совместного правления с Александром (911—913). Литые монеты Льва, относящиеся ко времени его единоличного правления, имеют два типа: первый имеет две буквы ΛЕ на лицевой стороне и крест на Голгофе с точками по обе стороны на оборотной стороне (рис. 15: 1); второй — на лицевой стороне — крест, по сторонам Л и Е, на оборотной стороне — портрет императора (рис. 15: 2).

Монеты совместного правления также делятся на два типа: первый тип имеет на лицевой стороне «лотарингский» крест, по сторонам которого первые буквы имен императоров Л и А, а на оборотной крест на Голгофе и две точки по сторонам (рис. 16: 2); второй тип имеет на лицевой стороне стоящие рядом буквы Л и А, на оборотной стороне также крест на Голгофе и две точки по сторонам (рис. 16: 1).

Далее начинается длительное правление Константина VII Багрянородного (913—959), при котором выпуск литой монеты в Херсонесе имел несколько этапов.

В датировке литых выпусков у исследователей существуют известные расхождения. В. А. Анохин полагает, что в 919 г. Роман I, который являлся, по сути, регентом при Константине, выдал за него свою дочь Елену. Это событие нашло отражение в выпуске в Херсонесе монеты с портретом Константина на лицевой стороне и Елены на оборотной (рис. 17) (Анохин 1977: 119, табл. XXVII, 401, 402).

И. В. Соколова полагает, что на монетах с двумя портретами можно увидеть вместе с портретом малолетнего императора его мать Зою, поскольку только в ее правление (913—919) на византийских монетах фиксируется ее совместное изображение с малолетним сыном, следовательно, только в этом хронологическом диапазоне могли выпускаться означенные херсонесские монеты (Соколова 1965:

Рис. 15. Монеты императора Льва VI.

Рис. 16. Монеты соправления Льва VI и Александра.

Рис. 17. Монеты с портретами Константина VII и Зои или Елены.

Рис. 18. Монеты с двумя портретами и буквами РО и ХР.

116—121). Затем наступает этап, когда на престоле утверждается свергнувший Зою Роман I Лакапин. Вначале он делит власть с младшим братом Христофором. Очевидно, в это время в Херсонесе выпускают монету с двумя портретами — на лицевой стороне мужской портрет, сопровождаемый буквами Р и О (Роман), на оборотной стороне — женский портрет, сопровождаемый буквами Х и Р (Христофор) (рис. 18).

Совместное правление Романа и Христофора длилось с 921 г. до 932 г. (год смерти Христофора). Вероятно, выпуск осуществлялся в этом временном интервале, хотя, скорее всего, следует ограничить его годом коронации Христофора (921). Это очень редкий выпуск (известно не более десятка монет). И. В. Соколова, на наш взгляд, совершенно убедительно, доказала, что корона на портрете на оборотной стороне монеты женская (Соколова 1965: 118, 119). Для выпуска новых монет с именами Константина и Христофора использовалась форма с изображениями Зои и Константина (И. В. Соколова) или же Елены и Константина (В. А. Анохин). В любом случае, женский портрет сопровождают первые две буквы имени Христофора, что, по меньшей мере, странно. Более рационального объяснения этому факту, чем полное безразличие далеких от столицы херсонитов к подобным тонкостям, на ум не приходит.

Затем выпускаются монеты от имени самого Романа I Лакапина. На одном типе монограмма Романа и его портрет (рис. 19: 1, 2), на других — иные варианты монограммы того же имени и крест на Голгофе с точками (рис. 19: 3, 4).

Монета с монограммой и портретом, по мнению И. В. Соколовой, по причине большого сходства портрета с мужским портретом на двухпортретной монете должна по времени ей предшествовать (Соколова 1965: 119—120). Хотим отметить, что аргументация исследовательницы не кажется нам убедительной, поскольку изображения на названных монетах, хоть и очень близки, но не являются отлитыми из одной формы или при использовании для создания формы ранее отлитых монет. Нам представляется, что единоличные монеты Романа I выпускались в скором времени, но уже после совместного выпуска от имен Романа и Христофора.

Выпуски Романа I, по-видимому, завершаются небольшими монетами с монограммой из двух букв Р и ω на лицевой стороне и креста с точками на Голгофе на оборотной (рис. 19: 4).

Рис. 19. Монеты правления Романа I.

Рис. 20. Монеты времени единоличного правления Константина VII.

Рис. 21. Монеты правления Романа II.

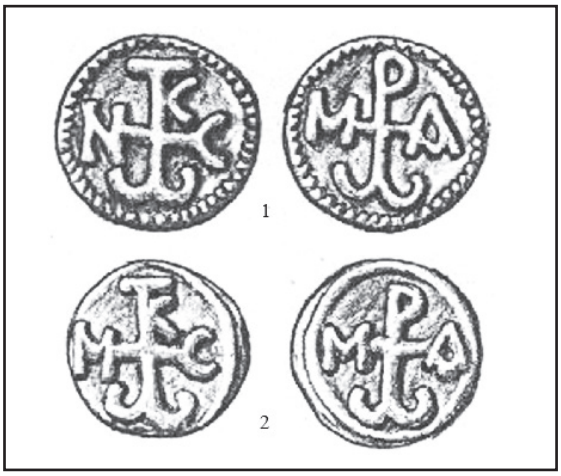

Рис. 22. Монеты с монограммами императоров Романа II и Константина VIII.

Эта монограмма с ладьевидным окончанием напоминает двурогий якорь. В целом, все названные монеты выпускались где-то между 933 г. и 944 г. (год смерти Романа I).

На заключительном этапе правления Константина VII (945—959) в Херсоне отливались его монеты следующих типов: на лицевой стороне — две первые буквы имени императора — К и ω, на оборотной стороне — портрет императора (рис. 20: 1, 2); на лицевой стороне — две первые буквы имени императора — К и ω, на оборотной стороне — крест на Голгофе (рис. 20: 3, 4). К более раннему варианту относится крест с традиционным завершением лучей креста, как на монетах выпусков предыдущих правлений (рис. 20: 3).

На завершающем этапе правления Константина Багрянородного был осуществлен выпуск монеты с новой формой креста. Крест, расположенный по-прежнему на Голгофе, имеет отогнутый книзу правый луч (рис. 20: 4). Это очень важное обстоятельство, поскольку связывает эти монеты с выпусками следующего правителя Романа II (959—963), которые имеют на оборотной стороне полностью аналогичный тип креста.

Монеты Романа II Порфирогенета отличаются очень большим объемом выпусков. При этом количество разновидностей монограмм имени императора весьма ограничено и сводится к трем основным: с левым поворотом Р и двумя точками по сторонам (рис. 21: 1), правым поворотом Р без точек (рис. 21: 2) и более редкому с симметричным ушком (рис. 21: 3).

По-видимому, ко времени правления Романа II следует отнести и монеты, где монограмма Романа соседствует с монограммами его сыновей Константина VIII и Василия II. Монеты с монограммами Романа и Константина имеют два варианта: первый имеет обычный кольцевой ободок (рис. 22: 1), второй — точечный ободок, который становится обычным для монет последующих выпусков (рис. 22: 2).

Такие же два варианта можно отметить для монет, где монограмма Романа сочетается с монограммой Василия (рис. 23: 1, 2).

Рис. 23. Монета с монограммами императоров Романа II и Василия II.

Рис. 24. Монета времени императора Никифора Фоки.

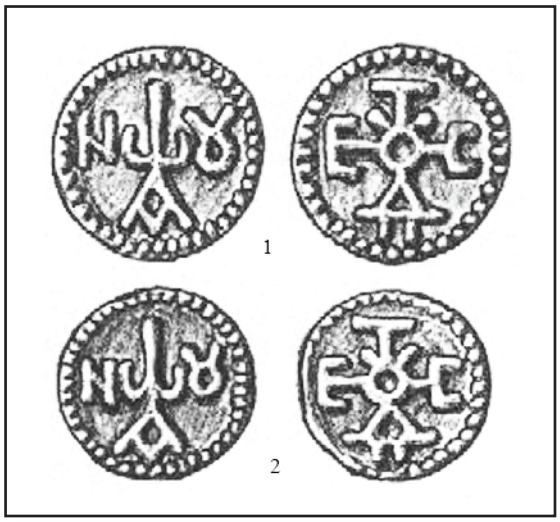

Рис. 25. Монета времени императора Иоанна Цимисхия.

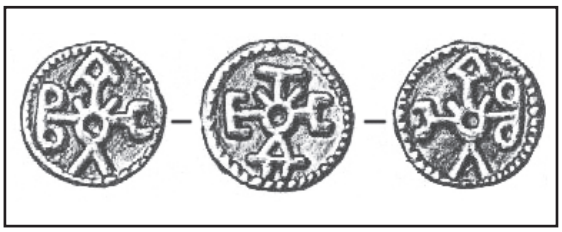

Рис. 26. Монета императора Василия II с титулом деспот.

После Романа II следует не слишком длительное правление Никифора II Фоки (963—969). При нем в Херсоне выпускаются литые монеты с монограммами с обеих сторон. На лицевой стороне — монограмма имени императора — Νικηφόρος; на оборотной стороне монограмма титула — Δεσποτ. Среди монет этого императора бывают экземпляры как с точечным ободком, так и без такового (рис. 24). Следует отметить, что херсонесские монеты с монограммой Фоки достаточно редки, что предположительно обусловлено многократным уменьшением выпуска монет по сравнению со временем правления Романа II.

Херсонский литой выпуск императора Иоанна I Цимисхия (969—976) очень напоминает монеты его предшественника — такая же монограмма имени императора на лицевой стороне и его титула на оборотной стороне, на подавляющем числе экземпляров — точечный ободок на обеих сторонах монеты (рис. 25). Тиражи монет времени правления этого императора также невелики.

Сложнее обстоит вопрос о литых выпусках, приходящихся на многолетнее правление императора Василия II Болгаробойцы (976—1025). Вероятно, большая часть монет с литерой В и крестом на Голгофе относится к правлению Василия I Македонянина. В пользу этой версии говорит отсутствие экземпляров как со скошенным лучом, так и экземпляров с точечным ободком. К правлению Василия II относятся монеты только с его именем и монеты, где имя императора сочетается с именем соправителя.

К первым выпускам Василия II относится монета, типологически полностью соответствующая монетам предшествующих императоров Никифора II Фоки и Иоанна Цимисхия. Монограмма имени Василий сочетается с монограммой титула — деспот, все обрамлено точечными ободками (рис. 26).

Известны монеты Василия II, выпущенные совместно с его наследником Константином VIII. Трудно сказать, осуществлялись ли эти литые выпуски только в короткое совместное правление двух императоров в 1025 г. или в другие годы правления Константина VIII, как бы освящая имя Константина авторитетом Василия. Первая из этих монет стандартного для этого времени типоразмера (рис. 27) имеет на лицевой стороне первые две буквы имени Василий, на оборотной — две первые буквы имени Константин и маленький антониевский крест (?) над буквами.

Вторая монета этих императоров-соправителей имеет крупный типоразмер,

Рис. 27. Монета с монограммами императоров Василия II и Константина VIII.

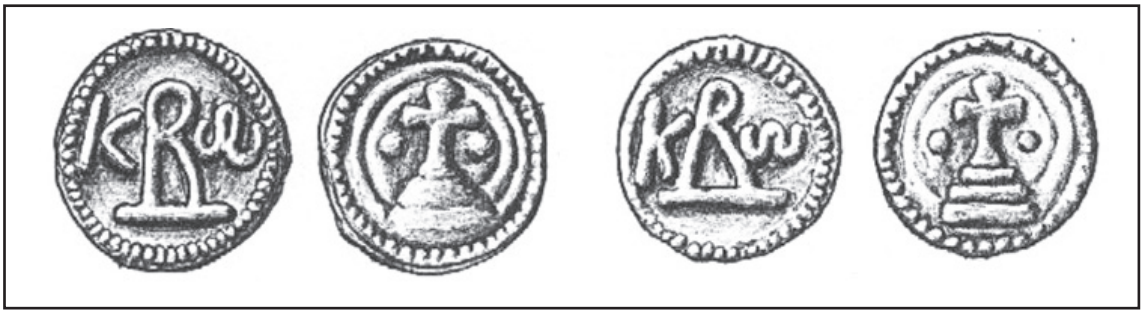

Рис. 28. Монета с монограммой соправителей Василия II и Константина VIII и крестом на Голгофе.

скорее всего, двойной номинал по отношению ко всем остальным предшествующим выпускам. Она содержит монограмму имен обоих императоров — кВω на лицевой стороне и крест на высокой пирамидальной Голгофе на оборотной, все в точечных ободках (рис. 28). Тираж этих монет достаточно большой, по крайней мере, он значительно превышает непосредственно предыдущие выпуски, начиная с Никифора Фоки.

Выпуски императора Романа III (1028—1034) представляют собой литые монеты такого же крупного типоразмера, как и монеты с кВω. Монеты эти выпущены в большом количестве и имеют, по-видимому, четыре основных варианта. Первый вариант содержит монограмму имени «Роман» из двух букв с обычной лунарной омегой внизу на лицевой стороне и монограммой δεσπот на оборотной (рис. 29). Встречаются экземпляры как с точечным ободком на обеих сторонах, так и без таковых. Отметим, что это очень редкий тип монеты.

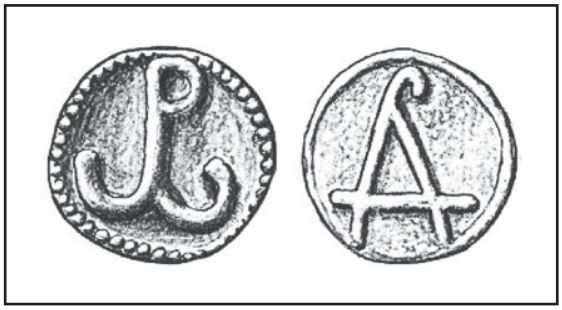

Рис. 29. Монета с монограммой императора Романа III и монограммой титула деспот.

Второй вариант имеет такой же тип лицевой стороны, как и предыдущий, и крест на Голгофе на оборотной. Крест обычно заключен в несколько кольцевых ободков, крайний из которых часто имеет точечный вид (рис. 30).

Третий вариант содержит на лицевой стороне монограмму имени Роман из двух первых букв с «ладьевидной» омегой внизу и крестом на Голгофе на оборотной, заключенном в несколько кольцевых ободков (рис. 31). Известны экземпляры с кольцевым ободком с обеих сторон.

Четвертый вариант имеет на лицевой стороне такую же монограмму имени Роман, как и третий, и монограмму — δεσπот на оборотной (рис. 32).

В. А. Анохин разделил монеты с монограммой «ро» на три группы. Первая, по его мнению, связана с правлением императора

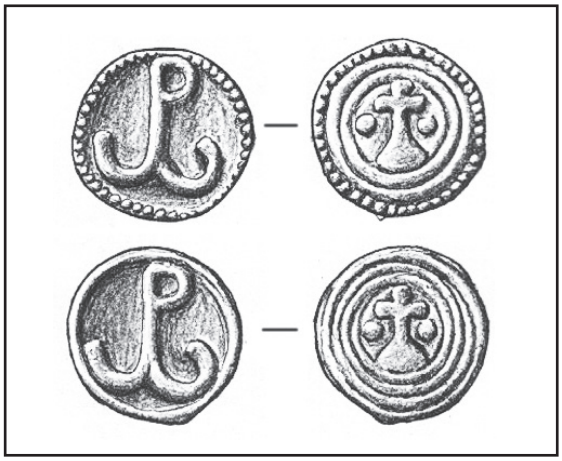

Рис. 30. Монета с монограммой Романа III и крестом на Голгофе разных вариантов.

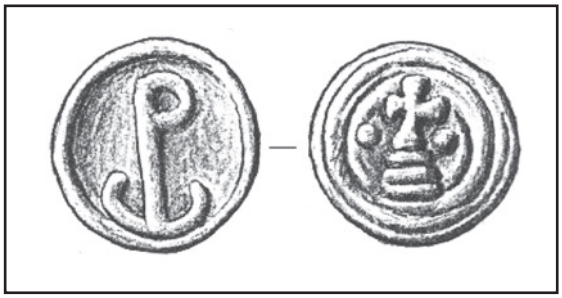

Рис. 31. Монета с монограммой Романа III (омега в лунарном начертании) и крестом на Голгофе.

Рис. 32. Монета с монограммой Романа III (омега в лунарном начертании) и монограммой титула «деспот».

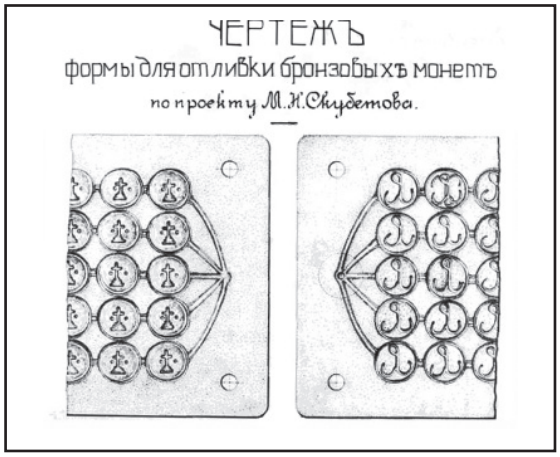

Рис. 33. Схема типовой литейной формы (по: М. И. Скубетову).

Романа III Аргира (1028—1034), вторая — с правлением императора Романа IV Диогена (1068—1071), третья группа выпускалась анонимно с использованием монограммы «ро» в конце XI — начале XII вв. (Анохин 1977: 123—124). Но такие заключения ничем не обоснованы и представляют собой декларацию чистой воды.

На наш взгляд, все остальные многочисленные варианты монет с монограммой имени Роман из двух букв, особенно наиболее часто встречающиеся односторонние варианты, выпускались уже после смерти Романа III при его последователях. Скорее всего, это связано с запретом для города на дальнейший выпуск городской литой монеты, которая, тем не менее, использовалась в обращении. Новая монета продолжала отливаться.

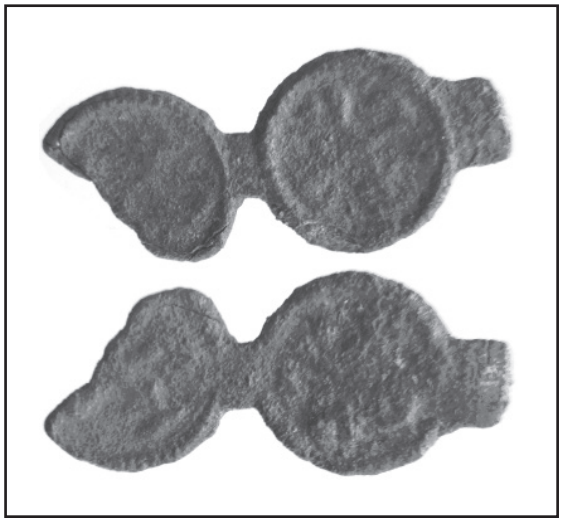

Рис. 34. Артефакты, подтверждающие клетчато-ячеичный метод отливки монет с использованием литников ленточного типа.

При этом на ней изображалась монограмма последнего из императоров, при котором выпуск монеты имел легитимный характер. По заключению Н. А. Алексеенко, наиболее поздние литые монеты с монограммой Рω на лицевой стороне и без изображения на оборотной выпускались в Херсоне еще в первой половине XIII в. Они, судя по размеру и весу, по-видимому, приравнивались к номиналу медного сельджукского дирхема, бывшего в обращении в Херсоне в эти времена (Алексеенко 1996а: 190).

В заключение вернемся к системе отливки монет в Херсоне. Приведем схему, предложенную в свое время М. И. Скубетовым (рис. 33) и очень редкую находку бракованных литых херсонских монет, соединенных литниками (рис. 34).

Хотим отметить, что предложенная картина выпуска литых монет не носит окончательного характера, многие моменты остаются спорными и недостаточно изученными, при этом надеемся, что наши наблюдения ведут исследование в правильном направлении и устраняют некоторые из существующих до сих пор недоуменных моментов.

Литература

Анохин В. А. 1977. *Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. — XII в. н. э.)*. Киев: Наукова думка.

Алексеенко Н. А. 1996. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона. *МАИЭТ* V, 155—170.

Алексеенко Н. А. 1996а. К вопросу о деятельности херсонесского монетного двора в XIII веке. *ХС* VII, 187—192.

Алексеенко Н. А. 2008. Нумизматические параллели в сфрагистике византийского Херсона. *АДСВ* 38, 79—89.

Соколова И. В. 1965. Херсонесские монеты X века с пор-

третами императоров. *НЭ* V, 116—121.
Соколова И. В. 1971. Клад херсонесских монет середины IX в. *ТГЭ* XII, 16—26.
Соколова И. В. 1983. *Монеты и печати византийского Херсона*. Ленинград: Искусство.
Чореф М. М. 2008. К вопросу о номиналах бронз раннесредневекового Херсона. *МАИАСК* I, 117—130.
Чореф М. М. 2009. Монетное дело Херсона в первой половине VIII века (в печати).

Статья поступила в номер 2 декабря 2009 г.

Mihail Stupko (Sevastopol, Ukraine). National Reservation “Chersonesos Tauric”.

Mihail Stupko (Sevastopol, Ucraina). Rezervaţia naţională „Hersonesul tauric”.

Ступко Михаил Валерьевич (Севастополь, Украина). Национальный заповедник «Херсонес Таврический».
E-mail: tombdefensor@mail.ru

Eugeny Turovsky (Sevastopol, Ukraine). Candidate of historical sciences. National Reservation “Chersonesos Tauric”.

Eugeny Turovsky (Sevastopol, Ucraina). Candidat în ştiinţe istorice. Rezervaţia naţională „Hersonesul tauric”.

Туровский Евгений Яковлевич (Севастополь, Украина). Кандидат исторических наук. Национальный заповедник «Херсонес Таврический».
E-mail: turovs_1@mail.ru

А. В. Кривенко, А. А. Казаров

Джучидские монеты Сакчи из находок на городище Костешты в Молдове

A. V. Crivenco, A. A. Kazarov.

Jujid Coins of Saqchi Found on Costesti Site in Moldova.

We pioneer the report for silver and copper coins of Jujid mint from Saqchi (late XIII — early XIV cent.) found on medieval site named Costesti, Moldavia. Two types of coins yet unpublished are discovered and one of them could be presumably attributed as issue in the name of Chaka khan, son of Nogay. Interpretations of coins' legends are also discussed, and main problems concerned with Saqchi coinage research are briefly observed.

A. V. Crivenco, A. A. Kazarov.

Monedele Djuci de la Isaccea din descoperirile de pe aşezarea Costeşti din Moldova.

Pentru prima dată se comunică despre descoperirile de pe teritoriul cetății medievale Costeşti din Moldova — monede de argint şi cupru din monetăria de la Isaccea a Hoardei de Aur (sfârşitul sec. XIII — începutul sec. XIV). Printre artefactele au fost găsite două tipuri care nu au fost descrise anterior în literatură, dintre care unul poate fi calificat ca imprimarea numelui hanului Chaka, fiului lui Nogay. Articolul abordează citirea legendelor de pe monede publicate. De asemenea, pe scurt este prezentată problematica studierii monedelor de la Isaccea.

А. В. Кривенко, А. А. Казаров.

Джучидские монеты Сакчи из находок на городище Костешты в Молдове.

Впервые сообщается о находках на территории средневекового городища Костешты в Молдове серебряных и медных монет золотоордынского монетного двора Сакчи (конец XIII — начало XIV вв.). Среди находок обнаружены два типа, ранее не описанные в литературе, один из которых может быть предположительно отнесен к чекану от имени хана Чаки, сына Ногая. В статье обсуждается чтение легенд публикуемых монет, а также приводится краткий обзор проблематики изучения монетного дела Сакчи.

Keywords: numismatics, silver and copper coins, Golden Horde, Jujid ulus, mint Saqchi, medieval site Kosteshty, Nogay, Chaka.

Cuvinte cheie: numismatica, monede de argint şi cupru, Hoarda de Aur, ulus Djuci, monetăria de la Isaccea, aşezarea Costeşti, Nogay, Chaka.

Ключевые слова: нумизматика, серебряные и медные монеты, Золотая Орда, улус Джучи, монетный двор Сакчи, поселение Костешты, Ногай, Чака.

Введение

История изучения монетного дела города Сакчи насчитывает всего несколько десятилетий. Румынский нумизмат Э. Оберлендер-Тырновяну среди находок в Северной Добрудже обнаружил целую группу медных и серебряных монет, на которых ему удалось прочесть название этого монетного двора. Он опубликовал большую часть известных на данный момент разновидностей монет Сакчи и аргументировал идею о локализации этого золотоордынского центра в окрестностях современного румынского города Исакча (жудец Тулча) на Нижнем Дунае (см. Oberländer-Târnoveanu 1993; 1996). Серьезным недостатком работ Э. Оберлендера-Тырновяну мы считаем отсутствие подробного описания монет — в большинстве случаев приведены только их фотографии и прорисовки, но нет прописей монетных легенд, что особенно важно, когда речь идет о надписях арабским алфавитом. Впрочем, качество иллюстраций позволяет проверить правильность атрибуции, предложенной автором.

© А. В. Кривенко, А. А. Казаров, 2010.

Нельзя сказать, что с момента первых публикаций изучение монетной продукции Сакчи заметно продвинулось — работы, посвященные этой теме, можно пересчитать по пальцам. Ареал распространения монет этого двора пока что определен лишь в первом приближении. Изучение этого вопроса помогло бы установить сферу экономического и политического влияния Сакчи, лучше понять роль этого центра, а также особенности развития всего западного региона улуса Джучи в конце XIII — начале XIV вв.

Наибольшее число монет Сакчи происходит с территории румынской Добруджи — с поселений Исакча и Нуфэру, из окрестностей города Тулча, с городища Пэкуюл луй Соаре. Отмечены также находки в других восточных и южных областях Румынии и на северо-западе Болгарии (обзор публикаций — Руссев 1999: 196—218, см. также Дочев 1992). На восток от устья Дуная монеты Сакчи, по-видимому, проникали довольно ограниченно. Так, из нескольких сотен монет, найденных на территории золотоордынского Азака (современный Азов в Ростовской обл.), всего две относятся к чекану Сакчи (Фомичев 1981: № 1 и № 199 по каталогу). Еще одна монета найдена на городище Балыклея в Николаевской области на юге Украины (Пиворович 2008: 9). В недавно опубликованном комплексе с городища Маджар в окрестностях города Буденновск (Ставропольский край) монеты Сакчи отсутствуют (Лебедев, Павленко 2008), не обнаружены они и в нижневолжском регионе (Янина 1970; Клоков, Лебедев 2000; 2002). К сожалению, не изданы пока монетные комплексы из Старого Крыма и Кучугурского городища в Запорожской области (Северова 1990; Егоров 1985: 84—85).

Особый интерес представляет регион между реками Прут и Днестр, который непосредственно прилегает к устью Дуная с севера. На этой территории находилось несколько поселений золотоордынского времени, крупнейшие из которых — городища Старый Орхей и Костешты (Молдова), а также крепость Ак-Керман (Белгород-Днестровский Одесской области Украины). Находки джучидских монет на этих землях неоднократно публиковались в литературе (обзор публикаций — Руссев 1999: 196—218). Сложность заключается в том, что большинство работ вышло ещё до открытия чекана Сакчи. Монеты этого двора, если они присутствовали среди находок, либо вообще не идентифицировались, либо определялись неверно. Поэтому публикация новых материалов с территории Молдавии имеет особую актуальность в свете нашей тематики.

При осмотре частных коллекций[1] авторы обнаружили 5 серебряных и 14 медных монет Сакчи, найденных за последние 2—3 года на территории поселения Костешты. Часть монет была представлена А. Кривенко на XI нумизматическом симпозиуме в Кишиневе (Crivenco 2010).

Поселение Костешты расположено в 35 км к югу от Кишинева. Охватывает площадь около 4 кв. км, простираясь на 2,5 км к юго-востоку от окраины современного села Костешты и занимая долину шириной около 2 км в пойме реки Ботны (Полевой 1969). Поселение неоднократно становилось объектом археологических исследований: наиболее значительные работы были проведены Л. Л. Полевым в 1954, 1957 и 1959 гг., экспедицией под руководством П. П. Бырни в 1978—1979 гг. и Костештской археологической экспедицией в 1993 г. Обзор монетных находок представлен в нескольких работах (Полевой 1969; Полевой 1979; Абызова, Травкин 2000; Кушнер 2005; Nicolae 2005). Монеты Сакчи, происходящие с поселения Костешты, публикуются впервые.

Издаваемые монеты сведены в каталог (см. Приложение). Большинство из них относятся к типам, описанным в упомянутых нами статьях Э. Оберлендера-Тырновяну, а также в недавней работе Е. Г. Бейттера и В. М. Дружинина. Для серебряных и медных монет была введена отдельная нумерация. Фотоизображения монет расположены на рисунках в следующем порядке: монеты С1—С5 — рис. 1, монеты М1—М6 — рис. 2, монеты М7-М14 — рис. 3. Помимо этого, мы привели вес и размер монет, ссылки на публикации в литературе, а также пропись арабских легенд и их перевод на русский язык. В ряде случаев интерпретация надписей на основе имеющихся в нашем распоряжении монет и литературных данных была затруднена. Мы привлекали дополнительные материалы, размещенные в сети Интернет — речь идет о международной электронной базе данных по восточной нумизматике ZENO.RU (www.zeno.ru), а также об авторском проекте украинского исследователя Константина Хромова «Наследники Чингисхана и их монеты» (www.hordecoins.folgat.net). Ссылки на используемые материалы обоих ресурсов также приведены в каталоге.

[1] Авторы выражают благодарность В. Остроухову (г. Кишинев) и другим коллекционерам за предоставленные для описания монеты.

Характеристика монет, представленных в каталоге

Серебряные монеты

Три из пяти (С1—С3) публикуемых экземпляров описаны в литературе (ссылки указаны в каталоге). Монета С1 относятся к одному из немногих датированных типов, выпущенных в Сакчи — оборотная сторона несет, помимо тамги Бату, арабскую легенду: «Чекан Сакчи 69». Вслед за Э. Оберлендером-Тырновяну, мы интерпретируем эти цифры как дату — 690 год Хиджры, соответствующий 1291 г. н. э. (Oberländer-Târnoveanu 1993: 296). Лицевая сторона содержит линейную легенду из трех строк, которая написана куфическим вариантом арабского алфавита и достаточно сложна в интерпретации. Е. Г. Бейттер и В. М. Дружинин предложили версию: «Почитание Богу и его посланнику. Справедливый Ногай хан» (Бейттер, Дружинин 2008: 142—143). Мы считаем убедительным прочтение только первой строки — «Почитание Аллаху».

Легенда лицевой стороны монет С2 и С3 в обоих случаях содержит титул эмитента — «хан правосудный», и имя, которое разные исследователи интерпретируют как «Ногай» или «Токта» (подробнее см. Бейттер, Дружинин, 2008). В центре оборотной стороны изображена тамга дома Бату, а также линейная легенда по обе стороны от тамги, содержащая прославление Аллаха и наименование монетного двора Сакчи. На монете С2 в нижней части оборотной стороны расположен ещё один символ, который напоминает «геральдическую лилию», но также схож по начертанию с тамгой Ногая.

Монета С4 не встречена в научных публикациях, однако этот тип представлен в Интернет-проекте «Наследники Чингисхана и их монеты» (Хромов: I, 3). Оба известных экземпляра очень плохо сохранились — сопоставляя их, удается прочесть только легенду оборотной стороны: «Чекан Сакчи». Монета имеет сравнительно низкий вес — 0,5 г (для сравнения, вес монет С1 и С3 — 1,4 г, С2 — 1,2 г). Однако метрология и система номиналов монет Сакчи практически не изучена, поэтому мы воздержимся от комментариев.

Монета С5 также не встречена в публикациях. В легенде лицевой стороны указан титул — «султан высочайший», и, возможно, содержится имя эмитента. Мы возьмем на себя смелость предположить, что третья строка может быть прочитана как «Чака хан». В качестве аргумента обратим внимание на серебряную монету, опубликованную в статье Э. Оберлендера-Тырновяну (Oberländer-Târnoveanu 1993: табл. XXI, фото 7 и прорисовка 7а). На лицевой стороне уверенно читается: «султан ‘Ала ад-Дин Чака», и начертание этого имени угадывается в легенде монеты С5 из нашего собрания. Впрочем, мы не настаиваем на этой версии и допускаем, что легенда может содержать другое имя, либо монета вообще анонимна. Для большей уверенности требуются другие экземпляры этого типа с лучшей сохранностью.

Легенда оборотной стороны монеты С5 интерпретируется более уверенно: «чекан Богохранимого (ал-Махруса) Сакчи». Эпитет «Богохранимый» нередко встречается на монетах Золотой Орды XIV в. в сочетании с наименованиями таких дворов, как Сарай, Мохши, Булгар, Азак, Крым и даже Шехр ал-Джедид (см., например, Клоков, Лебедев 2002: №№ 1, 4, 61, 66 и 76 в списке серебряных монет; Лебедев 2000—2: № 19 в списке серебряных монет). Какой именно смысл несет этот эпитет — вопрос достаточно сложный, но мы можем впервые констатировать факт появления его на монетах, выпущенных в Сакчи.

В базе данных «Зено» под номером 52995 размещена фотография монеты (ссылка приведена в каталоге), которая представляет собой вариант этого же типа, схожий по композиции и содержанию легенды, но отличающийся по манере исполнения. К сожалению, третья строка легенды лицевой стороны на этой монете не сохранилась, зато остальная часть легенды, в том числе наименование монетного двора, полностью соответствует нашей интерпретации для монеты С5.

Медные монеты

Четырнадцать представленных в каталоге экземпляров относятся к восьми типам, описанным в литературе (ссылки приведены в каталоге). Порядок их описания соответствует классификации, предложенной Э. Оберлендером-Тырновяну, которая основана, в первую очередь, на том, какая тамга изображена на монете.

Монеты М1-М3 (тип B2 G первой группы — Oberländer-Târnoveanu 1993: 296) несут вписанное в треугольник изображение тамги дома Бату, а также наименование монетного двора Сакчи в весьма своеобразном начертании: второй слог расположен над первым, заглавная буква «син» редуцирована, вторая буква «алиф» имеет вид «волны», а не вертикальной линии. Тем не менее, при сопоставлении нескольких экземпляров монет этого

типа сомнений в правильности прочтения не остается.

На лицевой стороне монеты М4 (тип С2 G первой группы) нанесено стилизованное изображение морды животного, на обороте — тамга дома Бату и наименование монетного двора Сакчи. Расположение легенды — по обе стороны от фигуры тамги, напоминает монеты С1 и С2, описанные выше.

Монеты М5 и М6 (тип D2 G первой группы) отличаются своеобразием. Оборотная сторона оформлена в той же композиции, что и на монете М4, и содержит легенду «чекан Сакчи», однако вместо одной тамги дома Бату изображены две, расположенные «голова к голове». На лицевой стороне в центре помещена та же «геральдическая лилия», что и на монете С1 (возможно, это тамга Ногая), а также круговая легенда. Ее содержание пока не выяснено — по-видимому, она состоит из двух слов, написанных буквами старомонгольского или староуйгурского алфавита, который иногда встречается на монетах улуса Джучи (см. Клоков, Лебедев 2002: №№ 1, 10, 11, 62, 69 и 77 в списке серебряных монет; Лебедев 2000—2: № 30 в списке медных монет).

На монетах М7—9 (тип A III N второй группы — Oberländer-Târnoveanu 1993: 298) изображен флористический орнамент в виде восьмилучевой розетки. На обороте — тамга Ногая и легенда с наименованием монетного двора. К сожалению, ни на одном из экземпляров не удается разглядеть его полностью: хорошо видно слово «чекан», но само название монетного двора неясно. Мы условно относим этот тип к выпускам Сакчи, но этот вопрос требует выяснения.

С предыдущим типом схожа монета М10 (тип B III N второй группы), на лицевой стороне — фигура розетки, хотя и несколько иная. На оборотной стороне также помещена тамга Ногая и аналогичная легенда «чекан …». На экземпляре, размещенном в базе данных «Зено» под номером 8500, частично сохранилось наименование монетного двора — по начертанию это слово мало похоже на «Сакчи», хотя предложить альтернативную версию прочтения мы пока не готовы. Таким образом, отнесение этого типа, как и предыдущего, к чекану Сакчи, нуждается в проверке.

На монетах М11 и М12 изображена тамга Ногая, вписанная в квадрат, а на обороте — наименование монетного двора Сакчи, которое по стилю напоминает монеты М1—М3, с той лишь разницей, что здесь первый слог расположен над вторым.

Анэпиграфная монета М13 соответствует типу III в другой работе того же автора (Oberländer-Târnoveanu 1996: 198). На монете отсутствуют надписи, и отнесение этого выпуска к чекану Сакчи основано на том, что все ранее известные находки были приурочены к низовью Дуная.

Завершает список монета М14, атрибуция которой является предметом дискуссии в научной литературе. На лицевой стороне изображено Солнце, стилизованное под человеческое лицо анфас. На обороте — сложная фигура, представляющая собой тамгу Бату и тамгу Ногая, объединенные общим «головным» элементом. Легенда оборотной стороны содержит наименование монетного двора, которое Э. Оберлендер-Тырновяну интерпретировал как Сакчи (Oberländer-Târnoveanu 1993: 298). Однако В. П. Лебедев отнес этот тип к выпускам Солхата (Лебедев 2000а: м9). Золотоордынский Солхат или Крым располагался на месте современного города Старый Крым (Автономная Республика Крым, Украина). Обращает на себя внимание аналогия с другим близким типом, описанным в той же работе Лебедева под номером м8: здесь на лицевой стороне, помимо Солнца, присутствует круговая легенда с именем и титулом хана Токты, а на обороте наименование монетного двора однозначно читается как Солхат.

В Интернет-проекте «Наследники Чингисхана и их монеты» приведено 11 изображений монет той же разновидности, что и М14, найденных в Крыму (Хромов: V, 1.1—1.11). Легенда оборотной стороны во всех случаях сильно искажена, и обе упомянутые версии, по-видимому, имеют право на существование. Будем надеяться, что детальное изучение топографии находок монет этого типа позволит в дальнейшем определить место их выпуска.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что в находках на городище Костешты присутствуют, по крайней мере, 5 типов серебряных и 4 типа медных монет Сакчи, а также еще 4 типа медных монет, условно относимые к выпускам этого двора. Пока эти наблюдения позволяют сделать лишь предварительный вывод: монетная продукция Сакчи проникала в междуречье Прута и Днестра. Означают ли эти находки, что на поселении Костешты уже на рубеже XIII—XIV вв. существовала городская жизнь и экономическая активность? Это вопрос для будущих исследований с привлечением более обширного материала и комплексным анализом данных нумизматики, археологии и письменных источников.

В заключение следует упомянуть еще об одной актуальной проблеме — о периодизации чекана Сакчи. Подавляющее большинство известных сейчас монет этого двора не содержит в легендах прямого указания на дату выпуска, что существенно затрудняет их датировку. На серебряных монетах Сакчи упоминаются имена правителей Улуса Джучи, что позволяет грубо обозначить хронологические рамки их выпуска как последнее десятилетие XIII в. и первое десятилетие XIV в. Время выпуска медных монет Сакчи определено еще менее точно, так как все опубликованные разновидности анонимны, и основанием для их периодизации пока является лишь принадлежность тамги, изображенной на них. Чрезвычайно важную информацию мог бы дать анализ закрытых комплексов, содержащих монеты Сакчи совместно с другими материалами, датировка которых хорошо известна.

Каталог монет Сакчи, найденных на городище Костешты

I. Серебряные монеты

С1. Вес: 1,40 г. **Диаметр:** 16,0—20,0 мм.

Монета обломана.

Аверс: в точечном квадратном картуше, окруженном виньетками — линейная легенда из трех строк (чтение ясно только для верхней строки):

العز ه لله — *Почитание Аллаху*

Реверс: в точечном ободке — тамга Бату; справа, снизу и слева — легенда:

ضرب — *Чекан*
ساقچی — *Сакчи*
٦٩ — *69 (т. е., 690 год Хиджры)*

Публикации в литературе:

Бейттер, Дружинин 2008: тип III (табл. 8, фото 5).

Oberländer-Târnoveanu 1993: первая группа, тип D1 G (таб. XVIII, фото 3) — вариант того же типа с другим расположением строк в легенде аверса.

Публикации в Интернете:

ZENO.RU: 40193 (тот же экземпляр, что и в статье: Бейттер, Дружинин 2008).

С2. Вес: 1,20 г. **Диаметр:** 18,0 мм.

Аверс: в точечном ободке — линейная легенда из трех строк:

خان — *Хан*
العادل — *Справедливый*
نوغای — *(Ногай? Токта?)*

Реверс: в точечном ободке — два символа, один над другим: тамга дома Бату и фигура, напоминающая «геральдическую лилию» (возможно, тамга Ногая); по обе стороны — легенда из двух строк:

العز لله — *Почитание Аллаху*
ساقچی — *Сакчи*

Публикации в литературе:

Oberländer-Târnoveanu 1993: вторая группа, класс B, тип C2 N (таб. XX, фото 5 и 5 а).

Бейттер, Дружинин 2008: тип I, вариант 1 (таб. 8, фото 1, 2 а и 2 б).

Публикации в Интернете:

Хромов: I, 5.1—5.2.

ZENO.RU: 82145.

С3. Вес: 1,40 г. **Диаметр:** 15,5—20,0 мм.

Аверс: в точечном ободке — линейная легенда из трех строк (то же, что у С2**).**

Рис. 1. Серебряные монеты Сакчи, найденные в Костештах.

Реверс: в точечном ободке тамга дома Бату; ниже узел счастья; легенда справа, слева и над тамгой:

العز لله — *Почитание Аллаху*
ضرب — *Чекан*
ساقچی — *Сакчи*

Публикации в литературе:

Oberländer-Târnoveanu 1993: вторая группа, класс B, тип D2 N (таб. XX, фото 6 и 6a).

Бейттер, Дружинин 2008: тип II (таб. 8, фото 4).

Публикации в Интернете:

Хромов: I, 4.

ZENO.RU: 76492.

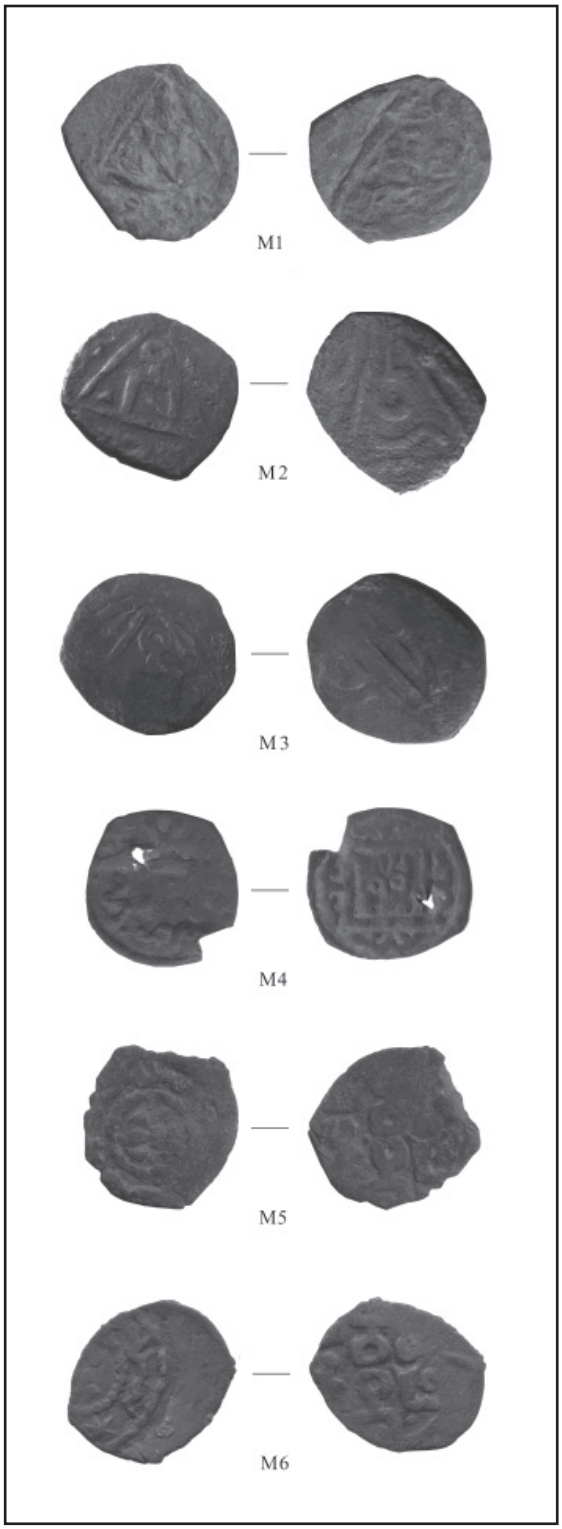

Рис. 2. Медные монеты Сакчи, найденные в Костештах (M1—M6).

C4. Вес: 0,50 г. **Диаметр:** 15,0 мм.

Аверс: в двойном точечном и линейном ободке — неясное изображение и/или легенда.

Реверс: в двойном точечном и линейном ободке — легенда из двух строк:

ضرب — *Чекан*
ساقچی — *Сакчи*

Публикации в литературе:

не встречены.

Публикации в Интернете:

Хромов: I, 3.

C5. Вес: 0,68 г. **Диаметр:** 15,5—17,0 мм.

Монета обломана.

Аверс: в двойном линейном и точечном ободке — линейная легенда из трех строк (чтение нижней строки предположительное):

السلطاب — *Султан*
الاعظم — *Высочайший*
چکا خان (?) — *(Чака Хан?)*

Реверс: в точечном квадратном картуше, окруженном виньетками — линейная легенда из трех строк:

ضرب — *Чекан*
المحروسة — *Богохранимого*
ساقچی — *Сакчи*

Публикации в литературе:

не встречены.

Публикации в Интернете:

ZENO.RU: 52995 (другой вариант того же типа).

II. Медные монеты

M1. Вес: 1,40 г. **Диаметр:** 17,5×20,0 мм.

M2. Вес и диаметр: нет данных.

M3. Вес и диаметр: нет данных.

Аверс: в линейном ободке — фигура треугольника, окруженная виньетками; внутри треугольника — тамга дома Бату.

Реверс: в линейном ободке — фигура треугольника, окруженная виньетками; внутри треугольника — стилизованная легенда:

ىا قچى — *Сакчи*

Публикации в литературе:

Oberländer-Târnoveanu 1993: первая группа, тип B2 G (таб. XIX, фото 5, 5a и 5b).

Публикации в Интернете:

Хромов: IV, 7.1—7.10.

ZENO.RU: 25538.

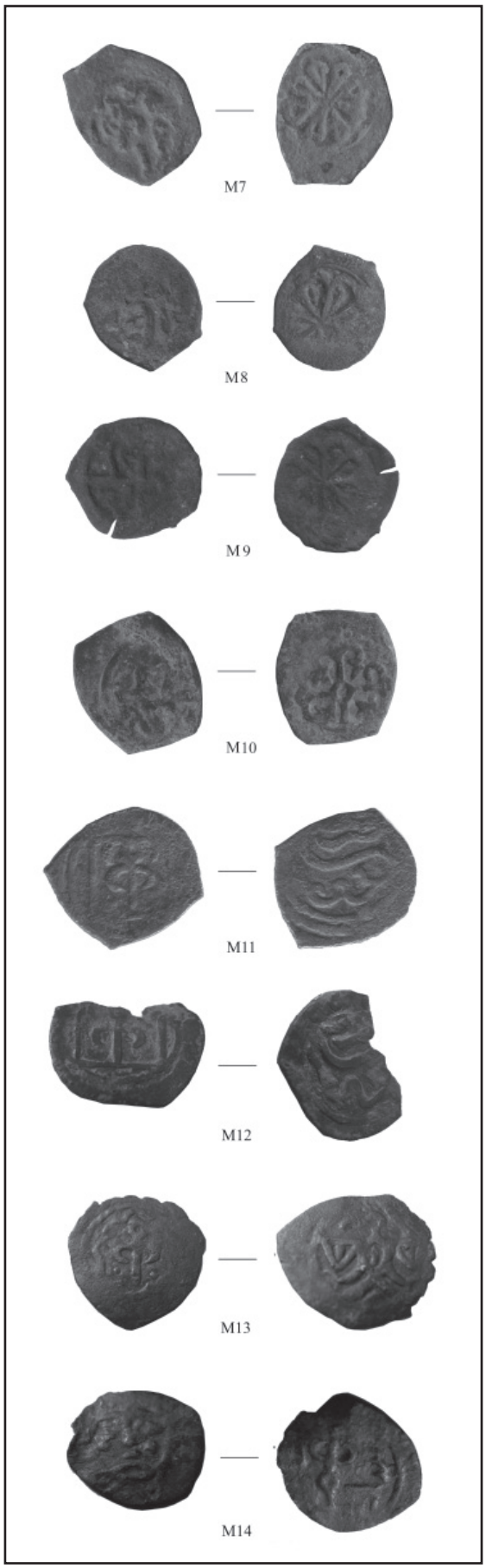

Рис. 3. Медные монеты Сакчи, найденные в Костештах (М7—М14).

М4. Вес: 1,15 г. **Диаметр:** 16,0—18,0 мм.

Монета обломана, имеет отверстие.

Аверс: в линейном ободке — стилизованное изображение морды животного, окруженное линейным квадратным картушем и виньетками.

Реверс: в линейном ободке — тамга дома Бату, по обе стороны — линейная легенда из двух строк

ضرب — *Чекан*

ساقچی — *Сакчи*

Публикации в литературе:

Oberländer-Târnoveanu 1993: первая группа, тип C2 G (таб. XIX, фото 6 и 6а).

Публикации в Интернете:

Хромов: IV, 5.1—5.6.

ZENO.RU: 21692.

М5. Вес: 1,11 г. **Диаметр:** 16,0—18,0 мм.

М6. Вес: 1,40 г. **Диаметр:** 15,0—17,0 мм.

Аверс: в линейном ободке — неясная круговая легенда, разделенная двумя звездами (возможно, использован старомонгольский алфавит). В центре, в точечном ободке — символ, напоминающий «геральдическую лилию» (возможно, тамга Ногая).

Реверс: в линейном ободке — фигура из двух тамг дома Бату, расположенных «голова к голове»; по обе стороны — линейная легенда из двух строк: (то же, что у М4).

Публикации в литературе:

Oberländer-Târnoveanu 1993: первая группа, тип D2 G (таб. XIX, фото 7 и 7а).

Публикации в Интернете:

Хромов: IV, 6.1—6.7.

ZENO.RU: 8456.

М7. Вес: 1,13 г. **Диаметр:** 16,0—19,5 мм.

М8. Вес: 0,85 г. **Диаметр:** 15,5×16,5 мм.

М9. Вес: 1,09 г. **Диаметр:** 16,5×17,5 мм.

Аверс: в линейном ободке — фигура восьмилучевой цветочной розетки.

Реверс: в линейном ободке — тамга Ногая, по обе стороны — неясная легенда:

ضرب — *Чекан*

Публикации в литературе:

Oberländer-Târnoveanu 1993: вторая группа, класс A, тип A III N (таб. XXI, фото 8 и 8а).

Публикации в Интернете:

Хромов: IV: 2.2.

ZENO.RU: 84100.

М10. Вес: 1,63 г. **Диаметр:** 17,0—18,5 мм.

Аверс: в двойном линейном и точечном ободке — сложный четырехчастный орнамент.

Реверс: в линейном ободке — тамга Ногая, по обе стороны — легенда из трех строк (послед-

нее слово неясно):

ضرب — *Чеканена*

فی — *в*

بلسب — ...

Публикации в литературе:

Oberländer-Târnoveanu 1993: вторая группа, класс A, тип B III N (таб. XXI, фото 9 и 9a).

Фомичев 1981: № 199 (без атрибуции).

Публикации в Интернете:

Хромов: IV: 2.1.

ZENO.RU: 8500.

M11. Вес: 1,70 г. **Диаметр:** 17,0—21,0 мм.

M12. Вес и диаметр: нет данных. Монета обломана.

Аверс: в двойном линейном ободке — тамга Ногая в линейном квадратном картуше.

Реверс: в двойном линейном ободке — линейная легенда из трех строк.

ضرب — *Чекан*

ـا

قچی — *Сакчи*

Публикации в литературе:

Oberländer-Târnoveanu 1993: вторая группа, класс A, тип C III N (таб. XXI, фото 10).

Публикации в Интернете:

Хромов: IV: 1.1—1.5.

ZENO.RU: 40502.

M13. Вес и диаметр: нет данных.

Аверс: в восьмилепестковой рамке, заключенной в линейный обод — тамга Ногая.

Реверс: в линейном ободке стилизованное изображение двуглавого орла.

Публикации в литературе:

Oberländer-Târnoveanu 1996: тип III, (таб. II, фото 5—7).

Публикации в Интернете:

Хромов: IV: 3.1—3.3.

ZENO.RU: 29160, 3354.

M14. Вес и диаметр: нет данных.

Аверс: в линейном ободке — изображение Солнца, стилизованное под человеческое лицо анфас.

Реверс: в линейном ободке — сложная фигура, представляющая собой тамгу Бату и тамгу Ногая, объединенные общим «головным» элементом; по обе стороны — легенда (не имеет однозначной интерпретации):

ضرب — *Чекан*

ساقچی или سلخات — *(Сакчи или Солхата?)*

Публикации в литературе:

Oberländer-Târnoveanu 1993: вторая группа, класс C, тип III N (таб. XXI, фото 11).

Лебедев 2000—1: м9.

Публикации в Интернете:

Хромов: V: 1.1—1.11.

Литература

Абызова Е. Н., Травкин С. Н. 2000. Некоторые особенности медных джучидских монет с поселения Костешты (Бессарабия). В: Евглевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья.* Т. 1. Донецк: Донецкий государственный университет, 351—359.

Бейттер В. М. Дружинин Е. Г. 2008. Дирхемы Сакчи конца XIII века. В: Петров П. Н. (ред.). *Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII—XV веков. Болгар 2005, Волгоград 2006.* Москва: Нумизматическая литература, 142—143.

Дочев К. 1992. *Монети и парично обръщение в Търново XII—XIV вв.* Велико Търново: Витал.

Егоров В. Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Наука.

Клоков В. Б., Лебедев В. П. 2000. Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен. В: Петров П. Н. (гл. ред.). *Древности Поволжья и других регионов.* Вып. III. Москва: ИПР «Информэлектро», 56—147.

Клоков В. Б., Лебедев В. П. 2002. Монетный комплекс с Селитренного городища. В: Петров П. Н. (гл. ред.). *Древности Поволжья и других регионов.* Вып. IV. Москва: Информэлектро, 73—165.

Кушнер С. Б. 2005. Карпато-Днестровские земли как юго-западная периферия Золотой Орды (по данным новых монетных находок Костештского городища). *Исторический альманах Приднестровья* (9), 77—82.

Лебедев 2000—1: Лебедев В. П. 2000. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды (середина XIII — конец XV вв.). *Нумизматика и фалеристика* 1 (13), 19—23.

Лебедев 2000—2: Лебедев В. П. 2000. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды. II. Анонимный чекан рубежа XIII—XIV вв. и монеты Узбек-хана (1312—1339). *Нумизматика и фалеристика* 2 (14), 32—35.

Лебедев В. П., Павленко В. М. 2008. Монетное обращение золотоордынского города Маджар. В: Евглевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья.* Т. 6. Донецк: Донецкий национальный университет, 415—486.

Пиворович В. Б. 2008. *Монеты и клады юга Украины.* Херсон: Літопис Причорномор'я.

Полевой Л. Л. 1969. Монеты из раскопок и сборов на поселении Костешты-Гырля (1946—1959 гг.). В: *Далёкое прошлое Молдавии.* Кишинёв: Картя Молдовяняскэ, 146—160.

Полевой Л. Л. 1979. *Очерки исторической географии Молдавии XIII—XV вв.* Кишинев: Штиинца.

Руссев Н. Д. 1999. *На грани миров и эпох. Города низовьев Дуная и Днестра в конце XIII—XIV вв.* Кишинев: ВАШ.

Северова М. Б. 1990. Пополнение фонда джучидских монет Эрмитажа (по материалам старокрым-

ской археологической экспедиции). *Сообщения Государственного Эрмитажа* (54). Ленинград, 43—46.

Фомичев Н. М. 1981. Джучидские монеты из Азова. *Советская археология* (1), 219—241.

Хромов К.: *Наследники Чингисхана и их монеты.* Монеты и монетные дворы улуса Джучи. Западное Причерноморье. Исакчи, Чилла, Вициния: http://www.hordecoins.folgat.net/S_galGH_isaqchi.htm

Янина С. А. 1970. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959—1962 гг. В кн.: *Поволжье в Средние Века*. Москва: Наука, 194—218.

Crivenco A. 2010. Monede tataresti de Sakci descoperite la Costesti, raionul Ialoveni. În: *Rezumatele comunicarilor XI-lea Simpozion de numismatica*. Chişinău, 3—4 septembrie 2010. Chişinău, 11—12.

Nicolae E. 2005. Monedele de tip Costeşti-Gârla. În: *Simpozion de Numismatică.* Chişinău, 26—28 noiembrie 2003. Comunicări, studii şi note. Bucureşti: Editura Enciclopedică, 89—104.

Oberländer-Târnoveanu E. 1993. Un atelier monétaire inconnu de la Hor de d'Or sur le Danube: Saqčy-lsaccea (XIIIe-XIVe siècles). In: Hackens T., Moucharte G. (dir.). *Actes du XIe Congrès International de Numismatique.* Bruxelles, 8—13 septembre 1991. Vol. III. Louvain-la-Neuve: Séminaire de Numismatique Marcel Hoc, 291—304.

Oberländer-Târnoveanu E. 1996. Byzantino-Tartarica — le monnayage dans la zone des Bouches du Danube à la fin du XIIIe siècle et au commencement du XIVe siècle. In.: *Il Mar Nero.* II-1995/1996. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 191—214.

Zeno.ru: *Oriental Coins Database*. Islamic coins/Jujid/Black Sea region/Saqche: http://www.zeno.ru/showgallery.php? cat=1740

Статья поступила в номер 15 октября 2010 г.

Andrey Krivenko (Tiraspol, Moldova). Candidate of geographical sciences. State University of Transdniestria "T. G. Shevchenko".

Andrei Crivenco (Tiraspol, Moldova). Candidat în ştiinţe geografice. Universitatea de Stat din Transnistria „T. G. Şevcenco".

Кривенко Андрей Валерьевич (Тирасполь, Молдова). Кандидат географических наук. Приднестровский государственный университет им Т. Г. Шевченко.

E-mail: crivenco@inbox.ru

Alexander Kazarov (Moscow, Russia). Pharmapark, LLC.

Alexandr Kazarov (Moscova, Rusia). Pharmapark SRL.

Казаров Александр Александрович (Москва, Россия). ООО «ФАРМАПАРК».

E-mail: skazarov@mail.ru

Н. Д. Руссев

Монеты Иоанна Лютого — свидетельства международных связей Молдавии второй половины XVI в.

N. D. Russev.

John III the Terrible's Coins — Evidence of International Relations of Moldavia in 1550—1600 .

The article is a publication of two copper coins of Voivode John III the Terrible (1572—1574) recently found in Golaya Pristany (Kherson Oblast, Ukraine) and in Belogorsky Raion (Crimea), places far away from the borders of medieval Moldavia. Iconography of coins and their legends combine local traditions with borrowed elements, which reflect international contacts of Moldavian state and carefully thought actions of its ruler. Penetration of these coins to the east, apparently, must be explained through consequences of Moldavia's hard defeat in the war with the Ottomans in 1574, when the country was plundered by the Crimean Tartars.

N. D. Russev.

Monedele lui Ioan Vodă cel Cumplit — mărturii despre relaţii internaţionale ale Moldovei în a doua jumătate a secolului al XVI-lea.

În articolul sunt publicate două monede din cupru ale domnitorului Ioan Vodă cel Cumplit (1572—1574), descoperite recent în Ucraina, departe de hotarele Moldovei medievale — lângă Gola Pristani din regiunea Herson şi în regiunea Belogorsk din Crimeea. Iconografia monedelor şi legendele lor combină tradiţiile locale cu elementele împrumutate, reflectând contactele internaţionale ale statului moldovenesc, precum şi acţiunile bine gândite ale domnitorului. Probabil, penetrarea monedelor spre est trebuie explicată prin consecinţele înfrângerii grele a Moldovei în războiul cu Imperiul Otoman din 1574, când ţara a fost jefuită de tătarii din Crimeea.

Н. Д. Руссев.

Монеты Иоанна Лютого — свидетельства международных связей Молдавии второй половины XVI в.

В статье опубликованы две медные монеты господаря Иоанна Лютого (1572—1574), найденные недавно в Украине, вдали от границ средневековой Молдавии — у Голой Пристани Херсонской области и в Белогорском районе Крыма. Иконография монет и их легенды сочетают местные традиции с заимствованными элементами, отражая международные контакты Молдавского государства, а также тщательно продуманные действия ее правителя. Проникновение монет на восток, по всей видимости, можно объяснить последствиями тяжелого поражения Молдавии в войне с Османской империей 1574 г., когда страна подверглась ограблению крымскими татарами.

Keywords: John III the Terrible, heregia, akche, monetary reform, Ottoman rule, Turkish war.

Cuvinte cheie: Ioan Vodă cel Cumplit, hereghia, akce, reforma monetară, dominaţia otomană, războiul turc.

Ключевые слова: Иоанн Лютый, херогия, акче, монетная реформа, османское господство, война с турками.

Начавшаяся на наших глазах, эпоха общедоступности металлодетекторов создала на и без того криминализированном антикварном рынке принципиально новую ситуацию. Вещи, в особенности монеты, добытые новоявленными старателями, тысячами почти мгновенно тонут в безднах неимоверно размножившихся частных коллекций. Закон, увы, не в состоянии обеспечить чистоту обращения исторически ценных предметов, а тем более предотвратить исчезновение содержащейся в них бесценной информации о нашем прошлом. На кратком пути от продавцов к покупателям антиквариат то и дело «выныривает на поверхность», а потому иногда попадает в поле внимания профессиональных исследователей. Так появляется едва ли не единственная возможность изучить и опубликовать вы-

© Н. Д. Руссев, 2010.

ставленные на торг находки, спасти для науки хотя бы часть источников исторических сведений.

Данные о находках двух молдавских монет поступили ко мне в 2009 г. от коллег-нумизматов Украины, постоянных авторов нашего журнала. Я благодарен О. Н. Мельникову и Е. Я. Туровскому, сумевшим сфотографировать, измерить и взвесить эти экземпляры, а также выяснить примерные места их обнаружения.

Обе публикуемые монеты отчеканены из меди и выпущены от имени молдавского господаря Иоанна Лютого (1572—1574).

Одна из них найдена на берегу Днепра где-то у Голой Пристани (Херсонская область). Вес: 6,03 г. Размеры: 20,8×21,4 мм.

Другой экземпляр происходит из слоя средневекового поселения, находящегося в Белогорском районе Крыма. Вес: 7,1 г. Диаметр: 22 мм.

Других сведений о находках дилеры антиквариата не сообщили.

На первый взгляд монеты выглядят вполне традиционно для средневековой Молдавии. Изображения помещены в двух расположенных концентрически точечных ободках. В центре находятся фигуры, как бы опоясанные вокруг легендами, выполненными на кириллице.

На лицевой стороне представлен сам эмитент — голова Иоанна в профиль, смотрит влево. У господаря довольно длинные волосы и окладистая борода. На голове — шапка с валиком и высокой тульей. Круговая надпись состоит из двух разделенных точками слов: **«ОТЕЦ МОЛДОВЕІ».**

Оборотную сторону монет отличает герб средневекового Молдавского государства в виде головы тура со звездой между рогами. Справа и слева от морды животного имеются кириллические буквы — **З** и **ПА**. Они составляют дату от Сотворения Мира — 6581 г., что соответствует 1573 г. от Р. Х. Легенда из трех

Рис. 1. Монета Иоанна Лютого, найденная на Днепре у Голой Пристани.

Рис. 2. Монета Иоанна Лютого, найденная в Белогорском районе Крыма.

слов реверса читается как: **«ГХЕРЕГІЕ МОЛДОВЕІ АКЧЕ».**

Единственное отличие иконографии публикуемых экземпляров имеется в изображении звезды: на приднепровской монете у нее шесть лучей (рис. 1), а на крымской — пять (рис. 2). Два варианта этих монетных эмиссий давно и хорошо известны. Однако, даже в больших музейных коллекциях они встречаются довольно редко. По литературе на территории Республики Молдова нет ни одной достоверной находки такого рода (см. ДСО 1982; ТМ 1994), а в известном румынском каталоге-определителе помещено только 8 экз. монет Иоанна Лютого (MBR 1977: 90—91). На этом фоне проникновение публикуемых медных денег в столь отдаленные от Молдавии земли установлено, пожалуй, впервые.

Первое монографическое исследование жизни и краткого правления в Молдавии Иоанна Лютого принадлежит перу Б. П. Хашдеу (1836—1907). Восхищаясь деяниями господаря, молдавско-румынский классик отмечает: «За два неполных года своего мирного правления Ион-Воевода провел пять известных нам реформ: ввел личный контроль господаря над документами, исходящими из его канцелярии; перенес столицу в Яссы; освободил простой народ из-под гнета духовной и светской знати; выпустил государственные медные монеты; навел порядок в отношении податей» (Хашдеу 1989: 25).

Автор специально останавливается на новшествах появившихся в монетном деле Молдовы, подчеркивая, что крупные сделки того времени обслуживали иноземные золотые монеты, которые поступали в страну в качестве платы за вывозимый скот. Он считает, что чеканившие серебряные деньги предшественники Иоанна «совершенно не думали о нуждах крестьян». Свидетельством «административного гения» господаря, по мысли Б. П. Хашдеу стала монетная реформа, обеспечившая внутренний рынок разменными деньгами. «Ион-Воевода понял все преимущества

медной монеты, производство которой, обходясь дешево государству, давало бы огромную выгоду, обогащая крестьян, а следовательно, и государственную казну» (Хащдеу 1989: 33).

Исследователь XIX в. оценивает и прокламативное значение новой эмиссии: «На монетах народ видел изображение господаря, который величался патриотическим титулом Отец Молдавии». Он полагал, что именно крестьянам адресовались надписи на родном языке; в отличие от бояр и духовенства они не говорили по-славянски или на латыни (Хащдеу 1989: 34).

Разумеется, современное понимание экономических и политических рычагов денежного производства не во всем совпадает со взглядами второй половины XIX в. Тем не менее уже тогда было задано верное направление дальнейшего изучения феномена чеканки Иоанна Лютого, выпустившего единственный тип медных монет.

Действительно, по сравнению с молдавскими деньгами конца XIV — первой четверти XVI вв., легенды которых редактировались на латинском и реже на славянском языках (Бырня, Руссев 1999: 176—262), выпуски Иоанна отличаются молдавскими надписями, что видно по формам склонения существительных. Впрочем, из пяти слов, читаемых на аверсе и реверсе монет, два являются наименованием страны, переданным в форме «Молдова». Три оставшиеся слова иностранного происхождения: «отец» — славянского, «гхерегия» — греческого, «акче» — турецкого. Имя господаря в монетных легендах отсутствует, что придает дополнительную оригинальность анализируемым выпускам. По всей видимости, организаторы монетной реформы сочли достаточным «говорящее» изображение.

Полтора века назад высказано мнение, что словосочетание «отец Молдовы» служило традиционным приветственным возгласом в честь господаря и восходит к римскому Patris patriae (Хащдеу 1989: 18). Такое заимствование, не подтверждающееся письменными источниками, едва ли могло быть прямым. Вместе с тем, данное словосочетание встречается в легенде на аверсе талеров Гераклида Деспота (1561—1563), датированных 1562 г. Одновременно, титул Иоанна напоминает надпись на синхронных монетах Венгрии, относящуюся к образу Богоматери с младенцем. Такие серебряные деньги регулярно поступали из-за Карпат. Более того, этот тип изображения и легенды был перенесен молдавское денежное производство Александром Лапушняну (1552—1561, 1564—1568). На его денариях 1558 г., практически во всем повторяющих венгерские, вокруг изображения Марии с младенцем значится: Patrona Moldavi(e). Такого рода монеты нередки среди нумизматических находок на территории современной Молдовы, в том числе в Старом Орхее (Iliescu 1970: 34. Pl. 25: 1, 26: 1; ДСО 1982: 64, 77—81). Таким образом, можно говорить о хорошо переосмысленном заимствовании, когда типично западные легенды приобрели иную, гораздо более близкую и понятную жителям Молдавии форму. Отмечу, что слово «отец» было общеупотребительным в православной стране, прежде всего в качестве обращения к священнослужителям. Несомненно, в разработке этого титула, который должен был использоваться и в дворцовой практике, принимало участие высшее духовенство, представлявшее в те времена наиболее образованную и авторитетную часть общества.

Термин «гхерегие» на деньгах Иоанна Лютого обозначает монетный двор. Так, в выпущенной еще 5 июня 1449 г. молдавской славяноязычной грамоте речь идет о «Герге херегаре», против которого из-за большого долга в 800 золотых вел тяжбу пыркалаб Косте. В ходе имевшего место в Сучаве разбирательства выяснилось, что на деньги истца Герге взял в откуп у господаря таможню и «херегию» — монетный двор, но прогорел… (DRHA 1976: 4—5. Nr. 4; см. Бырня, Руссев 1999: 236—237, 253—255). В документах Валахии первой половины XV в. также известно употребление слова «херегия» в том же значении, хотя чаще оно звучит как «харагия». Его смысл понятен из употребленной там же глагольной формы «да се хараксуват», т.е. чтобы чеканились (DRHD 1977: 230, 286, 329, 330. Nr. 142, 185, 232, 233). В обеих странах рассматриваемое понятие выводится из слов греческого языка χαραγη, χαρασσω (Bogdan 1905: 22).

Наконец, за словом «акче» стоит номинал монет 1573 г. В Османской империи так назывались мелкие серебряные деньги (Харитонов 1998: 15—16). Вот любопытное свидетельство венецианского дипломата Иосафата Барбаро, находившемся в Тане (современном Азове) в 1436—1452 гг.: «Однако раз уж я сказал, что «tetari» значит «деньги», я не хочу оставлять недосказанным, что «tetari» собственно значит «белый» и в названии этого цвета подразумеваются серебряные деньги, по цвету белые. Греки и теперь еще говорят «аспр», что значит «белый»; турки — «акча», что также значит «белый»; джагатаи — «тенг», равным образом означающее «белый». В Венеции прежде делались — да делаются и поныне — деньги, называемые «bianchi». В Испании до сих пор есть монеты, которые называются «bianche». Таким образом, мы видим, сколько

наций, каждая на своем языке, как бы встречаются в названии одной и той же вещи одинаковым именем» (Барбаро 1971: 154).

Высказывалось мнение, что османские акче начал выпускать еще султан Орхан I (1326—1359) по подобию аспра — серебряной монеты, чеканившейся в правление династии Комнинов (с 1204 г.) в Трапезундской империи (CH 1993: 18). По другой версии первые османские акче были отчеканены в 1327 г. по образцу монет Хулагуидов. Первоначально это были мелкие (1,15 г), но добротные монеты. Затем из-за снижения качества металла стоимость акче упала, что стало особенно заметным со второй половины XVI в. Если в начале XVI в., когда 40—50 акче приравнивались золотому дукату, за 1 акче давали 16 медных мангиров, то к началу XVII в. — вдвое меньше (Харитонов 1998: 15—16; http://ru.wikipedia.org/wiki).

Что касается изобразительных элементов, то портрет господаря на молдавских монетах второй половины XVI в., безусловно, связан с западным влиянием. Скорее всего, венгерским (через Трансильванию?) или польским. Свой лик таким способом уже в 1562—1563 гг. прокламировал Гераклид Деспот (Iliescu 1970: Pl. 25: 4, 26, 27: 1). Вместе с тем, создается впечатление, что шапка вместо короны должна была символизировать своего рода «демократичность» Иоанна Лютого.

При всем обилии явно привнесенных элементов, иконографию монет Иоанна отличают и типично молдавские черты. Прежде всего, это касается герба страны в виде головы тура со звездой и годом выпуска денег. Хотя до первой трети XVI в. монетные выпуски Молдавии (по сравнению, например, с Венгрией или Польшей) вообще не отмечены годами чеканки, характерна передача даты кириллическими буквами. Сотни свидетельств о домашних корнях этой традиции содержат господарские грамоты, регулярно с конца XIV в. составлявшиеся придворными логофетами и писарями (см., например, серию DRHA).

Особенности монет Иоанна Лютого, а также факты нахождения публикуемых экземпляров на значительном отдалении от исторической Молдавии, думается, не могут быть растолкованы без понимания личности эмитента и содержания его недолгого правления. Из совокупности доступных мне материалов обстоятельства жизни и деятельности господаря предстают вполне ясно.

По данным польского дворянина-кальвиниста Леонарда Горецкого, выпустившего в 1578 г. брошюру о войне Иоанна-Ивонии против турок, «это был человек высокого роста, представительной наружности, лицо его было красиво, взгляд приятный, внушающий уважение, телосложение крепкое» (Горецкий 1890: 101). Молдавский летописец Азарий именует его не иначе как «лютым и очень опасным человеком» (СМЛ 1976: 135—136; Руссев 1982: 74). Некоторые источники называют господаря «армянином», поскольку он, вероятно, являлся незаконнорожденным сыном Стефаницы (1512—1527) и безвестной армянки (Хашдеу 1989: 12; Мохов 1964: 283). Впрочем, по другим сведениям он был поляком из Мазовии, хотя и представлялся как «потомок древних господарей молдавских» (Горецкий 1890: 101).

Иоанн жил во многих странах, в правящих кругах которых легко заводил тесные отношения. Ради денег и карьеры не раз менял политические убеждения и даже веру. Чтобы вступить на престол Молдавии, он подкупил в Стамбуле членов дивана, но прежде «принял обрезание и сделался мусульманином» (Горецкий 1890: 102; см. Хашдеу 1989: 14—17; Мохов 1964: 283). Иван Грозный (1533—1584) в мае 1574 г. так изложил свое видение ситуации, в которой оказался новый молдавский господарь: «Тебе дана турецким султаном земля Молдавская, чтобы ты служил там ему и был бы его данником, … чтобы ты все делал, жил под страхом султанским, как поставленный его рукою» (ИС 1965: 131—132). Действительно, при поддержке из Османской державы он изгнал Богдана Лапушняну, в короткий срок урегулировал отношения с Польшей и Австрией, установил в стране режим жесткой централизации.

Почувствовав себя единоличным властелином, Иоанн решительно расправлялся с противниками и щедро одаривал сторонников, как правило, из числа военно-служилых людей (ОВИМК 1987: 142—145). Молдавский летописец Азарий, отстаивавшие интересы ущемленного боярства, уподобил его «облаку мрачному, вместо воды кровь источающему», а самого Иона-воеводу представил в образе «льва, лижущего кровь невинных бояр» (СМЛ 1976: 135—136; Руссев 1982: 74).

Однако совсем скоро положение переменилось. Контакты с русским царем, враждебные происки валашского господаря Александра II (1568—1577) и затаившихся домашних недругов в 1573 г. лишили Иоанна султанской милости. Когда на ультимативное требование Порты увеличить ежегодную дань вдвое (по некоторым данным до 120 тыс. золотых «червонцев») из Молдавии пришел категорический отказ, война стала неизбежной. Если верить цитируемому польскому автору, турки мобилизовали против молдавского воеводы более 100 тыс. человек, из которых две трети составляли ва-

лахи. К военным действиям были привлечены и подчиненные османам крымские татары. Войско Иоанна было в несколько раз меньше, хотя ему пришлось призвать под свои знамена «вооруженных весьма плохо» крестьян. Впрочем, они «отличались особенной преданностью» господарю. Из владений Польши, не торопившейся нарушать мир с турками, на помощь молдаванам прибыло только 12 сотен казаков-добровольцев (Горецкий 1890: 103—114; Мохов 1964: 285—286; Руссев 1982: 286; ОВИМК 1987: 143—145).

Военные действия, развернувшиеся с апреля 1474 г., приняли жестокие формы. Валахия, столицей которой — Бухарестом — быстро овладели молдаване, «вся дымилась пожарами». В ходе 4-дневных боев за Брэилу «кровь убитых жертв ручьями текла в Дунай… Не осталось не только живого человека, но даже собаки». Во время осады Бендерской крепости жители были «перебиты без различия пола» и т.д. (Горецкий 1890: 114—117; Мохов 1964: 286; ОВИМК 1987: 146).

Инициатива перешла к туркам и их сателитам, когда оснащенной артиллерией османской армии удалось переправиться через Дунай. Предательство молдавского военачальника — пыркалаба Хотина Иеремии Черневича (Чернэуцану) — было куплено турками за «30000 тысяч венгерских червонцев». Кровопролитная битва 9—14 июня у озера Кагул закончилась гибелью Иоанна Лютого и едва ли не поголовным истреблением его воинов, многих из которых победители умерщвляли «как скот» (Горецкий 1890: 119—134; Мохов 1964: 287—288; ОВИМК 1987: 145—147).

По информации татарского посла в Польше, которая 10 августа 1574 г. была передана дожу Венеции, в сражении пало свыше 8 тыс. турок, 20 тыс. татар, а воинов молдавского господаря еще больше — их тела «были нагружены на более чем четыреста возов» (ИС 1965: 136). Оккупировав всю Молдавию, султан Селим II (1566—1574) «истребил множество народа, предавая казни безразлично знатных и неимущих» (Горецкий 1890: 134). Одновременно страну вплоть до города Романа вчистую ограбили татары, пленившие огромное количество мирных людей. «В Молдавии стояли тогда плач, стенания и вопли» (СМЛ 1976: 137—138; Руссев 1982: 171). Автор, писавший спустя многие десятилетия, указал на катастрофические последствия событий 1574 г.: «И досель между Прутом и Днестром осталась пустошь, ибо люди там не селились» (Григоре Ureке 1971: 197; Руссев 1982: 171). Однако оппозиция, «благосмысленно» заявившая Иоанну: «Выбирай одно из двух: или склони голову перед султаном, или поворачивай и уходи в чужие страны. Бороться же с турками не пытайся», торжествовала. Это следует из летописи Азария, который не только восхищается великим логофетом Голэем, смело бросившим приведенные слова в лицо господарю, но и не жалеет самых радужных эпитетов в адрес посаженного на молдавский трон турками и валахами Петра-воеводы — «благородного и боголюбивого, благолепного» и пр. (СМЛ 1976: 138). Предавшая интересы страны молдавская верхушка, судя по всему, не заметила, того что увидел современник из Польши: «После того как Ивония был изменнически схвачен турками и предан мучительной смерти, Валахия и Молдавия были включены в число турецких владений» (Горецкий 1890: 97).

На мой взгляд, связи вовсе не торговые, а военно-политическая катастрофа Иоанна Лютого объясняет то, каким образом единичные медные монеты этого господаря попали в Нижнее Поднепровье и Крым. Скорее всего, они были в числе трофеев татар, ограбивших в 1574 г. юг Молдавии. Менее вероятно, чтобы в район Голой Пристани акче привез кто-то из уцелевших казаков. Впрочем, перед сдачей врагу господарь лично прощался с воинами и раздавал им ценности (Горецкий 1890: 132).

Однако наибольшей загадкой остается сам факт появления в истории монетного дела Молдавии собственного акче. Разумеется, здесь налицо умышленное заимствование номинала при совершенной оригинальности способа его овеществления. Можно думать, что рождению идеи такой монеты молдаване обязаны самому Иоанну Лютому. Даже враги признавали, что господарь был «очень умен, велеречив и в книгах сведущ» (СМЛ 1976: 135—136; Руссев 1982: 74).

Между тем, «в XVI веке экономическая мысль почти целиком занята проблемами цен и вещественной природой денег, … соотношения цен между различными используемыми металлами, расхождения между весом монет и их номинальной стоимостью». Тогда же были проведены монетные реформы, обсуждение эталонного значения которых приняло определенный общественный размах. Поскольку денежные знаки решили принимать лишь «согласно оценке содержащегося в них металла», весной 1561 г. постановление королевы Елизаветы I (1558—1603) снизило номинальную стоимость английских денег и свело ее к количеству содержащегося в них металла. Также поступили во Франции, где с сентября 1577 г. золотое экю стало мо-

нетой, обладающей реальной стоимостью (Фуко 1994: 195—197). Несколькими десятилетиями ранее теми же проблемами успешно занимался и великий Николай Коперник (1473—1543), оставивший блестящие труды по вопросам экономики и денежного обращения (Веселовский, Белый 1974: 266—280).

Если исходить из того, что до восхождения на молдавский трон Иоанн подолгу жил в разных странах (включая Турцию и Польшу), находился в тесном общении с представителями высшей знати, говорил и читал на нескольких языках, а также занимался крупными товарно-денежными операциями, можно не сомневаться: инициатором и организатором монетной реформы являлся сам господарь. Судя по всему, именно от него исходила мысль о придании новой медной монете Молдавии стоимости османского серебряного акче.

В теории цены уравнивались путем четкой взаимозависимости веса металлов. На практике турецким акче, весившим в 1566—1574 гг. в пределах 0,52—0,73 г, а в среднем 0,65—0,69 г (Беров 1976: 46, 183), были противопоставлены одноименные молдавские монеты с весом 4,90—8,73 г (MBR 1977: 90). В этот интервал вписываются и публикуемые экземпляры. Таким образом, фактические соотношения весов колеблются от минимального — 1 к 7 до максимального — 1 к почти 17. Известно, что еще Карл Великий (768—814) установил твердую пропорцию золота, серебра и меди в монетах — 1:12:20, соблюдавшееся не только в XVI в., но и гораздо позднее (Зайпт 2007: 140—141; ср. Веселовский, Белый 1974: 279). В таком случае Иоанн Лютый, знавший новейшие научные достижения Запада своего времени, рассчитывал вес своих акче с большим запасом, явно соображаясь с реальностями рынка на Востоке — неуклонной девальвацией османского серебра.

Литература

Барбаро И. 1971. Путешествие в Тану. В: *Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в.* Ленинград: Наука.

Беров Л. 1976. *Движение на цените на Балканите през XV—XIX век и европейската революция на цените*. София: Изд-во на БАН.

Бырня П. П., Руссев Н. Д. 1999. *Монеты средневековой Молдавии (Историко-нумизматические очерки)*. Stratum plus. № 6: Время денег, 176—262.

Веселовский И.Н., Белый Ю.А. 1974. *Николай Коперник (1473—1543)*. Москва: Наука.

Горецкий Л. 1890. Описание войны Ивонии, господаря волошского (1574) В: Антонович В. (ред.). *Мемуары, относящиеся к истории южной Руси*. Вып. I (XVI ст.). Киев, 89—136.

Григоре Уреке. 1971. *Летописецул Цэрий Молдовей*. Кишинэу: Картя молдовеняскэ.

ДСО 1982. Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. *Древности Старого Орхея. Молдавский период*. Кишинев: Штиинца.

Зайпт Ф. 2007. *Основаването на Европа. Очерк за последните хиляда години*. София.

ИС 1965. *Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в.* Документы и материалы в трех томах. Т. I (1408—1632). Москва: Наука.

Мохов Н.А. 1964. *Молдавия эпохи феодализма (От древнейших времен до начала XIX века)*. Кишинев: Картя молдовеняскэ.

ОВИМК 1987. *Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (Последняя треть XIV — начало XIX в.)*. Кишинев: Штиинца.

Руссев Е.М. 1982. *Молдавское летописание — памятник феодальной идеологии*. Кишинев: Штиинца.

СН 1993. Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. *Словарь нумизмата*. Москва: Радио и связь.

СМЛ 1976. *Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв.* Москва: Наука.

Сперальский З. 2001. *Молдавские авантюры*. Бэлць.

Фуко М. 1994. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. Санкт-Петербург: A-cad.

Харитонов Х. 1998. *Енциклопедия нумизматика. Монетите на Европа в България XV—XVIII век*. Велико Търново: Абагар.

Хащдеу Б.П. 1989. *Ион-Воевода Лютый*. Кишинев: Литература артистикэ.

Bogdan I. 1905. *Documente privitoare la relaţiile Ţării Romîneşti cu Braşovul şi cu Ţara Ungurească în sec. XV şi XVI*. Vol. I (1413—1508). Bucureşti.

DRHA 1976.— *Documenta Romaniae Historica. A. Moldova*. Vol. II. (1449—1486). Bucureşti: Editura Academiei RSR.

DRHD 1977. *Documenta Romaniae Historica. D. Relaţii între ţările române*. Vol. I (1222—1456). Bucureşti: Editura Academiei RSR.

Iliescu O. 1970. *Moneda în România (491—1864)*. Bucureşti: Editura meridiane.

MBR 1977. Lucian O., Buzdugan G., Oprescu C.C. *Monede şi bancnote romîneşti*. Bucureşti.

TM 1994. *Tezaure din muzeele oraşului Chişinău secolele XVI—XVIII*. Chişinău: Editura Universitas.

Статья поступила в номер 1 сентября 2010 г.

Nicolai Russev (Kishinev**,** Moldova). Doctor habilitat of history. High Anthropological School.

Nicolai Russev (Chişinău**,** Moldova). Doctor habilitat în istorie. Universitatea «Şcoala Antropologică Superioară».

Руссев Николай Дмитревич (Кишинев, Молдова). Доктор хабилитат истории. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: nrussev@mail.ru

Археология представлений

Archaeology of Representations

Arheologia reprezentărilor

Г. Г. Атанасов

Скальный культовый центр Залмоксиса у реки Табан в Южной Добрудже

G. G. Atanasov.

Rocky Cult Center of Zalmoxis on the Taban River in Southern Dobrogea.

A unique cult center in north-eastern Bulgaria includes 5 compactly set rocky sanctuaries. The central one — Bajalia — is a temple carved in a cave, with an altar, a throne carved in the rock, a terrain for cults and a pit. Findings coming from a 2 m thick cultural layer found at the bottom of the altar and dated by 6th c. BC — 4th c. AD tell about sacrifices (including human) in honor of Zalmoxis. Among other sanctuaries, Kirinjik is the most interesting. Its altars, secret passages and underground halls remind of the cave where Zalmoxis "disappeared". Religious rites at the Taban River ceased when Emperor Theodosius I (379—395) put an end to pagan temples. However, worship to Zalmoxis continued in so called "Kookers' Games", which were practiced until not long ago in Silistra region.

G. G. Atanasov.

Centrul de cult al lui Zalmoxis în stâncă lângă râul Taban în Dobrogea de Sud.

Centrul religios unic din nord-estul Bulgariei include cinci sanctuare săpate în stâncă compact amplasate. Sanctuarul central — Badjaliyata — reprezintă un templu săpat în peşteră în care se află un altar, un scaun în stâncă, o platformă şi o groapă cultice. Descoperirile din stratul cultural mai gros de 2 m la baza altarului, datând din sec. VI î. Hr. — sec IV, indică la ceremonii de sacrificii (inclusiv umane) în cinstea lui Zalmoxis. Printre alte sanctuare un interes deosebit prezintă Kirindjik. Altarele acestuia, pasajele secrete şi sălile subterane seamănă cu o peşteră în care a „dispărut" Zalmoxis. Riturile de pe râul Taban s-au încetat, când împăratul Teodosie I (379—395) a pus capăt templelor păgâne. Cu toate acestea, cultul lui Zalmoxis s-a păstrat în „jocurile kukerilor" ce existau până recent în regiunea Silistra.

Г. Г. Атанасов.

Скальный культовый центр Залмоксиса у реки Табан в Южной Добрудже.

Уникальный культовый центр на северо-востоке Болгарии включает 5 компактно расположенных скальных святилищ. Центральное из них — Баджалия — представляет пещерный храм с алтарем, скальным троном, культовыми площадкой и ямой. Находки из культурного слоя толщиной более 2 м у подножья алтаря, датируемые VI в. до н. э. — IV в. н. э., свидетельствуют о жертвоприношениях (в том числе человеческих) в честь Залмоксиса. Из других святилищ особенно интересен Кириндж ик. Его алтари, тайные ходы и подземные залы напоминают пещеру, в которой «исчез» Залмоксис. Священнодействия у реки Табан прекратились, когда император Феодосий I (379—395) покончил с языческими храмами. Однако поклонение Залмоксису сохранилось в «кукерских играх», до недавней поры бытовавших в районе Силистры.

Keywords: rocky sanctuary, cult of Zalmoxis, temple carved in a cave, underground habitation, human sacrifice, Bajalia, Kirinjik, Durostorum, Strelkovo, St. Dasius, throne, andreon, Getians.

Cuvinte cheie: sanctuarul rupestru, cultul lui Zalmoxe, templul rupestru, localul subteran, sacrificii umane, Bajalia, Kirinjik, Durostorum, Strelkovo, Sf. Dasius, tron, andreon, geții.

Ключевые слова: скальное святилище, культ Залмоксиса, пещерный храм, подземное жилище, человеческие жертвоприношения, Баджалия, Кириндж ик, Дуросторум, Стрелково, св. Дазий, трон, андреон, геты.

© Г. Г. Атанасов, 2010.
© Перевод статьи с болгарского языка: Н. Д. Руссева, 2010.

Более 20 лет назад у русла пересохшей реки Табан, являющегося естественной границей между территориями общин Алфатар и Кайнарджа в Южной Добрудже (Силистренская область Болгарии) был зарегистрирован уникальный скальный культовый комплекс (рис. 1), о котором до сих пор были даны только предварительные сведения и краткие описания памятников (см.: Атанасов и др. 1994: 13—15, табл. I—III; Атанасов 2004: 2—3, 8—12; 2008: 14—18). Он включает скальные святилища, алтари, культовые площадки и скальные ямы, сгруппированные на протяжении всего лишь 4 км по берегам древней реки Табан (Малый Канагёл) в районе сел Стрелково, община Кайнарджа; Васил Левски, община Алфатар; Войново, община Кайнарджа; Поп Русаново, община Кайнарджа, и Кутловица, община Алфатар. К ним условно можно причислить и скальное святилище у села Руйно, община Дулово, находящееся примерно в 35 км к юго-западу от Стрелково (Атанасов 2007: 3—4). Летом 2005 г. археологическая шурфовка была проведена у села Стрелково — на самом значительном из пещерных святилищ реки Табан, известным под названием «Баджалия». Это исследование в значительной мере способствует уточнению датировки и ряда элементов культовой практики.

Пересохшее русло Табана: история у древней реки

Монотонный рельеф добруджанской равнины, от которой берет свое начало огромная евразийская лесостепь, разнообразится живописными руслами нескольких пересохших рек. Наиболее впечатляюще и выразительно на рельефе Южной Добруджи выделяются Сухая река, Канагёл (известная еще под наименованиями Дристра и Силистиря), Табан (называемая также Хырсовской в нижнем течении и Малый Канагёл в верхнем) с притоками (рис. 1). Все эти реки уходят истоками к подножиям Балкан, пересекают лесостепную Добруджу и вливаются в Дунай через озера Гырлица (Буджак) и Олтина на румынской территории.

Впрочем, есть факты, свидетельствующие, что в средние века вплоть до XVIII в. Табан и Канагёл все еще были водными артериями. Описывая поход своего отца, императора Алексея Комнина, к Дристру-Силистре в 1088 г., известная византийская писательница и интеллектуалка Анна Комнина оставила потомкам обобщенное и поэтизированное описание Добруджи. В то время край был известен под именем «Стохолмие» (это связано с множеством находящихся здесь фракийских курганов), через которое «протекают большие и красивые реки» (Anna Comnéne 1967: 94; Анна Комнина 1965: 355). Еще важнее уточнение, что на пути из Плиски к Доростолу «… самодержец (император Алексей Комнин — авт.) продвигался вдоль реки, которая течет вблизи Дристра». Поскольку уже известно, что средневековая дорога Преслав — Плиска — Доростол проходила в непосредственной близости от русла Канагёла и Табана (Атанасов 1987: 29—31), то, вероятнее всего, вдоль этих рек Алексий Комнин и проследовал к Доростолу в 1088 г. Значительно позднее, в 1790 г., но зато совершенно конкретно, о реках у Силистры, притоках Дуная, сообщал французский дипломат и путешественник Феликс Божур: «Пятый путь начинается от Силистры и по мере того как идет вверх по течению **Дристра** (выделено авт.) или по притоку **Табан** (выделено авт.) к их истокам, путь подымается по холмам, которые являются первыми предгорьями Балкан» (Цветкова 1975: 419). Кроме письменных источников, сегодняшние пересохшие русла Канагёл и Табан отмечены как малые реки под своими собственными именами на географических картах XVIII — начала XIX вв. (Reilly 1791; Атанасов 1987: 30, табл. II).

Очевидно, древние реки создавали оптимальные условия для жизни в бедной водными ресурсами и засушливой добруджанской степи. Одно из самых ранних стационарных поселений эпохи энеолита в Силистренской области расположено недалеко от левого берега Табана, в 1,2 км к юго-востоку от села Васил Левски в урочище Параджик. Найденные здесь на поверхности почвы фрагменты сосудов, каменные топоры и орудия труда датируют этот археологический объект V—IV тысячелетиями до н. э. (Миков 1933: 183). В регионе очень редко встречаются памятники бронзового века, в то время как в эпоху гальштата наблюдается настоящий демографический взрыв, связанный с появлением фракийцев. Они осваивают пространство у реки Табан, о чем свидетельствуют два селища — одно на левом берегу, юго-восточнее села Васил Левски, а второе — на северном берегу, на первой незаливаемой террасе (рис. 1), примерно в 3 км северо-западнее Баджалии (Атанасов и др. 1994: 12—14, табл. I). Отдельные фрагменты фракийской керамики зарегистрированы и в руинах позднеантичной крепости, находящейся юго-западнее села Поп Русаново. Укрепление располагалось на мысообразном возвышении на правом берегу Табана в 3 км

южнее Баджалии (рис. 1) и в непосредственной близости от второго по величине скального святилища Киринджик (Атанасов 1987: 34; Torbatov 2000: 63—68). Без всякого сомнения, с фракийскими поселениями и святилищами связаны два больших курганных могильника. Первый локализуется на высокой равнинной террасе между Канагёлом и Табаном, а самая большая концентрация могильных насыпей находится в районе сел Кутловица и Васил Левски. Второй некрополь, намного более впечатляющий по количеству и величине курганов, расположен вдоль дороги Силистра — Средиште — Варна (рис. 1). Показательно, что он начинается над скальными святилищами реки Табан и продолжается на протяжении около 50 км к юго-востоку, занимая одну из самых высоких террас над Дунаем в придунайской Добрудже. Наконец, необходимо уточнить, что жизнь на фракийских селищах у реки Табан продолжалась и в античности.

Пещеры у реки Табан и пещера в древней мифологии

Пересохшие реки глубоко прорезают древние сарматские известняки — осадочные породы, которые ведут свое начало от праисторического Сарматского моря, существовавшего 50—60 млн. лет назад (ГБ 1989: 52—63). Только по берегам древ-

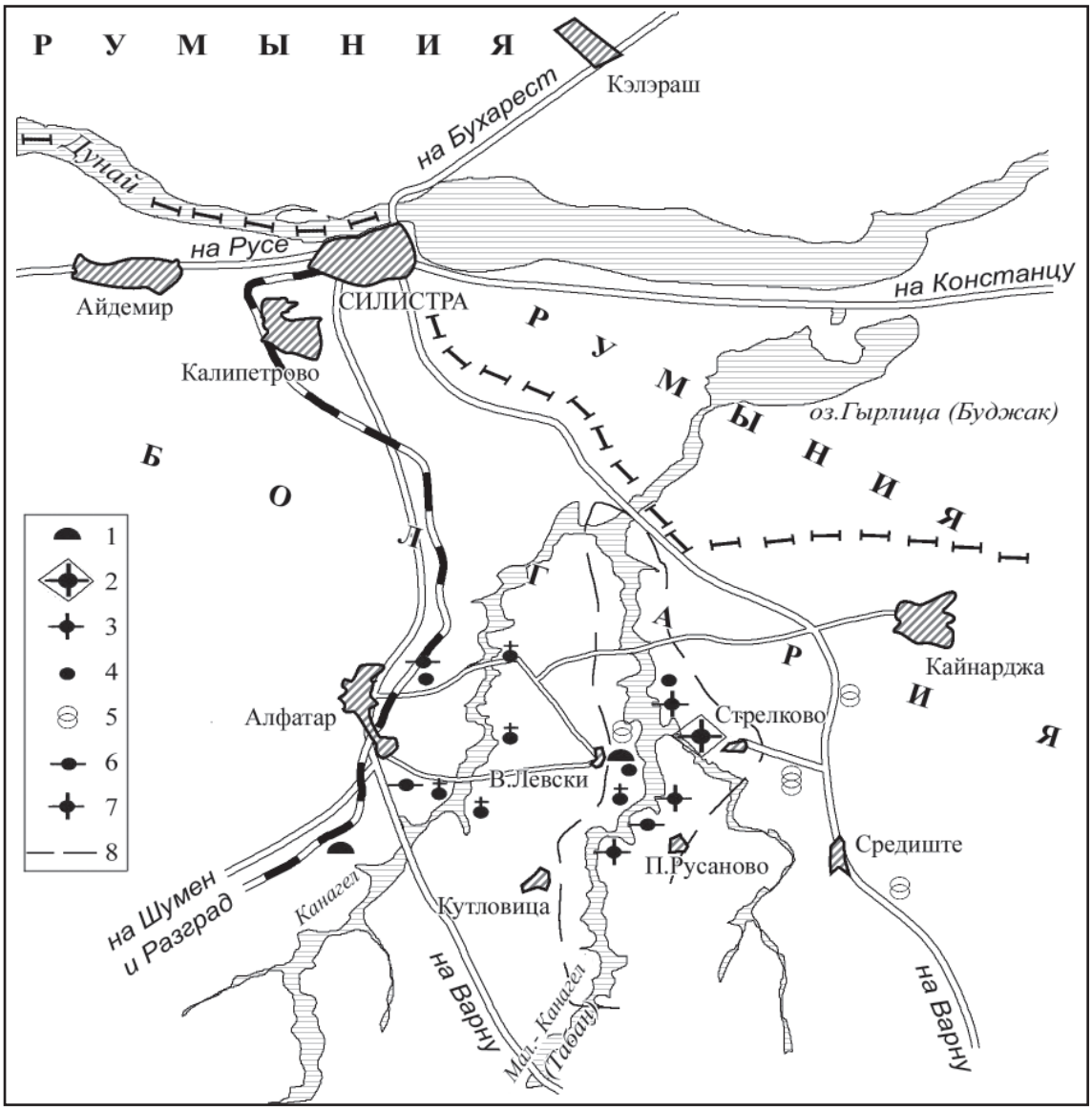

Рис. 1. Фракийские скальные святилища и археологические памятники в районе Канагёла и Табана: 1 — энеолитическое погребение VI—V тыс. до н. э.; 2 — фрако-римское скальное святилище Баджалия; 3 — фрако-римское скальное святилище на реке Табан; 4 — фрако-римское поселение; 5 — фракийский намогильный памятник; 6 — крепость IV—VI вв.; 7 — скальный монастырь IX—X вв.; 8 — границы охраняемой зоны.

них рек эти известняки являются видимыми. В ледниковые и межледниковые периоды русла окончательно оформились и обзавелись десятками пещер и разнообразных скальных изваяний. Только вдоль Табана картографировано более 40 больших и сотни малых пещер. Некоторые из них — Кириндж ик и Гълъбчишката, между селами Васил Левски, Поп Русаново и Кутловица, со своими залами, туннелями и галереями считаются самыми большими и зрелищными в Добрудже (Атанасов и др. 1994: 6—7). Эти сравнительно молодые образования, возникшие в ходе геолого-химических процессов при образовании карста и подземных источников, сливались с подземными и иногда полноводными наземными реками. Поскольку данные природные феномены появились на фоне однообразной степи, это вызывало к ним любопытство местных обитателей еще в глубокой древности. Вообще наши предки останавливались с почитанием и волнением перед таинственным миром пещеры. Она воспринималась ими как нечто внутреннее, скрытое и тайное, как своеобразная мистическая граница между видимым и невидимым мирами (МНМ 1982: 311—312). В греко-эллинистической, фракийской и восточной мифологиях пещера являлась сакральным убежищем божеств и героев, в т. ч. давшим приют самому Зевсу-младенцу. В таком смысле пещеру можно рассматривать как природный храм божеств и даже прототип возведения греко-эллинистических и фракийских храмов. Не случайно, подобно пещере, их внутренний вид скрыт от взглядов богомольцев, поскольку они являлись обиталищем самого божества. Ограниченный доступ в лоно святилища имеют только богоизбранные жрецы, которые приносят перед алтарями жертвы и исполняют культовые церемонии.

Скальный храм Баджалия

По всей видимости, первоначально большая пещера Баджалия (рис. 2, 3) воспринималась как нерукотворный божественный храм, и в этом качестве культовые действия и мистерии совершались здесь уже в глубокой древности. В самом раннем культурном слое у подножия святилища открыты керамика, орудия труда каменно-медной и позднебронзовой эпох (рис. 4), что предполагает обожествление этого места еще в праисторические времена. Замечательно, что первое стационарное поселение в этом районе расположено всего в 2 км западнее по направлению к селу Васил Левски, и также относится к периоду энеолита.

В результате археологического изучения стратиграфии культурных напластований у подножия Баджалии обозначилась топографическая преемственность в культовом осмыслении этого замечательного природного объекта. Первые обитатели времени энеолита открыли и наполнили его сакральностью, но с окончанием истории их общности скалы и пещеры оказались в забвении, продолжавшемся три тысячелетия. Единичные керамические фрагменты и бронзовые украшения позволяют предположить, что это выдающееся место было вновь открыто в позднебронзовую эпоху. Однако по-настоящему его культурное освоение происходит около VI—V вв. до н. э., когда священная долина в среднем русле реки Табан была заново обожествлена фракийцами, действительно положившими здесь начало скальному культовому строительству. Естественным образом расширенная равнина у древней реки, отмеченная скальными венцами и пещерами, ограничена валом, и тем самым очерчена священная Г-образная территория — temenos (рис. 5). Приблизительно в ее центре находится большая естественная пещера «Баджалия», возвышающаяся над высоким правым берегом высохшего рукава реки Табан. От подножья к вершине в скале высечена тропинка, которая расширялась и становилась горизонтальной при подходе к пещерным сооружениям. Она приводит к естественному туннелю, от которого начинается скальное святилище. Хорошо оформленные выемки у входа свидетельствуют, что он закрывался закрепленной в скале деревянной дверью. Г-образная галерея выводит на высеченную горизонтально тропинку, по которой можно достичь огромной естественной пещеры размерами 18,80×8,50×7,60 м (рис. 2—6). У входа в пещеру отмечен культурный горизонт с керамикой и следы очага. Тут найдены 7 серебряных драхм, отчеканенных в Истрии, и три римских республиканских денария II—I вв. до н. э. Справа от пещеры находится наиболее старательно высеченное помещение комплекса — глубокий эллипсовидный в разрезе и полуэллипсовидный в плане алтарь (ширина 5,15 м, глубина 6,00 м и высота 2,00—3,20 м) с идеально выровненным полом (рис. 3, 6, 7). У его подножья скальная тропинка расширена и оформена в виде своеобразной площадки. Она обрывается у пропасти, достигающей на глубине около 20 м дна высохшего русла. Именно тут за много веков жертвоприношений, совершенных с площадки перед

Рис. 2. Баджалия — центральное скальное святилище.

алтарем скального храма, накопился культурный слой диаметром около 22 м, глубиной от 1,70 м (у скалы) до 3,30 м (в низине).

Здесь нами был заложен археологический шурф шириной 5 м (рис. 8, 9). Хронологически самые ранние из обнаруженных находок относятся к медно-каменному и бронзовому векам, но наиболее компактный комплекс артефактов принадлежит эпохам гальштата (рис. 10: 1), эллинизма (рис. 10: 2, 3) и латена. Гальштатская керамика особенно многочисленна и составляет около 90% всей керамической коллекции. Показательно наличие эллинистических чернолаковых сосудов и амфор (некоторые из них с клеймами) из эгейского бассейна (рис. 10: 2, 3). Верхние горизонты насыщены римской керамикой, датированной в пределах II—IV вв. н. э. (рис. 10: 5, 6). В культурных напластованиях также открыты латенские фибулы, фрагменты двух фракийских браслетов (рис. 11: 1, 2) и много монет, среди которых можно назвать оболы Филиппа II Македонского (359—336), драхмы и тетрадрахмы Александра III Македонского (336—323), Лисимаха (321—281), Селевка (312—280), фракийские имитации драхм Александра Македонского, монеты Одессоса (IV—III вв. до н. э.), римские республиканские денарии II—I вв. до н. э. и императорские монеты III—IV вв., самые поздние из которых выпущены от имени Валента (364—378) (рис. 12).

Скальный трон

У подножья храма Баджалия примерно в 50 м северо-западнее находится большой скальный блок размерами 4,40×4,10 м, возвышающийся примерно на 2,00 м над современной дневной поверхностью (рис. 9, 13). Похоже, что еще в праисторические времена он оторвался от скального венца и вошел в грунт на глубину около 4 м от современ-

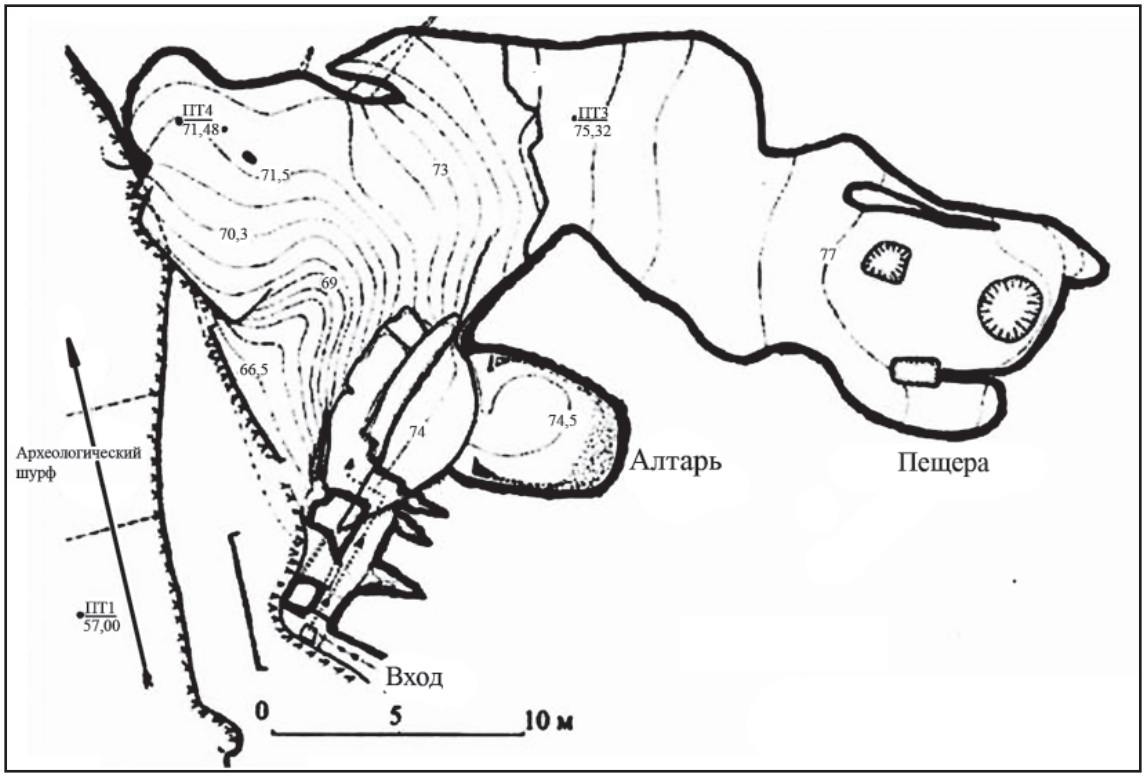

Рис 3. План Баджалии.

ного уровня дневной поверхности. Однако еще в древности он был дополнительно обработан; ему придали форму трона с сиденьем высотой 0,37 м, шириной 0,60 м и высокой (0,70 м) спинкой. Объект находится в зоне прямой видимости с алтаря святилища. В 32 м перед ним начинаются культурные наслоения в подножье Баджалии. Здесь найдена фибула (рис. 14), а также монета императора Елагабала (218—222).

Скальная культовая площадка

В 220 м юго-западнее Баджалии левый берег высохшего русла обрамлен вторым известковым венцом, в котором также отмечены естественные пещеры и гроты. От него к руслу выдвигается мысообразная скала высотой 13 м. Ее вершина тщательно подтесана, в результате чего идеально выровнена (рис. 5, 15). Таким образом, была создана ориентированная по сторонам света площадка трапециевидной формы с максимальной длиной 4,10 м и максимальной шириной 2,70 м. Точно посередине ее сделана глубокая выемка (0,40 м при ширине 0,15 м), ориентированная по оси север — юг с отклонением 80 на запад. В центре выемки дополнительно высечено гнездо, вероятно служившее для крепления деревянной опоры. С высоты площадки открывается широкая панорама и устанавливается прямая визуальная связь с алтарем Баджалии, троном, курганным некрополем на гребне высокого плато у дороги Силистра — Варна и расположенным в северо-восточном направлении третьим скальным венцом, где изучена четвертая стационарная археологическая структура.

Рис 4. Каменный топор, найденный в подножье Баджалии.

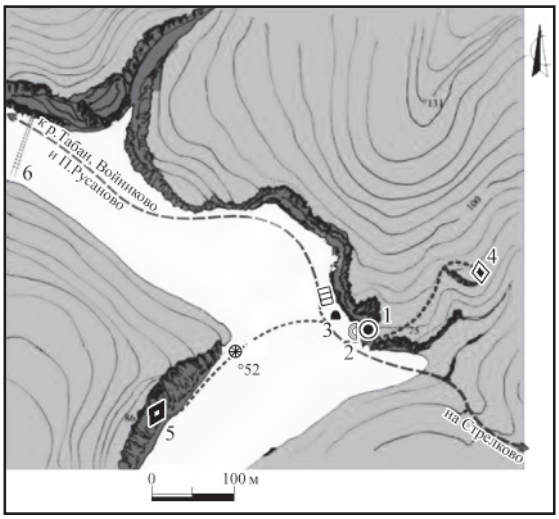

Рис 5. План местности в окрестностях святилища Баджалия: 1 — центральный храм; 2 — культурные напластования с находками керамики, металлических предметов и костей, включая человеческие; 3 — скальный трон; 4 — культовая яма над малой пещерой; 5 — скальная культовая площадка; 6 — вал, ограничивающий сакральное пространство — temenos.

Скальная культовая яма

Объект находится в 150 м северо-восточнее Баджалии над одной из малых пещер (рис. 5, 16, 17). От входа в пещеру по высеченным в скале ступенькам можно пройти на небольшую специально выровненную скальную площадку. На ней, как раз над пещерой, выдолблена яма с прямоугольным устьем размерами 1,25×1,00 м. Она ориентировано по сторонам света, причем длинная сторона расположена на оси север — юг с отклонением в 100 к востоку. Стенки ямы наклонены ко дну, которое находится на глубине 1,20 м и имеет площадь 0,95×0,75 м. В 5 м юго-восточнее находятся четыре ямы поменьше, вероятно, служившие для крепления какой-то деревянной конструкции. В подножье скал отмечена еще одна старательно высеченная площадка, но судя по всему, строительные работы здесь не были завершены. В слабом культурном слое около ямы найдены фибула, декоративная нашивка и украшение от колчана (рис. 18).

Скальное святилище Киринджик у села Поп Русаново

В 2,5 км южнее Баджалии на правом берегу реки Табан расположена большая естественная пещера, именуемая «Киринджик» (рис. 1; 19). Под внушительным скальным навесом в основании карстового венца нахо-

Рис 6. Алтарь Баджалии (вид снаружи).

Рис 7. Алтарь Баджалии (вид изнутри).

дится обширное помещение размерами около 9×7×4,5 м. На высоте 1,05 м над полом в восточной половине находится тщательно подтесанная прямоугольная площадка размерами 4,10×2,80 м (рис. 19: 2). Она ориентирована по сторонам света, причем длинная сторона расположена по линии север — юг с отклонением в 120 к восток. У края ее западной части врезана выемка шириной 0,24 м и глубиной 0,08 м. В центре и северо-западном крае площадки заметны сильно обожженные участки, предварительно обмазанные желтой глиной.

Справа от площадки, в подножье восточной стены скал старательно высечена полукруглая, арковидно оформленая в нижней части ниша-алтарь шириной 2,30 м, глубиной 1,30 м и высотой 1, 85 м. Ориентирована она на восток с небольшим (около 100) отклонением на север (рис. 19: 2; 20).

Справа над алтарем на грани скального венца находится третья структура, начинающаяся с самого верха плато (рис. 19: 1; 21). Отсюда по длинной (6,50 м) и узкой (0,90×0,80 м) наклонной галерее можно достигнуть вертикальной шахты глубиной 5,50 м, которая спускается в естественный пещерный лабиринт. В нем самой обширной и подходящей для обитания является юго-западная часть. Тут имеется широкое отверстие с видом на реку, а возле него на северной стене аккуратно высечена малая арковидная ниша-алтарь размерами 0,40×0,18×0,48 м.

У подножья скалы отмечен культурный слой, насыщенный керамикой, которая, как и на Баджалии, датируется в интервале от VII—V вв. до н. э. до III—IV вв. н. э. (рис. 22) Особенно много керамики на берегу реки, где частично раскопаны стены сооружения, сложенные из рваного камня на глиняном растворе (рис. 22: 1; 23).

Скальное святилище у села Кутловица

В 3 км южнее Киринджика и в 1,5 км восточнее села Кутловица зарегистрировано самое южное скальное святилище не реке Табан (рис. 1; 24; 25). На правом берегу пересохшей реки возвышается внушительная естественная скальная арка — своего рода мост с отверстием под ним 5,5×2,4 м. Находящаяся выше мысообразная скала размерами около 18×8 м искусственно выровнена, а на ее восточном крае выдолблены две ямы, одна возле другой. Одна из них овальная (0,40×0,28×0,50 м), а вторая — корытообразная (1,40×1,00×0,60 м). Примерно в 25 м южнее арки имеется естественная скальная пустота, которая дооформлена так, что превратилась в эллипсовидный в разрезе и полуэллипсовидный в плане алтарь размерами 7,60×9,10×3,10 м. Он ориентирован на восток с отклонением около 120° к северу. Подобно другим святилищам, и здесь в подножье скал открыта фракийская и античная керамика,

Рис 8. Археологический шурф в подножье Баджалии.

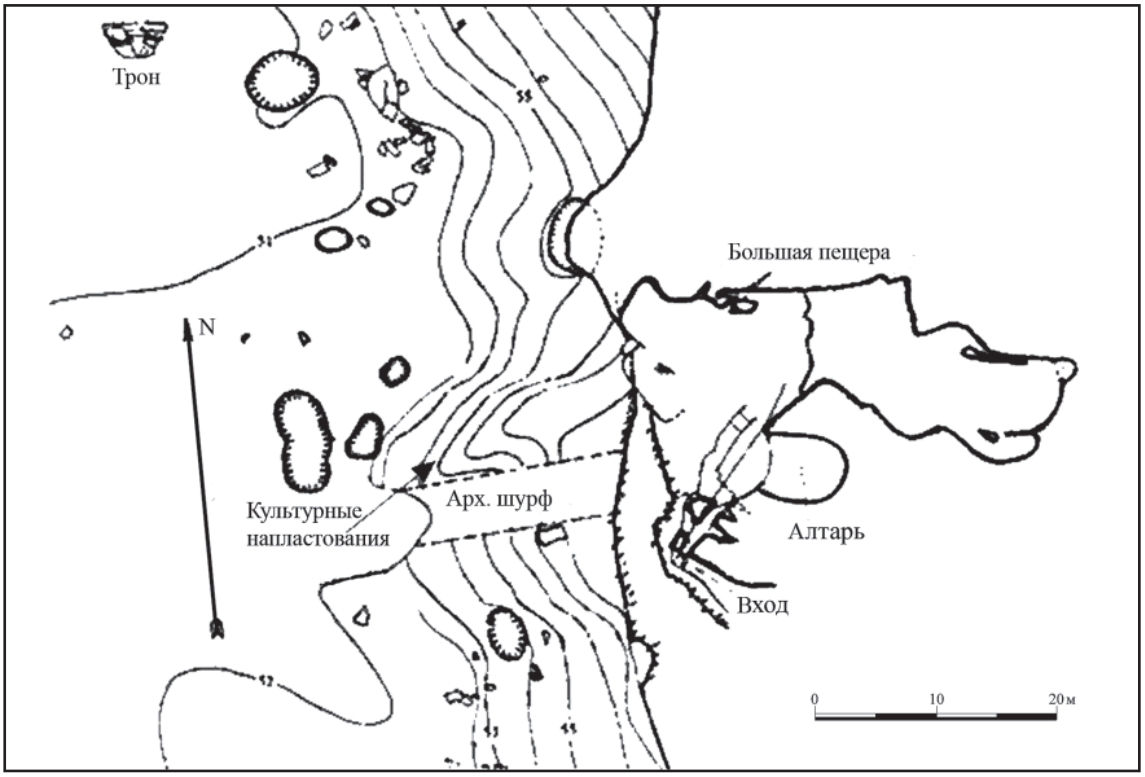

Рис 9. Археологические объекты в районе Баджалии.

но в отличие от Баджалии и Киринджика фрагментов мало, а культурный слой слабый.

Скальное святилище у села Васил Левски

Оно находится примерно в 3 км севернее Баджалии и так же, как три другие, расположено на правом берегу реки Табан (рис. 1, 26). Внешне это очень впечатляющее природное образование, напоминающее средневековый скальный замок, использовалось как святилище. С этой целью пять естественных скальных пустот на фасаде скалы были искусственно превращены в культовые ниши.

Скальное святилище у села Войново

Это самое северное святилище в скальном культовом комплексе расположено на правом берегу Табана (рис. 1, 27) в 7 км к северу от Баджалии. Слева от выразительно оформленного природой большого скального навеса на недоступной высоте находится ориентированная на восток естественная пещера со следами обработки. У подножья скалы встречаются обломки ручной и гончарной фракийской керамики. Фрагменты эллинистических и римских сосудов к настоящему времени здесь не обнаружены.

Скальное святилище у села Руйно

Условно к скальному культовому центру у реки Табан можно причислить скальное святилище у села Руйно на территории общины Дулово (Атанасов 2007а: 3—12). Оно находится примерно в 35 км юго-западнее от Баджалии на правом берегу пересохшего русла реки Сребреница и у западного подножья средневековой крепости Аязмо (рис. 28), во время изучения которой были обнаружены эллинистические амфоры (рис. 29), фракийская керамика (рис. 30), а черные археологи откопали поблизости клад с серебряными эллинистическими монетами, среди которых преобладают драхмы Истрии. В 3 км южнее святилища был обнаружен и частично изучен большой фракийский курганный некрополь примерно с 200 трупосожжениями и севернее него — фракийское селище[1]. Святилище включает естественную пещеру, слева от которой вы-

[1] В исследовании крепости в 2005 г. экспедиции д.и.н. Георгия Атанасова, д.и.н. Николая Руссева и д-ра Валерия Йотова участвовали студенты и преподаватели Университета Высшая Антропологическая Школа (Кишинев). Некрополь под руководством Г. Атанасова и Н. Руссева в 2001—2003 гг. изучали студенты ВАШ во главе с Евгением Зверевым.

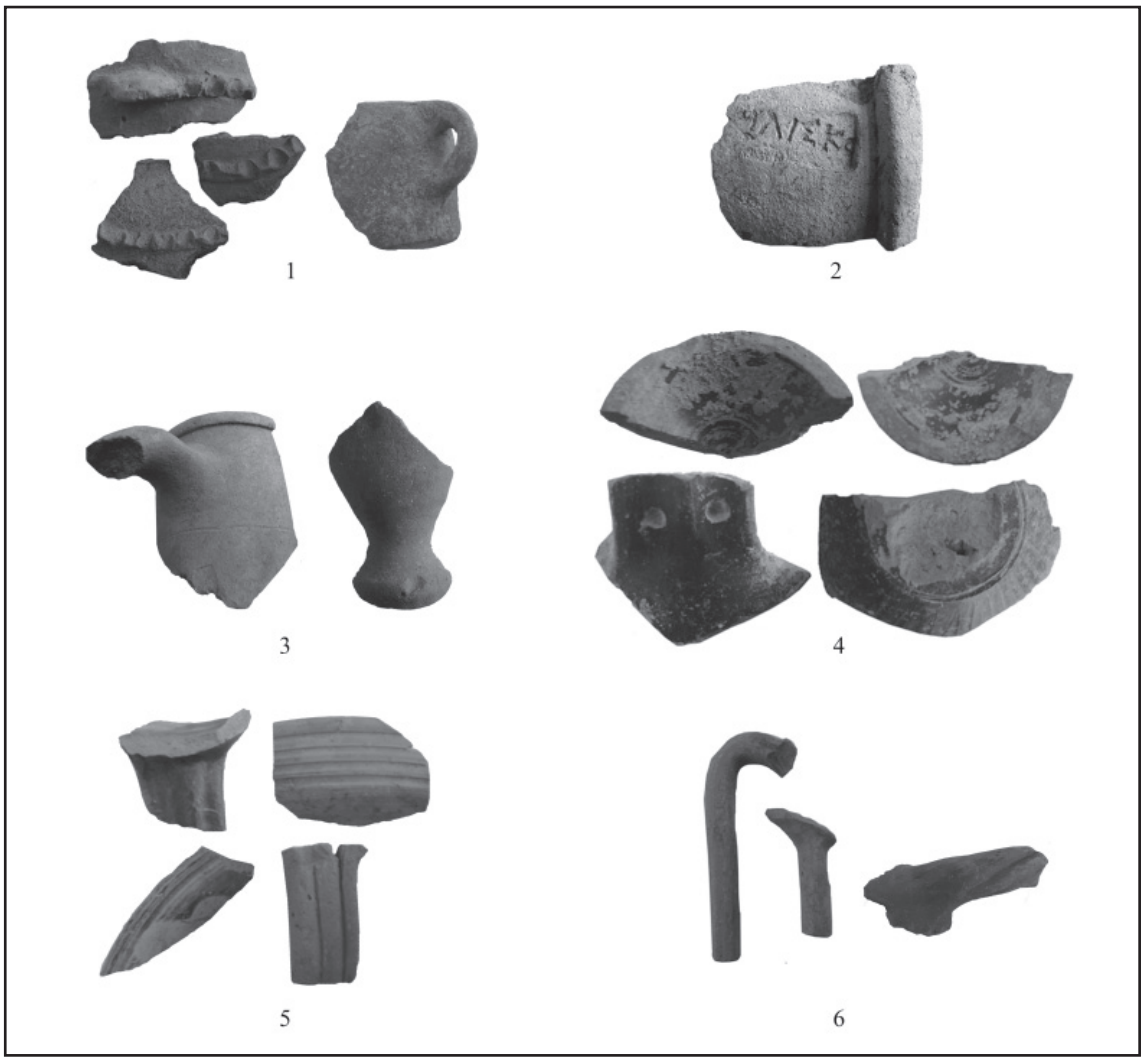

Рис. 10. Керамика из шурфа у подножья Баджалии: 1 — обломки фракийской посуды (VI—IV вв. до н. э.); 2 — часть горловины греческой амфоры с клеймом (IV—III вв. до н. э.); 3 — фрагменты греческих амфор IV—III вв. до н. э.; 4 — обломки эллинистической чернолаковой керамики IV—III вв. до н. э.; 5 — фрагменты римской керамики II—III вв. н. э.; 6 — ручки римских сосудов IV в. н. э.

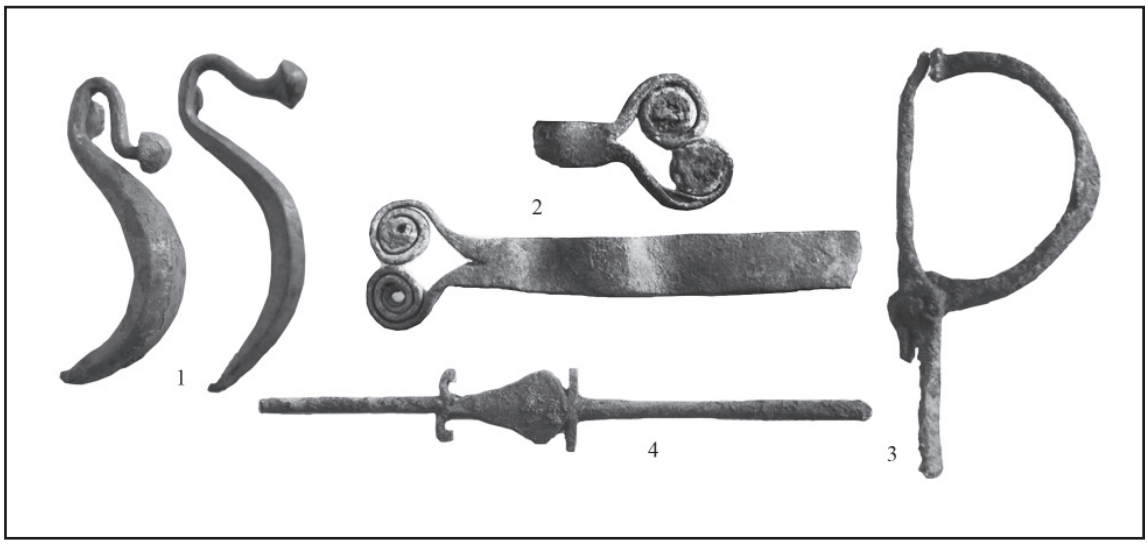

Рис. 11. Металлические изделия из шурфа у подножья Баджалии: 1 — бронзовые фибулы III—II вв. до н. э.; 2 — бронзовые браслеты III—II вв. до н. э.; 3 — железная фибула; 4 — бронзовый предмет III—II вв. до н. э.

Рис. 12. Эллинистические и римские монеты: оболы Филиппа II Македонского (359—336), драхмы и тетрадрахмы Александра III Македонского, Лисимаха (321—281), Селевка (312—280), фракийские имитации драхм Александра III Македонского, монеты Одессоса (IV—III вв. до н.э.), римские республиканские денарии II—I вв. до н. э. и монета императора Валента (364—378).

сечена арковидная ниша. Она ориентирована на восток и имеет ширину 3,10 м при глубине 0,90 м и высоте 3,80 м. У входа в пещеру найдены фрагменты фракийской керамики, но хорошо сформировавшийся культурный слой отсутствует.

Скальный культовый центр на реке Табан в контексте фракийских скальных святилищ в Болгарии

В результате археологических раскопок и полевых сборов установлено, что четыре пещерных святилища у реки Табан возникли и функционировали примерно в одно и то же время. При этом не исключено, что они связаны и культовой близостью. Вообще имеются основания топографического и археологического характера полагать, что отдельные памятники составляют неотъемлемые части единого скального культового комплекса, центром которого является храм «Баджалия» с прилегающими к нему структурами. Его элементы полностью вписываются в типологические характеристики фракийских скальных святилищ Болгарии (Найденова 1980: 15—26).

I. При их создании ведется поиск соответствующего места и естественных условий:

1. Они расположены на возвышениях.

2. Находятся возле источников и реки.

3. В непосредственной близости от них располагаются наиболее заметные в регионе естественные скальные изваяния.

4. Доступ к ним затруднен; обычно добраться до них можно по крутой тропинке.

5. Вход в них прикрывают значительные естественные препятствия. Это делалось сознательно с целью «очищения» посетителей.

6. Иногда используются пещеры. Причем подбирались скальные образования, напоминающие животные, растительные или человеческие изваяния.

II. Всегда присутствует человеческое вмешательство, связанные обычно с высечением следующих элементов:

1. Стоки и бассейны для жертвоприношений.

2. Скальный трон, как правило, ориентированный (как в Баджалии) на юг или восток.

4. Лестница и дверь входа.

5. Ступеньки, разной величины ямы и другие элементы.

6. Искусственно оформленные скальные ниши и алтари.

Совершенно очевидно, что указанные В. Найденовой два типа характеристик в полной мере гармонируют со всеми элементами святилищ на реке Табан и, в частности, Баджалии. Согласно мнению той же исследовательницы, по положению и значению скальные святилища разделяются на три типа:

1. Малые святилища, которые, подобно христианским часовням, изолированы и посещаются редко.

2. Постоянно действующие святилища, обслуживающие большой регион и находящиеся далеко от стационарных поселений. Например, Татул и Мостово.

3. Общефракийские святилища вроде Перперикона, которые функционировали постоянно и являлись объектом массовых посещений представителей фракийской ойкумены.

Если исходить из знаний о культурных напластованиях изученных памятников, к первому типу относятся святилища у сел Кутловица, Васил Левски и Руйно, а ко второму — Кириндж, в котором обнаружен однородный слой с керамикой, индивидуальными находками и костями животных. Довольно трудно идентифицировать центральное свя-

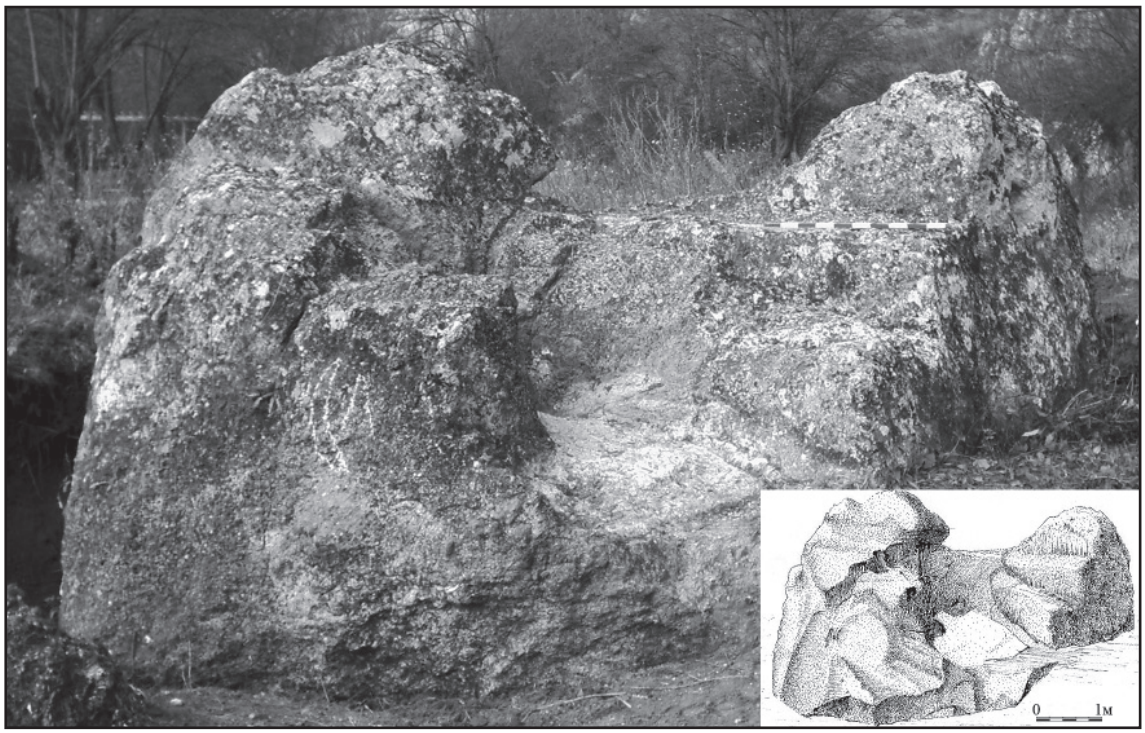

Рис. 13. Скальный трон.

тилище Баджалия, этот наиболее грандиозный скальный ансамбль с довольно мощными культурными напластованиями. Никакого сомнения не вызывает его региональный характер, но нельзя исключать и возможности его общефракийского значения.

Пещерные храмы на реке Табан и культ фрако-гетского бога Залмоксиса

Принципиальным является вопрос о предназначении и культах религиозного скального центра на реке Табан, аналогии которому не известны ни в Добрудже, ни в Нижнем Подунавье в целом. Практически исключено, что эти святилища связаны с почитанием Солнца, поскольку ни одно из них прямо не освещается солнечными лучами, а на скалах отсутствуют обычные в таких случаях изображения солнечных дисков. Это потвердили археоастрономические исследвания, проведенные в 2005 г. доктором Николаем Дерменджиевым. Отсутствие оброчных плиток и надписей в святилищах и изученных культурных слоях у подножья Баджалии и, наконец, отсутствие среди открытых и удовлетворительно атрибутированных объектов такого рода сооружений создает большие трудности при интерпретации памятников, делает рассуждения на эту тему в изветной мере гипотетическими.

Скальные храмы, алтари, подземные галереи и залы на берегу пересохшей реки обращают внимание исследователя к истории фрако-гетского героя, мудреца, врачевателя, первожреца, царя и бога, Залмоксиса (Попов 1989; 1995). Его личность привлекала и древних авторов, от Геродота (483—425 гг. до н.э.) до раннесредневековых писателей VI—VII вв.н.э. (см. Попов 1995: 11 сл.). Описывая поход персидского царя Дария на скифов в 514 г. до н. э., Геродот утверждает, что, прежде чем достигнуть Истра (Дуная), он покорил самых храбрых и самых справедливых фракийцев — гетов, которые оказали ему наибольшее сопротивление (Herodotus, 4. 95, 1 = Кацаров, Дечев 1939: 21—22). Они верили в бессмертие (в этом состояла одна из причин их несравненной смелости) и думали,

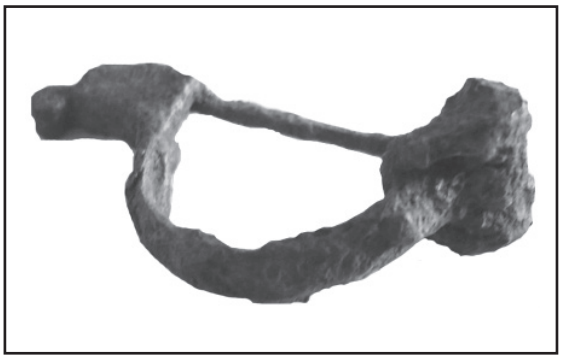

Рис. 14. Фракийская железная фибула.

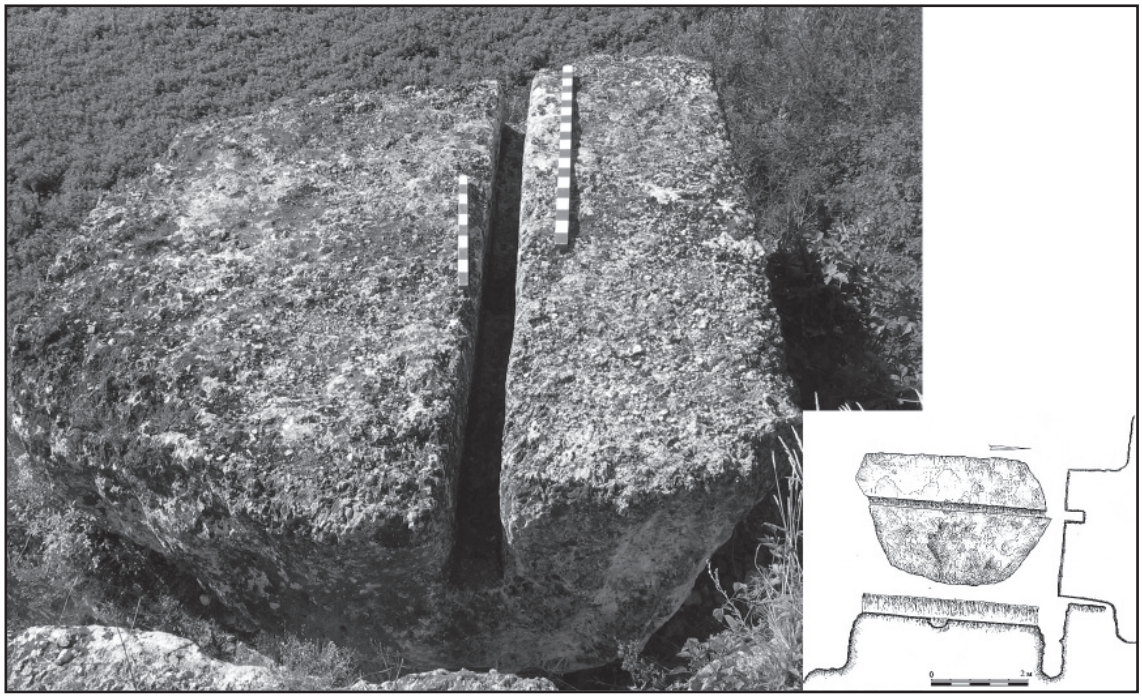

Рис. 15. Скальная культовая площадка напротив Баджалии.

что не умирают, а после смерти отправляются к богу Залмоксису (Σάλμοξις), называемому также Гебелейзисом. Каждые три года они выбирали по жребию одного от них в качестве посланца к Залмоксису с мольбами о своих нуждах. Для этого они бросали его с высоты на три копья, поставленные наконечниками вверх. Если пронзенный остриями умирал, считалось, что бог благосклонен, в противном случае вину возлагали на посланца-неудачника и избирали другого. Помимо того, фракийцы метали стрелы в небо против бога молний и грома, веруя, что нет другого бога, кроме Залмоксиса. От греческих колонистов Причерноморья Геродот узнал, что на острове Самос он был рабом знаменитого философа и математика Пифагора (вторая половина VI в. до н. э.). Овладевший множеством знаний и освобожденный Пифагором Залмоксис разбогател, а затем вернулся к соплеменникам, где прославился своей эрудицией и утонченным образом жизни. Он соорудил специальный зал (андреон), в котором принимал видных гетов, угощал и учил их, что ни он, ни его сотрапезники или их наследники не умрут, а отправятся в блаженное место, где будут купаться в роскоши. В то же время по его приказу было сооружено подземное жилище, в которое он спустился и жил в полной изоляции от мира три года. Фракийцы тосковали и оплакивали его, но на четвертый год Залмоксис явился к ним и заставил их поверить в свое бессмертие. После этого отступления Геродот продолжил рассказ о том, как Дарий с армией переправлялся через Дунай.

Сходную, но сокращенную версию этой истории представляет Страбон, живший в 63—13 гг. до н. э. (Strabo 7. 3. 5 = Кацаров, Дечев 1939: 211—212). В ней имеются некоторые нюансы, например, о странствиях Залмоксиса в Египет, где он изучил тайны жрецов, а также утверждение, что царь гетов принял его в качестве соправителя, поскольку он мог истолковывать волю богов. Сначала Залмоксис был главным жрецом бога, но потом и сам был назван богом. Наконец, он переселился в пещеру Когайон (Κωγαίονον), находившуюся на берегу одноименной реки в недоступном для других месте. Тут он жил, не общаясь с людьми, за исключением царя, которому передавал волю богов. Этот обычай сохранялся у гетов до времени Страбона (I в. до н. э.), потому что у их царей всегда имелись советники, называвшиеся богами. Так, например, в правление Цезаря (59—44 гг. до н. э.) должность советника Буребисты занимал Декеней, который предсказывал волю богов. Декеней также добывал знания в Египте, затем, подобно Залмоксису, провозгласил себя богом.

Философ Платон также пишет о Залмоксисе, но представляет его в несколько ином свете словами Сократа (Platon Iharm. 155—158 = Попов 1995: 242). Во время похода афинян против Потидеи в 432 г. до н. э. он встретился с фракийским лекарем, кото-

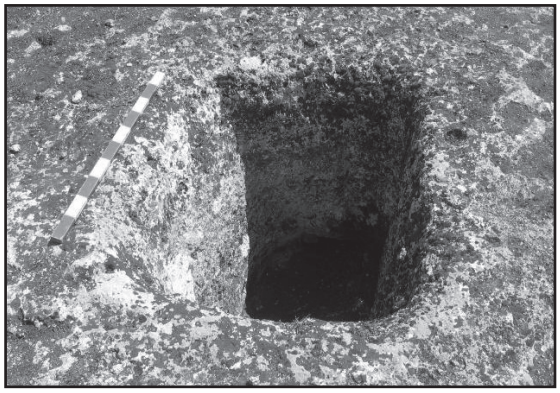

Рис. 16. Скальная культовая яма.

рый верил в бессмертие души и, следуя своему богу, Залмоксис не лечил тело без лечения души и наоборот. Эта легенда занимала и готского историка Иордана в VI в. н. э. (Jordanes. Get 39—41 = Попов 1995: 244). Он утверждает, что Залмокис проповедовал «чудную философию», охватившую Дакию, Фракию и Мезию, но путает хронологию, считая его предшественниками «просветленных мужей» Зевтаса и Дикинея. После рассказа об истории Дикинея, которого гето-дакийский царь Буребиста принял советником и наделил почти царской властью, Иордан сообщает, что после его смерти эту должность наследовал Комосика. От Комосика фунции царя-жреца воспринял Корил.

Своего рода резюме истории с Залмоксисом (заимствованной у Геродота и Страбона) оставил и Ямвлих (умер ок. 330 г. н. э.) в своем сочинении «О жизни Пифагора» (Iamblichus. Vita Pythagor. 173 = Попов 1995: 244). Позднее, но более подробно историю Залмоксиса рассказал Порфирий в произведении, также посвященном жизни Пифагора (Porphyrius. Vita Pythagor. 14—15 = Попов 1995: 243—244; Порфирий 1979: 332—333). Он заново переложил Геродота, включив в текст оригинальные пассажи, которые отсутствовали у его предшественников. Стоит обратить внимание на сообщение Порфирия о том, что едва родившегося мальчика положили на медвежью шкуру, которую фракийцы называли «залмос» — отсюда и имя Залмоксис (Маразов 1983: 28—36). И Диоген Лаэртский, повествуя о Пифагоре (компиляция III в. н. э.), упоминает его раба и последователя Залмоксиса. Особенно важным является уточнение, что геты почитали Залмоксиса как Кроноса и приносили ему жертвы (Диоген Лаэртский 1979: 332).

Среди поздних авторов внимание заслуживает и Гезихий, творивший в V в. н. э., который сообщает три значения имени Залмоксис — Кронос (отец Зевса), танец и песня (Hessychius. 14 = Попов 1995: 244). Согласно Диодору, Залмоксис получил законы от богини Гестии — Весты, дочери Кроноса (Diodorus. 1, 94, 2 = Попов 1995: 243). Это еще один факт в пользу связки Кронос — Залмоксис. Вообще на протяжении более 1100 лет (с V в. до н. э. до VI в. н. э.) гетский бог Залмоксис постоянно находился в поле внимания писателей, философов, богословов и хронистов. Это естественным образом вызвало большой научный интерес к его личности, которая стала объектом десятков научных статей и монографий. Показательно, что большинство авторов пишут о Залмоксисе в контексте истории жизни Пифагора.

Более того, отмечается ряд совпадений в их жизни и проповедуемой философии, допускающих, что ученик даже в частностях следовал за учителем. Пифагор был мистиком, веровавшим в бессмертие души (Russel 1965: 56—60; Gigon 1968: 120—131; Диоген Лаэртский 1979: 332—461). Он создал пифагорейское общество — избранный круг мужей-аристократов, напоминающий религиозную общину, философскую школу и даже орден

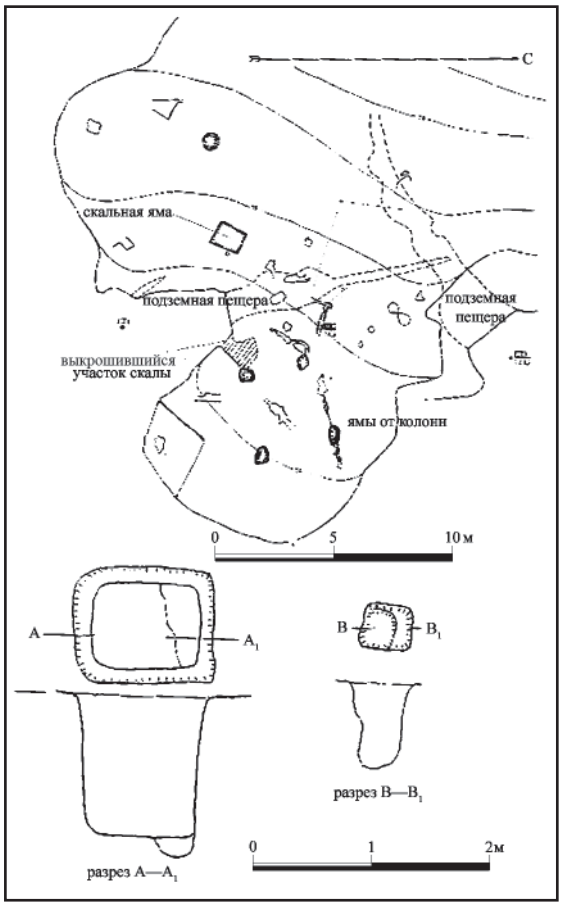

Рис. 17. План скальной культовой ямы и близлежащих к ней объектов, расположенных над малой пещерой.

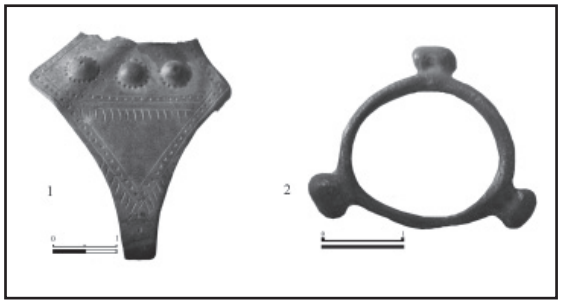

Рис. 18. Фракийские бронзовые предметы, найденные около Баджалии (V—II вв. до н. э.).

с общинами-гетериями в других городах. Пифагора последователи почитали как полубога, обязанного своей популярностью особенному образу жизни, исключительным знаниям и качествам личности. Прожив определенное время среди египетских жрецов, он вернулся на остров Самос, где, согласно Порфирию, поселился вне города в пещере (Порфирий 1979: 450). Там он создал своеобразеный андреон, в котором жил и беседовал со своими последователями. Затем он перебрался в Южную Италию и там, по данным Диогена Лаэртского, соорудил себе жилище под землей, в котором провел долгое время в абсолютной изоляции (Диоген Лаэртский 1979: 333—334). Выйдя на поверхность, Пифагор заявил своим ученикам, что был в подземном царстве, где изучил все тайны. Они уверовали в бессмертие учителя и стали поклоняться ему как богу. Пифагор испытывал пиитет к математике, астрономии (открыл, что Вечерняя и Утренняя звезда являются одним и тем же светилом), музыке (учился игре на кифаре, аккомпанировал на лире) и медицине. Аналогии с философией и жизнью (включая детали поведения) Залмоксиса напрашиваются сами по себе. Поэтому уместно поставить вопрос: не перенесена ли Залмоксисом на Нижний Дунай к гетам философия и религиозная организация пифагорейцев после разрушения сообщества почитателей знаменитого мудреца в Греции и Италии? В данном случае интерес представляют не столько наследие Пифагора и культ Залмоксиса, сколько их отражение в пещерных храмах и скальных святилищах, площадках и алтарях.

Со времени Геродота и до сих пор обращается внимание, что еще V в. до н. э. имелись различия в религиозных верованиях и культах фракийских племен (Попов 1995: 16 сл.). В частности, вполне обоснованно делается акцент на специфичности культа Залмоксиса у гетов в северо-восточной части Болгарияи, которому, по крайней мере, первоначально, не было аналогов во всем фракийском мире. Кроме того, Залмоксис является фракийским божеством, которое аутентичные письменные источники прямо связывают с пещерой. Более того, пещера Залмоксиса однозначно относится к гетам, и нет никаких фактов, чтобы переносить ее местоположение в другие фракийские земли. Именно через сердце Гетского царства, всего в полусотне километров от его столицы Гелиоса у современного с. Свештари близ города Исперих (Гергова 2004: 43—47) протекала река Табан, на берегах которой действовал скальный культовый комплекс с центральным святилищем Баджалия. Действительно, не существует других таких фракийских святилищ в болгарских землях как на Табане[2], где однозначно господствовала бы пещера, концентрирующая вокруг себя почти все культовые действия. Уже давно ведется дискуссия о локализации реки Когайон (Κωγαίονον), на берегу которой предание размещает одноименную пещеру Залмоксиса. Большинство исследователей склоняется к идее ее нахождения где-то в Молдове (Венедиков 1983: 155; Попов 1995: 20—23), но почему-то не учитывается то, что Геродот описал историю с Залмоксисом, пещерой и мистериями, рассказывая о гетах, живущих к югу от Дуная. После того как армия Дария пересекла реку (в сущности, вошла в земли Молдовы, где и ведутся поиски пещеры Когайон), автор освещает другие сюжеты и больше не возвращается к культу Залмоксиса (Herodotus, 4. 94—96, ed. Stein — Hude = Кацаров, Дечев 1939: 21—22). Вообще «отец истории» совершенно определенно соотносит присутствие Залмоксиса с современной Северо-Восточной Болгарией. Если же верить Страбону, что Залмоксис поддерживал постоянные контакты с царем гетов, которому непрестанно передавал волю богов лично или через царских слуг, то пещера Когайон не могла находиться очень уж далеко от царской резиденции. Как я уже упоминал, столица гетских царей Гелиос как раз накануне времени Страбона находилась у нынешнего села Свещари, от которого очень далеко до Молдовы и совсем близко до пещерных храмов на реке Табан. На этом фоне показательно, что к югу от Дуная, на территориях обитания гетов, пещерные памятники в скалах Табана являются единственным выразительным культовым ансамблем фракийской эпохи. Более того, керамика, вещи и монеты, найденные здесь

[2] Это скальное святилище остается без аналогий не только в Северной Болгарии. Его составляющие существенно отличаются от фракийских скальных святилищ в Южной Болгарии (см. Фол 2000: 46—81).

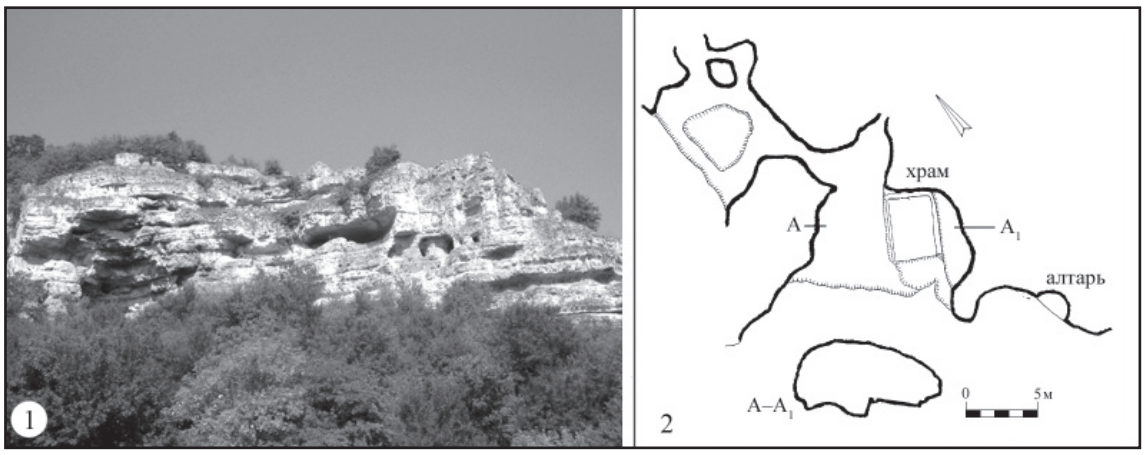

Рис. 19. Скальное святилище Кириндж у села Поп Русаново.

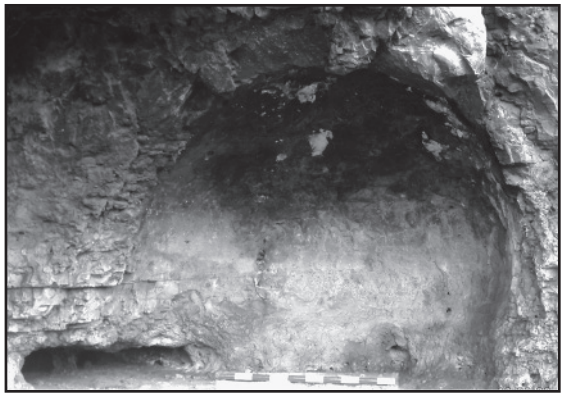

Рис. 20. Алтарная ниша святилища Кириндж.

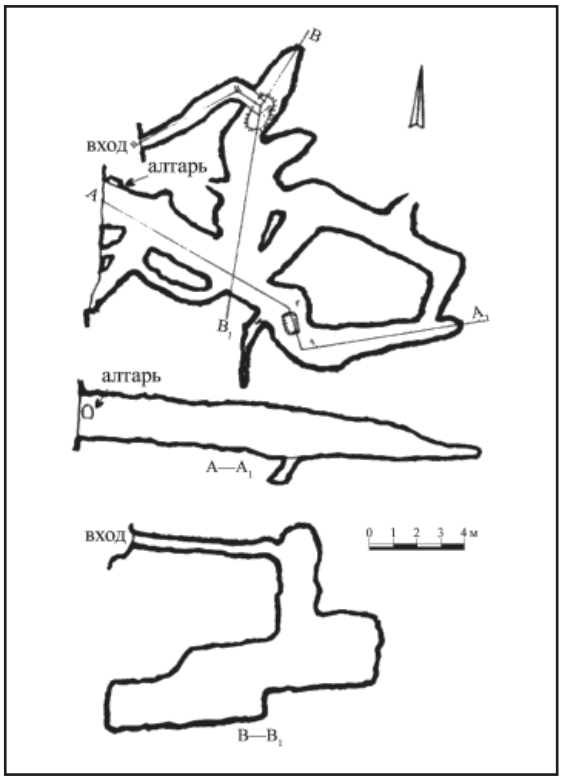

Рис. 21. План скального святилища Кириндж.

в результате археологических исследований, показывают, что этот комплекс и в особенности святилище пещеры Баджалия действовали практически непрерывно с VI—V вв. до н. э. до III—IV вв. н. э. В этом смысле археологические реалии полностью совпадают с письменными источниками — Геродот, V в. до н. э.; Платон, IV в. до н. э.; Страбон, I в. н. э.; Диодор, I в. н. э.; Климент Александрийский, II в. н. э. (Clementus Alexandrius. Stromat. 4, 8, 57—59 = Попов 1995: 60); житие св. Дазия, IV в. н. э. (Cumont 1897: 5—16; Pillinger 1988: 4—8; Атанасов 2007: 16—22; 2000: 8—16), по которым прослеживается устойчивое существование данного культа во времени и пространстве. При этом все без исключения названные авторы говорят о культе не в историческом контексте как о чем-то прошлом, а как о действующей религиозной практике своего времени. И все же на данном этапе было бы чересчур натянуто и довольно умозрительно отождествить реку Табан и пещерный храм «Баджалия» с рекой и пещерой «Когайон», в которой жил Залмоксис.

Вместе с тем, при рассмотрении содержания некоторых памятников письменности возникает представление, что культ Залмоксиса и сопутствующие ему религиозная практика и мистерии продолжались на протяжении веков после того, как гетский бог завершил свою земную жизнь. Как было сказано ранее, во времена Страбона наследником Залмоксиса и верховным жрецом был Дикиней, а Йордан составил целый список верховных жрецов, его последователей. К тому же есть сведения (в частности у Платона, Йордана и Климента Александрийского) о сформировавшемся сословии жрецов или лечителей, что предполагает мультиплицирование культа и связанных с ним действий и ритуалов. Древние авторы также сообщают сведения о жреческом сословии у гетитов, которое в духе философии

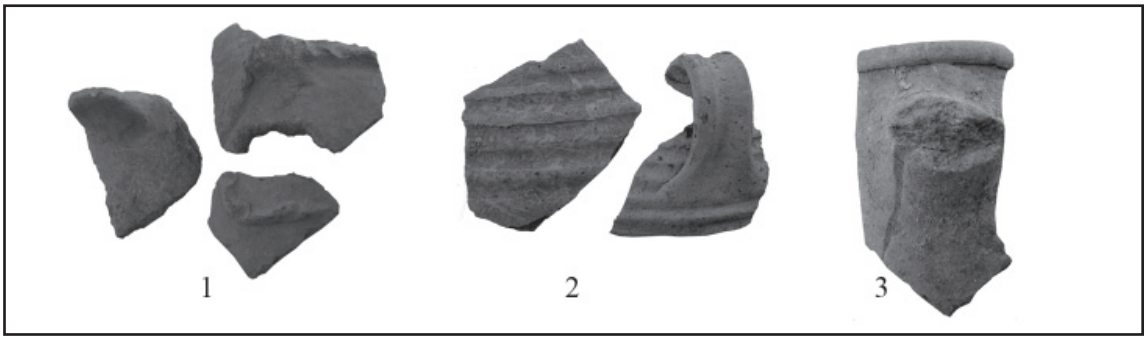

Рис. 22. Керамические находки из шурфа у Кириндjика: 1 — обломки фракийской керамики (VI—IV вв. до н. э.); 2, 3 — фрагменты эллинистических амфор IV—III вв. до н. э.

Залмоксиса включало только избранных мужей благородного происхождения (Йорданов 1984: 8). Страбон, ссылаясь на Посидония, использует различные наименования — «капнобатии», «ктистии», «чудесные гипемолги», «галактофаги» и «абии» (Strabo 7. 3. 3 = Кацаров, Дечев 1939: 211). Трудно сказать, стоят ли за этим списком степени жреческого сословия, обслуживавшего культ Залмоксиса, или речь идет о жрецах различных божеств северных фракийцев, среди которых геты преобладали. Особого внимания заслуживает предание об их безбрачии, чистоте и крайнем вегетарианстве, которое закодировано в утверждении, что питаются они только лишь молоком и дымом ритуального огня. Во время мистерий они были безоружны, одеты в белые хитоны (пилосы) и декламировали под звуки струнных музыкальных инструментов. Именно пилосы были знаком аристократического происхождения, и тех, кто их носил, называли «пилеаты». Это сведение потверждается иудейским историком Йосифом Флавием (I в. н. э.), согласно которому жрецы-аскеты у даков (гетов) назывались «плисты». В том же духе в VI в. н. э. Иордан писал, что готы (геты) избирали своих царей и жрецов из касты благородных, которые именовались «пилеаты».

Рис. 23. Шурф у Кириндjика: остатки каменной стены жилища с фракийской керамикой.

Бинарная система с особенным местом реки и пещеры в жизни и философии Залмоксиса, судя по всему, была сакрализирована и стала определяющей в культовых практиках его последователей (пилеатов?) на протяжении следующих веков. Именно в таком плане следует рассматривать пещерные храмы, святилища, алтари и площадки на реке Табан. Даже если это и не центр Залмоксиса «Когайон», структура скальных памятников соответствует описаниям Геродота, Страбона и их последователей. Вместе с другими данными это дает основания считать, что у реки Табан возник один из культовых центров гетов, который копировал структуры и ритуалы полумифического «Когайона». Кроме того, что памятники Табана хронологически совпадают с эпохой существования — от появления до исчезновения — культа Залмоксиса на северо-востоке Балканского полуострова, они в существенной мере материализовали его основные этапы и элементы обрядности. В этом смысле большая пещера Баджалия с алтарем и ограниченным доступом[3] напоминает андреон Залмоксиса. Пещера находится на высоком видном месте и действительно доминирует над прочими природными творениями такого рода в регионе. Контроль за доступом, очевидно, подобно андреону Залмоксиса, преследовал цель пускать вовнутрь только избраных мужей. В пещере отмечены очаги и фрагменты керамики, а внушительный алтарь при ней, по всей видимости, служил местом жертвоприношений. Как указывалось, прямо под алтарем, у подножья Баджалии вырос мощный культурный слой — настоящий курган из обломков глиняных сосудов, костей животных, монет, украшений и частей человеческих скелетов. Вероятнее всего, их сбра-

[3] Доступ к скальному святилищу Белинташ в Родопах также ограничен (Фол 2000: 79—80).

Рис. 24. Скальное святилище у села Кутловица.

сывали сюда в течение столетий, поскольку, за исключением отдельных артефактов эпохи энеолита и поздней бронзы (?), керамика и другие находки датируются в основном интервалом VI в. до н. э.— III—IV вв. н. э. Кстати, древние авторы неоднократно называют избранных мужей (по словам Геродота — «сотрапезников»), собиравшихся в андреоне, где они, согласно Геланику, «приносят жертвы и устраивают себе угощения»

Прямо связан с андреоном «Баджалия» скальный трон, находящийся у подножья алтаря и прямо перед своеобразным курганом, сложенным главным образом из ритуально разбитых при угощениях и жертвоприношениях сосудов. Таким образом, сидящий на символическом троне дух Залмоксиса мог наблюдать церемонии при алтаре, а буквально у его ног перед троном падали жертвенные приношения. Возвышение Залмоксиса в качестве верховного жреца, соправителя, царя и бога делает объяснимым и его обязательное восседание на троне — главную регалию царей и верховных божеств. Впрочем, по мнению Е. Георгиева, имя Салм-оксис (как его пишет сам Геродот) переводится скорее как господарь, царь (Георгиев 1977: 14—15), а не медвежья шкура (залмос), как утверждал с большим опозданием (семь столетий спустя!) Порфирий. Практика высечения тронов отмечена и на других фракийских скальных святилищах в болгарских землях. Подобно Баджалии, они обычно ориентированы на юг или восток (Найденова 1980: 18—19). В частности, следует обратить внимание на скальный трон в святилище в урочище Чорба близ Котела, у которого есть визуальная связь с культовыми ямами (см. Фол 2000: 81, 94—95). Поскольку такие сооружения известны и в Анатолии, речь может идти о региональной традиции той эпохи, когда связанные со святилищами скальные троны воспринимались как эманация божественной власти (Фол 2000: 27).

Культовая площадка с идеально оформленной по линии север-юг выемкой неповторимым образом дополняет сакральный комплекс возле андреона «Баджалия», находящийся в поле прямой видимости. Уже отмечена важная роль, которую для гетов играл на небосклоне Залмоксис (Попов 1995: 39). Сам Страбон приписывал Залмоксису-Кроносу глубокие знания в «небесных делах», которые тот приобрел во время своего обучения у философа и математика Пифагора и при встречах с египетскими жрецами (Strabo 7. 3 = Кацаров, Дечев 1939: 211). Астрономическими познаниями, согласно Иордану, обладал и последователь Залмоксиса Декеней. По этой причине можно допустить, что т. н. культовая площадка напротив Баджалии служила для астрономических наблюдений, связанных с астрологическими действиями поклонников Залмоксиса. Действительно, чередование циклов исчезновения Залмоксиса в подземной пещере и явления его, а также периоди-

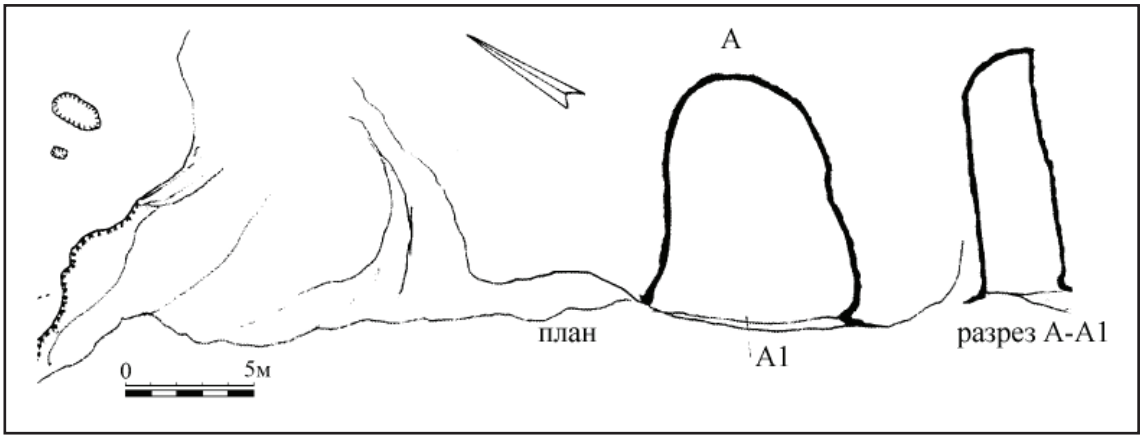

Рис. 25. План скального святилища у села Кутловица.

Рис. 26. Скальное святилище у села Васил Левски.

Рис. 27. Скальное святилище у села Войново.

Рис. 28. Скальное святилище у села Руйно.

ческие жертвоприношения избранных посланцев требовали постоянных слежений за небесным сводом и сложных астрономических вычислений. Уже сделаны первые наблюдения за небесной символикой на археологических объектах в столице гетов и ее царском некрополе — Сборяново (Фол 1990), Мостово в Пловдивской области (Стоев 1990: 156—158), близком святилище у села Храброво близ Балчика с выемками, аналогичными баджалийским (Торбатов 2004: 77—80, обр. 2—6), и гетских памятниках в Румынии и Молдове (Daicoviciu 1960: 231—254; Teodorescu 1929: 287). В их числе выделены фракийские скальные обсерватории — Мостово, Храброво (Стоев 1990: 156—158), к которым, возможно, стоит причислить и скальную площадку напротив Баджалии. Кстати, недавно не без оснований подчеркивалось, что в землях гетов, в частности и в северо-восточной Болгарии, «только теперь предстоит открывать и толковать объекты археоастрономии» (Попов 1995: 39). Думается, что памятники у Баджалии в полной мере отвечают подобныи ожиданиям.

Четвертая структура, формирующая культовый центр «Баджалия»,— скальная культовая яма (могила?) расположенная над малой пещерой, восточнее от алтаря храма. Трудно отказаться от соблазна принять гипотезу о том, что она является символическим воплощением подземного жилища (пещеры Когайон), которое создавал Залмоксис, пока проповедовал в андреоне. Он провел там 4 года, тем самым доказав свое бессмертие. Вместе с тем, тексты древних авторов оставляют впечатление, что пещера «Когайон» отдалена от андреона и недоступна как для обыкновенных фракийцев, так и для избранных из круга просветленных мужей андреона. По этой причине в скальной яме к востоку от Баджалии, вероятно, следует видеть символическую или реальную могилу[4] первожреца или посланца, ритуально умерщвленного перед алтарем святилища. Однако более вероятно отнести ее к оссуариям — гробницам, в которые клали культовые предметы и которые, как правило, находились вблизи скальных святилищ, как в случае с Татулом (Найденова 1980: 20).

И все же, которая из пещерных структур на реке Табан может быть истолкована как эманация пещеры «Когайон»? Исключено, чтобы это была уже нагруженная символикой андреона Баджалия, широко открытая в сторону реки, легко доступная и хорошо видная отовсюду. Наконец, подход к ней является реальным и при этом символическим подъемом к вершине скального венца. Напротив, путь в пещеру «Когайон» представлял спуск к тайному месту, где Залмоксис **«исчез** (выделено авт.) для фракийцев и **спустился вниз** (выделено авт.) в свое подземное жилище, где

[4] Подобная скальная яма в святилище у села Вылче поле (Восточные Родопы) толкуется по-разному, в том числе и как символическое погребение (Фол 2000: 76—77).

Рис. 29. Фрагмент эллинистической амфоры, найденный при исследовании крепости над святилищем у села Руйно.

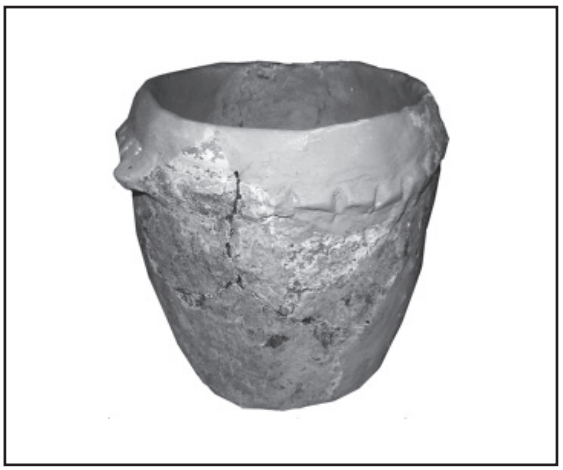

Рис. 30. Фракийский горшок-урна из захоронения в некрополе южнее святилища у села Руйно.

провел три года» (Herodotus, 4. 94—96, ed. Stein — Hude = Кацаров, Дечев 1939: 21—22). На фоне этого описания и археологических реальностей у реки Табан с гораздо большим основанием репликой на «подземное жилище» (по Геродоту) или «недоступную пещеру» (у реки Когайон по Страбону) может считаться пещерное святилище Кириндж ик. Сам вход в длинную и узкую галерею действительно является трудно обнаруживаемым и даже потайным, а доступ к большой подземной пещере с алтарной нишей оборачивается продолжительным и трудным «спуском вниз».

Совершенно определенно сюда могли войти избранные физически крепкие мужи, которые, по всей видимости, совершали жертвоприношения и обряды перед малым алтарем у единственного освещаемого угла в пещере. Похоже, ее посещали рядко, поскольку культурные остатки в ней ограничиваются десятком фрагментов фракийской и античной керамики. У подножья этого «скрытого» и исключительно труднодоступного «пещерного жилища» отмечены следы гораздо более активного обитания — множество обломков глиняной посуды (фракийской, эллинистической и античной) и костей животных. Однако они являются следствием существования на этом месте (под скалой) прямоугольного храма построенного на предварительно оформленной скальной площадке с выемками, в которых крепились его стены. Разбросанные около скал античные кирпичи дают основание полагать, что храм под «пещерным жилищем» был возведен в римскую эпоху. Доступ к подземному залу явно оставался ограниченным, но развитие культа во времени привело к сооружению святилища, посещавшегося фракийцами вплоть до III—IV вв. н. э. Кстати, перевод слова «Когайон» как «священный» (Венедиков 1983а: 36) предполагает наличие святилища с тщательно оформленным полукруглым алтарем открытого типа. Археологические исследования на этом месте не проводились, но многочисленные фрагменты фракийской, эллинистической (в основном амфоры) и римской посуды из глубоких шурфов черных археологов указывают на вероятную синхронность со святилищем Баджалия.

Труднее всего определить роль скальных светилищ у сел Кутловица и Васил Левски в культовом комплексе на реке Табан. Если эллипсовидные и круглые бассейны над святилищем у Кутловицы находят многочисленные параллели на других фракийских святилищах, то ниши в святилище близ села Васил Левски могут толковаться как погребальные камеры для урн с кремациями (Фол 2000: 47, 76—77). В то же время оба они ограничивают центральные святилища Баджалия (андреон) и Кириндж ик (пещерное жилище бога), являясь своеобразными алтарями, обозначающими начало и конец священной территории в средней части русла ныне пересохшей реки Табан.

* * *

В заключение о репликах на культ Залмоксиса в регионе реки Табан, соответственно район Дуросторума — Силистры. Несомненно, следует начать с рассмотрения находок частей человеческих скелетов (вероятно, двух), сделанных при раскопках своеобразного кургана, возникшего в результате жертвоприношений у подножья Баджалии. Нельзя исключить, что они являются следствием приношения челове-

ческих жертв, которые геты совершали только на церемониях, посвященных Залмоксису. Уже говорилось, что посланца к Залмоксису, избранного, по Геродоту, жребием, жрецы сбрасывали вниз с высокой скалы. Он падал на копья, которые у ее подножья держали другие жрецы. Отзвуками этого ритуала, сохранявшегося веками после Геродота, является недвусмысленное свидетельство жития св. Дазия, погибшего в Дуросторуме 20 ноября 303 г. н. э. (рис. 31). Автор, творивший около середины IV в., пишет, как в начале этого столетия среди военнослужащих Дуросторума самым торжественным образом (торжественнее всего прочего!) отмечался праздник Кроноса (Cumont 1897: 5—16; Pillinger 1988: 4—8; Атанасов 2000: 8—16; 2007б: 16—22). Граждане тянули жребий, и того, кому он выпадал, наряжали в царские одежды. По подобию самого Кроноса он являлся народу, чтобы получить полную власть. В течение 30 дней, сопровождаемый отрядом воинов (в роли гвардии), в карнавальной обстановке он удовлетворял все свои прихоти. По этому поводу надо еще раз напомнить утверждение Гезихия, что другим значением имени Залмоксис было «Кронос, танец и песня» (Hessychius. 14 = Попов 1995: 36—37, 244). По истечении 30 дней праздника обладателя «счастливого» жребия приносили в жертву богу Кроносу, подвергая ритуальному иссечению. Уже обращалось внимание на то, что праздник Кроноса в Дуросторуме был отражением сохранвшегося в регионе культа Залмоксиса, который, по сведениям Геродота, также сопровождался человеческими жертвоприношениями. Совсем не случайно Залмоксис идентифицировался с Кроносом, что зафиксировано древними авторами, в частности Гезихием, Диодором, патриархом Фотием и Лексиконом Свидаса (Венедиков 1983б: 44). Косвенно об этом свидетелствует и Геродот, который утверждает, что поклонники Залмоксиса бросали стрелы в бога грома и молний, веруя, что кроме их бога, другого нет. Очевидно, богом молний являлся Зевс, а более древний бог Кронос, как известно, вступил в бой со своим сыном Зевсом. По всей видимости, геты не принимали греческую версию о победе Зевса над Кроносом и продожали битву с богом эллинов. Как бы то ни было, несомненной является контаминация Кроноса с Залмоксисом, а равно и продолжительная традиция их культа, сопровождавшаяся мистериями в Дуросторуме еще в начале IV в. н. э.

Симптоматично и то, что пещерные храмы и скальные святилища на реке Табан находятся всего лишь в 25—30 км восточнее Дуросторума у главного пути, связывавшего дунайский центр с Марцианополем (Torbatov 2000). Он совпадает с сегодняшей магистралью Силистра — Варна, около которой находится и большой курганный некрополь. Наконец, археологические исследования под Баджалией и сборы на дневной поверхности под соседним скальным храмом Кириндж ик показали, что самая поздняя керамика, монеты и другие находки относятся к IV в. н. э. Здесь отсутствуют какие бы то ни было монеты и фрагменты сосудов V—VI вв., хотя в это время весьма интенсивная жизнь отмечена в соседних крепостях у сел Поп Русаново (всего в нескольких километрах от фракийских пещерных храмов Кириндж ик и Кутловица) и Войново (Атанасов 1987: 34; Torbatov 2000: 63—68). Помимо этого, бросается в глаза, что вдоль соседнего, также ныне сухого русла в V—VI вв. сооружены десятки скальных церквей и монастырей (Атанасов 2004: 4—8, 13—30), а Табан, вопреки более благоприятным для скального строительства природным условиям, христиане обошли. В целом жизнь на святилище Баджалия и связанных с ним структурах оборвалась внезапно после середины IV в. н. э., когда в этом регионе победило христианство[5]. Очевидно, пещерные храмы и их окрестности по реке Табан, связанные с языческими ритуалами и мистериями, считались осквернеными местами. Такое отношение усиливалось агиографическими сочинениями вроде жития местного мучени-

Рис. 31. Убийство св. Дазия Доростольского по миниатюре в «Менологии» византийского императора Василия II (около 1000 г.).

[5] Фракийские скальные святилища, которые сохранились как культовые места (вроде Кабиле) после окончания эпохи эллинизма, являются редкостью, что еще раз свидетельствует об особом месте скального культового центра на реке Табан (Найденова 1980: 25—26).

ка св. Дазия, в котором встречались сведения о человеческих жертвоприношениях, квалифицируемых христианством как неизгладимый грех. Именно по этой причине жизнь вблизи святилищ пресеклась, и они опустели навсегда.

Однако воспоминания о Залмоксисе-Кроносе модифицировались и сохранились в виде символических карнавальных шествий кукеров, проводившихся в Силистренской области до недавних пор (Тъпкова-Заимова 1960: 705—708; Симеонова 1985: 288—295; Краев 1996: 101—111, 207—208). В их довольно замаскированном и преобразованном состоянии открываются основные действия и персонажи, обрисованные древними авторами в связи с культом Залмоксиса. Ранней весной, в воскресенье на сырной неделе (за 40 дней до Воскресения Христова), карнавальная группа, включавшая только молодых ряженых мужчин, танцами и песнями сопровождала избранного ею царя, а рядом вели медведя (Добруджа 1978: 320—322). А вечером накануне юноши и молодые мужчины пускали в небо зажженные стрелы, произнося устрашающие возгласы и заклинания в адрес божества с требованием в качестве откупа юных девушек и урожая (Добруджа 1978: 318—320). В обоих ритуальных действиях связь с фракогетскими мистериями в честь Залмоксиса-Кроноса очевидна.

Известно, что в системах языческой мифологии славян и праболгар не было подобных обычаев. Это наводит на мысль, что они, поселившись на Нижнем Дунае, переняли зрелищные карнавальные шествия от фракийцев, сохранившихся на Балканах в виде малых анклавов. Действительно, по археологическим данным, в отличие от многих римских центров, разрушенных и заброшенных во время славяно-аварских нашествий в конца VI — начала VII вв., Дуросторум-Доростол оставался населенным прежними обитателями до его захвата болгарами Аспаруха в конце VII в. (Атанасов 1996: 3—5; Ангелова 2003: 245—251). Кроме того, в городе и окрестных крепостях (Нова, Черна, Голеш) отмечено совместное проживание старого ромейского населения и федератов-славян (антов), что доказывается присутствием в закрытых комплексах позднеантичной и славянской керамики (Ангелова, Колева 2000: 159—170; Atanasov 2006: 218; Рашев 2008: 26—27). В целом возможности потомков старого фракийского населения передать свои обычаи славянам и праболгарам, после VII в. численно преобладавшим в нижнедунавских землях, очевидны. Очевидна и связь кукерских обрядов XIX—XX вв. с праздниками Залмоксиса-Кроноса, отмечавшимися в Дуросторуме и после принятия христианства в Римской империи начала IV в. н. э.

Литература

Ангелова Ст. 2003. Етническият състав на населението на ранновизантийският Доростол през VI—VII в. *Studia Archaeologica*, I.

Ангелова Ст., Колева Р. 2000. Археологически данни за ранното славянско заселване в България. *ГСУ — ИФ* (2).

Анна Комнина. 1965. *Алексиада.* (Текст и комментарий А. А. Любарского). Москва.

Атанасов Г. 1987. Към историческата география на Южна Добруджа. *Добруджа*, 4.

Атанасов Г. 1996. Етнодемографски и етнокултурни промени по Добруджанското черноморие през средновековието. *ИПр* (2).

Атанасов Г. 2000. За личността, мъченическата смърт и мощите на Св. Дасий Доростолски (20 ноември 303 г.). *Духовна култура* (11).

Атанасов Г. 2004. *Скални култови паметници в Добруджа. Светилища, храмове, манастири.* Силистра.

Атанасов Г. 2007а. *Аязма Руйно. Култов център от три хилядолетия на три религии.* Силистра.

Атанасов Г. 2007б. *Християнският Дуросторум-Дръстър. Доростолската епархия през Късната античност и Средновековието. История, археология, култура, изкуство*. Варна; Велико Търново.

Атанасов Г. 2008. *Религиозните паметници на Добруджа*. Силистра.

Атанасов Г. и др. 1994. *История на Алфатар*. Варна.

Венедиков Ив. 1983а. *Медното гумно на прабългарите*. София.

Венедиков Ив. 1983б. Нов аспект на култа към Залмоксис. *Изкуство* (4).

ГБ 1989. *География на България*. София.

Георгиев Вл. 1977. *Траките и техния език*. София.

Гергова Д. 2004. *Сборяново. Священная земля гетов*. София.

Диоген Лаэртский. 1979. *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. Москва.

Добруджа 1978. *Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания*. София.

Йорданов К. 1984. Гетика: държава и общество. *Изкуство* (4).

Кацаров Д., Дечев Д. 1939. *Извори за старата история на Тракия и Македония*. София.

Краев Г. 1996. *Български маскарадни игри*. София.

Маразов. Ив. 1983. Култът към мечката в древна Тракия. *Изкуство*, 4.

Миков В. 1933. Праисторически селища и находки в България. *Материали за археологическата карта на България*, VII.

МНМ 1982. *Мифы народов мира*. Т. 2. Москва.

Найденова В. 1980. Скалните светилища в Тракия. В: *Поселищни проучвания в Тракия*. Ямбол.

Попов Д. 1989. *Залмоксис. Религия и общество на траките*. София.

Попов Д. 1995. *Богът с многото имена*. София.

Порфирий 1979. Жизнь Пифагора. В: *Диоген Лаэрт-*

ский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Москва.
Рашев Р. 2008. *Българската езическа култура VII—IX век*. София.
Симеонова Л. 1985. Житията на Дазий и марцианополските мъченици като извор за историята на гетските земи през късната античност. В: *Североизточна България. Древност и съвремие*. София.
Стоев Ал. 1990. Тракийското скално светилище «Белинташ» край с. Мостово, Пловдивски окръг — модел на древна слънчева обсерватирия. *Интердисциплинарни изследвания*, XVII.
Торбатов С. 2004. Неизвестно тракийско скално светилище в Южна Добруджа. *Археология* (1—2).
Тъпкова-Заимова В. 1960. Сведения за средновековни кукерски игри в Силистренско. В: *Езиковедско-етнографски изследвания в памет на ак. Ст. Романски*. София.
Фол В. 1990. *Скалата, конят и огънят. Ранната тракийска обредност*. София.
Фол В. 2000. *Мегалитни и скално изсечени паметници в Древна Тракия*. София.
Цветкова Б. 1975. *Френски пътеписи за Балканите*. Т. 1. (= Пътеписи за Балканите, Т. 1). София.
Anna Comnéne. 1967. *Alexiade*. (Texte établi et traduit par B. Leib). Paris.
Atanasov G. 2006. Le martyrium, la basilique et confession avec des reliques dans le castel basbyzantin près du village de Golech, région de Silistra (Durostorum). *Acta musei varnaensis*, IV.
Cumont Fr. 1897. Les actes de saint Dasius. *Analectica Bolondianala*, XVI.
Daicoviciu H. 1960. Il tempo — calendario dacico di Sarmizegetuza. *Dacia*, 4.
Gigon O. 1968. *Der Ursprung der griechischea Philosophie*. Basel.
Pillinger R. 1988. *Das Martyrium des Heiligen Dasius*. Wien.
Reilly F. 1791. Des Koeningreichs Bulgarien. *Oestliche Haelfte*, Nr 14. Wien.
Russel B. 1965. *History of Western Philosophy and its Connection with Political and Social Circumstances from the Earliest Times to the Present Day*. London.
Teodorescu D. 1929. Cetatea dacă de la Costeşti. In: *Anuarul Comisiunii Monumentelor istorice şi teologice.* Bucureşti.
Torbatov S. 2000a. Procop. De Aedif. IV, 7, 12—14 and the Historical Geographz of Moesia Secunda. *Archaeologia Bulgarica* (3).
Torbatov S. 2000б. The Roman Road Durostorum — Marcianopolis. *Archaeologia Bulgarica.*

Статья поступила в номер 9 мая 2010 г.

Georgi Atanasov (Silistra, Bulgaria). Doctor of history sciences. Regional History Museum.
Georgi Atanasov (Silistra, Bulgaria). Doctor în ştiinţe istorice. Muzeul regional de istorie.
Атанасов Георгий Георгиевич (Силистра, Болгария). Доктор исторических наук. Региональный исторический музей.
E-mail: geoatal@abv.bg

Е. А. Радзиховская

Устье Дуная на старинных портоланах

O. O. Radzihovska.

The Mouth of the Danube in the Old Portolans.

The object of the study in the paper are some portolans, medieval maritime compass charts of the 14—17 centuries. The author emphasizes the need for comparison of their data with other sources. The importance of such a comparison lies in its potential for dating and locating historical and geographical realities of the Danube estuary and the adjacent territory. The analysis allows the author to make some suggestions about the number of medieval and modern toponyms.

O. O. Radzihovska.

Delta Dunării în portolane vechi.

În această lucrare obiectul de studiu sunt nişte portolane, hărţi cu busolă maritime medievale din secolele XIV—XVII. Autorul subliniază necesitatea comparării datelor acestora cu alte surse. Importanţa unei asemenea comparări constă în potenţialul ei de datare şi localizare a realităţilor istorice şi geografice din delta Dunării şi teritoriul adiacent. Analiza efectuată permite autorului să înainteze unele propuneri cu privire la o serie de toponime medievale şi moderne.

Е. А. Радзиховская.

Устье Дуная на старинных портоланах.

Объектом изучения в статье являются портоланы, средневековые морские компасные карты. Источники этого рода пока что весьма мало используются для историко-географических изысканий. В статье предпринята попытка сопоставления сведений, извлеченных из портоланов XIV—XVII вв., для реконструкции историко-географических реалий дунайского устья и прилегающей к нему территории. Выполненный в статье анализ позволил высказать предположения относительно ряда топонимов средневековья и современности.

Keywords: Portolan Charts, Lower Danube, Middle Ages, Historical Geography, toponimics.

Cuvinte cheie: portolane, Dunărea de Jos, evul mediu, geografia istorică, toponimia.

Ключевые слова: портоланы, Нижний Дунай, средневековье, историческая география, топонимика.

Интерпретация старинных географических карт является сложной задачей, которую решает не одно поколение исследователей, включая как эрудитов, так и профессиональных историков и географов[1]. В новейшее время по поводу этого типа источников существуют различные, в том числе и скептические мнения. Например, румынский исследователь И. Г. Петреску, выполнивший фундаментальный труд по геоморфологии Дунайской дельты, полагал, что «карты, составленные в период средневекового мракобесия, настолько фантастичны и лишены научного содержания, что не заслуживают даже упоминания при описании дельты Дуная» (Петреску 1963: 46). Тем не менее, внимательное сопоставление сведений средневековых карт различных типов дает небезынтересные результаты.

Одним из наименее изученных видов средневековой картографии являются портоланы (см. Багров 2004: 60—69). Портоланы, или компасные карты, появившись примерно

[1] Автор выражает признательность Г. В. Кустовой за ценную помощь в интерпретации географического материала, а также Е. В. Полевщиковой за предоставление информации о картах Алупкинского государственного историко-бытового музея.

© Е. А. Радзиховская, 2010.

в середине XIII в., стали первыми картами, давшими относительно правильное представление о морских берегах по сравнению с находившимися в обращении со времен поздней Римской империи периплами и географическими картами. Периплы предлагали частичное описание берегов с указанием расстояний между отдельными портами и бессистемные хорографические сведения. Географические карты, по справедливому замечанию русского историка Ю. Кулаковского, «были чужды всяких принципов математической проекции и вырождались в грубую и совершенно произвольную схематизацию очертаний Земли» (Кулаковский 1899: 2). От портоланов моряки отказались лишь в конце XVII в., когда стали появляться первые более точные съемки морских берегов. На сегодняшний день, кроме научной, они также представляют собой уникальную материальную ценность. К сожалению, нередки случаи, когда возможность изучения документов навсегда теряется в силу неблагоприятных условий их хранения, либо утраты.

Так, до Второй мировой войны в архиве Алупкинского государственного историко-бытового музея в СССР хранились три карты-портолана, из которых две относились к XVI в. и одна — к XVII в. В то время эти портоланы вербально были описаны в статье П. А. Незнамова. Он обработал карты, составленные Яковом Руссусом в 1515 г., Бартоломео Оливесом в 1574 г. и Франциском Моннусом в 1632 г. Карта с титулом «Ego Jacupus russus composui hanc cartam julla nobili civitate messana anno D-no 1515 die primo juli amen» изображает Средиземное, Черное, Азовское моря. Карта с титулом «Bartholome oliues malloquin nel castillo del Salvador en Messina A-no 1574» изображает западную часть Средиземного моря до берегов Греции на востоке. Карта с титулом «Cartam Mediterraneam jam ab antiquis erroribus purgatam nunc cum locorum gradibus veriisque ventorum viis manu propria descripta lo Francus Monus patefacit Janue Anno a Virginis partu XXXII supra milesimum sexcentesimum» изображает Пиренейский полуостров, западный берег Африки, Средиземное, Черное, Азовское моря. Автор карты Giovanni Francesco Monno di Monaco Liguria (Незнамов 1930). В настоящий момент их судьба неизвестна.

П. А. Незнамов высказал предположения о том, к каким первоисточникам могли восходить эти портоланы. По мнению исследователя, карта Я. Руссуса является самой ранней из известных семи составленных им карт, и именно она послужила образцом для выполненной этим автором карты 1520 г., хранящейся в государственном архиве во Флоренции. Впоследствии этот портолан служил образцом для карты Джорджо Калапода в 1552 г., которая воспроизведена Норденшельдом в его «Периплах», а также и для карты Вольтиуса 1593 г. Портолан Моннуса, как полагал Незнамов, может восходить к карте этого же автора, изготовленной им в 1613 г. и хранящейся в Риме.

Территория, показанная на трех вышеупомянутых портоланах, охватывает Средиземное, Черное, Азовское моря либо их части. Однако Незнамов ограничивается перечнем названий, обозначенных на берегах Черного и Азовского морей от пункта Costantinobli до пункта Trabisonda. Данный регион в отношении средневекового периода является мало изученным с точки зрения исторической географии. Остановимся на одном фрагменте старых портоланов — небольшом участке устья Дуная и прилегающей к нему территории.

Из источников, обработанных П. А. Незнамовым, к придунайскому региону относятся следующие пункты: у Russus'a (1515 г.) — stranico, laspea, sorde, salenj, *licostromj*, saljnj, *falconar*, moncastro; у Monnus'a (1632 г.) — stanirico, laspera, s: giorgia, solina (?), *liscostoma*, salina, salionara, inocapro[2]. Сведения из Оливы отсутствуют.

Прокомментируем сведения из этих портоланов, присовокупив к ним информацию из некоторых других доступных нам источников: венецианской морской карты Черного моря 1321 г.[3] (Фадеева, Шапошников 2005: 68); карты Черного моря Фредуче (Freduce) из Анконы 1497 г. (Potocki Jean 1796); итальянской карты Черного моря XVI в.[4] (см. рис. 1, 2, 3); а также списков топонимов из карты Пьеро Фалькетте (Piero Falchette) конца XIV в. и морской карты Atlante Catalano 1375 г., извлеченные из интернет-версии источников (http://geoweb.venezia.sbn.it/geoweb/HSL/10057/10057 toponimi.html) (рис. 1).

На этом фрагменте венецианского портолана различимы лишь два пункта, отно-

[2] Курсивом обозначены пункты, выделенные у П. А. Незнамова. По-видимому, на картах они были обозначены другим цветом.

[3] Скудость сведений из данного портолана объясняется ограниченностью доступного нам фрагмента и низким качеством его публикации.

[4] Эта карта MARE PONTICUM SIVE PONTUS EVXINVS, предположительно из Генуи, в настоящее время находится в экспозиции Одесского краеведческого музея.

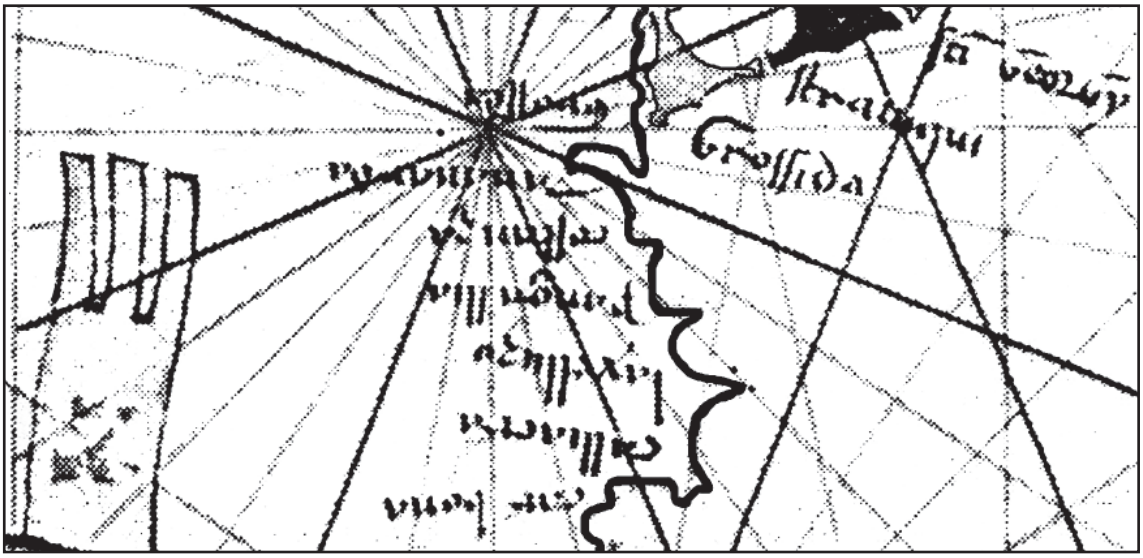

Рис. 1. Фрагмент венецианской карты Черного моря .1321 г.

сящихся к устью Дуная: straniqui и st georgy. Пункт straniqui обозначен напротив глубокого морского залива, очевидно, соответствующего современному озеру Разельм. Пункт st georgy обозначен у следующего за этим заливом рукава Дуная. Между пунктами straniqui и st georgy участок берега выделен темным цветом, что, видимо, указывает на его плохую пригодность для пристани. Скорее всего, это могло быть связано либо с речными наносами, затрудняющими подход к берегу, либо с сильной заболоченностью участка.

На портолане Фредуче отображены с юга на север пункты auichio, laspera, Sangiorgio, Solina, LICOSTOMO, остров fidonixi, Saline, Falconare, MONCASTRO. Пункт Sangiorgio отмечен на левом берегу самого южного устья, обозначенного символически разрывом береговой линии; к югу от него — laspera, затем auichio; пункт Solina — у следующего за Sangiorgio в северном направлении рукава, обозначенного таким же разрывом берега и впадающего в глубокий залив (рис. 2).

На территории этого залива напротив пункта Solina обозначено темное овальное пятно, вероятно, обозначающее наносы либо речные, либо подводные, либо в виде песчаных кос. Остров fidonixi обозначен на небольшом расстоянии от берега северо-восточнее пункта Solina. Основное русло Дуная показано потоком, впадающим в бухту, которая глубоко вдается в сушу, но имеет сужение в средней части. На правом берегу этого русла пункт LICOSTOMO, со стороны левого берега — Saline, затем — Falconare, а на правом берегу потока, обозначающего современную реку Днестр, отмечен пункт MONCASTRO. На данном портолане, как видим, показаны всего три устья Дуная.

На генуэзской карте различимы пункты: stranicho, laspera, sanzorzi, solina, licostoma, остров fidinissi, chiela, saline, falconaire, mocastro.

Пункт stranicho не выходит за южный предел дельты Дуная, при этом рукав, вблизи которого он расположен, впадает в некий залив (рис. 3).

Подобная картина отражена и на венецианском портолане 1321 г., что, на наш взгляд, является дополнительным подтверждением в пользу идентификации этого залива с озером Разельм. Следующий, второй в северном направлении поток обозначен laspera, за ним — потоки третий, sanzorzi, и четвертый, solina. Поток solina впадает в глубокий залив, в котором отмечено овальное пятно, таким же образом, как и у Фредуче. Прямо напротив этого устья расположен остров fidinissi, тогда как у Фредуче он немного севернее, то есть более приближен к пункту LICOSTOMO. Пункт *licostoma* на рассматриваемой карте отмечен красным цветом, как и следующий за ним *chiela*; они подписаны по обе стороны глубокого, сужающегося в своей средней части залива, в который впадает крайний с севера, пятый рукав (как у Фредуче). Пункт *chiela* подписан прямо поверх линии, изображающей этот поток. Далее, на левом берегу вышеуказанного рукава отмечены saline, за ним — falconaire приблизительно посредине береговой линии между этим рукавом и заливом, изображающим современный Днестровский лиман (как у Фредуче). Пункт *mocastro* обозначен красным цветом на правом берегу последнего.

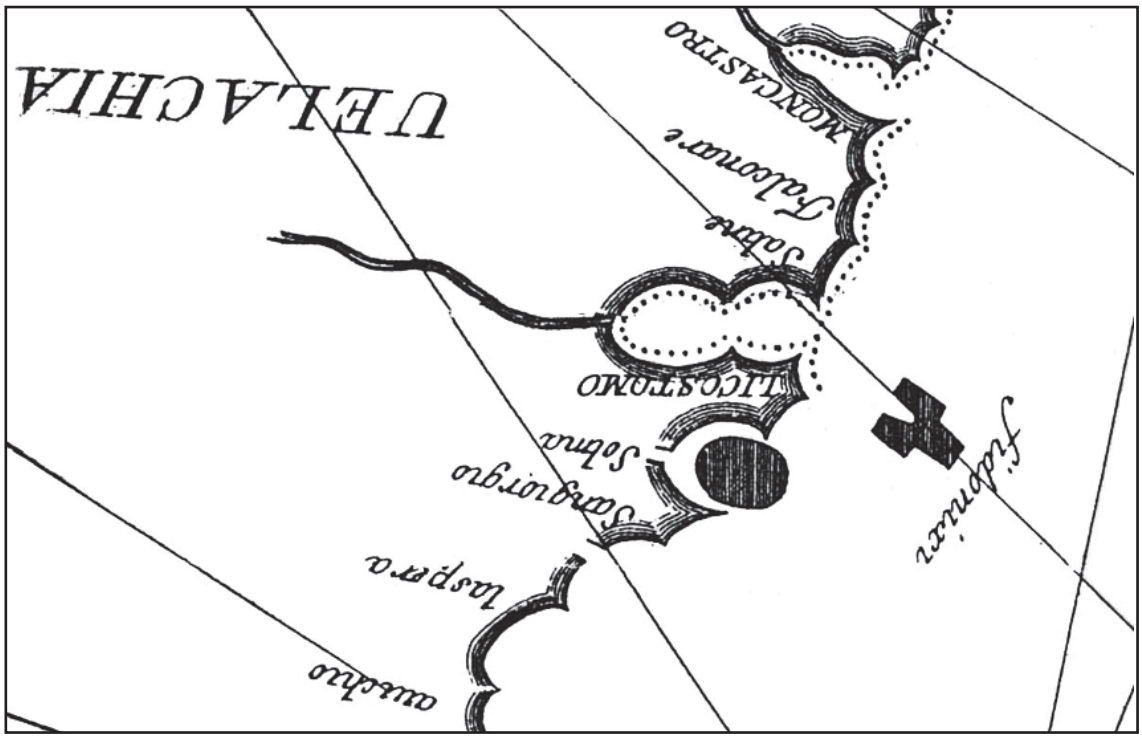

Рис. 2. Фрагмент карты Черного моря Фредуче из Анконы. 1497 г.

Таким образом, на данном портолане нанесено пять рукавов Дуная. Характер их расположения следующий. Основное русло представлено самым северным пятым рукавом (*licostoma*). Линия, его обозначающая, немного ярче остальных. От него отделяется к югу поток, который вскоре разделяется на два. Из этих двух тот, что севернее, разделяется на потоки solina (четвертый) и sanzorzi (третий), а тот, что южнее — на laspera (второй) и stranicho (первый).

Для удобства анализа поместим информацию из вышеупомянутых портоланов в таблицу в хронологическом порядке. При этом топонимы из карты Фалькетте и информацию из Atlante Catalano 1375 г. (в дальнейшем — AC) расположим в одной колонке по причине их большой близости. У Фалькетте представлены такие топонимы: straujcho (AC: strauicho), laspera (AC: laspera), sanzorzo (AC: san zorzo), solina (AC: selina), lichostoma (AC: lichostoma), II fedonissi[5], farconayre (AC: farconayre), *mau[r]o cast [r]o* (AC: mauro castro) (см. табл. 1).

Как видно из таблицы, соответствие пунктов в этих портоланах прослеживается вполне определенно. Исключение составляет, пожалуй, пункт fedonissi (fidonixi, fidinissi). Однако следует принять во внимание, что это остров Змеиный, так что П. А. Незнамов, который, как было сказано выше, опубликовал лишь списки топонимов, к береговой линии его, видимо, не отнес. Отметим попутно, что прочтение П. А. Незнамовым последних двух пунктов колонки «Monnus 1632 г.» — salionara и inocapro — вызывает сомнение. Те, кому известны особенности начертания латинских букв в средние века, согласятся, что совсем не исключены версии falconara и mocastro. Но поскольку эти карты утрачены, версии проверить невозможно. Особняком стоит также пункт chiela, о котором речь пойдет немного ниже.

Пункт Saline (перед farconayre), как видим, отсутствует на картах Фалькетте и Atlante Catalano. Допустимо полагать, что на момент их составления этого пункта еще не было. Значит ли это, что он возник не ранее рубежа XIV и XV вв.? Что может сегодня быть к нему привязано? Относительно дат возникновения гипотезы могут быть лишь приблизительны, то же самое касается географических привязок. И все же попытаемся предположить, каким современным реалиям могли бы соответствовать пункты на рассматриваемых портоланах.

Stranico. Следует обратить внимание, на то, что на генуэзском портолане имеется ниже пункта stranico пункт proslaniza (который на других рассматриваемых портоланах

[5] II — это обозначение используется в списке для небольших островов и внутренних названий (здесь о. Змеиный).

и в списках отсутствует). Он обозначен ниже самого южного рукава Дуная, который впадает, как показано на портолане, в глубокий морской залив. По названию proslaniza очень напоминает современный пункт Прислава между Тулчей и Махмудией, который действительно находится на правом берегу самого южного Георгиевского рукава. Но стоит обратить внимание на то, что ниже Приславы по течению от Георгиевского рукава отделяется поток Дунаец, который впадает в озеро Разельм. По сведениям палеогеографических реконструкций дельты Дуная (Петреску 1963: 59), ее территория некогда была обширным морским заливом, в котором постепенно сформировались речно-морские гряды, таким образом, дельта «выдвинулась» на восток, и этот процесс продолжается до сих пор. Озеро Разельм было более открытым в море по сравнению с современным его состоянием, поэтому следует допустить, что во времена, отраженные на портолане, вдоль побережья озера после пункта proslaniza до пункта sanzorzi располагались еще два пункта stranico и laspera. В настоящее время эти два пункта, вероятно, являются скрытыми под аллювиальными (речными) наносами дунайской дельты. Не исключено, что поток Дунаец является одним из двух первых (с юга) потоков, изображенных на генуэзском портолане.

Пункт laspera, судя по его названию, которое явно восходит к латинскому «asper» (неровный, труднодоступный, суровый и т.п.), вероятно, был связан с условиями мореплавания. Можно допустить, что трудности морякам создавали формировавшиеся речно-морские гряды острова Дранов.

Sanzorzi следует соотнести с современным Георгиевским гирлом Дуная и пунктом в Румынии Sfîntu Gheorghe в устье Георгиевского рукава на его левом берегу.

Solina (salenj), следующая за Sanzorzi,— это Сулинское гирло и современный пункт Sulina в устье Сулинского рукава на правом его берегу.

Пункт liscostomo обычно соотносят с современным пунктом Вилково в Украине, расположенном в том месте, где Килийский рукав разветвляется на Очаковское и Старостамбульское гирла. Это разветвление, то есть «развилка», «вилка», как считают жители Вилково, составляет этимологический смысл его названия. Широко известна и другая трактовка топонима: название Вилково могло произойти от «Волково» («волчье»), так что у него более древняя этимология.

Рис. 3. Фрагмент карты Черного моря «MARE PONTICUM SIVE PONTUS EVXINVS». Предположительно, Генуя, XVI в.

Таблица 1.

Венеция 1321 г.	Piero Falchetta конец XIV в.	Freduce 1497 г.	Russus 1515 г.	Генуя XVI в.	Monnus 1632 г.
straniqui	straujcho (AC: strauicho)	auichio	stranico	stranicho	stanirico
	laspera (AC: laspera)	laspera	laspea	laspera	laspera
st georgi	sanzorzo (AC: san zorzo)	Sangiorgio	sorde	sanzorzi	s:giorgia
	solina (AC: selina)	Solina	salenj	solina	solina
	lichostoma (AC: lichostoma)	LICOSTOMO	licostromj	licostoma	liscostoma
	Il fedonissi	fidonixi		fidinissi	
				chiela	
		Saline	saljnj	saline	salina
	farconayre (AC: farconayre)	Falconare	falconar	falconaire	salionara
	mau[r]o cast[r]o (AC: mauro castro)	MONCASTRO	moncastro	mocastro	inocapro

Пункту chiela на генуэзском портолане, несомненно, соответствует Килия Веке (Старая Килия), которая находится на правом берегу Килийского рукава. Поскольку на карте Russus'а 1515 г. этого пункта еще нет, а в генуэзской карте конца XVI в. он уже обозначен, то можно предположить, что время его возникновения следует относить приблизительно к середине XVI в.

Saline — это, как ясно видно из портолана Фредуче, пункт, расположенный на левом берегу самого северного рукава Дуная. Учитывая палеогеографическую реконструкцию И. Г. Петреску, устье самого северного рукава нужно соотносить с современной Жебриянской бухтой. Поэтому пункт Saline, вероятно, должен был находиться приблизительно в районе современного пункта Приморское, расположенного на территории Дунайского биосферного заповедника.

Название пункта Falconare, расположенного в междуречье Дуная и Днестра, интерпретируется двояко. Одна интерпретация, к которой можно склоняться, принимая прямое значение этого слова,— это «соколиное» [место]. Действительно, придунайский регион является уникальным в орнитологическом отношении. При другом варианте можно исходить из расположения данного пункта в месте, напоминающем «рог», «изгиб» и вероятного наличия там маяка — far (far conayre у Фалькетты). Таким местом мог в прошлом быть участок морского побережья между озерами Сасык и Шаганы, причем озеро Шаганы, представляющее собой удобную бухту, более пригодно для якорной стоянки, чем озеро Сасык.

Пункт MONCASTRO не нуждается в идентификации. Это современный Белгород-Днестровский (Аккерман) в Украине на правом берегу Днестровского лимана.

Как видим, сведения портоланов позволяют несколько расширить представление о средневековой картине дунайского устья и прилегающей к нему территории. Попытка соотнести старинные топонимы с современными реалиями дала возможность высказать предположение о происхождении ряда современных названий. В заключение добавим, что результаты выполненного анализа позволяют пролить определенный свет на проблему изучения других типов средневековой картографической продукции, какою являются, в частности, старинные географические карты, и наметить пути более адекватного ее осмысления.

Приведем лишь один пример. Украинский исследователь И. Т. Черняков в своей статье, посвященной локализации Никония, отметил, что в опубликованном Г. Меркатором в 1589 г. в Дуйсбурге атласе (на карте «Валахия, Сербия, Булгария, Романия»), обозначена «правдоподобная линия морского берега между Днестром и Дунаем» (Черняков 1997: 81). Мы позволим себе не согласиться с таким утверждением. И в вышеуказанной карте, и в более ранней карте Меркатора, изданной в 1554 г., отображение береговой ли-

нии кажется нам весьма приблизительным, как, впрочем, и некоторые приемы нанесения топонимов. Помимо присущего средневековым картам свойства сочетать в себе наряду с реальными для своего времени объектами уже отжившие элементы предшествующих эпох, мы хотели бы выделить еще одну их существенную, на наш взгляд, особенность. Она состоит в том, что размещение на карте одного и того же пункта, изменявшего свое название, не всегда приводилось в соответствие с его реальным местоположением. Так, пункт MONCASTRO у Меркатора абсурдно размещен не на берегу Днестровского лимана, где уже отмечены соотносящиеся с ним Bialgrod и Ophiusa, а на морском побережье примерно посредине между Днестром и Дунаем. А поскольку карты Г. Меркатора послужили образцом для других картографов, то подобные ошибки тиражировались еще довольно долго, вплоть до XVIII в. Так, в карте З. И. Хаазе, изданной в Нюрнберге в 1763 г., которую также анализирует в своей работе И. Т. Черняков, пункты MONCASTRO и Falconara представлены уже как один и тот же пункт, что является очевидной нелепостью. Однако исследователь, к сожалению, этот факт никак не прокомментировал. Впрочем, И. Т. Черняков выражает вполне здравое мнение о том, что «только… портоланы… Венеции и Генуи XIII—XVI вв.» могли быть источником «знакомства… с реальными новыми картографическими сведениями о… районе» между Днестром и Дунаем. Работа по сопоставлению этого типа памятников с картами «кабинетных ученых» и нарративными текстами позволит уточнить многие аспекты географических представлений средневековья и открыть малоизвестные страницы истории современных населенных пунктов.

Литература

Багров Л. 2004. *История картографии*. Москва: Центрполиграф.

Кулаковский Ю. 1899. *Карта Европейской Сарматии по Птолемею*. Киев.

Незнамов П. А. 1930. *Портоланы Алупкинского государственного историко-бытового музея*. Ялта.

Петреску И. Г. 1963. Дельта Дуная. Москва.

Фадеева Т. М., Шапошников А. К. 2005. *Княжество Феодоро и его князья*. Симферополь: Бизнес-Информ.

Черняков И. Т. 1997. Локализация Никония на средневековых картах (К. Птолемея, 1477, Г. Меркатора, 1589, И. Хаазе, 1763). В.: *Никоний и античный мир Северного Причерноморья*. Одесса, 80—86.

Potocki Jean. 1796. *Mémoire sur un nouveau périple du Pont Euxin, ainsi que sur la plus ancienne histoire des peuples du Taurus, du Caucase et de Scythie*. Vienne: Schmidt Andre Mathias.

http://geoweb.venezia.sbn.it/geoweb/HSL/10057/10057toponimi.html

Статья поступила в номер 11 октября 2010 г.

Olena Radzihovska (Odessa, Ukraine). Candidate of historical sciences. Odessa National University «I. I. Mechnikov».

Olena Radzihovska (Odesa, Ucraina). Candidat în ştiinţe istorice. Universitatea Naţională din Odesa «I. I. Mecinikov».

Радзиховская Елена Александровна (Одесса, Украина). Кандидат исторических наук. Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова.

E-mail: lal-radz@list.ru

Ю. В. Степанова

Этнографические материалы для изучения древнерусского костюма Верхневолжья

Iu. V. Stepanova.

Ethnographical Material for the Study of Early Russian Female Costume in the Upper Volga Area.

The elements of Ancient Russian female costume are considered in the article. They are reconstructed by using evidence collected from the burials in the Upper Volga area dated by 11—13 cc. The ancient costume elements find analogies in ethnographic costume of Tver area in 18—19 cc. Headdresses with high front part and cylindrical are localized in the western part of Upper Volga territory, proved by both archeological, and ethnographic material. Sarafan-like clothes were found in the burials of the western and eastern part of the Upper Volga area. In this territory dresses with straps (18—19 cc.) preserved the archaic cut. In the east of the Upper Volga region the archaic clothes with straps can be connected with the Finno-Ugric component in the rural population, both in 11—13, and 16—19 centuries.

Iu. V. Stepanova.

Materiale etnografice pentru studiul costumului din perioada Rusiei Kievene din bazinul superior al r.Volga.

Articolul consideră elementele costumului feminin din perioada Rusiei Kievene, reconstruite în baza materialelor din mormintele din sec.XI-XIII de pe cursul superior al r.Volga, care îşi găsesc analogiile în costumul etnografic al regiunii Tver în sec. XVIII—XIX. Elementele de costumaţie ale capului, cilindrice şi cu partea frontală înălţată se localizează în partea de vest a regiunii Volgii de Sus, atît din punct de vedere arheologic cît şi etnografic. Îmbrăcămintea de tip sarafan este fixată în inventarul unei serii de morminte din vestul şi estul cursului superior al Volgii. În aceleaşi regiuni este fixată prezenţa costumului cu chingi din sec. XVIII-XIX, ce a păstrat elementele arhaice. În estul Volgii de Sus, prezenţa îmbrăcămintii cu chingi de aspect arhaic este, probabil, legată, de prezenţa unui component fino-ugric în populaţia locală atît din sec. XI—XIII, cît şi sec. XVI—XIX.

Ю. В. Степанова.

Этнографические материалы для изучения древнерусского костюма Верхневолжья.

В статье рассматриваются элементы древнерусского женского костюма, реконструированные по материалам погребений Верхневолжья XI—XIII вв., которые находят аналогии в этнографическом костюме Тверской земли XVIII—XIX вв. Головные уборы с высокой передней частью и цилиндрические локализуются в западной части Верхневолжья, как по археологическим, так и по этнографическим материалам. Сарафанообразная одежда прослежена по материалам ряда погребений запада и востока Верхневолжья. В этих же районах данной территории зафиксирована лямочная одежда XVIII—XIX вв., сохранившая архаичный крой. На востоке Верхневолжья существование архаичной лямочной одежды связано, по-видимому, с присутствием финно-угорского компонента в составе населения как XI—XIII вв., так и XVI—XIX вв.

Keywords: Ancient Russia, archeological sites, traditional costume, jewelry, Slavs, Finno-Ugric peoples.

Cuvinte cheie: Rusia Kieveană, situri arheologice, îmbrăcăminte tradiţională, costum, etnografie, podoabe, slavi, fino-ugri.

Ключевые слова: Древняя Русь, археологические памятники, традиционная одежда, костюм, украшения, славяне, финно-угры.

Основными для большинства исследователей древнерусского костюма являются археологические источники. Археология, как правило, имеет дело с аксессуарами костюма. Они составляют значительную часть в круге русских древностей — в основном это различные украшения и застежки. Таким образом, работа по изучению комплекса древнерусского костюма неразрывно связана с изучением в целом средневековых древностей. Однако в этом содержатся как преимущества археологических источников по истории одежды

© Ю. В. Степанова, 2010.

и костюма, так и трудности, связанные с их изучением. Недолговечная основа внешнего убранства (ее формы практически отсутствуют) сама одежда, «фон», на который накладываются аксессуары, как правило, исчезает. Целые образцы одежды являются крайне редкими археологическими находками. В связи с этим практически все исследователи древнерусского костюма, опираясь на археологические источники, прибегают к этнографическим аналогиям.

Неоспоримым является факт, что археологические данные по Древней Руси и данные этнографических источников XVIII—XX вв. разделяются значительным хронологическим периодом, вследствие чего следует с осторожностью проводить аналогии, в особенности при реконструкции отдельных экземпляров костюма. В то же время, при выделении отдельных видов древнерусской одежды археологами привлекаются разработанные этнографами типологии русского костюма (Зеленин 1991: 242—272; Гринкова 1936: 21—34; Маслова 1987: 259—291). Так, в работах М.А. Сабуровой и В.В. Седова на материалах конкретных памятников были произведены сопоставления с данными этнографии (Сабурова 1988: 266—272; Седов 1994: 115—123). Полученные выводы свидетельствуют о правомерности этих сопоставлений. Таким образом, при изучении и реконструкции древнего костюма необходимо знание реликтовой одежды, ее типологии и закономерностей формирования. Это позволяет подтвердить и уточнить полученные выводы о видах костюма, их культурной интерпретации и хронологии.

Изучение материалов погребальных памятников X—XIII вв. Верхневолжья позволяет выявить некоторые элементы погребального костюма, которые находят аналогии в материалах поздней этнографии. Так, например, это отдельные детали головных уборов. Прежде всего, следует отметить, что древнерусский женский головной убор, так же как и этнографический, был многосоставным, и археологические данные это подтверждают. Интересное соотношение просматривается и в типах «археологических» и этнографических головных уборов. Несмотря на фрагментарность археологических источников, по материалам древнерусских погребений Верхневолжья фиксируется полотенчатая часть головного убора, расшитая бусами и бисером, металлическими бляшками (Березовецкий могильник, Избрижье, Суходол). Найдена и твердая основа головного убора в виде берестяного кружка (памятники западной и центральной частей Верхневолжья — Березовецкий могильник, Избрижье, Большая Коша), украшенная металлическими пронизками, бусами, привесками (рис. 1: 2). Интересно, что именно в западной части Тверской губернии XVIII—XIX вв. были известны высокие цилиндрические головные уборы (рис. 1: 1, 3).

В погребениях курганной группы Суходол (Ржевский район Тверской области) были найдены уникальные головные украшения в виде высоких бронзовых фигурных пластин (Дашкова, Дворников, Хохлов 1993: 89—142),

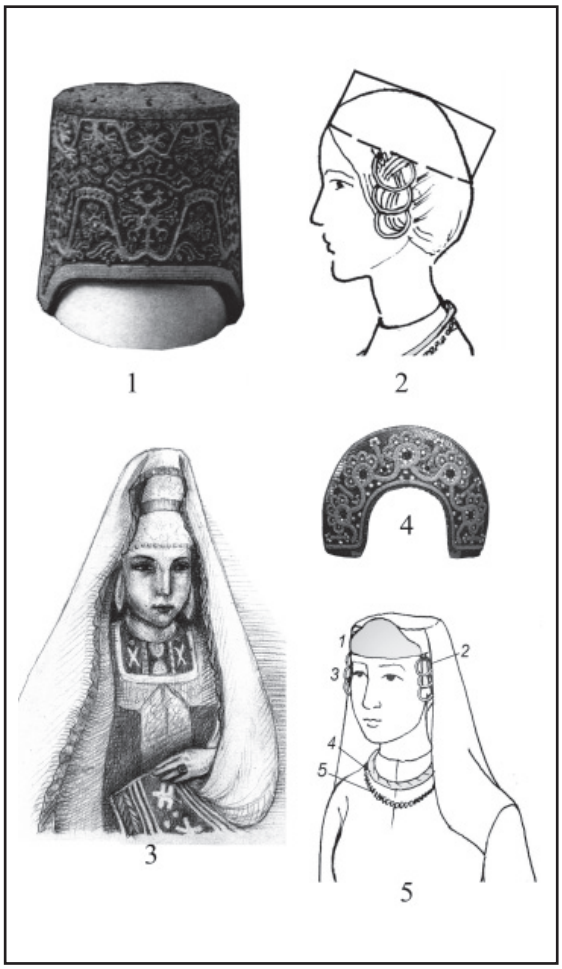

Рис. 1. Женские головные уборы XVIII—XIX вв. и реконструированные по материалам древнерусских погребений Верхневолжья. 1 — цилиндрический кокошник (Осташковский уезд, Тверская губерния); 2 — берестяной головной убор с височными кольцами по материалам погребения из кургана № 15 могильника Большая Коша (Селижаровский р-н, Тверская область); 3 — праздничный наряд ржевитянки (прорисовка изображения; по А.Н. Вершинскому); 4 — кокошник (Кашинский уезд, Тверская губерния); 5 — реконструкция убора по материалам погребения из кургана № 2 могильника Суходол (Ржевский р-н Тверской области): *1* — налобная часть головного убора из фигурной бронзовой пластины, *2, 3* — браслетообразные височные кольца, *4* — гривна, *5* — ожерелье из бус.

украшавших переднюю часть головного убора (рис. 1: 5). Такой убор по форме напоминает высокий лопатообразный кокошник или корону — девичий головной убор XVIII—XIX вв., находки которых тоже известны на территории Верхневолжья (рис. 1: 4). Здесь следует отметить, что для территории Ржевского уезда XVIII—XIX вв. были характерны высокие головные уборы (Вершинский 1913: 32) (рис. 1: 3). Самобытным типом головного убора были и сороки с высоким сужающимся верхом, бытовавшие на территории соседнего Зубцовского уезда (Калмыкова 1995: 194). Как по археологическим, так и по этнографическим материалам известны косники из плетеных шнуров и бахрома, украшавшие прическу и головной убор.

Различные виды традиционной одежды XVIII—XIX вв. также находят аналогии в археологических материалах. Так, в ряде погребений Верхневолжья обнаружены пуговицы, а также отдельные бусины, расположенные в области шеи, иногда по 3—5 вертикально в ряд. Такое расположение этих бусин и пуговиц, по-видимому, соответствует небольшому разрезу по горловине, в центре или слева. Разрез мог оформляться воротником-стойкой или узкой полосой ткани или оставался без воротника. По мнению этнографов, разрез, идущий от ворота, первоначально делался посередине груди у всех трех восточнославянских народов, и лишь у русских впоследствии распространилась косоворотка (Маслова 1987: 259—262). В то же время, воротники с асимметричной застежкой реконструируются по материалам женских и мужских погребений территории Руси второй половины XI — начала XII вв. (Сабурова, Елкина 1991: 53—72; Энговатова, Орфинская, Голиков 2005: 176—196). Подобное оформление выреза горловины наблюдается по материалам как женских, так и мужских погребений Верхневолжья X—XIII вв. Возможно, конструкции женских и мужских рубах в то время не имели больших различий. Обращает на себя внимание и тот факт, что мужская и женская нижняя одежда в письменных источниках XII—XV вв. называется одинаково — сорочица, сорочка (Рабинович 1986: 86; Степанова 2005: 96).

Этнографы относят одежду Тверской земли к типу северо-великорусской (Калмыкова 1995: 165; Лебедева 2003: 39). Для этого типа характерна лямочная верхняя одежда, причем сарафаны некоторых уездов сохранили местные названия и архаический крой. Так, например, ржевские «насовы» и осташковские «костоланы» по своему крою относятся к нераспашной одежде (рис. 2: 1). По мнению Н. П. Гринковой, такая одежда представляет собой переходную форму от костолана Бельского уезда Смоленской губернии к северно-великорусскому сарафану (Калмыкова 1995: 181). Материалы

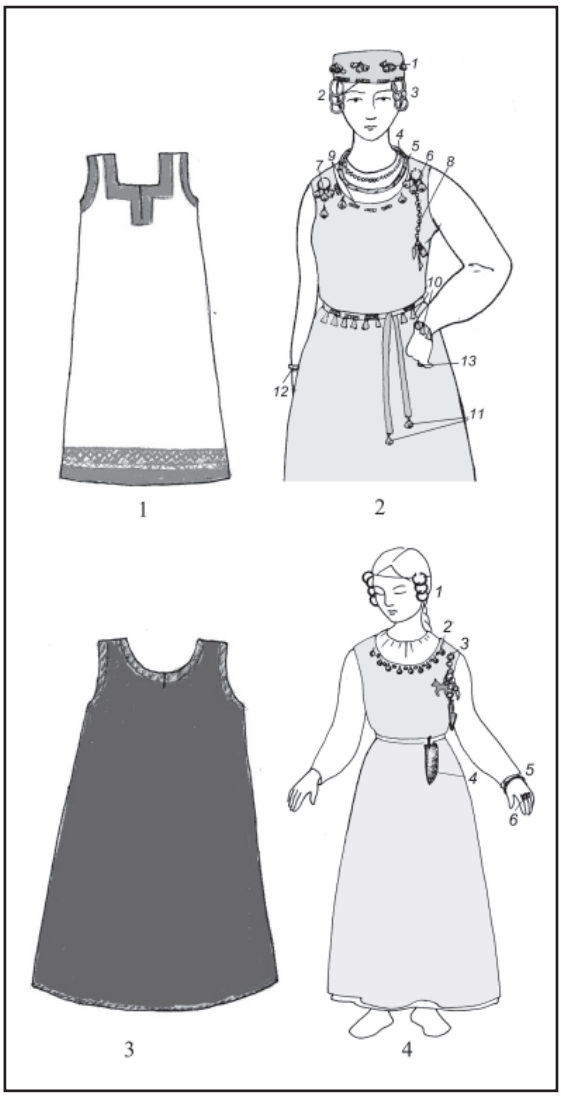

Рис. 2. Лямочная женская одежда XVIII—XIX вв. и реконструированная по материалам древнерусских погребения Верхневолжья. 1 — костолан (Ржевский уезд Тверской губернии); 2 — реконструкция женского костюма по материалам погребения 3 кургана № 21 могильника Большая Коша (Селижаровский р-н Тверской области): *1* — берестяной головной убор, *2, 3* — височные кольца, *4* — ожерелье из бус, *5* — гривна, *6, 7* — парные связки бубенчиков, *8* — цепочка, *9* — металлические пронизки, *10* — трапециевидные привески, *11* — бубенчики, *12* — браслет, *13* — перстень; 3 — сарафан-«глухарь» (Весьегонский уезд, Тверская губерния); 4 — реконструкция женского убора по материалам погребения 2 в кургане № 65 могильника Глинники (Конаковский р-н Тверской области): *1* — височные кольца, *2* — бубенчики, *3* — цепочка, *4* — нож, *5* — браслет, *6* — перстни.

древнерусских погребений западной части Верхневолжья (Ржевский район) позволяют говорить о существовании у древнерусского населения этой территории лямочной одежды. Она реконструируется по наличию парных наплечных украшений в виде связок бубенчиков, по расположению бляшек и привесок (Большая Коша, Суходол, Усть-Суходол, Гульцово) (рис. 2: 2). Костюм с аналогичными украшениями характерен и для памятников Смоленской земли XI—XIII вв. (Харлапово) (Шмидт 1957: 184—281). Таким образом, археологические и этнографические материалы демонстрируют тесную связь западной части Верхневолжья со Смоленской землей, сохранявшуюся на протяжении нескольких столетий. Расселение смоленских кривичей на территории Верхневолжья в X—XIII вв. отразилось в особенностях традиционного костюма, и впоследствии это надолго сохранилось в покрое местной женской одежды.

В восточных и северо-восточных районах Тверской губернии в XVIII—XIX вв. бытовали архаичные сарафаны с широкими лямками туникообразного покроя (Весьегонский, Кашинский уезды) (рис. 2: 3). Она называлась «глухарь» (Соснина, Шангина 1998: 55). Такой сарафан напоминает одежду финно-угорских народов северо-запада Руси. Подобный сарафан и в XVIII — начале XX в. был типичным для води, карел, ижоры (Русские 1986: 193—263). По археологическим материалам в этих районах также реконструируется лямочная одежда. Об ее присутствии косвенно свидетельствует горизонтальное расположение бубенчиков и цепочек в нагрудной зоне погребений (Глинники, Сорогожское, Мотыли), парные украшения на плечах (Плешково 1, Сорогожское, Бежицы) (рис. 2: 4). Такое украшение, возможно, фиксирует вырез сарафанообразной одежды глухого покроя. Можно предположить, что на данной территории «сарафан» глухого покроя, вероятно, с цельнокроеными лямками, сформировался уже в XI—XIII вв.

Особенностью ряда женских погребений восточной части Верхневолжья является наличие бронзовых или биллоновых фибул, располагающихся в центре нагрудной зоны (Плешково 1, Сорогожское, Выркино 7). Такие находки в женских погребениях Верхневолжья более нигде не встречаются. Возможно, что фибулы застегивали края наплечного покрывала или распашной одежды с рукавами. Женская одежда, застегивающаяся фибулами, широко представлена в материалах погребальных памятников поволжских финнов VI—VIII вв.— мери, муромы, мордвы, в рязано-окских могильниках. В частности, Т. А. Кравченко реконструировала по захоронениям в Шатрищенском могильнике комплекс женского костюма, состоящий из рубахи и короткой верхней одежды, нагрудная часть которой украшалась фибулой или нашивной бляхой (Кравченко 1974: 137, 138). По данным этнографии, короткая верхняя одежда характерна для уральских и поволжских финнов — удмуртов, мордвы-эрзи.

Здесь необходимо отметить тот факт, что древнерусский костюм и погребальный обряд восточных районов Тверской области сохранил значительное количество элементов, рассматриваемых исследователями как традиции дославянского финно-угорского и балтского населения. Прежде всего, это шумящие украшения, концентрирующиеся в погребениях восточных районов Верхневолжья. Для костюма XI—XII вв. этой территории характерны перстнеобразные и среднего диаметра височные кольца с заходящими концами, рассматриваемые В. В. Седовым как признак славянизированного финно-угорского населения (Седов 1982: 195). Найдены здесь и втульчатые височные кольца. Среди других признаков сложного этнического состава населения восточных районов Верхневолжья — наличие меридиональной ориентировки, лепная посуда горшковидных форм, имеющая аналогии на поселениях и могильниках Верхнего Поволжья и Волго-Клязьменского междуречья и восходящая к мерянской керамике VII—X вв. Необходимо отметить, что часть населения восточных районов Верхневолжья, по-видимому, была переселена из земли мери. Об этом свидетельствуют, прежде всего, украшения, выполненные в «мерянском стиле», в большом количестве найденные на памятниках этой территории (могильники Плешково 1, Посады, Воробьево 1, Колюбеево, Бежецы, Выркино 7, Кашин). По мнению К. И. Комарова, расселение мери на данной территории могло быть следствием как княжеской политики, так и частичного вытеснения мерянского населения на окраины Ростовской земли по мере ее заселения славянами (Комаров 2002: 155).

Таким образом, археологические материалы говорят о бытовании на востоке Верхневолжья в древнерусское время традиций неславянского населения, прежде всего местного и пришлого финно-угорского, а этнографические свидетельствуют об их сохранении в традиционной одежде.

В заключение следует упомянуть еще и о такой этнографической группе территории Тверской земли, как тверские карелы, появив-

шейся в результате переселения сюда карел в XVI—XVII вв. Наиболее крупные группы тверских карел сформировались на территории северо-восточных и северных районов современной Тверской области (Спировский, Лихославльский, Бежецкий, Весьегонский, Максатихинский). Возможно, что наиболее интенсивное расселение карел именно в этих районах не было случайным. Вполне вероятно, что к этим местам карел привлекали не только природные условия, но и близость культурных традиций, сохранившихся у местного населения с конца I — начала II тыс. н. э.

По-видимому, выделенные элементы «археологического» костюма Верхневолжья отражают начальные стадии формирования традиционного русского женского костюма на этой территории. Думается, закономерным является то, что отличительные особенности женского костюма зафиксированы в одних и тех же районах Верхневолжья (юго-западных и восточных) — и по археологическим данным XI—XIII вв., и по материалам этнографии XVIII—XIX вв. Эти факты свидетельствуют о глубокой традиционности и консервативности народного костюма, прежде всего, сельского населения. В случае с костюмом восточных районов Тверской земли вполне возможно, что отразившиеся в нем традиции финно-угорского местного и пришлого населения XI—XIII вв. были продолжены в XVI—XVII вв. переселившимся сюда карельским населением, что способствовало сохранению этих традиций в костюме вплоть до начала XX в.

Литература

Вершинский А. Н. 1913. *Материалы по истории древнерусских одежд*. Старица.

Гринкова Н. П. 1936. Родовые пережитки, связанные с разделением по полу и возрасту. *Советская этнография* (2). Москва: Наука, 21—54.

Дашкова И. А., Дворников А. С., Хохлов А. Н. 2003. Предварительные итоги исследования комплекса древнерусских памятников у деревень Холмово-Суходол в 1985—1987 годах. В: Арсланова Ф. Х. (отв. ред.). *Археологические исследования в Верхневолжье*. Тверь: ТвГУ, 89—142.

Зеленин Д. К. 1991. *Восточнославянская этнография*. Москва: Наука.

Калмыкова Л. Э. 1995. *Народное искусство Тверской земли*. Тверь: РИФ ЛТД.

Комаров К. И. 2002. Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области. В: Седов В. В. (отв. ред.). *Археологические статьи и материалы: Сборник участников Великой Отечественной войны*. Тула: Гриф и К, 141—189.

Кравченко Т. А. 1974. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966—1969 гг.). В: Монгайт А. Л. (отв. ред.). *Археология Рязанской земли*. Москва: Наука, 116—183.

Лебедева С. Н. 2003. Прошлое и настоящее тверского народного костюма. В: *Современные проблемы развития гуманитарной науки по результатам регионального конкурса 2003 года «Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее»*. Тверь: Знание, 39—40.

Маслова Г. С. 1987. Одежда. В: Бромлей Ю. В. (отв. ред.). *Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры*. Москва: Наука, 259—291.

Рабинович М. Г. 1986. Древнерусская одежда IX—XIII вв. В: Рабинович М. Г. (отв. ред.). *Древняя одежда народов Восточной Европы*. Москва: Наука, 40—61.

Русские. Историко-этнографический атлас. 1986. Москва: Наука.

Сабурова М. А. 1988. Погребальная древнерусская одежда и некоторые вопросы ее типологии. В: Тимощук Б. А. (отв. ред.). *Древности славян и Руси*. Москва: Наука, 266—272.

Сабурова М. А., Елкина А. К. 1991. Детали древнерусской одежды по материалам некрополя г. Суздаля. В: *Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси*. Москва: ИА АН СССР, 53—112.

Седов В. В. 1982. *Восточные славяне в VI—XIII вв.* Археология СССР. Москва: Наука.

Седов В. В. 1994. *Очерки по археологии славян*. Москва: Наука.

Соснина Н., Шангина И. 1998. *Русский традиционный костюм. Энциклопедия*. Санкт-Петербург.

Степанова Ю. В. 2005. Элементы древнерусского костюма по письменным источникам XII—XV вв. и данные археологии. В: Конявская Е. Л. (отв. ред.). *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. № 3 (21). Москва: РФК-Имидж Лаб, 96—97.

Шмидт Е. А. 1957. Курганы XI—XIII вв. у д. Харлапово в Смоленском Поднепровье. В: *Материалы по изучению Смоленской области*. Смоленск: Смоленское книжное издательство, 184—281.

Энговатова А. В., Орфинская О. В., Голиков В. П. 2005. Исследование золототканых текстильных изделий из некрополей Дмитровского кремля. В: Макаров Н. А., Чернецов А. В. (отв. ред.). *Русь в IX—XIV веках: взаимодействие Севера и Юга*. Москва: Наука, 176—196.

Статья поступила в номер 5 октября 2009 г.

Iulia Stepanova (Tver, Russia). Candidate of historical sciences. Tver State University.

Iulia Stepanova (Tver, Rusia). Candidat în ştiinţe istorice. Universitatea de Stat din Tver.

Степанова Юлия Владимировна (Тверь, Россия). Кандидат исторических наук. Тверской государственный университет.

E-mail: m000142@mail.ru

№6. 2010

Н. В. Жилина

Архаический головной убор
(археология, этнография, народное искусство)

N. V. Zhilina.

Archaic Headgear (archaeology, ethnology, folk art).

An archaic headgear made of natural materials is a work of folk art. It has similar stages of development in different regions. These stages are known by archaeological and ethnological material. Delineations of Medieval Ages and modern history reflect the forms of archaic headgear. Creative activity of 19—20 centuries also repeats these forms. So, the retrospective method, based on different sources of the same phenomena, can be used.

The main types and stages of the headgear characterized in the article are: maiden wreath, female band gear, width-like gear, kichka-like gear, cap and kokoshnik. Typical characteristics of headgear in the whole and its decorations are defined for every stage.

The purpose of the article was to show the retrospective method of research, using sources of different epochs and regions.

N. V. Zhilina.

Pălăria arhaică (arheologie, etnologie, artă populară).

Pălăria arhaică, executată individual din materiale naturale este un produs al artei populare. La diferite popoare ea parcurge etape similare în dezvoltarea sa; etape, cunoscute din materialul arheologic şi etnografic. Formele pălăriilor arhaice ne sunt cunoscute din reprezentările epocii medievale şi moderne. Etapele de bază de dezvoltare sunt reproduse în creaţia amatoare şi artistică a artei perioadei moderne. Aceasta permite utilizarea metodei de studiere retrospectivă a pălăriei, în calitate de un fenomen unic, în baza diferitor surse, ce se completează reciproc.

Tipurile şi etapele principale de dezvoltare a pălăriei, descrise în articol, sunt: cununa fetească, pălăriile feminine — cordelată, prosopomorfă, în formă de „chicikă", şapca şi „kokoşnik". Pentru fiecare etapă sunt determinate caracteristicile portului pălăriei în general şi a elementelor decorative.

Scopul studiului a constat în demonstrarea aplicării metodei retrospective de cercetare cu utilizarea surselor din epoci şi regiuni diferite.

Н. В. Жилина.

Архаический головной убор (археология, этнография, народное искусство).

Архаический головной убор, выполняющийся собственноручно из природных материалов, является произведением народного искусства. У различных народов он проходит сходные стадии, известные по археологическому и этнографическому материалу. Формы архаического убора отражены в изображениях эпохи средневековья и нового времени. Основные стадии воспроизводятся в самодеятельном и художественном творчестве искусства новейшего времени. Это позволяет использовать метод ретроспективного изучения архаического убора, как единого явления, по различным источникам, дополняющим друг друга.

В статье характеризуются основные виды и стадии головного убора: девичий венец; женские уборы — ленточный, полотенчатый, кичкообразный, шапка и кокошник. Для каждой стадии определена типовая характеристика убора в целом и его украшений.

Задачей статьи явилась демонстрация применения ретроспективного метода работы с использованием источников различных эпох и регионов.

Keywords: archaic, headgear, wreath, width-like gear, kichka-like gear, cap, kokoshnik, decorations, retrospective method.

Cuvinte cheie: arhaic, pălărie, cunună, "kokoşnik", prosopomorf, şapcă, "chicikă", podoabe, evul mediu, metoda retrospectivă.

Ключевые слова: архаический, головной убор, венец, полотенчатый убор, кичкообразный убор, шапка, кокошник, украшения, средневековье, ретроспективный метод.

© Н. В. Жилина, 2010.

Народный (архаический) головной убор создается, как правило, собственноручно из материалов, имеющихся в домашнем хозяйстве и природе. Украшается он элементарно, хотя и очень обильно, как и другие произведения народного искусства. Даже если изготовлением головных уборов занимаются специальные мастера, их возможности в деревне ограничены домашним ткачеством и вышивкой, применением натуральных материалов для плотных частей убора (береста, дерево, кожа). Для соединения деталей с древности используются проволочные кольца. Довольно широкое применение в головном уборе находят животные материалы: перья, гусиные горла, рога, клыки и т.д. Со временем начинают использоваться фабричные городские и иностранные ткани. На стадии кокошника — к изготовлению подключается промысловое и фабричное производство. Спектр орнаментации расширяется под воздействием больших стилей искусства.

Женский головной убор у разных народов проходит сходные стадии, выделяющиеся по материалам археологии и этнографии. Связующим материалом между этими двумя комплексами источников выступают уборы периода позднего средневековья и Нового времени — XV—XVI вв., сохраняющие черты архаического убора, прежде всего, традицию закрывать женские волосы.

Подлинный традиционный убор — произведение народного искусства. Однако стадии его развития повторяются при воспроизведении в самодеятельном и театральном искусстве более позднего времени. Профессиональные художники, воплощая индивидуальные творческие замыслы, опираются на подлинные народные костюмы (художники русского модерна, Альфонс Муха). В таких случаях отчасти повторяется логика народного творчества и исторический путь убора.

Этнографический материал хорошо сохраняет конструкцию и орнаментацию убора, но ему не знакомы наиболее архаичные варианты. Археологический материал дает как раз архаичные варианты, но не полностью их сохраняет. Логика конструктивного развития, выявляемая по более поздним воспроизведениям, позволяет восполнить недостающие звенья различных источников и понять схему возникновения и развития архаического убора. Конкретной задачей является воссоздание типовой конструкции убора каждой стадии, выделение характерных для нее видов украшений.

Эволюция головного убора носит сетевой характер: каждая более ранняя форма вносит свой вклад в формирование последующих, может трансформироваться в любое последующее звено. Конкретные пути этого процесса создают местное своеобразие.

Полоса и кусок ткани дают две исходные формы: повязку и платок, участвующие в формировании дальнейших форм головных уборов. Повязка достаточна для образования девичьего убора, платок — женского.

1. Девичий головной убор: венок, венец, ленточное очелье (тип диадема) (рис. 1).

Первобытным прообразом венка является венок из цветов или листьев, к нему во многих вариациях возвращается художник модерна Альфонс Муха (рис. 1: 26, 31, 32, 35—37, 40) (Соснина, Шангина 1999: 43, 44). Венок поддерживает волосы, не дает им лохматиться и развеваться, завязывается сзади. Чаще всего венок соответствует прическе в виде одной косы, опущенной назад, или распущенным волосам (рис. 1: 1—3; 21, 22, 34, 37, 39). Используется и двусторонняя прическа: две косы или округлые фигуры из кос по сторонам головы иногда закрепляются лентами или кольцами — прическа «бандо» или «изабо» эпохи Возрождения (Вейс 2000, Т. II: 387, рис. 255) (рис. 1: 5, 7, 13, 31, 32). Косы ложатся по двум основным линиям: горизонтальной (линия диадемы) и дугообразно-вертикальной (линии стеммы) (рис. 1: 15, 16).

Очельная лента обильно украшается нанизываемыми, пришиваемыми и подвесными украшениями: бляшками, бисерными нитями, опущенными вертикально или сложенными петельно, лентами с надетыми или нашитыми металлическими украшениями (рис. 1: 4, 24, 34, 38). Украшения размещаются практически по всей длине венца, они закреплены и по вертикали в волосах, размещаясь от уровня виска до подбородка и ниже (рис. 1: 2, 3, 5, 31, 32, 37). Завязки венка украшаются кистями. Для концов кос существуют отдельные украшения — косники (рис. 1: 25) (Моисеенко, Фалеева 1990: № 51). Иногда к задней части горизонтального обруча присоединяется длинная поднизь-сетка (рис. 1: 17).

Эти многочисленные украшения по сторонам головы с креплением к венку, волосам и ушам (иногда одновременно) образовались несколькими путями: 1) от украшения (закрывания) уха — круглые или шарообразные (рис. 1: 21); 2) от украшения венка, перемещения на бока его задних завязок после потери функциональности — в виде лент или кистей (рис. 1: 2, 3; 37); 3) от двусторонней прически — волосы в районе виска укра-

шались цветком, круглым плоским украшением, поддерживались сложно вплетенными лентами, кольцами (рис. 1: 5, 12, 13, 33), косы украшались и по всей длине (рис. 1: 31, 32); 4) от закрепления декоративных деталей за ушами и подтыкания их под венец в районе уха и виска (рис. 1: 38); 5) от декоративного оформления мест соединения обручей (рис. 1: 39).

В археологии известно большое разнообразие головных венков. Лента венка бывает металлической; берестяной; с твердой основой, покрытой орнаментированной тканью; тканевой (лен, шерсть, парча, шелк). Тканевые ленты были цельнотканными, сложенными и сшитыми, укрепленными на подкладке (Левашова 1968; Седов 1994: 115, 116; Сабурова 1997: 97—99). По археологическим данным не всегда ясно, девичьим или женским является убор. Тем не менее, некоторые типичные черты можно выделить. Височные кольца в девичьем уборе одновременно надеваются на венок и вплетаются или вдеваются в локоны и косы. Голова остается непокрытой, иногда фиксируются распущенные волосы. Наиболее часты и удобны простые проволочные типы колец, крепление к прическе крупных браслетообразных обеспечивается шпильками из разогнутых перстнеобразных колец. По вертикали полоса украшений идет от венца до нижнего уровня уха. Орнаментация очелья делается почти по всей длине с выделением лицевой зоны. Девичьи венки фиксируются в погребениях Вологодской земли, Московской обл., Верхневолжья, Курской обл. XI—XII вв.

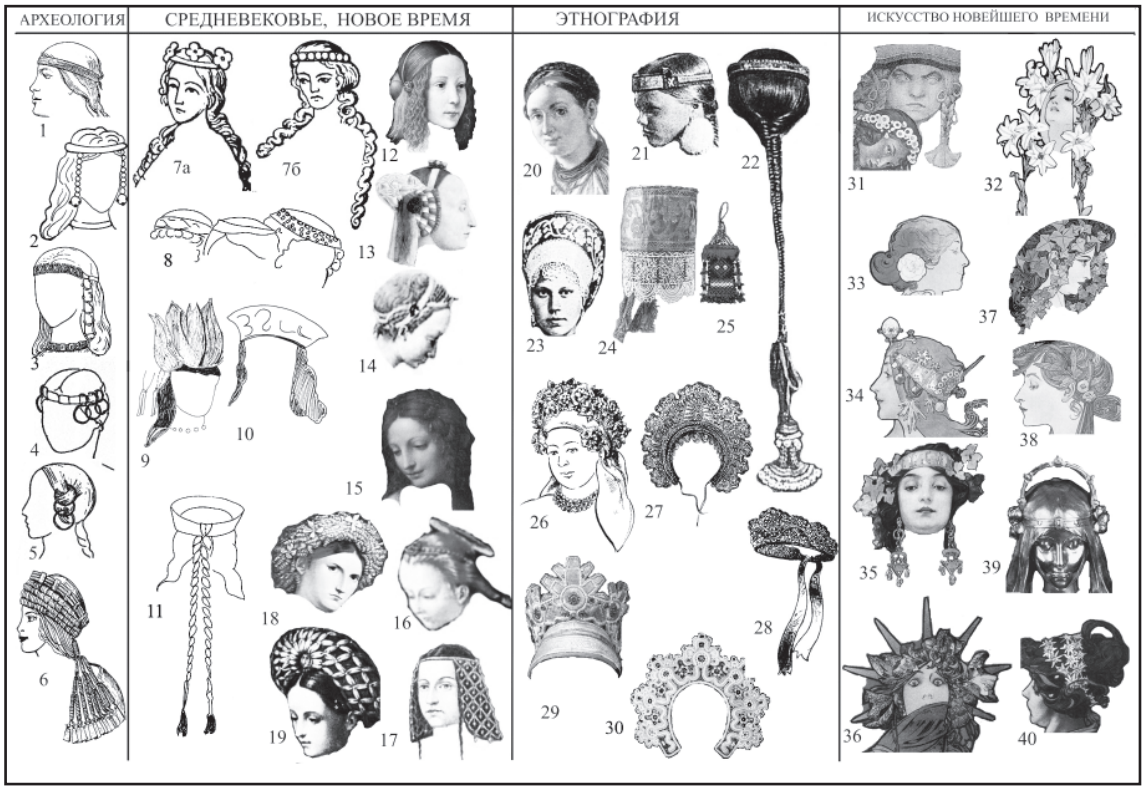

Рис. 1. Девичий венок: Древняя Русь — 1 — курганы Новгородской земли; 2, 3 — типовые реконструкции М.А. Сабуровой; 4, 5 — Верхневолжье, Большая Коша, Березовецкий могильник (реконструкции Ю.В. Степановой); 6 — балты (селы); 7 а, б — Западная Европа, XII в. (прорисовки Г. Вейса); 8 — икона «О тебе радуется» мастерской Дионисия, XVII в.; рисунки к путешествию Мейерберга, XVII в.: 9 — «русская девица простого состояния», 10 — «простая гражданская девица», 11 — «московская девица»; 12 — мастерская Гирландайо, «Портрет девушки», 1490 г.; 13 — Пьеро делла Франческа, «Портрет Баттисты Сфорца»; 14 — Фра Карновале, «Рождество Марии», 1467 г.; 15 — Луини Бернандино, «Саломея», 1527—1531 гг.; 16 — Карло Кривелли, «Благовещение», конец XV в.; 17 — неизвестный художник, «Лукреция Борджиа», XVI в.; 18 — Лоренцо Лотто, «Портрет дамы», 1533 г.; 19 — Каллисто Пьяцца, «Концерт», XVI в.; 20 — В.А. Тропинин, «Пряха», 1821 г.; 21, 22 — Воронежская губ., 1908; 23 — Архангельская губ., XX в.; 24 — Олонецкая губ., XIX в.; 25 — Пензенская губ., конец XIX в.; 26—28 — типовые варианты русских свадебных венков; 29 — Новгородская губ., вторая половина XIX в.; 30 — Архангельская губ., первая половина XIX в.; А. Муха — 31—36 «Выставка славянской эпопеи», 1928 г.; 3 — «Дама с камелиями», 1896 г.; 34 — «Зодиак», 1896 г.; 35 — дизайн плаката шампанского вина Dry Imperial, 1899 г.; 36 — «Медея», 1898 г.; 37 — «Плющ», 1901 г.; 38 — «Лавр», 1901 г.; 39 — скульптура «Голова девушки», 1900 г.; 40 — «Полярная Звезда», 1902.

(Сабурова 1974: 85, рис. 1; Сабурова 1997: табл. 73, 75; Степанова 2009: рис. 11: 7; 12: 1, 6; Левинсон-Нечаева 1959: 27, 31; рис. 11; Седов 1994: рис. 11) (рис. 1: 1—5).

Обильные накосники известны в уборе муромы: вплетенные в косу ремешки с металлическими пронизками, спиралями, обоймами; колокольчиковидные и бутылковидные подвески на концах кос; спинные подвески в виде горизонтальных соединенных рядов с пронизками и подвесками типа лопасти (Финно-угры и балты 1987: 87, 88; табл. XXXVI: 5) (рис. 2: 10). В головном уборе селов насчитывается несколько обручей (Финно-угры и балты 1987: табл. CXIII: 9) (рис. 1: 6).

Венки известны по изображениям на иконах XVI—XVII вв. и зарисовкам из Альбома Мейерберга (Собрание рисунков 1827: 39) (рис. 1: 8, 9—11, 14, 16). Особо нарядный вариант венца выполнялся из разноцветных пышных перьев — «крашоные перья» (рис. 1: 9).

По этнографическим данным, венок может представлять собой и тонкую нить бус, аналогичную шейному ожерелью, и доходить до высокой плотной повязки, расширяющейся и закрывающей голову — «девичья краса» (рис. 1: 10, 11, 21—24, 40) (Соснина, Шангина 1999: фото на вклейке). Гуцульское «чильце» (налобник) из проволоки или ремешка с нанизанными медными пластинками в виде трилистников и с подвесными украшениями в виде стручков и лепестков обнаруживает параллели с археологическим материалом (Волков 1916: 549, 630). В русском народном уборе косу украшают косники: вплетаемые ленты и шнуры, оттягивающие кисти, лопасти (рис. 1: 22, 25, 31). На ушную раковину надеваются пушки-гуски (рис. 1: 21).

Свадебные венцы отличаются большей высотой и зубчато-дробничным краем (тип короны) (Соснина, Шангина 1999: 42, 44). Они различаются в зависимости от расположения основного несущего обруча: 1) с горизонтальным вокруг головы (рис. 1: 28, 29, 35); 2) с вертикально-дугоообразным вокруг головы и лица (рис. 1: 27, 30, 36) (Соснина, Шангина 1999: 41, 42). Эти основные линии крепления убора к голове (рис. 1: 39), вместе и по отдельности, сохраняет и разрабатывает закрытый ленточный головной убор. Украшениями венцов-корон являются широкие ленты, уже не завязывающие убор, а свободно свисающие сзади (рис. 1: 28). Венок служит основой для всех форм головных уборов замужних женщин, для ленточного убора он — непосредственный прототип.

2. Головные уборы замужних женщин.

2.I. Ленточный головной убор соединяет венок и полотнище (рис. 2: 12—14, 34, 35). В одних конструкциях ленточный венец надевается поверх платка, скрепляет и держит его на голове (рис. 2: 3, 12, 14, 27); в других — венец остается под платком (рис. 2: 13) (Сабурова 1997: табл. 66: 16, 18). К горизонтальному обручу добавляются вертикальные дугообразные: поперечный и продольный (диадема и стемма) (рис. 1: 39; 2: 19, 20, 31, 32, 36).

Ленточная конструкция соответствует ношению обильного металлического убора и сама может быть в значительной мере металлической. Она типична для эпохи железного века и раннего средневековья. Любовь к металлу и осознание его важности в материальной культуре проявляется в уборе в возникновении громоздких конструкций и обильного использования металла для тяжелого декора (рис. 1: 39; рис. 2: 1, 4, 9, 10).

С ленточным убором используется двусторонняя прическа из свернутых кос или коса, уложенная вокруг головы (рис. 2: 11, 15, 16, 21, 22) (Вейс 2000, т. III: 43, 44, 59; рис. 36а, 51).

В различных конструкциях главную роль играют разные несущие обручи: 1) основа из горизонтального обруча вокруг головы — наиболее распространена у славян (рис. 1: 1—6, 34, 35); 2) основа из вертикального дугообразного обруча вокруг верха головы — западноевропейский «френч-хууд» (рис. 2: 19, 20, 31, 36); 3) сочетание вертикального и горизонтального — убор поволжских финнов (рис. 2: 9, 10, 32).

Наблюдается два основных типа боковых украшений, закрепляющихся и к обручам убора, и к ушам: 1) тип наушника — округло-объемные, вторящие фигурам из кос: металлические и кожаные пластины, группы концентрически закрепленных колец, чехлы из сеток, петли (рис. 2: 1, 2, 4, 9, 10, 15, 16, 22, 24, 25, 31); 2) тип ленты с нашитыми или надетыми украшениями (рис. 2: 3, 5—8, 29, 30, 33, 34). Убирание волос и подтыкание концов полотнища в районе висков стимулирует развитие лентообразных и петлеобразных подвесок (рис. 2: 34). Поверх полотнища располагаются и декоративные накосники (рис. 2: 9, 30). Сохраняются и наушные украшения с петлей, надеваемые на ушную раковину (рис. 2: 26—28).

По археологическому материалу известно большое количество примеров ленточного

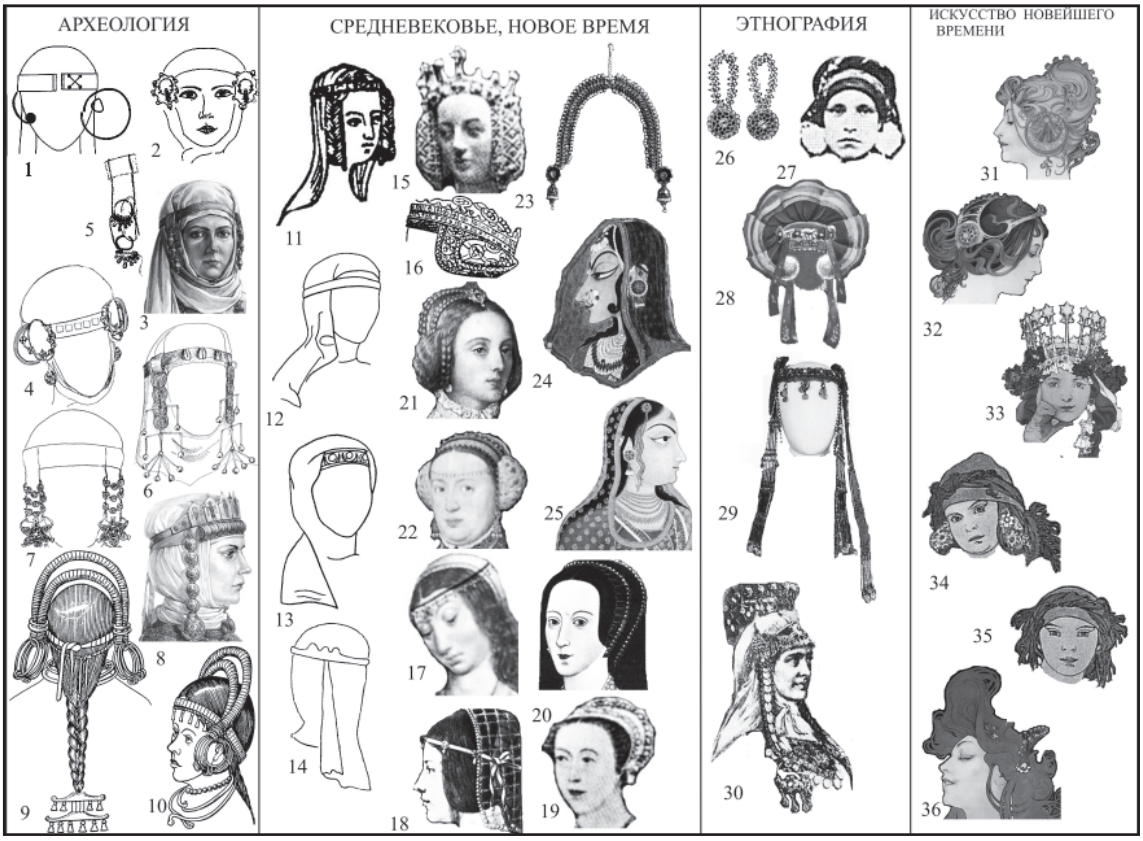

Рис. 2. Ленточный убор: 1 — Гапоновский клад, Курская обл., VII в.; X в.: 2 — Пересопницкий могильник, Волынская обл.; 3 — Гнездово, 1993 (реконструкция Н.В. Жилиной, рисунок О.В. Федорова); XIв.: 4 — Невельской клад Витебской губ., 1892; 5 — Гочевский могильник, курган № 54; 6 — Броварки Курской обл. (в основе нашей реконструкции лежит реконструкция В.В. Хвойко, детализированы детали крепления подвески; рисунок Н. Соколовой); XII в.: 7 — убор с колтами 1 группы, клад из Старой Рязани, 1970 г.; 8 — древнерусско-византийский убор с эмалевой диадемой и лунничными колтами (реконструкция Н.В. Жилиной, рисунок О.В. Федорова); 9, 10 — мурома, поволжские финны, VII—XI вв.; 11 — Западная Европа XIV в. (прорисовка Г. Вейса); 12 — Радзивилловская летопись, л. 33; 13 — икона «Спас на престоле с предстоящими», XIII в.; 14 — миниатюра Лицевого Летописного свода, XVI в.; 15 — Жанна Бурбонская, 1360 г.; 16 — Франция, XIV в. (прорисовка Г. Вейса); 17 — Кастильская школа, «Брак в Кане Галилейской», 1490 г.; 18 — Амброджа де Предис, «Мадонна Бланка», XV в.; 19 — «Катарина Медичи», 1555 г.; 20 — Ганс Гольбейн Младший, «Анна Болейн», XVI в.; 21 — Тициан, «Королева Изабелла Португальская», XVI в.; 22 — Антонис Моро, «Королева Катарина Португальская», 1554 г.; 23 — Индия, 1700 г.; 24, 25 — индийские миниатюры XVII в.; 26 — Индия, XIX в.; 27, 28 — Тульская губ., 1902 г., вторая половина XIX в.; 29 — Болгария, XIX в.; 30 — Сербия (Герцеговина), XIX в.; А. Муха, Литографии: 31 — «Перо», 32 — «Примула», 1899 г.; 33 — «Принцесса Гиацинт», 1911 г.; 34, 35 — «Региональная выставка в Иванчиче», 1912 г.; 36 — плакат для папиросной бумаги «Job», 1896 г.

убора. В обильно-металлических уборах — раннеславянском VI—VIII вв., средневековом финно-угорском и балтском головной венок выполняется из металла.

В головной убор муромы VII—XI вв. входили головные обручи-дуги с основой из конского волоса, текстильных нитей или кожаных ремешков, плотно скрепленных металлическими разомкнутыми кольцами (Финно-угры и балты 1987: 87, 88, табл. XXXVI: 2, 4). Дуги закрепляли тканевую часть убора на голове и держали тяжелые концентрические группы колец по ее сторонам (рис. 2: 9, 10). У марийцев и мордвы кольца и подвески крепились на головной горизонтальный венец, обильны накосники (Финно-угры и балты 1987: 87, 88, табл. XXXVI: 5, XLVI: 21; L: 12; Гришаков, Зеленеев 1999: 100—109, рис. 3) (рис. 2: 10).

Основой ленточного головного убора балтов был горизонтальный обруч, обильно орнаментированный металлическими спиралями и накладками; ощутима тенденция к многорядности обручей и образованию сплошной шапки (рис. 1: 6).

По уборам латгалов и куршей видно происхождение подвесных шумящих украшений от завязок, непосредственно продолжающих венок (Финно-угры и балты 1987: табл. CV: 7; CVI: 7; CXXXIII: 7). На горизонтальный обруч убора литовцев сзади наматывались волосы (Волкайте-Каликаускене 1986: 156—158, рис. 53).

Подробно известные уборы помогают приблизиться к реконструкции раннеславянского обильно-металлического убора VI—VII вв. с ленточным металлическим венцом, надетым поверх полотнища с крупными височными кольцами по сторонам головы (Гавритухин, Обломский, 1996: рис. 57; Рыбаков 1953: 76—79, рис. 18; Родинкова 2008: 358—364). Вероятно, концентрически сложенные кольца крепились к венцу и располагались вокруг уха, под ними могли быть металлические пластинчатые подкладки (круглые или полукруглые, возможно, получаемые разломом одной круглой). Количество подкладок могло зависеть от убора волос: две косы или одна (рис. 2: 1).

Ленточный тип убора М. А. Сабурова выделяет как один из основных для древнерусского периода (Сабурова 1997: 97—99). Хорошо известны металлические ленточные венцы (Левашова 1968). В убор входят наборы крупных проволочных височных колец. Полный комплекс ленточного убора с наушниками реконструируется по материалу Невельского клада XI — начала XII вв. (рис. 2: 4) (Жилина 2001: 193—197, рис. 2). В погребениях Пересопницкого могильника X в. зафиксированы кожаные округлые наушники с фестонами для закрепления украшений (Мельник 1901) (рис. 2: 2).

Археологически фиксируются и боковые ленты. Спиральные височные кольца в погребении в Курской обл. (Броварки) расположены друг под другом, видимо, они крепились к венчику. Этот архаичный убор включал в состав лент шумящие подвески из бубенчиков[1] (Хвойко 1904: 42—45; Жилина 2006: 194, 195; рис. 1; Шпилев 2009: 345—347; рис. 5) (рис. 2: 6).

Зона, включающая уши, лобно-височную часть и щеки, украшалась сложными длинными конструкциями, крепившимися одновременно и к головному венцу, и к уху. Височные кольца размещались на ленте или шнурах друг под другом. На семилопастных височных кольцах для такого соединения образовались небольшие петли. В Гочевском могильнике среди погребений XI в. сохранились шнурки, идущие от дужек колец вверх — к венцу. Данной конструкции соответствует и прикрепление колец по мягким тканям всего уха (Агапов, Сарачева 1997; Самоквасов 1915: 19) (рис. 2: 5).

Сложение ленточной конструкции наблюдается по скано-зерневому убору. В конце XI — начале XII вв. несколько связанных трехбусинных колец закрепляются внизу тканевой ленты (погребение в Старой Рязани, 2001). Ленты формируются из трехбусинных колец, с которых для удобства снимают бусины. Рясно-цепь из перстнеобразных и полутораоборотных колец, оптимальных для соединения в цепь, используется с конца X в. в юго-западной Руси (Седов 1982: 93; табл. XXVIII, XXIX: 1, 2, 4, 8, 9). Как реализация потребности в массивной концевой подвеске возникают лучевые колты на широкой дужке, закрепляемые на лентах из височных колец. Позже лучевые колты приобретают лунницу и подвешиваются на цепях из бляшек в подражание лунничным колтам эмалевого убора (рис. 2: 7). К ленточному типу принадлежат и парадные древнерусские уборы: провизантийский убрус с эмалевой диадемой и колтами, княжеский убор Древней Руси (рис. 2: 8, 33).

В западноевропейском головном уборе XV—XVI вв. варианты ленточной конструкции образуются в зависимости от выбора основных обручей. В испанском «трансадо» тонкий горизонтальный обод закрепляет платок, слегка отодвинутый назад (рис. 2: 17, 18). Вертикальная с угловыми заломами дуга вокруг головы, повторяющая укладку волос, создает основную деталь убора «френч-хууд», распространенного в Португалии, Франции и Англии в XVI в. (рис. 2: 19, 20). Ленточный убор сочетается с округлыми фигурами из кос или пышных волос по сторонам головы: «изабо», «бандо» (рис. 2: 21, 22).

Вертикальные дуги, поперечную и продольную (по пробору прически), имеет и индийский головной убор, известный по миниатюрам XVII вв. и материалам этнографии. Поперечная дуга приспособлена для подвешивания украшений, перекрывающих ухо (рис. 2: 23). В XIX в. круглые украшения с большими жемчужными петлями надевались на ушные раковины (Сокровищница мира 2009: 151, № 13, 16; 13, 17) (рис. 2: 26) Здесь наблюдается разделение пласта драгоценных украшений и платка; несущие дуги сведены к минимуму. Под свободно накинутым платком находится

[1] По мнению А. Г. Шпилева, шумящая подвеска была плечевой (Шпилев 2009: 345—347; рис. 5). Однако, на наш взгляд, нельзя исключать реконструкцию подвески в составе головного убора. Фотография, сделанная В. В. Хвойко, показывает подвеску расположенной в погребении из кургана № 4 в Броварках примерно в таком же положении относительно лица, как она отображена на реконструкции автора раскопок. Кроме того, В. В. Хвойко отметил, что подвеска находилась между двух спиральных височных колец, занимая место одного из них (Хвойко 1904: 42—45). На нашей реконструкции детализированы детали крепления. С целью прояснения вопроса целесообразно изучить, распространены ли плечевые привески в этнографическом славяно-русском костюме.

ленточная конструкция из прически и украшений: подвеска соединена с ухом и волосами с помощью драгоценного шнура, идущего по линии поперечной дуги и соединяющегося с другим шнуром, идущим по линии продольной дуги. С боковой подвеской иногда соединено крупное кольцо, продетое в нос. В комплект входит уплощенное украшение, лежащее на лбу (Дешпанде 2004: 2, рис. на обложке) (рис. 2: 24, 25).

В этнографическом комплексе русских ленточный убор мало сохранился, он четко не введен исследователями ни в одном из комплексов костюма. Не выделен ленточный убор и в стадиальной классификации Д. К. Зеленина (Зеленин 1991: 254). Русский ленточный убор наследовал украшения девичьего венка — пушки и ленты (рис. 2: 27, 28, 29) (Соснина, Шангина 1999: фото на вклейке; Калашникова 2002: рис. на обложке). Для наматывания волос по сторонам головы применялись кольцеобразные детали, в том числе нарезанные от высушенного гусиного горла (Гринкова 1955: 28).

Разнообразные длинные ленты по сторонам головы и короткие подвески по лицевой части венца сохранил этнографический убор болгар (Славяне Европы…2008: 243, № 160) (рис. 2: 29). В уборе из Герцеговины XIX в. (Сербия) ленты или косы украшены круглыми пластинами и завершаются тяжелыми трехбусинными подвесками, над головой поднят отдельный высокий круговой венец (Радојковић 1969: 32, сл. 14) (рис. 2: 30).

Ношение венца поверх платка стимулирует их функциональное разделение. Венок берет на себя несение украшений. Платок (убрус) выполняет функцию поддевания под диадемы и короны, а в повседневной обстановке надевается один. Ношение платка на венок выявляет функцию платка покрывать другие уборы и сливаться с ними (рис. 3: 3, 4, 5, 7, 9, 13).

С уменьшением количества украшений металлический венец утрачивает необходимость как функциональная деталь. Создаются предпосылки для распространения полотенчатого убора.

2.II. Полотенчатый головной убор.

Он выполняется из специально подготовленного и украшенного в определенных местах цельного несшитого полотнища ткани, укрепляемого на голове способом завязывания его же концами или обматывания его же оборотами. При симметричном способе завязывания узел находится посередине (под подбородком, на затылке, на лбу), концы занимают одинаковое положение и выпущены на равную длину. При асимметричном способе узел и выпуски конца или концов находятся с одной стороны, концы могут быть разной длины и занимать различное положение.

В полотенчатом уборе формируются украшения в виде кистей и бахромы на концах и краях полотнищ. Дополнительные украшения выполняют функцию оттягивания, фиксации конца или края убора на нужном месте. Начельная часть выделяется на полотнище драгоценной вышивкой (рис. 3: 1, 2, 5, 17, 18) (Сабурова 1997: табл. 78: 1; Альбом Мейерберга 1903: 41, рис. 79).

В рамках этнографического материала, сохранившего многочисленные варианты головных полотнищ, полотенчатый убор рассматривается как наиболее архаичный, аналогично другой драпированной одежде. Но не всякий вариант полотенчатого убора является древнейшим. История полотенчатого убора пунктирна. Люди возвращаются к нему как к простому в изготовлении и в то же время достаточно красивому. Это происходит в трудные эпохи войн и лишений (мировые войны XX в.).

По древнерусским археологическим данным полотенчатый убор выглядит упрощением ленточного и предпосылкой к появлению составного кичкообразного. Платок способен покрывать, но не держать волосы, поэтому практически при самом своем возникновении он объединяется с повязкой или шнурком, то есть становится ленточным. Полотенчатый убор не способен нести на себе обильный подвесной ярус металлических украшений, с чем справляется ленточный (рис. 3: 1). Поэтому в раннесредневековую и древнерусскую эпохи ленточный убор для молодых замужних женщин актуальнее. Это, конечно, не значит, что полотенчатого убора в Древней Руси не существовало ранее ленточного. Его носили пожилые женщины, не использовавшие обильных украшений. Применялся он при погребении, а в качестве вспомогательного — под дорогие уборы. В целом же в эпоху средневековья полотенчатый убор распространился более широко после отказа от обилия металлических украшений. В Древней Руси эти процессы были ускорены татаро-монгольским нашествием.

Русские изображения средневекового периода показывают асимметричные полотенчатые уборы с полотнищем, выпущенным с одной стороны: убор супруги Святослава на миниатюре к Изборнику 1073 г., убрус состоятельной новгородки на иконе XV в. (рис. 3: 3, 4). Убрус с драгоценно-убранным

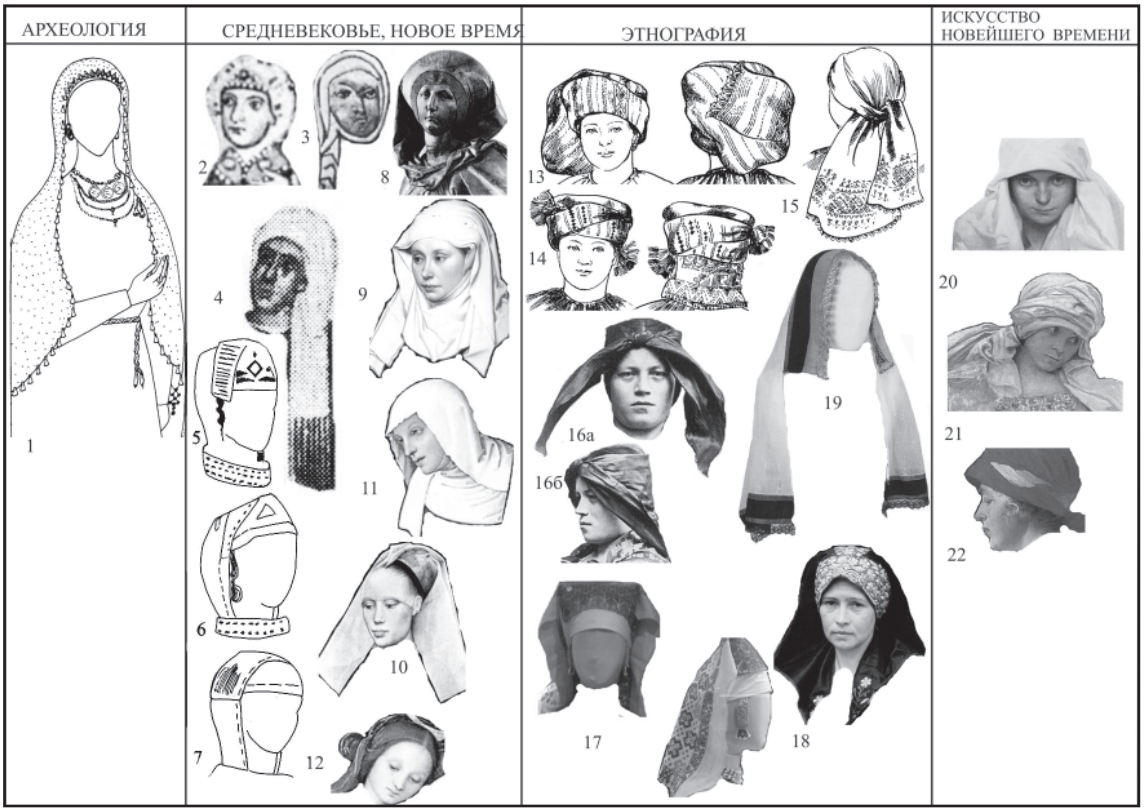

Рис. 3. Полотенчатый убор: 1 — Древняя Русь, XI в., Вологодские курганы; 2 — Княгиня Ирина, Миниатюра Трирской Псалтыри, 40—50 гг. XI в.; 3 — Изборник Святослава, 1073 г.; 4 — Молящиеся новгородцы, икона, 1467 г.; Рисунки к путешествию Мейерберга: 5 — царица, шествующая в Вознесенский монастырь; 6 — дворянка; 7 — прислужница царицы; 8 — Св. Елизавета, Мюнстерский собор, 1490—1492 гг.; 9 — Р. Кампин, «Женский портрет», 1430—1435 гг.; 10 — Рогир ван дер Вейден, 1455—1460 гг.; 11, 12 — П. Перуджино, «Оплакивание», 1495; уборы русских: 13 — головное, 14, 15 — полотенце; 16 — Кольский у., 1860-е гг.; 17 — Санкт-Петербургская губ., Ижорский у., XIX в.; 18 — Нижегородская губ., XIX в.; 19 — Рязанская губ., середина XIX в.; А. Муха, литографии: 20 — «Судьба», 1920; 21 — « Женщина с горящей свечой», 1935; 22 — «Красный плащ», 1902.

начельем надет на княгине Ирине, изображенной на миниатюре Трирской Псалтыри XI в. (рис. 3: 2).

Платки из клетчатой шерсти и растительного волокна происходят из курганных погребений вятичей Московской обл., могильников Смоленской и Вологодской обл. Убор считают полотенчатым, когда не фиксируется отдельный головной венец (рис. 3: 1). Височные кольца могут закрепляться снаружи платка Особо интересен случай из погребения конца XII в. территории Минска: прическа из кос вокруг головы держалась с помощью берестяного кружка, а сверху покрывалась платком, прямоугольный кусок шелка с вышивкой, нашитый на очельную часть платка дополнялся венком из цветов (Сабурова 1997: 95, 96).

Галерею асимметричных убрусов представительниц всех социальных слоев дают рисунки XVII в. к Альбому Мейерберга. К голове с одной стороны плотно прилегает конец полотнища, оформленный в аккуратно сложенную орнаментированную полосу, украшена и зона очелья (Альбом Мейерберга 1903: 41, рис. 79; Собрание рисунков… 1827: 55, 56) (рис. 3: 5—7).

По западноевропейским изображениям XV—XVI вв. известны симметричные многослойные полотенчатые уборы, уплотнение слоев на лбу является предпосылкой для образования сборника и шапки (рис. 3: 8). Иногда полотнище образует по сторонам угловые заломы, связанные либо с прической по форме «френч-хууд», либо с плотностью ткани (рис. 3: 9)[2]. Концы полотнища свободно опускаются сзади в виде широких лент (рис. 3: 10). Имеются и простые асимметричные уборы без украшений (рис. 3: 11).

В русском этнографическом костюме известны разные способы завязывания. Формы, образуемые при завязывании полотнища, создают основу для последующих уборов.

[2] Такая форма может быть одной из предпосылок образования формы «френч-хууда».

Довольно редкий способ завязывания впереди вверху, когда концы обрамляют лицо и голову, хорошо показывает не полное удобство полотенчатого убора, концы приходится прятать или оформлять (рис. 3: 16). Концы платка завязываются сзади, опускаясь в виде широких наспинных лент (рис. 3: 15). Завязывание образует кисти по сторонам головы, переходящие впоследствии в объемные декоративные кистевидные подвески кичкообразного убора (рис. 3: 14) (Соснина, Шангина 1999: 238). Ряд вариантов являются переходными к кичкообразному убору. При завязывании треугольного платка сзади под платком концы проходят через теменную часть и выпускаются по сторонам головы, оформляясь в завязки, завершенные плоскими украшениями ленточного типа; налобная часть платка снабжена плотной подкладкой (рис. 3: 17). Косынка с плотной золотной вышивкой хорошо оформляет голову (рис. 3: 18). Иногда из-под основного оборота полотнища вокруг головы по ее сторонам симметрично выпускаются подтыкаемые концы или завязываются узлы — предпосылка для появления рогов кички (рис. 3: 12, 20; 4: 5). В асимметричном убрусе выпущенный конец украшен длинной бахромой с кистями, дополнен кистевидной тяжелой подвеской (рис. 3: 4) (Соснина, Шангина 1999: 58).

Полотенчатый убор первым обозначил необходимость формирования цельной конструкции, начав объединение деталей (нашивки, покрывание). Но у драпированной конструкции для этого недостаточно возможностей, драпировки создают много лишнего объема. Как это ни парадоксально звучит, но ради объединения полотенчатый убор разделяется на сшиваемые детали кроя (рис. 3: 19). Оформляются завязки, из отдельной полосы выполняется начельная деталь (Славяне Европы 2008: 113, № 26).

2.III. Составной мягкий головной убор — кичкообразный (рис. 4).

Эта стадия убора возникает на основе ленточных и полотенчатых форм. Убор приобретает различные формы в зависимости от способа завязывания полотнища и конфигурации венчика.

Из-под оборота ткани, плотно обвязывающего голову, выпускаются концы платка, образующие вверху возвышающиеся объемы, прообраз рогатых кичек (рис. 4: 3, 5, 7, 8, 10, 11). Плотный венчик, который носился под платком, дополняется тульей, образует возвыше-

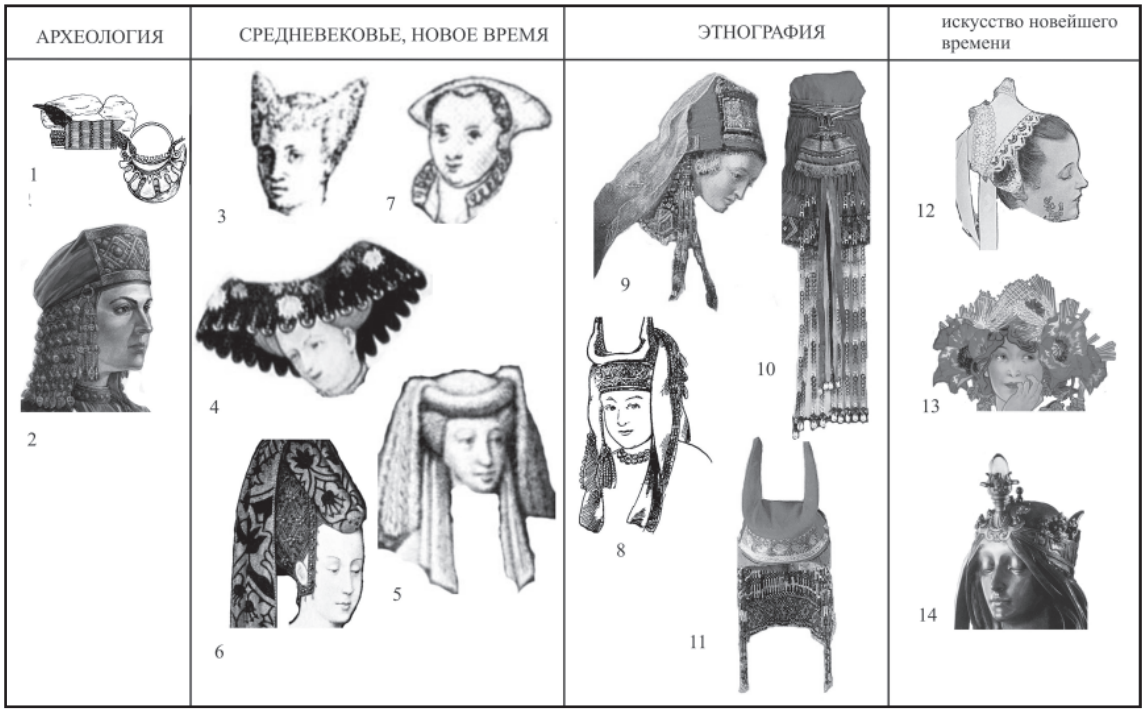

Рис. 4. Кичкообразный убор. Древняя Русь: 1 — Беседы, Московской обл.; 2 — клады XII—XIII вв. в с. Сельцо Новгородской обл. и Старой Рязани, 1967 г.; 3 — Италия, 1598 г. (зарисовка Чезаре Вечеллио); 4 — Франция, XV в. (Д. Жакерио); 5 — «Сад любви», Бургундия, 1415 г.; 6 — неизвестный художник, «Изабелла Португальская», XVI в.; 7 — горожанки среднего слоя, рисунок из книги «Описание Англии», конец XVI в.; 8 — русская сорока; 9 — неизвестный художник, «Женщина с мальчиком у колодца, вторая половина XIX в.; 10, 11 — Рязанская губ. XIX — начало XX вв.; А. Муха. Литографии: 12 — «Вереск», 1902 г., 13 — дизайн плаката пива, 1897; 14 — декоративный светильник «Природа», 1889.

ние впереди — лопатообразную кичку (рис. 4: 9, 14). Концы платка, расходящиеся широко в стороны, образуют формы кичек с крыльями (рис. 4: 4).

Многочисленные украшения, свойственные предшествующим формам уборов, присоединяются к верхнему нарядному чехлу кички — сороке: перья, косицы, ленты, наушники. Согласно данным археологии, в кичкообразный убор могли входить и височные кольца (рис. 4: 1, 2, 3, 9—11, 13) (Сабурова 1997: табл. 77).

Составная конструкция создает и свои украшения, происходящие от новых завязок. Завязки и связки в виде выделенных шнуров и лент — главный способ соединения частей кичкообразного убора в общую конструкцию (рис. 4: 8) (Соснина, Шангина 1999: 302). Украшений-завязок образуется несколько пар. Во-первых, привязывается сама сорока, во-вторых, кичка, в-третьих, позатыльник. Все концы завязок выходят на боковые зоны головы: от заднего края уха до лобно-височной части на расстоянии 7—10 см (рис. 4: 9—11). Выпускаемые наружу завязки оформляются кистями, шерстяными, бисерными, и колоколообразными металлическими подвесками (рис. 4: 2, 9) (Моисеенко, Фалеева 1990: рис. 7, 37). Шерстью, куделью, обильными и плотными бисерными нитями имитируются волосы (рис. 4: 10).

Сведения о древнерусском кичкообразном уборе можно гипотетично относить ко второй половине XI в. Основанием для этого служит комплект украшений: поднизи к позатыльнику и колоколовидные рясна из кладов (рис. 4: 2). Признаками кичкообразных уборов в погребениях являются шерстяные жгуты и кисти, кроеные детали, многослойность конструкции. В погребениях подмосковных вятичей слои убора прослежены в таком порядке: лубяная основа высотой 7,5 см; шерстяная ткань и шнуры для крепления височных колец; нашитая узорная лента (начелье). Шерстяные нити имитировали волосы. Найдена выкроенная деталь подтреугольной формы из шерсти (рис. 4: 1) (Сабурова 1997: 96).

Высокие формы западноевропейских средневековых головных уборов происходили от укладки концов платка валиком наверху, такие уборы сохранили оформленные под сетку петли для ушей — реликт преж-

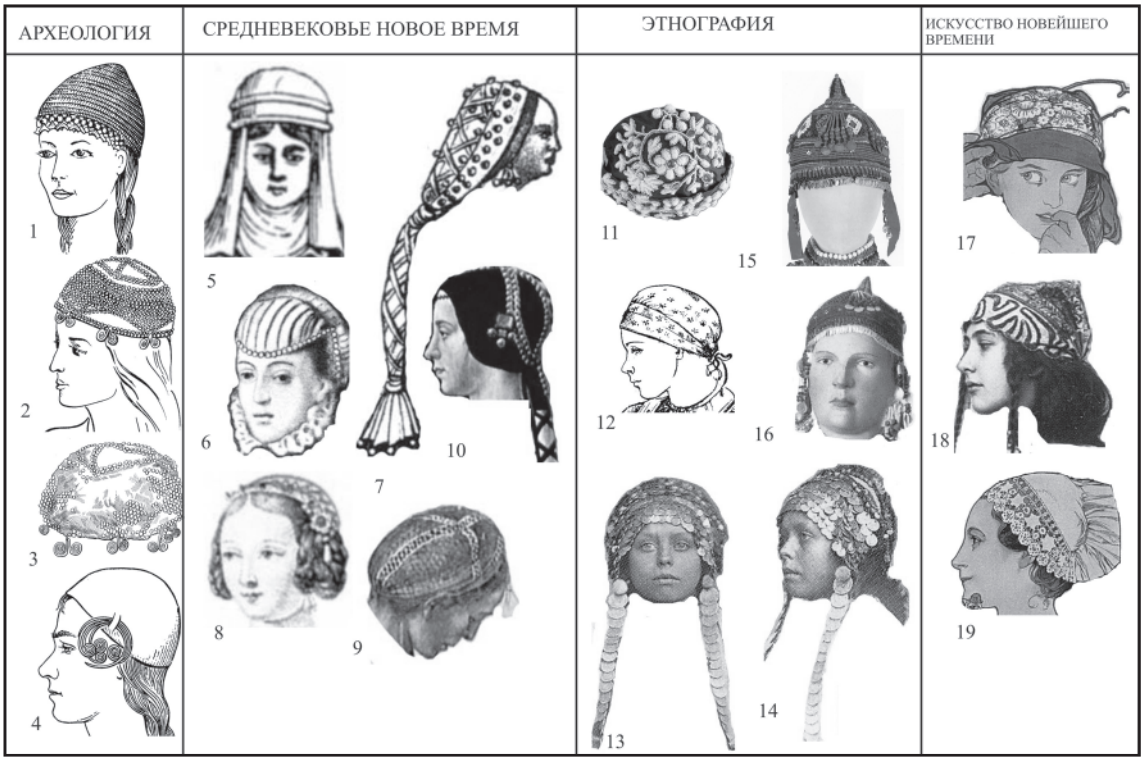

Рис. 5. Шапки: 1—4 — головные уборы литовцев VI—XIII вв.; 5 — миниатюра XII в., «Англо-норманские дамы; 6 — школа Санчеса Коэльо, «Донна Джованна Фельдрин», XVI в., Испания; 7 — Х. Вейдиц, «Знатная дама из Севильи», 1529 г.; 8 — «Элеонора Австрийская», XVI в.; 9 — Лука Синьорелли, «Легенда о св. Бенедетто», XVI в.; 10 — Бернардино дей Конти, «Беатриче д'Эсте», 1494 г.; 11 — Новгородская губ., середина XIX в.; 12 — сборник, повойник, волосник; 13, 14 — мордва, XIX в.; 15, 16 — чуваши 1860-е гг.; А. Муха, литографии: 17 — «Хор моравских учителей», 1911 г.; 18 — модель, позирующая в мастерской А. Мухи, 1898 г.; 19 — «Синеголовник», 1902 г.

них украшений ленточного убора (рис. 4: 6). Образовались и широкие головные уборы с крыльями, покрывающими боковую двустороннюю прическу (рис. 4: 4).

Кичкоообразный убор соответствует южнорусскому этнографическому комплексу (Калашникова 2002) (рис. 4: 9—11). Надевание и ношение кички, состоящей из нескольких деталей, было трудным процессом, она довольно много весила. Рационализация вела к выработке слитной конструкции убора. Цельный, легкий и легко надеваемый убор удобен и для повседневности, и для праздника.

2.IV. Головные уборы типа шапки сфероконической формы.

Различные формы шапок, повторяющие форму головы, складываются на базе венца ленточного и полотенчатого уборов (рис. 5). Какое-то время они сохраняют украшения, связанные с предшествующими стадиями. Но цельный головной убор начинает освобождаться от прикрепляемых и подвесных украшений. Венец не отделен конструктивно, его зона не берет на себя несение украшений, завязки не нужны. Оригинальным для шапки украшением является вертикально стоящее навершие (рис. 5: 15).

Одной из предпосылок для шапки является умножение венца, его «рост» вверх. Это характерно для средневековых балтских головных уборов, тулья литовских шапок по структуре аналогична венцу с нанизанными металлическими трубками и спиральками. У литовских шапочек сохраняется крепление височных колец в варианте наушников, типичных для венцов и ленточных уборов (рис. 5: 1—4) (Финно-угры 1986: табл. CXXII, CXXV).

В этнографических уборах мордвы и чувашей тулья образована рядами монет и бисера. Эти уборы сохраняют ленты с нашитыми или надетыми украшениями (рис. 5: 13—16) (Славяне Европы 2007: 76, 160, № 92).

Западноевропейские средневековые головные уборы типа шапок также сохраняют детали ленточных головных уборов и венцов: линии основных несущих обручей выделяются на поверхности убора и иногда сохраняют функциональность (рис. 5: 5—10). Тулья шапки имеет фактуру сетки, покрывающую и косы (рис. 5: 7, 9, 10).

Русские этнографические уборы типа повойников и сборников показывают свою связь с полотенчатым убором и венцом. Оборот ткани полотенчатого убора, плотно охватывающий голову, дает основу для нижней детали сборника и повойника (рис. 5: 17, 18). Покрывающая голову часть полотнища переходит в тулью, собираемую на сборку (рис. 5: 11, 12, 19) (Русский традиционный костюм… 1999: 222). Головной убор типа сборника чаще предназначался для работы и повседневной обстановки, хотя известны и праздничные варианты (рис. 5: 11). Неплотные шапочки-волосники в русских боярских погребениях XV—XVI вв. поддевались под другие уборы.

2.V. Кокошник.

Это жесткий цельный головной убор, как правило, зрительно увеличивающий голову. Его формы происходят от конкретных видов предшествующих уборов и причесок. Некоторые кокошники сохраняют остатки составной стадии.

В археологическом материале кокошники трудно отличить от кичек. В погребениях с кокошниками в изобилии встречаются береста и луб, покрытые тканью и бляшками. Археологически известные кокошники сохраняют в своих конструкциях височные кольца — традиции венца и ленточного убора. М. А. Сабурова реконструирует кокошник расширяющейся формы по погребению в кургане № 36 могильника Новинки I Вологодской обл. (Седов 1994: рис. 16) (рис. 6: 1); цилиндрической формы — по кургану № 1 в с. Юдичи территории радимичей (Седов 1994: рис. 15) (рис. 6: 2). По погребениям Смоленской обл. восстанавливается кокошник в форме «нимба» с широким округлым верхом. По материалам Харлаповского могильника с кокошником сочетается ношение височных колец в системе наушников (Сабурова 1997: 97).

По зарисовкам иностранцев в России XVII в. известны формы кокошника, находящие параллели с этнографией и археологией (Альбом Мейерберга 1903: 24, рис. 60) (рис. 6: 3, 4).

В Западной Европе к типу кокошника можно отнеси ряд уборов XIII—XVI вв., сформировавшихся на основе ленточного (френч-хууд) и полотенчатого уборов, а также — капюшона. На их поверхности сохраняются боковые украшения (рис. 6: 5—8).

Русская этнография предоставляет формы кокошника в изобилии. Высокие кокошники расширяющейся формы происхождением, вероятно, связаны с высокой девичьей повязкой, которая получает закрытый верх (рис. 6: 1, 3, 9, 18). Невысокие кокошники цилиндрической формы связаны с ленточным убором, они уплотняют и увеличивают венец (рис. 6: 2, 4, 7). Известны формы кокошников, происходящие от кички, с роговыми выступами или лопатообразным завершением (рис. 6: 10, 13, 14) (Славяне Европы 2008: 58; 99, № 12). Наиболее крупные кокошники, получившие

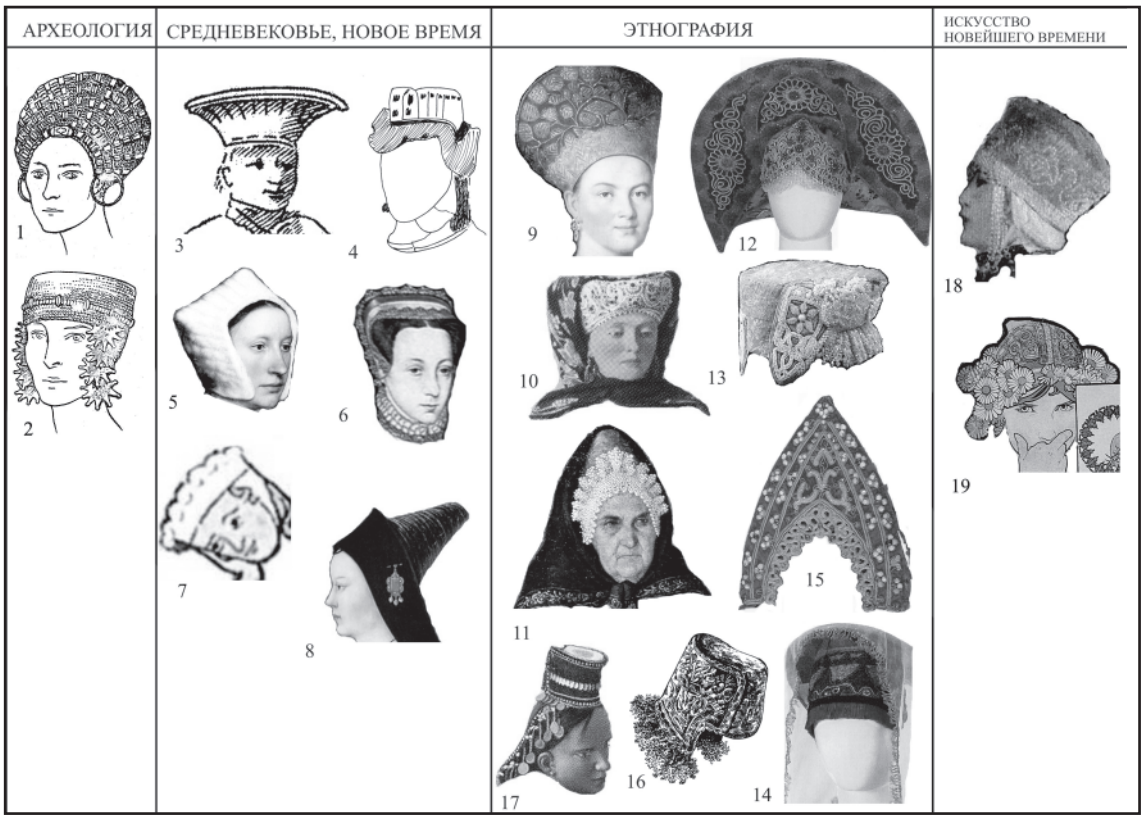

Рис. 6. Кокошник: 1 — курган 36, могильник Новинки I Вологодской обл., реконструкция М.А. Сабуровой; 2 — курган 1, с. Юдичи, территория радимичей, реконструкция М.А. Сабуровой; рисунки из Альбома Мейерберга XVII в.: 3 — крестьянка; 4 — русская дворянка; 5 — Ганс Голбейн Младший, портрет дамы с белкой, 1530-е гг.; 6 — Ганс Эвоутс, «Мери Фиц-Алан, Герцогиня Норфолкская», 1555 г.; 7 — Западная Европа, XIII в.; 8 — Ганс Малер, «Мария Бургундская», XV в.; 7 — И.П. Аргунов. «Портрет неизвестной крестьянки в русском костюме», 1784 г.; 8 — уральская казачка, фото 1880-г гг.; 9 — северо-русский кокошник, Олонецкая губ., середина XIX в.; 10 — А.В. Тыранов, «Портрет ржевской купчихи», начало XIX в.; русские, конец XVIII — начало XX в.: 11 — Ярославская губ., 12 — Костромская губ.; 13 — мордва, 1880-е гг.; 14 — Ярославская губ., середина XIX в.; 15 — А. Рябушкин, «Русские женщины XVII столетия в церкви», 1899 г.; 16 — А. Муха, «Салон ста», 1897 г.;

название «гребень», развивают дугообразный обруч вокруг головы и лица и, возможно, связаны со свадебными венцами (рис. 6: 12, 15) (Славяне Европ 2008: 88, № 1; 118, № 35). Однорогие кокошники, возможно, связаны своим происхождением с конусовидной шапкой или капюшоном и утрируют эти формы (рис. 6: 8, 11, 15). Кокошник уходит от необходимости закрыть всю голову, иногда он покрывает только волосы, собранные в небольшой пучок наверху, остальное слегка прикрывается поднизью (рис. 6: 16, 17) (Славяне Европы 2008: 41; Соснина, Шангина 1999: 110).

От украшений всех предшествующих стадий кокошник более всего сохраняет поднизь из жемчуга или бисера к налобному краю убора. Иногда здесь вырастают внушительные столбики из жемчуга (рис. 6: 10—12, 16, 17). Дополнительных снимающихся украшений кокошник практически не содержит. В общей слитной форме убора можно лишь узнать реликты украшений прежних конструкций: ленты, лопасти-наушники, крылья (рис. 6: 5—7, 10, 12, 13, 17, 19). Некоторые варианты кокошников выделяют ленточное очелье богатой орнаментацией, другие дополняются платками (рис. 6: 10, 11, 17).

Кокошник переводит металлические и бисерные украшения на новую стадию. Он открывает уши и стимулирует развитие серег — отдельных ушных украшений, присоединяемых к мочке, имеющих деталь, так и называемую «мочка». Мочка, как правило, перпендикулярно развернута к орнаментальной плоскости серьги. Подвески потеряли связь с головным убором (рис. 6: 9, 10).

Общая линия эволюции архаического головного убора выглядит пунктирно, но в принципе может быть более развернутой и подробной. Нашей задачей было продемонстрировать ретроспективный метод работы с использованием источников различных эпох и регионов.

Литература

Агапов А.С., Сарачева Т.Г. 1997. О способах ношения височных колец. РА (1), 99—108.

Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII в. 1903. Санкт-Петербург.

Волкайте-Кулискаускене Р.К. 1986. Одежда литовцев с древнейших времен до XVII в. В: М.Г. Рабинович (отв. ред.). *Древняя одежда народов Восточной Европы.* Москва: Наука, 146—171.

Вейс Г. 2000. *История цивилизации.* Москва: ЭКСМО-ПРЕСС.

Волков Ф.Л. 1916. Этнографические особенности украинского народа В: Волков Ф.К., Грушевский М.С, Ковалевский М.М. (под ред.). *Украинский народ в его прошлом и настоящем.* Т. II. Петроград, 455—647.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. 1996. *Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст.* Раннеславянский мир 3. Москва: Институт археологии РАН, Курский областной археологический музей.

Гринкова Н.П. 1955. Височные украшения в русском народном женском костюме. *Сборник МАЭ.* Т. XVI. Москва; Ленинград: Наука, 24—40.

Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А. 1999. Мурома. В: М.Г. Иванова (отв. ред.); *Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века.* Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 89—118.

Дешпанде О. 2004. *Индийская миниатюра*. Санкт-Петербург: Аврора; Калининград: Янтарный сказ.

Жилина Н.В. 2001. Реконструкция металлического убора по кладам второй половины XI — начала XII вв. с территории кривичей и словен. *Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научного семинара за 2000 год.* Псков, 192—206.

Жилина Н.В. 2006. Шумящие украшения в славяно-русском уборе. В: *Интеграция археологических и этнографических исследований. Сборник научных трудов.* Томилов Н.А. (гл. ред.), Бережнова М.Л. (отв. ред.). Красноярск; Омск: Омский филиал Института археологии СО РАН, 194—199.

Зеленин Д.К. 1991. *Восточнославянская этнография.* Москва: Главная редакция восточной литературы.

Калашникова Н.М. 2002. *Народный костюм.* Москва: СВАРОГ И К.

Левашева В.П. 1968. Венчики женского головного убора из курганов X—XII вв. В: Крупнов Е.И. (отв. ред.) *Славяне и Русь.* Москва: Наука, 91—97.

Левинсон-Нечаева М.Н. 1959. Ткачество в русской деревне X—XIII вв. по данным археологических раскопок. *Труды ГИМ.* 33. Москва: Государственный исторический музей, 9—37.

Мельник Е.Н. 1901. Раскопки в земле Лучан, произведенные в 1897—1898 гг. *Труды XI АС в Киеве.* Т. I. Киев, 479—576.

Моисеенко Е., Фалеева В. 1990. *Бисер и стеклярус в России XVIII — начало XX века.* Ленинград: Художник РСФСР.

Радојковић Б. 1969. *Накит Кот Срба*. Београд: Музеј применьене уметности.

Родинкова В.Е. 2008. Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ) В: Гавритухин И.О., Обломский А.М. (отв. ред.). *Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир* 9. Гл. 7. Москва: Институт археологии РАН, 358—388.

Сабурова М.А. 1974. Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции). *СА.* (2), 85—97.

Сабурова М.А. 1997. Древнерусский костюм. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *Археология. Быт и культура.* Гл. 4. Москва: Наука, 93—109.

Самоквасов Д.Я. 1915. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского у. Курской губ., произведенных в 1909 г. Москва.

Седов В.В. 1982. *Восточные славяне в VI—XIII вв.* Археология СССР. Москва: Наука.

Седов В.В. 1994. *Очерки по археологии славян.* Москва: Институт археологии РАН.

Славяне Европы и народы России. К 140-летию первой этнографической выставки 1867 года. 2008. Санкт-Петербург: Российский этнографический музей.

Собрание рисунков к путешествию Мейерберга. 1827. Санкт-Петербург.

Сокровищница мира. Ювелирное искусство Индии в эпоху Великих Моголов. Коллекция Ас-Сабах. 2009. Мануэль Кин, Салам Каукджи. Национальный музей Кувейта; Thames & Hudson.

Соснина Н., Шангина И. 1999. *Русский традиционный костюм. Иллюстрированная энциклопедия.* Санкт-Петербург: Искусство-СПБ.

Степанова Ю.В. 2009. *Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья.* Тверь: Тверской государственный университет.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. 1987. Рыбаков Б.А. (отв. ред.). Археология СССР. Москва: Наука.

Хвойко В.В. 1904. Раскопки могильника при с. Броварки Гадячского уезда Полтавской губ. В: *Древности* XX, 2. Москва, 40—48.

Шпилев А.Г. 2005—2009. Об одном типе погребальных головных уборов у южных северян в конце X—XI вв. *Stratum plus* 5, 338—351.

Статья поступила в номер 5 октября 2009 г.

Natalia Zhilina (Moscow, Russia). Doctor of historical sciences. Russian Academy of Science, Institute of Archaeology.

Natalia Zhilina (Moscova, Rusia). Doctor în ştiinţe istorice. Academia de Ştiinţe a Rusiei, Institutul de Arheologie.

Жилина Наталья Викторовна (Москва, Россия). Доктор исторических наук. Учреждение Российской Академии Наук, Институт археологии РАН.

E-mail: nvzhilina@yandex.ru

О. В. Кузьмина

«Облечётся в красные, и в червленыя, и в багряныя одежды»
(древнерусская верхняя мужская одежда XIV—XV веков)

O. V. Kuzmina.

"He will put on red, dark red and purple clothes" (early Russian upper clothing of men in 14 —15 cc.)

The author studies male outerwear of the Russian townspeople in 14—15 cc. and elucidates elements of costume, borrowed from west and east. Costume occupied an important place in life of medieval people. Their world view was to a large extent reflected in clothes. The article also brings to light some customs and beliefs related to the Russian male costume. Such complex approach allows a better understanding of medieval mentality.

O. V. Kuzmina.

„Se va îmbrăca în haine roşii, şi purpurii, şi roşii întunecate" (îmbrăcămintea superioară bărbătească din Rusia Kieveană din secolele XIV—XV).

Articolul examinează îmbrăcămintea superioară bărbătească din oraşele Rusiei Kievene din secolele XIV-XV. Sunt evidenţiate elementele costumului, împrumutate din est şi din vest. Costumul ocupa un loc important în viaţa oamenilor medievali. Articolul prezintă obiceiurile şi convingerile, legate de costumul rus bărbătesc. O asemenea abordare complexă permite o înţelegere mai bună a mentalităţii oamenilor din Evul Mediu.

О. В. Кузьмина.

«Облечётся в красные, и в червленыя, и в багряныя одежды» (древнерусская верхняя мужская одежда XIV—XV веков).

В статье исследуется верхняя мужская одежда русских горожан XIV—XV вв. Выявляются элементы костюма, заимствованные с Запада и Востока. Костюм занимал важное место в жизни средневековых людей. Их мировоззрение во многом нашло свое отражение в одежде. В статье приводятся обычаи и верования, связанные с русским мужским костюмом. Такой комплексный подход позволяет лучше понять менталитет людей средневековья.

Keywords: History of costume, Ancient Rus, male costume.

Cuvinte cheie: istoria costumului, Rusia Kieveană, îmbrăcămintea bărbătească.

Ключевые слова: история костюма, Древняя Русь, мужская одежда.

Основные виды мужской одежды исследуемого периода перечислены в новгородской берестяной грамоте № 141 (XIII в.): «кожух», «свита», «сороцица», шапка, сапоги. Кожух — шуба, свита — верхняя одежда, сорочка — нижняя рубашка. На сорочку в теплое время года надевали либо верхнюю рубаху, либо свиту.

Нарядные, шелковые рубахи из боярских и княжеских погребений конца XV—XVII вв. достаточно короткие — до колена или чуть ниже. Однако в новгородских рукописных книгах XIV в. можно найти миниатюры, на которых мужчины изображены в длинных парадных рубахах. На миниатюрах Радзивилловской летописи мужчины изображены в рубахах разной длины — от очень коротких, не доходящих до колена, до очень длинных — достигающих щиколоток. Различия в длине рубах зависели от занятий персонажей миниатюр и от их социального положения. Князья в мирной жизни изображены и в коротких, и в длинных цветных рубахах. Сопоставление летописного текста и изображения на миниатюрах позволяет предположить, что длина рубахи демонстрировала возраст князя — более старшие князья носят соответственно и более длинные одежды. Во время похода князь на коне изображен в короткой рубашке. Знатные люди на миниатюрах Радзивилловской летописи всегда изображены в длинных рубахах или других длиннополых одеждах. Простые воины —

© О. В. Кузьмина, 2010.

в коротких рубахах под доспехами. Однако военачальники, бояре даже в доспехах изображены в длинных рубахах. Ремесленники, простые горожане, скоморохи одеты в короткие рубашки, не доходящие до колен. Итак, судя по изобразительным источникам, в костюме богатых, знатных горожан присутствовали и короткие, и длинные рубахи. Длинная нарядная одежда свидетельствовала о достатке человека и его социальном статусе.

Непосредственно на рубаху надевалась свита. По-видимому, это была наиболее распространенная верхняя одежда горожан в исследуемый период. Многочисленны упоминания свит в письменных древнерусских источниках (Срезневский 1912: 275—276; Зализняк 2004: 444). Вероятно, именно в свиты одеты новгородские бояре на иконах XV в — «Молящиеся новгородцы» и «Битва новгородцев с суздальцами». В списке XV в. «Русской правды» читаем: «А се о шевци. Аще швец исказит свиту, не умея шити или гневом, да ся биеть, а цены лишен» (Летопись Авраамки 2000: 297). То есть, свиты шили на заказ профессиональные портные — «шевцы». Это свидетельствует о сложном покрое изделия, требующего профессиональных навыков при шитье, а так же об определенном социальном статусе вещи. Нарядные свиты, шитые на заказ, явно были одеждой состоятельных горожан. Впрочем, термин «свита» в древнерусских источниках несколько размыт, под ним, возможно, подразумевалось несколько видов верхней мужской одежды. Так, в Житии Нифонта по списку 1219 г. читаем: «Свиты царскыя и брачныя и красны видением».

Особые темные свиты носили монахи и послушники (Срезневский 1912: 275). Свиты носило и белое духовенство. В послании митрополита Киприана читаем: «Мирянина священника погрести сице: измыв его и в срачицу нову оболок и в свиту тако же, также и во стихарь и петрахиль и фелонь» (Срезневский 1912: 275). Монашеская свита обязательно туго подпоясывалась. В документе «Завет мнихом уным в кельи житье» из Келейных правил инокам, по списку XIII—XIV вв. читаем: «Риза же ти проста свита, от сукна самотворена, будь притяжена к телеси; пояс не выше чресл опоясатися, прост кожан». В поучении монахам XIV в. указано, что свита должна быть «притяжена к телеси… ни слабо, яко же раздиратися свите», то есть, монашеский обычай туго перепоясывать свиту объяснялся не только православной традицией, но еще и бережливостью по отношению к одежде. В поучениях особо подчеркивается, что монахи должны носить не покупные свитки и пояса, а изготавливать их сами, в монастыре: «створить свиты и препоясания многа различная» (Срезневский 1912: 275). Как выглядела монашеская свита, можно представить себе на основе находки одежды XI в. из гробницы преподобного Никиты Столпника Переславского. Одежда была распашной, отрезной сзади по талии, имела сзади оборки и шерстяную «подоплёку» на спине (Ёлкина 2000: 18—20). Такой покрой сохранялся в мужской одежде старообрядцев до XX в. (Русский традиционный костюм 2001: 291—292).

Судя по изобразительным источникам, свита горожан шилась из цветной ткани, вероятно, из сукна, длиной до колена или немного длиннее. Застегивалась свита при помощи парных петель и пуговиц. На некоторых изображениях новгородской свиты XIV в. виден воротник-стоечка. В XIV в. свиты в основном носили накладные, с разрезом спереди от горловины до пояса. Но существовал и другой тип свиты — отрезная по талии со сборками. Нижняя часть свиты — от талии до подола спереди запахивалась, обеспечивая свободу движения. В таких свитах на миниатюрах изображены ремесленники и скоморохи.

В XV в., судя по изобразительным источникам, покрой новгородской свиты меняется — это уже распашная одежда без воротника — «голошейка», приталенная, с подкладкой контрастного цвета. На московской иконе конца XV в. «Митрополит Петр с житием» на князе и боярах изображены свиты с отложными воротниками. Впрочем, вполне возможно, что на данном источнике уже изображен кафтан. Термин «кафтан» по-

Рис. 1. Изображение мужских рубах на клейме иконы «Георгий с житием», Новгород, XIV в.

является в русских письменных источниках именно в конце XV в. В «Хождении за три моря» Афанасий Никитин, описывая костюм индийских вельмож, применяет термин «кафтан» как понятный русским читателям: «князи и бояре… на себя въздевают порткы, да сорочицу, да кафтан» (Хожение за три моря Афанасия Никитина 2005: 357).

Рубахи и свиты были исконно русской одеждой. Однако мужчины в Новгороде в исследуемый период не чурались и иноземной моды. Западноевропейские купцы прочно обосновались в Новгороде с XII в. На Петровом подворье существовала швейная мастерская, и новгородцы покупали сшитую в фактории одежду (Сквайрс 2002: 61). Портновское ремесло, как источник доходов было запрещено в фактории около 1325 г. (Сквайрс 2002: 112), однако новгородцы, очевидно, продолжали высоко ценить шитую немецкими мастерами одежду. Известен случай, когда новгородские власти приняли взятку от ганзейских купцов в виде одежды из дорогих сукон алого и фиолетового цветов (Русско-ливонские акты 1868: 56—61). Речь явно шла об одежде, сшитой немецкими мастерами-портными. Именно мастерство немецких портных так высоко ценили новгородские бояре, что потребовали в виде взятки готовую одежду, а не рулоны ткани. Ведь они могли бы потом сшить из дорогого сукна себе одежду у новгородских портных, если бы те не проигрывали по качеству немецким коллегам. Разумеется, нельзя исключать вероятность, что речь шла о сшитых немецкими портными одеждах по русскому образцу. Но это маловероятно, учитывая, что речь идет не о сшитых в фактории костюмах (швейная мастерская на Петровом подворье уже шесть лет как была закрыта), а о привезенных ганзейскими купцами готовых одеждах. «Шуба немецкая» упоминается в списке имущества некоего новгородца в берестяной грамоте № 500 (нач. XIV в.) (Зализняк 2004: 543). Следовательно, особого предубеждения против немецкого платья в Новгороде в исследуемый период не было. Только черному духовенству запрещалось носить немецкое платье: «Ни немецького платиа носити, ни с пухом шуб носити» (1479 г., завещание Ефросина Псковского).

В XV в. в письменных источниках появляется еще одно название мужской одежды — терлик. Традиционно это слово переводят как узкий кафтан, надеваемый на нижнюю рубаху. В Никоновской летописи под 1412 г. находим эпизод, в котором говорится, что князь Василий Михайлович Кашинский «преже всех погна на кони в одном терлике и без кивери». Видимо, на терлик полагалось надевать что-то еще, и лишь крайняя спешка заставила князя вскочить на коня фактически полуодетым, даже без шапки (кивера). Кивер как вид шапки впервые упоминается в послании митрополита Киприана (конец XIV в.), однако упоминание терлика исследователи считали более поздней вставкой. Но есть источник конца XV в., в котором также упоминается терлик: князь верейский и белозерский Михаил Андреевич завещал своему зятю «терлик камка голуба с пуговицами» (Духовные и договорные грамоты 1950: 312). То есть, терлик был дорогой одеждой, шитый из шелка, вероятно, распашной. Был ли терлик в исследуемый период исключительно княжеской одеждой или его носили и другие сословия — неизвестно. В начале XVI в. в источниках можно найти уже упоминания о терликах, шитых из недорогой ткани («крашенины»), но для XV в. таких данных нет.

Верхние рубашки и свиты обязательно подпоясывались. Значение пояса в мировоззрении средневекового человека было очень велико. Недаром бытовало столько слов, обозначающих этот предмет одежды: пояс, опояска, гашник, кушак… Пояс в средневековой Руси выполнял не только утилитарную функцию (стягивал одежду), но также обрядовую и социальную. Если пояс был тканым, то он завязывался на два узла на животе. Узел («науз») обозначал союз, завязь, живот, жизнь. На покойниках пояс завязывали одним узлом, чтобы облегчить переход в иной мир. Надевание на себя опояскок с наузами в ис-

Рис. 2. Скоморох в свите с застежкой до пояса. Инициал «Х». Псалтирь XIV в.

следуемый период было распространенным способом волхвования, осуждаемый в поучительной литературе: «Хотя мало поболит или жена или дитя, то оставиша Бога, врача душам и телам, ищем проклятых баб, чародейниц наузов… Глаголющи, как наузы навязывати» (Даль 1994: 345). На иконе «Молящиеся новгородцы» на детях надеты опояски с наузами. Четко видны по два узла на концах поясов. Можно предположить, что это были колдовские наузы, призванные усилить действие красного пояса-оберега и защитить детей от болезни и порчи.

Веревка («вервие») как знак собственности известен на Руси издавна. «Вервью» называли общину людей, живущих на одной территории. Простейший пояс — это веревка, повязанная вокруг талии. Но любой пояс подобен веревке и следом за ней стал восприниматься как символ обладания. Пояс был обязательным предметом свадебных обрядов. Применялся пояс и в лечебной магии. Существовал обычай снимать с больного поясок и бросать на дорогу, поднявший его заболеет (хворь к нему привяжется), а хозяин выздоровеет (Афанасьев 1986: 208).

Пояс был той границей, что отделяет человека от неведомой и нечистой силы. Чтобы совершить колдовство, следовало снять пояс. Нечистая сила ходит всегда неподпоясанная. По другим поверьям с помощью заколдованного пояса можно было превратить человека в волка. Человеческий облик к нему возвращается только когда пояс изотрется и лопнет (Афанасьев 1986: 210). Мужской пояс часто выступал в качестве самостоятельного оберега, который вывешивался в охраняемом пространстве или прикреплялся к охраняемому объекту. В погребальных обрядах пояс также принимал участие. После выноса тела покойника в некоторых областях России ворота завязывали красным поясом, чтобы «закрыть» живым дорогу на тот свет (Афанасьев 1986: 217).

Состоятельные горожане в исследуемый период носили кушаки — длинные широкие пояса, обхватывающие талию несколько раз. Такая манера ношения кушака (узел и свисающие кисти спереди) видна на скульптуре мастера Авраамия на Сигтунских вратах Новгородской Софии. В былине о Василии Буслаеве «его то дружину храбрую кушаками исперевязали».

Особое место в мужском костюме занимал наборный пояс — ремень, украшенный металлическими бляшками, свободный конец которого оформлялся поясными наконечниками. Основное время бытования на Руси таких поясов — домонгольский период, однако археология Новгорода и Новгородской земли знает находки поясных накладок и обрывков поясов XIV—XV вв. В сказаниях многих народов фигурирует пояс, придающий его обладателю чудесную силу. У славянских народов считалось, что пояс увеличивает мужскую силу (Маслова 1984: 46). Эта связь пояса с фаллическим культом сохранялась в христианской Руси. Мужчины носили длинные кожаные пояса, так, что конец пояса, украшенный наконечником, свисал примерно до середины бедра. Такая манера носить ремень сохранилась с языческих времен, когда пояс олицетворял мужскую силу, а свисающий конец — фаллос. По христианским представлениям пояс обозначал силу, крепость, власть и готовность к служению. В церковном сознании священнический или монашеский пояс — это знак духовной силы, готовности служить людям. В средневековой Руси верили, что с помощью пояса священника можно лишить нечистую силу способности двигаться.

В княжеских духовных грамотах вплоть до конца XVI в. присутствуют описания драгоценных поясов, передаваемых из поколения в поколение. К примеру, Иван Калита пишет: «А при своем животе дал есть сыну своему Семену 4 чепи золоты, 3 поясы золоты… А из золота дал есмь сыну своему Ивану 4 чепи золотые, пояс болшии с женчугом, с каменьем, пояс золот с капторгами, пояс сердоличен золотом окован… а из золота дал есмь сыну своему Андрею 4 чепи золоты, пояс золот фрязьский с женчюгом с каменьем, пояс золот с крюком на червчате шолку, пояс золот царевьский… а что моих поясов серебряных, а то раздадят по попьям» (Духовные и договорные грамоты 1950: 7—8).

Поскольку драгоценные княжеские пояса передавались по наследству, их судьбу можно проследить по завещаниям последующих великих князей. Так, Иван II пишет: «А се даю сыну своему князю Дмитрию… пояс великии золот с каменьем с женчюги, что мя благословил отець мой князь великий, пояс золот с крюком… а се дал есть сыну своему князю Ивану… пояс золот с каменьем с женчюги, что ми дал брат мой князь великий Семен, пояс золот сточныи» (Духовные и договорные грамоты 1950: 16).

Дмитрий Донской в свою очередь пишет: «сыну моему старишему, князю Василью… пояс золот велики с каменьем без ремени, пояс золот с ременем Макарова дела… а сыну моему князю Юрью, пояс золот новыи с каменьем с жомчюгом без ремени, пояс золот Шышкина дела… а сыну моему, князю Оньдрею… пояс золот старыи новгородский, а сыну моему, князю Петру, пояс золот с ка-

меньем пегии, пояс золот с калитою да с тузлуки… а сыну моему, князю Ивану, пояс золот татаур» (Духовные и договорные грамоты 1950: 36). Василий I завещал сыну своему Василию «пояс золот с каменьем, что ми дал отец мой, да другий пояс мои на чепех с каменьем, а третий пояс ему же на синем ремени» (Духовные и договорные грамоты 1950: 61). В духовной грамоте Василия Темного читаем: «А сына своего Юрия благославляю икона Филофеевская, да крест золот… да пояс золот на червчате ремни» (Духовные и договорные грамоты 1950: 197). Пояса выделяются и в завещаниях удельных князей. Юрий Дмитриевич Галицкий оставляет своему младшему сыну Дмитрию Шемяке «пояс золот с каменьем без ремени, чем мя благословил отец мой, князь великий Дмитрий». Согласно летописи, предлогом для феодальной войны середины XV в. послужил именно золотой пояс одного из сыновей Юрия Дмитриевича — Василия Косого. В 1433 г. на свадебном пиру князя Василия Васильевича (будущий Темный) разгорелся скандал, связанный с тем, что золотой пояс, одетый на Василии Косом, ему по праву не принадлежал. Обиженный Василий перешел на сторону своего отца — князя Юрия, что и явилось началом войны. В 1498 г. пояс участвует в обрядах, установленных после венчания великого князя: «за обедом, как бы в качестве дара, (Димитрию) был поднесен широкий пояс, сделанный из золота, серебра и драгоценных камней, которым его и опоясали» (Герберштейн 1988: 82).

Драгоценные золотые пояса были символом не только княжеской власти. В Новгороде золотой пояс, по-видимому, был знаком представителя власти Новгородской республики. Любопытно, что на иконе XV в. «Битва новгородцев с суздальцами» изображены новгородские бояре в поясах желтого цвета. Возможно, иконописец таким образом изобразил именно золотые пояса.

К сожалению, ни один из новгородских или княжеских золотых поясов до нас не дошел. Однако есть археологические находки, позволяющие понять, как выглядели эти драгоценные элементы костюма. Золотые пояса в исследуемый период были известны и в Золотой Орде. В традиционном монгольском обществе пояс и шапка — символы личной свободы. Золотые пояса носили ханы, высшие чиновники и отличившиеся старшие офицеры монгольского войска. Многочисленные находки деталей монгольских золотых поясов позволяют восстановить внешний вид этих статусных украшений.

В эпоху средневековья пояс служил своеобразным карманом — к нему подвешивались разнообразные футляры с необходимыми в быту мелкими предметами. Набор вещей, подвешиваемых к поясу, у многих народов сходен и достаточно устойчив. В Новгороде мужчины у пояса обязательно носили нож и огниво, затем, по необходимости, ложку в футляре, большую сумку (калиту, мошну), возможно, церу в футляре…

Поверх свиты в холодную погоду на Руси надевали шерстяной плащ или одежду плащевидного типа. По материалам древнерусских погребений реконструируются застегиваемые фибулами накидки. Фиксируются разные способы их ношения: 1) с застежкой на шее или у плеча, 2) с застежкой сбоку (при этом одна рука оставалась открытой). В письменных источниках упоминаются несколько видов плащей — «мятель», «вотола» («волоту»), япкытъ, а так же княжеские плащи — приволока и коць. Далее речь пойдет только о двух первых видах плащей, поскольку специфические элементы исключительно княжеского костюма в данном исследовании не рассматриваются. Особый вид плаща «корзно», который в исследованиях по древнерусскому костюму традиционно называют княжеским плащом, судя по новгородским берестяным грамотам, был плащом состоятельных горожан. Корзно упоминается в грамотах № 638 (конец XII в.) и в грамоте № 648 (нач. XIII в.). В первом случае речь идет о пошиве корзно на заказ для какого-то новгородца, причем портной намеревается оставить плащ себе. Во второй грамоте корзно входит в список предметов, принадлежащих какому-то Ваське, то есть, тоже речь идет явно не о знатном человеке. В исследуемый период плащ-корзно, видимо, выходит из употребления, поскольку больше в источниках не встречается.

Плащ «япкытъ» встречается один раз в берестяной грамоте № 138 (нач. XIV в.). В «Повести о Михаиле Тверском» находим еще один вариант написания слова: «князь Юрий повелел своим людям прикрыть тело… кыптом своим». Как установил В. А. Кучкин, так называли войлочный плащ (Зализняк 2004: 534). Покрой его не ясен.

Плащ-мятль, вероятно, появляется в XII в., сосуществует с корзно, но, в отличие от последнего, доживает до XIV в. Слова «мятль» в древнерусский язык пришло, по видимому, из средневерхненемецкого — от mantel (лат. mantum) — род верхней одежды, плащ. Впервые термин встречается в новгородских источниках XII в. В берестяной грамоте № 776 (вторая половина XII в.) упомянут «мятель в поло гривны» (Зализняк 2004: 307). В Договорной грамоте Новгорода с Готским берегом и немецкими городами (1189—1199 гг.)

мятль оценен еще выше: «оже упьхнет любо мятель роздерет, то 3 гривны старые» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова 1949: 55—56). Судя по источникам, мятль был дорогим плащом, носили его состоятельные люди. Шили плащ из цветного сукна. «Лазоревый мятль» упоминается в грамоте № 131 из Торжка (конец XII в.) (Зализняк 2004: 452). «Мятль рудаво», то есть красный, просит прислать брата новгородец Данила в грамоте № 765 (середина XIII в.) (Зализняк 2004: 566). Еще раз слово «метель» встречается в грамоте № 418 (нач. XIV в.) (Залязняк 2004: 566). Возможно, что кроился мятль полукругом, подобно плащу XIV века, найденному в болоте Бокстен (Nockert 1997: 52—55).

В литературе по истории костюма часто встречается мнение, что вотола была дешевая одежда простолюдинов. Видимо, имеет место путаница названия одежды и ткани. Ткань вотола действительно была толстая, грубая и дешевая — из льняных и посконных охлопьев (Поппэ 1965: 151—152). К примеру, в одном из источников XIV в. свита из вотолы упомянута как одежда юродивого: «и облечеся в власяницу, и на власяницу свиту вотоляну и начаша оуродство творити» (1377 г.). Возможно, что название ткани «вотола» происходит от немецкого названия этой ткани — «ватмал». Новгородская берестяная грамота № 130 упоминает термин «водмол», являющийся переходным от немецкого watmal к русскому «вотола». Однако в берестяной грамоте № 521 (вторая половина XIV — первая половина XV века) упоминается вотола ценой в полтора рубля, то есть, имеется в виду уже плащ-вотола (Зализняк 2004: 655). Отметим, что цена коня в той же грамоте названа три рубля. То есть, плащ-вотола стоил всего лишь в два раза меньше, чем конь. Следовательно, это была добротная одежда из хорошей ткани. В духовной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича (1389 г.) сказано: «А сыну моему, князю Юрию… вотола сажена», то есть, украшенная жемчугом или драгоценными камнями (Духовные и договорные грамоты 1950: 36). Еще в одном источнике упоминается вотола как вид одежды: «он же летя запяся вотолую за другую ветвь и не имая помощи оудавися ожерельем» (1406 г.), то есть, вотола в данном случае — одежда (плащ, накидка?) с воротником (ожерельем).

Митрополит Киприан в конце XIV в. писал псковскому духовенству: «А мужи бы к святому причастью в волотах не приходили, но снимаа волоты; а на ком пригодится опашень или шуба, а они бы припоясывались» (Памятники древнерусского канонического права 1880: 242). Из этого источника вовсе не следует, что вотола была настолько грубой одеждой, что в ней не следовало входить в церковь. Прочтем текст еще раз. Митрополит перечисляет три вида теплой верхней одежды — волола, опашень и шуба. Все три вида одежды могли носить внакидку на плечах. Но если опашень и шубу можно было одеть в рукава и подпоясать, то плащ-вотолу подпоясать было нельзя. Поэтому такой плащ надлежало снимать перед причастием.

Здесь следует пояснить, почему так возмутила митрополита манера псковичей носить верхнюю одежду внакидку («на опаш»), не подпоясывая. Напомним, что в христианской традиции пояс являл собой символ смирения плоти. Киприану, приехавшему на Русь из Константинополя, показалось верхом неприличия являться в церковь в не подпоясанной верхней одежде. Простым горожанам, одетым в вотолы, митрополит просто запретил входить в такой верхней одежде в церковь. Иное дело бояре, которые щеголяли в церкви друг перед другом богатыми шубами и опашнями. На Руси повсеместно бытовал обычай одевать в церковь все самое лучшее. Митрополит понимал, что заставить бояр снять символы своего богатства — шубы и опашни — он не сможет. Киприан приказал подпоясывать эту одежду. Дело в том, что митрополит видел одежду такого типа в других православных землях. К примеру, в Молдавии знатные люди носили длинную парадную одежду с декоративными откидными рукавами, отложными воротниками, застежками-петлицами, то есть, очень похожую на русские опашни. В таком одеянии изображен господарь Александр Добрый на епитрахили из монастыря Путна (XV в.) и молдавские сановники на фреске из монастыря Арборе (XVI в.). Однако носили они эту одежду не нараспашку, а застегивая на все пуговицы, а порой и подпоясывая широкими кушаками, то есть, более соответствующим, с точки зрения православной церкви, образом.

Неизвестно, послушались ли приказа в Пскове, однако в Новгороде (а Псков и Новгород входили в одну церковную епархию) призыв митрополита не был услышан. На иконе середины XV в. «Молящиеся новгородцы» новгородские бояре молятся в распахнутых опашнях, накинутых на плечи. На иконе того же века «Битва новгородцев с суздальцами», написанной по заказу архиепископа, новгородские бояре изображены в опашнях, накинутых на плечи, застегнутых на одну верхнюю пуговицу. Один из бояр в опашне преклоняет колени перед чудотворной иконой. Даже святые изображались порой в накинутых на плечи опашнях и шубах.

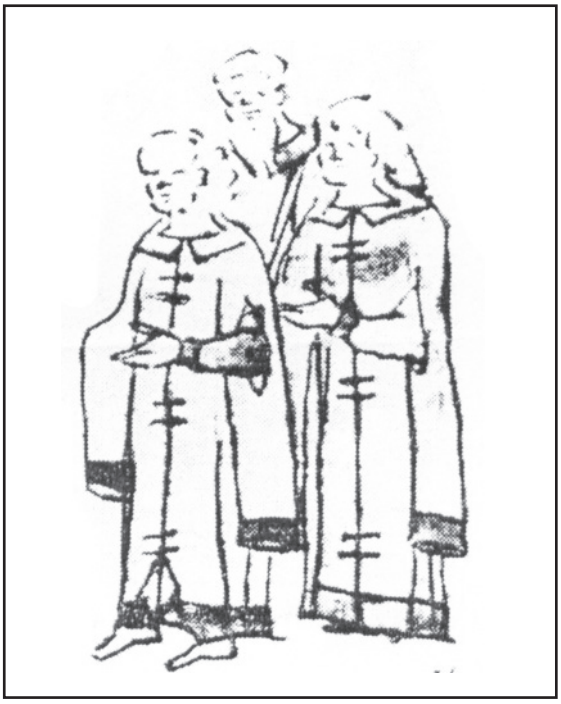

Рис. 3. Мужчины в опашнях. Миниатюра Радзивилловской летописи. Конец XV в.

То есть, на Руси просто не поняли и не выполнили требования митрополита Киприана.

Опашень был парадной выходной одеждой богатых людей в Древней Руси. Великий князь Иван Иванович в 1358 г. завещал своему сыну князю Дмитрию «опашень скорлатен сажен» (Духовные и договорные грамоты 1950: 8), то есть, опашень, сшитый из скорлата — дорогого фландрского сукна, да еще и унизанный жемчугом. Возможно, именно в опашни, сшитые из скорлата, одеты бояре на иконе «Молящиеся новгородцы». Именно по этому изобразительному источнику, а так же по иконе XV века «Битва новгородцев с суздальцами» и по миниатюрам Радзивилловской летописи можно восстановить внешний вид новгородских опашней. Опашень был длинной одеждой, скроенной таким образом, что его полы были короче спины. Ворот опашня был отложным, видимо, из шелка контрастного цвета. По краям ворот могли обшить жемчугом. Шился опашень «в два ряда», то есть с подкладкой. В духовной псковича Павла (XIV—XV вв.) упомянут «опашень дворяднеи синеи и с пыкъи поношеныи» (Марасинова 1966: 58). Подкладка опашня обычно была шелковая, отличного цвета от верха. Рукава были длинные, декоративные, руки в них не вдевали. Вдоль пол опашня нашивали около десятка пар петель и пуговицы. На большинстве новгородских источников бояре носят опашни внакидку на плечах, застегивая лишь одну верхнюю пуговицу. Однако, судя по миниатюрам Радзивилловской летописи, опашни на Руси могли носить и по-другому — застегивая на все пуговицы, продевая руки в специальные прорехи, сделанные в рукавах. К началу XVI в. опашнем стали называть одежду не только из сукна, но и из плотных сортов узорчатого шелка. Так в завещании рузского князя Ивана Борисовича упомянуты «опашень обьяринен голуб… опашень камчат дик венедицкои» (Духовные и договорные грамоты 1950: 351).

Был ли опашень в исследуемый период исключительно мужской одеждой или его носили и женщины? В пользу последнего вроде бы свидетельствует завещание верейского и белозерского князя Михаила Андреевича. Он завещал своей дочери огромный богатый гардероб, в который наряду с другими женскими одеждами входит «опашень рудожелт с пуговицами» (Духовные и договорные грамоты 1950: 312). В завещании волоцкой княгини Юлиании в списке «женского платья» находим «опашень скорлат червчет без пугвиц» (Духовные и договорные грамоты 1950: 350).

Одежда с длинными рукавами впервые упомянуты в Златоструе (XI в.): «ризы носяща блещащеся и роукав нижьша персть…» (Срезневский 1912: 192). Одежда с рукавами, спускающимися ниже кистей рук, была показателем высокого социального статуса. Она как бы демонстрировала, что человеку не надо самому работать руками. В Сборнике Кирилло-Белозерского монастыря (XV в.) упомянуты одежды с длинными рукавами: «роукава же ризе и широци а долзи» (Срезневский 1912: 192). Длинную, с декоративными откидными рукавами парадную одежду в исследуемый период носили знатные люди и на Востоке, и на Западе. Еще первый исследователь русского костюма А. Н. Оленин обнаруживал в костюме Западной Европы и Руси сходство, обусловленное наличием общих источников заимствования — Византии и Востока: «в XV веке французский король Карл VIII такую же шубу с откидными рукавами употреблял, какую носил в то же время в. к. Иван Васильевич III» (Оленин 1832: 4). Разумеется, в каждой земле были свои особенности — в крое воротников, рукавов, отделке и застежках.

Вероятно, к верхней парадной одежде можно отнести и однорядку. Впервые однорядки упомянуты в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина как подарки татарам от русских купцов. Однорядка была достаточно дорогой одеждой, входит в княжеский гардероб. Однорядка упомянута в завещании рузского князя Ивана Борисовича. Это была

длинная распашная одежда с декоративными откидными рукавами, которые спускались ниже кистей рук. Шилась однорядка из сукна «в один ряд», то есть без подкладки.

На основе письменных источников можно проследить изменения моды в Древней Руси. Так, в рассказе о походе 1378 г. читаем о потерявших бдительность воинах: «ездят порты своя с плечь спустя, а петли разстегав, аки распрели, бяше им варно, бе бо в то время знойно» (Новгородская IV летопись 2000: 307). Более поздняя летопись в том же рассказе называет конкретные виды одежды: «начаша ходити и ездити во охабнех и в сарафанех» (Никоновская летопись 2000: 27). Это первое в источниках упоминание сарафана как мужской одежды. Но учитывая, что в других источниках XIV в. ни термин «сарафан», ни «охабень» не встречается, данное свидетельство летописи можно считать позднейшим дополнением, вписанным уже в XVI в., когда данные виды одежды стали распространенными. Возможно, в Московском княжестве их носили уже в XV в. Охабень — это парадная одежда, похожая на опашень, с длинными узкими рукавами, которые откидывались за спину. Шили охабни из шелковой материи. Точно сказать, когда охабни появились на Руси, невозможно, но широко распространились в Московской Руси они лишь в XVI в. Внешний вид сарафана по источникам точно не восстанавливается, но, вероятно, это была распашная одежда, подобная кафтану.

Даже краткое исследование городской одежды Руси периода развитого средневековья выявляет множество интереснейших параллелей в истории костюма Востока и Запада. Русские люди были способны воспринять и даже переработать на свой манер как западную, так и восточную моду. Поиски схожих элементов в костюмах различных народов средневековья помогает лучше понять менталитет людей того времени, отследить торговые и культурные связи соседних народов.

Литература

Герберштейн С. 1988. *Записки о Московии*. Москва: Московский государственный университет.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. 1949. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР.

Даль В. И. 1994. *О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа*. Санкт-Петербург: Литера.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. 1950. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР.

Ёлкина И. И. 2000. Текстильные изделия из гробницы преподобного Никиты Столпника Переславского. В: *Тезисы докладов II региональной конференции по истории Московской области, посвященной 70-летию Московского педагогического университета*. Москва.

Зализняк А. А. 2004. *Древненовгородский диалект*. Москва: Языки славянской культуры.

Летопись Авраамки. 2000. В: *Полное собрание русских летописей*. Т. 16. Москва: Языки славянской культуры.

Марасинова Л. М. 1966. *Новые псковские грамоты XIV—XV веков*. Москва: Издательство Московского университета.

Маслова Г. С. 1984. *Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в.* Москва: Наука.

Никоновская летопись (Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью). 2000. В: *Полное собрание русских летописей*. Т. IX—XIV. Москва: Языки славянской культуры.

Новгородская XIV летопись. 2000. В: *Полное собрание русских летописей*. Т. IV. Ч. 1. Москва: Языки славянской культуры.

Оленин А. Н. 1832. *Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения словян от времен Трояна и русских до нашествия татар*. Санкт-Петербург: типография И. Глазунова.

Памятники древнерусского канонического права. (Памятники XI—XV вв.) .Ч. 1. 1880. В: *Российская историческая библиотека*. Т. VI. Санкт-Петербург: Археографическая комиссия.

Поппэ А. История древнерусской ткани и одежды. Вотола. 1965. В: *«Acta balticj-slavica»*. Т. 2. Bialostok.

Русский традиционный костюм. 2001. Санкт-Петербург: Искусство.

Русско-ливонские акты, собранные К. Э. Напьерским. 1868. Санкт-Петербург: Археографическая комиссия.

Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н. 2002. *Ганза и Новгород. Языковые аспекты исторических контактов*. Москва: Индрик.

Срезневский И. И. 1912. *Материалы для словаря древнерусского языка*. Т. 3. Санкт-Петербург: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук.

Хождение за три моря Афанасия Никитина. 2005. В: Малето *Е. И. Антология хождений русских путешественников XII—XV века*. Москва: Наука.

Nockert M. 1997. *Bockstensmannen och hands dracet*. Hallands Lansmuseer, Museet i Varberg och forfattarna Tryckt hos Centraltryckeriet, Boras.

Статья поступила в номер 5 октября 2009 г.

Olga Kuzmina (Velikiy Novgorod, Russia). Candidate of historical sciences.

Olga Kuzmina (Velikiy Novgorod, Rusia). Candidat în ştiinţe istorice.

Кузьмина Ольга Владимировна (Великий Новгород, Россия). Кандидат исторических наук.

E-mail: partizan007@yandex.ru

А Э. Жабрева

Переиздание печатного источника как способ его сохранения (на примере «Проекта “Народы России”»)

A. E. Zhabreva.

Reprinting as a Way to Save a Source (a case study of the Project “The Peoples of Russia”).

Reprinting of books is one of the ways to protect them from destruction. It is also a method to complete the stocks of the libraries and private collections by rare books. Facsimile is the best way of republication, but it is rather expensive and labour-consuming. The four books under Project ‘‘The Peoples of Russia’’ gives the example of high quality reprinting of scientific writings of late 18th — 19th centuries. These four books are: ‘‘A Description of the Peoples Native to the Russian State, their everyday Habits, Customs, Costumes, Dwellings, Practices, Entertainment, Religion and other information’’ by J. G. Georgi (1776—1799), ‘‘La Russie, ou moeurs, usages et costumes des habitants de toutes les provinces de cet empire’’ by J. B. Breton (illustrated by M.-F. Damame-Demartre and R. Ker Porter, 1813), ‘‘The Peoples of Russia, or a Description of the Customs, Habits and Costumes of the diverse Nationalities of the Russian Empire’’ by Ch. Rechberg (illustrated by Y. Korneyev, 1812—1813) and ‘‘Description ethnographique des Peuples de la Russie’’ by G.Th. Pauli (1862). The project was realized by the publishing house ‘‘Knigi WAM’’ in collaboration with the Museum of the Book of the State Library of Russia (Moscow). The illustrations in these books are a good ethnographical source (first of all about costumes), which were used during two centuries by scholars and artists. Three of these works were reprinted for the first time.

A. E. Zhabreva.

Publicarea repetată a unei surse tipărite în calitate de mijloc al păstrării ei (în baza exemplului Proiectului „Popoarele Rusiei”).

Publicarea repetată a cărţilor este unul dintre mijloacele păstrării lor. De asemenea, ea permite completarea fondurilor librăriilor şi colecţiilor particulare cu cărţi rare. Publicaţiile de tip facsimil ar reprezenta cea mai bună variantă, dar în acelaşi timp scumpă şi laborioasă. Patru cărţi, ce fac parte din proiectul „Popoarele Rusiei”, sunt un exemplu de republicare la nivel poligrafic înalt a unor opere scientifice de la sfîrşitul sec. XVIII — sec. XIX. Aceste patru titluri sunt următoarele: „Descrierea tuturor popoarelor, ce locuiesc pe teritoriul Statului Rus” de către J. G. Georgi (1776—1799); „La Russie, ou moeurs, usages et costumes des habitants de toutes les provinces de cet empire” de J. Breton (ilustrată de M.-F. Damame-Demartre şi R. Ker Porter, 1813), “The Peoples of Russia, or a Description of the Customs, Habits and Costumes of the diverse Nationalities of the Russian Empire” de Ch. Rechberg (ilustrată de Y. Korneyev, 1812—1813) şi “Description ethnographique des Peuples de la Russie” de G.Th. Pauli (1862). Proiectul a fost realizat de editura «Knigi WAM» în colaborare cu Muzeul cărţii al Bibliotecii de stat a Rusiei (Moscova). Ilustraţiile acestor cărţi reprezintă minunate surse etnografice (în primul rînd, în ceea ce priveşte costumaţia), care erau utilizate de savanţi şi pictori pe durata a două secole. Trei dintre aceste titluri au fost traduse şi publicate în rusă pentru prima dată.

А. Э. Жабрева.

Переиздание печатного источника как способ его сохранения (на примере «Проекта “Народы России”»)

Переиздание книг является одним из способов их сохранения. Это также дает возможность пополнить фонды библиотек и частных коллекций редкими изданиями. При этом факсимильное издание является наилучшим вариантом, но одновременно самым дорогим и трудоемким. Четыре книги, вошедшие в «Проект “Народы России”», представляют собой пример переиздания научных трудов конца XVIII—XIX вв., выполненный на высоком полиграфическом уровне. Это следующие сочинения: «Описание всех обитающих в Российском Государстве народов» И.Г. Георги (1776—1799); «La Russie, ou moeurs, usages et costumes des habitants de toutes les provinces de cet empire» Ж.Б. Бретона (с иллюстрациями М.Ф. Дамам-Демартре и Р. Кер Портера 1813), «The Peoples of Russia, or a Description of the Customs, Habits and Costumes of the diverse Nationalities of the Russian Empire» К. Рехберга (иллюстрированного Е.М. Корнеевым, 1812—1813), и «Description ethnographique des Peuples de la Russie» Г. -Т. Паули (1862). Проект был реализован издательским домом «Книги WAM» совместно с Музеем книги

© А. Э. Жабрева, 2010.

Российской государственной библиотеки (Москва). Иллюстрации этих книг являются прекрасными этнографическими источниками (прежде всего по костюмам), которые использовались учеными и художниками на протяжении двух столетий. Три из этих изданий переведены на русский язык и переизданы впервые.

Keywords: costume, Russian Empire, peoples of Russia, rare books, Illustrative sources.
Cuvinte cheie: costum, Imperiul Rus, popoarele Rusiei, rarități editoriale, surse ilustrative.
Ключевые слова: костюм, Российская империя, народы России, редкие издания, иллюстративные источники.

Любой письменный, печатный или изобразительный памятник, будь то рукопись, настенная роспись или предмет одежды, свидетельствуют об истории, культуре, быте, искусстве наших предков. Каждый источник интересен и незаменим, но под влиянием обстоятельств может быть утрачен. Печатные издания, несмотря на то, что они появляются на свет, по крайней мере, в нескольких экземплярах, тоже могут стать со временем недоступными исследователю. Плохое физическое состояние книги, ее пропажа с места хранения или стихийное бедствие приводят к тому, что издание исчезает навсегда.

Наилучший способ физического сохранения книги — ее качественная реставрация и правильное хранение. Дополнительные возможности представляет создание цифровых копий. Факсимильное переиздание способствует тому, что на свет появляется дополнительное количество экземпляров, которые могут быть приобретены как библиотеками, так и отдельными лицами. Отечественная культура знает примеры прекрасных факсимильных изданий, сделавших доступными такие памятники, как иллюминованная рукопись с описанием свадьбы царя Михаила Федоровича, коллекции редких гравюр и народных картинок, коронационный альбом Елизаветы Петровны и др. (например: Описание 1810; Ровинский 1882). Недавно завершена публикация уникального памятника русской культуры XVI в. — Лицевого летописного свода. Круг читателей подобных изданий значительно расширяется, а оригинал может быть переведен на музейное хранение.

Однако, подлинно научное и высокохудожественное переиздание письменного (особенно иллюстративного) источника — задача сложная и дорогостоящая. Поэтому в современную издательскую практику прочно вошли перепечатки старых книг, не требующие солидной финансовой и научной базы, а также разнообразные выборки фрагментов текстов и иллюстраций под заданную тему. Именно таким образом вновь и вновь печатаются исторические и искусствоведческие труды XIX в., компиляции на темы народного быта, культуры, истории дома Романовых и пр. Этот процесс имеет не только положительные (расширение читательской аудитории), но и отрицательные стороны (низкое качество печати, орфографические ошибки, неоправданное привнесение более поздних иллюстраций, отсутствие каких-либо комментариев и пр.), вызванные некомпетентностью издателей, их потребительским отношением к старой книге, отсутствием научных редакторов и т. д.

Примером корректного отношения к первоисточнику, обстоятельной подготовки и качественной полиграфии является, на наш взгляд, издание, увидевшее свет под названием «Проект “Народы России”». Четыре роскошные книги, вложенные в коробку, подготовлены издательством «Книги WAM» серия «Библиотека РУСАЛа» в сотрудничестве с Музеем книги Российской государственной библиотеки[1]. В комплект включены исследовательские труды XVIII—XIX вв. И. Г. Георги, К. Рехберга, Ж. Б. Бретона и Г.-Т. Паули (Георги 2007, Бретон 2007, Рехберг 2007, Паули 2007). Книги представляют собой альбомы цветных иллюстраций с фрагментами текстов и предисловиями. Они объединены не только общей темой — описание народов Российской империи, но также форматом и дизайном, которые, впрочем, совершенно отличаются от оригиналов и соответствуют сегодняшним представлениям о подарочных изданиях. Комплект издан в двух вариантах: на русском и на английском языках.

Основной задачей издателей было достоверное воспроизведение иллюстраций, и именно они являются главным достоинством проекта. Помимо этого, впервые были осуществлены переводы фрагментов текстов на русский и ан-

[1] Московское издательство «Книги WAM», специализирующееся на публикации художественных альбомов, подарочных изданий по искусству, истории и культуре, уже успело выпустить в свет ряд таких замечательных изданий, как «Русский иллюстрированный журнал, 1703—1941» (2006 г.), «Маскарад» (2007 г.), «Иконопись эпохи династии Романовых. Собрание Виктора Бондаренко» (2008 г.) и др.

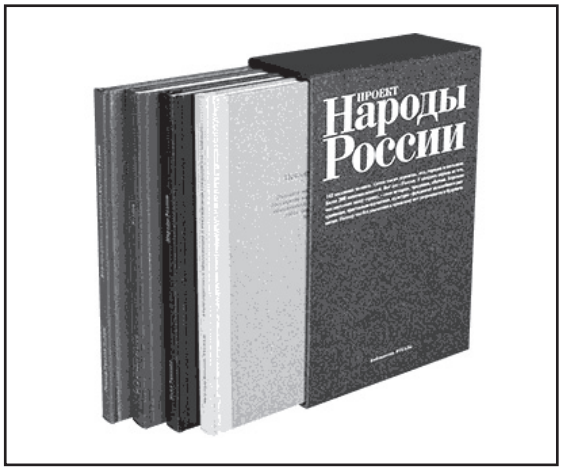

Рис. 1. Проект «Народы России». Комплект книг в коробке.

глийский языки, и в этом состоит вторая заслуга издательского коллектива.

Отобранные для переиздания сочинения, ставшие вехами в изучении этнографии России, действительно заслуживают внимания, равно как и их авторы и иллюстраторы. Представим последовательно все четыре оригинальные издания, которые вошли составными частями в проект «Народы России».

Первое из них — «Описание всех обитающих в Российском Государстве народов» И. Г. Георги (далее «Описание») было первым сочинением, целиком посвященным описанию внешнего быта. Оно содержало наиболее полные для второй половины XVIII в. сведения о народах России и огромное, по тем временам, число иллюстраций. Представители очень многих народностей изображены в этом издании впервые. «Поэтому иллюстрации Георги сохраняют значение достоверного первоисточника, представляющего большой интерес не только для этнографов, но и для искусствоведов» (Чабров 1957: 46).

Автор «Описания» — Иоганн-Готлиб Георги (1729—1802) был путешественником, этнографом, натуралистом, рисовальщиком, академиком Петербургской академии наук. В составе академических экспедиций он путешествовал по Уралу, Поволжью, Сибири, исследовал топографию, климат, флору, фауну, быт и облик народов, населявших эти территории, собрал большое количество коллекций, в том числе этнографических. Хороший рисовальщик, Георги сделал множество типажных зарисовок с натуры.

С 1774 г. Георги начал публиковать свои рисунки, гравированные Х. Ротом, в виде журнала «Открываемая Россия, или Собрание одежд всех народов в Российской империи обретающихся» (Георги 1774—1776). Это издание выходило в течение трех лет выпусками, состоявшими из пяти раскрашенных гравюр и одного листа оглавления; оно стало новым словом в этнографической науке, следствием расширения ее источниковой базы (Станюкович 1978: 57).

Постепенно Георги подошел к идее создания целостного этнографического труда. На основе собственных записок и сочинений других путешественников ученый составил полное описание народов Российской империи под заглавием «Beschreibung aller Nationen…», изданное в Петербурге в четырех частях в 1776—1780 гг. (Georgi 1776—1780). Одновременно книгопродавцем К. В. Миллером были опубликованы переводы на французский и русский языки (Georgi 1776—1777; Георги 1776—1777). Второе издание на русском языке появилось в 1795—1796 гг. (Георги 1795—1796). Третье, исправленное и дополненное, издание на русском языке было напечатано в 1799 г. в типографии Академии наук (Георги 1799).

Особое значение в сочинении Георги имеют раскрашенные иллюстрации, выполненные граверами Х. Ротом и Д. Шлеппером «частью с находящихся рисунков и фигур при

Рис. 2. Шаманка красноярская с тыла. Иллюстрация из книги Георги И.-Г.

Императорской Санкт-Петербургской Академии наук в Кунсткамере, а частью с живых подлинников» (Георги 1799: XV)[2]. Эти мастера выполняли гравюры по рисункам Георги и других художников, имена которых можно называть лишь предположительно.

Первое издание «Описания» содержало 95 гравюр, часть которых была подготовлена еще для «Открываемой России», при подготовке второго издания количество гравюр увеличили до 100. На каждом листе изображено по одной фигуре — мужчины или женщины, обращенных, в основном, лицом к зрителю, несколько фигур изображены и со спины. Большинство из них представлено в статичных позах, на фоне условного пейзажа; этнические особенности лиц не всегда соответствуют действительности. Привлекают внимание тщательно выписанные детали костюмов: меха, орнаменты, украшения, амулеты, татуировка. Некоторые типажи оживлены более или менее точно выписанными предметами вооружения, культа, быта, орудий труда. Описания некоторых костюмов, которые даются в тексте, часто очень точно соответствуют изображению.

Гравюры из «Описания» Георги составили первую систематически подобранную серию, показывающую обитателей России; они пользовались популярностью и служили образцами для подражания во многих последующих сочинениях.

В проекте «Народы России» воспроизведены иллюстрации с последнего варианта «Описания». Часть изображений дана в натуральном размере, часть уменьшена, но цвет бумаги и росписи одежды переданы точно, сохранены оригинальные подписи. Каждый рисунок сопровождается небольшим фрагментом текста.

В начале XIX в. увидело свет великолепное издание «Les peuples de la Russie, ou Description des moœrs, usages et costumes des diverses nations de l'Empire de Russie» («Народы России, или Описание обычаев, нравов и костюмов разных народов Российской империи») (Rechberg 1812—1813). Создателем иллюстраций к альбому был Емельян Михайлович Корнеев (1782?—1839), русский художник-путешественник, гравер

Рис. 3. Русские крестьяне. Иллюстрация из книги К. Рехберга

и рисовальщик. Он получил образование в Петербургской Академии художеств, где был учеником Г. И. Угрюмова, впоследствии стал профессором исторической живописи[3].

Заманчивое предложение о сотрудничестве художнику сделал баварский посланник при русском дворе граф Карл Рехберг (Rechberg 1775—1847), страстный собиратель акварелей и рисунков на русские темы. Он купил все рисунки Корнеева, задумав многотомное иллюстрированное издание о России. Уехав в 1810 г. с графом в Мюнхен — столицу Баварского королевства, — Корнеев на протяжении трех лет делал рисунки по своим путевым эскизам и создал целую их коллекцию, посвященную

[2] Кристоф Мельхиор Рот (Christoph Melchior Roth,? —1798) родился и вырос в Нюрнберге, в 1761 г. был приглашен в Петербург, где сначала служил в Академии наук, а затем вышел в отставку и исполнял частные заказы (Ровинский 1895: Т. 2. 844—845; Roth Christoph Melchior 1935). Биографических сведений о Дмитрии Шлеппере не найдено (Ровинский 1895: Т. 2. 1199).

[3] В 1802 г. Корнеев, только что окончивший Академию, в качестве рисовальщика сопровождал экспедицию генерала Г. М. Спренгпортена в Сибирь, на Кавказ и Поволжье. Во время экспедиции художник сделал множество зарисовок с натуры, отразив разные стороны жизни местного населения: обряды, праздники, игры, а также типы народов и их костюмы. В 1804 г. он ездил в Крым, Турцию и Грецию, был пенсионером в Италии, в 1807—1810 гг. участвовал в росписи Казанского собора. Он отказался от дальнейшего участия в этом почетном заказе ради желанной возможности подготовить к публикации альбом своих гравюр, сделанных во время путешествия по России. Подробнее о биографии и творчестве Корнеева см. в монографии Н. Н. Гончаровой (Гончарова 1987).

народам всей России. Для издания альбома Корнеев и Рехберг отобрали те изображения, которые носили этнографический характер. Классификация народов, принятая автором, в основном совпадает с «Описанием», однако, считая, что у Георги русский костюм представлен довольно плохо, граф намеренно поместил большое количество рисунков, относящихся к внешнему быту русских.

Корнеев лично наблюдал за созданием гравировальных досок. Граверы Манц, Е. Скотников, В. Мельников, В. Осипов, К. Вагнер, А. Адам, Грос, Гесс, Ламинит и др. выполняли эту работу, часть иллюстраций была гравирована самим художником. Печаталось издание уже без Корнеева, так как в преддверии грядущей войны с наполеоновской Францией художник вернулся на родину.

Издание было опубликовано в Париже на французском языке. Оно представляет собой два роскошных тома большого формата, включающих 95 цветных гравюр (офорты и акватинты)[4]. Подписи к иллюстрациям даны на русском и французском языках. Текст, написанный Рехбергом, состоит из общего введения, предисловий к каждому тому и к крупным разделам, а также и комментариев к каждой иллюстрации. В заключениях приведены списки иллюстраций и оглавление.

На каждом листе изображены один, два или более персонажей, представленных в конкретной среде: на фоне пейзажа или в интерьере соответствующего жилища. Большинство людей занято повседневными или праздничными делами: достают воду из колодца, стирают белье, прядут, едут верхом, отдыхают после трудового дня. Костюмы выписаны точно и ярко. Предметы мебели, утварь, оружие, транспортные средства создают ощущение достоверности. Много внимания в альбоме уделено изображению сцен с русскими обрядами и обычаями (крещение, миропомазание), бытовым моментам (различные игры, пляски, мытье в бане), казаков из разных местностей.

Приверженец классического искусства, Корнеев идеализировал фигуры персонажей, изображая их на античный манер, иногда даже полуобнаженными, всегда с атлетическими фигурами, в живописных позах. На некоторых групповых гравюрах («Игра в свайку», «Игра в пристенки», «Русская пляска») достоверные костюмы кучеров, разносчиков, солдат, крестьянок соседствуют с одеждами, напоминающими античные. В этих многофигурных листах с особой силой сказались талант и мастерство Корнеева, отразился интерес художника к жизни простых людей, к их занятиям.

Заметен разный художественный уровень и знание материала, различная манера исполнения отдельных листов, что явилось результатом работы целой группы граверов. На одних рисунках персонажи выглядят живыми, объемными, на других — застывшими, с отсутствующими выражениями лиц, условными складками одежд. «Иногда незнание гравераами России, характерных особенностей ее быта и невнимательное копирование рисунка приводят к курьезным деталям: русский кокошник превращается в нечто подобное римскому шлему, отдельные части экипажа неожиданно повернуты не в ту сторону, на ногах простых крестьянских девушек — изящные туфельки на каблучках и т. д.» (Комелова 1961: 16).

Творчество Корнеева отразило гражданственные, просветительские задачи художника-бытописателя, ярко воплотило новые веяния в искусстве начала XIX века. Альбом пользовался в свое время огромной популярностью, он был «первым большим европейским изданием, выполненным по рисункам русского художника, при участии многих русских граверов, и лишний раз свидетельствующим о все растущем в начале XIX века интересе к России» (Комелова 1961: 17). К давно ставшему библиографической редкостью альбому до сих пор обращаются исследователи и художники. В проекте «Народы России» представлено первое полное воспроизведение всего комплекта иллюстраций, выполненное с экземпляра Российской Государственной библиотеки. Однако размеры оригиналов соблюдены не везде: часть изображений немного уменьшена, часть увеличена, некоторые картины занимают даже две полосы. Цветопередача достаточно хорошая, впервые в переводе на русский язык даны фрагменты комментариев.

На волне интереса к России, вызванного победой над Наполеоном, увидело свет издание под названием «La Russie, ou moœrs, usages et costumes des habitants de toutes les provinces de cet empire» («Россия, или нравы, обычаи и костюмы жителей всех провинций этой империи», далее «La Russie») (Breton 1813). Это — наименее известное из представленных в проекте «Народы России» издание. Автором его был Жан Батист Жозеф Бретон де ла Мартиньер (Jean Baptist Joseph Breton de la Martinière, 1777—1852) — французский журналист, литератор и издатель (Breton de la Martinière, Jean Baptist Joseph 1956: 244—245).

[4] Французский библиограф Р. Коля указывает на наличие и не раскрашенных экземпляров (Colas 1933: № 2491).

Рис. 4. Архангельские женщины. Иллюстрация из книги Ж. Б. Бретона.

Он занимался литературными трудами, переводами, выпуском книг с описаниями разных стран. Среди них были книги о костюмах и искусстве России.

Иллюстраторами «La Russie» стали двое художников, которые провели некоторое время в России и имели возможность делать зарисовки с натуры. Один из них — живописец и гравер акватинтой Мишель Франсуа Дамам-Демартре (Michel-François Damame-Demartrais, 1763—1827) был учеником знаменитого французского живописца Ж.-Л. Давида[5].

Второй художник — англичанин Роберт Кер Портер (Robert Ker-Porter, 1777—1842), получивший образование в Эдинбурге, был человеком разносторонних дарований и сумел проявить себя на разных поприщах. Блестящий офицер, он прославился также как художник, писатель, дипломат и археолог, побывал во многих странах, в том числе и в России[6].

«La Russie» представляет собой шесть томов маленького формата, в изящных кожаных переплетах, с золотыми обрезами. В каждом из томов около 200 страниц текста и от 14 до 23 раскрашенных гравюр (общее их число — 111), а также их перечней. В издании содержатся самые разные сведения о России начала XIX в.: описания столиц и провинций, отдельных городов, способов передвижения, климата, этикета, костюмов, увеселений, национальной кухни и т. д. Автор переходит от описания одной местности к другой, чередуя их со сведениями о жизни в столицах и т. д. Среди прочего он не раз обращается к описанию костюмов разных сословий, употреблявшихся в разные времена года. Забавны некоторые описания «меховых черных тюрбанов», «больших манто, называемых шубами» и т. д.

Иллюстрации с изображениями типов населения и их костюмов представляют собой ярко раскрашенные от руки маленькие гравюры. Некоторые из них оформлены как жанровые сценки (стирка белья в окрестностях Петербурга, катание с ледяной горы, постройка дома) или же отдельные фигуры в тех или иных костюмах. На многих иллюстрациях представлены одежды разных сословий: знатных дам в модных «античных» нарядах, крестьян в летних костюмах, офицеров, купцов. Образы представителей разных народов России — конных башкир, поляков, молдавских и черкесских князей, жительниц Арзамаса, Архангельска, Пензы в национальных костюмах, а также многих других — также нашли свое место на страницах этого сочинения. Листая эти миниатюрные книжечки, не расстаешься с ощущением, что иллюстрации уже встречались в других изданиях: очевидны заимствования из «Описания» Георги (например, черемисские женщины, остячки, вотячки и др.), изображения валдайских женщин заимствованы, вероятно, из английского издания 1803 г. (Costume 1803), стрельцов — с гравюр Ж.-Б. Лепренса (Le Prince 1764), многие типы повторяют работы Х.-Г. Г. Гейслера. Все изображения сильно уменьшены в соответствии с форматом издания, что повлекло за собой упущение многих деталей. Едва ли можно отнести эти гравюры к успехам указан-

[5] С 1792 (по другим сведениям, с 1796) по 1805 г. Дамам-Демартре жил в России, преимущественно в Москве и Петербурге, создал серии рисунков с видами обеих столиц и других городов, сценками из русской жизни, изображениями экипажей и др. По его рисункам издавались гравюры для разных альбомов, печатались отдельные раскрашенные листы.

[6] В Петербурге, куда он приехал в 1805 г., Кер Портер написал большие батальные полотна и портрет Петра I для зала Совета в Адмиралтействе. Едва закончив работы, художник был вынужден покинуть Петербург, после заключения Тильзитского мира (1807 г.), прервавшего дипломатические отношения между Россией и Англией. Герой Корунна и Вильмейра, участник войны на Пиренейском полуострове, Кер Портер, овеянный военной и литературной славой, в 1812 г. вернулся в Россию. Сведения о жизни и творчестве художника и его портрет содержатся в статье Е. Ренне «Художник сэр Роберт Керр Портер в России» (Ренне 2002: 151—163).

ных на титульном листе художников, известных своими более талантливыми работами.

Издание Бретона носило очевидный просветительский характер, и, вероятно, было рассчитано на самые широкие читательские круги, возможно, на юного читателя, как некоторые другие сочинения этого автора. Вероятно, в свое время оно было достаточно известно, и даже переводилось на немецкий язык (Breton 1816). Популярный характер издания стал, очевидно, причиной того, что оно не привлекало к себе внимания исследователей. Тем не менее, иллюстрации из сочинения Бретона представляются любопытным материалом, по крайней мере, для изучения представления иностранцев о России.

В проекте «Народы России» миниатюрные тома Бретона превратились в альбом такого же формата, как и все остальные книги. Для знакомых с оригинальным изданием это на первый взгляд кажется странным, но быстро становятся очевидными плюсы такого формата. То, что приходилось разглядывать в лупу, теперь увеличено до размеров полноценной страницы (а современная компьютерная обработка позволила сделать это качественно) и доступно для спокойного изучения и анализа. Воспроизведенные впервые за два столетия иллюстрации, а также фрагменты текста позволяют современному читателю познакомиться с этим редким французским изданием начала XIX в.

Последняя книга, включенная в проект «Народы России», — фундаментальный труд «Description ethnographique des Peuples de la Russie» («Этнографическое описание народов России», далее «Description») (Pauly 1862). Издание было выполнено на основе самых свежих данных, какими располагала наука середины XIX в., преимущественно на материалах Русского географического общества по инициативе и при самом активном участии Г. -Т. Паули[7].

Рис. 5. Поляки. Иллюстрация из книги Г.-Т. Паули.

«Description» представляет собой солидный том большого формата и состоит из предисловия, описательных текстов, иллюстраций, их перечня, этнографической карты и краниологической таблицы. Издание вышло в Санкт-Петербурге на французском языке, подписи под иллюстрациями (названия народов) даны также и на русском языке.

В подготовке издания, помимо Паули, принимали участие академик К.М. Бэр и Р. фон Эркерт и другие члены Русского Географического общества — П.И. Кеппен, Ф.И. Видеман, М.И. Броссе и др. Но «терпение, трудолюбие и самоотвержение в отношении употребленных на издание денежных средств, обнаруживающееся в истории этого труда, дает полное право приписать Паули немалую заслугу в совершении этого дела. До него сделано было для обработки данных, собранных об этнографии народов, обитающих в России, весьма мало. С 1812 по 1860 гг. не было ни одного сочинения о полном составе русского населения, а художественная сторона дела, собирание этнографических рисунков со времени Рота (1774 г.) мало продвинулось вперед. Итак, несмотря на разные промахи, сочинение Паули имело, в свое время, полное право считаться *един-*

[7] Густав-Федор Христианович Паули (Gustave Theodor Pauly, 1817—1867), немец по происхождению, получивший воспитание в Берлинском университете, первоначально был военным ([Паули Г.-Т.] 1902). На русскую службу Паули поступил в 1841 г. корнетом в гусарский полк герцога Максимилиана Лейхтенбергского, но уже на следующий год вышел в отставку. Сменив несколько мест службы, он впоследствии много лет был учителем немецкого языка в Санкт-Петербургском Воспитательном доме, занимался литературными трудами, состоял активным членом Русского Географического общества. Именно последнее обстоятельство сыграло, по-видимому, важную роль в судьбе этого человека, направив его усилия на изучение этнографии народов России.

ственным в своем роде», писал Бэр в предисловии[8].

«Description» состоит из пяти частей. В первой части издания представлены индоевропейские — славянские и иранские — народы, а также переселенцы из числа индоевропейских народов, проживающие в России. Вторая часть посвящена народам Кавказа, третья — урало-алтайским, «татарским» и «монгольским» народам. В четвертую часть вошли народы Восточной Сибири и Камчатки, в пятую — народы Русской Америки. О каждой народности, помимо данных по истории, географии, религии, статистике, приводятся описания внешности людей и костюмов, образа жизни, занятий и т. д.

Шестьдесят две великолепные цветные иллюстрации, выполненные методом литографии, составляют особую ценность этого издания. Они с большой полнотой и точностью запечатлели костюмы и быт жителей России середины XIX в. Рисунки для книги сделаны с натуры, под каждой иллюстрацией содержатся сведения о художниках и граверах, подготовивших данный лист. Среди русских и иностранных художников, делавших рисунки, видим малоизвестные или вовсе забытые имена: К. Гун, С. Павлов, Петцхольд, Гейзер, Карпов, Виале, Джиржановский и др. Под некоторыми гравюрами подписано, что рисунки выполнены по коллекциям, принадлежащим Русскому Географическому обществу или с оригиналов разных художников (например: «с оригинала Тимма рисовал Карпов»). Подписи под изображениями кавказских горцев свидетельствуют о том, что рисунки сделаны с оригиналов князя Г. Г. Гагарина. Заказы на изготовление литографий был размещены в разные мастерские: «Winchelman et fils» в Берлине, «Imprimerie par J. B. Kuhn» в Мюнхене, «A. Charpentier, Imp. Lemercier» в Париже и др. Издание создавалось усилиями разных рисовальщиков, граверов и литографов, что отразилось в манере исполнения и степени разработанности сюжетов, однако высокий художественный уровень иллюстраций неоспорим.

На каждом листе располагаются одна, две или три фигуры, представленные в разных позах и ракурсах, наиболее выигрышно демонстрирующих костюмы. На некоторых листах изображены целые группы людей, объединенных каким-либо условным сюжетом, что создает впечатление жанровой сценки. Персонажи одних литографий статичны, на других представлены за каким-либо занятием. Фигуры людей вписаны в тот фон, который представлялся художникам наиболее типичным для данной местности — пейзаж, фасад или интерьер жилища. Образы людей уже не абстрактны, в их лицах заметны черты конкретного человека. Иллюстрации тяготеют к живописности, цвета изображений яркие, насыщенные, тонко проработаны мельчайшие детали костюмов, орнаменты тканей, украшения, лица несут в себе характерные национальные признаки. Достоверность изображениям добавляют такие детали, как предметы быта, музыкальные инструменты, оружие.

Издание Паули — исключительное по своему научному и художественному значению сочинение — стало новым, на многие последующие десятилетия хрестоматийным сводом изображений костюмов народов России. Еще в 1966 г. академик С. А. Токарев писал: «Приходится пожалеть, что эта книга не появилась на русском языке и вообще осталась мало известна <…>, представляя теперь большую библиографическую редкость» (Токарев 1966: 218). И вот, наконец, все литографии из этого альбома воспроизведены в цвете с небольшими выдержками из сопроводительного текста (также впервые переведенными на русский язык).

Таким образом, издания, включенные в проект «Народы России», различны по времени создания, по художественным и научным достоинствам своих иллюстраций. Все они давно стали библиографической редкостью и доступны для просмотра лишь в крупных библиотеках. Три из них никогда не публиковались на русском (и на английском) языке. Каждой книге предпослана вводная статья, в которой описана структура и история создания, определено место издания в процессе становления этнографической науки и развития художественных жанров, приведены биографические данные об авторах и художниках.

Одной из отличительных черт нашего времени является новый виток интереса к истории Отечества, к культурному и художественному наследию прошлого, обращение к памятникам научной мысли XVIII—XIX вв. Научное и художественное значение всех четырех сочинений очевидны, и выбор издателей не случаен. Переизданы труды, ставшие вехами в становлении этнографии и отразившие эволюцию художественных взглядов. Книги стали более доступными, они могут служить не только научным, но и учебным целям. Теперь даже библиотека, располагающая оригиналом, может выборочно предоставлять его читателям,

[8] Курсивом выделено в оригинале.

предлагая новый экземпляр. Некоторая популярность и изначальная установка на подарочный вариант издания не умаляют значения книг, объединенных проектом. Конечно же, можно мечтать о факсимильных переизданиях этих сочинений, равно как и сотен и сотен других достойных изданий. Тем не менее, форма воспроизведения старых книг, выбранная издательством «Книги WAM», представляется имеющей право на существование и заслуживающей благодарности.

Остается надеяться, что все больше ценных старых изданий будет переиздано на таком же высоком уровне, их стоимость будет доступной хотя бы для организаций и учреждений, библиотеки смогут пополнить свои фонды редкими книгами, а читатели и исследователи — получить доступ к ценным источникам.

Литература

Бретон Ж.Б. 2007. *Россия, или Нравы, обычаи и костюмы жителей всех провинций этой империи. Пер.* с фр. Н. Добробабенко. Москва: РУСАЛ. (Проект «Народы России»).

Георги И.Г. 1774—1776. *Открываемая Россия, или Собрание одежд всех народов в Российской империи обретающихся.* Вып. 1—10. Санкт-Петербург.

Георги И.Г. 1776—1777. *Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей: пер. с нем.* Ч. 1—3. Санкт-Петербург: иждивением книгопродавца К.В. Миллера.

Георги И.Г. 1795—1796. *Описание обитающих, в Российском государстве, народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достойнопамятностей.* Ч. 1—2. Санкт-Петербург: Иждивением книгопродавца Ивана Глазунова.

Георги И.Г. 1799. *Описание всех обитающих в Российском Государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей <…>: В 4-х частях: Со 100 гравированными изображениями народов и 8 виньетами.* Санкт-Петербург: Иждивением книгопродавца Ивана Глазунова.

Георги И.Г. 2007. *Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей.* Москва: РУСАЛ (Проект «Народы России»).

Гончарова Н.Н. 1987. *Е.И. Корнеев: из истории русской графики начала 19 в.* Москва: Искусство.

Комелова Г.Н. 1961. *Сцены русской народной жизни конца XVIII — начала XIX веков по гравюрам из собрания Государственного Эрмитажа.* Ленинград: Изд-во Гос. Эрмитажа.

Описание 1810. *Описание в лицах торжества, происходившего в 1626 году февраля 5, при бракосочетании государя царя и великого князя Михаила Феодоровича с государынею царицею Евдокиею Лукьяновною из рода Стрешневых*. Москва: в типографии Платона Бекетова.

[Паули Г.-Т.] 1902. В: Половцев А.А. (ред.) *Русский биографический словарь*. Т. 13. Санкт-Петербург: Имп. Рус. ист. общ-во, 339—401.

Паули Г. -Т. 2007. *Этнографическое описание народов России.* Пер. с фр. А. Мороза. Москва: РУСАЛ. (Проект «Народы России»).

Рене Е. 2002. Художник сэр Роберт Керр Портер в России. *Наше наследие*, 63—64, 151—163.

Рехберг К. 2007. *Народы России, или Описание нравов, обычаев и костюмов различных национальностей Российской империи.* Пер. с фр. З. Бадо, А. Мороза. Москва: РУСАЛ. (Проект «Народы России»).

Ровинский Д.А. 1882. *Достоверные портреты московских государей Ивана III, Василия Ивановича и Ивана IV Грозного и посольства их времени.* Санкт-Петербург: печатано в Экспедиции заготовления гос. бумаг.

Ровинский Д.А. 1895. *Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв.* Т. 1—2. Санкт-Петербург: Тип. Акад. наук.

Станюкович Т.В. 1978. *Этнографическая наука и музеи: (По материалам этногр. музеев Академии наук).* Ленинград: Наука. Ленингр. отд.

Токарев С.А. 1966. *История русской этнографии: (Дооктябрьский период*). Москва: Наука.

Чабров Г.Н. 1957. *Восточные окраины России в русском изобразительном искусстве XVIII века*. Ташкент: Изд-во САГУ.

Breton [de la Martinière] J.-B.J. 1813. *La Russie, ou moœrs, usages et costumes des habitants de toutes les provinces de cet empire. Ouvrage orné de cent-onze planches, représentant plus de deuxcents sujets, gravés sur les dessins originaux et d'après nature, de M. Damame-Demartrait <…> et Robert Ker-Porter, peintre anglais, inventeur des Panjramas. Extrait des ouvrages anglais et allemands les plus récents par M. Breton.* Vol. 1—6. Paris: Nepveu.

Breton J.-B.J. 1816. *Russland oder Sitten, Gebräuche und Trachten der sämmtlichen Provinzen dieses Kaiserthums. Nach dem Französischen.* Vol. 1—6. Pesth.

Breton de la Martinière, Jean Baptist Joseph. 1956. In: Prevost M. et d'Amat R. (dir.). *Dictionnaire de biographie française.* T. 7. Fasc. 37. Paris. Librairie Letouzey et Ané, 244—245.

Colas R. 1933. *Bibliographie générale du costume et de la mode.* T. 1—2. Paris: Libr. R. Colas.

Costume 1803. The Costume of the Russian Empire, illustrated by a series of seventy-three engravings with description in English and French. London: Old Bond Street.

Georgi J.G. 1776—1777. *Description de toutes les nations de l'Empire de Russie, ou l'on exposé leurs moœrs, religions, usages, habitations, habillemans et autres particularités remarquables: Traduite de l'allemand.* Coll. 1—3. St. Petersbourg: De l'imprimérie du Corps des cadets noble du génie et de l'artillerie. Chez J.C. Schnoor.

Georgi J.G. 1776—1780. *Beschreibung aller Nationen des russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten.* Aus. 1—4. St. Petersburg: Bey J.K. Schnoor.

Le Prince J.-B. 1764. *Les Strelits, Encienne et seule milice*

de Russie jusqu'au temps de Pierre le Grand <…> S.l.

Pauly Th. de. 1862. *Description ethnographique des Peuples de la Russie.* St.-Pétersbourg: Imprimerie de F. Bellizard

Rechberg Ch. 1812—1813. *Les peuples de la Russie, ou Description des moœrs, usages et costumes des diverses nations de l'Empire de Russie, accompagnée de figures coloriées.* Vol. 1—2. Paris: de l'Imprimerie de O. Colas.

Roth Christoph Melchior. 1935. In: Thieme U. u. Becker F. *Allgemeines Lexikon der bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart.* Bd. 29. Leipzig: W. Engelmann, 85—86.

Статья поступила в номер 5 октября 2010 г.

Anna Zhabreva (St.-Petersburg, Russia). Candidate of pedagogical sciences. The Russian Academy of Sciences Library (BAN).

Anna Zhabreva (S.-Petersburg, Rusia). Candidat în ştiinţe pedagogice. Biblioteca Academiei de Ştiinţe a Rusiei (BAN).

Жабрева Анна Эрнестовна (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат педагогических наук. Библиотека Российской Академии наук (БАН).

E-mail: annazhabreva@mail.ru

Монография в журнале

Monograph
Monografie

И. Ф. Грек

Антропонимия «задунайских переселенцев» (последняя треть XVIII — начало XIX вв.)

I. F. Grek.

Anthroponymy of Transdanubian Settlers (1770 — early 1800).

This paper is the first publication of some archival materials. The author reveals peculiar features of development of anthroponymy among Transdanubian settlers who established in Moldavian Principality and then in Bugeac in 1770 — early 19 th century. He also studies premises for their transformation under the influence of religious factor and conditions of the Ottoman domination, followed by emigration and a long life in a foreign environment. Identity of anthroponyms among the Bulgarians and Gagauzes of Bessarabia does not allow distinguishing them by number of population. Although both linguistic communities were masked under the same name of Bulgarians, this term is not used as an ethnic name, but rather functions as a politonym or toponym. It emerged in 12 th — 14 th cc. in the Second Bulgarian Kingdom, and it was preserved by the bilingual population of the Bulgarian lands during the Ottoman rule. The Turkish-speaking population on the Balkans was not absorbed by the Ottoman Turks owing to their Orthodox faith. In Bugeac, concentration of Turkish-speaking colonists in some localities conditioned the genesis of Gagauz community in Bessarabia.

I. F. Grek.

Antroponimia "imigranților de la Dunăre" (ultima treime a sec. XVIII — începutul sec. XIX).

Pe baza materialelor de arhivă introduse pentru prima dată în circulație științifică, se descoperă specificul formării antroponimiei imigranților de la Dunăre care s-au stabilit pe teritoriul principatului Moldovei și apoi în Bugeac în ultima treime a sec. XVIII — începutul sec. XIX. De asemenea, sunt cercetate premisele transformării acestora sub influența unor factori religioase, condițiilor de dominația otomană-musulmană în regiunea Balcanilor, apoi sub influența emigrării spre nordul Dunării și trăirii îndelungată într-un mediu de limba străină moldovenească. Identitatea antroponimelor la bulgari și găgăuzi din Basarabia nu permite să determine în mod separat componența cantitativă a acestora. Deși ambele comunități lingvistice se ascundeau sub aceeași autodenumire „bulgari", dar acest termen nu este un etnonim, ci îndeplinește funcția de politonim sau toponim. Acesta a apărut încă în sec. XII—XIV, în cel de-al doilea Regat bulgar, fiind păstrat de populația bilingvă a teritoriilor bulgare timp de cinci secole de dominație otomană. În Balcani, populația vorbitoare de limba turcică nu a fost absorbită de către turci otomani din cauza credinței lor ortodoxe. Însă, în condițiile Bugeacului, concentrația coloniștilor, vorbitori de limba turcică, în unele localități a determinat formarea comunității găgăuze în Basarabia.

И. Ф. Грек.

Антропонимия «задунайских переселенцев» (последняя треть XVIII — начало XIX вв.).

В работе на основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов раскрываются особенности формирования антропонимии задунайских переселенцев на территории Молдавского княжества, а затем Буджака в последней трети XVIII — начале XIX веков. Исследуются также предпосылки их трансформации под воздействием религиозного фактора, условий османского господства, а затем эмиграции и длительного проживания в иноязычной среде. Идентичность антропонимов у бессарабских болгар и гагаузов не позволяет определить их численный состав по отдельности. Хотя обе языковые общины скрывались под одним и тем же самоназванием болгары, но этот термин выступает не как этноним, а выполняет функции политонима либо топонима. Он возник еще в XII—XIV вв. во Втором Болгарском царстве, и его сохранило двуязычное население болгарских земель в период османского владычества. На Балканах тюркоязычное население не было поглощено турками-османами благодаря своей православной вере. В условиях же Буджака концентрация тюркоязычных колонистов в определенных населенных пунктах обусловила процесс формирования гагаузской общности в Бессарабии.

Keywords: Bulgarians, Gagauzes, anthroponymy, ethnic history, Dobrogea, Moldova, Bugeac.

Cuvinte cheie: bulgari, găgăuzi, antroponimie, istoria etnică, Dobrogea, Moldova, Bugeac.

Ключевые слова: болгары, гагаузы, антропонимия, этническая история, Добруджа, Молдова, Буджак.

© И. Ф. Грек, 2010.

Введение

В работе речь пойдет не обо всех переселенцах из-за Дуная конца XVIII — начала XIX века, а лишь о тех из них, кто поселился на землях молдавского помещика Иона Бальша и затем бежал на казенные земли «собственно так называемой Бессарабии» — в Буджак.

Буджак входил в состав Османской империи частично с 1484 г., а полностью — с 1539 г. В 1812 г. Порта уступила его России по условиям Бухарестского мирного договора. Тогда же, согласно этому договору, к России отошла и часть территории Молдавского княжества — его Пруто-Днестровское междуречье, южная часть которого граничила с Буджаком.

Степная часть Буджака после отселения оттуда ногайских татар в 1807 г. была практически незаселенной, и с 1812 г. Петербург распоряжался ею как «казенной землей», то есть, принадлежащей самому государству. Царские власти также объединили Буджак с присоединенным к России в том же году Пруто-Днестровским междуречьем Молдавского княжества и дали этой территории название Бессарабская область.

Почему выходцы из-за Дуная в массовом порядке не поселялись в Буджаке до 1806 года и даже до «прокламации» М. И. Кутузова в апреле 1811 г.? Если говорить о периоде до 1806 г., то степной Буджак был занят ногайскими татарами. В документе, относящемся к январю 1761 г., опубликованном Д. И. Хайдарлы, в котором описывается пребывание эдисанских буджакских орд в Буджаке, говорится: «…Вышеописанныя ж татарския орды и во время миру у турков с Россиею… всегда пребывала в своих деревенских селениях. А их деревни населены были одними татарами, а не другим каким народом. Ис которых некоторые зажиточные жители пленных у себя имели из других народов, то есть калмыков, арапов, грузинцев и черкесов» (Хайдарлы 2008: 490). Ногайским татарам самим не хватало буджакского пространства, и они фактически владели и частью территории Молдавского княжества, так называемой «двухчасовой зоной» Пруто-Днестровского междуречья. Она находилась Северо-Западнее Буджака и отделялась от него «границей Халил-паши», установленной в 1729—1739 гг. Сама эта «двухчасовая зона» состояла из двух частей: северная часть «простиралась от границы Бендерской раий до местечка Леова, а южная — от Верхнего Траянова вала до западного берега р. Ялпуг в ее нижнем течении (район Мусаит)» (Хайдарлы 2007: 482—483). Выходцы из-за Дуная, если и появлялись тогда в Буджаке, то только с разрешения ногайцев. К тому же, они бежали с балканских земель Порты не для того, чтобы селиться на буджакские земли Порты — и там и здесь православное население относилось к категории «неверных» и считалось «раей», «урум милети», «гяурами».

Во время первой в XIX в. русско-турецкой войны задунайские эмигранты могли поселяться в Буджак только после ухода оттуда ногайских татар, то есть после 1807—1808 гг. По подсчетам И. И. Мещерюка в Бессарабии до 1809 г. числилось до 4 тыс. болгар и гагаузов, а к 1812 г. их количество «возросло до 25 тысяч человек» (Мещерюк 1957: 13). Но массового заселения буджакских земель до 26 апреля 1811 г., на наш взгляд, все же не последовало, поскольку шла война, и балканскому крестьянину не было ясно, чем она закончится. Из 20316 семейств, покинувших болгарские земли в 1806—1811 гг., в Бессарабию переселились только 2524 семейства (Грек, Червенков 1993: 14).

Массовый характер переселению именно в Буджак придала только указанная «прокламация» главнокомандующего Молдавской армией. Выходцам из-за Дуная стало ясно, что Буджак останется в пределах Российской империи, а кроме этого, М. И. Кутузов обещал им льготы и социально-правовое устройство на правах Донского казачьего войска. Именно это обстоятельство придало переселению в Буджак из-за Дуная, а затем и из Дунайских княжеств массовый характер, подвигнуло их на борьбу за свое устройство здесь на условиях, обещанных им Кутузовым.

Прокламация главнокомандующего Молдавской армией послужила основанием для самовольного переселения на казенные земли Буджака также и тех выходцев из-за Дуная, которые ранее поселились на владельческих землях, расположенных до 1812 г. на территории Молдавского княжества либо захваченных молдавскими помещиками в Буджаке до его вхождения в состав России (подробнее см.: Мещерюк 1957; Крыжановская, Руссев 1957; 1961: 27—37; Грек 1976: 46—54). И именно в связи с устройством выходцев из-за Дуная в Южной Бессарабии на условиях Кутузова после 1812 г. возникла потребность дифференцировать их по времени переселения из-за Дуная. Тех переселенцев, которые поселились до 1806 г. как собственно в Буджаке, так и на помещичьих землях в приграничной зоне Буджака, но на территории Молдавского княжества, стали именовать «старые пересе-

ленцы». Тех же, кто поселялся здесь в ходе русско-турецкой войны 1806—1812 гг., отнесли в категорию «новые переселенцы». Такое деление было связано с тем, что для «новых переселенцев» и «старых переселенцев» царские власти устанавливали разный временной режим льгот от платежа податей. Мы используем это деление на «старых» и «новых» переселенцев при анализе двух именных списков задунайских переселенцев с целью установления времени их переселения из-за Дуная, определения болгарских территории, откуда произошло выселение болгар и гагаузов, а также выявления общего и особенного в специфике антропонимии «старых переселенцев» и «новых переселенцев».

Существует значительная литература о переселении выходцев из-за Дуная в Бессарабию в целом (см.: Грек 2003: 32—78). Вместе с тем, в ней слабо отражены переселения из-за Дуная последней трети XVIII века. Больше повезло переселенцам из болгарских земель в период русско-турецкой кампании 1806—1812 гг. (Мещерюк 1950: 73—87; 1953: 65—97). Отдельные сюжеты этой эмиграции из-за Дуная отражены в работах В. Д. Конобеева, С. Дойнова. Особенно полно она отражена в сборнике документов «Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А. П. Юшневского», составленном К. П. Крыжановской и Е. М. Руссевым.

Как видно, в историографии слабо изучены аспекты, раскрывающие историческую судьбу переселенцев XVIII века. Не исследованными остаются такие сюжеты, как время и география их эмиграции из болгарских земель, время и география их поселения в Дунайских княжествах, откуда многие из них затем переселились в Буджак. Особую научную значимость и общественную актуальность приобрела в последнее время проблема этнодемографического состава переселенцев, относящихся к последней трети XVIII — первой четверти XIX вв., что связано с попытками ряда современных исследователей определять этнический состав выходцев из земель Северо-восточной Болгарии без привлечения всего массива источников из архивохранилищ России, Украины, Молдовы, Румынии, Болгарии (Каранастас-Радова 2001).

В данной работе на основе новых архивных источников, впервые вводимых в научный оборот, предпринята попытка посредством анализа антропонимов выходцев из-за Дуная показать всю сложность этнодемографических процессов, происходивших в истории Болгарии. А без их учета невозможен объективный ответ на вопрос об этническом составе переселенцев последней трети XVIII — начала XIX вв. При этом учитываем тот факт, что эмиграция населения с болгарских земель осуществлялась тогда в условиях незавершенности процесса формирования болгарской нации, происходивший в не благоприятствовавший ему период пятивекового османо-мусульманского господства в Болгарии.

Глава 1. Антропонимия «старых переселенцев»

Краткая история появления определений «старые переселенцы» и «новые переселенцы» такова. После русско-турецкой войны 1806—1812 гг. царское правительство должно было решить вопрос об устройстве выходцев из-за Дуная, эмигрировавших из Болгарии именно в ходе этой военной кампании. Решение проблемы затянулось на несколько лет. Переселенцы временно устраивались кто как может. Часть из них поселилась на помещичьих землях, попав в феодальную зависимость от местных землевладельцев. Задунайские выходцы 1806—1812 гг. требовали устроить их на правах Донского казачьего войска, которые были обещаны им главнокомандующим Молдавской армией М. И. Кутузовым. В 1814—1818 гг. они развернули ожесточенную борьбу за право сохранить за собой статус свободных крестьян. Она выражалась, главным образом, в массовом самовольном переходе задунайских переселенцев с помещичьих имений на казенные земли Буджака.

В этой борьбе самое активное участие приняли и те выходцы из-за Дуная, которые переселились в Пруто-Днестровское междуречье задолго до русско-турецкой войны 1806—1812 годов. Она отражена в указанном выше сборнике документов «Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А. П. Юшневского», монографии И. И. Мещерюка, в ряде научных статей Е. М. Руссева и К. П. Крыжановской, Н. И. Казакова, И. Ф. Грека и др. (Грек 2003). В результате этого массового движения подавляющее большинство выходцев из-за Дуная поселились в Буджаке.

В ходе самого противостояния между властями и помещиками, с одной стороны, и переселенцами, с другой, выяснилось, что часть выходцев из-за Дуная давно поселилась на помещичьих землях, они не относились к эми-

грации 1806—1812 годов. На них не распространялись льготы и правовое устройство в Бессарабии на условиях М. И. Кутузова, включенные в его прокламации от 26 апреля 1811 г. Правительство было поставлено перед дилеммой: вернуть помещикам их крестьян, либо разместить их всех на казенных землях Буджака. Исходя из своих стратегических интересов на Балканах, Петербург пошел на второй вариант, но разделил всех переселенцев на две категории. Те, кто переселился в Пруто-Днестровское междуречье до 1806 г., были отнесены в категорию «старые переселенцы» и им полагалась 3-летняя льгота от податей и повинностей. Те же, кто переселился в ходе русско-турецкой войны 1806—1812 гг., были отнесены властями к «новым переселенцам», и они получили 10-летние льготы.

Бессарабские помещики, и особенно Янко (Ион, Иван) Бальш, хотя и согласились с решением правительства, но их имения остались без рабочей силы. Они понесли серьезные убытки. С этим примирились все, за исключением Бальша. Два прошения камергера Иона Бальша в Бессарабское областное правление поступили в декабре 1831 г. К рассмотрению его ходатайства были подключены новороссийский и бессарабский генерал-губернатор и высшие инстанции Санкт-Петербурга. Царское правительство было вынуждено заняться этим делом. Оно организовало проверку тех данных о бежавших из его имений выходцев из-за Дуная, которые представил И. Бальш. К выявлению истины были привлечены чиновники судебных инстанций Бессарабии. Проверка продолжалась более семи лет. В 1839 г. результаты проверки были оформлены в пяти списках глав семей, бежавших из имений помещика Бальша. Приведем их полное название:

1) «Именной список старожилым болгарам, перешедшим из имений помещика Ивана Бальша, в разные места Бессарабской области на казенные земли, извлеченный из всех присяжных розысканий бывших разных комиссий, с показанием времени переселения каждого семейства и человека» от 10 июня 1839 г. на 51 листе (НА РМ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 672. Л. 771—822);

2) «Именной список поселянам молдованам, разшедшимся из имений помещика Бальша в разные места Бессарабской области на казенные земли, извлеченный из всех присяжных розысканий, бывших разных комиссий, с показанием времени переселения каждого семейства и человека» от 2 мая 1839 г. на 93 листах. Включает 839 глав семей и бурлаков, то есть одиноких (НА РМ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 672. Л. 823—916);

3) «Именной список болгарам, вышедшим во время предпоследней с турками войны, и после прокламации князя Кутузова Смоленского, и поселившимся было в имении помещика Бальша, а потом бежавшим в разные места Бессарабской области на казенные земли, извлеченный из всех присяжных розысканий, бывших разных комиссий с показанием времени переселения каждого семейства и человека» от 20 июля 1839 г. на 23 листах (НА РМ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 672. Л. 917—940);

4) «Именной список, извлеченный из собранных сведений изследованиями о тех выходцах, кои со времени перехода прежних поселян от помещика Бальша водворились впоследствии на его землях» от 25 августа 1839 г. на 6 листах. Он включает сведения о 106 семьях и бурлаках (НА РМ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 672. Л. 941—946);

5) «Именной список поселянам, жительствовавшим на землях помещика Бальша, и переселившимся из его имений в селениях других помещиков Бессарабской области, извлеченный из всех присяжных розысканий, бывших разных комиссий, с показанием времени переселения каждого семейства и человека» от 25 марта 1839 г. на 49 листах. Включает сведения о 330 семьях и бурлаках (НА РМ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 672. Л. 947—994). Приведенная сигнатура архивного дела относится к 70-м гг. прошлого столетия, когда автор делал из него выписки.

Нас интересуют первый и третий «Именные списки» глав семей выходцев из-за Дуная, переселившихся со своими домочадцами с помещичьих земель И. Бальша на казенные земли Буджака. Оба они составлены поселянским стряпчим Аккерманского уезда по фамилии Зворский. Для краткости и чтобы не запутать читателя, ниже будем называть первый «Именным списком» Зворского, а второй — «Именным списком болгарам, новым переселенцам».

Источниковый анализ антропонимов из «Именного списка» Зворского. Это сводный документ, а его база — именные списки, составленные «разными комиссиями» на основе сбора сведений чиновниками судебных инстанций Бессарабской области и Управления задунайскими переселенцами с 1832 г. по 1839 г. По отношению к локальным спискам «Именной список» Зворского от 10 июня 1839 г. чисто внешне выглядит как вторичный документ. Но это не так, поскольку в нем обобщены самые последние и, что очень важно, проверенные и достоверные данные о тех

«старожилых болгарах», которые самовольно переселились на казенные земли Буджака из имений И. Бальша. Поэтому — это сводный первичный документ.

В «Именном списке» Зворского указаны населенные пункты, из которых выходцы из-за Дуная до 1806 г. самовольно переселились на казенные земли Буджака. Это Орак, Кугурлуй, Томай, Минжир, Малешты, Джигалбай, Пеленей Булгар, Пеленей Молдован, Гаджикиой, Гречан, Алоат, Казаяклия, Мусаит, Чадыр — всего из 13 сел, принадлежавших И. Бальшу. Часть из них в то время граничили с Буджаком и располагались северо-восточнее от него, в Припрутской зоне. Это та часть «двухчасовой зоны», юридически принадлежавшей Молдавскому княжеству, которая граничила с Буджаком.

Особую важность для нашего анализа имеет указание в «Именном списке» Зворского тех населенных пунктов Буджака, куда переселились эти «старожилые болгары», или, как принято называть их в литературе, «старые переселенцы». Приведем этот список сел, разбив его на группы, с учетом последующих административных и этнодемографических процессов, происходивших после 1819 г. на территории Буджака вообще, в колониях «задунайских переселенцев» в частности. Первая группа: Кубей, Трояны (Старые Трояны), Волканешты, Дизгинже, Томай, Баурчи, Чадыр-Лунга, Саталык-Хаджи, Гайдар, Комрат, Кириет (Кириет-Лунга), Копчак (но не Татар-Копчак, так как в списке указывается, что «эта колония уничтожена в 1828 г.» и жители Копчака переселились в колонию Комрат), Авдарма, Бешгиоз, Конгаз, Кирсово, Бешалма, Чокмайдан, Курчи, Димитровка, Казаяклия, Чешмекиой. Судя по документам этих и многих других дел, большинство самовольно переселившихся в эти населенные пункты Буджака «старых переселенцев» относили к «болгарам, говорящим на турецком языке», что соответствует современному этнониму «гагауз». Но в некоторых из них, в частности, в колониях Старые Трояны, Кубей, Курчи и других проживали также и славяно-болгары, говорившие на родном языке.

Вторая группа: Тараклия, Ташбунар, Болград, Табаки, Чийшия, Бановка, Чешма-Варуит — эти села впоследствии стали известны как населенные болгарами, однако в них селились также и «болгары, говорящие на турецком языке», но их здесь было меньшинство. Отдельно стоит выделить колонию Каракурт — единственную с албанским населением — а также село Башкалия, большая часть жителей которого составляли выходцы из-за Дуная, но в состав колонистских сел оно не было включено.

Третью большую группу составляют припрутские колонии «задунайских переселенцев»: Инпуцита, Колебаш, Анадолка, Фрикацей, Барта, Хаджи-Абдул, Журжулешты (Джуржулешты), Сатуново, Бульбоки. Они расположены в приграничной к Буджаку зоне территории Молдавского княжества (до 1812 г.). Эти села основаны молдаванами, в них большинство населения тогда составляли молдаване, но проживали там также и «болгары» двух языковых общин — турецкоговорящие и славяноговорящие.

Наконец, еще одну группу, составляют села и города, не вошедшие в состав поселений задунайских переселенцев: Татарбунар, Рени, Измаил.

Следует подчеркнуть, что некоторые названия колоний в «Именном списке» Зворского, где поселились «старые переселенцы», бежавшие от Бальша, относятся ко времени его составления — 30-м гг. XIX в. До 1816 г. не было упоминаний в документах о таком селении как Комрат (Булгар 2008: 6). Болград как самостоятельное поселение появляется после 1820 г., а до этого он ассоциировался с колонией Табаки. Колония Чадыр-Лунга в Указе Правительствующего сената от 29 декабря 1819 г. называлась Лунгой. Название некоторых населенных пунктов записано в несколько непривычном для нашего слуха звучании: Адарма — Авдарма, Безгиоз — Бешгиоз, Журжулешты — Джуржулешты, Траян — Троян.

В списке указано время бегства «старых переселенцев» из помещичьих имений И. Бальша на казенные земли Буджака — 1814—1817 гг. За исключением восьми глав семей, переселившихся из с. Кугурлуй в Тараклию в 1808 г., пять глав семей, бежавших от Бальша в 1818 г., и по одной главе семьи — в 1819 и 1820 гг., поселившихся в разных колониях: Томае, Дизгинже, Авдарме и Баурчи.

В списке «старых переселенцев» включено 630 глав семей (631-й в этом списке не относится к выходцам из-за Дуная). Но на основании его данных не представляется возможным определить численность каждой семьи и общую численность всех бежавших семей, являвшихся предметом следственных «розысканий», которые должны были бы быть приведены в указанном документе. Дело в том, что в «Именном списке» Зворского одна часть глав семей указана с упоминанием жены и имен детей женского и мужского пола, а другая часть

этого списка либо вовсе не содержит таких сведений, либо они записаны в примечаниях, относящихся к месту переселения глав семей. Там указано, что у данного лица есть семья, но не приведены ни имена ее членов, ни ее численный состав. Но у нас есть возможность определить относительно достоверную их численность, если мы выведем среднюю численность одной семьи на основе полных данных у части семей и экстраполируем этот средний показатель на общую численность глав семей, включенных в списке — 630.

Из 630 глав семей против 314 указан поименный или численный состав семьи. Эти данные собраны в 30-х годах XIX в. и включают 941 человек. В среднем на одну семью приходится 3 человека. На основании этого расчета мы выводим численный состав 630 семей этого списка в 1890 человек.

В литературе о переселенцах из-за Дуная при определении их общей численности, в случае отсутствия официальных статистических данных, принято брать цифру пять в расчет средней численности одной семьи. Статистические данные о численности населения в колониях «задунайских переселенцев» первых десятилетий пребывания в колонистском статусе в целом подтверждают, что такой подход объективно отражает реальную действительность. Однако в нашем случае этот расчет — в среднем пять человек как состав одной семьи — не применим по следующим соображениям. Во-первых, в «Именном списке» Зворского включены под отдельным номером одинокие, так называемые бурлаки (вдовствующие старики или не женатые мужчины), что не может не снизить средний показатель численности одной семьи. Во-вторых, мы допускаем, что не вся семья, а часть ее бежала тогда с помещичьего имения. Наше предположение основано на том, что бегство с помещичьих земель продолжалось и после 29 декабря 1819 г. и фактически завершилось к 1827—1828 гг. Крестьянская мудрость и осторожность диктовали задунайским выходцам тактику постепенного ухода с помещичьих имений. В последующие годы могло произойти воссоединение семей и родственных кланов в пределах одного колонистского села, если позволяли его земельные условия или наличие резервной земли во всем Управлении задунайскими переселенцами. Наличие бурлаков в «Именном списке» Зворского, между прочим, может иметь объяснение также этим обстоятельством. Таким образом, на одного-двух-трех, бежавших из имения И. Бальша, приходятся два-три остающихся в нем — это утверждение также основано на документах, имеющихся в нашем распоряжении. И. И. Мещерюк считает, что «в 1818 г. у помещиков оставалось 13% общего состава переселенцев» (Мещерюк 1957: 101).

В связи с определением численности «старых переселенцев», которые бежали от И. Бальша, возникает вопрос: какова вообще была их общая численность в Буджаке, а также в приграничном к нему регионе Молдавского княжества к началу русско-турецкой войны 1806—1812 гг.?

А. Скальковский утверждает, что «значительное переселение болгар и вообще задунайских славян в Бессарабию» началось с 1769 г. и продолжалось по 1791 г. По его «достоверным сведениям», тогда «перешло их до 2000 о. п. душ, которые и поселились в крепостях: Измаиле, Килии, Бендерах и Аккермане (где оставались некоторое время русские гарнизоны), в городах Кишиневе и Рении, на землях молдавских бояр и, наконец, вместе с ногайцами, в кишлах и усадьбах татарских в Буджаке, или собственно Бессарабии расположенных» (Скальковский 1848: 4). Но, отвечая на вопрос, сколько всего в 1819 г. считалось семей «старых» переселенцев из-за Дуная в Бессарабию, он приводит такие данные:

— «На казенных землях (то есть в Буджаке, оставленном ногайцами) — 1196 семей;

— в городах: Измаиле — 143, Килии — 14, Рении — 5, Аккермане — 2, Бендерах — 16, Кишиневе — 507;

— на участках Икисаат и Мусаит (в Кагульском уезде) — 205;

— на землях безспорно помещикам принадлежавших (в том же уезде — 206. Итого — 2294» (Скальковский 1848: 19).

И. И. Мещерюк, анализируя «Перечневую ведомость задунайских переселенцев», представленную наместнику Бессарабской области А. Бахметьеву 16 июля 1816 г., утверждает, что из 5320 семей задунайских переселенцев только 241 семья в ней — «старожилая», в количестве 1516 человек, проживающих в Томаровском цынуте, и 288 человек — в Гречанском цынуте (Мещерюк 1957: 56—57). По нашему мнению, автор имеет в виду тех «старых переселенцев» которые уже бежали от помещиков, поселились на казенных землях Буджака и были взяты на учет.

Работа по выявлению численности и места проживания «старых переселенцев» на помещичьих землях Бессарабской области была продолжена Д. П. Ватикиоти и С. Г. Навроцким и завершена в ноябре 1816 г. Согласно их данным, «в помещичьих селах Кодрского и Гречанского цынутов оставалось 1566 переселенческих семей», что составляло около 30% от общего количества переселенцев

(Мещерюк 1957: 58). На странице 101 этой же книги автор приводит другие цифры, также относящиеся к концу 1816 г.: «на землях помещиков проживало 1865 семей или более 35% общего количества переселенцев». Но среди них были и «новые переселенцы», которые в ходе русско-турецкой войны начала XIX века также поселялись на землях бессарабских помещиков. Это не дает нам основания отнести всех поселившихся на помещичьих землях выходцев из-за Дуная к «старым переселенцам». Если же мы возьмем данные 1819 г., приводимые А. Скальковским, но без тех, что поселились в городах Бессарабии, то мы получим 1607 семей «старых переселенцев», поселившихся в степном Буджаке и в «двухчасовой зоне» на участках Икисаат, Мусаит и на помещичьих землях Кагульского уезда. Анализируемые антропонимы 630 глав семей составляют 32,9% от 1607. Это достаточно высокая репрезентативность для объективного анализа, обобщений и выводов.

Антропонимы «Именного списка» Зворского. К 1839 г., когда этот список был составлен, жители колоний «задунайских переселенцев» Бессарабии были подвергнуты двумя переписям — в 1821 и 1835 гг. Перепись 1821 г. до сих пор не обнаружена в архивохранилищах, но она, безусловно, имела характер «ревизской сказки», поскольку на ее основе происходило наделение колонистов земельными участками в 60 десятин, а также определялись их подати и повинности. К сожалению, нам неизвестно, каким образом в этой переписи осуществлялись записи антропонимов глав семей, то есть, была ли эта запись имени главы семьи двучленной или трехчленной (собственное имя главы семьи, имя его отца как отчество и собственно фамилия). В «Ревизской сказке» 1835 г. глава семьи указывался тремя составными частями: своим именем, именем отца и собственно фамилией.

«Именной список» Зворского составлен, как правило, на основе имени главы семьи и имени его отца. Но встречается также много записей, состоящих только из имени главы семьи, либо его имени и профессии. В тех случаях, когда глава семьи умер до переселения его семьи с помещичьей земли Бальша, в списке под соответствующим номером записывалась «вдова» такого-то главы семьи. Указываем на эти особенности данного списка, чтобы подчеркнуть, с какими трудностями столкнется исследователь, если сделает попытку на основе такой не полной антропонимической информации определить как этническую идентичность каждой семьи «старых переселенцев», так и этнический состав всех колонистов Управления задунайскими переселенцами.

Мы себе такую задачу, объективно практически не выполнимую, не ставим, а лишь предпринимаем попытку на основе антропонимов раскрыть некоторые тайны происхождения фамилий «старых переселенцев» из-за Дуная. С этой целью мы сгруппировали имена и фамилий всех глав семейств из «Именного списка» Зворского по четырем категориям: 1) болгарский антропоним обоих его частей, или указание на якобы болгарское этническое происхождение глав семей; 2) сочетание славяно-болгарского имени с присутствием второго тюрко-турецкого компонента в записи антропонима главы семьи; 3) Славяно-болгарское имя главы семьи в сочетании со второй частью антропонима, указывающего на «тюрко-гагаузскую» принадлежность его носителя; 4) имя либо фамилия главы семьи, присущие молдавской специфике написания антропонимов.

Прежде чем приступить собственно к характеристике антропонимов «Именного списка» Зворского, проанализируем сам список с точки зрения оформления записей в нем. Прежде всего, нельзя исключить, что при составлении «поселянским стряпчим» Зворским сводного списка он мог допускать ошибки в написании имен глав семейств. Необходимо также учитывать, что и тот, кто составлял так называемый первичный список, также мог написать ошибочно имя главы семейства, вторую и третью часть его фамилии в тогдашнем ее понимании. Мы же, работая не с самим архивным документом, а с его микрофильмом, также могли неправильно прочитать ту или иную запись антропонима главы семьи.

Записи сведений о главах семейств «старых переселенцев», как правило, за редким исключением, состоят из двух частей антропонима. Одна из них, первая, означает имя главы семьи, а вторая — это либо имя его отца, либо уличное прозвище главы семьи или его отца, либо содержит еще какую-то иную информацию. То есть, «Именной список» Зворского зачастую не дает имя отца главы семьи, не говоря уже о третьей части антропонима, которая, собственно, и является фамилией в бессарабском болгарском или гагаузском варианте фамилий их носителей.

В нескольких случаях в этом списке приведены сведения, относящиеся не к главе семейства, а к его жене. Таких записей едва ли наберется с десяток. В тех случаях, когда удавалось восстановить антропоним отсутствующего главы семьи на момент бегства его семьи

с помещичьей земли, мы при анализе брали в расчет сведения о нем и относили их в ту или иную группу антропонимов.

Оформление записей антропонимов глав семей «старых переселенцев» осуществлено Зворским вразнобой. Одни имена записаны им с заглавной буквы, другие — с прописной буквы. Что касается записи второй части антропонимов глав семей, то они, как правило, даны с маленькой буквы, даже если очевидно, что это имя отца главы семьи. Чтобы не переносить эти ошибки в статью, мы обе части фамилий глав семей приводим с заглавной буквы. Кроме того, все случаи сомнительной трактовки антропонимов глав семей, которые могут повлиять на отнесение их в ту или иную группу антропонимов, мы отмечали вопросительным знаком в скобках.

Антропонимы некоторых глав семей в «Именном списке» Зворского записаны в русском варианте (Николай, Константин, Петр, Павел и т. д.) и по правилам орфографии русского языка, например, с мягким знаком: Лазарь, Фильчу, Келечь, Вильчу, Ротарь. Русифицированные записи антропонимов глав семей не принимались нами во внимание при отнесении их в ту или иную группу.

Перейдем к анализу самих антропонимов «старых переселенцев» из-за Дуная, содержащихся в указанном списке Зворского, в разрезе четырех выделенных нами групп.

Имена, отчества и прозвища глав семей, которые можно отнести к болгарской антропонимии. Эта группа «старых переселенцев» оказалась наиболее многочисленной среди тех, кто бежал из помещичьих имений Иона Бальша на казенные земли Буджака.

Внутри нее нет единого подхода в записях второй части антропонима глав семейств. В одном случае приводятся два имени: первое из них указывает на то, как звали главу семейства, а второе — это имя его отца: Георгий Стойчу, Петко сын Дима, Неделко сын Димо, Мито сын Панча, Антон сын Савы, Нику сын Янчу, Тони сын Костя, Тодор сын Слав, Танасий сын Никульча, Миту Драгой, Георгий сын Раду, Танасий сын Русе, Димитр сын Георгий, Панаитий Константин, Петре Марин, Янчий сын Раду, Марин сын Николча, Тодор сын Стоян, Вылю, Вилку брат Минчу, Коле, Никола сын Стойка, Тодор Стойка, Тодор Колешко, Михаил сын Диордия, Диордий сын Иовча, Неделко Лазарь, Диордий сын Петру, Иов сын Петру, Ени Костя, Танас Динчу, Николай Слав, Петре Нетку, Пану Наку, Константин Лазарь, Петре Нетку, Слав Минче, Петре Неделко, Михаил Желязко, Стоян Минчу, Иванчу, Димитрий сын Иванчу, Дачу, Тодор Динчу, Тодор Янукул, Стоян сын Ганчу, Анастасий Марин, Коста Марин, Райчу, Стою Тодоров, Танасий Стоичул, Петре Даче, Никулч Стойко, Янчул Кирул, Филипп Главче, Тодор Неделка, Яни Руссе, Тодор Енак, Цветко Стоилов, Найден Стоев, Злат Василий, Миху Николаев, Андрей Гену, Филипп Станчу, Иов Константин, Диордий Занфир, Добре сын Михая, Димитрий сын Николы, Тодор Раду, Константин сын Ников, Калчо Костов, Янчо Танасов, Стою Колев, Стою Мартин, Златан сын Донча, Марин Николаев, Стоил Койчу, Иван Манев, Иов Цанку, Светко Дойнов, Филипп сын Дончу, Ангел и т. д.

Болгарский именник второй половины XVIII — первой половины XIX в. включал, считает Н. В. Кара, имена из православного календаря греческого происхождения, латинские календарные имена святых, еврейские имена, а также имена болгарского происхождения. Последние — двух видов. Имена одного «образованы как варианты иноязычных. Они получают статус самостоятельных после утраты связи с исходным именем». Второй вид — «истинно болгарские по происхождению имена», которые «связаны с дохристианскими верованиями болгар». Они представлены двумя вариантами: пожелательные имена и защитные имена (Кара 1999: 240—241). Одесская ученая В. А. Колесник также делит болгарские имена на четыре группы по происхождению: дославянские имена (фракийские и праболгарские), славянские, календарные (еврейские, греческие, латинские) и новообразования и заимствования из западноевропейских языков (Колесник 2001: 60). Для нашей статьи различия в группировке происхождений болгарских имен, примененные Н. В. Кара и В. А. Колесник, не имеют значения, поскольку в главном их подходы совпадают.

В «Именном списке» Зворского представлены все перечисленные Н. В. Кара разновидности болгарского именника:

— имена греческого происхождения: Анастасий, Андрей («мужественный»), Ангел, Марин, Петр («камень»), Тодор, Василий, Савва, Георгий («земледелец»), Иоанн, Димитрий;

— латинские: Константин, Антон;

— еврейские: Лазарь, Михаил, Иван;

— болгарские варианты иноязычных имен: Танас, Танасий, Петко, Коста, Диордий, Динчо, Янчо, Мито, Колю, Минчу. В. А. Колесник считает, что «христианские имена при заимствовании адаптировались, попадая под влияние системы народных болгарских имен», от которых образовано много производных сокращенных или уменьшительных форм».

Например, Коста, Динчо (от Константин, Костадин), Герги (от Георгий), Атанас, Танас (от Афанасий) (Колесник 2001: 63, 65);

— болгарские пожелательные имена: Радо, Драган (чтобы был дорог), Добри (чтобы был добрым), Желязко (чтобы был крепким как железо);

— защитные имена: Вылко (Вълко, сам волк, потому ему не будут вредить волки), Стоян (чтобы остался жив) — Стойко, Стою, Стоил.

Имя Неделко, как вариант Недялко, Недко, Нейко, Нено, происходит от женского имени Неделя — «воскресение». Недельо, Неделя «являются кальками греческих имен Кириак, Кириаки» (Колесник 2001: 64). Это имя, как и Христо, также присутствует в указанном списке Зворского. Оба они «исконно болгарского происхождения», которые «связаны с христианской верой» (Кара 1999: 242).

Другие записи глав семей включают его имя и профессию, его или отца: Колю Мельнича, Енчу Кожухарь, Стоян Памуклиу («памук — хлопок»), Яни Даскал.

В эту группу антропонимов глав семей мы включили всех, у кого за именем следует указание на его этническое самоназвание «болгар» или вариативное уличное прозвище «болгар»: Никола Булгарю, Иван Былгарив, Бано Болгар, Вилчо Болгар, Янчу Болгар, Маноли Болгар, Райчу Болгарюл, Тодор Болгар, Василий Болгарю — всего 19 глав семей с таким этническим признаком их фамилии. К ним можно отнести и тех глав семей, второй компонент антропонима которого происходит от этнического «серб», поскольку, как известно, болгарам в Дунайских княжествах часто давали такое уличное прозвище: Онофрей Сырбу, Стоян Сырбу, Енакий Сырбул, Данило Сербул, Георгий Сербул, Братан Сырбул.

В «болгарскую» группу антропонимов мы включили также тех глав семей, у которых следующий за его именем второй «фамильный» компонент указывает на его уличное прозвище («прякул»): Коле Варбан, Тодор Полешко, Диордий Петлешку, Диордий Шарим, Добре Токан (Тукан), Марин Аршин, Колю Хаджиу, Яни Хаджиу, Николай Чорбаджиу.

Некоторые фамилии, которые нами включены в «болгарскую» группу антропонимов, не поддаются точному объяснению по второму компоненту фамилии главы семьи. Мы отнесли их сюда на основе первого компонента, то есть по имени, хотя и понимаем, что только этого признака недостаточно: Георгий Наш, Тодор Яицки (?), Хрисол Хороул, Тодор Щербан, Танасий Кателu, Василий Тиху, Стою Папаран (?), Стоян Гадипов, Велко Бобернак, Минчу Паскал (по мнению В. А. Колесник 2001: 78), образована «от греческого по происхождению имени Паскали, которое в переводе с греческого означает Великден — Пасха»). Несколько записей сделано только по имени главы семьи на день бегства из помещичьих имений: Вылю (от Вълю), Никола (от Нику или Коли), Дачу, Еландий, Тодоран, Драган, Ангел.

Наконец, укажем и на записи главы семьи, содержащие якобы все три компонента фамилии: Петре Даче Менею (?), Неделко паринь чика (?), Филип Белич Митан, Филипп Станчу иману (?), Губче Булгарю Тиоса.

Все вышеприведенные сведения, после которых мы поставили знак вопроса, могут означать либо искажения, допущенные в ходе составления первичных списков или обобщающего «Именного списка», либо результат неправильного его прочтения нами по причине плохого качества микрофильма, либо они нуждаются в прочтении и толковании со стороны специалиста-филолога.

Несмотря на множество оговорок, сделанных нами по антропонимии в «болгарской» группе «Именного списка» Зворского, мы, тем не менее, можем сделать следующие выводы. Среди «старых» переселенцев из-за Дуная, безусловно, были славяно-болгары, или болгары, говорящие на родном болгарском языке. Это подтверждается тремя видами записей: одним именем главы семьи, именем главы семьи в сочетании с именем его отца, а также вторым компонентом фамилии главы семьи «серб», «сербул», которым местное молдавское население издавна называло болгар. Что же касается почти 20 записей фамилий глав семей с использованием этнонима «болгар» в различных его транскрипциях, то среди них также могли быть славяно-болгары, но не только. Некоторые из них, возможно, большая часть, могли быть «болгарами, говорящими на турецком языке», соотносимые с современными гагаузами. У нас нет оснований утверждать, что носители фамилии «болгар» сами себя тогда так называли, как нет оснований отрицать, что такое уличное прозвище они получили от молдаван, в селах которых они подселились.

Утверждая, что часть носителей фамилии Болгар — это выходцы из-за Дуная, говорившие на турецком языке, обратим внимание и на другое прозвище, которое давало местное население таким задунайским переселенцам. И. В. Дрон пишет, что «в переписях населения, проводимых в 70-х гг. XVIII в. на территории феодальной Молдовы, встречаются данные о так называемых “крещеных турках” в молдавских селениях». Он приводит

целый ряд сел, в которых глава семьи был отмечен как «турк ботезат», что и означает «крещенный турок». Дрон считает, что «гагаузское православное население, известное молдаванам в XVIII в. под названием турчь ботезаць, проживало в молдавских селениях задолго до 1770 г.» (Дрон 1992: 32—33). Мы предполагаем, что употребление местным молдавским населением для переселенцев, говорящих на турецком языке, понятия турк ботезат, было неприемлемым для них. Здесь у этих переселенцев усилилось стремление дистанцироваться от этнических турок выраженное в том, что они сознательно назывались болгарами, подчеркивая в переписи самоназвания: болгар, болгарю, болгарюл. По нашему мнению, соответствовало их самоопределению как болгар еще на Балканах, чтобы их не принимали за турок из-за языка, на котором они разговаривали. Но, так или иначе, носителями фамилии Болгар были «старые переселенцы», принадлежащие к двум языковым общинам: говорящей на болгарском языке и говорящей на турецком языке. Носителями этой фамилии и теперь являются как болгары, так и гагаузы Бессарабии.

Вторую группу антропонимов, выделенную нами на основе «Именного списка» Зворского, составляют главы семей, вторая часть фамилии которых содержит указание на антропонимы тюрко-турецкого происхождения. В целом мы ее определяем как болгаро-тюрко-турецкую группу антропонимов.

Первая часть антропонима — имя главы семьи, указывает, за очень редким исключением, на использование «старыми переселенцами» при крещении детей болгарского православного церковного именослова (приводим в правописании документа): Янче, Панчо (от Пани, Степан), Добре, Тодор, Степан, Семион (Семен), Симеон, Желез, Желязко, Николай, Никула (от Нику, Колю), Никола, Параскив, Миту (Митю, Димитрий), Митич, Дима, Недуля, Коле, Танас, Танасий, Стою, Петре, Георгий, Диордий (от Ёрги/Иорги), Стан, Косту, Велю, Иордан, Иванчу, Ени, Антон, Дончу, Ангел, Илия, Генчу, Златен (Злати), Филипп, Стоян, Раду, Иордан, Мати, Ангел, Иван, Филчу, Киру, Панаит, Михал, Яни, Велю, Василий, Стоил, Дончу, Генчу, Филипп, Марин, Милку.

Сравнивая имена болгарского именника первых двух групп глав семей «старых переселенцев», находим существенное сходство между ними. В первой, болгарской, группе мы не встретили только такие имена, как Параскив, Илия и Иордан. Во второй группе нет болгарских имен латинского происхождения Антон, Константин. В этой группе, возможно, меньше разнообразия антропонимов болгарского происхождения, но это связано с тем, что здесь вторая его часть — тюрко-турецкая.

Анализ этой второй части антропонимов тюрко-турецкого происхождения «старых» переселенцев осуществлен на основе словарей: «Гагаузско-русско-молдавский словарь» (1973) и «Турецко-русский словарь» (1977), а также монографии И. В. Дрона и С. С. Курогло «Современная гагаузская топонимия и антропонимия» (1989). В тех случаях, когда в указанных источниках не находились ответы, использовалась информация, полученная от носителей гагаузского языка: Л. С. Чимпоеш, Е. С. Сорочан, Г. К. Кышлалы.

В «Именном списке» Зворского по этим двум группам антропонимов очень редко встречается, чтобы первая его часть, имена глав семей, не были свойственны болгарскому именнику, в то время как вторая его часть во многих случаях имеет тюрко-турецкое происхождение. Такие фамилии, — «как правило, прозвища, турецкие по происхождению или с турецкими корнями»; «Это, как правило, турецкие по происхождению фамилии» (Колесник 2001: 70, 71):

— Терли — происходит от «потный, запотевший»;

— Дели — «буйный, бурный, безрассудный, потерявший голову», но может быть, в его основе лежит иное обозначение, а именно «язык»;

— Матис — в обоих словарях нет этого слова. Возможно, это имя — не тюрко-турецкого происхождения. Не исключено, что это искаженная запись имени Мото-Мотю-Мътю. Оно встречается среди бессарабских болгар и может быть отнесено к именам болгарского происхождения. В переводе на русский язык — Матвей;

— Лефтер — человек, изготавливающий или продающий золотые или серебряные женские украшения определенного размера. Имя происходит от «лефт — 1) золотая или серебряная монета, из которой составляется монисто, 2) монисто из золотых и серебряных монет»;

— Лефтелий — корень тот же «лефт». Имя, возможно, указывает на место (город, село) на Балканах, в Турции, где изготавливались золотые и серебряные женские украшения (Л. С. Чимпоеш);

— Кара — черный — в качестве собственного имени главы семьи: Кара Иван, Кара Гицу, Кара Диордий.

Второй тюрко-турецкий компонент антропонима главы семьи «старых переселенцев» во второй группе представлен очень широко в «Именном списке» Зворского. Приводим полный их список в том виде, в котором мы его первоначально составили: Буюклиу, Сары, Куру, Депажиу, Келечь, Тиоса, Курза, Кара, Копанжу, Копаджиу, Арнаут, Киоса, Гузун, Узун, Карадиордий, Кафтанжи, Бокаржий, Макаржиу, Телеш, Каргалик, Таукчиу, Топал, Копажан, Тронстарю, Тумба, Кулич, Кирма, Караяни, Бостанарь, Ермалий, Гаджиу, Кыльчик, Кованжиу, Кафеджиу, Карабаби, Дервиш, Касим, Гайдаржиу, Гандемиш, Гайтанжиу, Кунача, Дели, Абажер, Филча, Корчмарь, Колне, Курт, Карауца, Дениали, Капсамол, Чалик, Куружиу, Бачекчиу, Карабалтаг (?), Бездей, Коваржиу, Карабеле, Караданил, Кевре, Наятакчи (?), Терзи, Бербен, Калчу, Кочук/Кучук, Гарабаджи, Хозун, Мирзако, Червале, Бабаяни, Даду, Койма, Казанжиу, Каргали, Килжив, Жикжак, Женжин.

Изучая, что обозначают вышеприведенные тюрко-турецкие антропонимы, как вторая часть имени главы семьи, мы пришли к заключению о существовании многообразия форм их образования. Их можно разбить на несколько групп.

В одну из них включаем фамилии, которые распространены как среди гагаузов, так и среди болгар:

— Тиоса/Киоса (впоследствии трансформировалось в Киосе, Киссе, Тиосе, Киссеев) — безбородый;

— Топал — хромой, калека;

— Буюклиу — от «буюклы» — усатый;

— Кара — уже как фамилия — черный, смуглый, темный;

— Узун — высокий, длинный;

— Таукчиу — от «таукчу», 1) птицевод, 2) продавец птиц;

— Терзи — портной;

— Арнаут — от «arnavut — 1) албанец, 2) горький красный перец (arnavut biberi)». В исторической литературе встречается понятие «арнаутская команда» как определение иррегулярного воинского отряда. Поэтому «арнаут» в условиях Бессарабии может означать также человека, состоявшего во время русско-турецких войн в рядах такого формирования. Любомир Милетич утверждает, что албанцами называли македонских переселенцев «от Костурско», заселившихся в с. Караарнаут еще в первые годы завоевания османами Болгарии: «…с това име доскоро в източна България са били означавани и македонските българи» (Милетич 1902: 140).

— Корчмарь, от устаревшего кръчмар, — корчмарь, трактирщик;

— Курт (в дальнейшем — Куртев, Куртогло) — волк, зверь (хищный);

— Мирзако — по мнению Л. С. Чимпоеш — это 1) турецкое имя, 2) село Мурзакьой, расположенное вблизи Едирне;

— Кыльчик — «1) рыбья кость, 2) ботаническое: усик, ость (у злаков)».

В другую тюрко-турецкую группу антропонимов включили фамилии глав семей с двусложной структурой, состоящие из двух частей: первая тюркская, а вторую, как правило, находим в болгарском именнике:

— Карадиордий — черный Диордий (Георгий);

— Караяни — черный Ян;

— Бабаяни — дед Яни, старик Яни;

— Караданил — черный Данил. Но встречаются также фамилии, обе составляющие которых — тюрко-турецкие:

— Карабаба — черный дед, черный старик (цыган?);

— Карабалтаг — по мнению Л. С. Чимпоеш — плавни, болото;

— Карабеле — возможно от «1) штыковая лопата, 2) черный пояс»;

— Карауца — слово в словарях отсутствует, возможно, искажение молдавского обозначения повозки «каруца»;

— Кулич — происходит либо от кула — блондин, белокурый, русый; либо от кули — жеребенок.

В третью тюрко-турецкую группу фамилий мы включили тех глав семей, у которых фамилия указывает на профессию его носителя или его предков:

— Кафтанжи — от устаревшего обозначения вида одежды «кафтан» — шьющий кафтаны;

— Бостанарь — от «бостан» (баштан), бостанжи — сторож баштана;

— Бокаржий — от «бакыр» (бакър) — медное ведро; бакыржи — медник;

— Кованжиу — пчеловод, пчельник;

— Кафеджиу — любитель кофе, содержатель кофейни, торговец кофе;

— Гайдаржиу — от «гайда» — музыкант, играющий на гайде;

— Гайтанжиу — человек, изготавливающий шелковые шнуры для украшения одежды;

— Гарабаджиу — в словарях нет перевода этого слова на русский язык. По нашему мнению, эта фамилия, может быть, происходит от слова «арба», получившего в молдавском варианте уличного прозвища такую языковую форму. Арба — это специальная

повозка, предназначенная для перевозки соломы, сена, стеблей кукурузы и подсолнуха. Этот вид повозки был известен бессарабским болгарам и гагаузам под этим названием. Следовательно, Арабаджи/Арбаджи обозначает «человек, изготавливающий арбу» (Л. С. Чимпоеш);

— Казанжиу — от «казанджы» — жестянщик, медник, человек, который изготавливает или продает медные ведра;

— Терзи — портной;

— Абажер — от «абаджи» — портной, шьющий из грубого домотканного сукна аба, или изготавливающий абу;

Следующую тюрко-турецкую группу второй части антропонимов глав семей из числа «старых переселенцев» мы выделили по признаку: редко или вовсе не встречающиеся среди бессарабских болгар:

— Сары — желтый;

— Касим — «1) ноябрь, 2) половина года, 3) делящий, разделяющий, 4) делитель»;

— Келеч — от «келеш» — «плешивый, лысый»;

— Кунач — от «конак» — «1) гость, 2) ночлежка, ночлежный дом, место квартирования»;

— Капсамол — от «капсамон, капсамун» — «исхудалый, тощий» (Л. С. Чимпоеш);

— Чалик — от «чалык» — «тонкий, тощий (о зерне)»;

— Куружиу — от «куру» — «худой, тощий, сухопарый, сухощавый». Среди болгар Бессарабии встречается вариант Куруч — от турецкого «куруч» — слабый человек. Распространена в селе Чумлекьой (ныне село Виноградовка Тарутинского р-на Одесской области Украины) и в дочерних от него селах на Украине и юге Молдовы;

— Калчу — отставший, оставшийся (Л. С. Чимпоеш);

— Копанжу — от «копан» — «ляжка, ножка», следовательно, Копанжу — любитель куринных ляжек. Л. С. Чимпоеш и Е. С. Сорочан считают слово «копан» — болгарского происхождения;

— Бачекчиу — возможно, от «бачак, бачакджи» — «1) нога, 2) ножка (стула)», либо от «бачакли» —«имеющий какие-либо ноги: длинноногий, долговязый»;

— Бербен — от «бербер» — парикмахер;

— Червале — возможно, искаженное молдавское «череале» — означает то же, что и кылчик;

— Койма — ставленник (Л. С. Чимпоеш);

— Даду — от «дад» — «1) дар, дарование, 2) дитя, ребенок, малыш»;

— Тумба — живот;

— Гузун — возможно, от «гюгюн» — «осенью»;

— Нани — происходит либо от «nane — мята перечная», либо от «nanik — шутливый жест, которым дразнят, показывая «нос»;

— Гугун — возможно, искаженное «гугуш» — «голубь, голубка, голубиный».

В результате сопоставления с источниками второй части имени глав семей «старых переселенцев», включенных нами предварительно в данную тюрко-турецкую группу антропонимов, выявлено несколько фамилий, не относящихся к этой группе:

— Тилеш — от болгарского «тиле» — теленок;

— Губа — от болгарского «губя» — теряю (Е. С. Сорочан);

— Трандафир — слово болгарское или молдавское — роза;

— Гаджиу — цыганское слово (Е. С. Сорочан), у болгар «гаджи» имеет жаргонный оттенок и обозначает «молодой человек, с которым встречается девушка» (Е. С. Сорочан);

— Копаджиу — тоже цыганское слово, нами не установлено его значение;

— Лула — перевод этого слова мы не нашли в указанных словарях. Бессарабские болгары употребляют слово «лула» — курительная трубка.

— Филча — болгарское имя ласкательной формы — от Филипп.

Из «Именного списка» Зворского нам не удалось найти этимологическое объяснение происхождению второй части имени глав семей Депажиу, Курза, Аваданий, Макаржиу, Тронстарю, Ермалий, Пантажиу, Колне. Возможно, допущены ошибки при их написании. Что же касается таких фамилий, как Килжив, Жикжак, Женжин, Гужун, то, кроме ошибки в их написании, возможно, это прозвища глав семей с дефектами речи (Л. С. Чимпоеш).

В тюрко-турецкой группе антропонимов, как и в болгарской, также встречаются отдельные имена глав семей, в которых присутствуют все три части антропонима (фамилия, имя, отчество): Андрей сын Георгия Жикжака, Михалаки сын Кара Чани, Кара Никула Бабаяни, Никола Кара Танасий, Панча Панти Кара, Семион Кара Иван, Диордий Кара Дима, Георгий Попеско Караяни, Димитру Диордий Калчик, Михал Кару Мару, Златен Иванов он же Терзи, Енакий Жеко Узун, Никула Кара Чебан. Характерно, что Кара встречается в «Именном списке» Зворского в трех ипостасях: как собственное имя главы семьи (Кара Петре), как имя отца главы семьи (Семион

Кара Иван, Диордий Кара Дима) и входит как часть сложной фамилии главы семьи (Георгий Попеско Караяни). Это свидетельствует о том, что в то время, когда выходцы из-за Дуная поселились на владельческих землях в Припрутье, у них, за редким исключением, еще не было устоявшейся традиции идентифицировать себя на основе трех компонентов антропонима: имени, отчества и собственно фамилии его носителя. И это подтверждается тем, что подавляющая масса глав семей оформлена в указанном списке на основе антропонимов, состоящих из двух компонентов: имени его носителя и имени или прозвища его самого или его отца.

Указанные выше две группы антропонимов глав семей «старых переселенцев», которые выделены на основе болгарского и болгаро-тюрко-турецкого именословов, позволяют выявить специфику идентификации выходцев из-за Дуная, поселившихся в Припрутье до русско-турецкой войны 1806—1812 гг. На наш взгляд, она состоит в следующем.

1. Болгарские имена носителей глав семей в сочетании с болгарскими именами, лежащими в основе отчеств (второй компонент имена) этих глав семей могут принадлежать как собственно славяно-болгарам, так и тем переселенцам, которые называли себя болгарами, но говорили на турецком языке, то есть современным гагаузам.

2. Болгарские имена глав семей в сочетании с тюрко-турецкими компонентами их отчеств, состоящих из одной (Кара, Киоса, Узун, Топал) или двух частей (Карадиордий, Караяни, Караданил), также могут принадлежать обеим этим группам болгар, говоривших на двух разных языках.

3. Болгарские имена носителей глав семей в сочетании с тюрко-турецкими компонентами их отчеств, не встречающихся в фамилиях бессарабских болгар, в большинстве своем могут принадлежать «болгарам, говорившим на турецком языке».

4. Фамилии глав семей в указанных группах, оформленных в традициях романской антропонимии, характерной для Дунайских княжеств, свидетельствуют о том, что выходцы из-за Дуная могли проживать на территории этих княжеств достаточно долго, и это отразилось в написании их фамилий (Казанжиу, Депажиу, Копанджиу, Кападжиу, Макаржиу, Попеско, Гаджиу, Кованжиу, Куружиу, Гарабаджиу).

Третья группа антропонимов состоит собственно из фамилий глав семей, в окончании которых содержатся элементы тюрко-гагаузского происхождения: Дима Тодорчолу, Ион Пателоглу, Никола Варатоглу, Илия Будоролу, Стоян Будуруюлу, Илия Дочулу, Иван Дмитриоглу, Пану Тюролу, Стефан Сароглу, Танасий Думчиолу, Стою Арнаутолу, Филип Тосиолу, Пею Трандафироглу, Петре Кожева Греченолу, Танасий Камоглу, Диордий Камоглу (кукош), Димитрий Караулоглу Камоглу, Иван Занфироглу, Минчу Караогла, Неделю Патеоглу, Марин Хаджи Марин оглу, Недельчу Кюроглу, Вылку Стояноглу. На гагаузское происхождение этих фамилий указывают окончания *-юлу*, *-улу*, *-оглу*, *-олу*, *-юлу*, *-огла*, *-огло*. Такие окончания, как *-огло*, *-оглу* могут встречаться и в фамилиях, указывающих на турецкое этническое происхождение их носителей, но среди православных «болгар, говорящих на турецком языке», которые со временем стали именовать себя гагаузами, не могло быть турок по определению. Вместе с тем, нельзя исключать турецкое влияние на формирование гагаузских антропонимов с использованием *-огло*, *-оглу*.

Эта группа из 23 фамилий — самая малочисленная среди «старых» выходцев из-за Дуная, бежавших из имений помещика Иона Бальша. Всего она составляет менее 4% от общей численности глав семей «Именного списка» Зворского.

Вначале остановимся на происхождение имен глав семей «старых переселенцев» в этой группе. Они распределяются следующим образом:

— шесть болгарских имен греческого происхождения: Тодор, Никола, Илия, Петър, Марин, Димитрий, Стефан;

— семь имен болгарского происхождения, образованные как варианты иноязычных имен: Дима, Диордий, Дочу, Минчу, Пану, Пею, Танас;

— три имени болгарского происхождения, связанные с дохристианскими верованиями болгар: Стою, Стоян, Вълку;

— два имени исконно болгарского происхождения, связанные с христианской верой болгар: Неделю, Недельчу;

— одно имя еврейского происхождения: Иван;

— одно имя молдавского происхождения: Ион;

— одно болгарское имя греческого происхождения: Занфир (от «замфир» — «сапфир»). Таким образом, первая часть антропонимов этих глав семей соответствует болгарскому именнику, за исключением имени Ион.

Вторая часть антропонимов этой группы по своему содержанию имеет три разных принципа его формирования.

Первый принцип. Он состоит из болгарского происхождения имени отца главы семьи плюс окончание *-оглу, -огло* (что означает «сын») и другие их формы: Тодорчолу, Дочулу, Дмитриоглу, Тосиоглу, Мариноглу. Интересен антропоним Стояногло (имя) Вилку — фамилия (Вылку, Вълку — от волка), поскольку обе его части — имена болгарского происхождения.

Второй принцип — в его основу положены тюрко-гагаузские прозвища:

— Варатоглу — у бессарабских болгар «вартоглуф» означает «непоседа» — человек, не могущий долго усидеть на одном месте;

— Будоролу;

— Будуруолу;

— Тюролу;

— Сароглу — от «сааролу» — сын глухого;

— Думчиолу — сын барабанщика;

— Камоглу — возможно, желанный сын;

— Караулоглу — возможно, в значении: покрытое тайной, мраком, темная личность, темное прошлое;

— Караогла — сын черного, смуглого, грозного, страшного;

— Колтуклу — опекаемый, близкородственный;

— Кюроглу — прозвище, от «кюр» — лечение; возможно — сын знахаря;

— Арнаутолу — сын албанца, сын стражника. Следует подчеркнуть, что фамилии Варатоглу, Будоролу, Будуруолу, Тюролу, Камоглу, Караулоглу, Караогла, Кюроглу в «Словаре гагаузских фамилий и прозвищ» не зафиксированы (Дрон, Курогло 1989).

В основе третьего принципа также положены прозвища глав семей, но не тюрко-гагаузского происхождения: Патеоглу (от болгарского «пати» — гусенок, значит: сын того, кто выращивает гусей), Трандафироглу (молдавское слово «трандафир» и болгарское «трандафел» обозначают цветок роза, следовательно: сын того, кто выращивает розу), Греченолу (возможно, антропоним происходит от микротопонима — названия населенного пункта Гречень, поэтому: из Гречень). Наконец, Занфироглу — сын Занфира (имя встречается среди болгар, гагаузов, цыган).

Такое разнообразие принципов формирования второй части антропонимов глав семей «старых переселенцев» свидетельствует о том, что второй компонент имени глав семей турецкоговорящих выходцев из-за Дуная болгаро-тюрко-гагаузской группы находился в зародышевом состоянии. Процесс его формирования запаздывал во времени в сравнении со временем возникновения антропонимов у болгароговорящих выходцев из-за Дуная, у которых второй компонент имени (имя отца), как правило, уже фиксируется, хотя и в промежуточном варианте, без окончаний *-ов, -ев*.

Присутствие в зародыше второго компонента имени среди болгаро-тюрко-гагаузской группы «старых переселенцев» подтверждается также множеством форм его окончаний: *-огло, -огла, -оглу, -улу, -олу*, а также разнообразием источников его формирования: болгарский именник, прозвища тюркского, болгарского, молдавского языкового происхождения. Все это может указывать на то, что, на наш взгляд, при переселении «старых переселенцев», которых мы относим к турецкоговорящим выходцам из-за Дуная, процесс формирования гагаузской идентичности находился на начальной стадии.

К этой группе, болгаро-тюрко-гагаузской, можно отнести фамилии глав семей «старых переселенцев», которые либо вообще отсутствуют, либо мало встречаются среди современных потомков славяноговорящих бессарабских болгар, но они широко распространены среди потомков бессарабских гагаузов в такой же или несколько измененной форме написания. Это Сырф, Кирма, Козмалы, Дулапчи, Четак.

В «Именном списке» Зворского, анализируемом нами здесь, нет глав семей по фамилии или по прозвищу *Гагауз*. Она встречается в единственном числе в этом же деле, но в другом «Списке» — глав семей молдавской национальности. В «Списках» выходцев из-за Дуная, составленных в 1816 и 1818 гг. при активном участии Д. П. Ватикиоти в 1816 и 1818 гг., *гагауз*, как вторая часть антропонима главы семьи, записан всего несколько раз. Ее наличие среди эмигрантов из Болгарии указывает на то, что гагауз как общее прозвище-название всех тюркоговорящих православных родилось на Балканах и оттуда привезено в Бессарабию. Но если на Балканах термин *гагауз* не выступал в качестве самоназвания этого православного населения, то единичные случаи его появления во второй части антропонима глав семей выходцев из-за Дуная в Пруто-Днестровском междуречье мы склонны отнести в категорию самоназвания, а не к их названию *гагаузами* местным населением. Здесь, в Бессарабии, понятие *гагауз* балканского происхождения проходит очищение от какого-то негативного, отрицательного смысла, который вкладывался в него теми, кто его применял по отношению к тюркоязычным жителям Болгарии православного вероисповедания. Появление в Буджаке фамилии *Гагауз*, по нашему мнению, стало той отправной точкой, с которой здесь начался процесс формирования новой этнической общности, гагаузской.

Четвертую группу антропонимов мы обозначили условно как «молдавскую». В одной из составных частей имени, отнесенных в эту группу, присутствует молдавский антропонимический признак. Это может быть имя главы семейства: Ион, Ионица, Кристя, Мане, Кирица, Михай, Костакий, Андрика, Димитру, Митакий, Михалаки, Штефан, Тодоракий. Но больше всего романские антропонимические признаки встречаются во втором компоненте имени главы семьи, которая зачастую выступает в качестве собственно фамилии, а не имени отца главы семьи: Драгуш, Гекуца, Никулица, Мошняг, Ватаман, Моралулуй, Скутельник, Ворник, Лупу, Вакарь, Ротарь, Сарануца, Харабаджиу, Лунгу, Морарь, Кожухарь, Бердеяну, Чолаку, Балаш, Шербан, Горул, Рале, Калдерарь, Мокан, Лунгу, Кроитор, Куля, Бабий, Хирарь, Чунту.

Главы семей по фамилии Мошнягу (Мошняг, Мошняга) встречаются 19 раз, и еще четыре раза в следующем варианте: Мош Кулич, Кирияк сын Моша, Мош Славопрепич, Мош Никола. Мош, Мошняга означает либо отчество, либо уличное прозвище. Второй компонент фамилии Вакарь (Вокарь) встречается шесть раз, Ворник — четыре раза, Ватаман — два раза, Чолак — четыре раза, Кожухарь (Кожуклия, Кожоклиу) — шесть раз. То есть нам встречаются некоторые элементы устоявшихся ныне фамилий в молдавском именнике. Вместе с тем, известно, что в указанном «Именном списке» Зворского нет глав семей молдавской национальности — они в другом списке, который так и называется: «Именной список поселянам молдаванам, разшедшимся из имений помещика Бальша в разные места Бессарабской области на казенные земли, извлеченный из всех присяжных розысканий, бывших разных комиссий, с показанием времени переселения каждого семейства и человека». Он составлен 2 мая 1839 г. и в нем под 839 номерами включены главы семей и бурлаки молдавской национальности. Этот «Список» требует отдельного глубокого изучения, так как и в нем могут встретиться имена и фамилии глав семейств, указывающие на их балканское происхождение. Например, в нем на листе 411 об., под № 105 указан «Панаит гагауц», который «из Градиешт перебрался в Бороган и оттуда бежал вместе с другими молдаванами». «Гагауц» — это гагауз, молдавский вариант уличного прозвища человека по имени Панаит, то есть Панайот в современном правописании болгарского имени. Второй компонент его фамилии — прозвище Гагауз.

Если в «Именном списке» Зворского, относящемся к болгарам «старым переселенцам», как мы считаем, нет молдаван, тогда такой вывод требует дополнительного обоснования.

Как было сказано выше, наиболее часто встречаются среди «старых переселенцев» главы семей по фамилии Мошнягу, Мошняг, Мошняга. Лингвистически она состоит из двух частей: мош и нягу. Смысловое значение имеет первая часть, мош, что в переводе на русский язык означает дед, старик, а на болгарский — дядо. Теперь вновь перечислим некоторых глав семей «старых переселенцев» с фамилией Мошнягу, Мошняг, Мошняга, но в переводе на русский язык: Руса Мошнягу — дед Руса; Иовча Мошнягу — дед Иовча; Танасий Мошняг — дед Танасий; Панчу Мошняг — дед Панчу. И далее: дед Тодор, дед Великсар, дед Волкан, дед Дончу. Если слово дед, деда представить как фамилию в русском варианте, то мы получим: Дедов Русу, Дедов Иовчу, Дедов Танасий, Дедов Панчу и т. д. Но в «Именном списке» Зворского есть записи глав семей «старых переселенцев», которые начинаются со слова «мош», затем следует собственно имя. В этом случае мош означает не имя главы семьи, а, на наш взгляд, указывает на пожилой возраст главы семьи, а не его отца: мош Никола — это дед Никола, мош Маринку — дед Маринку. О том, что это так, свидетельствует запись «Марин Мошняг, он же дядо Маринко», «Димо сын мош Никола» («Димо сын дядо Николы»). Во всех тех случаях, когда записи второго компонента фамилий в «Именном списке» Зворского указаны как Мошнягу, Мошняг, Мошняга, имена носителей глав семей — болгарские: Руси, Иов, Димо, Тодор, Великсар, Марин, Панчу и другие. Следовательно, Мошнягу, Мошняг, Мошняга в этом списке еще не выступают в качестве третьего компонента фамилии глав семей. Такие записи указывают на возраст, положение в семье глав этих семей, или являются уличным прозвищем переселенца из-за Дуная, которое дано им местным молдавским населением припрутских сел Молдавского княжества, среди которого они проживали достаточно долго, чтобы эти прозвища закрепились за их носителями.

В этом «Именном списке» Зворского указаны две главы семей с молдавской фамилией Ватаман. Относительно толкования этого слова известный исследователь средневековой истории Молдовы, этногенеза и этнической истории молдаван В. Стати пишет: «… ватаманы были старейшинами, главным образом, славянских общин в северных и северо-восточных областях Пруто-Днестровского ареала, населенных больше русинами (хотя ватаманы были и в некоторых молдавских

селах)» (см. Стати 2009: 69). Иными словами, Ватаман — это всего лишь должность человека, сельский староста. В одних имениях помещика Бальша, где, вероятно, этнических молдаван было больше, чем «старых переселенцев», этих сельских старост называли ватаманами, в других — атаманами (Франго атаманов, Янчу атаман), в третьих — просто старостами (Дончу староста из селения Мусаит). Таким образом, в указанном «Именном списке» Ватаман тоже не является фамилией, указывающей на молдавский этнический признак ее носителя.

Это же относится и к тем главам семей из «Именного списка» Зворского, вторая часть антропонима которых Ворник, что может означать «человек, стоящий во главе служителей молдавского княжеского двора». В нашем случае Ворник — не более чем уличное прозвище человека, выходца из-за Дуная, возглавляющего в доме дворянина-помещика прислугу.

Несколько раз в этом списке встречается глава семьи по фамилии Скутельник: Петку Скутельник, Иорку (возможно, Иоргу) Скутельник. На наш взгляд, это также уличное прозвище. Оно происходит от названия особого разряда крестьянского сословия скутельников, наделенного некоторыми социальными льготами. Это уличное прозвище встречается среди тех «старых переселенцев», которые бежали из помещичьего имения Чадыр в Чадыр-Лунгу и Баурчи. Еще один раз оно встречается у выходца из-за Дуная, переселившегося из помещичьего селения Томай в Буджак в колонию «задунайских переселенцев» с таким же названием. Правда, глава семьи записан как Илья Карайфре с пояснением, что «он же Скутельник».

Более скрупулезный анализ антропонимов «молдавской группы» указывает на то, что в записях глав семей этой группы сохранилось достаточно много данных, указывающих на их или их родителей балканское происхождение. Это имена: Георгий, Карази, Тодор, Петку, Стоян, Колю, Танас, Танасий, Динчу, Панчу, Иван, Димо, Желязко, Радо, Марко и другие. Второй компонент фамилий их носителей также указывает на не молдавское этническое происхождение: Монастиричу, Славопрепич, Сырф, Сырбул (то есть Серб), Дали-али, Вилку (Вылку — от болгарского слова «вълк»). Даже в тех случаях, когда, казалось бы, молдавский антропоним его носителя не должен вызывать возражение, на самом деле это не так. В «Именном списке» Зворского в некоторых случаях рядом с молдавским именем или фамилией главы семьи «старого переселенца» приведены очень характерные части болгарских или тюркских антропонимов: Михалаки сын Кара Чани, Стоян сын Драгуша, Тодоракий сын Топала, Лупу Курт, Димитру Курт, Ион зять Кара Тодора; Михай дворник (так записано — авт.) он же Топал; Ион сын Георгия Кожуклия; Марин Мошняг, он же дядо Маринко; Вылчу зять Бабия Иона; Василий сын Ивана Гаждер, Иван Мошняга, он же Гаждер; Иван ворник, он же Танов; Стою Гужун, он же Чунту.

Не вызывает сомнения молдавское этническое происхождение только у «Янчу молдовану» (указан под № 483), бежавшего из Пеленей Молдован в Анадолку. Тем не менее, сказанное, на наш взгляд, не означает, что в этом «Именном списке» Зворского вовсе отсутствуют молдаване. В нем есть антропонимы, дающие основание говорить об уже имеющихся на рубеже XVIII—XIX вв. кровнородственных связей «старых переселенцев» с местным молдавским населением в припрутской «двухчасовой зоне» Молдавского княжества (Ион зять Кара Тодора, Вылчу зять Бабия Иона), во-первых. О принятии «старыми переселенцами» при крещении своих детей молдавского православного именника (Ион сын Георгия Кожуклия), во-вторых. О переходе «старых переселенцев» на частичный или полный вариант молдавской антропонимии главы семьи (Лупу Бербюрю, Мирча Стиону, Маноли Кроитор), в-третьих. Такие процессы проходили не спонтанно и занимали по времени не один десяток лет. Таким образом, у нас есть все основания утверждать, что выделенная нами молдавская группа антропонимов глав семей «старых переселенцев» представляет собой фактически болгароязычных и турецкоязычных выходцев из-за Дуная или их потомков, которые в результате длительного проживания в селах с молдавским населением заимствовали отдельные части антропонимов молдавского именнослова. Этническое же присутствие самих молдаван в «Именном списке» Зворского незначительно, и оно выражается в отдельных кровнородственных связях выходцев из-за Дуная с молдаванами, имевших место за время проживания в Молдавском княжестве.

В «Именном списке» Зворского можно встретить в одной из двух частей антропонима глав семей «старых переселенцев» такие имена или фамилиии, которые не позволяют отнести их ни в одну из выделенных нами групп антропонимов. Например: Гену Гортарь, Пено Толегин, Семион Козак, Дима Бурлака, Франго Атаманов, Недуля Арнаут, Дончу Староста. А, казалось бы, такие име-

на, как Костандакий, Тодоракий, Михалаки, Митакий, Стаматий, Панаитий, Танасий, и такие фамилии, как Акороменес, Тодоракий, Греку, Мавров (от Мавриди), Ангели должны были бы свидетельствовать о присутствии среди «старых переселенцев» этнических греков. На наш взгляд, это не так, по крайней мере, по отношению к некоторым главам семей из «Именного списка» Зворского. Так, в пояснении к числящемуся под № 2 Константакию Беженарь указывается, что «он же Узун Колев». О Тодоракии сказано, что он — «сын Топалы», о Михалаки — «сын Кара Чани». У Панаития фамилия Константин, у одного Танасия фамилия Стоичул, а у другого — Камоглу. О Митакие сказано, что он чей-то «зять или Татаров». У глав семей по фамилии Греку имена приведены по греческому именнику (Тодор, Христофор), но они известны также по болгарскому и русскому именникам. У нас есть все основания причислить этих глав семей в одну из двух языковых общин выходцев из-за Дуная, болгароязычную или турецкоязычную.

Антропонимия глав семей «старых переселенцев», включенных в «Именной список» Зворского, свидетельствует о том, что все они в совокупности представляли эмигрантов из болгарских земель двух языковых общин: «болгар, говорящих на славянском языке» и «болгар, говорящих на турецком языке». Этот же анализ показывает, что до переселения в Буджак они жили совместно, то есть в каждом молдавском селении, где они проживали, были выходцы из-за Дуная двух указанных языковых общин. Для нас теперь важно установить, сохранился ли этот принцип совместного проживания после бегства с помещичьих земель И. Бальша и поселения в Буджаке. Конечно, такой анализ лучше делать на базе двух «Списков» задунайских переселенцев 1816 и 1818 гг., поскольку в них включены выходцы из-за Дуная, бежавшие с владельческих земель, принадлежавших и другим молдавским помещикам, а не только И. Бальшу. Хотя в тех «Списках» есть и главы семей из числа «новых переселенцев», и это надо учитывать.

Нас в данном случае интересует положение дел в селах, в которых проживали турецкоговорящие «старые переселенцы». С этой целью мы выбрали антропонимические сведения о главах семей, первоначально поселившихся, или указавших в качестве таковых известные ныне гагаузские села. Статистические данные глав семей в разрезе каждого села выделены в следующих графах (см. таблицу 1).

Общая картина статистики весьма красноречива, и она свидетельствует о том, что при уходе с помещичьих земель И. Бальша и устройстве в Буджаке не было размежевания между двумя языковыми общинами «задунайских переселенцев». Точно такую же картину мы наблюдаем и в тех колониях, которые впоследствии стали известны как болгарские по составу населения в них (Болград, Чийшия, Ташбунар, Чешма Варуит, Бановка, Карагач).

Географические регионы выселения «старых переселенцев» из-за Дуная и места их первоначального поселения в Дунайских княжествах до русско-турецкой войны 1806—1812 гг. — это один их самых неизученных вопросов в истории бессарабских болгар и гагаузов. «Именной список» Зворского не преследовал цель выяснить, из каких мест из-за Дуная эти выходцы переселялись. Он решал иную задачу: выявить всех тех из них, кто самовольно переселился из имений И. Бальша на казенные земли Буджака, и в каком году это было. Тем не менее, как в «Именном списке» Зворского, так и в других документах архивных дел, которые также имеют своей целью рассмотреть жалобу И. Бальша, содержатся отдельные сведения, которые указывают на то, откуда эти переселенцы прибыли до 1806 г. в пограничную с Буджаком «двухчасовую зону» Молдавского княжества.

В «Именном списке» Зворского под №№ 1, 2 и 4 указаны главы семей Панку Дели, Константакий Беженарь (он же Узун Колев), Георгий Дерили (сын Марко Сырбул), которые бежали из селения Орак помещика И. Бальша и поселились первые двое в Кубей, а последний — в Трояны. Здесь приведена информация о том, что все они переселились в имение Бальша в 1807 г. из задунайского селения Суючук (ныне село Българево — авт.), что вблизи Каварны. Все три семьи действительно появились в Орак и Трояны в том году, но мы сомневаемся в том, что именно в этом году они покинули Суючук. Наши аргументы следующие. Если бы эти семьи эмигрировали из Суючука в 1807 г., то они должны были бы проходить по «Именному списку болгарам, вышедшим во время предпоследней (1806—1812 гг. — И. Г.) с турками войны, и после прокламации князя Кутузова Смоленского (26 апреля 1811 г. — И. Г.)». Следовательно, все они по тогдашним понятиям первой половины XIX — бессарабские «болгары, говорящие на турецком языке», а по нынешним — бессарабские гагаузы. Но к записи главы семьи Георгия Дерили добавлено «сын Марко Сырбул». В Суючуке в 1807 г. не могло быть «сырбулов», то есть сербов. Такие фамилии-этнонимы были в Молдавском княжестве, и под ними подразумевались славяноболгары. Отсюда, по нашему мнению, следует,

Таблица 1.

Статистические данные о главах семей в гагаузских селах

Название села	главы семей с болгарской антропонимией	главы семей с болгаро-тюрко-турецкой антропонимией	главы семей с молдо-болгаро-тюркской антропонимией	главы семей с болгаро-тюрко-гагаузской антропонимией	главы семей с иной и неопределенной из-за сложности идентификации антропонимией	Всего
Авдарма	3	20	3	10	4	**40**
Бешалма	—	—	—	2	1	**3**
Бешгиоз	—	2	—	—	—	**2**
Баурчи	5	2	9	6	2	**24**
Вулканешты	9	3	6	2	—	**20**
Гайдары	2	8	2	—	1	**13**
Дезгинже	7	15	9	2	7	**40**
Кириет-Лунга	2	7	5	1	1	**16**
Комрат	3	6	3	1	4	**17**
Конгаз	1	—	1	1	2	**5**
Кубей	1	1	—	1	—	**3**
Казаяклия	1	1	—	—	—	**2**
Саталык-Хаджи	—	1	1	2	—	**4**
Томай	4	6	5	2	17	**34**
Чадыр-Лунга	26	23	27	14	9	**99**
Чишмикиой	—	—	1	—	—	**1**
Итого	**64**	**94**	**71**	**42**	**31**	**302**

что Марко Сырбул появился рядом с Георгием Дерили не в Суючуке и не в Ораке, а где-то в другом населенном пункте Молдавского княжества, которое было его местом проживания после эмиграции из Суючука и до появления в 1807 г. в Ораке.

И еще один аргумент. Во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. русская армия не заходила так глубоко на территорию Болгарии. Это тем более верно для военной кампании на начальном ее этапе, в 1807 г. В условиях, когда в Северо-Восточной Болгарии находилась многотысячная турецкая армия, трудно представить себе, как могли тогда эти трое с семьями переправиться на другой берег Дуная. Все эти доводы дают нам основание предположить, что Панку Дели, Константакий Беженарь и Георгий Дерили переселились в Орак из одного из Дунайских княжеств задолго до русско-турецкой войны 1806—1812 гг.

С таким же сомнением можно отнестись ко всей информации, содержащейся в этом «Именном списке» Зворского, относительно даты переселения других выходцев из-за Дуная в имения И. Бальша во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг.

Что же касается местности, откуда они эмигрировали, то это заслуживает внимания. Так, в документе указывается, что из села Ромали (или Ромели), что около Филиппополя, переселились Стоян Вакарь, его сын Тодор, Слав Ротарь, Минчу Харабаджиу, его брат Вилку. Из «Бабена» (или «Бабека») переселились Колю Вицеларю, Терзи Вильчу, Коле Гугун, Варбан Коле, Никола сын Стойка, Тодор Стойка, Михаил сын Диордия. Название этого села, вероятно, дано в искаженной форме. По нашему мнению, это либо село Бабук, что в Силистринской околии, либо село Бабово из Русенской околии (Милетич 1902: 166, 177). Из Галакли (или Чалакли) эмигрировали Танасий Аваданий (?) и Апостол Лунгу. Все указанные главы семейств вместе со своими семьями бежали в Буджак из селения Кугурлуй, принадлежащего И. Бальшу. Из его же селения Томай (не путать с колонией Томай) переселились Митич Чолак (состав семьи 4 человека), Иванчу (отчество не указано, состав семьи 7 человек), Енакий Чолак (состав семьи 4 человека) и Димитрий сын Иванчу, семья которого состояла из двух человек. Очень интересна запись сделанных «розысканий» в документе относитель-

но этих четырех семей: «Все сии семейства перешли в Волканешты из Бабадагской области назад тому 30 лет, в первую турецкую войну, в 1809 г. переселились в Томай, опасаясь турков, отсель по окончании кампании обратно перешли в Волканешты». Как видно, они переселились в Вулканешты еще в «первую» русско-турецкую войну, то есть в 1787—1791 гг., а в 1809 г. бегут из буджакского села Вулканешты, принадлежащего Порте, на территорию «двухчасовой зоны» Молдавского княжества, в селение Томай помещика Бальша, «опасаясь турков». Это свидетельствует о том, что выходцы из-за Дуная не селились в Буджаке на постоянной основе до тех пор, пока не выяснилось, что он отойдет к России. Маршрут еще одного выходца из Бабадагской области, Ивана Дмитриоглу, также пролегал через бальшевское село Томай в Вулканешты в 1814 г.

В «Именном списке» Зворского под № 155 записан Желез Чакир. Это не кто иной, как известный родоначальник знаменитого рода священников в Бессарабии из числа «старых переселенцев» Захарий Чакир. Желез в семейной обстановке в селах бессарабских болгар и гагаузов приобретал антропонимическую форму Желю. Это имя относится к болгарским по происхождению, связанным с дохристианскими верованиями болгар. По форме оно — пожелательное, обозначающее, чтобы быть крепким, как железо. Имя Желю переводили на русский вариант двояко, как Зиновий и как Захарий. Правнук Захария Чакира, Дмитрий Георгиевич Чакир, автор книги «Биографический очерк рода и фамилии Чакир» пишет: родина его прадеда «Болгария, деревня Шапла Шапланского округа (каза Шапла)» (Чакир 2005: 25). Но Д. Чакир не ограничивается указанием, откуда родом его предок, а сообщает также, что, покинув Болгарию, Желез Чакир с семьей поселился «около г. Плоешты». Там у сына Железа Чакира «Димитрия Чакира родился сын Захария» (Чакир 2005: 27). Спустя 20 лет после бегства из Болгарии «в 1790 году, по приглашению богатейшего молдавского боярина Бальша, братья Чакировы, со всеми своими семействами и имуществом, вместе с другими семействами-болгарами, пришедшими из Турции, в числе 25 семейств, перешли и поселились на земле этого боярина на особых условиях, в селении Чадыр, которое было уже заселено 20 лет тому назад более 25 семействами, тоже болгарами православного вероисповедания, известными под именем "гагаузов" (Чакир 2005: 29). Из этого сообщения Д. Чакира можно заключить, что все 25 семейств, которые из-под Плоешт переселились в Чадыр, или часть их них, также являются выходцами из Шаплы (ныне Шабла). Обратим также внимание на то, что Д. Г. Чакир считает переселенцев-гагаузов из Шаплы «болгарами православного вероисповедания». Но Милетич и Мошков относят их к «греческим гагаузам», у которых были сложные отношения со славяно-болгарами на Балканах.

В «Именном списке» Зворского прежнее место жительство глав некоторых семей «старых переселенцев», поселившихся на землях помещика И. Бальша, присутствует в качестве второго компонента их фамилий. Этот географический определитель второй части антропонима этих глав семей можно свести к двум группам: одна — балканского происхождения, другая — местного, связанная либо с Буджаком, либо с припрутским регионом Молдавского княжества.

К первой относятся главы семей: Драгне Доброжан, Иван Загора, Иван Едернели и Янчу Едернелю, Янчу сын Рущу. Доброжан — это Добруджа, а Едернели, Едернелю — современный турецкий город в европейской части страны Едирне.

Сложнее идентифицировать балканскую родину Ивана Загоры. Это может быть город Стара Загора, но во времена Порты он назывался Ески Заара. Не исключено, что Загора — это, возможно, одна из административно-территориальных единиц болгарских земель Османской империи. На карте итальянца Джакомо Касталди, составленной в 1584 г., SAGORA указана восточнее другого административно-территориального района Порты, а именно SILISTRE, на севере омывается водами Дуная, разделяющими его с Бессарабией (Буджаком), на востоке граничит с Черным морем, а на юге — с административно-территориальным районом, обозначенным на этой карте как ROMANIA (Пиндикова 2006: 102—103). В сущности, это часть территорий Северной и Южной Добруджи и Восточного Причерноморья Болгарии.

Любомир Милетич определяет "загорцев" как языковую группу болгар и считает, что граница их говора проходит восточнее «Сливена и Ямбола и Къзъл-Агач. В равнината южно от Карнобадско няма загорско население». Географическое их расселение он определяет следующим образом: «Известно е, че «загорци» в южна България се казват обикновенно жителите от северна България, особенно полските работници, които по жатва слазят от Балкана в тракийското поле», они пришли сюда «откъм Шуменско и Провадийско». Для нас особую ценность представляет определение Милетичем времени и мотивов переселения «загорцев» в Южную Болгарию: «Кога

са минали загорци през Балкана в източна Тракия, не може сега точно да се установи. Но тъкмо защото у самите тях традицията за дохождането им от север е вече затъмнена, забравена, трябва да заключи, че то ще да е станало доста отколе, най малко през първата половина на по-миналия век (XVIII в.— И.Г.)» (Милетич 1902: 30, 33).

Но наличие среди «старых» выходцев из-за Дуная в «двухчасовой зоне» Прутo-Днестровского междуречья Молдавского княжества беженца Ивана Загоры свидетельствует о том, что такие же, как он, болгары-загорцы спасались от насильственного отуречивания и в другом географическом направлении — севернее Балкан и Дуная, в границах Валахии, Молдавии, Австрии и России.

Еще один глава семьи из «старых переселенцев» записан «Янчу сын Рущу». Возможно, это искаженная запись второй части антропонима. И.В. Дрон и С.С. Курогло приводят в качестве гагаузской фамилию Рушика, тогда следует читать «Янчу сын Руши», то есть Рушика. Но нельзя исключить и другое толкование: Рущу — это Рущук/Русчук, как тогда назывался современный болгарский город Русе.

Книга Л. Милетича, на которую мы выше ссылались, позволяет предположить, что вторая часть антропонимов некоторых глав семей «старых переселенцев», не перечисленных выше, также указывает на населенные пункты Северо-Восточной Болгарии, откуда произошло переселение их носителей. Перечислим их, указывая то административно-территориальное деление Болгарии, которое существовало во времена Милетича, и страницы его книги:

Каргалик — с. Гаргалык, Русенская околия (с. 154);

Кунача — с. Конак, Османпазарска и Ескиджумайска околия (с. 123);

Гарабаджи — с. Арабаджи, Кутбунарска околия (с. 166);

Кулич — с. Кула, Разградска и Кеманларска околия, или с. Кулата, Русенска околия (с. 150, 177);

Касим — с. Касымкьой, Варненска околия (с. 158);

Четак — село расположено вблизи Котела. Л. Милетич пишет, что это «северпланинско село Тича (тур. Читак). Тук началото на Голяма Камчия, която протича покрай селото, се нарича Тича, и това име е дадено и на самото село» (с. 46);

Козак — с. Казакдере, Провадийска околия. Но, возможно, этот антропоним-прозвище происходит от названия крепости Козяк. Она располагалась вблизи Варны. Болгарский царь Иван Александр в 1369 г. подарил ее добруджанскому деспоту Добротице (Атанасов 2009: 267, 286);

Паскал — с. Паскалев, Търновска и Паскалевска околия (с. 185);

Франго — с. Голяма Франга и Малка Франга, Варненска околия, но эти села основаны переселенцами из-под Одрина (с. 151);

Дулапчи — «с. Долапите», Русенска околия (с. 177);

Червен — с. Червен, Русенска околия (с. 178);

Монастирису — села «Горна и Долна Монастирица» (с. 181);

Пеперко — с. Пиперково, «близу до Янтра», Свиштовская и Никопольская околия (с. 186, 189).

Арнаут — по поводу этого антропонима у Милетича есть несколько указаний на его географию: «В Девня <…> е било чисто българско село <…> е имало някакви албанци (арнаути), както и в съседните села Дерекьой, Добрина и Ески Арнаутлар, но и те се преселили заедно с българите в Русия, гдето техни потомци сега има в селата Волканещ и Каракурт до Болград» (с. 105), «Арнауткьой или Бейарнаут — старо албанско население, заселено тук през първите времена на турско завоевание откъде югозападна Албания, наверно от места съседни на Костурско» (с. 142), «В Бесарабия, именно в селата Вълканещ и Каракурт близу до Болград, има преселени от североизточна България такива т о с к и (?), които още владеят своето албанско наречие. Преселението им станало в началото на миналия век, и наверно между тези ще да има и някогашни жители на селото Арнауткьой». Автор говорит о переселении во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг., о котором будет сказано в связи с «новыми переселенцами». Но тогда произошло массовое переселение, а, как видим, некоторая часть албанского населения переселилась раньше, и потому оказалась в «Именном списке» Зворского, то есть среда «старых» выходцев из-за Дуная.

Ко второй, бессарабской, географической группе относятся главы семей: Янчу Чимишлиу, Николай Томайлей, Илия Табаклы и Михай Буджак. Второй компонент их фамилий указывает на их уличное прозвище, которое дано им на новом месте жительстве на основании прежнего места их проживания. Никола Томайлей получил это уличное прозвище в селении Орак, Янчу Чимишлиу — в селении Томай, Стан Паркаров и Аким Паркаров (видимо, искаженное от Пуркары) — в селении Гаджикиой, Илия Табаклы и Михай Буджак — в селении Пеленей Булгар. Последние двое,

как видно, до переселения в Пеленей Булгар находились, возможно, на территории села Буджак. Документы не позволяют установить, из каких мест Болгарии эти пять глав семей «старых переселенцев» эмигрировали в Буджак и на юг Пруто-Днестровского междуречья Молдавского княжества. В целом же «Именной список» Зворского содержит сведения, пусть и частичные, указывающие из каких регионов болгарских земель происходила эмиграция «старых переселенцев» на территорию, известную после 1812 г. как Южная Бессарабия. Это болгарское Причерноморие от Адрианополя до Суючука (ныне — Българево) и Южная и Северная Добруджа, а также районы Русе, Котела, Тырнова, на которые указывает Л. Милетич.

Для Восточной Болгарии, по данным словаря Ст. Ильчева, характерны такие имена, как Стани, Стою, Штеро, Панайот, Ганчо, Коста, Мавро, Дичо, Колю, Бочко, Пеню, Дони, Желязко, Желез. Эти имена присутствуют в «Именном списке» Зворского в двух языковых группах «старых переселенцев» из-за Дуная. Этот регион болгарских земель во времена господства Османской Порты был известен тем, что там проживали болгары, говорящие на разных языках — славяноболгарском, греческом, тюркском, а также турки-сельджуки. «Старые переселенцы» из «Именного списка» Зворского говорили на этих языках, по крайней мере, абсолютно точно на двух из них — славяноболгарском и «тюркче» — турецком, как тогда называли гагаузы свой язык. География эмиграции из-за Дуная указывает на то, что на север от Дуная в последней трети XVIII в. переселялись также и «греческие гагаузы», как их определяют Л. Милетич и В. А. Мошков. Может быть, по численности их переселение уступало переселению «болгарских гагаузов», но и оно было существенным.

Теперь зададим себе вопрос, можно ли на основе данной частичной географии эмиграции определить время ухода «старых переселенцев» из болгарских земель севернее Дуная?

Этот вопрос требует специального изучения, с привлечением дополнительных источников. Здесь мы можем высказать предположение. Оно основано на том, что частично известная нам по публикациям Д. Хайдарлы «Перепись» населения некоторых хотаров Припрутья первой половины 70-х гг. XVIII в. содержит антропонимические сведения, которые указывают на то, что их носители еще тогда прибыли из-за Дуная (Хайдарлы 2007: 484—494). Их переселение в Припрутье исследователи, в том числе и Д. Хайдарлы, связывают с русско-турецкой войной 1768—1774 гг. Принято считать, что такая эмиграция сюда имела место и в следующую русско-турецкую кампанию 1787—1791 гг. Наша позиция заключается в следующем. Не отрицая возможность эмиграции из болгарских земель севернее Дуная во время этих двух военных кампаний, мы предполагаем, что в последней трети XVIII в. эмиграция из-за Дуная в Дунайские княжества была обусловлена, главным образом, кърджалийской смутой, охватившей именно тот регион болгарских земель, следы которого находим среди жителей припрутских имений Иона Бальша. Главный довод, что это так, состоит в том, что эти русско-турецкие войны проходили вдалеке от болгарских земель. В ходе самих этих войн турецкие войска занимали территорию, на которой проживали многоязычные жители Болгарии. Но именно потому, что там находилась турецкая армия, а русская была далеко, эмиграция населения, тем более не единичного характера, была невозможной. Другое дело кърджалийские смуты, терроризация бандами разбойников гражданского православного населения болгарских земель, разграбление их имущества. Кърджалийству сопутствовали явные признаки кризиса административного управления Портой Балканским полуостровом. Именно в этом хаосе население болгарских земель, охваченных кырджалийскими смутами, нуждалось в защите и искало, где можно укрыться от разбойников и в спокойной обстановке заниматься хозяйством, семьей. Его бегство было оправданным, оно не встречало препятствий со стороны деморализованной турецкой администрации. А армейские части, если и были, занимались другими делами. Путь следования беглецам на север был свободным. Дмитрий Чакир пишет: «Наконец, около 1770 г., появились “кырджалие” (все уничтожающие, т. е. предающие мечу и огню) <…> Такой же, более чем печальной, участи подвергся и дом родоначальника нашего, Янчу Чорбаджиогло: имущество его разграбили, а с него самого содрали, будучи живым, кожу, отчего в страшных мучениях он скончался. Сыновья Янчу Чорбаджиогло, Димитрий и Желез, чтобы избегнуть участи своего отца, принуждены были оставить свои дома, имущество, родной очаг и милую родину» (Чакир 2005: 27).

В. А. Мошков, задав себе вопрос, «почему именно переселялись в Россию более болгарские, чем греческие гагаузы», предположил, что «болгарские гагаузы, как более восточные, подвергались более частым нападениям раз-

бойничьих шаек, имевших свой главный притон в Больших Балканах» (Мошков 2005: 50).

То, что выходцы из-за Дуная селились в Пруто-Днестровском междуречье не только в период русско-турецких войн второй половины XVIII в., признает и А.Я. Коронелли в секретной записке М.И. Кутузову от 15 ноября 1811 г.: «Состоявших во время турецкого здешними крепостями владения при оных крепостях поселян христианского исповедания, находящихся ныне под зависимостью Д и в а н о в <…> причислить к переселенцам», «Ежели все болгары и сербы, поселившиеся в здешнем крае во время Позвант-Оглу, будут причислены к переселенцам». Таким образом, «старые переселенцы» появились на территории Молдавского княжества, в том числе и в «двухчасовой зоне» Пруто-Днестровского междуречья, не только и не столько в годы русско-турецких войн 1768—1774 и 1787—1791 гг.

Д. Хайдарлы, анализируя перепись населения 1774 г., пишет о выходцах из-за Дуная, поселившихся в Гречанском цынуте: «…переписью было охвачено 927 глав семей; из них обозначено термином "сырбу" 66 глав семей (7,1%) или около 330 человек обоего пола». Мигрировавшие сюда выходцы из-за Дуная, в том числе и болгары, «поселялись обычно компактными группами в отдельных населенных пунктах… к таковым согласно материалам переписи 1774 г. относились села Макрий и Пелинею (Пелений) Греченского цынута; в этих двух селах они не обозначены термином "сырбу", а выделены в особые рубрики — "сырбь, булгарь", а также "…оамень де песте Дунэре", то есть "люди из-за Дуная". В селе Макрий был зарегистрирован 61 глава семьи "задунайских переселенцев" (то есть около 305 человек обоего пола), а в селе Пелиний — 25 глав семей (около 125 человек обоего пола) <…> В самом южном цынуте, Греченском, это количество составляло в целом 152 главы семей (около 760 чел.) или 16,4% из 927 глав семей, учтенных посемейной переписью 1774 г.». Автор считает, что «в основном это были мигранты из-за Дуная, переселившиеся сюда до русско-турецкой войны 1768—1774 гг.» (Хайдарлы 2007: 493—494). В другой своей работе этот же автор утверждает, что «первый этап достаточно массового вселения мигрантов из-за Дуная на юг Пруто-Днестровского междуречья приходится на 1750—1791 гг.» (Хайдарлы 2008: 339).

Такой же позиции придерживается и И.В. Дрон, другой исследователь указанной переписи населения 1774 г. Автор обратил внимание на то, что в ней одна часть выходцев из-за Дуная отражена под другим уличным прозвищем. Ссылаясь на этот источник, автор пишет, что в нем «встречаются данные о так называемых "крещенных турках" в молдавских селениях. К примеру, с. Баинций — 1 турк ботезат ("крещенный турок"); с. Кындешть — 1 турк ботезат; с. Бадиуций — 2 турчь ботезат; с. Мелешеуций — 1 турк ботезат; с. Пырлишений — 1 турк ботезат; с. Крэйничештий — 1 турк ботезат; с. Фынтынелеле — 1 турк ботезат» (Дрон 1992: 32). Здесь понятие *турк* местное молдавское население использовало не в качестве этнического определителя принадлежности этих выходцев из-за Дуная, — крещенных турков тогда быть не могло, — а лишь для обозначения того, на каком языке они разговаривали. Кроме того, мы исключаем, чтобы среди этих выходцев из-за Дуная кто-либо идентифицировал себя турком. Справедливо считая *турчь ботезаць* православным гагаузским населением, автор утверждает, что оно «проживало в молдавских селениях задолго до 1770 г.» (Дрон 1992: 33).

Из сказанного вытекает, что мы ставим под сомнение русско-турецкие войны 1768—1774 и 1787—1791 гг. как единственную причину переселения из-за Дуная, но не сам факт его осуществления именно в указанный период — последняя треть XVIII — начало XIX вв. Таким образом, к моменту самовольного переселения в Буджак «старые переселенцы», если не все, то большая их часть, могли находиться в молдавских селах Припрутья от 30 до 50 лет.

Анализ антропонимов «Именного списка» Зворского свидетельствует о том, что в нем «старые переселенцы» из-за Дуная, поселившиеся на помещичьих землях Иона Бальша, состояли из двух групп болгар: говорящих на родном языке и говорящих на турецком языке. Подавляющее число имен глав семей, а также их отчеств, в качестве которых выступают имена их отцов, облачены в болгарскую, тюркскую, молдавскую антропонимическую одежду, характерную для обеих указанных языковых групп «старых переселенцев». Однако выделить, кто из них на каком языке разговаривает, невозможно. Переселенцы, говорящие на турецком языке, есть среди тех глав семей, у кого антропонимы как болгарского происхождения, так и болгаро-тюрко-турецкого и болгаро-тюрко-гагаузского. Из этого следует, что на основании этих данных «старых переселенцев» из «Именного списка» Зворского нет возможности выявлять этнический состав выходцев из-за Дуная и определять численную величину каждой языковой группы.

Глава 2. Антропонимия «новых переселенцев»

Как известно, на помещичьих землях в «двухчасовой зоне» Пруто-Днестровского междуречья селились и выходцы из-за Дуная, известные в литературе как «новые переселенцы». Те из них, которые оказались в имениях И. Бальша, включены в другой документ этого же дела, который мы предложили назвать сокращенно как «Именной список болгарам, новым переселенцам». Он также был составлен поселянским стряпчим Зворским, спустя 40 дней после завершения работы над предыдущим, 20 июля 1839 г.

Этот список состоит из 306 фамилий глав «новых переселенцев». Он в два раза меньше списка «старых переселенцев», но только по количеству глав семей. Что касается общей численности, то для его определения здесь применим расчет средней численности одной новой переселенческой семьи из показателя пять. Исходя из этого, мы определяем общую численность 306 семей в 1530 человек, что меньше всего на 500 человек общей численности «старых переселенцев», включенных в «Именной список» Зворского.

Из полного названия списка видно, что речь в нем идет о переселенцах из-за Дуная, причиной эмиграции которых была русско-турецкая война 1806—1812 гг. и ее последствия для населения болгарских земель. В названии особо выделяется факт переселения «после прокламации князя Кутузова Смоленского», то есть после 26 апреля 1811 г. Обратим внимание на еще один нюанс заглавия списка: после слова «болгарам» следует причастный оборот, начинающийся словом «вышедшим», и далее следует пояснение, когда это было. Следующий причастный оборот введен в название данного списка для того, чтобы указать, чем вызвано его составление: тем, что они поселились в имении Бальша, а потом бежали оттуда на казенные земли Буджака. Однако из названия списка неясно, когда эти выходцы из-за Дуная поселились у Бальша: сразу или спустя какое-то время? Из опубликованных документов и литературных публикаций историков известно, что выходцы из-за Дуная 1806—1812 гг. какое-то время жили в обоих княжествах, находились в зависимости от местных диванов, между переселенцами и диванами возникали довольно серьезные противоречия, требовавшие вмешательства главнокомандующего Молдавской армией (см.: Гросул, Даниленко 1962: 120—136; Крыжановская, Руссев 1957; Атанасов 1958; Дойнов 1979; Казаков 1955: 141—174; Конобеев 1958: 194—291). Документы свидетельствуют, что основная масса выходцев из-за Дуная переселилась на территорию княжеств Валахии и Молдавии между концом ноября 1811 г. и серединой марта 1812 г.— «20000 семейств земледельцев» (Крыжановская, Руссев 1957: 37). При анализе самого списка, по возможности, определим время появления 306 семей «новых переселенцев» в имениях И. Бальша.

Включенные в «Именной список болгарам, новым переселенцам» главы семей бежали со своими семьями от Бальша на казенные земли Буджака из следующих принадлежавших ему селений: Чумай, Каждамгалия, Шамайлия, Карбаул, Тартаул, Алуат, Хаджикиой, Казаяклия, Кугурлуй и Орак. Часть названий этих сел присутствует и в «Именном списке» Зворского (Хаджикиой, Алуат, Казаяклия, Кугурлуй), а другая часть сел там отсутствует. Это можно объяснить как тем, что в молдавских селах, где жили «старые переселенцы», не было возможности принять и обеспечить землей новых выходцев из-за Дуная, так и тем, что И. Бальш стремился обеспечить рабочей силой и другие свои владения.

Для единообразия анализа антропонимов и их сравнения по двум указанным спискам «старых» и «новых» переселенцев также сгруппируем фамилии глав семей «Именного списка болгарам, новым переселенцам» по тем же четырем группам антропонимов, которые были применены при анализе антропонимов в «Именном списке» Зворского:

1) указывающие на приверженность его носителей болгарской антропонимической традиции;

2) состоящие из болгарских имен и тюркотурецкого происхождения второй части антропонимов глав семей;

3) антропонимы глав семей, вторая часть которых указывает на их принадлежность к «болгарам, говорящим на турецком языке», то есть к использованию смешанных болгаротюрко-гагаузских антропонимов;

4) запись имен и фамилий в антропонимической традиции молдаван и валахов в Дунайских княжествах.

В этом списке есть антропонимы глав семей, которые не позволяют отнести их к первой или третьей группе. Например, в нем указаны 23 главы семей, второй компонент фамилий которых один и тот же — Беженарь. Однако, за исключением двух глав семей — Иона Беженаря и Михая Беженаря, у всех остальных — имена болгарского происхождения. Но поскольку известно, что такие имена

характерны для глав семей этих двух групп, то было бы ошибкой отнести всех их в одну из них. Поэтому мы исключили их из анализа, хотя все они, за очень редким исключением, относятся к двум языковым общинам «новых переселенцев» 1806—1812 гг.

Первая группа антропонимов глав семей из «Именного списка болгарам, новым переселенцам»: Велику Титор, Георгий Зурба (?) сын его Пейчин, Георгий Минчу, Добри Стоянов, Добре Кирчу, Коле Владов, Коле Бончу, Колю Митро, Коле Деку (возможно Дяку), Коле Стоянов, Мигал (Михал?) Неделко, Михалко Райче, Радо Коле, Стоян Болгар, Стою Танаси, Стою Делчо, Танас Стоян, Константин Михал, Константин Граматик, Коле Костов, Коле Кичов, Раду Маноли, Андрей Танасий, Бойку Кальчу, Велику Иван, Велику Стою, Гинчу Константин, Георгий Гинчу, Димитрий Станчо, Димо Иван, Добре Димо, Велико сын Георгий, Жеко Янакий, Злат Кирияк, Желез Стою, Димо Георгий, Илья Иванов, Иван Стоян, Иван Яни, Иван Семенов, Иван Трандафил, Курт Иванов, Неделко Чебан, Петре Иовчу, Радо Коле, Марин Велики, Кирчо Руссу, Недо Енчу, Недо Злати, Нику Ено, Николай Драгни, Ненчо Янко, Параскив Марин, Пенчо Марин, Петра Танасия сын Петко, Руссо Злато, Янчул Велико, Янку Дойку, Пейко Димо, Василий Димо, Димо Стоян, Димо Стою, Стою Иван, Никола Плачков, Курте Никола, Георгий Бостнарь, Велико Димо, Койчу сын Иван, Неделко Злати, Дяду Стоян, Иван Вельчу, Петре Добре, Иван Иовче, Гани Недю, Радо Велико, Жеко Никола, Велико Иван, Радо Райчо, Трандафил Николаев, он же и Дьякоглу, Георгий Чорбажиу, Георгий Хажиу, Мину сын Ангели, Семен зять Танаса, Панаит Авраам, Гену Неделко, Неделко Беженарь, Георгий Димитре, Иван Руссе, Иван Танасов, Константин Корчмарь, Стоян Жеку, Калчу Тодоров.

Обращает на себе внимание тот факт, что имя отца главы семьи (вторая часть антропонима) записано зачастую в форме фамилии, с окончанием -ов, что практически не встречается в «Именном списке» Зворского о «старых переселенцах».

В «Именном списке болгарам, новым переселенцам» значительно чаще встречается антропоним Недялко — исконно болгарского происхождения, связанный с христианской верой, как имя и как отчество или фамилия главы семьи: Мигал (Михал?) Неделко, Неделко Чебан, Неделко Злати, Гену Неделко, Неделко Беженарь.

Здесь более заметно присутствуют обе части болгарского антропонима, как варианты иноязычных или связанных с дохристианскими верованиями болгар. Один из этих компонентов фамилии глав семей «новых переселенцев» присутствует почти во всех антропонимах этой группы. Но, что характерно, достаточно много случаев, когда оба они, в одном случае как имя, в другом как фамилия, являются антропонимами одного главы семьи. Дохристианские болгарские имена встречаются: Велико (чтобы быть великим) — 6 раз; Добри (чтобы быть добрым) — 2 раза; Радо — 7 раз; Стоян (чтобы остался жив) — 4 раза; Злат, Злати — 3 раза; Жеко, Желез (от Железчо — чтобы быть крепким как железо) — 3 раза; Драгни (от Драган — чтобы был дорог) — 1 раз. Дохристианские болгарские имена, если говорить о времени их использования в качестве таковых — это период до принятия в 865 г. православия болгарским царем Борисом. В дохристианский период истории Болгарии происходило становление и укрепление Первого болгарского царства, во время которого протекал процесс этногенеза болгаро-славян на основе слияния двух этносов — южных славян и болгаро-тюрок, в один — славяно-болгарский.

Еще одно отличие этой антропонимической группы «новых переселенцев» от «старых переселенцев» состоит в том, что в ней меньше встречается второй компонент антропонима главы семьи в качестве уличного прозвища, «прякула» или профессии. Таких мы насчитали всего восемь: Велику Титор (церковный староста), Константин Грамматик, Константин Корчмарь, Неделко Чебан, Георгий Бостнарь, Георгий Чорбажиу, Георгий Хажиу и Иван Трандафил.

Вторую группу составляют главы семей, имена и фамилии которых представляет болгаро-тюрко-турецкий симбиоз: Дмитрий Колю, он же и арманджи, Константин Футчаджиу, Иван Челенгир, Иван Карасини, Колю Мержа, Кириак сын Дели, Костя Чилингир, Лефтер Руссе, Марко Келе, Михне Терзи, Михай Абанджи, Мотре Черне, Пенчин Бас, Ризо Никола, Стою Фучижиу, Савва Пиперко, Цветко Терзи, Танас Черне, Франго Белтек, Тодор Фичижиу, Танас Терзи, Велику Абажи, Петре Карасни, Никола Терзи, Параскив Терзи, Танас Гайдаржи, Георгий Терзи, Балю Атманжи, Баю Георгий, Балы Тодор, Баю Дерде, Калчу Тодоров, Стою Дерменжи, Кальчо Байко, Марин Митак, Петр Димир, Стою Дерменжи, Яни Балю, Георгий Арнаут, Баю Стою, Димитрий Бал (Бай? Бял?), Георгий Табак, Слав Дерде, Димо Енуперко (?), Дьяку Футожечи, Велико Кара, Кара Димо, Мино Фучижиу, Русе Футчанжи,

он же и патко, Георгий Кышлалы, Илья Кара, Костанди Кара, Никола Буюкли, Никола Тулузу, Иоргин Курзму (?), Паруш Каракевца, Петре Кышлалы, Никола Карабашчи, Константин Черника, Метича (?) Гергеледжиу, Танас Дели, Желез Маразли, Панко Дажоле.

В ряду фамилий такого смешанного состава встречаются такие, как Мотре Черне, Танас Черне, Константин Черника, Ион Черни. Здесь «черне» не что иное, как перевод на славянский язык, русский или болгарский, тюрко-турецкого «кара». Это не встречается в «Именном списке» Зворского о «старых переселенцах».

Первая часть антропонимов этой группы достаточно широко представлена именами болгарского именника. Но есть и особенности. Здесь наличествуют имена, которые отсутствуют в болгарской группе: Франго, Лефтер, Михне, Мотре, Ризо, Балю, Баю, Балы, Паруш, Метич. Из перечисленных только Франго, Лефтер и Паруш включены в «Словарь гагаузских мужских имен» (Дрон, Курогло 1989: 181—194). В целом же и в этом «Именном списке болгарам, новым переселенцам», как и списке «старых переселенцев», в первой части антропонимов глав семей очень слабо представлены имена тюрко-турецкого происхождения.

Третья группа, болгаро-тюркско-гагаузская, в «Именном списке болгарам, новым переселенцам», где антропонимы глав семей выглядят более представительно и разнообразно: Кирияк Мотоглу, Косте Каюмогло, Петре Киртоглу, Станчо Димитрогло, Никола Станчоглу, Георгий Кирчиглу, Петре Куртоглу, Желязко Тодоров, он же Табакоглу, Димо Чебаногло, Добре Еманджиоглу, Курт Кара он же и Куруадякоглу, Трандафил Николаев, он же Дьякоглу, Аристе (?) Чебаноглу, Илья Константин оглу, Стою Трандафил оглу, Метач (?) Терзиоглу, Панаит Кариоглу, Руси Аланскоглу, Балю Пенчоглу, Велико … оглу, Мирчо Чеперкоглу, Недю Иваноглу, Панчу Паниоглу, Черне Чебаноглу, Койчу Великоглу, Кирчу Карагеоргий оглу, Георгий Мошняг он же … оглу, Ворник Димоглу, Димо Папазоглу, Васко Андрей оглу, <…> Янчоглу, Стоян Иваноглу — всего 32 фамилии глав семей «новых переселенцев» с окончанием на огло, оглу. Если в «Именном списке» Зворского таких антропонимов было примерно 4%, то среди «новых переселенцев» их уже 11%. И еще одно отличие этого списка имен и фамилий глав семей от предыдущего. Из 32 имен глав семей с указанной фамилией — 26 присутствуют в болгарском именослове. Причем во всех трех составляющих: болгарские имена греческого происхождения, имена болгарского происхождения, образованные как варианты иноязычных и истинно болгарские по происхождению имена, которые связаны с дохристианскими верованиями болгар. Из 32-х фамилий с гагаузскими признаками две имеют в окончании форму *-огло, одна, -иглу* и 29 — *-оглу*. Из 31 идентифицированного антропонима второго компонента — 20 также имеются в болгарском именнике.

При этом обращают на себе внимание следующие специфические записи некоторых антропонимов: «Желязко Тодоров, он же Табакоглу», «Трандафил Николаев, он же Дьякоглу», «Стою Трандафил оглу», «Илья Константин оглу», «Васко Андрей оглу», «Стоян Иваноглу». Здесь мы встречаемся с таким явлением в списке «новых переселенцев», как придание болгарским по происхождению обоим частям антропонимов гагаузское оформление на основе добавления во второй их части окончаний *-огло, -оглу*, зачастую написанных отдельно от них. Трудно сказать, относится ли это явление к 1811—1818 гг., когда осуществлялось явочным порядком переселение в Буджак с помещичьих имений Бальша, или это результат более позднего времени, относящийся к 30-м гг. XIX в. Не исключено, что процесс огагаузивания антропонимов болгарского происхождения имел место еще за Дунаем. Однако здесь, в Припрутской зоне Молдавского княжества и в Буджаке, он получил ускорение, особенно после 1819 г., когда завершился период территориальной концентрации турецкоговорящих выходцев из-за Дуная в Буджаке и начался этап их языковой консолидации. Это явление мы прослеживаем в демографических документах следующих десятилетий, которые известны как «Ревизские сказки» 1835, 1850, 1859 гг. И оно состояло не только из миграционной составляющей в рамках колоний «задунайских переселенцев» (процесс территориального размежевания двух языковых общин выходцев из-за Дуная), но и из взаимной языковой ассимиляции большинством меньшинства в селах со смешанным в языковом отношении населением.

Добавим к указанным выше гагаузским фамилиям и такие специфические, вторая часть антропонимов которых встречается среди современных гагаузов Молдовы и Украины. Они мало распространены либо вовсе не встречаются среди местного болгарского населения: Петре Деревентли, Франго Белтек, Баю Атманжи, Баю Дерде, Марин Митак, Стою Дерменжи, Георгий Кышлалы, Петре Кышлалы, Никола Карабашчи, Слав

Дерде, Метича Гергеледжиу — всего 11 глав семей с такими фамилиями. Итого 43 глав семей, или 14% от списочного состава «новых переселенцев» имеют антропонимы тюрко-гагаузского характера, не встречающиеся или мало встречающиеся среди бессарабских болгар. Тогда как в «Именном списке» Зворского глав семей «старых переселенцев» с тюрко-гагаузскими признаками второй части антропонима, включая и редко встречающихся среди болгар, было всего 34, или 5,4% от общего количества семей. Констататация этого явления не означает, на наш взгляд, что мы сталкиваемся с формированием специфических бессарабских гагаузских антропонимов в среде «болгар, говорящих на турецком языке» вне контекста влияния на их происхождение исторических реалий османо-мусульманского господства на Балканах, в том числе и в Болгарии.

Что же касается бессарабского периода истории гагаузов, то к 30-м гг. XIX в. еще не была завершена языковая концентрация турецкоговорящих выходцев из-за Дуная в тех колониях «задунайских переселенцев» в Буджаке, которые впоследствии стали известны как гагаузские села. Вместе с тем, чтобы определить вектор и специфику их развития, сравним некоторые антропонимы болгаро-тюрко-гагаузской группы «старых» и «новых» выходцев из-за Дуная из «Именного списка» Зворского и «Именного списка болгарам, новым переселенцам».

В «Именном списке» Зворского:

— большее разнообразие окончаний во второй части антропонима глав семей: *-улу, -олу, -юлу, -оглу, -огла, -огло*;

— из 20 случаев, относящихся ко второй части антропонима глав семей с такими окончаниями, только в шести они связаны с именем болгарского происхождения отца иди деда главы семьи.

В «Именном списке болгарам, новым переселенцам»:

— встречаются только три формы окончаний *-иглу, -огло* — один и два раза, и *-оглу* — 29 раз;

— в 20 случаев из 32 второй компонент имени глав семей состоит из собственно имени отца или деда болгарского происхождения плюс окончания *-иглу, -оглу, -огло*. При этом в ряде случаев в «Именном списке болгарам, новым переселенцам» *-огло, -оглу* написаны отдельно от имени: Илья Константин оглу, Стою Трандафил оглу. И еще одно наблюдение. Если в «Именном списке болгарам, новым переселенцам» написание фамилии с окончанием -иглу встречается всего один раз, и это может быть случайность или ошибка при написании, то формы *-улу, -олу* в «Именном списке» Зворского не выглядят такой опиской или случайностью.

Сравнивая также фамилии глав семей в указанных двух «Именных списках», которые отнесены нами в эту болгаро-тюрко-гагаузскую группу на основании других антропонимических признаков ее второго компонента, мы отмечаем такую отличительную их особенность, как неповторяемость второго компонента фамилий из первого списка с таковыми во втором. Указанные нами особенности имеют лингвистический характер и требуют анализа со стороны ученых-филологов. Важно выяснить, происходило ли усовершенствование специфических гагаузских антропонимов или они в молдавской среде обитания утрачивали эти признаки. Наш комментарий состоит в том, что различия в форме написания окончания второго компонента фамилий, как и частичное несовпадение фамилий в двух указанных списках «старых» и «новых» переселенцев, которые впоследствии закрепились в антропонимических традициях бессарабских гагаузов, могут быть обусловлены:

а) разными периодами переселения из-за Дуная;

б) разной географией выселения из-за Дуная;

в) разной продолжительностью времени проживания среди молдавского населения в Дунайских княжествах;

г) разной степенью консолидации по языковому признаку выходцев из-за Дуная, принадлежащих к двум языковым общинам, болгароязычной и тюркоязычной.

Все же нельзя исключить и того, что указанные особенности гагаузских фамилий глав семей среди «старых» и «новых» переселенцев могут быть следствием еще невидимых внутренних процессов развития «болгар, говорящих на турецком языке», которые либо имели место еще на Балканах, либо начали происходить еще до их концентрации на территории Буджака. Это наблюдение может быть подтверждено только на основе анализа всего демографического и антропонимического архивного материала, касающегося формирования гагаузской общности в Буджаке на протяжении XIX — первой трети XX вв. Но и этого может оказаться недостаточным. Достоверный ответ следует искать за Дунаем, в демографической истории Болгарии XV—XVIII вв.

Четвертая группа фамилий глав семей условно обозначена нами как «молдавская». Она включает существенно меньше таких антропонимов глав семей «новых переселенцев», чем в «Именном списке» Зворского: Димо Мошнягу, Коле Влашко, Кириак Стамати,

Митре Чоку, Михай Чебан, Михай Савва, Пенчо Ворник, Стати Коля, Тодор Куляна, Кристе Чолак, … Барбул, Петре Леи, Статий Пенин, Стефан Ион, Станчу Молдаван, Иван Молдаван, Курт Мошняг, Негруш Карапатка, Димитро Чебан, Никола Ворник, Радо Мошняг, Василий Мошняга, Ризу Вакарул, Ион Черни, Михалакий Пуркарь, Митакий Мошняг, Сара Мику, Лефтер Молдаван — всего 28 антропонимов глав семей выходцев из-за Дуная 1806—1812 гг.

И здесь, при анализе происхождения этих антропонимов, мы наблюдаем ту же картину смешения имен и фамилий, характерных для именословов болгарского (Димо, Коле, Тодор, Петре, Иван, Никола, Радо), молдавского (Мошнягу, Михай, Кириак, Кристе, Молдаван, Ворник, Мику), мунтянского (Влашко), греческого (Стамати, Стати — так считает известный носитель этого антропонима Василий Стати), тюрко-турецкого (Курт, Лефтер, Карапатка) происхождений. Причем такие сочетания двух частей антропонимов — уличных прозвищ и прякулов, когда «смешнее не придумаешь»: Негруш Карапатка — образовалось от молдавского негру — черный, тюрко-турецкого кара — черный и болгарского патка — гусь, и получается буквально черный черный гусь; Курт Мошняг — волк дед, старик; Стати — мужской антропоним греческого именника, а Пенин — от болгарского женского имени Пена, которое переводится на русский язык как Пелагея, но, возможно, что от парного болгарского (иноязычного варианта) мужского ласкательного имени Пеню, Пенка (Петър — Петр) образовалось женское ласкательное имя Пена, Пенка (Петра, Параскива); Лефтер Молдаван — человек, продающий или изготавливающий золотые и серебряные женские украшения определенного размера, и он молдаван по происхождению. Последний пример носителя антропонима, как и Негруш Карапатка, свидетельствуют, что их носители утратили свои собственные имена, они были известны односельчанам по их уличным прозвищам, на основе которых они и вошли в «Именной список болгарам, новым переселенцам».

Но, как это ни парадоксально, в этом списке «новых переселенцев» больше носителей валашского и молдавского антропонимов, принадлежащих главам семей молдавской либо валашской национальности, чем в первом — «Именном списке» Зворского.

И во втором списке фамилий глав семей встречаются такие имена, как Ион, Михай, Кириян, Кристе, Михалакий, Митакий, а также такие фамилии, как Мошняг, Ворник, Чебан, Чолак, Вокарул. Тщательный анализ некоторых из них, записанных в «Именном списке» Зворского, показал, что носители этих имен и фамилий глав семей из числа «старых переселенцев» все-таки являются выходцами из-за Дуная и принадлежат к их двум языковым общинам — болгароязычной и турецкоязычной. Это подтверждается и сопоставлением наиболее часто встречающихся в традициях молдавской антропонимии имени Ион и фамилии Мошняга в списках «старых» и «новых» переселенцев.

В «Именном списке» Зворского имя Ион встречается 18 раз и отчество Ион — два раза. Слово мош, записанное как имя, встречается три раза, а в качестве фамилии — 24 раза.

В «Именном списке болгарам, новым переселенцам» Ион как имя встречается три раза, как отчество — один раз, а Мошняга как имя записано один раз и как отчество — пять раз. Поскольку «новые» выходцы из-за Дуная находились на территории княжеств непродолжительное время, они не успели ни войти в родственные связи с местным населением, ни получить уличные прозвища или прякулы в молдавском варианте. Следовательно, носители этих антропонимов, или часть из них, являются выходцами с левого берега Дуная — это ареал смешанного этнического пограничья, в котором проживало и романоязычное население.

В «Именном списке болгарам, новым переселенцам» 1806—1812 гг. встречаются имена и фамилии глав семей, с заложенной в них информацией этнического происхождения: Станчу молдаван, Иван молдаван, Лефтер молдаван, Коле влашко. В этот список включаем двух глав семей с именем или фамилией Стати, Статий: Стати Коля, Статий Пенин. Возможно, они к этому времени уже утратили греческую идентичность. Есть здесь и другие записи второй части антропонимов глав семей, состоящих из романского именослова или, по крайней мере, известные как таковые: Кирияк Стамати, Митре Чоку, Коле Куку, Петре Леи, Сара Мику. Все же их незначительно, — по обеим частям антропонима менее 20 записей, — и в связи с этим возникает вопрос, каким образом они оказались в этом болгарском списке «новых переселенцев»?

Мы предполагаем, что имело место как прибытие этнических молдаван и валахов вместе с переселенцами из-за Дуная, так и присоединение к ним уже на территории Дунайских княжеств.

В первую группу можно отнести, скорее всего, тех глав семей, вторая часть антропонима которых — молдаван и влашко. Специфика этих антропонимов состоит в том, что в слу-

чае с фамилией Молдаван мы имеем выделение этнического признака его носителя, в то время как в случае с Влашко подчеркивается географический признак, откуда его носитель прибыл на болгарскую землю — Влахия, Валахия. С таким феноменом мы столкнулись при анализе «Именного списка» Зворского, но по отношению к фамилии-прозвищу Болгар, которое могло появиться только на территории княжеств, где оно обозначало как самоназвание «старых переселенцев», так и их название местным молдавским населением. В «Именном списке болгарам, новым переселенцам» главы семей по фамилиям-прозвищам молдаван и влашко получили их за Дунаем от местных жителей. Подтверждение этому, по аналогии, находим в следующем. Если фамилия болгар в «Именном списке» Зворского о «старых переселенцах» встречается около 20 раз, то в списке «новых» выходцев из-за Дуная оно присутствует лишь один раз — Стоян болгар под № 53. То есть прозвище болгар не имело употребления среди задунайских переселенцев 1806—1812 гг. В этом же списке «старых переселенцев» вторая часть антропонима с этническим признаком молдаван встречается всего один раз — Янчу Молдовану (№ 483), в то время как в списке «новых переселенцев» фамилия-прозвище молдаван встречается несколько раз.

Вторая группа глав семей, имена и фамилии которых относятся к романскому именнику, присоединилась к «новым переселенцам» 1806—1812 гг. уже на территории Дунайских княжеств. Но это произошло до их появления в имениях Иона Бальша — здесь они могли попасть только как выходцы из-за Дуная. А о том, что новая волна эмиграции из болгарских земель не сразу оседала в Буджаке и в «двухчасовой зоне» Молдавского княжества, свидетельствует секретная записка первого попечителя «новых переселенцев» А. Я. Коронелли М. И. Кутузову, поданная в середине ноября 1811 г. В ней Коронелли признает, что «задунайские переселенцы, не имея по сие время в отводе для их настоящего водворения свободных земель, находятся ныне в рассеянии по Валахии, Молдавии и Бессарабии» (Крыжановская, Руссев 1957: 23).

Как сказывалась продолжительность проживания «старых» и «новых» переселенцев на территории Молдавского княжества на их традиционной балканской антропонимии? Чтобы ответить на этот вопрос, сравним данные, выведенные нами из двух списков выходцев из-за Дуная, по наиболее часто упоминаемым в них именам Иван и Ион.

В «Именном списке» Зворского имя Иван как собственное имя главы семьи встречается 15 раз и как отчество — 6 раз. Здесь же имя Ион как собственное имя главы семейства встречается 18 раз, а как отчество — два раза. Из этих данных видно, что, несмотря на то, что среди «старых переселенцев» не было молдаван, имя Ион как имя главы семьи встречается чаще, чем имя Иван в этой же позиции главы семьи. Что же касается отчества Ион в этом списке, то оно встречается всего два раза. Это означает, что семейная традиция «старых переселенцев», основанная на том, что новорожденному мальчику давали имя деда, на территории Молдавского княжества разрушалась. Здесь среди переселенцев этой волны (последняя треть XVIII в.) протекал активный ассимиляционный процесс на уровне антропонимического проникновения молдавской системы имен. Однако это явление наблюдается только на уровне имен глав семей. На поколении их отцов этот процесс практически не заметен: среди 630 глав семей, включенных в «Именной список» Зворского, отчество Ион встречается всего лишь два раза. Если мы возьмем за основу общепринятую формулу временной рамки, отделяющей поколение отцов от поколения детей в 20—25 лет, то получим, что, чтобы выходцы из-за Дуная так активно стали предпочитать молдавское Ион болгарскому Иван, им понадобилось прожить среди молдаван не менее 40—50 лет.

В «Именном списке болгарам, новым переселенцам» 1806—1812 гг. имя Ион как собственное имя главы семьи встречается три раза, а как отчество — один раз. В то же время болгарское имя Иван как имя главы семьи упомянуто 12 раз, и как отчество — четыре раза. Второй показатель в данном случае не характерен, поскольку известно, что болгары и гагаузы дают родившемуся младенцу имя деда, а оно в обоих «Именных списках» отсутствует. В то же время широкое присутствие собственного имени Иван, как главы семьи «новых переселенцев», свидетельствует о том, что среди них не нарушена болгарская антропонимическая традиция.

Этот вывод подтверждается другими антропонимами из «Именного списка болгарам, новым переселенцам» (см. табл. 2).

В таблицу включены не все имена болгарской антропонимической традиции, список имен можно расширить (Янчу, Марко, Неделко, Цветко, Гинчу, Злат, Желез, Илья, Киру, Ненчо и другие). Но даже те 14 имен (некоторые даны с вариантами), приведенные здесь выше, свидетельствуют о том, что из 306 глав семей более половины были носителями наиболее рас-

пространенных болгарских имен. В первую пятерку входят имена Колю, Петър, Георгий, Стоян, Димитър, а во второй — Иван, Коста, Велику, Танас, Тодор. Встречаются среди 306 имен глав семей «новых переселенцев» также несколько имен тюрко-гагаузского происхождения: Курт — четыре раза, Бали и Баю (у Дрона и Курогло указаны в «Списке гагаузских фамилий и прозвищ», с. 119—120) — по три раза, Франго — два раза. Но они лишь усиливают задунайский характер переселения 1806—1812 гг., также состоящий из двух языковых общин болгар: говорящих на родном языке и говорящих на турецком языке.

Здесь также уместно ответить на вопрос, имело ли место при бегстве с помещичьих земель И. Бальша в Буджак выходцев из-за Дуная отпочкование одной их языковой общины, турецкоговорящей, от другой, употреблявшей болгарский язык. Сделаем такую же таблицу, которую выше составили по «Именному списку» Зворского, но теперь на основе «Именного списка болгарам, новым переселенцам», учитывая иную специфику переселения на казенные земли Буджака — непосредственно, минуя длительное проживание на территории Молдавского княжества (см. табл. 3).

При составлении таблицы 3 мы встретились с проблемой соотнесения 17 глав семей, поселившихся в Тараклии, и 4 глав семей новых переселенцев, поселившихся в Чадыр-Лунге, которые записаны под фамилией Беженарь. Мы не можем отнести их ни в какую другую графу, кроме как последнюю. И по колонии Каракурт мы встречаемся с тем, что вторая часть антропонима 19 глав семей не поддается точному отнесению их в другую графу — с болгарской, турецкой, молдавской или гагаузской антропонимией: Янчу Бруку, Кирияк Камбер, Костя Сапери, Марко Перпери, Марко Пеле, Андричо Диндино, Георгий Нипан и некоторые другие. Это связано как с трудностью точного прочтения фамилии по микрофильму, так и с тем, что Каракурт известно как село с албанским населением. Поэтому не исключено, что часть фамилий албанцев Каракурта отличаются от таковых других жителей села, как албанского, так и не албанского происхождения.

Данные, приведенные в таблице, интересны прежде всего тем, что «новые переселенцы», поселяясь в Буджаке из имения И. Бальша, также не делились по группам антропонимических признаков, свойственным болгарам, гагаузам, молдаванам, грекам, другим балканским народам. В этом отношении характерны антропонимы жителей колонии Каракурт. Из 93 глав семей «новых переселенцев» 1806—1812 гг. 29 — носители болгарских антропонимов, 21 — смешанный болгаро-тюрко-турецкий вариант, 6 — болгаро-тюрко-гагаузская модель, 18 — молдо-болгаро-тюркская модель. Такой же антропонимический симбиоз мы наблюдаем среди «новых переселенцев» Кубея и Курчи (колонии со смешанным гагаузским и болгарским населением), а также Ташбунара и Чешма-Варуит, где население сейчас болгарское. Статистические данные, составленные на основе двух списков «старых» и «но-

Таблица 2.

Антропонимы из «Именного списка болгарам, новым переселенцам»

Имя	Запись в первом значении (количество упоминаний)	Запись во втором значении (количество упоминаний)
Иван	12	4
Коле, Никола	27	6
Димитър, Митю	4	2
Димо	12	4
Петър (Петре, Пенчо)	25	1
Георгий, Диордий, Иорги	18	3
Велику	9	4
Добри	4	1
Коста, Константин	10	4
Стоян	6	4
Стою	12	3
Танас	9	2
Тодор	7	2
Андричо, Андрей	3	1
Итого	**158**	**42**

вых» переселенцев, свидетельствуют о том, что в обоих из них были выходцы из-за Дуная, принадлежащие к двум языковым общинам. Но они же, эти данные, показывают, что в эти годы не происходила дифференциация между переселенцами по признаку владения языком, болгарским или турецким/тюркче. Это было связано с тем, что, на наш взгляд, часть болгар, говорящих на родном языке, как правило, владела и турецким языком, что и обеспечивало им общение с теми переселенцами, которые говорили на тюркче. Нельзя исключить, что и определенная часть выходцев из-за Дуная, говорившая на тюркче, также владела болгарским языком. Поэтому на момент их переселения в Буджак языковые предпочтения в общении не являлись для двух языковых общин переселенцев препятствием в решении ими политических, социально-экономических и общинно-бытовых вопросов обустройства в Буджаке.

Следовательно, в первой четверти XIX века, точнее, между 1806—1825/1827 гг., происходила одновременная концентрация болгар и гагаузов в Буджаке на основе миграции «старых переселенцев» с территории «двухчасовой зоны» Молдавского княжества и эмиграции «новых переселенцев» 1806—1812 гг. из-за Дуная. Иными словами, начальный период заселения и устройства болгар и гагаузов в Буджаке (последняя треть XVIII — первая треть XIX вв.) не был ознаменован их стремлением добиться концентрации обустройства здесь двух языковых общин отдельно друг от друга. Не было колонии «задунайских переселенцев», в которой бы не было турецкоговорящих и болгароговорящих выходцев из-за Дуная. И. И. Мещерюк говорит о более 20 колониях «задунайских переселенцев» со смешанным болгаро-гагаузским населением, но он, скорее всего, имел в виду колонии с более или менее равным числом жителей в них обеих языковых общин. По нашему мнению, все колонии «задунайских переселенцев» первой четверти XIX в., включая и колонии Кагульско-Прутского округа, в которых большинство населения составляли молдаване, включали жителей, говорящих на нескольких языках: болгарском, турецком/тюркче, молдавском, возможно, греческом. А в некоторых из них еще на албанском, русском, малороссийском (украинском). Это объясняется тем, что перед всеми выходцами из-за Дуная, а также местным молдавским населением стояла, прежде всего, одна общая задача: устроиться в Буджаке, ставшим частью Российской империи в 1812 г., в качестве свободных крестьян и на особых правах, обеспечивающих им

Таблица 3.

Статистические данные о главах семей «Именного списка болгарам, новым переселенцам»

Название села	главы семей с болгарской антропонимией	главы семей с болгаро-тюрко-турецкой антропонимией	главы семей с молдо-болгаро-тюркской антропонимией	главы семей с болгаро-тюрко-гагаузской антропонимией	главы семей с иной и неопределенной из-за сложности идентификации антропонимией	Всего
Баурчи	—	—	—	—	2	**2**
Болград	1	—	—	—	—	**1**
Каракурт	29	21	18	6	19	**93**
Кубей	13	5	1	4	—	**23**
Курчи	2	12	2	2	—	**18**
Тараклия	6	—	1	—	17	**24**
Татар-Копчак	—	—	—	1	—	**1**
Ташбунар	3	2	2	8	—	**15**
Чадыр-Лунга	1	2	—	—	4	**7**
Чешма-Варуит	32	15	8	10	6	**71**
Чишмекиой	1	—	—	—	2	**3**
Итого	**88**	**57**	**32**	**31**	**50**	**258**

здесь автономное хозяйственное, социально-правовое и культурное развитие.

География выселения. «Именной список болгарам, новым переселенцам» также содержит некоторые отрывочные сведения, указывающие на возможные регионы болгарских земель, откуда население в массовом порядке эмигрировало в Дунайские княжества и в Буджак.

Такими данными мы располагаем только по 19 главам семейств, которые бежали из помещичьего имения Бальша Кугурлуй и поселились в 1814 г. в Тараклии, ставшей в 1819 г. колонией. Из них 18 глав семей записано под фамилией Беженарь, у одного, уже умершего, фамилия не указана, а запись вместо него сделана на «вдову Тодору». Фамилия Беженарь, конечно же, вымышлена. Она указывает на то, что переселенцы из-за Дуная — беженцы, отсюда Беженарь. Только в отношении одного — Влайку Беженарь, есть дополнительная информация, указывающая на то, что он был известен как Влайку Митку.

В отношении этих Беженарей в «Именном списке болгарам, новым переселенцам» указано, что они «из Рущука» и «из с. Тиоремая» (или «из с. Тиореман», нечетко записано название этого села). Все они эмигрировали «из-за Дуная в 1811 году».

В указанном списке «новых переселенцев» под № 251 записан Никола Тулузу. Вторая часть антропонима, возможно, указывает на то, что этот Никола или его предки происходили из болгарского Тузлука. Известно, что из этого региона Болгарии, а также из Герлово и восточно-балканских сел имело место массовое бегство православного населения на юг от Балкан, которое Л. Милетич объясняет проводимой Турцией политикой его отуречивания (Милетич 1902: 33). Видимо, отдельные семьи православного вероисповедания искали убежище от турецкой насильственной ассимиляции также и на севере от Балкан.

Кроме Николая Тулузу, антропонимы «новых переселенцев» могут выступать в качестве прозвищ, являющихся микротопонимами Болгарии, в следующих случаях, согласно данным Л. Милетича:

Келеч/Келеш — село Келешкьой, расположено в районе Бургаса (с. 31);

Аланскоглу — село Ала Клисе, впоследствии Ботевско, «Добришка околия» (с. 19);

Буюкли — село Буюкли, расположено южнее Айтоса (с. 32);

Дели — село Дели Юсуф-коюсу, «Добришка околия» (с. 158);

Деревентли — село Дервент, «Варненска околия» (с. 151);

Франго Чепененко и Франго Белтек — имена Франго, возможно, указывают на села «Голяма Франга и Малка Франга, Варненска околия», жители которых являются потомками переселенцев из-под Одрина (с. 151). Среди «старых переселенцев» также встречается имя Франго;

Черне, Черни — село «Черна, западна Добруджа, Тулчанска и Бабадашка околия» (с. 174);

Камбер — село Камбер, «Тулчанска и Бабадашка околия»;

Карабашчи — село «Карабашлъ», расположено южнее Добрича (с. 157, 158), либо село «Коробашли, Варненска околия» (с. 152);

Кичук/Кучук/Кючук — село «Буюкли… загорско село на юг от Айтос» (с. 33);

Кьшлалы — село «Паша Къшла, Тулчанска и Бабадашка околия» (с. 174);

Пиперко — село «Пиперково, Свищовска и Никополска околия» (с. 186);

Хаджи — село «Хаджи Мусса, Свищовска околия» (с. 189).

Все указанные микротопонимы расположены в той части Болгарии, которая была охвачена эмиграцией населения севернее Дуная в последней трети XVIII — начале XIX вв. Поэтому, как и в случае с Едернели, Загорец, эти микротопонимы также могут указывать на то, что прозвища-фамилии глав семей «новых переселенцев» — это названия населенных пунктои, откуда они переселились.

Такая практика, когда, как правило, вторая часть антропонима главы семьи указывала на его прежнее место жительство, была использована и в тех случаях, когда выходцы из-за Дуная переселялись из одного населенного пункта Молдавского княжества в другой. Так, из селения Орак в Баурчи (оба села расположены в «двухчасовой зоне» Прутo-Днестровского междуречья) в 1814 г. переселились Петр Галацан и Николай Галацан. Сама фамилия Галацан указывает на то, что уже в Ораке они были записаны под этой фамилией, и она свидетельствует о том, что они прибыли в Орак из Галаца.

В «Именной список болгарам, новым переселенцам» записан, и вероятно, не без оснований, Михалакий пуркарь. Он проживал в селении Шаймалий, принадлежавшем И. Бальшу, и в 1812 г. вместе с Ионом Черни и Метичем (?) Гергеледжиу переселился в с. Бурлачел (Бурлачень). И Черни, и Гергеледжиу («табунщик») — выходцы из-за Дуная, оба, скорее всего, из числа «новых переселенцев», говорящих на турецком языке. А пуркарь — это известное село Пуркарь, откуда, по всей вероятности, этот Михалакий переселился

вначале в Шаймалий, а оттуда в Бурлачень — село, которое также принадлежало помещику И. Бальшу. Время переселения — 1812 г. — указывает на то, что оно не связано с бегством «новых переселенцев» из помещичьих земель Бальша на казенные земли Буджака. В принципе, нельзя исключить, что Михалакий пуркарь также является новым переселенцем 1806—1812 гг., но неизвестно, какая его настоящая фамилия и когда он поселился в селе Пуркарь.

Приведенные выше данные дают основание утверждать, что «новое» переселение из-за Дуная 1806—1812 гг. также шло из Добруджи. Но не только оттуда. Эмиграцией, как видно, был охвачен более широко, чем прежде, район Рущука, а также и болгарские земли западнее от него, частично захватывая и Северо-Западную Болгарию. Например, колония Тараклия — дата ее заселения болгарами считается 1813 г. — называлась бессарабскими болгарами и гагаузами Шоп-Тараклия. При этом вторая часть микротопонима Тараклия была известна до появления здесь задунайских переселенцев, а первая его часть Шоп появилась после. Это указывает на то, что в этой колонии поселились выходцы из Северо-Западной Болгарии.

В опубликованных источниках, кроме подтверждения ареала «около Рущука», охваченного переселением, указывается также «Ловчу», то есть Ловеч и его окрестности, что также подтверждает охват эмиграцией Северо-Западной (?) части Болгарии (Крыжановская, Руссев 1957: 73, 176). Ученый-демограф и этнограф П. Кеппен, как и некоторые другие, писавшие о переселенцах из-за Дуная первой половины XIX в (И. Толстой), не без основания утверждал, что среди выходцев из-за Дуная в годы русско-турецкой войны 1806—1812 гг. были и из Македонии. И это подтверждается как лингвистическими особенностями говора жителей села Паркан, так и распространенностью с тех пор среди бессарабских болгар фамилии Македонский. Таким образом, сведения о местах выселения «новых переселенцев», извлеченные из «Именного списка болгарам, новым переселенцам», не противоречат географии их эмиграции, известной по документальным и научным публикациям. На наш взгляд, более широкий, чем до 1806 г., охват эмиграцией населенных пунктов и территорий болгарских земель подтверждается и тем, что в ряде случаев антропонимы глав семей «новых переселенцев» не встречаются среди таковых у «старых переселенцев». Приведем примеры по второму компоненту фамилии «новых переселенцев», которые отсутствуют среди глав семей из числа «старых переселенцев»: Титор, Лочо, Зурба, Арманджи, Бруку, Камбер, Чоку, Бас, Деревентли, Чепеленко (Чепененко), Белтек, Барбул, Кичов, Граматик, Семенов, Байко, Балю, Чеперкоглу, Карапатка, Бубиков, Патко, Кышлалы, Карабашчи, Додиан, Тарамы, Маразли, Галацан, Дажоле.

Конечно же, и среди глав семей «старых переселенцев» есть фамилии, не встречающиеся среди переселенцев 1806—1812 гг. Приведем некоторые из них: Мутаф, Драгуш, Трокотарь, Варатоглу, Кулич, Сари, Китарь, Гекуца, Женжин, Атаману, Аганфирий, Жикжага, Червен, Килжив, Новичан, Акороменесе (?), Даду, Бабаяни, Койма, Гунне, Курза, Губе, Скутельник, Ротарь, Гугун, Кафтанжи, Шарим, Бокаржий, Бостанарь, Арусей, Ермалий, Калдарарь, Кованжиу, Транстарь, Яманди, Кафеджиу, Ватаман, Касим и др. Все это является следствием того, что как в период исхода «старых переселенцев», так и в годы эмиграции «новых переселенцев» (между ними разница не менее чем в 40 лет), болгарская народность находилась на начальной стадии трансформации в болгарскую нацию. Это означает, что между населением различных регионов Болгарии не установилась еще общенациональная антропонимическая традиция, особенно второй и третьей частей антропонима. Сам этот процесс находился на начальной стадии развития, поскольку он является составной частью формирующейся болгарской нации. Тем более что это происходило в условиях отсутствия национальной автокефальной церкви и высшего болгарского церковного клира. Поэтому на антропонимы задунайских переселенцев оказывали воздействие множество факторов: и многоязыкое население за Дунаем, и негативное влияние на него многовекового османского господства, и засилье греческой высшей церковной иерархии в болгарских землях.

Полувековое проживание «старых переселенцев» на территории Молдавского княжества также привело к частичной интерференции в их среде молдавской антропонимии, и не только. В работах Д. Никогло, Е. Сорочяну, Е. Квилинковой зафиксированы заимствования гагаузов из традиционной кухни молдаван, из молдавской календарной обрядности. Авторы, не располагая историческими исследованиями, рассматривают их как следствие этнического и этнографического пограничья между гагаузами и молдаванами в Бессарабии, то есть в Буджаке, после 1812 г. (Никогло 2004; Сорочяну 2006; Квилинкова 2007). На наш взгляд, эти заимствования происходили значительно раньше, до ухода «ста-

рых переселенцев» в Буджак. Они являются следствием длительного их проживания среди молдаван в Молдавском княжестве по обе стороны Прута.

Выводы. На 1816 г. в Бессарабии, по подсчетам И. И. Мещерюка, насчитывалось 5320 переселенческих семей. Из них 1865 семей он относил к «старым» выходцам из-за Дуная. По данным же А. Скальковского, в 1819 г. считалось задунайских переселенцев 6532 семей, из них «старых переселенцев» — 2294 семьи. Расхождения между данными И. Мещерюка и А. Скальковского относительно численности «старых переселенцев» объясняется тем, что молдавский историк не учел из их числа тех выходцев из-за Дуная, которые остались за пределами колонистского управления. Для нас эти расхождения не имеют значения, поскольку объект исследования другой.

Объем антропонимии обоих архивных документов разный. В «Именном списке» Зворского включено от 27,5% (по сведениям А. Скальковского) до одной трети (согласно Мещерюку) имен и фамилий глав семей всех «старых переселенцев». В «Именном списке болгарам, новым переселенцам» — только около 10% эмигрантов из Болгарии 1806—1812 гг. Как видно, антропонимия каждого из этих списков обладает разной степенью репрезентативности по отношению к тем переселенцам, к которым они принадлежат. Но 936 глав семей «старых» и «новых» выходцев из-за Дуная составляют от 14,3% до 17,6% от общей численности всех глав семей задунайских переселенцев в Пруто-Днестровском междуречьи, что довольно высокий показатель по уровню репрезентативности. Это означает, что выводы, к которым мы приходим в результате анализа этих списков, могут быть экстраполированы (распространены) на всех «старых» и «новых» выходцев из-за Дуная, поселившихся на казенных землях Буджака в канун получения ими статуса колонистов, особого крестьянского сословия России.

Эмиграция последней трети XVIII — начала XIX вв. привела к почти полному исчезновению в Северо-Восточной Болгарии болгароязычного населения. Известный знаток демографической истории Северо-Восточной Болгарии Любомир Милетич отмечал губительные последствия турецкого господства здесь для болгарского этнического элемента: «…в североизточна България се извършили през първите векове на турското иго много важни, недотам забелязани от историята етнографични сътресения, поради които старото българско население, което турците завариха в тия области толкова се е разредило и отстъпило мястото си на своите завоеватели (Милетич 1902: 4). И далее: «Главното изселение на старото българско население от североизточна България е станало в по-предишните усилии и непоносими за българина времена, именно през по-миналия век та до 1812 год. Поради това ние сега напразно ще търсим в най-източните области на Северна България, а именно по Варненско, Балчишко, Добричко, Новопазарско и от част от Силистренско, да не говорим дори за Балбунарската и Аккадънларската околии, гдето българския елемент е съвсем нов, старо българско население» (Милетич 1902: 14—15). В другом месте, характеризуя демографическую катастрофу для болгар в Силистринской, Кутбунарской, Аккадынларской и Туктраканской околий, Л. Милетич отчечает: «…тук животът на старото българско население е бил в минали времена несносен и речи невъзможен. Поради това, се разбира, че когато се захванало преселническо движение у българите в посока към Влашко и Русия, останките от старата българщина тъкмо в тия области, близки до Дунава, първи ще да са се възползвали да минат за Влашко. Изселвания от Силистренско и близките околии в Влашко трябва постепенно и непрекъснато да са ставали от началото на турското владичество в северна България, докато най-сетне последните масови изселвания в следствие на руско-турските войни през двата минали века не са помели и последните дири от старото население тук» (Милетич 1902: 158). Примерно такую же оценку он дает демографическому состоянию этнического болгарского населения в Разградской, Кемандларской, Поповской околий (Милетич 1902: 136).

Сказанное видным болгарским ученым об эмиграции из-за Дуная дает основание утверждать, что переселением было охвачено практически все болгароязычное население Северо-Восточной Болгарии, и оно присутствует и среди «старых переселенцев» в Бессарабии. Эти выходцы из-за Дуная, во всяком случае, большая часть из них, поселились в Буджаке не сразу. У них было вначале другое место длительного проживания в границах Молдавского княжества. Как мы считаем, само это переселение было обусловлено, главным образом, кырджалийскими смутами, религиозными и этническими преследованиями (насильственное отуречивание и исламизация православного населения Болгарии, о которой пишет Л. Милетич), а также русско-турецкими войнами последней трети XVIII в. Поэтому оно, во-первых, не могло быть одновременным актом, как

в 1806—1812 и 1828—1830 гг., во-вторых, растянулось во времени на десятилетия и потому не имело форму массовости по охвату населения, в-третьих, этим процессом переселения была охвачена меньшая часть болгарских земель, на которой «старые переселенцы» проживали до эмиграции.

«Новые переселенцы» — это продукт русско-турецкой войны 1806—1812 гг. У них другие причины, а также и признаки эмиграции. Ею охвачена более обширная территория болгарских земель. Исход населения был массовым по причине прямой (волонтерские отряды, Болгарское земское войско) или косвенной его вовлеченности в русско-турецкое противоборство на стороне России. Сама эмиграция проходила в более сжатое время, а период временного пребывания на территории Дунайских княжеств был укорочен самим фактом окончания военной кампании. Поэтому среди «новых переселенцев» меньше антропонимических следов, характерных для здешнего романоязычного населения, а сами эти следы, скорее всего, тянутся с болгарского берега Дуная.

Обоими этими переселениями из-за Дуная было охвачено население двух языковых общин: одна разговаривала на болгарском языке, хотя многие в ней знали и турецкий язык, другая говорила на «тюркче» — по-турецки, но в ее среде также знали болгарский язык. Иными словами, на период эмиграции и обустройства в Буджаке между этими двумя языковыми общинами не было ярко выраженного языкового пограничья. Его контуры, все еще достаточно размытые, были обозначены в Указе Правительствующего сената от 29 декабря 1819 г., согласно которому тюркоязычные задунайские переселенцы в большинстве своем были объединены в Буджакский округ.

Но осуществленная нами дифференциация антропонимов «старых» и «новых» переселенцев по четырем группам (болгарская, болгаро-тюрко-турецкая, болгаро-тюрко-гагаузская и молдавская) и анализ фамилий глав семей внутри каждой группы свидетельствует о том, что в каждой из них были выходцы из-за Дуная двух языковых общин: болгароязычной и турецкоязычной. Это означает невозможность определения численного состава каждой языковой общины на основании антропонимов из указанных «Именных списков».

В сборнике документов и материалов по истории Молдавии опубликованы два документа, в которых затрагивается языковой вопрос переселенцев. Один из них принадлежит А.П. Юшневскому. В его отношении к управляющему Бессарабской областью И.М. Гартингу от 1 июня 1816 г. указывается, что «турецкий язык наиболее» употребляем «при сношении с задунайскими переселенцами» (Крыжановская, Руссев 1957: 200).

Другой документ — рапорт попечителя задунайских переселенцев Д.П. Ватикиоти новому управляющему Бессарабской областью А.Н. Бахметьеву от 30 марта 1817 г. В нем говорится о задунайских переселенцах селения Баймаклии, отказавшихся якобы принести присягу российскому престолу, которые изъяснялись «на турецком диалекте, коим не все говорят» (Крыжановская, Руссев 1957: 370). Из рапорта Ватикиоти можно сделать вывод, что не все выходцы из-за Дуная владели «турецким диалектом», что означает, что среди этих баймаклийцев были выходцы из-за Дуная, принадлежащие к двум языковым группам. Юшневский говорит о турецком языке, как более распространенном среди задунайских переселенцев, поселившихся на помещичьих землях. Но в данном случае не отвергается тот факт, что часть выходцев из-за Дуная, которую мы относим к «болгароязычным», также владела турецким языком. Не случайно Юшневский пишет далее, что он отправит в помощь титулярному советнику Марченко Константина Койчо, «знающего при том российский, болгарский и молдавский языки» (Крыжановская, Руссев 1957: 200). Таким образом, на основании этих двух высказываний Юшневского и Ватикиоти также невозможно делать общий вывод о соотношении численности двух языковых общин переселенцев из-за Дуная.

Глава 3. Этнические процессы в Болгарии в XII—XVII вв. и их отражение в антропонимии бессарабских болгар и гагаузов

Проведенный анализ антропонимов «старых» и «новых» выходцев из-за Дуная подводит нас к выводу о сложной их структуре. Ее, на наш взгляд, следует рассматривать как результат длительного во времени процесса проникновеия турецких антропонимов в славяно-болгарскую и тюрко-христианскую среду, а также и не менее длительного по времени процесса зарождения на Балканах этнической истории бессарабских гагаузов. Иначе как можно объяснить многократное использование болгарами, «говорящими на турецком языке», антропонимов славяно-болгарского происхождения, связанных как с дохристи-

анскими верованиями славяно-болгар (Стою, Стоян, Вълку), так и чисто болгарских христианского периода истории болгарского народа (Неделя, Христо)?

Большинство антропонимов глав семей «старых» и «новых» переселенцев имеют славянское происхождение, но встречаются также и тюркского происхождения. Что собой представляет это двоякое явление? Можно ли отнести его только к начальному этапу этногенеза славяно-болгар, имевшему место до принятия ими православия? Тогда возникает другой вопрос: каким образом славяно-болгарская антропонимия попала в огузо-кумано-печенежскую среду, на основе которой, по утверждению сторонников тюркской гипотезы происхождения гагаузов, возник новый и молодой гагаузский этнос на Балканах, если ими отрицается само участие в этом процессе тюрок-болгар и славяно-болгар? И как вообще такое — огузо-кумано-печенежское начало гагаузского этноса на Балканах — могло происходить тогда, в VIII—IX вв., если указанного триумвирата тюркских племен еще не было на полуострове? Оба «Именных списка» выходцев из-за Дуная ставят эти вопросы перед исследователями. И еще один звучит следующим образом: что лежало в основе феномена генезиса гагаузов на начальном его этапе, этнический фактор или религиозный? По нашему мнению, сомнительный фундамент доказательств, который включает множество гипотез происхождения гагаузов, состоит в том, что все, кто писал на эту тему, за исключением известного болгарского ученого Стр. Димитрова и, возможно, одесского этнографа А. В. Шабашова, брали за основу изучения проблемы этническое начало. Религиозный фактор всплывал потом. Идя по этому пути, невозможно объяснить происхождение гагаузов вообще, формирование гагаузской общности в Бессарабии, в том числе.

Стр. Димитров отвергает тезис о том, что болгаро-тюрки были полностью ассимилированы славянами уже в IX—X вв. Он доказывает на основе анонимной славяноболгарской летописи, что в XII—XIII вв. завершился процесс формирования единой, но специфической двуязычной болгарской народности. Только тогда, пишет он, у славян появилось «болгарское народностное самосознание», они начали «определять свой язык и свою книжнину как болгарские. Совершилось чудо с рождением единой болгарской народности, в которой и гунноязычные, и славяноязычные люди определяли себя как болгары». Это стало возможным благодаря тому, что «единство болгарской народности обеспечивалось, прежде всего, религиозной, а вслед за ней державно-политической ее общностью, и в последнюю очередь некими этническими признаками». Болгарский ученый утверждает: «Тюркоязычное болгарское население продолжало жить и развиваться как составная часть болгарской народности, хотя на его языке не создавались книги и вообще не была создана письменность» (Димитров 1995: 148—149). Для Стр. Димитрова неоспорим исторический факт, что и в XIII—XIV вв., «во Втором болгарском царстве болгарская народность была двуязычной» и «история не сохранила известия о столкновениях и противоречиях между славяноязычными и тюркоязычными болгарами» (Димитров 1995: 151).

С завоеванием Болгарии османотурками, пишет далее Стр. Димитров, там создалась совершенно иная, чем прежде, культурно-религиозная, политическая и психологическая атмосфера. Православие в этот период истории болгар становилось преградой на пути ассимиляции двуязычных болгар турками-сельджуками. Но языковая близость между тюркоязычными болгарами и завоевателями постепенно привела к тому, что их «язык все более отождествлялся с турецким». С этой языковой близостью тюркоговорящих болгар с османотурками стало «укрепляться и представление, что только славяноболгарский язык является болгарским и что болгарин — это не только православный, но и славяноязычный человек» (Димитров 1995: 152). Для тюркоязычных болгар одним из трагических последствий многовекового османского гнета стало постепенное угасание в их памяти того факта, что этот «их язык и эта их вера были своими задолго до того, как османотурецкая нога ступила» на болгарскую землю. Но если имела место насильственная исламизация православного населения, если осуществлялась насильственная депортация, то «не трудно принять, что и “турецкий язык” был введен властями» тюркоязычным болгарам «ценой невероятного насилия» (Димитров 1995: 153). Таким образом, Стр. Димитров отвергает гипотезу о гагаузах как отуреченных славяноязычных болгарах. Но у него есть весомые исторические основания считать, что болгарская народность во Втором болгарском царстве была двуязычной, славяноязычной и тюркоязычной. По Димитрову, как мы понимаем, структура болгарской народности в XIII—XIV вв. состояла из: а) славян, принявших этноним болгары и давших своему славянскому языку название болгарский язык, б) части ославянившихся тюрок-болгар, сохранивших этноним, но перешедших на славян-

ский язык общения, который далеко не сразу стал называться болгарским языком, в) тюркоболгар, которые сохранили и самоназвание болгары, и родной тюркский болгарский язык, г) тюркских племен узов, куманов, печенегов, которые утратили свои этнонимы и приняли общее для всех этническое имя. Но в этом случае к такой болгарской общности применим, на наш взгляд, не этноним *болгары*, а политоним *болгары*. Таковой она оставалась, благодаря православной религии, в османский период истории Болгарии. Поэтому, отмечает Стр. Димитров, нет ничего удивительного в том, что в XVIII — первой трети XIX «в переселенческих («изселническите») караванах шли вместе славяноязычные и тюркоязычные болгары без демонстрации различия между собой» (Димитров 1995: 154). А отсюда вывод автора: язык у тюркоговорящих болгар не турецкий, хотя и близкий к нему.

Свою статью Стр. Димитров написал 15 лет тому назад. Отличное знание им документов по средневековой истории Болгарии и всего того, что писалось по этногенезу гагаузов, подвигли ученого изложить свою концепцию по гагаузской проблеме. Наш анализ антропонимов выходцев из-за Дуная, «старых» и «новых» переселенцев, объективно приводит нас в русло подходов к этой проблеме Стр. Димитрова. Подойдя к проблеме гагаузов с другого исторического периода и на базе другого источникового материала, мы констатируем: подавляющее большинство антропонимов глав семей тюркоязычных выходцев из-за Дуная болгарского происхождения, и сами переселенцы считали себя болгарами до эмиграции и живя в эмиграции. Потому что, как показал Стр. Димитров, они были таковыми еще в период Второго болгарского царства, до завоевания Болгарии турками-османами. Но одновременно антропонимы болгарязычных и тюркоязычных «старых» и «новых» переселенцев убеждают, что между ними была внутренняя близость, взаимосвязь, взаимопощь. Общее самоназвание болгары, общая религия, в конце концов, общие корни и общая история в составе болгарского государства не могли не выработать у двух языковых общин болгар общие интересы в период османского господства над ними. Обе языковые общины, как на Балканах, так и в эмиграции, не были изолированы друг от друга, у них было много общего в быту, в обычаях, нравах, традициях, в целом в духовной культуре. Между ними по большому счету было только одно существенное отличие — язык общения. Но до поры до времени он не играл решающей роли в определении, кто есть кто.

Большой интерес относительно гагаузов вообще, бессарабских гагаузов в частности, представляет мнение другого болгарского историка Гаврила Занетова. Этот интерес обусловлен, прежде всего, тем, что Занетов — уроженец бессарабского гагаузского села Конгаз. В этом селе жили также и славяно-болгары, но их было меньшинство. Сам Г. Занетов принадлежал к гагаузской части Конгаза, но также считал себя болгарином, поскольку к тому времени, когда он переселился в Болгарию, гагаузы все еще продолжали считать себя болгарами, хотя процесс осознавания себя гагаузами уже шел среди бессарабских гагаузов. Поэтому его подходы к гагаузской проблеме заслуживают внимание не столько как подходы исследователя-историка, сколько, в первую очередь, как отражение в его работах исторической памяти бессарабских гагаузов.

В своей работе «Българското население в средните векове», изданной в Русе в 1902 г., Гаврил Занетов уделил большое внимание гагаузам Северо-Восточной Болгарии и Бессарабии. Анализируя известное в истории деление болгар за Дунаем на «белых болгар» и «черных болгар», Г. Занетов приходит к выводу, что «името “черни българи” поскоро тряба да се отнася към гагаузите», «името “черни българи” не е някоя нова измислица, а е старото име на българите-туранци» (Занетов 1902: 72, 73). К болгаро-туранскому населению Северо-Восточной Болгарии в средние века Г. Занетов относил болгаротюрков (Занетов 1902: 73). И далее следуют очень интересные рассуждения автора, основанные на исторической памяти гагаузов и его собственной, которая нашла подтверждение в полевых материалах, собранных им в Варне: «Сега в южна Бесарабия християнското население, което говори турски, се вика, че е българско — “биз ис булгар”, казват те за себе си, като при това с неприятност отбелязват, че тях ги наричат още гагаузи. Може би, това последното име не се обича от тях, защото е чуждо, а не защото се израждала народността им, както забеляза Иречек. Нещо повече: гагаузите в Бесарабия казват, че именно те са българи, а не ония българи, които говорят български и които те с известно незачитание наричат “тукани”. Следователно, гагаузите се наричат българи не по подражание и не от желание да се приравнят към другите българи, а по други самостоятелни причини. От начало аз мислех, че “тукани” се наричали първите български преселници в Бесарабия и че от там е останало това име… По-късно, в гр. Варна разбрах, че и там гагаузите наричат българите «тукани»; значи, думата тукан има много по-старо про-

исхождение … В дадения случай името “тукани” отличава славяно-българите от гагаузите-туранци. Ний мислим, че в думата «тукани» имаме една преживелица от най-старите времена,— от тогава, когато “черните българи” в VII век са дошли на Балканския полуостров и между Дунава и Стара-Планина намерели седем славянски племена. Трябва да се мисли, че дълго време, през целите средни векове, българите са се делили на черни или пришелци и на бели или местни, които постепенно са се сливали в една славянобългарска народност и се слели напълно, с някои малки изключения» (Занетов 1902: 73—74). Подчеркнем, когда Г. Занетов говорит о слиянии белых и черных болгар в одну болгарскую народность, он не имеет в виду языковое слияние-ассимиляцию, а лишь этнографическое, этнокультурное и этнополитическое слияние двух языковых общин болгар, тюркоязычных и болгароязычных.

Здесь уместно продолжить анализ термина *тукан*. Г. Занетов предположил, что хотя гагаузы так называли болгар, и не только в бессарабской среде, а и в Болгарии, но слово это имеет старинное происхождение, и в нем изначально был заложен иной смысл, чем тот, который впоследствии оно приобрело. Вот что пишут по этому поводу И. В. Дрон и С. С. Курогло: «Словом тукан гагаузы называют болгар. Элемент *тукан* в гагаузском, несомненно, древний и восходит к др[евне]-тюрк[скому] тоу (“рождаться”) <…> Образование термина-этнонима, видимо, связано с тюркско-кыпчакским миром <…> *Туган* является антрокомпонентом в башкирских и казахских именах, *Тукан* известен в гагаузском и болгарском антропоникомах. *Тукан* — имя одного из легендарных предков узбекского народа. По нашему мнению, гагаузский аллоэтноним *тукан* образован так же, как тюркские этнонимы т*юрк*, *печенег*, *башкир*. Этноним *тукан* <…> мог образоваться или проникнуть в язык предков гагаузов еще до их переселения на Балканский полуостров» (Дрон, Курогло 1989: 85). Таким образом, авторы подтверждают догадку Г. Занетова. Нам, однако, представляется, что их рассуждения вокруг термина-этнонима *тукан* не доведены до логического конца.

Славяно-болгарское толкование термина *тукан* связано с его происхождением от слова *тук*, что в переводе на русский означает *здесь*. Следовательно, *тукан* — это *здешний*. Если согласиться с тем, что термином *тукан* — *здешний* гагаузы называли болгар, то выходит следующее: гагаузы при поселении в Буджак уже застали здесь болгар, и потому дали им прозвище *тукан* — *тукашни* — *туканци*. Но это можно истолковать как указание на то, что болгары первыми поселились в Буджаке, а гагаузы пришли позже. Вместе с тем, архивные документы, опубликованные источники и исследовательская литература не подтверждают такое предположение. Кроме того, носителями уличного прозвища тукан, ставшего впоследствии фамилией *Тукан*, были также и бессарабские гагаузы. Как историк я могу предположить, что термин *тукан* перешел в славяно-болгарский язык от тюрок-болгар. Вполне допускаю, что и в тюрко-болгарском языке термин *тукан* имел то же самое значение, что и в других тюркских языках, о чем пишут И. Дрон и С. Курогло. Однако со временем, попав в другую языковую среду, слово *тукан* утратило свой первоначальный тюркский смысл *рождаться*. Есть и другое предположение. Нельзя ли тюрко-гагаузское *тукан — рождаться* — по отношению к болгарам истолковать как специфический синоним славяно-болгарскому *тукан — здешний*? Ведь если гагаузы куда-то переселялись, и они знали, что это место не заселено, но потом вдруг выяснялось, что там уже живут болгары, которые для них неожиданно, из-под земли появились, то есть родились-поселились здесь раньше гагаузов, то почему нельзя предположить, что мы в этом случае встречаемся со своеобразным толкованием одного и того же термина, который в тюрко-гагаузском и славяно-болгарском языках поразному интерпретируется? Как мне представляется, нет достаточных оснований придавать термину *тукан* исключительно этническую славяно-болгарскую окраску, исключая тем самым взаимовлияние, взаимопроникновение в языках тюркских предков гагаузов и тюрок-болгар и славяно-болгар. Здесь мы высказали мнение историка, у филологов, несомненно, найдутся другие профессиональные лингвистические объяснения.

Выдержки из работ болгарских историков Л. Милетича, Г. Занетова и Стр. Димитрова приведены с целью сопоставить проведенный нами анализ антропонимов глав семей «старых» и « новых» переселенцев с данными литературных источников по Северо-Восточной Болгарии. Чтобы поставить и ответить на вопрос, какова история проникновения антропонимов славяно-болгарского происхождения в среде тюркоязычных выходцев из-за Дуная, поселившихся в Пруто-Днестровском междуречье Молдавского княжества в последней трети XVIII — начале XIX вв.

К этим ценным мыслям и наблюдениям известных ученых автор прибег уже после

проведения анализа имен и фамилий глав семей «старых» и «новых» переселенцев. А он свидетельствует о том, что антропонимы глав семей тюркоязычных задунайских переселенцев в Бессарабии являются существенным аргументом в пользу точки зрения Милетича, Занетова и Димитрова на этнодемографические процессы в Северо-Восточной Болгарии в VII—XVIII вв. Особенно для таких их выводов, как существование общей болгарской народности, состоящей из двух языковых общин (Стр. Димитров), наблюдаемой и у выходцев из-за Дуная в Буджаке; присутствие общих этнических компонентов в происхождении славяноязычной и тюркоязычной болгарской народности (Г. Занетов), проявление общей исторической судьбы (Л. Милетич) двуязычного населения Северо-Восточной Болгарии на протяжении тысячелетия (болгарская государственность, православная вера, османское завоевание Болгарии и его влияние на жизнь порабощенных христиан на Балканах и т. д.).

Оба списка выходцев из-за Дуная с фамилиями глав семей «старых» и «новых» переселенцев, но особенно первый, дают основание утверждать, что антропоним болгар, болгарюл и другие варианты этнонима болгарин, как второй компонент фамилий глав семей, был широко использован турецкоязычными эмигрантами православной веры. Учитывая тот факт, что в некоторых молдавских селах местное население называло таких переселенцев турчь ботезат, сами турецкоязычные переселенцы в подавляющем большинстве случаев идентифицировали себя этнонимом болгарин, и этим они пресекали попытки причислить их к туркам только на том основании, что говорили на турецком языке. И им это удалось: большинство молдавского населения в местах проживания на территории Молдавского княжества «старых переселенцев» идентифицировало их так, как они сами себя называли — болгарами. Поэтому, антропоним болгарин и самоназвание болгарин среди турецкоязычных переселенцев в Молдавском княжестве — это, может быть, не столько их реакция на турчь ботезат, сколько историческая традиция, берущая свое начало в XIII—XIV вв. В период османского господства в болгарских землях самоназвание болгарин ими было сохранено, ведь и тогда тюркоязычному населению на Балканах нужно было отмежеваться от турок-мусульман. Им, говорившим на «тюркче», не всегда можно было сделать это, используя религиозный фактор. Исламизация православного населения на Балканах в период Османской Порты — никем не оспариваемый исторический факт, и тюркоязычные православные люди не составляли исключение, а наоборот. Религиозное их преследование со стороны исламистской османской власти было одной из главных причин их бегства из болгарских земель.

Анализ антропонимов глав семей «старых» и «новых» переселенцев не выводит нас на фамилию-прозвище гагауз. Известно, что некоторая часть выходцев из-за Дуная относила себя к грекам, и это их самоназвание документально зафиксировано. Но, по нашему мнению, это, скорее всего, не греки, а так называемые греческие гагаузы, которые на территории Болгарии называли себя греками, чтобы подчеркнуть свою приверженность ортодоксальной религии. В целом же, турецкоязычные выходцы из-за Дуная православной веры были известны в Молдавском княжестве, в том числе в молдавских поселениях Пруто-Днестровья, как болгары, греки, турчь ботезат. С одними самоназваниями они прибыли в Молдавское княжество, другие их названия принадлежат местному молдавскому населению, и они появились здесь. Это говорит о том, что «болгары, говорящие на турецком языке», в конце XVIII — начале XIX вв. не имели моноэтнической окраски, не употребляли по отношению к себе единого этнонима, название разговорного языка было ими заимствовано или навязано им в балканский период их истории. Следовательно, они на Балканах и не ощущали себя гагаузской общностью.

В принципе, к такому выводу приходят многие ученые, в том числе и болгарские историки и этнографы, которые занимались изучением гагаузского феномена на территории Болгарии до ее освобождения в 1878 г. от Порты. Это относится и к В. А. Мошкову, который отмечает, что в Болгарии гагаузы делятся на две группы — болгарские гагаузы и греческие гагаузы. Он, правда, оба эти определения гагаузов привязывает к церковной борьбе в Болгарии («греко-болгарской распре»), имевшей место либо значительно раньше, при принятии православия тюркскими племенами на Балканах, либо позже, чем произошло переселение бессарабских болгар и гагаузов в Дунайские княжества и Россию, но, тем не менее, эти особенности им зафиксированы.

Однако, более важно другое, а именно: отличия существуют и среди бессарабских гагаузов, которые по диалекту языка делятся до сих пор на две группы: южную (язык сел, входящих в Вулканештский район Гагауз-Ери) и центральную (язык гагаузских сел Комратского и Чадыр-Лунгского районов

Гагауз-Ери). Но только ли языковой фактор лежит в основе различий между ними? Последние исследования гагаузских этнографов Д. Никогло, Е. Квилинковой, а также Е. Сорочяну (ее научный интерес находится на стыке двух научных дисциплин, языкознания и этнологии) дают основание говорить о более серьезных специфических отличиях между вулканештскими, чадыр-лунгскими и комратскими гагаузами, которые имеют балканское происхождение.

Указанные отличия относятся к языку и этнологии гагаузов и непосредственно выходят на проблему их этногенеза. Перед учеными стоял и стоит один очень важный вопрос: сформировалась ли гагаузская общность на территории Болгарии в османский период ее истории?

На этот вопрос отвечали по-разному. Одни утверждали «да», не имея под рукой самых важных аргументов (самоназвания гагауз, признания их со стороны соседних народов под названием гагаузов, то есть самостоятельным этносом, наличие глоттонима гагаузский язык), а без них все остальные доводы не могут восприниматься всерьез. Например, утверждение о том, что Добруджанское деспотство — первое гагаузское государство на Балканах. Другие, не рассматривая этот вопрос напрямую, приводили такие факты, которые сами по себе отвечают на него «нет». Некоторые (К. Иречек) относили этногенез всех гагаузов к одному генетическому корню, другие, и опять же реальными фактами, ставили это утверждение под сомнение.

Этот вопрос нуждается в специальном исследовании. Здесь в рамках темы нашей работы приведем мнение трех ученых, в научной объективности и высоком профессионализме которых никто не сомневается.

Любомир Милетич в многократно цитированной выше книге «Старото българско население в Североизточна България» пишет: «Търсейки старо “ерлийско” население, човек се натъква на тъй наречените гагаузи, които тъй също минават за стари жители на тия области. Под “гагаузи” народът разбира изобщо християни, чийто матерния език е турски. Ала по-близко запознаване с всички тия “гагаузи” излиза наяве, че у народа се различават два вида гагаузи — именно “гагаузи”, които се считат българи, съчувствуват на българите, женят се за българки и изцяло в домашния си живот, в роднинските си отношения, в песните и обичаите, и същински гагаузи, които сами се наричат с това име, които винаги са странили от българите, които се държали страната на гърците па и сега не се чувствуват българи; тези са “хасъл гагаузи” или “приморски гагаузи”, както донякъде ги наричат, за да ги различат от “българските гагаузи” (Милетич 1902: 15).

В. А. Мошков почти в одно и то же время, что и Милетич, отмечал в своем отчете о поездке на Балканский полуостров в 2003 г.: «... задунайские гагаузы далеко не представляют собою сплошной однообразной массы. Кроме того, что они разнятся между собою своими наречиями в зависимости от окружающих их говоров турецкого народа, они разделились еще на две половины, резко различающиеся по отношению их к болгарам», «греческие гагаузы были вполне убеждены в своем греческом происхождении» (Мошков 2005: 46, 48).

Страшимир Димитров отмечает: двуязычная болгарская народность в условиях Османской империи являлась фактором, обуславливающим внутри нее появление этнических процессов, которые в XVIII в. охватили всю православную общность на Балканах. По отношению к гагаузам болгарский ученый пишет: «Насильственническая политическая система в османском государстве подсказала способ, которым гагаузы (но и не только они) могли объяснить сами себе существующее у них вопиющее противоречие между “българската вяра” и “турския език” (Димитров 1995: 153). Это объясняется им тем, что со временем они забыли, что язык у них не турецкий, а тюркский (в то время не было разграничения между понятиями «турецкий» и «тюркский»).

Антропонимы «старых» и «новых» переселенцев в рамках четырех предложенных нами групп имен и фамилий глав семей, во-первых, не позволяют численно дифференцировать гагаузов отдельно от болгар, во-вторых, не содержат каких-либо элементов, указывающих на существование за Дунаем отдельной гагаузской общностной среды. Это подтверждает вывод Стр. Димитрова о том, что только в XVIII в., когда обозначилось переселенческое движение в болгарских землях, на Балканах проявились этнические процессы, обусловившие там национальные и политические движения против Порты. У гагаузов эти этнические процессы тогда если и имели место, то протекали медленнее, чем у других этносов из-за отсутствия в их среде просветителей, а также политической мотивации. Таким образом, самосознание болгар, говорящих на турецком языке, на момент их поселения в Пруто-Днестровском междуречье, отражало то их внутреннее состояние идентичности, которое у них было, на наш взгляд, на момент эмиграции с Балкан, не более того.

То, что в Болгарии гагаузская общность не сформировалась к моменту эмиграции в последней трети XVIII — начале XIX вв. значительной части тюркоязычного православного населения из-за Дуная, подтверждается следующим фактом. В обоих анализируемых нами списках «старых» и «новых» переселенцев отсутствует как антропоним-прозвище гагауз в качестве второго компонента фамилии главы семьи. Как оценить этот факт? Почему тюркоязычные переселенцы не называли себя гагаузами, но, не стесняясь, определяли себя болгарами, греками и использовали эти этнонимы как прозвища в качестве второй части антропонима глав семей, ставших впоследствии их фамилиями? Что скрывается за этим их «самоидентичным поведением»? Ответа на эти вопросы в этих архивных делах, как и во многих других, нам известных, нет. Как нет ответа и в научной литературе.

В интересной, но противоречивой статье известного этнолога-гагауза М. Н. Губогло «Гагаузская антропонимия как этногенетический источник», также отсутствует анализ термина-понятия гагауз.

Статья написана в самом начале его научной деятельности. В ней автор предпринял попытку выявить в гагаузских именах, фамилиях и прозвищах «прямые или косвенные аналогии с антропонимическими традициями некоторых кочевых народов средневековья», а именно с «тюркоязычными узами, печенегами и половцами (куманами)» (Губогло 1973: 84). М. Н. Губогло приводит до 40 имен и прозвищ тюркского происхождения, но из них только семь отнесены к доосманскому периоду истории Болгарии (X—XIV вв.), когда на ее территории поселились эти тюркоязычные племена. Все остальные антропонимы относятся к более позднему времени — XV—XVII вв.

На основании анализа четырех десятков тюркских антропонимов М. Н. Губогло приходит к выводу о том, что «совпадение имен и прозвищ кочевых тюрков X—XIV вв. и варненских тюркоязычных овцеводов XV—XVI вв. с именами, прозвищами и фамилиями современных гагаузов позволяет предположить наличие этногенетической преемственности» (Губогло 1973: 88). Автор здесь делает более чем осторожный вывод, он лишь предполагает этногенетическую связь указанных тюркских племен с современными гагаузами. Однако, завершая статью, он, как сторонник тюркской гипотезы происхождения гагаузов, корректирует это предположение и утверждает: «В происхождении гагаузов большую роль сыграли кочевые тюркоязычные племена и народности» (Губогло 1973: 92).

Говоря о тюркской антропонимии на территории Болгарии, М. Н. Губогло не выявляет особенности ее формирования на различных этапах истории страны. В частности, представляло бы интерес его мнение о том, есть ли отличия в антропонимах тюркских народов, проживающих в Северо-Восточной Болгарии в X—XIV вв., в рамках которых существовали Первое (до 1018 г.) и Второе Болгарское царство (1185—1396 гг.), от таковых, относящихся к XV—XVII вв., к периоду пятивекового османского господства в Болгарии. Кроме того, М. Н. Губогло не учитывает и то обстоятельство, что важным этническим компонентом в истории средневековой Болгарии были тюрки-болгары, поселившиеся на Балканах в VII в., будучи также кочевниками. И, как считает Стр. Димитров, совсем не факт, что все тюрки-болгары утратили и тюркский язык, и тюркские традиции к началу второго тысячелетия нашей эры, а их тюркское происхождение и прежняя тюркская этническая история не могли не наложиться на этногенез и в этнографических традициях переселившихся позже на Балканы новых тюркских кочевых племен и проявиться на этапе их последующего исторического развития. Если бы он это сделал, то не стал бы искать аналогии тюркским именам и прозвищам гагаузов только среди тюрок-мусульман в болгарских землях с XV века. Кроме того, автор не ограничился бы констатацией: «Среди гагаузских неофициальных имен конца XIX и начала XX века встречались имена, не похожие на традиционно христианские <…> В части подобных имен обнаруживались параллели (?) с бытующими у болгар именами дохристианского периода: Бойку, Диму, Добре, Мирчу, Стуян» (Губогло 1973: 88). Эти имена есть среди «старых переселенцев», как болгароязычных, так и тюркоязычных, и о них говорилось выше. И это, на наш взгляд, не параллели и даже не заимствования, а этническая или народностная (болгары — политоним!) идентичность, обнаруживаемая и в антропонимии болгар и гагаузов.

Среди бессарабских болгар, как и среди гагаузов, были широко распространены такие прозвища, ставшие в последствии фамилиями, как Абаджи/Абажи/Абаржи — «суконщик», Терзи — «портной», Хороз (Хорозов) — «петух», Кючюк/Кучук/Кичук — «маленький», Чобан/Чебан/Чебанов. Известны в среде болгар Молдовы и Украины имя Курти и фамилия Куртев. Нельзя отнести к исконно гагаузским такие фамилии, как Арабаджи, Абаджи, Бояджи, Гайдаржи, Дели, Демир, Кавалджи, Бузаджи. Эти фамилии в таком или несколько измененном виде распространены среди бес-

сарабских болгар. Некоторые из имен и фамилий, указанных в статье М.Н. Губогло, мы обнаруживаем и в списках глав семей «старых» и «новых» переселенцев: Димир, Желез, Терзи, Дели, Гайджаржи, Бостанарь, Панчу, Стоян, Кучук, Чебан, Вилчу и т.д. Но объяснение этому явлению среди болгар не может быть односторонним. По нашему мнению, такие имена и фамилии среди болгар Молдовы и Украины — это в том числе, а может, главным образом, и турецкое антропонимическое влияние. Мы не исключаем, что эти современные фамилии среди местных болгар могут относиться и к их предкам, тюркоязычным болгарам или болгарским гагаузам, как их называют В.А. Мошков и Л. Милетич, которые в свое время остались жить в колониях бессарабских болгар. В моем родном селе Гюлмян, ныне Яровое, что в Тарутинском районе Одесской области Украины, очень много фамилий тюркского происхождения, в основе которых турецкое начало. Предки моих односельчан — переселенцы 1830 г., они не относятся ни к «старым», ни к «новым» выходцам из-за Дуная, переселились из местности, где ни болгарских, ни греческих гагаузов не было. Тем не менее, их фамилии идентичны тем, которые встречаются довольно часто среди бессарабских гагаузов: Топал, Кара, Киосе, Узун, Абаржи, а также Кащи, Касыр, Бардук, Каба, Делик, Гербали и другие. Моя фамилия Грек, а среди моих предков по женской линии — гюльмянцы по фамилии Юрдекчи, Сарайлы (трансформировалась в Сараин) и Тербаба. При этом в нашем селе гагаузов никогда не было. Это доказывает, что поиск тюркских этногенетических корней в средневековой Болгарии только среди узов, половцев и печенегов — довольно затруднительное занятие, которое натыкается на множество препятствий — наслоений более позднего периода болгарской истории.

Обилие антропонимов болгарского, греческого, валашско-молдавского, турецкого происхождений среди современных гагаузов все же вынуждает М.Н. Губогло говорить о слабости тюркской гипотезы происхождения гагаузов. В этой статье он признает, что «неоднородный антропонимический материал гагаузов позволяет проследить этнокультурные параллели с рядом современных соседних народов — болгарами, русскими, молдаванами, румынами, греками», что ему не удается «найти связующего звена между современными гагаузами и средневековыми кочевыми тюрками», что «современные гагаузы этнически неоднородны» (Губогло 1973: 84, 85, 92). Конечно, автор говорит об антропонимических параллелях, а не об интерференции, он видит в именах и фамилиях гагаузов славянского происхождения вначале русский вариант и лишь затем — болгарский. В этой статье заметно стремление М.Н. Губогло не замечать тюрко-болгарское и славяно-болгарское присутствие в этнической и этнокультурной истории бессарабских гагаузов. В тех же случаях, когда этого не удается сделать, автор, например, заявляет, что часть гагаузских фамилий «образовались вопреки правилам словообразования в тюркских языках. От различного рода гагаузских имен и прозвищ (?) произошли фамилии с окончаниями, характерными для болгарского языка: *-ку, -чу, -у, -ов, -ев*, например: Вылку, Вылчу, Ваньчу, Вольгу, Гребеньчу, Греков, Гроздев, Даньчу, Димов, Доньчу, Койчу, Кыньчу, Панку, Стуянчу и др.» (Губогло 1973: 90). Приведенные им примеры не могут быть отнесены к гагаузским именам и прозвищам, большинство из них — болгарские по происхождению. Кроме того, в болгарском языке нет буквы мягкий знак. Поэтому непонятно, что этим автор хотел сказать? Вероятно, его смущает то, что «точно определить генезис указанных фамилий пока трудно. Можно предположить, что носителями таких “болгаризированных” (?) фамилий являются болгары по происхождению, ассимилировавшиеся в гагаузской среде, но сохранившие свои прежние фамилии. Возможно, также, что гагаузы заимствовали (?) эти фамилии у соседей-болгар, не подвергнув их сколько-нибудь существенным изменениям. Не исключено также, что эти фамилии образовались от официальных и неофициальных и других собственных гагаузских (?) имен» (Губогло 1973: 90—91). Предполагая наличие ассимилировавшихся болгар в гагаузской среде, почему нельзя допустить присутствие ассимилированных гагаузов в болгарской среде на Балканах? Что, процесс ассимиляции был односторонним (гагаузы ассимилировали болгар), и нельзя допустить, что был и обратный процесс — болгары ассимилировали гагаузов? Здесь в Буджаке, взаимная ассимиляция, болгарами — гагаузов и наоборот гагаузами— болгар, примеров можно найти сколько угодно.

Схожей с Губогло позиции придерживаются И.В. Дрон и С.С. Курогло: «Большой пласт гагаузских имен связан с болгарским ономастиконом. Имена Бойку, Добри, Станка, Стуянка, Неда, Руса, Станчу и другие распространились в гагаузской среде задолго до их переселения в Бессарабию. Данный тезис подтверждается материалами фольклора (авторы

не уточняют происхождение фольклора, болгарский или гагаузский — И.Г.). Отдельные исторические песни, отражающие те или иные исторические события, могут быть отнесены к XVII—XVIII вв. В них уже встречаются имена Стуян, Бойку, Станка и другие, не связанные с христианством. Они широко употреблялись болгарами Северо-Восточной Болгарии, где проживали гагаузы до переселения в Россию» (Дрон, Курогло 1989: 104).

Не оспаривая данное предположение М.Н. Губогло, поскольку оно имело место в рамках истории буджакских болгар и гагаузов, тем не менее, необходимо признать, что автор не принимает в расчет некоторые очевидные исторические реалии. Во-первых, он игнорирует деление гагаузов в Болгарии на две группы, о которых говорят и К. Иречек, и Л. Милетич, и В.А. Мошков: болгарские гагаузы и приморские гагаузы. Во-вторых, М.Н. Губогло не согласен с утверждением этих и других исследователей, что в Дунайские княжества и в Бессарабию переселились главным образом болгарские гагаузы, для которых была характерна в основном болгарская система антропонимов, что и признают Дрон и Курогло. В-третьих, и Губогло, и Дрон с Курогло, исследуя гагаузскую антропонимию, исходят из тюркской гипотезы этногенеза гагаузов, подкрепляя ее существованием якобы гагаузского Добруджанского деспотства с середины XIV в.

Но указанные авторы не учли, что в опубликованных документах сами тюркоязычные выходцы из-за Дуная, поселившиеся в Молдавском княжестве, в том числе и в «двухчасовой зоне» Пруто-Днестровского междуречья, называли себя болгарами. В прошениях, адресованных царским властям, «старые» и «новые» переселенцы идентифицировали себя следующим образом: «…нам запрещено собраться всем вообще с первыми болгарами и составить таковое общество на царской земле», «все болгары, перешедшие сюда еще во время первой войны с Турцией», «…испросить великую милость Вашу, дабы, сверх избранных по селениям для управления болгар из нас старшин», «преданнейшие к христианской любви, но безмолвные ныне чада Болгарии», «Трифон Айпат, Стоян Айпат со всем обществом болгарским», «…о позволении дабы все болгарские семейства, кои в прежние с турками войны поселились рассеянно в землях помещичьих», «все живущие на помещичьи земли болгары», «все болгары, равно и поселившиеся тут в первую с турками войну», «чтобы всех нас вообще болгар, в Бессарабии поселившихся». Интерес представляют и подписи «болгар» под этими прошениями: Георге Бояджи, Добре Демироглу, Кара Яне, Мош Дойку, Руси Маджароглу, Петри Узун, Алекси Иваноглу, Иван Корчмарь и др. (Крыжановская, Руссев 1957: 293, 343, 344, 347, 506).

Таким образом, болгарские по происхождению имена и фамилии у тюркоязычных православных выходцев из-за Дуная не являются чем-то привнесенным в гагаузскую антропонимическую среду, а были ее составной и неотъемлемой частью еще на Балканах. Все это наглядно видно из вышеприведенного анализа антропонимов глав семей из двух списков «старых» и «новых» задунайских переселенцев.

Соглашаясь с мнением Стр. Димитрова о том, что национальное самосознание балканских народов пробудилось в XVIII столетии, мы с некоторыми оговорками можем отнести к этому веку и начальный этап зарождения у отдельных индивидов тюркоязычных болгар ощущения себя гагаузами, поскольку в его основе на Балканах лежал только православный религиозный фактор. Лишь он отделял православное тюркоязычное население от тюркоязычных турок-мусульман, и только он спасал их от этнического поглощения и религиозной ассимиляции османами-мусульманами. Поэтому, на наш взгляд, термин-понятие, или синтагма, гагауз не имел в то время этнического маркера. Кроме того, не исключено, что гагаузами, как «чужих», турки-мусульмане, как «другие», называли тех православных жителей Балкан, которые говорили на одном с ними тюркском языке, но держались другой веры. Следовательно, турки-мусульмане относились к ним как к «другим», «чужим»; не «мы», а «они». То есть, на наш взгляд, ставшее впоследствии этнонимом понятие гагауз не было самоназванием для тюркоязычного православного населения болгарских земель, так их назвали турки-мусульмане. И нужно было время для того, чтобы это православное население привыкло к тому, что его так называют «другие». Это «привыкание» тюркоязычных православных христиан очень слабо проявлялось среди тех из них, кто со второй половины XVIII века переселялись в Дунайские княжества.

Эта наша точка зрения по отношению к этнониму гагауз отличается от позиции Страшимира Димитрова, изложенной в другой его статье «Още едно мнение за името “гагаузи” (Димитров 1996: 199—219). Болгарский историк относит зарождение этнонима гагауз к XI—XII вв. и связывает его с периодом Византийского владычества

в Болгарии после 1018 г. Тогда Византия создавала в завоеванной ею Болгарии обособленные военно-хозяйственные группы, посредством которых новое узо-куманское население Северо-Восточной Болгарии вписывалось в социально-экономическую и военно-политическую структуру империи. Именно тогда, считает Стр. Димитров, «титлата “хан” или “хаган” от синоним на суверен се е превърнала в название на една или друга военнотериториална общност от заселени тук узо-кумани. Една оглавлявана от титулован предводител формация ще да е заслужила прозвището “ханси огузи” или “ханси узи”, т. е. “хакан-огуз” или “хакан-уз”, което пък в славяноезична среда се трансформирало в “гаган-огуз”, респ. “гаган-уз”. С течение на времето звукът “н” бил асимилиран и словосочетанието придобило формата “гагауз” (Димитров 1996: 212—213).

Но в этой же статье Стр. Димитров допускает и иное толкование времени появления понятия гагауз. Анализируя утверждение К. Иречека о том, что «името гагаузи, което е общо познато в цялата област от Адрианопол до Одесса, ми беше обрисувано (гагаузами Болгарии — И. Г.) като име от по-нов произход. То се счита почти като псувня, каквато съдба сполетява толкова много измиращи народностни имена. Самите гагаузи се срамуват от него», Стр. Димитров не может не согласиться с мнением чешского ученого, поскольку тот сделал его на основе собранного им полевого материала. Он считает, что «сведенията на К. Иречек, че етнонимът “гагаузи” имал оскорбително звучение и че самите гагаузи се “срамували” от него, без съмнение отразяват действителното състояние на нещата поне в пределите на българската етническа територия» (Димитров 1996: 200). Если это так, тогда встает вопрос, когда этот этноним приобрел оскорбительный смысл? Конечно же, в период османского господства в Болгарии. Но в таком случае нельзя ли допустить, что «гаган-уз» превратился в «гагауз» не благодаря исчезновению звука «н», а потому, что мусульманские турецкие чиновники, сознательно убрав звук «н», исказили название военизированной узо-куманской общности «гаган-уз» православного вероисповедания, заменив его оскорбляющим это население словом «гагауз»? В названии «гаган-уз» ведь нет ничего оскорбительного! Из сказанного вытекает, что оскорбительное слово «гагауз» не было самоназванием тюркоговорящего православного населения в доосманский период истории Болгарии, следовательно, оно не было этнонимом ни тогда, ни после, в османский период истории Болгарии: те, кого турки называли «гагаузами», не признавли себя «гагаузами», это их оскорбляло.

Таким образом, данное отрицательное отношение тюркоязычных православных жителей Балкан к оскорбительному для них слову «гагауз» сопровождало их эмиграцию в Молдавское княжество и в его Прутo-Днестровское междуречье, а также сохранилось на довольно продолжительный временной этап их проживания здесь. Вот почему, на наш взгляд, «старые» и «новые» переселенцы из тюркской языковой общины крайне редко употребляли здесь, в Бессарабии, слово *гагауз* в качестве фамилии, лишь в крайнем случае, как реакция на то, что часть молдавского населения Припрутья называло их турчь ботезат. Во всех списках задунайских переселенцев 1818 г. Г. К. Кышлалы выявил всего 8 глав семей с фамилией-прозвищем *Гагауз* или его модификациями: в Еникиое — Тодор Гагауз, 60 лет; в Гайдарах — Диордий Гагауз, 40 лет; в Татар Копчаке — Тодор Гагауз, 40 лет; в Чадыр-Лунге — Константин Муржу, он же Мурза Гагауц; в Кубее — Танас Петроглу, 75 лет, по ревизской переписи 1821 г. проходит как Танас Петров Гагауз; в Рени — Николай Димитриев Кагауз, 48 лет, он из мещан, прибыл сюда в 1828 г.; в Комрате — Георгий Кристов Гагауз, 77 лет, прибыл сюда после переписи 1821 г.; наконец, в Кишиневе — Иван Харгауц, 40 лет, прибыл в Бессарабию в 1805 г. (НА РМ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 439. Л. 68; Д. 442. Л. 44, 159, 167, 418, 432; Ф. 134. Оп. 2. Д. 45. Л. 350; Д. 774. Л. 350. Выражаем искреннюю благодарность Г. К. Кышлалы за предоставленную информацию). Наличие среди носителей прозвища-фамилии 77-летнего Георгия Кристова Гагауза, 75-летнего Танаса Петрова Гагауза и 60-летнего Тодора Гагауза свидетельствует о том, что слово гагауз имеет балканское происхождение. Оно пришло в Молдавское княжество из Болгарии вместе со «старыми» переселенцами, которые говорили на языке «тюркче».

В связи с фамилиями *Гагауз*, встречающимися среди выходцев из-за Дуная на территории Молдавского княжества и Буджака, появляется возможность исследовать само это явление, чтобы определить время его возникновения, его смысловое значение, что оно обозначало, кто и почему закрепил его за православными тюркоязычными жителями Болгарии.

Из указанных выше восьми глав семей выходцев из-за Дуная, у которых вторая часть антропонима указана *Гагауз*, *Кагауз*, *Харгауц*, *Гагауц*, двое из них на момент составления

«Списков» 1818 г. или переписи 1821 г. имели солидный возраст: Георгию Кристову Гагаузу из Комрата было 77 лет, а Танасу Петрову Гагаузу из Кубея на 1821 г. было 75 лет. Причем, последний по «Списку» 1818 г. проходит как Танас Петроглу. Выходит, что Георгий Гагауз родился в 1744 г., а Танас Гагауз — в 1743 г. Следовательно, на время их рождения их отцы, а возможно, и деды, либо считали себя гагаузами, либо за ними закрепилось уличное прозвище *Гагауз*. На наш взгляд, этот антропоним произошел от уличного прозвища. Мы затрудняемся ответить на вопрос о том, это прозвище было дано им в том селе, где они родились или оно закрепилось за ним в другом селе в Болгарии, куда семья по каким-то причинам переселилась. Независимо от этого, прозвище *Гагауз* за предками Георгия и Танаса устоялось к середине XVIII в., а стали применять его к ним не позже второй половины XVII веке. Таким образом, можно считать, что термин *гагауз*, как уличное прозвище отдельных тюркоязычных семей или как прозвище для всех тех, кто на Балканах был православным и тюркоязычным, был известен в XVII веке. Если мы говорим о прозвище, данном большой массе людей не турецко-мусульманского происхождения и веры, то кто это мог сделать и когда? Либо славяно-болгары, либо османы-мусульмане. Славяно-болгары имели возможность назвать тюркоязычных болгарских сограждан *гагаузами* еще в XIII—XIV вв., но они к этому не прибегли, поскольку в известных источниках того времени это слово-этноним не обнаружено. К тому же слово это — тюркского происхождения, а не славянское. Следовательно, оно появляется после завоевания Болгарии турками-сельджуками или османами, и его предназначение в том, чтобы выделить в границах Османской империи тюркоязычное православное население как противоестественное для ее тюркского мира, который является мусульманским в религиозном отношении. Вероятно, это слово содержало оскорбительный смысл, раз тюркоязычные православные его не воспринимали и отвергали, что и зафиксировал К. Иречек в конце XIX века. Нельзя считать случайным тот факт, что Танас Петров Гагауз так записан по переписи 1821 г., а в «Списке задунайских переселенцев» 1818 г. он представлен как Танас Петроглу.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. В документах сохранилось четыре варианта написания этой фамилии: *Гагауз, Кагауз, Харгауц и Гагауц.* Окончание *-ц* в последних двух словах указывает на придание молдавской специфики в их написании, что является следствием продолжительного проживания их носителей среди молдаван. Что же касается корня слов *гага, кага, харга*, то они имеют балканское происхождение и носят на себе отпечаток региональности в их произношении, но, возможно, и в происхождении. То есть, *кагауз и харгауз* — это, на наш взгляд историка, а не филолога, скорее диалектные формы слова *гагауз*. Поскольку, как мы считаем, это слово употреблено «другими», «чужими», по отношению к тюркоязычным жителям Балкан православного вероисповедания, то поэтому оно тогда, до переселения их носителей в Молдавское княжество и в Буджак, не имело устойчивой формы в употреблении и в произношении, что и отразилось в его написании.

В связи со сказанным возникает еще один очень важный вопрос, ответ на который также надо искать на Балканах. Если переселившиеся в Молдавское княжество «старые» выходцы из-за Дуная знали, что «чужие», в данном случае, как мы предполагаем, османо-турки, называют их гагаузами, а сами они считали себя то болгарами, то греками, то можно ли говорить, что они там, в Болгарии, на момент переселения имели двойное самосознание? Гагаузское, с одной стороны, болгарское или греческое, с другой. Двойное самосознание предполагает, что тот, кто идентифицирует себя на основе двух этнонимов, одинаково позитивно относится к одному и другому. В анализированных нами двух «Именных списках» этой одинаковости нет. Есть антропонимы *болгар, грек*, но нет антропонима *гагауз*. Носителями прозвище *гагауз* по «Списку задунайских переселенцев» 1818 г. были, как было отмечено выше, всего восемь глав семей. А этот «Список» насчитывает несколько тысяч глав переселенческих семей. Может ли быть двойное самосознание у гагауза, болгарина, молдаванина, грека, украинца, который не хочет, чтобы его называли так и сам себя не идентифицирует гагаузом, болгарином, греком, молдаванином?

Антропонимы «старых» и «новых» задунайских переселенцев, отнесенные нами в тюркоязычную общину — это один из важных первоисточников, от которого необходимо отталкиваться при изучении неисследованной проблемы формирования бессарабской гагаузской общности. Историкам, этнографам, демографам предстоит ответить на вопрос, каким образом и в каких условиях прозвище *гагауз*, единично использованное в последней трети XVIII — начала XIX вв., через 100—150 лет стала этнонимом гагауз?

Славяно-болгары тоже идентифицировали себя болгарами, но местное молдавское насе-

ление зачастую называло их также «сырбул», «сырф», то есть серб. Возможно, таким термином с этнической окраской другого балканского народа со схожим славянским языком молдаване отличали одних болгар от других, говоривших на турецком языке. Следует также принять во внимание, что в Молдавском княжестве болгар еще с XIV—XV вв. называли сербами (Полевой 1979: 103—104, 106). Эта историческая традиция сохранилась и в XVIII — начале XIX века, с чем мы и встречаемся в рассматриваемом «Именном списке» Зворского. Среди глав семей «Именного списка болгарам, новым переселенцам» из болгарских земель антропоним-прозвище «сырбул», «сырф» не встречается.

В обоих «Именных списках» есть записи антропонимов глав семей, вторая часть которых содержит признаки, характерные для гагаузских фамилий, оканчивающихся на *-огло, -оглу*, но они составляют 4 — 10% глав семей от общего их количества. В отдельных поселениях этот процент был выше. Так, в «Списке задунайских переселенцев» по Комрату за 1818 г., который состоял из «старых» и «новых» переселенцев, из 44 глав семей у 20 фамилии оканчивались на *-огло, -оглу*. Это служит подтверждением тому, что в этих списках присутствуют главы семей, фамилии которых отличаются как от чисто болгарского варианта, так и от смешанного болгаро-тюркотурецкого варианта. Если в записи глав семей славяно-болгар между двумя антропонимами вписывалось слово-определитель «сын», то в турецком и гагаузском варианте этот же признак родства заключен в *-огло, -оглу* и он либо объединен со второй частью антропонима главы семьи или его предка, либо записан отдельно от него. Две такие разные формы фиксации степени родства между отцом и сыном у славяно-болгар и у тех переселенцев, которые говорили на «тюркче», также могут свидетельствовать о том, что у последних происходил свой процесс образования фамилии, отличающийся как от болгарского, так и от восточнославянского антропонима.

Антропонимы глав семей, которые практически не встречаются среди ныне живущих болгар Молдовы и Украины, также могут указывать на то, что их носители, скорее всего, относятся лишь к «болгарам, говорящим на турецком языке». Этих глав семей, а также тех, у кого вторая часть антропонима имеет окончание *-огло, -оглу*, можно вычленить из общей массы выходцев из-за Дуная, но на их базе нет возможности выявить реальную численность турецкоязычных выходцев из-за Дуная, поскольку в этом случае она будет заниженной.

Анализ списков глав семей «старых» и «новых» переселенцев по месту поселения в Буджаке после бегства от помещика Иона Бальша, свидетельствует о том, что на этом эмиграционном этапе обе языковые общины селились вместе, в одном и том же селе. Для них важно было оказаться на «казенной земле», получить там статус свободного, то есть не закрепощенного, крестьянина, землю для хозяйственной деятельности, определить свои социально-аграрные и весь комплекс других отношений непосредственно с государством, что они и сделали. То есть, на наш взгляд, происходила демографическая концентрация двух языковых общин выходцев из-за Дуная в Буджак. Для болгаро-славян этот процесс завершился после русско-турецкой войны 1828—1829 гг., в первой трети XIX века. Для выходцев из-за Дуная, говоривших на «тюркче», он завершился до начала этой войны, в первую четверть этого столетия. Следовательно, у выходцев из-за Дуная, эмигрировавших сначала в Молдавское княжество, а затем переселившихся на казенные земли Буджака, за период последней трети XVIII — первой трети XIX в. не наблюдалось ни языковое, ни, тем более, этническое пограничье.

Наконец, обратим внимание на заглавие двух списков. «Именной список» Зворского озаглавлен так: «Именной список старожилым болгарам…», а второй — «Именной список болгарам, вышедшим во время предпоследней с турками войны…». Оба списка были составлены в 1839 году, сбор сведений шел в 1832—1833 годах, а отражают они антропонимическую и терминологическую реальность последней трети XVIII — начала XIX в.

В сборнике документов «Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А.П. Юшневского», составленном К.П. Крыжановской и Е.М. Руссевым, содержатся многочисленные определители идентичности, касающиеся выходцев из-за Дуная. Приведем те из них, которые принадлежат как им самим, так и тем, кто с ними непосредственно соприкасался:

— М.И. Кутузов: «обыватели христианского исповедания», «приглашения болгар, из-за Дуная переходящих», «склонять болгар, близ Рущука жительствующих», «болгары», «из числа болгар», «пятисотенный болгарской команды», «Болгарское войско», «болгарами и другими переселенцами из-за Дуная», «обыватели христианского исповедания, а паче болгары», «задунайских болгар», «задунайские переселенцы»;

— А. Я. Коронелли: «жители… христианского исповедания, как-то: болгары, сербы и других наций народы», «болгар и других наций христиан», «задунайские переселенцы», «задунайские переселенцы, а наипаче болгары и сербы», «переселенцы в Бессарабии», «приходящим в Россию для поселения болгарам», «Болгарское войско из задунайских переселенцев»;

— И. Н. Инзов: «задунайские переселенцы», «о настоящем положении болгар и других задунайских переселенцев», «водворившиеся издавна болгары», «просьба болгар», «тем болгарам, кои в предпоследнюю войну… перешли в сию страну из-за Дуная», «о многосложном сем деле о болгарах»;

— Д. П. Ватикиоти: «насчет переселения отсель в Бессарабию задунайских переселенцев болгар», «соглашение болгар на переселение», «задунайские переселенцы» (чаще всего), «болгар», «бессарабские задунайские переселенцы», «о производимом в болгарских поселениях денежном сборе», «лес, болгарами заготовленный», «принудить болгар», «переселенцы», «болгарские чиновники и болгары, служившие в прошедшую с турками войну в Войске Болгарском», «стражи из болгар», «старшины болгар», «калараши из болгар», «болгарских обществ», «а особливо из старых болгар, вышедших в первую с турками войну», «переселенцы из болгар», «задунайским бессарабским переселенцам», «кроме старых болгар, перешедших в прежнюю войну», «болгары, в прежнюю войну перешедшие в область сию», «болгары», «болгарским переселенцам», «у болгар», «о правах в отношении помещиков к болгарам», «болгары, как и греки, имеют привилегию», «греки селения Волканешт и в Хаджи Абдуле живущие»;

— А. П. Юшневский и Д. П. Ватикиоти: «задунайские переселенцы», «упомянутых болгар», «старшины болгарский поселений», «дунайские переселенцы», «общество задунайских переселенцев», «болгары рассудили переселиться», «причины перехода… скрываются не в поведении болгар», «самовольным переходам болгар», «задунайских болгар», «общества болгар Гречанского цынута селения Баурчи», «Хотарничанского цынута селения Чадыр болгарской нации переселенцев Янча Киороглу и Дмитрия Димова», «обиженные болгары»;

— А. П. Юшневский: «Сколько находится вышедших из-за Дуная… болгар», «обязанности сих болгар к помещикам», «утверждены ли за болгарами окончательно земли, первоначально им назначенные», «болгарами селений Пеленей Болгар и Пеленей Молдаван», «составления переписи задунайским переселенцам», «при переходе болгар на казенные земли», «сохраняя над болгарами непосредственное начальство»;

— Выходцы из-за Дуная: «чтобы всех нас вообще болгар, в Бессарабии поселившихся», «все болгарские семейства», «старшины задунайских переселенцев», «прошения некоторых из болгар, перешедших с помещичьих земель на казенные», «все живущие на помещичьи земли болгары», «избранных по селениям для управления болгар из нас старшин», «задунайские переселенцы», «все болгары, равно и поселившиеся тут в первую с турками войну».

Из всего многообразия определений выходцев из-за Дуная наиболее часто употребляется их идентификация как *болгары*, но используются также *болгары и других наций христиан; болгары, сербы и других наций народы; болгары и другие переселенцы из-за Дуная; задунайские переселенцы; бессарабские задунайские переселенцы; обыватели христианского исповедания*.

Д. П. Ватикиоти, кроме определения переселенцев как болгар, два раза использовал этнический маркер *греки*, *греки селения Волканешт и Хаджи Абдул*. На наш взгляд, так он назвал турецкоговорящих выходцев из-за Дуная, в частности, поселившихся в этих двух селениях. То есть, он имел в виду известных ныне гагаузов, которые самоопределяли себя как греки. Таким образом, некая часть тюркоязычных выходцев из-за Дуная называла себя греками, а не болгарами. Это так называемые хасыл-гагаузы, приморские гагаузы, которые, по утверждению В. А. Мошкова, находились под влиянием греков, о чем было сказано выше.

Но самое примечательное состоит в том, что в документах, исходящих от самих выходцев из-за Дуная, они сами называли себя чаще всего *болгарами*, и редко когда — *задунайскими переселенцами*. Особо следует сказать о том, что по отношению к «старым переселенцам», как и ими самими, используется исключительно маркер *болгары* (смотри маркеры И. Н. Инзова, Д. П. Ватикиоти и А. П. Юшневского, самих переселенцев). Причем, тюркоязычные выходцы из-за Дуная прибегали к нему не только в антропонимах, но и в топонимах. В литературе и по документам известно село Пеленей Болгар, основанное «старыми переселенцами». В Хрисовуле молдавского господаря Григория Александру Гика от декабря 1775 г. упоминается еще одно село, основанное задунайскими переселенцами: «…и в этом селище которое называ-

ется Минжир Верхний образовалось и село Болгар» (цит. по: Хайдарлы 2008: 483).

Теперь проанализируем антропонимы «старых переселенцев» жителей Пеленей Болгар, бежавших от Бальша и поселившихся в Болграде, Чишмикиое, Табаки, Сатунове, Вулканешты, Комрате, Каракурте, Бульбоки. Всего бежали 51 семья. У четырех глав семей вторая часть антропонима состояла из вариаций этнонима *болгар*: Кир болгарюл, Василий болгарю, Янаки болгарю и Яни болгарю. Глав семей, оба антропонима которых относятся к славяно-болгарскому именнику, было немного: Никулч Стойко, Танасий Стойчул, Дима сын Кирула, Андрей сын Иванчу, Митрул волчул и Минчул вакарюл — всего шесть глав семей. Были и такие, у кого одна чать антропонима — славяно-болгарского происхождения, а другая — тюрко-турецкая: Кара Иван, Николай Карауца, Кара Диордий, Кара гица, Великул Карарь, Сары Иван, Иван Далы, Косте Топал, Никулче дулапчи, Панаит дениали — всего десять глав семей. Во многих вышеперечисленных антропонимах чувствуется молдавское правописание, но их корни указывают на славяно-болгарское или тюркское происхождение. Следующая группа антропонимов глав семей из села Пеленей Болгар — славяно-молдавская и тюрко-молдавская: Ион далиали, Кира Гуца, Койчо Кроиторул, Лупу Бербюрю, Опре Мошнягу. Большая часть антропонимов глав семей этого села относятся к группе славяно-тюрко-гагаузских: Стою арнаутолу, Филипп тосиоглу, Пею трандафир оглу, Петре кожева греченолу, Танасий камоглу, Диордий камоглу или кукош, Димитрий караулоглу камоглу, Стою капсиман, Недельчул кюроглу, Марин Хаджи Марин оглу, — всего также десять глав семей. Из 51-го антропонима глав семей мы указали здесь 34, остальные трудно поддаются дифференциации (борлак рызу, Михай Буджак, Кельпея, Илья табаклы, Драган, Гену гортань, Борбан зять курту и др.). Проведенный анализ не дает нам основания утверждать, что носителями антропонимов являются только славяноязычные или исключительно тюркоязычные выходцы из-за Дуная. Но все они причисляли себя к болгарам и в названии села включили этноним *Болгар*, чтобы отличать их Пеленей от Пеленей Молдаван, в котором также жили задунайские переселенцы, состоящие из двух языковых общин.

Сказанное подтверждает, что обе языковые общины «старых» и «новых» выходцев из-за Дуная еще до переселения в Дунайские княжества в подавляющем большинстве своем считали себя *болгарами* (лишь совсем незначительно было тех, кто относили себя к *грекам*). Вместе с тем, если у славяноязычных выходцев из-за Дуная самоназвание *болгары* относится к этническому маркеру, то у тюркоязычных переселенцев все-таки самоназвание *болгары* — это политоним. Это принципиально важно для понимания объективных процессов разграничения между бессарабскими болгарами и гагаузами в конце XIX — первой половине XX в. Политоним *болгары*, возникший, на наш взгляд, в XII—XIV вв. для идентификации всего двуязычного населения Второго Болгарского царства, окончательно утвердился среди средневекового тюркоязычного православного населения Болгарии в период османского господства в болгарских землях, так как он выступал дополнительным к православной религии фактором-разграничителем между туркамимусульманами и тюрками-православными.

О том, что тюркоязычное население Болгарии еще в доосманский период ее истории называли *болгарами*, подтверждают источники. Страшимир Димитров ссылается на византийского книжника XI в. и современника «варварских» нашествий на Балканский полуостров Михаила Пселла, оставившего «одно похвальное слово о митрополите Иоанне», который был послан в качестве проповедника «при скитите, наричани по-рано номани, а след това преименувани на българи». И автор восклицает: «Какво по-ярко свидетелство за това, че отсядащите в нашите земи намади-скити скоро ставали българи и старите им етноними се заличавали» (Димитров 1996: 213).

Этот же источник комментирует и другой болгарский ученый-археолог, профессор Георгий Атанасов. Он с основанием относит «Български апокрифен летопис» к первой половине XIII в., когда уже существовал город Червен, упоминающийся в этом источнике. В нем записано о том, что пророк Исайя «отлъчи третата част от куманите, наречении българи, и насели земята Карвунска», то есть он «отделил третью часть куманов, которых называли болгарами, и заселил землю Карвунскую» (Атанасов 2009: 20—23).

Другое доказательство общего для всего населения Болгарии названия и самоназвания Страшимир Димитров приводит, когда объясняет различия между «черными болгарами» и «белыми болгарами». Он справедливо полагает, что давно осевшие «жители на Дунавска България можели да разглеждат дошлите по-късно заселници като “северни”, т. е. като “черни българи”. Към тях те можели да отнесат всички прабългарски групи и общини, които изостанали от дружините на Аспарух и продължили да обитават сте-

пите на североизток от Прут. Към северните българи нашите прадеди можели да отнесат с основание и заселелите се през XI—XII в. в българската етническа територия и побългарили се печенези, узи и кумани. От всичко това следва, че името "черни българи" като обозначение за "гагаузите" трябва да се е оформило в средите на тюркоезичните аспарухови потомци, които знаели и използвали географското значение на прилагателното "черен" Това определение било възприето още през IX—X в. от византийската и руската историопис, както и от славянобългарското население, но само в неговото буквално, цветово значение» (Димитров 1996: 208).

Болгарский исследователь истории средневековой Болгарии приводит еще один аргумент, объясняющий существующее среди гагаузов изречение относительно того, что они — «истинные болгары». Этот аспект этнической истории гагаузов ученые до сих пор обходили стороной, поскольку ответ на него не мог удовлетворить сторонников тюркской гипотезы происхождения гагаузов. Страшимир Димитров пишет: «Условия за запазване и утвърждаване на групови и регионални имена на групи се съдържали в самата обективна обстановка в българската народност през XII—XIII в. Към тези векове вече била създадена единната българска народност, в която обаче е имало различни етнокултурни групи. Славяните в българската етническа територия вече се самосъзнавали като българи, определяли езика си и книжнината си като българска. Писмените паметници от края на XII в. и началото на XIII в. като "Сказание на Кирилл Философ как покръсти българите", "Синодик на цар Борил" и др. вече представяли славянската писменост и книги като българска, за разлика от авторите от IX—X в., които определяли езика си като славянски, а за български считали езика на Аспаруховите, тюркоезичните българи. Щом славяните започнали да наричат своя език и себе си българи, пред тях възниквал проблем как да бъдат обозначении старите хуноезичните българи? Кой всъщност е "истинският" български език? Езикът на славянобългарската книжнина ли е истинският български език или пък този на неписмените и безкнижни тюркобългари?» (Димитров 1996: 214). И сам себе отвечает: «Благодарение на преобладаващата си численост и като носители на "българската" писменост и книжовност» славяне, принявшие этноним болгары «поемат ролята на "истинските българи". Именно принадлежността на славянобългарската писмена култура решава в крайна сметка "спора" кои и какви са българите в полза на славяноезичните люде. За старите, историческите носители на етнонима "българи", за тюркоезичните българи остава да се успокояват с фолклора си, че «ние сме истинските българи», "ние сме старите българи" («асъл булгар» или «ески булгар»), т. е. да се самоуспокояват с една непризнавана извън техния кръг истина» (Димитров 1996: 216).

Близкую к Стр. Димитрову позицию занимает и Георгий Атанасов. Правда, он ограничивает присутствие в этногенезе гагаузов двумя предшественниками, куманами и тюркамиболгарами: «При така очертаните демографски и етнокултурни процеси в крайморска Добруджа през VII—XIV в. и при положение, че гагаузите са старото тюркоезично християнско население, то те могат да бъдат потомци както на старите българи, така и на тюркоезичните кумани» (Атанасов 2009: 422). Но автор больше склоняется к тому, что «с по-голямо основание може да се твърди, че произходът на гагаузите е в по-тясна връзка с етногенетичните процеси в Добруджа, предизвикани от инфилтрирани през XIII в. кумани» (Атанасов 2009: 423). Если это так, тогда и Г. Атанасов признает, что болгарская народность до конца XIV века была славяноязычной и тюркоязычной, но при этом православной и под одним общим названием и самоназванием *болгары*. Однако, и Стр. Димитров, и Г. Атанасов, в отличие от меня, считают, что тюркоязычные жители средневековой Болгарии были носителями этнонима *болгары*. Но если учесть всю гамму их рассуждений по данной проблеме, то очевидно, что они имеют в виду политоним *болгары*. Во всяком случае, я пришел к выводу, что в средневековой Болгарии слово *болгары* было политонимом, либо топонимом (по названию страны), на основе прочтения работ этих двух исследователей.

Вместе с тем, единая болгарская народность в двух ее языковых составляющих во Втором Болгарском царстве и в период османского господства в Болгарии — это два совершенно разные исторические явления. В рамках самостоятельного болгарского государства две языковые общины, славянская и тюркская, прошли этап осознания себя болгарской народностью. Они остановились, из-за нехватки времени, перед следующим историческим процессом — формированием единой болгарской этнонации по типу слияния тюрок-болгар и южных славян в болгарскую этнонацию. В период многовекового османского господства в Болгарии продолжение этого процесса было невозможно в принципе. Но при всех насильственных ассимиляционных воздействиях османских властей на двуязычную православную болгарскую народность, они не смогли растворить ее в турецком языковом и духовно-

религиозном пространстве. Однако само это господство стало непреодолимой преградой на пути трансформации политонима *болгары* в этноним *болгары*. Не могли тюркоязычные болгары превратиться в славяноязычных в тех условиях. Тюркоязычным болгарам было легче адаптироваться в языковом отношении к функционирующему в Османской империи турецкому языку, в то время как славяноязычные болгары должны были отстаивать родной язык, с одной стороны, и осваивать господствующий турецкий язык, с другой. Объективно османское господство в Болгарии сыграло положительную роль в жизни тюркоговорящих болгар лишь в том смысле, что османские власти не могли покуситься на их родной язык общения. Вместе с тем, нельзя говорить, что османский период в истории тюркоязычных жителей Болгарии не оказал негативное влияние на достигнутый ими на прежнем этапе исторического развития уровень языковой консолидации. Прежде всего они не смогли сохранить само название своему языку и, как отметил Стр. Димитров, стали называть его *турецким языком*. Кроме того, по мнению специалистов-филологов, турецкий язык проник в язык тюркоязычных жителей Болгарии своей словарной составляющей. Это и многое другое, как известное исторической науке, так и неисследованное еще в истории тюркоязычной части болгарской народности, не является позитивным фактором их этнической истории на Балканах. То есть, в рамках Османской империи не могли возникнуть новые этнические формирования. Даже те, что присутствовали на Балканском полуострове до его завоевания турками-сельджуками, подвергались этническому уничтожению. Другое дело, что эту насильственную этническую и религиозную ассимиляцию Османской империи не удалось завершить.

Что касается того, что тюркоязычные жители завоеванной османами Болгарии называли себя болгарами, то хотя это их мало волновало, все же османский период их истории создавал предпосылки для размывания у них причастности к общей двуязычной болгарской народности в болгарских землях. Эмиграция же тюркоязычных переселенцев из-за Дуная в Молдавское княжество, а затем в Буджак обусловила их постепенную эволюцию в направлении, отдаляющем их от болгарской гражданской идентичности. Но это был достаточно продолжительный во времени процесс, который имел место уже за пределами Балканского полуострова.

Поэтому, когда царские власти в начале XIX в. стали официально называть всех выходцев из-за Дуная болгарами, они ничего никому не навязывали, а учли реалии, т. е. посчитались с тем, как переселенцы сами себя называли. Но впоследствии они разделили их на две реально существовавшие языковые общины: «болгары, говорящие на славянском языке», и «болгары, говорящие на турецком языке». Тем самым, власти признали реализующуюся языковую концентрацию в Буджаке переселенцев, говоривших на турецком/тюркче языке.

И в литературе 30—40-х гг. XIX века по отношению к колонистам — «задунайским переселенцам» используется маркер болгары (Венелин, Скальковский, Варадинов, Априлов, Велицын, Задерацкий). Но и тогда этот маркер не имел всех признаков общего для всех колонистов-переселенцев этнонима, поскольку среди них были, кроме болгар, также греки, албанцы, молдаване.

Что касается самих гагаузов, то, несмотря на то, что они продолжали относить себя к болгарам, именно тогда (1837 г.) в архивных документах (И. Толстой) впервые отложилось официальное их название гагаузы как субэтнос болгар. Этой же позиции придерживается и П. Кеппен в первой половине 50-х гг. XIX века. Таким образом, вся совокупность архивных документов и литературных источников свидетельствует о том, что тогда «старые» и «новые» задунайские переселенцы-колонисты, независимо от языка общения, идентифицировали себя как болгары, и так их называли и другие этносы Бессарабии.

Тем не менее, именно во второй трети XIX столетия завершился этап языковой консолидации тюркоязычных выходцев из-за Дуная. Анализ списков глав семей «старых» и «новых» переселенцев приоткрывает завесу над тем, что происходило с болгарами, говорившими на турецком языке, принужденными кырджалийскими смутами, религиозным преследованием и русско-турецкими войнами эмигрировать из болгарских земель. В последней трети XVIII — первой четверти XIX вв. они прошли два этапа своей новой истории за пределами Балкан — эмиграцию из-за Дуная и территориальную концентрацию в Буджаке. Последний этап объективно включал в себе и их частичную консолидацию по языковому признаку в рамках «Бессарабского болгарского водворения». Но эти два этапа гагаузы проходили вместе, рядом, нераздельно с «болгарами, говорящими на славянском языке». Тюркоязычных выходцев из-за Дуная и их потомков ожидали впереди следующие этапы их сложной этнической истории в Буджаке: полная

языковая консолидация на основе турецкого языка/тюркче, отказ от этнонима *болгары*, трансформация термина *гагауз* в этноним *гагауз*, замена названия турецкий язык/тюркче на гагаузский язык/гагаузче. На это ушло еще более 100 лет. О том, что этот процесс был продолжительным по времени, свидетельствуют статистические данные по ряду поселений, которые теперь считаются моногагаузскими. Так, в первом десятилетии XX столетия жителями Казаяклии были 3400 гагаузов и 240 болгар, жителями Татар-Копчака — 4575 гагаузов и 75 болгар, Комрата — 6200 гагаузов, 3100 болгар и 300 евреев, Бешалма — 1900 гагаузов и 930 болгар, Курчи — 1770 гагаузов и 980 болгар, Старо-Троян — 1054 гагауза, 405 болгарина, 124 молдаванина, 87 — великороссов и малороссов. Присутствие жителей гагаузов сохранилось и в тех селах, которые принято относить к болгарским по составу населения. Характерно и то, что во вновь возникших селах во второй половине XIX века состав населения также включал болгар и гагаузов: в Кайраклии — 615 гагаузов и 840 болгар, Болгарийки — 810 гагаузов и 975 болгар, Кальчево — 625 гагаузов и 1750 болгар и т.д (Берг 1919: 42—45, 54—59).

Если говорить об этногенезе гагаузской общности в Бессарабии на всем протяжении этнической истории гагаузов, то к балканским этническим компонентам их происхождения (узы, печенеги, куманы, тюрки-болгары, славяно-болгары) необходимо добавить и бессарабские: снова славяно-болгары, молдаване, русские, украинцы. Но, благодаря языковой специфике бессарабских гагаузов и компактности их проживания в Буджаке, многообразие иноэтнического присутствия в гагаузской общности не приводило к ее размыванию. Во всяком случае, до сих пор не приводило.

Анализ антропонимов двух «Именных списков болгар» — «старых» и «новых» задунайских переселенцев позволяет высказать предположение, относящееся к «болгарам, говорящим на турецком языке»:

— те главы семей, у кого обе части антропонима основаны на славяно-болгарском именнике, были этническими болгарами либо их предки были таковыми. Однако в силу исторических обстоятельств многовекового османского господства в Болгарии часть из них утратила владение родным языком. Это предположение, на мой взгляд, также может служить объяснением, почему именно среди гагаузов распространено утверждение, что они — «истинные болгары»;

— одна часть тех глав семей, у кого вторая часть антропонима имеет тюрко-турецкое происхождение, также могут иметь славяно-болгарские корни, но их языковая и антропонимическая ассимиляция тюрко-турецкого характера была более продолжительной по времени. Другая же часть этих глав семей может представлять собой потомков давнишнего симбиоза неославянившихся протоболгар и племен тюркских кочевников, принявших православие еще до завоевания Болгарии османами;

— часть тех глав семей, второй компонент антропонима которых приобрел черты тюрко-гагаузского характера еще на Балканах, могут быть отнесены к тем жителям болгарских земель, которых в силу определенных исторических обстоятельств языкового и религиозного характера, стали называть там гагаузами, не вкладывая в него вообще этнический смысл.

Суть этого предположения состоит в том, что приведенная здесь антропонимическая информация дает основание говорить о том, что гагаузский феномен не имеет тюркское этническое начало в чистом виде. В их этногенезе могли участвовать различные этнические группы населения Балкан, в том числе и славяно-болгары, и тюрко-болгары, принявшие православную веру. Что означает: на начальном этапе этногенеза гагаузов на Балканах (XV — первая половина XVIII в.) решающее значение имел не этнический, а религиозный фактор.

Выводы

1. Государственная система Первого и Второго болгарских царств, а с 865 г. и православная религия обусловили этническое смешение тюрко-болгарского и славянского населения, приведшее к образованию новой славяно-болгарской народности на Балканах, а также этнографическую интеграцию той части тюркоязычной общины, которая оставалась вне процесса этнического смешения славян и тюрок, хотя болгарское государство наложило самоназвание «болгары». Однако для тюркоязычного населения болгарских царств оно не было этнонимом, а содержало все признаки политонима или топонима.

Вместе с тем многовековое сосуществование двух языковых общин на одной территории не могло сохранить между ними этнокультурную изолированность каждой из них. Православие, отодвинувшее процесс этнической приоритетности на второй план, обеспе-

Выводы

чивало совместное проживание двух групп болгар, славяноязычных и тюркоязычных, установление кровнородственных связей, выработку единых этнографических традиций, а также формирование общих антропонимов.

2. Завоевав в конце XIV в. раздробленную Болгарию, турки-османы застали покоренный народ разговоривающим на славяно-болгарском и тюркском наречии. Многовековое турецкое господство обусловило проникновение в среду славяноязычных и тюркоязычных болгар языковых и этнографических элементов господствующей нации. Но в свою очередь славяноязычное и тюркоязычное население болгарских земель, опираясь на православие, стремилось сохранить — и сберегло — свою культурную и этнографическую идентичность.

3. Тюркоязычное население болгарских земель, порабощенное турками-османами, испытывало особую неприязнь со стороны завоевателей из-за приверженности православию. Оно, чтобы не быть поглощенным османо-мусульманским миром, дистанцировалось от него как православной верой, так и демонстрацией своей принадлежности к другому территориальному, этнографическому и этнокультурному пространству, изначально не принадлежащему Османской империи, а лишь ею завоеванному.

4. В XV—XVIII вв. происходил процесс интерференции турецкого языка в славяно-болгарскую среду. Что касается ее тюркоязычных сограждан, то турецко-османские языковые заимствования привели к тому, что они забыли название своего языка, заменив его на «тюркче» — «турецкий язык».

5. Болгароязычное и тюркоязычное население болгарских земель не избежало воздействия османо-турецкого господства и на свои антропонимы. В славяно-болгарской среде это влияние отразилось на третьем компоненте, на самой фамилии, посредством превращения в таковую уличного прозвища, «прякула», профессии или какой-либо другого отличительного признака человека. В православную же тюркоязычную среду проникли окончания *-огло, -оглу*, обозначающие «сын», которые, как правило, присоединялись к третьей части болгарского антропонима.

6. Очевидно, что в Пруто-Днестровское междуречье, а затем в Буджак переселились «задунайские переселенцы» двух языковых общин — славяноязычной и тюркоязычной. Имея общие историческое прошлое, религию, этнографическую и антропонимическую идентичность, а также владение славяно-болгарами турецким языком, тюркоязычные и болгароязычные «задунайские переселенцы» Буджака не поселялись отдельно друг от друга, а зачастую совместно участвовали в основании новых поселений. Общность антропонимии и владение славяно-болгарами турецким языком не позволяют определить численность каждой языковой общности. На момент заселения Буджака языковой принцип концентрации населения во вновь образованных колониях не действовал в полном объеме.

Вместе с тем первичная концентрация тюркоязычных «задунайских переселенцев» имела место, главным образом в колониях Верхне-Буджакского округа. Здесь они преобладали над всеми прочими языковыми группами задунайских переселенцев (болгары, греки, молдаване). Именно эта первичная концентрация обусловила в дальнейшем языковую консолидацию тюркоязычного населения Буджака, ставшую базовой основой формирования гагаузской общности в Бессарабии.

7. Этногенез гагаузов является продолжением этнической истории тюркоязычного, в том числе и тюрко-болгарского, населения Болгарии VII—XIV вв. В период османского господства в Болгарии происходил этногенез православных гагаузов. На наш взгляд, именно тогда появилось понятие «гагауз». Это был привнесенный извне термин для обозначения тюркоязычного православного населения, отличающегося от османо-мусульманского верой. Наименование имело для тюркоязычного православного населения оскорбительный характер, что признают не только ученые (К. Иречек), но и сами его носители. Это также лежит в основе того, что тюркоязычные переселенцы называли себя болгарами либо греками, но не гагаузами. В период османского господства в Болгарии в этногенезе гагаузов участвовало все сохранившееся тюркоязычное православное население, а также славяно-болгары, имевшие в этногенезе тюркский компонент в его болгарской и куманской составляющей. При этом очевидно, что не тюркоязычное население болгарских земель ославянивалось, а славяно-болгары в его среде ассимилировались.

Тюркоязычным выходцам из-за Дуная понадобились нелегкое решение об изменении политической и религиозной среды обитания, а также длительное проживание в Буджаке, чтобы слово-понятие «гагауз» освободилось от его негативной интерпретации и приобрело к концу XIX — началу XX вв. позитивный этнический смысл и содержание.

Литература

Атанасов Г. 2009. *Добруджанското деспотство*. Велико Търново.

Атанасов Щ. 1958. *Селските въстания в България в края на XVIII в. и създаването на българската земска войска*. София.

Берг Л. С. 1919. *Население Бессарабии*. Петроград.

Булгар С. 2008. *История города Комрата*. Кишинев.

Гайджржи Г. А., Тукан Б. П., Колца Е. К., Покровская Л. А. 1973. Гагаузско-русско-молдавский словарь. Москва.

Грек И. Ф. 1976. О проектах планов устройства выходцев из-за Дуная на положении казачьих войск на юге России в конце XVIII — начале XIX в. *Изв. АН МССР. Сер. обществ. наук (3)*, 46—54.

Грек И. 2003. *Болгары Молдовы и Украины: вторая половина XVIII в. — 1995 г.* (Библиографический указатель литературы). Кишинев.

Грек И., Червенков Н. 1994. *Българите от Украйна и Молдова. Минало и настоящее*. София.

Гросул Г., Даниленко Р. 1962. Документы об участии волонтеров Дунайских княжеств и Балканского полуострова в русско-турецкой войне 1806—1812 гг. *Труды ЦГА МССР*. Т. 1. Кишинев, 120—136.

Губогло М. Н. 1973. Гагаузская антропонимия как этногенетический источник *Советская тюркология* (2). Баку, 84–92.

Димитров Стр. 1995. Гагаузкият проблем. В: *БСП*. Т. 4. Велико Търново, 147—168.

Димитров Стр. 1996. Още едно мнение за името «гагаузи». В: *БСП*. Т. 5. Велико Търново, 199—219.

Дойнов С. 1979. *Българското националноосвободително движение 1806—1812*. София.

Дрон И. В. 1992. *Гагаузские географические названия*. Кишинев.

Дрон И. В., Курогло С. С. *Современная гагаузская топонимия и антропонимия*. Кишинев.

Занетов Г. 1902. *Българското население в средните векове*. Руссе.

Казаков Н. И. 1955. М. И. Кутузов и национально-освободительное движение народов Балкан в период русско-турецкой войны 1806—1812 гг. В: *Полководец Кутузов*. Москва, 141—174.

Кара Н. В. 1999. Из истории антропонимии бессарабских болгар середины XIX века. В: *История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины*. Кишинев, 239—245.

Каранастас-Радова О. К. 2001. *Гагаузы в составе задунайских переселенцев и их поселения в Буджаке (конец XVIII — первая четверть XIX вв.)*. Кишинев.

Квилинкова Е. Н. 2007. *Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности*. Кишинев.

Колесник В. 2001. *Евгеновка (Арса). Ономастика. Говор. Словарь*. Одесса.

Конобеев В Д. 1958. Русско-болгарские отношения в 1806—1812 гг. В: *Из истории русско-болгарских отношений*. Москва, 194—291.

Крыжановская К. П., Руссев Е. М. (сост.). 1957. *Устройство задунайских переселенцев и деятельность А. П. Юшневского*. Сб. док. Кишинев.

Крыжановская К. П., Руссев Е. М. 1961. О некоторых формах классовой борьбы задунайских переселенцев в Бессарабии в первые десятилетия XIX века. *Изв. МФ АН СССР*(2), 27—37.

Мещерюк И. И. 1950. Болгарские и гагаузские поселения Бессарабии в 10-х гг. XIX столетия. *Учен. зап. КГУ. Гуманитарные науки*, 73—87.

Мещерюк И. И. 1953. Первое массовое переселение болгар и гагаузов в Бессарабию в начале XIX века. *Изв. МФ АН СССР* (3–4), 65—97.

Мещерюк И. И. *Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812—1820 гг*. Кишинев.

Милетич Л. 1902. *Старото българско население в Североизточна България*. София.

Мошков В. А. 2005. *Турецкие племена на Балканском полуострове*. Кишинев.

Никогло Д. 2004. Система питания гагаузов в XIX — начале XX в. Кишинев.

Пиндикова Г. 2006. *Българските земи от древността до наши дни в атласи, карти, гравюри и книги от колекцията на д-р Симеон Симов*. София.

Полевой Л. Л. 1979. *Очерки исторической географии Молдавии XIII—XIV вв.* Кишинев.

Скальковский А. 1848. *Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае*. Одесса.

Сорочяну Е. С. 2006. *Гагаузская календарная обрядность*. Кишинев.

Стати В. *Молдаване. Историческое и этнополитическое исследование*. Кишинев.

Хайдарлы Д. 2007. Юг Пруто-Днестровского междуречья в XVIII — начале XIX вв.: этно-миграционные аспекты. В: *Курсом развивающейся Молдовы* 2. Москва, 480—496.

Хайдарлы Д. И. 2008. *Население Прутo-Днестровского междуречья и южных районов левобережья Днестра в XVIII в. Этнодемографические и исторические аспекты*. Кишинев.

Статья поступила в номер 11 октября 2010 г.

Ivan Grek (Kishinev**,** Moldova). Doctor of history.

Ivan Grek (Chişinău**,** Moldova). Doctor în istorie.

Грек Иван Федорович (Кишинев, Молдова). Доктор истории.

E-mail: ivangrec39@mail.ru

Список сокращений

АПВЗ —	Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (раннеславянский и древнерусский периоды). Киев.
АДСВ —	Античная древность и средние века. Екатеринбург (Свердловск).
АИБ —	Археология и история Боспора. Симферополь.
АН —	Архитектурное наследство. Москва.
АНВ ЧКМ —	Архів наукового відділу Чернівецького краєзнавчого музею. Чернівці.
АО —	Археологические открытия. Москва.
АС —	Археологический Съезд.
БІЕВ —	Буковинський історико-етнографічний вісник. Чернівці.
БИ —	Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БКВМПАС —	Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Сборник материалов конференции. Керчь.
БФ —	Боспорский феномен. Санкт-Петербург.
ВДИ —	Вестник древней истории. Москва.
ВОККУАН —	Вісник Одеської комісії краєзнавства при українській академії наук. Одеса.
ГИМ —	Государственный исторический музей. Москва.
ГСУ — ИФ —	Годишник на Софийския университет. Исторически факултет. София.
ГЭ —	Государственный Эрмитаж.
ДБ —	Древности Боспора. Москва.
ДПСП АК —	Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (археологическая карта). Киев.
ЗООИД —	Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИИМК РАН —	Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург.
ИА —	Институт археологии Академии наук Украины.
ИА АН СССР —	Институт археологии Академии наук ССС.Р
ИПр —	Исторически преглед. София
ИТУАК —	Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
КП —	Коммунальное предприятие.
КСИА АН СССР –	Краткие сообщения Института археологии. Москва.
КСИА АН УССР –	Краткие сообщения Института археологии. Київ.
КСИИМК —	Краткие сообщения Института материальной культуры. Москва
КФ ИА НАНУ —	Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины. Симферополь.
МАИАСК —	Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Симферополь.
МАСП —	Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МАИЭТ —	Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Симферополь.
МАЭ —	Материалы по археологии и этнографии
МДАПВ —	Матеріали досліджень з археології Поділля та Волині. Львів.
МИА —	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
НА ІА НАНУ —	Науковий архів Інститут археології НАН України. Київ.
НЗХТ —	Национальный заповедник «Херсонес Таврический». Севастополь.
НиС —	Нумизматика и сфрагистика. Киев.
НОКМ —	Николаевский областной краеведческий музей.
НС —	Нумизматический сборник. Москва.
НС МНО —	Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. Москва.
НЭ —	Нумизматика и эпиграфика. Москва.
ОАК —	Отчеты императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ОАМ —	Одесский археологический музей.
ПССІАЕ —	Питання стародавньої, середньовічної історії, археології та етнографії. Чернівці.
РА —	Российская археология. Москва.
СА —	Советская археология. Москва; Ленинград.
СВУ —	Середньовічна Україна. Київ.
СО —	Сибирское отделение РАН.
СПД —	Субъект предпринимательской деятельности.
СС —	Сугдейский сборник. Киев; Судак.
ТвГУ —	Тверской государственный университет.
ТГИМ —	Труды Государственного исторического музея. Москва.
ТГЭ —	Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград.
УІЖ —	Український історичний журнал. Київ.
ХС —	Херсонесский сборник. Севастополь.
BCH —	Bulletin de correspondence hellenique. Paris.
IOSPE (IPE) —	Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Petropolis.
RG —	Recueil general des monnaies grecques d`Asie Mineure. Pont et Paphlagonie. Paris.
NZ —	Numismatische Zeitschrift.
MZKHD —	Mitteilungen der k.k. Zentral-Kommission für Erforschung und Unterhaltung der Kunst- und historischen Denkmale. Wien.
??? Sp —	Stratum plus. Санкт-Петербург; Кишинёв; Одесса; Бухарест.
WA —	Wiadomości archeologiczne. Warszawa.

References Transliterated from Cyrillic into Latin Alphabet

A. V. Balukh. **“Shipinskaya zemlya”: the origins and the destiny.**

AIZR 1846. *Akty, otnosyashchiesya k istorii Zapadnoy Rossii*. T. 1: 1340—1506 gg. Sankt-Peterburg: b. i.

Balukh O. 2008. Istoria pivnichnoy chastini Bukovini u konteksti moldavsko-polskikh viyskovo politichnikh vidnosin za chasiv Oleksandra I Dobrogo (1400—1432 rr.). *Pitannya istorii Ukraini*. T. 11, 175—181.

Balukh O. V. 2008. Osoblivosti polskogo syuzerenitetu nad Moldavieyu ta viyskovo politichne stanovishche ii pivnichnikh volostey u period knyazivskikh mizhusobits 30—50 kh rokiv XV st. *Sumska Starovina* XXIV, 37—48.

Balukh O. 2008. Perekhid «Shipinskoy zemli» pid vladu moldavskikh voevod u drugiy polovini 70 kh — 90 kh rr. XIV st. *Bukovinskiy zhurnal* 2, 150—157.

Balukh O. 2008. «Shipinska zemlya» ta bitva za «Plonini» 1359 roku. «*Rozvitok naukovoy dumki — 2008*» 1, 4—6.

BIN 1998. *Bukovina: istorichniy naris*. Botushanskiy V. M. (otv. red.). Chernivtsi: Zelena Bukovina.

Bodnaryuk B. M., Masan O. M. 2000. Shipinska zemlya v mizhnarodnikh dogovorakh kintsya XIV — pershoy polovini XV st. *Pitannya istorii Ukraini* 4, 221—237.

Bodnaryuk B., Chuchko M. 2007. Etnodemografichni protsesi na Bukovini v XV — ostanniy chverti XVIII st.: zagalni tendentsii ta osoblivosti rozvitku (III). *Pitannya starodavnyoy ta serednyovichnoy istorii, arkheologii i etnologii* 2, 62—69.

Bolovan I., Pop I. A. 2005. *Istoria Rumynii*. Moskva: Ves mir.

Chuchko M. K. 2008. “I vzyat Boga na pomoshch”: sotsialno-religiyniy chinnik v zhitti pravoslavnogo naselennya pivnichnikh volostey Moldavskogo voevodstva ta avstriyskoy Bukovini (epokha piznyogo serednyovichchya ta novogo chasu). Chernivtsi: Knigi-XXI.

Fischer E. 2000. Topografichniy opis naselenikh punktiv. *Zelena Bukovina. Seria «Istoria i krarznavstvo»* 1—2, 81—201.

Grabovetskiy V. 1997. *Naris istorii Galicha: Z naydavnishikh chasiv do pochatku XX st*. Galich: Raydrukarnya.

Gramoti XIV st. 1974. Peshchak M. (otv. red.). Kyiv: Naukova dumka.

Grushevskiy M. S. 1993, 1994. *Istoria Ukraini-Rusi: V 11 t., 12 kn.* T. 4, 6. Kyiv: Naukova dumka.

IM 1987. *Istoria Moldavskoy SSR.* V 6 ti t. T. 1. Kishinev: Cartea moldoveneasca.

IMSSR 1965. *Istoria Moldavskoy SSR. S drevneyshikh vremen do 1917 g.* V 2-kh t. T. 1. Kishinev: Cartea moldoveneasca.

IS 1965. *Istoricheskie svyazi narodov SSSR i Rumynii v XV — nachale XVIII v.: Dokumenty i materialy.* V 3-kh t. T. 1. Moskva: Nauka.

Keindl R. F. 2005. *Istoria Chernivtsiv vid naydavnishikh chasiv do syogodennya*. Chernivtsi: Zelena Bukovina.

KhIN 2002. Dobrzhanskiy O., Makar Yu., Masan O. Khotinshchina: istorichniy naris. Chernivtsi: Molodiy bukovinets.

Korduba M. 1906. Moldavsko-polska granitsya na Pokutyu do smerti Stefana Velikogo. *Naukoviy zbirnik prisvyacheniy profesorovi Mikhaylovi Grushevskomu*, 158—184.

Masan O. 2005. Bukovina yak obyekt mizhnarodnikh vidnosin z davnikh chasiv do 1774 r. In: Botushanskiy V. M. (otv. red.). *Bukovina v konteksti evropeyskikh mizhnarodnikh vidnosin (z davnikh chasiv do seredini XX st.)*. Chernivtsi: Ruta, 9—168.

Masan O. 2006. Serednyovichniy Tsetsin v istoriografii XIX — pochatku XXI st. *Pitannya istorii Ukraini* 9, 128—132.

Masan O. 2006. Chernivtsi: persha pisemna zgadka na tli istorii mista v XV — na pochatku XVI st. *Bukovinskiy zhurnal* 2, 63—74.

Masan O., Fedoruk A. 2003. Rusko-moldavskiy zagin v bitvi pid Grunwaldom (z istorii mizhnarodnikh zvyazkiv naselennya Bukovini na pochatku XV st.). *Pitannya starodavnyoy ta serednyovichnoy istorii, arkheologiї i etnologii* 2, 59—67.

Masan O. M. 1993. Shipinska zemlya: peredistoriya, ustriy ta status. *Visnik Tsentru bukovinstva* 1, 24—35.

Novosivskiy I. M. 1956. Bukovina v mizhnarodnikh dogovorakh. In: Kvitkovskiy F. (otv. red.). *Bukovina — ii minule i suchasne*. Parizh; Philadelphia; Detroit: Zelena Bukovina, 849—869.

OVIMK 1987. *Ocherki vneshnepoliticheskoy istorii Moldavskogo knyazhestva (poslednyaya chetvert XIV — nachalo XIX v.)*. In: Dragnev D. M. (otv. red.). Kishinev: Stiinta.

Parasca P. F. 1981. K voprosu o moldavsko-polskikh otnosheniyakh kontsa XIV — pervoy treti XV v. (O zayme 1388 g.). *Izvestia AN Moldavskoy SSR* 3, 21—31.

Parasca P. F. 1980. Territorialnoe stanovlenie Moldavskogo feodalnogo gosudarstva vo vtoroy polovine XVI v. *Sotsialno-ekonomicheskaya i politicheskaya istoria Yugo-Vostochnoy Evropy* (do serediny XIX v.), 62—87.

Pivovarov S. V. 2003. Ozbroennya voyna XIV st. z Serednyogo Podnistrovya (za danimi arkheologichnikh rozkopok v s. Zelena Lipa. *Materiali V kongresu Mizhnarodnoy asotsiatsii ukrainistiv* 1, 120—124.

Pivovarov S. V. 2003. Serednyovichne ozbroennya z gorodishcha XIV st. v Zeleniy Lipi. *Arkheologichni studii* (2), 204—215.

Pivovarov S., Fedoruk A. 2006. Tsetsinska kamyana vezha: z istorii serednyovichnikh poselen na teritorii Chernivtsiv (XIII—XV st.). In: Dobrzhanskiy O. V. (otv. red.). *Naukoviy visnik Chernivetskogo natsionalnogo universitetu* 323—324, 80—85.

Polevoy L. L. 1979. *Ocherki istoricheskoy geografii Moldavii XIII—XV vv*. Kishinev: Stiinta.

SML 1976. *Slavyano-moldavskie letopisi XV—XVI vv.* Moskva: Nauka.

Speralskiy Z. 2001. *Moldavskie avantyury.* Balti: b. i.

SUZ 1990. *Spokonvichna ukraynska zemlya. Istorichni zvyazki Pivnichnoy Bukovini z Rosieyu i Naddnipryanskoyu Ukrainoyu: Dokumenti i materiali*. Uzhgorod: Karpati.

Timoshchuk B. O. 1982. *Davnyoruska Bukovina (X — persha polovina XIV st.)*. Kyiv: Naukova dumka.

Timoshchuk B. O. 1969. *Pivnichna Bukovina — zemlya slovyanska*. Uzhgorod: Karpati.

Timoshchuk B. O. 1973. Shipinska zemlya za arkheologichnimi danimi. *Minule i suchasne Pivnichnoy Bukovini* 2, 21—26.

TsDIA Ukrainy v g. Lvov. F. 765. Op. 1. D. 13. L. 8.

Ulyanitskiy V. A. 1887. *Materialy dlya istorii vzaimnykh*

otnosheniy Rossii, Polshi, Moldavii, Valahii i Turtsii v XIV—XVI vv. Moskva: Tipografia Universiteta.

Vozniy I., Masan O. 2000. De lezhav serednyovichniy «gorod» Khmeliv. *Arkheologichni studii*. 99—112.

Vozniy I. P. 2005. *Poselennya X—XIV st. u mezhirichchi Verkhnyogo Siretu ta Serednyogo Dnistra*. Ch I. *Ukripleni poselennya ta davnyoruski mista*. Chernivtsi: Zoloti litavri.

Yusyak P. 1999. Otochennya knyazya Vladislava Opolchika v period yogo pravlinnya na Rusi (1372—1379). *Visnik Lvivskogo universitetu: Seria istorichna* (34), 81—93.

Zhukovskiy A. 1991. Istoria Bukovini. Ch. 1. Chernivtsi: Chas.

I. P. Vozny. **The Classification of the Settlements of the 10th and the 14th Centuries on the Territories of Upper Siret and Middle Dnister Based on Topographical Location and Planning of Defense Constructions.**

Artamonov M. I. 1946/12. *Arkheologicheskie pamyatniki Yuzhnoy Podolii (po materialam Yuzhno-Podolskoy ekspeditsii 1946 g.)* NA IA NANU.

Arkheologia Prikarpatya, Volyni i Zakarpatya (ranneslavyanskiy i drevnerusskiy periody). 1990. Kiev: Naukova dumka.

Arkheologia SSSR s drevneyshikh vremen do srednevekovya: V 20 t. 1985.: Rybakov B. A. (otv red.). *Drevnyaya Rus. Gorod. Zamok. Selo.* Moskva: Nauka.

Dovzhenok V. I., Kuchera M. P. 1956/12v. *Otchet o rabote drevnerusskoy ekspeditsii v 1956 g. na Rossi.* NA IA NANU.

Dovzhenok V. I. 1962. Arkheologicheskiy kommentariy k svedeniyam literaturnykh istochnikov o smerdakh i zakupakh. *KSIAU* 12, 28—36.

Dovzhenok i in. 1966: Dovzhenok V. J., Goncharov V. K., Yura R. O. 1966. *Drevnyoruske misto Voin*. Kiev: AN URSR.

Drevnerusskie poseleniya Srednego Podneprovya (arkheologicheskaya karta) 1984. Kiev: Naukova dumka.

Frunchak S., Fantukh A. 1998. Z arkheologichnoy spadshchini Raymunda Friedricha Keindlya. In: Postati ukraïnskoy arkheologii. *MDAPV* (7), 90—91

Kuchera M. P. 1959. Osnovni etapi rozvitku starodavnyogo Plisneska *MDAPV* (2), 132—145.

Kuchera M. P. 1967/15. *Zvit pro robotu Volynskogo zagonu v 1967 r*. NA IA NANU.

Kuchera M. P. 1970/21. *Zvit pro rozvidkovi arkheologichni rozkopki na gorodishchi poblizu s. Lishche ta na zamchyshchi poblizu s. Gorodishche Lutskogo r-nu v 1970 r*. NA IA NANU.

Kuchera i in. 1971/17: Kuchera M. P., Sukhobokov O. V. *Zvit pro robotu Livoberezhnogo rozvidzagonu Institutu arkheologii AN URSR za 1971 r*. NA IA NANU.

Kuchera M. P. 1976. Davnyoruski gorodishcha na pravoberezhzhi Kyivshchyny. *Doslidzhennya z slovyano-ruskoy arkheologiï.* Kyiv: Naukova dumka, 176—179.

Kuchera M. P. 1978. Davnyoruski gorodishcha v zakhidniy chastini Pereyaslavshchyny. *Arkheologia* (25), 21—31.

Kuchera M. P. 1982. Novi dani pro gorodishcha Zhitomirshchyny. *Arkheologia* (41), 72—82.

Kuchera M. P. 1983. Obsledovanie gorodishch v zone vodokhranilishcha Mogilev Podolskoy GES na Dnestre. *Arkheologicheskie pamyatniki Srednego Podnestrovya.* Kyiv: Naukova dumka, 97—101.

Kuchera i in. 1987: Kuchera M. P., Ivanchenko L. I. 1987. Davnyoruska oboronna linia v Porossi. *Arkheologia*. (59) 67—79.

Kuchera i dr. 1988/156: Kuchera M. P., Zvizdetskiy B. A., Ivanchenko L. I. *Otchet o razvedke pamyatnikov arkheologii Zhitomirskoy obl. v 1988 g.* NA IA NANU.

Kuchera M. P. 1990/12. *Zvit pro robotu ekspeditsii po doslidzhennyu Trayanovikh valiv u 1990 r.* NA IA NANU.

Kuchera M. P. 1999. *Slovyano-ruski gorodishcha VII—XIII st. mizh Sanom i Siverskim Dintsem*. Kyiv: IA NANU.

Kuza A. V. 1983. Sotsialno-istoricheskaya tipologia drevnerusskikh ukreplennykh poseleniy IX — serediny XIII vv. (metodika issledovaniya). *Arkheologicheskie pamyatniki lesostepnogo Podonya i Podnestrovya v I tys. n. e.* Voronezh: Izd-vo VGU, 21—42

Kuza A. V. 1985. Ukreplennye poseleniya. *Drevnyaya Rus. Gorod, zamok, selo*. Moskva: Nauka, 39—51.

Lyapushkin I. I. 1961. Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezhye v epokhu zheleza. *MIA* 104.

Malevskaya i dr. 1970: Malevskaya M. V., Rappoport P. A., Timoshchuk B. A. Raskopki na Lenkovetskom poselenii 1967 g. *SA* (4), 112—127.

Mikhaylina L. P., Vozny I. P. 1990. Rozkopki feodalnoy sadibi XII — pershoy polovini XIII st. v s. Chornivka. *Okhorona ta okhoronni doslidzhennya pamyatok arkheologii. na Ukraini: Tez. dop. ta povidoml. na naukovo praktichnomu seminari*. Vinnitsya, 14—16.

Mikhaylina L. P., Vozny I. P. 1993. Formuvannya privatnogo zemlevolodinnya na pivdenniy okraini Galitsko-Volinskogo knyazivstva v XII—XIII st. *Visnik Tsentru bukovinoznavstva.* Chernivtsi, Seria istorichna (I), 5—13.

Mikhaylina L., Pivovarov S. 1997. Vivchennya starozhitnostey Bukovini v XIX — na poch. XX st. *Pitannya istorii, istoriografii, dzhereloznavstva ta arkhivoznavstva Tsentralnoy ta Skhidnoy Evropi.* Kyiv, Chernivtsi (1), 242—249.

Mikhaylina L. P. 1997. *Naselennya Verkhnyogo Popruttya VIII—X st.* Chernivtsi: Chernivetskiy derzhavniy universitet, Bukovinskiy tsentr arkheologichnikh doslidzhen: Ruta.

Mikhaylina L., Pivovarov S. 2000. Rozvitok arkheologichnoy nauki v Chernivetskomu universiteti. *PSSIAE* (3), 34—45.

Mikhaylina L. P. 2002. Gorodishcha Pivnichnoy Bukovini VIII—X st.: topografia, oboronni sporudi, zabudova ukriplenogo maydanu. *BIEV* (4), 24—29.

Mikhaylina L. P. 2007. *Slovyani VIII—X st. mizh Dniprom i Karpatami*. Kyiv: In-t arkheologii NAN Ukraïni.

Petegirich V. M. 1983. Issledovaniya drevnego Belza i u s. Tyagliv. *AO* 1981 g., 306—307.

Pivovarov S. 1998. Doslidzhennya starozhitnostey Bukovini Evzibiem Lazarem. In: Postati ukrainskoy arkheologii. *MDAPV* (7), 36—38.

Pivovarov S. V. 1999. Vizantiyska moneta z Chornivskogo gorodishcha. *PSSIAE* (3), 154—160.

Pivovarov S. V. 2000. Davnyoruska yazichnitska sporuda v s. Galitsya. *PSSIAE* (1), 74—91.

Pivovarov S. 2000. Litopisniy Onut. *PSSIAE* (2), 91—99.

Pivovarov S., Chekhovskiy I. 2000. *Na Dnistri na "oukraine Galichskoy"*. Chernivtsi: Misto.

Pivovarov S. V. 2001. Novi znakhidki predmetiv ozbroennya ta sporyadzhennya vershnika i verkhovogo konya z Chornivskogo gorodishcha (persha polovina XIII st.). *PSSIAE* (2), 133—142.

Pivovarov S. 2004. Doslidzhennya davnyoruskogo gorod-

ishcha v s. Nedoboyvtsi u 2003 r. *PSSIAE* (1) (17), 70—80.
Popko O. O. 1971. Slovyanski arkheologichni pamyatki v nizhniy techii Desni. *SVU* (1). Kyiv: Naukova dumka, 129—140.
Rappoport P. A. 1956. Ocherki po istorii russkogo voennogo zodchestva X—XIII vv. *MIA* 52.
Rappoport P. A. 1961. *Ocherki po istorii voennogo zodchestva Severo-Vostochnoy i Severo-Zapadnoy Rusi X—XV vv*. Moskva; Leningrad: Nauka.
Rappoport P. A. 1967. Voennoe zodchestvo Zapadnorusskikh zemel X—XIV vv. *MIA* 140.
Rappoport P. A. 1967. O tipologii drevnerusskikh poseleniy. *KSIA* 110, 3—8.
Ratich A. A. 1962. Gorodishcha Rostochya. *KSIA AN USSR* 12, 87—91.
Ratich O. O. 1964. Do pitannya pro roztashuvannya i oboronni sporudi drevnyoruskikh gorodiv Pivdenno-Zakhidnoy Rusi. *MDAPV* (5), 115—129.
Rozhko M. F. 1993. Konstruktivni osoblivosti oboronnikh sporud XII—XIII st. Pivdenno-Zakhidnoy Rusi. *Starozhitnosti Pivdennoy Rusi: Materiali III istoriko-arkheologichnogo seminaru "Chernigiv i yogo okruga v IX—XIII st."* Chernigiv: Siveryanska dumka, 152—161.
Rusanova I. P., Timoshchuk B. A. 1981. *Drevnerusskoe Podnestrovye: Istoriko-kraevedcheskie ocherki.* Uzhgorod: Karpati.
Tereshchuk K. I. 1976. Do pytannya pro lokalizatsiyu Bolokhivskoy zemli. *Doslidzhennya z slovyanoruskoy arkheologii*. Kyiv: Naukova dumka, 164—175.
Timoshchuk B. A. 1953/18. *Otchet ob issledovaniyakh Lenkovetskogo gorodishcha (drevnie Chernovtsy).* NA IA NANU.
Timoshchuk B. A. 1959. Lenkovetskoe drevnerusskoe gorodishche. *SA* (4), 250—257.
Timoshchuk B. O. 1960/23. *Zvit pro arkheologichni doslidzhennya Chernivetskogo kraeznavchogo muzeyu v 1960 r.* NA IA NANU.
Timoshchuk B. O. 1960. Litopysni mista Bukovyny za arkheologichnymy danymy. *UIZh* (6), 164—166.
Timoshchuk B. O. 1962/24. *Zvit pro rozkopki v Khotinskiy fortetsi v 1961—1962 rr.* NA IA NANU.
Timoshchuk B. O. 1966/86. *Zvit pro arkheologichni doslidzhennya davnyoruskogo gorodishcha v s. Darabani Khotinskogo rayonu v 1966 r.* NA IA NANU.
Timoshchuk B. O. 1968/77. *Zvit pro rozkopki na davnyoruskomu gorodishchi Galitsya v s. Lomachintsi Sokiryanskogo rayonu Chernivetskoy oblasti v 1968 r.* NA IA NANU.
Timoshchuk B. A. 1969. Drevnerusskoe gorodishche Galitsa v Severnoy Bukovine. *AO* 1968 g., 335—337.
Timoshchuk B. O. 1969/40. *Zvit pro rozkopki davnyoruskogo gorodishcha v s. Perebikivtsi Khotinskogo rayonu Chernivetskoy oblasti*. NA IA NANU.
Timoshchuk B. O. 1969. *Pivnichna Bukovina — zemlya slovyanska.* Uzhgorod: Karpati.
Timoshchuk B. A. 1970. Voennaya krepost XIII — XIV vv. na Srednem Dnestre. *AO* 1969 g., 291—292.
Timoshchuk B. O. 1971. Doslidzhennya davnyoruskogo gorodishcha Darabani-Shchovb. *Seredni viki na Ukraini*, (1), 187—190.
Timoshchuk B. O. 1973. Lomachinske gorodishche. *Arkheologia* (9), 100—107.
Timoshchuk B. O. 1976/135. *Zvit pro rozkopki davnyoruskogo gorodishcha Okopi v s. Molodia Glibotskogo rayonu Chernivetskoy oblasti v 1976 r.* NA IA NANU.
Timoshchuk B. O. 1976. Slovyani Pivnichnoy Bukovini V—IX st. Kyiv: Naukova dumka.
Timoshchuk B. A., Tomenchuk B. P. 1977. *Otchet o raskopkakh drevnerusskogo g. Okopy v s. Molodia, Glybokskogo rayona (XII—XIV vv.) v 1977 g.* ANV. ChKM. Fond R. 2342. Op. 2. Od. zb.286.
Timoshchuk B. O. 1982. *Davnyoruska Bukovina (X — persha polovina XIV st.).* Kyiv: Naukova dumka.
Timoshchuk B. A., Filipchuk M. 1982/58. *Otchet ob issledovanii gorodishcha XII—XIII vv. v s. Chernovka Novoselitskogo rayona Chernovitskoy oblasti*. NA IA NANU.
Timoshchuk B. A. 1990. *Vostochnoslavyanskaya obshchina VI—X vv. n. e*. Moskva: Nauka.
Tomenchuk B. P. 1977/52. *Zvit pro rozkopki davnyoruskogo gorodishcha Zamchishche (ditintsya litopisnogo mista Vasileva na Dnistri) v s. Vasilevi Zastavnivskogo rayonu, Chernivetskoy oblasti v 1977 r.* NA IA NANU.
Tomenchuk B. P., Timoshchuk B. A. 1977. *Otchet o raskopkakh drevnerusskogo g. Zamchishche v s. Vasilev na Dnestre Zastavnovskogo rayona v 1977 g.* ANV ChKM. Fond. R. 2342. Op. 2. Od. zb. 287.
Tomenchuk B. P. 1978/68. *Zvit pro rozkopki davnyoruskogo gorodishcha Zamchishche (ditintsya litopisnogo mista Vasileva na Dnistri) v s. Vasilevi Zastavnivskogo rayonu, Chernivetskoy oblasti v 1978 r.* NA IA NANU.
Tomenchuk B. P. 1980/47. *Zvit pro rozkopki davnyoruskogo gorodishcha Gorodok — litopisnogo Gorodka na Cheremoshi v s. Karapchevi na Cheremoshi Vizhnitskogo rayonu Chernivetskoy oblasti v 1978—1980 rr.* NA IA NANU.
Tomenchuk B. P. 1984/169. *Zvit pro okhoronni arkheologichni rozkopki na davnyoruskomu gorodishchi Zamchishche ta rozvidki v Ivano-Frankivskiy ta Chernivetskiy oblastyakh.* NA IA NANU.
Tomenchuk B. P. 1985/61. *Zvit pro okhoronni rozkopki na davnyoruskomu gorodishchi Lukovishche Rogatinskogo rayonu Ivano-Frankivskoy oblasti ta v s. Vasiliv Zastavnivskogo rayonu, Chernivetskoy oblasti v 1985 r*. NA IA NANU.
Vinokur i in. 2004: Vinokur I. S., Zhurko O. I., Megey V. P. 2004. *Litopisniy Gubin XII — XIII st. Bolokhivska zemlya.* Kyiv; Kamyanets-Podilskiy; Khmelnitskiy; Starokostyantiniv.
Vozny I. P. 1996. Chornivske gorodishche XII—XIII st. u konteksti vivchennya davnyoruskikh feodalnikh sadib. *Tezi dopovidey ukraïnskoy delegatsii na VI Mizhnarodnomu kongresi slovyanskoy arkheologii*. Novgorod, 72—74.
Vozny I. P. 1997. Do pitannya pro datuvannya i kharakteristiku kulturnogo sharu Chornivskogo gorodishcha XII—XIII st. *Pitannya istorii Ukraini: Zbirnik naukovikh statey.* Chernivtsi (1), 13—25.
Vozny I. P. 1997a. Sistema i konstruktsii oboroni Chornivskogo feodalnogo zamku XII—XIII st. *Pitannya istorii, istoriografii, dzhereloznavstva ta arkhivoznavstva Tsentralnoy ta Skhidnoy Evropi: Zbirnik naukovikh prats*. Kyiv; Chernivtsi (1), 213—225.
Vozny I. P. 1998. *Chornivska feodalna ukriplena sadiba XII—XIII st*. Chernivtsi: Ruta.
Vozny I. P. 1999. Topografia, rozmiri ta fortifikatsiyni sporudi gorodishch Pivnichnoy Bukovini XII—XIII st. *PSSIAE* (2), 174—188.
Vozny I. P. 2005. *Poselennya X—XIV st. u mezhirichchi Verkhnyogo Siretu ta Serednyogo Dnistra.* Chernivtsi: Zoloti litavri.
Vozny I. P. 2006. Klasifikatsia gorodishch X—XIV st. Sireto-Dnistrovskogo mezhirichchya za topografichnim

mistseznakhodzhennyam. *Khristiyanska spadshchina Galitsko-Volinskoy derzhavi: Tsinnisni orientiri dukhovnogo postupu ukraïnskogo narodu: Materiali mizhnarodnoy yuvileynoy naukovoy konferentsii*. Ivano-Frankivsk; Galich, 122—128.

Vozny I. P. 2009. *Istoriko-kulturniy rozvitok naselennya mezhirichchya Verkhnyogo Siretu ta Serednyogo Dnistra v X—XIV st. Chastina I. Poselennya.* Chernivtsi: Zoloti litavri.

Zvarych i dr. 1977: Zvarych V. V., Peleshchishin N. A., Chayka R. M. Razvedki na Volyni. *AO 1976 g*. 297—298.

Zvizdetskiy B. A. 2004. Pro deyaki osoblivosti drevlyanskikh gorodishch VIII—X st. *Starodavniy Iskorosten i slovyanski gradi VIII—X st*. Kyiv: Korvin Press, 41—50.

A. V. Krasnojon. **Fortress of Two Stephans: on Customers and the Dating of Belgorod Fortifications.**

Aybabina E. A. 2001. *Dekorativnaya kamennaya rezba Kaffy (XIV—XVIII vv.)*. Simferopol: Sonat.

Anisimov A. M. 2001. *Gidrogeologicheskoe zaklyuchenie o sovremennom sostoyanii ekspluatatsionnykh zapasov podzemnykh vod Belgorod-Dnestrovskogo mestorozhdenia v Odesskoy oblasti*. Arkhivnye Fondy Prichernomorskogo gosudarstvennogo regionalnogo geologicheskogo predpriyatia, № 3270. Odessa.

Bertier de la Garde A. L. 1900. O sostoyanii Akkermanskoy kreposti. *ZOOID XII*, 75—82.

Birnea P. P. 1997. Iz istorii moldavskogo Belgoroda — Chetatea Alba. *Akkermanskie drevnosti*, 107—126.

Birnea P. P. 2003. Kilia i Nizhniy Dunay v epokhu Stefana Velikogo. *Stratum plus* (6), 180—189.

Birnea P. P. 1984. *Moldavskiy srednevekovy gorod v Dnestrovsko-Prutskom mezhdurechye (XV — nachalo XVI v.)*. Kishinev: Stiinta.

Birnea P. P., Russev N. D. 1999. Monety srednevekovoy Moldavii. Istoriko-numizmaticheskie ocherki. *Stratum plus* (6), 176—262.

Brun F. K. 1853. Puteshestvia i posolstva gospodina Gilberta de Lannois, kavalera Zolotogo runa, vladeltsa Santa, Villervalya, Tronchiena, Beaumona, Vageni v 1399—1450 gg. (Tekst i arkheograficheskoe vstuplenie). *ZOOID III*, 433—465.

Bruyako I. V., Sapozhnikov I. V. 2000. Belgorod-Dnestrovskaya krepost kak pamyatnik voenno-inzhenernogo iskusstva (osnovnye etapy istorii kontsa XIV — nachala XV vv.). *Stratum plus* (5), 443—451.

Bugaeva N. I. 2006. Rukopisnye i pechatnye traktaty po arkhitekture XV—XVI vv. *Arkhitekton* 15.

Chelebi E. 1961. *Kniga puteshestviya (Zemli Moldavii i Ukrainy)*. Vyp. 1. Moskva: Nauka

Choisy A. 1935. *Istoria arkhitektury (v dvukh tomakh)*. T. 2. Moskva: Izd-vo Vsesoyuznoy Akademii arkhitektury.

Eco U. 2004. *Evolutsia srednevekovoy estetiki.* Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika.

Egorov V. L. 1985. *Istoricheskaya geografia Zolotoy Ordy*. Moskva: Nauka.

Fondorko E. E. 2001. Semantika koordinatnykh postroeniy v arkhitekture. Problemy teorii i istorii arkhitektury Ukrainy (2), 104—108.

Gertsen A. G. 1990. Krepostnoy ansambl Mangupa. *MAIET* 1, 88—166.

Gertsen A. G., Mogarichev Yu. M. 1992. Eshche raz o date poyavlenia kreposti na plato Chufut-Kale. In: Mogarichev Yu. M. (red.-sost.). *Problemy istorii «peshchernykh gorodov» v Krymu*. Simferopol: Tavria, 182—192.

Gonta G. V. 1984. *Moldavia i Osmanskaya agressia v posledney chetverti XV — pervoy treti XVI veka*. Kishinev: Stiinta.

Jakobson A. L. 1986. *Armyanskie khachkary.* Erevan: Ayastan.

Kirilko V. P. 2005. *Krepostnoy ansambl Funy (1423—1475 gg.)*. Kiev: Stilos.

Klyuchnik A. 1977. *Belgorod-Dnestrovskiy.* Odessa.

Kochubinskiy A. A. 1889. Lapidarnye nadpisi XV stoletia iz Belgoroda, chto nyne Akkerman. *ZOOID* XV, 506—547.

Kochubinskiy A. A. 1901. Tira-Belgorod-Akkerman (i ego novaya lapidarnaya nadpis ot 1454 g.). *ZOOID* XXIII, 79—178.

Konovalova I. G. 1989. Torgovaya faktoria v Kilie (po dannym notarialnykh aktov 1360—1361 gg.). *Izvestia AN Moldavskoy SSR. Seria obshchestvennykh nauk* (1), 14—21.

Krasnozhon A. V., Kartelyan E. D. 2009a. Antichnye znaki-simvoly Belgorod-Dnestrovskoy kreposti. *Stratum plus* (4), 446—463.

Krasnozhon A. V., Kartelyan E. D. 2009b. Modulnye otnosheniya v arkhitekture Belgorod-Dnestrovskoy kreposti. *Istoriosfera*, 62—77.

Krasnozhon A. V., Kartelyan E. D. 2008. Sakralnye znaki Belgorod-Dnestrovskoy kreposti. *Yugo-zapad Odessika* (5), 43—62.

Kravchenko A. A. 1986. Srednevekovy Belgorod na Dnestre (konets XIII—XIV vv.). Kiev: Naukova dumka.

Kryzhitskiy S. D. 1993. Arkhitektura antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomorya. Kiev: Naukova dumka.

Logvin G. N. 1978. *Ukrainskoe iskusstvo vtoroy poloviny XIII—XVI vv. Arkhitektura v sisteme khudozhestvennoy kultury.* Fondy NIITAG. Inv. № 1140. Kiev.

Mezentseva G. G. 1981. Raskopki v Belgorod-Dnestrovskoy kreposti. *Arkheologicheskie otkrytia 1980 g*., 508.

Murzakevich N. 1850. Akkermanskie grecheskie nadpisi. *ZOOID* II, 480—483.

Myts V. L. 2009. *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty*. Simferopol: Universum.

Ocherki vneshnepoliticheskoy istorii Moldavskogo knyazhestva (poslednyaya tret XIV — nachalo XV vv.). 1979. Kishinev: Stiinta.

Odesskiy astronomicheskiy kalendar. 2006. Odessa: Astroprint.

Ovcharov D. 1982. *Vizantiyski i blgarski kreposti V—X vek.* Sofia: Izd-vo na BAN.

Polevoy L. L. 1979. *Ocherki istoricheskoy geografii Moldavii (XIII—XV vv.).* Kishinev: Stiinta.

Prokofyeva N. I. 1971. Khozhdenie Zosimy v Tsargrad, Afon i Palestinu (Tekst i arkheograficheskoe vstuplenie). *Voprosy russkoy literatury (Uchenye zapiski MGPI im. V. I. Lenina)* 435, 12—42.

Ransimen S. 1983. *Padenie Konstantinopolya v 1453 g*. Moskva: Nauka.

Rappoport P. A. 1994. *Stroitelnoe proizvodstvo Drevney Rusi (X—XIII vv.).* Sankt-Peterburg: Nauka.

Repnikov N. I. 1932. Ostatki ukrepleniy Eski-Kermena. *IGAIMK* 12, 181—212.

Russev N. D. 1999. *Na grani mirov i epokh (goroda nizoviy Dunaya i Dnestra v kontse XIII—XIV vv.)* Kishinev: Vysshaya antropologicheskaya shkola.

Russev i dr. 2003: Russev N. D., Croitor Zh. B., Lazo Yu. V. Stefan Velikiy v obstoyatelstvakh vremeni (antropologicheskie eskizy). *Stratum plus* (6), 19—62.

Shlapak M. E. 2000. Samaya zagadochnaya nadpis Belgorod-Dnestrovskoy kreposti. *Stratum plus* (6), 260—265.

Shlapak M. E. 2001. *Belgorod-Dnestrovskaya krepost (issledovanie srednevekovogo oboronnogo zodchestva)*.

Kishinev: ARC.
Shlapak M. E. 2005. Po sledam moldavskogo pirkalaba. *Stratum plus* (6), 473—478.
Shlapak M. E. 2009. Kiliyskaya kamennaya krepost. *Stratum plus* (6), 421—429.
Shperk V. F. 1957. *Istoria fortifikatsii*. Moskva: Izdanie Voenno-Inzhenernoy akademii.
Skrzhinskaya E. Ch. 2006. *Sudakskaya krepost. Istoria-arkheologia-epigrafika*. Kiev; Sudak; Sankt-Peterburg: Akademperiodika.
Slavyano-moldavskie letopisi XV—XVI vv. 1976. Moskva: Nauka.
Sovetov P. V. 1972. *Issledovaniya po istorii feodalizma v Moldavii*. T. 1. *Ocherki istorii zemlevladeniya v XV—XVIII vv.* Kishinev: Stiinta.
Strabon. 1994. *Geografia (per. s dr.-grech. G. A. Stratanovskogo)*. Moskva: Ladomir.
Tsabel S. A. 1902. Front. *ESBE* (36a), 769—77.
Vitruvius. 1936. *Desyat knig ob arkhitekture (perev. F. A. Petrovskogo)*. Moskva: Izd-vo Akademii arkhitektury.
Voytsekhovskiy V. A. 1972. Stroitelnye nadpisi na stenakh kreposti v Belgorod-Dnestrovskom. *Yugo-Vostochnaya Evropa v srednie veka*, 371—374.
Voytsekhovskiy V. A. 1969. Etapy stroitelstva kreposti v Belgorod-Dnestrovskom. *Materialy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii Kishinevskogo Politekhnicheskogo instituta*, 341.
Yakovlev V. V. 1931. *Istoria krepostey: evolutsia dolgovremennoy fortifikatsii*. Moskva: Izd-vo NARKOMata oborony Soyuza SSR.

V. P. Kirilko. **On the Dating of Mangoup Octagon and its Identification (towards Interpretative Power of Sources).**

Aseev Yu. S., Lebedev G. A. 1961. *Arkhitektura Kryma*. Kiev: Gosudarstvennoe izdatelstvo literatury po stroitelstvu i arkhitekture USSR.
Aseev Yu. S. 1966. Arkhitektura Severnogo Prichernomorya (V—IX vv.). In: Yaralov Yu. S. (otv. red.). *Vseobshchaya istoria arkhitektury*. T. 3. Leningrad; Moskva: Izdatelstvo literatury po stroitelstvu, 502—515.
Bertier de la Garde A. L. 1918. Kalamita i Feodoro. *ITUAK* 55, 1—44.
Bocharov S. G. 2008. Kartograficheskie istochniki po topografii turetskogo goroda Mangup. In: Mogarichev Yu. M. (red.-sost.). *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik*. Simferopol: AntikvA, 191—211.
Braun F. A. 1893. Raskopki, proizvedennye na Mangupe letom 1890 g. *OAK za 1890 g*. Sankt-Peterburg, 16—19.
Brun F. K. 1880. Chernomorskie goty i sledy ikh dolgogo prebyvania v Yuzhnoy Rossii. *Chernomorye*. T. II. Odessa.
Dnevnik 1913: *Dnevnik R. H. Lepera (Arkheologicheskie zametki, risunki i chernovye chertezhi po Mangupu). 1913 g.* Nauchny arkhiv NZHT. D. 90.
Dombrovskiy O. I., Makhneva O. A. 1973. *Stolitsa feodoritov*. Simferopol: Tavria.
Dubois de Monperet F. 2009. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziu, Armeniu i v Krym. V 6 tomakh. Parizh, 1843. T. 5, 6.* Perevod, predislovie i primechania T. M. Fadeevoy. Simferopol: Biznes-Inform.
Evlia Chelebi 2008. *Kniga puteshestvia. Krym i sopredelnye oblasti (izvlechenia iz sochinenia turetskogo puteshestvennika XVII veka)*. Simferopol: «Dolya».
Gertsen A. G. 1990. Krepostnoy ansambly Mangupa. *MAIET* I, 87—166, 242—271.
Gertsen 1998: *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh Mangupskogo gorodishcha 1997 g. (k otkrytomu listu № 125/33 ot 27 iyunya 1997 g. i Razresheniyu na issledovania nedvizhimogo pamyatnika istorii i kultury № 21 ot 2 iyulya 1997 g. vydannym Gertsenu A. G.)*. Nauchny arkhiv KF IA NANU. № 491.
Gertsen 1999: *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh Mangupskogo gorodishcha 1998 g. (k Otkrytomu listu № 125/35 ot 01 iyulya 1998 g. i Razresheniyu na issledovania nedvizhimogo pamyatnika istorii i kultury № 21 ot 2 iyulya 1998 g. vydannym Gertsenu A. G.)*. Nauchny arkhiv KF IA NANU. № 599.
Gertsen 2000: *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh Mangupskogo gorodishcha 1999 g. (k Otkrytomu Listu № 125/40 ot 19 iyunya 1999 g. i Razresheniyu na issledovania nedvizhimogo pamyatnika istorii i kultury № 30 ot 28 iyunya 1999 g., vydannym Gertsenu A. G.)*. Nauchny arkhiv KF IA NANU. № 629.
Gertsen A. G. 2001a. *Mangup: gorod v krymskom podnebesye*. Simferopol: Istoriko-arkheologicheskiy blagotvoritelny fond «Nasledie tysyacheletiy».
Gertsen A. G. 2001b. Rasskaz o gorode Feodoro. Topograficheskie i arkheologicheskie realii v poeme ieromonakha Matfeya. *ADSV* 32, 257—282.
Gertsen A. G. 2006. Khristianskaya obshchina Mangupa pod vlastyu turok. In: *Materialy Mezhdunarodnoy tserkovno-istoricheskoy konferentsii «Dukhovnoe nasledie Kryma» pamyati prepodobnogo Ioanna, episkopa Gotfskogo. 7—10 iyulya 2005 g., pos. Partenit.* Simferopol: Izd-vo Simferopolskoy i Krymskoy eparkhii, 22—40.
Gertsen A. G. 2007. *Mangup: gorod v krymskom podnebesye*. Simferopol: Tavria.
Gertsen A. G. 2008. Mangup glazami issledovateley i puteshestvennikov (XVI — nachalo XX v.). In: Mogarichev Yu. M. (red.-sost.). *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik*. Simferopol: AntikvA, 212—254.
Gertsen i dr. 2007: Gertsen A. G., Ivanova O. S., Naumenko V. E., Smokotina A. V. 2007. Arkheologicheskie issledovania v rayone tserkvi Sv. Konstantina (Mangup): I gorizont zastroyki (XVI—XVIII vv.). *MAIET* XIII, 233—289.
Gertsen A. G., Naumenko V. E. 2009a. Arkheologicheskie issledovania v rayone tserkvi Sv. Konstantina (Mangup): II gorizont zastroyki (XV v.). *MAIET* XV, 389—431.
Gertsen A. G., Naumenko V. E. 2009b. Oktagonalnaya tserkov Mangupskoy tsitadeli po dannym arkheologicheskikh issledovaniy 1997—1999 gg.: planirovka, stratigrafia, khronologia. *ADSV* 39, 423—466.
Khronika 1990: Khronika. Leningradskoe otdelenie Rossiyskogo Palestinskogo obshchestva. 1987—1988 gg. *Palestinskiy sbornik* 30 (93). Leningrad.
Kirilko V. P. 1997. Vizantiyskaya arkhitektura Mangupa. *Arkheologia Kryma*. T. I. № 1. Simferopol: «Yuzhnogorodskie vedomosti», 89—97.
Kirilko V. P. 1999. Aspry s bolshim «T» na litsevoy storone: opyt interpretatsii. *Stratum plus 6*, Sankt-Peterburg; Kishinev; Odessa; Bukharest: Vysshaya antropologicheskaya shkola, 137—141.
Kirilko V. P. 2001. Nadvratnye bashni ukrepleniy Yugo-Zapadnoy Tavriki (XIV—XV vv.). *ADSV* 32, 283—308.
Kirilko V. P. 2005a. *Krepostnoy ansambl Funy (1423—1475 gg.)*. Kiev: ID «Stilos».
Kirilko V. P. 2005b. Yuzhny vkhod bolshoy Mangupskoy baziliki. *ADSV* 36, 260—272.

Kirilko V. P., Myts V. L. 2001. Oktogonalny khram Mangupa. *ADSV* 32, 354—375.

Kniga puteshestviy 1996: *Kniga puteshestviy Evlii Chelebi. Pokhody s tatarami i puteshestviya po Krymu (1461—1667 gg.)*. Perevod s polskogo M. B. Kizilova. 1996. Simferopol: Tavria.

Latyshev V. V. 1896. *Sbornik grecheskikh nadpisey khristianskikh vremen iz Yuzhnoy Rossii*. Sankt-Peterburg: Tipografia Imperatorskoy Akademii nauk.

Lopushinskaya E. I. 1996. Tsitadel na Mangup-Kale. *AN* 41, 50—54.

Myts V. L. 1984. Zagorodny khram i nekropol Mangupa. *ADSV* 21, 57—66.

Myts V. L. 1990. Krestoobrazny khram Mangupa. *SA* (1), 224—243.

Myts V. L. 2009. *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty.* Simferopol: Universum.

Nikolskiy N. P. 1892. Mangup-Kale. *Zapiski Krymskogo gornogo kluba* 2. Odessa.

Opisanie Kryma 1867: Opisanie Kryma (Tartarizh Descriptio) Martina Bronevskogo. *ZOOID* 6, 333—367.

Otchet 1890: *Otchet i drugie materialy o raskopkakh privatdotsenta Peterburgskogo universiteta F. A. Brauna v 1890 g. na Mangupe s tselyu otyskania gotskikh poseleniy.* Arkhiv IIMK RAN. F.1. D. № 40/1890.

Protokoly 1914: Protokoly zasedaniy Tavricheskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii. *ITUAK* 51, 280—346.

Tikhanova M. A. 1953. Bazilika. *MIA* 34, 333—389.

Weimarn E. V. 1953. Razvedki oboronitelnykh sten i nekropolya. *MIA* 34, 419—429.

Weimarn E. V. 1975. Pamyatki pivdenno-zakhidnogo Krimu. In: Dovzhenok V. J. (vidp. red.). *Arkheologia Ukraïnskoy RSR*. T. 3. Kyiv: Naukova dumka, 454—467.

Yakobson A. L. 1940. Iz istorii srednevekovoy arkhitektury v Krymu. II. Mangupskaya bazilika. *SA* (6), 205—226.

Yakobson A. L. 1959. Rannesrednevekovy Khersones. *MIA* 63.

V. P. Alekseev. **New versions of moulded coins of the Lower Bugul in VI—V centuries B. C.**

Alekseev V. P. 1997. K voprosu o tipologii pervykh litykh monet Olvii. *Arkheologia* (4), 104—109.

Alekseev V. P., Loboda P. G. 2006. Monety Olvii iz chastnykh kollektsiy g. Odessy. *Vestnik Odesskogo muzeya numizmatiki* 23, 4—14.

Anokhin V. A. 1988. O tak nazyvaemykh giryakh Berezani. In: Anokhin V. A. (otv. red.). *Antichnye drevnosti Severnogo Prichernomorya*. Kiev: Naukova dumka, 174—178.

Anokhin V. A. 1989. *Monety antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomorya*. Kiev: Naukova dumka.

Burachkov P. O. 1884. *Obshchiy katalog monet, prinadlezhashchikh ellinskim koloniyam, sushchestvovavshim v drevnosti na severnom beregu Chernogo morya*. Ch. I. Odessa: Tipografia A. Shultse.

Furmanska A. I. 1963. Bronzolivarne remeslo v Olvii. *Arkheologia* (15), 61—70.

Karyshkovskiy P. O. 1983. Olviyskie monety, naydennye na o. Levke. *MASP* 9. Kiev: Naukova dumka, 158—170.

Karyshkovskiy P. O. 1988. *Monety Olvii.* Kiev: Naukova dumka.

Karyshkovskiy P. O. 2003. *Monetnoe delo i denezhnoe obrashchenie Olvii (VI v. do n. e. — IV v. n. e.).* Odessa: ChP «Fridman A. S.»

Kharko L. P. 1964. Monety iz raskopok Olvii v 1946—1947 gg. In: Gaydukevich V. F. (otv. red.) *Olvia. Temenos i agora.* Moskva; Leningrad: Nauka, 321—379.

Krapivina V. V. 1986. Arkhaicheskie vesovye giri Berezani i Olvii. In: Rusyaeva A. S. (otv. red.). *Olvia i ee okruga*. Kiev: Naukova dumka, 105—111.

Krapivina V. V. 1987. Vesovye giri. In: Kryzhitskiy S. D. (otv. red.). *Kultura naselenia Olvii i ee okrugi v arkhaicheskoe vremya*. Kiev. Naukova dumka, 131—133.

Lapin V. V. 1971. Gruppovaya nakhodka olviyskikh «delfinov» na Berezani. *MASP* 7, 42—51.

Losev A. F. 1996. *Mifologia grekov i rimlyan.* Moskva: Mysl.

Nazarov V. V. 2005. Eshche raz ob odnoy gruppe arkhaicheskikh bronzovykh izdeliy s Berezani. In: Radzikhovskaya E. A. (gl. red.). *Drevnee Prichernomorye.* Odessa: Astroprint, 109—116.

Naumov V. 2002. Novy tip litoy monety? *Drevnij mir* 3, 33.

Nechitaylo V. V. 2000. *Katalog antichnykh monet Olvii (VI v. do n. e. — III v. n. e.)*. Kiev.

Olgovskiy S. Ya. 1986. Metall litykh monet Nizhnego Pobuzhya. In: Rusyaeva A. S. (otv. red.). *Olvia i ee okruga.* Kiev: Naukova dumka, 89—105.

Ostroverkhov A. S. 1981. Obrobka kolyorovikh metaliv na antichnikh poselennyakh. *Arkheologia* (36), 26—37.

Pivorovich V. B. 2000. Drevneyshie denezhnye znaki Severnogo Prichernomorya. *Letopis Prichernomorya: literatura, istoria, arkheologia, numizmatika* 4, 119—122.

Ruban V. V. 1979. Liteyna forma z poselennya Kozirka XV. *SA* (3), 257—258.

Ruban V. V. 1982. O khronologicheskom sootnoshenii litykh strelo- i delfinovidnykh bronzovykh monet na territorii Nizhnego Pobuzhya. In: Yanin V. L. (otv. red.). *Numizmatika antichnogo Prichernomorya.* Kiev: Naukova dumka, 15—20.

Rusyaeva A. S. 1986. Milet — Didimy — Borisfen — Olvia. Problemy kolonizatsii Nizhnego Pobuzhya. *VDI* (2), 25—64.

Rusyaeva A. S. 1992. *Religia i kulty antichnoy Olvii*. Kiev: Naukova dumka.

Salnikov A. G. 1957. Litoy delfin iz fondov Odesskogo gosudarstvennogo arkheologicheskogo muzeya. *MASP* I, 102—104.

Salnikov O. G. 1959. Olviyski «ribki»: pochatkoviy etap olvijskogo groshovogo obigu. *MASP* II, 44—58.

Treyster M. Yu. 1988. Rol metallov v epokhu Velikoy grecheskoy kolonizatsii. *VDI* (1), 17—42.

Vinogradov Yu. G. 1989. *Politicheskaya istoria Olviyskogo polisa (VII—I vv. do n. e.)*. Moskva: Nauka.

Vinogradov Yu. G., Rusyaeva A. S. 1980. Kult Apollona i kalendar v Olvii. In: Anokhin V. A. (otv. red.). *Issledovania po antichnoy arkheologii Severnogo Prichernomorya.* Kiev: Naukova dumka, 19—64.

Zograf A. N. 1951. Antichnye monety. *MIA* 16. Akademija nauk SSSR.

V. P. Alekseev, P. G. Lododa. **Numismatic Rarities of Antique Tyra In New Findings.**

Alekseev V. P. 1997. *Redkie i neizdannye monety antichnykh gorodov Severnogo Prichernomorya.* Odessa: Polis.

Alekseev V. P. 2001. Pamyatniki drevnikh kultur iz Dnestro-Dunayskogo regiona. *VDI* (4), 66—76.

Alekseev V. P. 2005. Redkie i unikalnye monety antichnykh gorodov Severnogo Prichernomorya. *Stratum plus* (6), 364—373.

Alekseev V. P., Loboda P. G. 2008. *Materialy po numizmatike i arkheologii drevnego Severnogo Prichernomorya*. Odessa: KP Odesskaya gorodskaya tipografia.

Anokhin V. A. 1989. *Monety antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomorya.* Kiev: Naukova dumka.

Blavatskiy V. D. 1954. *Ocherki voennogo dela v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomorya.* Moskva: Akademia nauk SSSR.

Burachkov P. O. 1884. *Obshchiy katalog monet, prinadle-*

zhashchikh ellinskim koloniam, sushchestvovavshim v drevnosti na severnom beregu Chernogo morya. Ch. I. Odessa: Tipografia A. Schulze.

Dyukov Yu. L., Smekalova T. N. 1997. Issledovanie sostava monet Tiry iz sobrania Gosudarstvennogo Ermitazha. In: Okhotnikov S. B. (otv. red.). *Nikoniy i antichny mir Severnogo Prichernomorya.* Odessa: Vetakom, 231—240.

Frolova N. A. 1986. K voprosu ob interpretatsii nekotorykh izobrazheniy na pozdnebosporskikh monetakh. In: Koshelenko G. A. (otv. red.). *Problemy antichnoy kultury.* Moskva: Nauka, 209—214.

Frolova N. A. 2006. *Katalog monet antichnoy Tiry.* Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopedia.

Karishkovskiy P. J. 1962. Z istorii greko-skifskikh vidnosin u Pivnichno-Zakhidnomu Prichornomoryi. *Arkheologichni pamyatki URSR* XI. Akademia nauk URSR, 102—121.

Karyshkovskiy P. O., Kleyman I. B. 1985. *Drevniy gorod Tira*. Kiev: Naukova dumka.

Kotsievskiy A. S. 1982. Neskolko neizdannykh monet Tiry iz chastnykh sobraniy. In: Yanin V. L. (otv. red.). *Numizmatika antichnogo Prichernomorya.* Kiev: Naukova dumka, 117—125.

Losev A. F. 1996. *Mifologia grekov i rimlyan.* Moskva: Mysl.

Makandarov G. I. 2007. *Svodny katalog monet goroda Tiry*. (Izd. vtoroe). Odessa: SPD Fridman A. S.

Nechitaylo V. V., Mikhajlov S. L. 2000. *Katalog antichnykh monet Skifii, Berezani, Nikonia, Tiry, Kerkinitidy.* Kiev.

Nosova L. V. 2005. Monety Tiry serediny I v. n. e. In: Molchanov A. A. (otv. red.). *XIII Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsia 11—15 aprelya.* Moskva: Alfa-Print, 31—32.

Oreshnikov A. V. 1887. *Katalog sobrania drevnostey grafa A. S. Uvarova.* Moskva: Tipografia i slovolitia O. Gerbeka.

Son N. A. 1993. *Tira rimskogo vremeni.* Kiev: Naukova dumka.

Tsvetaeva G. A. 1979. *Bospor i Rim.* Moskva: Nauka.

Turovskiy E. Ya., Demyanchuk S. G. 1998. K voprosu o khronologii serebryanykh i mednykh monet Tiry avtonomnogo perioda. In: *Drevnee Prichernomorye*. Odessa: Kalamo, 144—149.

Zograf A. N. 1951. Antichnye monety. *MIA* 16. Akademija nauk SSSR

Zograf A. H. 1957. *Monety Tiry.* Moskva: Akademia nauk SSSR.

A. V. Gavrilov. **Numismatic Findings on Kuru Bash Settlement (Camp) and Some Issues of History of Theodosia (late 2nd—1st cc. BC).**

Anokhin V. A. 1986. Monetnoe delo Bospora v VI—II vv. do n. e. Kiev: Naukova dumka.

Anokhin V. A. 1999. Istoria Bospora Kimmeriyskogo. Kiev: Odigitria.

Buyskikh S. B. 1991. Fortifikatsia olviyskogo gosudarstva. Kiev: Naukova dumka.

Frolova N. A., Maslennikov A. A. 1994. Monety iz klada bosporskikh monet nachala — serediny I v. do n. e. iz poselenia «Polyanka» kak istoricheskiy istochnik. In: *Mezhdunarodnaya konferentsia po primeneniyu metodov estestvennykh nauk v arkheologii. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii*. T. II. Sankt-Peterburg, 186—187.

Frolova N. A. 1998. Klad bosporskikh monet I v. do n. e., naydenny na antichnom poselenii «Polyanka» (1984—1985 gg.). *PIFK* (VI), 53—76.

Frolova N. A., Ireland S. 1999. O khronologii emissiy monet na Bospore v mitridatovskiy period (110/9—63 gg. do n. e.). *DB* (2), 232—265.

Gavrilov O. V. 1998. Novi dani pro silsku okrugu antichnoy Feodosii. *Arkheologia* (1), 105—117.

Gavrilov A. V. 2004. *Okruga antichnoy Feodosii*. Simferopol: Azbuka.

Gavrilov A. V., Shonov I. V. 2005. Kratkaya informatsia o numizmaticheskom materiale selishcha Kuru Bash (lager) bliz Feodosii. *Bosporskiy fenomen: problema sootnoshenia pismennykh i arkheologicheskikh istochnikov.* Materialy nauchnoy konferentsii. Sankt-Peterburg: GE.

Golenko K. V. 1964. Sostav denezhnogo obrashchenia Khersonesa I v. do n. e. *VDI* (4), 50—73.

Golenko K. V. 1966. Podrazhania mednym monetam gorodov Ponta i Paflagonii vremeni Mitridata Evpatora. *VDI* (3), 142—149.

Golenko V. K. 2005. K «reabilitatsii» antichnogo poselenia Polyanka. In: Zuev V. Yu. (otv. red.). Bosporskiy fenomen: problema sootnoshenia pismennykh i arkheologicheskikh istochnikov. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Sankt-Peterburg: *GE*, 385—392.

Karyshkovskiy P. O. 1988. *Monety Olvii (ocherk denezhnogo obrashchenia Severo-Zapadnogo Prichernomorya v antichnuyu epokhu)*. Kiev: Naukova dumka.

Katyushin E. A. 1998. *Feodosia, Kaffa, Kefe*. Feodosia: Izdatelskiy dom «Koktebel'».

Koltukhov S. G. 1999. *Ukreplenia Krymskoy Skifii*. Simferopol: SONAT.

Korpusova V. M. 1972. Pro naselennya khori antichnoy Feodosii. *Arkheologia* (6), 41—55.

Korpusova V. N. 1980. Nadgrobnye stely nekropoley selskikh poseleniy Bospora. In: *Issledovania po antichnoy arkheologii Severnogo Prichernomorya*. Kiev: Naukova dumka, 141—150.

Koshelenko G. A., Maslennikov A. A. 2003. Eshche raz o kulte Mitry-Attisa. *DB* (6), 184—189.

Krapivina V. V., Diatroptov P. D. 2005. Nadpis namestnika Mitridata VI Evpatora iz Olvii. *VDI*. (1), 67—73.

Lantsov S. B. 2001. K voprosu o prebyvanii voysk pontiyskogo tsarya Mitridata VI Evpatora v Tavrike. In: Ivanenko P. I. (otv. red.). *175 let Kerchenskomu muzeyu drevnostey*. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii. Kerch, 63—66.

Lantsov S. B. 2003. *Antichnoe svyatilishche na zapadnom beregu Kryma*. Kiev: Stilos.

Maslennikov A. A. 1998. *Ellinskaya khora na krayu oecumene. Selskaya territoria evropeyskogo Bospora v antichnuyu epokhu.* Moskva: Indrik.

Saprykin S. Yu. 1986. *Gerakleya Pontiyskaya i Khersones Tavricheskiy. Vzaimootnoshenia metropolii i kolonii v VI—I vv. do n. e*. Moskva: Nauka.

Saprykin S. Yu. 1996. *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomorye.* Moskva: Nauka.

Saprykin S. Yu. 2002. *Bosporskoe tsarstvo na rubezhe dvukh epokh*. Moskva: Nauka.

Tsetskhladze G. R. 1991. Kolkhidskie amfory Severo-Zapadnogo Kryma. In: *Pamyatniki zheleznogo veka v okrestnostyakh Evpatorii*. Moskva, 175—177.

Tsetskhladze G. R. 1992. Proizvodstvo amfornoy tary v Kolkhide. In: V. I. Kats, S. Yu. Monakhov (otv. red.). *Grecheskie amfory*. Saratov: SGU, 90—110.

Uzhentsev V. B. 2006. *Elliny i varvary Prekrasnoy Gavani*. Simferopol: SONAT.

Vinogradov Yu. G. 1991. Fanagoriyskie naemniki. *VDI* (4), 14—33.

Zaytsev Yu. P., Mordvintseva V. I. 2003. Podvyaznye

fibuly v varvarskikh pogrebeniakh Severnogo Prichernomorya pozdneellinisticheskogo perioda. *RA* (2), 135—154.
Zograf A. N. 1951. Antichnye monety. *MIA*. 16.
Zeest I. B. 1953. Raskopki Feodosii. *KSIIMK* 51, 143—148.

O. N. Melnikov. **Bosporan Kingdom and the Origin of Coin-Weight Systems of the Classical Antiquity.**

Abramov A. P., Zakharov E. V. 2007. Kompleks pervoy chetverti V v. do n. e. iz Patreya. *DB* 11, 15—23.
Abramson i dr. 2008: Abramson M. G., Frolova N. A. 2007—2008. *Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet* I. Simferopol; Kerch: Izdatelskiy dom «ADEF-Ukraina».
Anokhin V. A. 1971. Otnositelnaya stoimost zolota i serebra v Olvii i na Bospore v kontse V—IV v. do n. e. *NiS* 4, 3—14.
Anokhin V. A. 1986. *Monetnoe delo Bospora*. Kiev: Naukova dumka.
Anokhin V. A. 1989. *Monetnoe delo antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomorya*. Kiev: Naukova dumka.
Bertie-Delagard A. L. 1909. *Otnositelnaya stoimost monetnykh metallov na Bospore i Borisfene v polovine IV v. do R. H.* Otd. ottisk iz NS MNO.
Bertie-Delagard A. L. 1911. Otnositelnaya stoimost monetnykh metallov na Bospore i Borisfene v polovine IV v. do R. H. *NS MNO* I, 1—100.
Bertie-Delagard A. L. 1913. Materialy dlya vesovykh issledovaniy monetnykh sistem drevnegrecheskikh gorodov i tsarey Sarmatii i Tavridy. *NS MHO* II, 49—134.
Bulatovich S. A. 1981. Vlitanie tipologii kizikinov na monetnoe delo gorodov Prichernomorya. In: Karyshkovskiy P. O. (otv. red.). *Pamyatniki drevnikh kultur Severo-Zapadnogo Prichernomorya*. Kiev: Naukova dumka, 114—119.
Chuistova L. I. 1962. Antichnye i srednevekovye vesovye sistemy, imevshie khozhdenie v Severnom Prichernomorye. *AIB* II, 7—235.
Dandamaev i dr. 1980: Dandamaev M. A., Lukonin V. G. *Kultura i ekonomika drevnego Irana*. Moskva.
Frolova N. A. 1996. Monetnoe delo Bospora serediny VI—V v. do n. e. *RA* 2, 34—69.
Golenko V. K. 2004. Eshche raz o tipologii rannego serebra Bospora. In: Koltukhov S. G., Lantsov S. B., Puzdrovskiy A. E. (otv. red.). *U Ponta Evksinskogo (pamyati Pavla Nikolaevicha Shultsa)*. Simferopol: Kulturny nauchny tsentr, 183—198.
Golenko K. V. 1974. Monety iz raskopok Nimfeya 1939—1970 gg. *NE* XI, 61—93.
Karyshkovskiy P. O. 1960. Ob obrashchenii kizikinov v Olvii. *NE* 2, 3—13.
Karyshkovskiy P. O. 1977. Olviyskie eksagii iz sobraniya GIM. NS. Ch. 5. Vyp. 1. *TGIM* 49, 110—120.
Karyshkovskiy P. O. 1984. Novye materialy o monetakh Eminaka. In: Chernyakov I. T. (otv. red.). *Ranniy zhelezny vek Severo-Zapadnogo Prichernomorya*. Kiev: Naukova dumka, 78—89.
Karyshkovskiy P. O. 1988. *Monety Olvii. Ocherk denezhnogo obrashchenia Severo-Zapadnogo Prichernomorya v antichnuyu epokhu*. Kiev: Naukova dumka.
Karyshkovskiy P. O. 1999. Olviyskie monety: proizvodstvo i metrologia. *Sp. 6*.
Karyshkovskiy P. O. 2003. *Monetnoe delo i denezhnoe obrashchenie Olvii (VI v. do n.e. — IV v. n.e.). Diss. ... dokt. istor. nauk*. Odessa. 1968. Odessa: ChP «Fridman A. S.»
Kazamanova L. N. 1969. *Vvedenie v antichnuyu numizmatiku*. Moskva: MGU.
Kulikov A. V. 2007. K nakhodke arkhaicheskoy pantikapeyskoy monety na poselenii Chatr-Tau (o meste vozniknovenia bosporskogo goroda Kiteja). In: Zuev V. Yu. (otv. red.). *BF* II, 325—331.
Melnikov O. H. 2003a. K publikatsii krupneyshey serebryanoy monety antichnogo Prichernomorya. *Sp. 6*, 146—156.
Melnikov O. H. 2005a. Kizikin v monetnykh sistemakh Bospora i Afin IV v. do n.e. In: Zinko V. N. (otv. red.). *BKVMPAS* VI, 207—209.
Melnikov O. H. 2005b. Kizikin kak metrologicheskiy koordinator monetno-vesovykh sistem Gretsii i Bospora. *Numizmatika* 9, 8—12, 28.
Melnikov O. H. 2005v. Metrologia monet Bospora vtoroy poloviny VI — nachala IV vv. do n. e. *Sp. 6*, 320—355.
Melnikov O. H. 2007. Nimfey, skifskiy vozhd Samma (…) i dve izmeny Gilona. In: Zuev V. Yu. (otv. red.). *BF* II, 331—337.
Melnikov O. H. 2008. Formirovanie drevneyshikh monetno-vesovykh sistem Eucemene. *SS* III, 118—136.
Sidorenko i dr. 2009: Sidorenko V. A., Shonov I. V. 2009. K tipologii monetnoy chekanki antichnoy Feodosii. *MAIET* XV, 501—524.
Smekalova i dr. 2001: Smekalova T. N., Dyukov Yu. L. 2001. *Monetnye splavy gosudarstv Prichernomorya: Bospor, Olvia, Tira*. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet.
Strokin V. L. 2009. Nimfey — Samma(?) — Nimfey. *DB* 13, 359—392.
Shalobudov i dr. 2004: Shalobudov V. N., Shulga A. N. K voprosu o chekanke zheleznykh monet v gorodakh antichnogo Bospora. *Starozhitnosti stepovogo Prichornomorya i Krimu XI*. Zaporizhzhya, 285—287.
Shonov I. V. 2002. O monetnoy chekanke Feodosii posledney chetverti V—nachala IV vv. do R. H. *BI* II, 327—332.
Steinwand G. 1930. Kizikskiy gekt Od. Istorichno - Arkheologichnogo muzeyu v svyazku z elektronovim karbuvannyam m. Kizika vzagali. *VOKKUAN* 4—5, 7—25.
Tereshchenko A. E. 2004a. *Avtonomnaya chekanka polisov Bospora Kimmeriyskogo VI – V vv. do n.e.* Diss. ... kand. ist. nauk. Sankt-Peterburg.
Tereshchenko A. E. 2010. Polisnaya chekanka Bospora Kimmeriyskogo v kontse VI nachale IV vv. do n. e. *Sayt, posvyashchenny monetam Kryma:* http://coins.ucoz.ru/load/polisnaja_chekanka_bospora_kimmerijskogo_v_konce_vi_nachale_iv_vv_do_n_eh/5-1-0-86
Yatsenko i dr. 2005: Yatsenko V. V., Titelakis A. V. O neizvestnom variante sindskikh gemitetartemoriev. In: Molchanov A. A. (otv. red.). *Trinadtsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsia*. Moskva, 28—29.
Zakharov E. V. 2009. Monety VI—V vv. do n. e., naydennye na poselenii Garkusha I (Patrey). *DB* 13, 206—223.
Zograf A. N. 1951. Antichnye monety. *MIA* 16.

M. V. Stupko, E. Ia. Turovsky. **Cast Coins in Medieval Kherson.**

Alekseenko N. A. 1996. Novye nakhodki pechatey predstaviteley gorodskogo upravlenia Khersona.
MAIET V, 155—170.
Alekseenko N. A. 1996a. K voprosu o deyatelnosti khersonesskogo monetnogo dvora v XIII veke. *HS* VII, 187—192.
Alekseenko N. A. 2008. Numizmaticheskie paralleli v sfragistike vizantiyskogo Khersona. *ADSv* 38, 79—89.

Anokhin V. A. 1977. *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n. e. — XII v. n. e.).* Kiev: Naukova dumka.
Choref M. M. 2008. K voprosu o nominalakh bronz rannesrednevekovogo Khersona. *MAIASK* I, 117—130.
Choref M. M. 2009. Monetnoe delo Khersona v pervoy polovine VIII veka (v pechati).
Sokolova I. V. 1965. Khersonesskie monety X veka s portretami imperatorov. *NE* V, 116—121.
Sokolova I. V. 1971. Klad hersonesskih monet serediny IX v. *TGE* XII, 16—26.
Sokolova I. V. 1983. *Monety i pechati vizantiyskogo Khersona.* Leningrad: Iskusstvo.

A. V. Crivenco, A. A. Kazarov. **Juchid Coins of Sakchi Found on Costesti Site in Moldova.**

Abyzova E. N., Travkin S. N. 2000. Nekotorye osobennosti mednykh dzhuchidskikh monet s poselenia Kosteshty (Bessarabia). In: Evglevskiy A. V. (gl. red.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekovya.* T. 1. Donetsk: Donetskiy gosudarstvenny universitet, 351—359.
Beitter V. M. Druzhinin E. G. 2008. Dirkhemy Sakchi kontsa XIII veka. In: Petrov P. N. (red.). *Trudy mezhdunarodnykh numizmaticheskikh konferentsiy. Monety i denezhnoe obrashchenie v mongolskikh gosudarstvakh XIII—XV vekov. Bolgar 2005, Volgograd 2006.* Moskva: Numizmaticheskaya literatura, 142—143.
Dochev K. 1992. *Moneti i parichno obrshchenie v Trnovo XII—XIV vv.* Veliko Trnovo: Vital.
Egorov V. L. 1985. *Istoricheskaya geografia Zolotoy Ordy v XIII—XIV vv*. Moskva: Nauka.
Fomichev N. M. 1981. Dzhuchidskie monety iz Azova. *Sovetskaya arkheologia* (1), 219—241.
Khromov K.: Nasledniki Genghis Khana i ikh monety. Monety i monetnye dvory ulusa Juchi. Zapadnoe Prichernomorye. Isakchi, Chilla, Vitsinia: http://www.hordecoins.folgat.net/S_galGH_isaqchi.htm
Klokov V. B., Lebedev V. P. 2000. Monetnoe obrashchenie zolotoordynskogo goroda Beldzhamen. In: Petrov P. N. (gl. red.). *Drevnosti Povolzhya i drugikh regionov.* Vyp. III. Moskva: IPR «Informelektro», 56—147.
Klokov V. B., Lebedev V. P. 2002. Monetny kompleks s Selitrennogo gorodishcha. In: Petrov P. N. (gl. red.). *Drevnosti Povolzhya i drugikh regionov.* Vyp. IV. Moskva: Informelektro, 73—165.
Kushner S. B. 2005. Karpato-Dnestrovskie zemli kak yugo-zapadnaya periferia Zolotoy Ordy (po dannym novykh monetnykh nakhodok Kosteshtskogo gorodishcha). *Istoricheskiy almanakh Pridnestrovya* (9), 77—82.
Lebedev 2000—1: Lebedev V. P. 2000. Korpus monet Kryma v sostave Zolotoy Ordy (seredina XIII — konets XV vv.). *Numizmatika i faleristika* 1 (13), 19—23.
Lebedev 2000—2: Lebedev V. P. 2000. Korpus monet Kryma v sostave Zolotoy Ordy. II. Anonimny chekan rubezha XIII—XIV vv. i monety Uzbek-khana (1312—1339). *Numizmatika i faleristika* 2 (14), 32—35.
Lebedev V. P., Pavlenko V. M. 2008. Monetnoe obrashchenie zolotoordynskogo goroda Madzhar. In: Evglevskiy A. V. (gl. red.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekovya.* T. 6. Donetsk: Donetskiy natsionalny universitet, 415—486.
Pivorovich V. B. 2008. *Monety i klady yuga Ukrainy*. Kherson: Litopis Prichornomorya.
Polevoy L. L. 1969. Monety iz raskopok i sborov na poselenii Kosteshty-Gyrlya (1946—1959 gg.). In: *Dalyokoe proshloe Moldavii.* Kishinev: Cartea Moldoveneasca, 146—160.
Polevoy L. L. 1979. *Ocherki istoricheskoy geografii Moldavii XIII—XV vv.* Kishinev: Stiinta.
Russev N. D. 1999. Na grani mirov i epokh. Goroda nizovyev Dunaya i Dnestra v kontse XIII—XIV vv. Kishinev: Vysshaya Antropologicheskaya Shkola.
Severova M. B. 1990. Popolnenie fonda dzhuchidskikh monet Ermitazha (po materialam starokrymskoy arkheologicheskoy ekspeditsii). *Soobshchenia Gosudarstvennogo Ermitazha* (54). Leningrad, 43—46.
Yanina S. A. 1970. Monety Zolotoy Ordy iz raskopok i sborov Povolzhskoy arkheologicheskoy ekspeditsii na Tsarevskom gorodishche v 1959—1962 gg. V kn.: *Povolzhye v Srednie Veka.* Moskva: Nauka, 194—218.

N. D. Russev. **John III the Terrible's Coins — Evidence of International Relations of Moldavia in 1550—1600.**

Barbaro I. 1971. Puteshestvie v Tanu. In: *Barbaro i Contarini o Rossii. K istorii italo-russkikh svyazey v XV v.* Leningrad: Nauka.
Berov L. 1976. *Dvizhenie na tsenite na Balkanite prez XV—XIX vek i evropeyskata revolyutsia na tsenite*. Sofia: Izd-vo na BAN.
Birnea P. P., Russev N. D. 1999. Monety srednevekovoy Moldavii (Istoriko-numizmaticheskie ocherki). *Stratum plus*. № 6: Vremya deneg, 176—262.
DSO 1982. Abyzova E. N., Birnea P. P., Nudelman A. A. *Drevnosti Starogo Orheya. Moldavskiy period.* Kishinev: Stiinta.
Foucault M. 1994. *Slova i veshchi. Arkheologia gumanitarnykh nauk.* Sankt-Peterburg:A-cad.
Goretskiy L. 1890. Opisanie voyny Ivonii, gospodarya voloshskogo (1574) In: Antonovich V. (red.). *Memuary, otnosyashchiesya k istorii yuzhnoy Rusi.* Vyp. I (XVI st.). Kiev, 89—136.
Grigore Ureche. 1971. Letopisetsul Tarii Moldovei. Chisinau: Cartea moldoveneasca.
Hasdeu B. P. 1989. *Ion-Voevoda Lyuty*. Kishinev: Literatura artistica.
IS 1965. *Istoricheskie svyazi narodov SSSR i Rumynii v XV — nachale XVIII v.* Dokumenty i materialy v trekh tomakh. T. I (1408—1632). Moskva: Nauka.
Kharitonov H. 1998. *Entsiklopedia numizmatika. Monetite na Evropa v Blgaria XV—XVIII vek.* Veliko Trnovo: Abagar.
Mokhov N. A. 1964. *Moldavia epokhi feodalizma (Ot drevneyshikh vremen do nachala XIX veka).* Kishinev: Cartea moldoveneasca.
OVIMK 1987. *Ocherki vneshnepoliticheskoy istorii Moldavskogo knyazhestva (Poslednyaya tret XIV — nachalo XIX v.*). Kishinev: Shtiinca.
Russev E. M. 1982. *Moldavskoe letopisanie — pamyatnik feodalnoy ideologii*. Kishinev: Stiinta.
SML 1976. *Slavyano-moldavskie letopisi XV—XVI vv.* Moskva: Nauka.
SN 1993. Fengler H., Girow G., Unger V. *Slovar numizmata*. Moskva: Radio i svyaz.
Speralskiy Z. 2001. *Moldavskie avantyury*. Balti.
Veselovskiy I. N., Bely Yu. A. 1974. *Nikolay Kopernik (1473—1543).* Moskva: Nauka.
Zaipt F. 2007. *Osnovavaneto na Evropa. Ocherk za poslednite hilyada godini*. Sofia

G. G. Atanasov. **Rocky Cult Center of Zalmoxis on the Taban River in Southern Dobrogea.**

Angelova St. 2003. Etnicheskiyat sstav na naselenieto na rannovizantiyskiyat Dorostol prez VI—VII v. *Studia Archaeologica,* I.
Angelova St., Koleva R. 2000. Arkheologicheski danni za rannoto slavyansko zaselvane v Blgarija. *GSU — IF* (2).
Anna Komnina. 1965. *Aleksiada.* (Tekst i kommentariy A.

A. Lyubarskogo). Moskva.
Atanasov G. 1987. Km istoricheskata geografiya na Yuzhna Dobrudzha. *Dobrudzha,* 4.
Atanasov G. 1996. Etnodemografski i etnokulturni promeni po Dobrudzhanskoto chernomorie prez srednovekovieto. *IPr* (2).
Atanasov G. 2000. Za lichnostta, mchenicheskata smrt i moshchite na Sv. Dasiy Dorostolski (20 noemvri 303 g.). *Dukhovna kultura* (11).
Atanasov G. 2004. *Skalni kultovi pametnitsi v Dobrudzha. Svetilishcha, khramove, manastiri.* Silistra.
Atanasov G. 2007a. *Ayazma Ruyno. Kultov tsentr ot tri khiliyadoletiya na tri religii*. Silistra.
Atanasov G. 2007b. *Khristiyanskiyat Durostorum-Drstr. Dorostolskata eparkhia prez Ksnata antichnost i Srednovekovieto. Istoria, arkheologija, kultura, izkustvo.* Varna; Veliko Trnovo.
Atanasov G. 2008. *Religioznite pametnitsi na Dobrudzha*. Silistra.
Atanasov G. i dr. 1994. *Istoria na Alfatar*. Varna.
Diogen Laertskiy. 1979. *O zhizni, ucheniakh i izrecheniakh znamenitykh filosofov*. Moskva.
Dobrudzha 1978. *Dobrudzha. Etnografski, folklorni i ezikovi prouchvaniya*. Sofia.
Fol V. 1990. *Skalata, konyat i ognyat. Rannata trakiyska obrednost*. Sofia.
Fol V. 2000. *Megalitni i skalno izsecheni pametnitsi v Drevna Trakia*. Sofia.
GB 1989. *Geografia na Blgarija*. Sofia.
Georgiev Vl. 1977. *Trakite i tekhnia ezik.* Sofia.
Gergova D. 2004. *Sboryanovo. Svyashchennaya zemlya getov*. Sofia.
Katsarov D., Dechev D. 1939. *Izvori za starata istoria na Trakia i Makedonia.* Sofia.
Kraev G. 1996. *Blgarski maskaradni igri.* Sofia.
Marazov. Iv. 1983. Kultt km mechkata v drevna Trakia. *Izkustvo,* 4.
Mikov V. 1933. Praistoricheski selishcha i nakhodki v Blgaria. *Materiali za arkheologicheskata karta na Blgarija,* VII.
MNM 1982. *Mify narodov mira.* T. 2. Moskva.
Naydenova V. 1980. Skalnite svetilishcha v Trakia. In: *Poselishchni prouchvania v Trakia.* Yambol.
Popov D. 1989. Zalmoksis. *Religia i obshchestvo na trakite*. Sofia.
Popov D. 1995. *Bogt s mnogoto imena*. Sofia.
Porfiriy 1979. Zhizn Pifagora. In: Diogen Laertskiy. *O zhizni, ucheniakh i izrecheniakh znamenitykh filosofov.* Moskva.
Rashev R. 2008. *Blgarskata ezicheska kultura VII—IX vek*. Sofia.
Simeonova L. 1985. Zhitiyata na Daziy i martsianopolskite mchenitsi kato izvor za istoriata na getskite zemi prez kdnata antichnost. In: *Severoiztochna Blgaria. Drevnost i svremie*. Sofia.
Stoev Al. 1990. Trakiyskoto skalno svetilishche "Belintash" kray s. Mostovo, Plovdivski okrg — model na drevna slncheva observatiria. *Interdistsiplinarni izsledvania*, XVII.
Torbatov S. 2004. Neizvestno trakiysko skalno svetilishche v Yuzhna Dobrudzha. *Arkheologia* (1—2).
Tpkova-Zaimova V. 1960. Svedenia za srednovekovni kukerski igri v Silistrensko. In: *Ezikovedsko-etnografski izsledvania v pamet na ak. St. Romanski*. Sofia.
Tsvetkova B. 1975. *Frenski ptepisi za Balkanite*. T. 1. (= Ptepisi za Balkanite, T. 1). Sofia.
Venedikov Iv. 1983a. *Mednoto gumno na prablgarite*. Sofia.
Venedikov Iv. 1983b. Nov aspekt na kulta km Zalmoksis. *Izkustvo* (4).
Yordanov K. 1984. Getika: drzhava i obshchestvo. *Izkustvo* (4).

O. O. Radzihovska. **The mouth of the Danube in the old portolans.**

Bagrov L. 2004. *Istoria kartografii*. Moskva: Tsentrpoligraf.
Chernyakov I. T. 1997. Lokalizatsia Nikoniya na srednevekovykh kartakh (K. Ptolemeya, 1477, G. Merkatora, 1589, I. Haase, 1763). In: *Nikoniy i antichny mir Severnogo Prichernomorya*. Odessa, 80—86
Fadeeva T. M., Shaposhnikov A. K. 2005. *Knyazhestvo Feodoro i ego knyazya*. Simferopol: Biznes-Inform.
Kulakovskiy Yu. 1899. *Karta Evropeyskoy Sarmatii po Ptolemeyu*. Kiev.
Neznamov P. A. 1930. *Portolany Alupkinskogo gosudarstvennogo istoriko-bytovogo muzeya*. Yalta.
Petrescu I. G. 1963. *Delta Dunaya*. Moskva.

Iu. V. Stepanova. **Ethnographical Material for the Study of Early Russian Female Costume in the Upper Volga Area.**

Dashkova I. A., Dvornikov A. S., Khokhlov A. N. 2003. Predvaritelnye itogi issledovania kompleksa drevnerusskikh pamyatnikov u dereven Kholmovo Sukhodol v 1985—1987 godakh. In: Arslanova F. H. (otv. red.). *Arkheologicheskie issledovania v Verkhnevolzhye*. Tver: TvGU, 89—142.
Engovatova A. V., Orfinskaya O. V., Golikov V. P. 2005. Issledovanie zolototkanykh tekstilnykh izdeliy iz nekropoley Dmitrovskogo kremlya. In: Makarov N. A., Chernetsov A. V. (otv. red.). *Rus v IX—XIV vekakh: vzaimodeystvie Severa i Yuga*. Moskva: Nauka, 176—196.
Grinkova N. P. 1936. Rodovye perezhitki, svyazannye s razdeleniem po polu i vozrastu. *Sovetskaya etnografia* (2). Moskva: Nauka, 21—54.
Kalmykova L. E. 1995. *Narodnoe iskusstvo Tverskoy zemli*. Tver: RIF LTD.
Komarov K. I. 2002. Raskopki kurgannogo mogilnika u d. Pleshkovo Tverskoy oblasti. In: Sedov V. V. (otv. red.). *Arkheologicheskie statyi i materialy: Sbornik uchastnikov Velikoy Otechestvennoy voyny.* Tula: Grif i K, 141—189.
Kravchenko T. A. 1974. Shatrishchenskiy mogilnik (po raskopkam 1966—1969 gg.). In: Mongait A. L. (otv. red.). *Arkheologia Ryazanskoy zemli*. Moskva: Nauka, 116—183.
Lebedeva S. N. 2003. Proshloe i nastoyashchee tverskogo narodnogo kostyuma. In: *Sovremennye problemy razvitia gumanitarnoy nauki po rezultatam regionalnogo konkursa 2003 goda «Tsentralnaya Rossia: proshloe, nastoyashchee, budushchee»*. Tver: Znanie, 39—40.
Maslova G. S. 1987. Odezhda. In: Bromley Yu. V. (otv. red.). *Etnografia vostochnykh slavyan. Ocherki traditsionnoy kultury*. Moskva: Nauka, 259—291.
Rabinovich M. G. 1986. Drevnerusskaya odezhda IX—XIII vv. In: Rabinovich M. G. (otv. red.). *Drevnyaya odezhda narodov Vostochnoy Evropy*. Moskva: Nauka, 40—61.
Russkie. Istoriko-etnograficheskiy atlas. 1986. Moskva: Nauka.
Saburova M. A. 1988. Pogrebalnaya drevnerusskaya odezhda i nekotorye voprosy ee tipologii. In: Timoshchuk B. A. (otv. red.). *Drevnosti slavyan i Rusi*. Moskva: Nauka, 266—272.
Saburova M. A., Elkina A. K. 1991. Detali drevnerusskoy odezhdy po materialam nekropolya g. Suzdalya. In:

Materialy po srednevekovoy arkheologii Severo-Vostochnoy Rusi. Moskva: IA AN SSSR, 53—112.
Schmidt E. A. 1957. Kurgany XI—XIII vv. u d. Kharlapovo v Smolenskom Podneprovye. In: *Materialy po izucheniyu Smolenskoy oblasti*. Smolensk: Smolenskoe knizhnoe izdatelstvo, 184—281.
Sedov V. V. 1982. *Vostochnye slavyane v VI—XIII vv.* Arkheologia SSSR. Moskva: Nauka.
Sedov V. V. 1994. *Ocherki po arkheologii slavyan*. Moskva: Nauka.
Sosnina N., Shangina I. 1998. *Russkiy traditsionny kostyum. Entsiklopedia.* Sankt-Peterburg.
Stepanova Yu. V. 2005. Elementy drevnerusskogo kostyjuma po pismennym istochnikam XII—XV vv. i dannye arkheologii. In: Konyavskaya E. L. (otv. red.). *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki*. № 3 (21). Moskva: RFK-Imidzh Lab, 96—97.
Vershinskiy A. N. 1913. *Materialy po istorii drevnerusskikh odezhd.* Staritsa.
Zelenin D. K. 1991. *Vostochnoslavyanskaya etnografia*. Moskva: Nauka.

N. V. Zhilina. **Archaic headgear (archaeology, ethnology, folk art).**

Agapov A. S., Saracheva T. G. 1997. O sposobakh nosheniya visochnykh kolets. *RA* (1), 99—108.
Albom Meyerberga. Vidy i bytovye kartiny Rossii XVII v. 1903. Sankt-Peterburg.
Deshpande O. 2004. *Indiyskaya miniatyura*. Sankt-Peterburg: Avrora; Kaliningrad: Yantarny skaz.
Finno-ugry i balty v epokhu srednevekovya. 1987. Rybakov B. A. (otv. red.). Arkheologia SSSR. Moskva: Nauka.
Gavritukhin I. O., Oblomskiy A. M. 1996. *Gaponovskiy klad i ego kulturno-istoricheskiy kontekst*. Ranneslavyanskij mir 3. Moskva: Institut arkheologii RAN, Kurskiy oblastnoy arkheologicheskiy muzey.
Grinkova N. P. 1955. Visochnye ukrashenia v russkom narodnom zhenskom kostyume. *Sbornik MAE*. T. XVI. Moskva; Leningrad: Nauka, 24—40.
Grishakov V. V., Zeleneev Yu. A. 1999. Muroma. In: M. G. Ivanova (otv. red.); *Finno-ugry Povolzhya i Priuralya v srednie veka*. Izhevsk: Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury, Mariyskiy nauchno-issledovatelskiy institut yazyka, literatury i istorii, 89—118.
Kalashnikova N. M. 2002. *Narodny kostyum*. Moskva: SVAROG I K.
Khvoyko V. V. 1904. Raskopki mogilnika pri s. Brovarki Gadyachskogo uezda Poltavskoy gub. In: *Drevnosti* XX, 2. Moskva, 40—48.
Levasheva V. P. 1968. Venchiki zhenskogo golovnogo ubora iz kurganov X—XII vv. In: Krupnov E. I. (otv. red.) *Slavyane i Rus*. Moskva: Nauka, 91—97.
Levinson-Nechaeva M. N. 1959. Tkachestvo v russkoy derevne X—XIII vv. po dannym arkheologicheskikh raskopok. *Trudy GIM*. 33. Moskva: Gosudarstvenny istoricheskiy muzey, 9—37.
Melnik E. N. 1901. Raskopki v zemle Luchan, proizvedennye v 1897—1898 gg. *Trudy XI AS v Kieve*. T. I. Kiev, 479—576.
Moiseenko E., Faleeva V. 1990. *Biser i steklyarus v Rossii XVIII — nachalo XX veka*. Leningrad: Khudozhnik RSFSR.
Radoykovich. B. 1969. *Nakit Kot Srba*. Beograd: Muzey primenyene umetnosti.
Rodinkova V. E. 2008. Sistema zhenskogo rannesrednevekovogo ubora Srednego Podneprovya (retrospektivny analiz) In: Gavritukhin I. O., Oblomskiy A. M. (otv. red.). *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletia n. e. Ranneslavyanskiy mir* 9. Gl. 7. Moskva: Institut arkheologii RAN, 358—388.
Saburova M. A. 1974. Zhenskiy golovnoy ubor u slavyan (po materialam Vologodskoy ekspeditsii). *SA.* (2), 85—97.
Saburova M. A. 1997. Drevnerusskiy kostyum. In: Rybakov B. A. (otv. red.). Arkheologia. Byt i kultura. Gl. 4. Moskva: Nauka, 93—109.
Samokvasov D. Ya. 1915. *Dnevnik raskopok v okrestnostyakh s. Gocheva Oboyanskogo u. Kurskoy gub., proizvedennykh v 1909 g*. Moskva.
Sedov V. V. 1982. *Vostochnye slavyane v VI—XIII vv*. Arkheologia SSSR. Moskva: Nauka.
Sedov V. V. 1994. *Ocherki po arkheologii slavyan*. Moskva: Institut arkheologii RAN.
Shpilev A. G. 2005—2009. Ob odnom tipe pogrebalnykh golovnykh uborov u yuzhnykh severyan v kontse X—XI vv. *Stratum plus* 5, 338—351.
Slavyane Evropy i narody Rossii. K 140 letiyu pervoy etnograficheskoy vystavki 1867 goda. 2008. Sankt-Peterburg: Rossiyskiy etnograficheskiy muzey.
Sobranie risunkov k puteshestviyu Meierberga. 1827. Sankt-Peterburg.
Sokrovishchnitsa mira. Yuvelirnoe iskusstvo Indii v epokhu Velikikh Mogolov. Kollektsia As-Sabah. 2009. Manuel Kin, Salam Kaukji. Natsionalny muzey Kuwaita; Thames & Hudson.
Sosnina N., Shangina I. 1999. *Russkiy traditsionny kostyum. Illyustrirovannaya entsiklopedia.* Sankt-Peterburg: Iskusstvo SPB.
Stepanova Yu. V. 2009. *Drevnerusskiy pogrebalny kostyum Verkhnevolzhya*. Tver: Tverskoy gosudarstvenny universitet.
Volkajte-Kuliskauskene R. K. 1986. Odezhda litovtsev s drevneyshikh vremen do XVII v. In: M. G. Rabinovich (otv. red.). *Drevnyaya odezhda narodov Vostochnoy Evropy*. Moskva: Nauka, 146—171.
Volkov F. L. 1916. Etnograficheskie osobennosti ukrainskogo naroda In: Volkov F. K., Grushevskiy M. S, Kovalevskiy M. M. (pod red.). Ukrainskiy narod v ego proshlom i nastoyashchem. T. II. Petrograd, 455—647.
Weis G. 2000. Istoria tsivilizatsii. Moskva: EKSMO-PRESS.
Zelenin D. K. 1991. *Vostochnoslavyanskaya etnografia*. Moskva: Glavnaya redaktsia vostochnoy literatury.
Zhilina N. V. 2001. Rekonstruktsia metallicheskogo ubora po kladam vtoroy poloviny XI — nachala XII vv. s territorii krivichey i sloven. *Arkheologia i istoria Pskova i Pskovskoy zemli*. Materialy nauchnogo seminara za 2000 god. Pskov, 192—206.
Zhilina N. V. 2006. Shumyashchie ukrashenia v slavyano-russkom ubore. In: *Integratsia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy. Sbornik nauchnykh trudov*. Tomilov N. A. (gl. red.), Berezhnova M. L. (otv. red.). Krasnoyarsk; Omsk: Omskiy filial Instituta arkheologii SO RAN, 194—199.

O. V. Kuz'mina. **"He will put on red, dark red and purple clothes" (early Russian upper clothing of men in 14 —15 cc.).**

Dahl V. I. 1994. *O poveriakh, sueveriakh i predrassudkakh russkogo naroda*. Sankt-Peterburg: Litera.
Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udelnykh knyazey XIV—XVI vv. 1950. Moskva; Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR.
Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova. 1949. Moskva; Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR.
Herberstein S. 1988. *Zapiski o Moskovii*. Moskva: Moskovskiy gosudarstvenny universitet.

Khozhdenie za tri morya Afanasia Nikitina. 2005. In: Maleto E. I. *Antologia khozhdeniy russkikh puteshestvennikov XII—XV veka.* Moskva: Nauka.

Letopis Avraamki. 2000. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. T. 16. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury.

Marasinova L. M. 1966. *Novye pskovskie gramoty XIV—XV vekov*. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta.

Maslova G. S. 1984. *Narodnaya odezhda v vostochnoslavyanskikh traditsionnykh obychayakh i obryadakh XIX — nachala XX v*. Moskva: Nauka.

Nikonovskaya letopis (Letopisny sbornik, imenuemy Patriarshey ili Nikonovskoy letopisyu). 2000. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. T. IX—XIV. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury.

Novgorodskaya XIV letopis. 2000. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey.* T. IV. Ch. 1. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury.

Olenin A. N. 1832. *Opyt ob odezhde, oruzhii, nravakh, obychayakh i stepeni prosveshchenia slovyan ot vremen Troyana i russkikh do nashestvia tatar.* Sankt-Peterburg: tipografia I. Glazunova.

Pamyatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava. (Pamyatniki XI—XV vv.). Ch. 1. 1880. In: *Rossiyskaya istoricheskaya biblioteka*. T. VI. Sankt-Peterburg: Arkheograficheskaya komissia.

Poppe A. Istoria drevnerusskoy tkani i odezhdy. Votola. 1965. In: «*Acta balticj-slavica*». T. 2. Bialostok.

Russkiy traditsionny kostyum. 2001. Sankt-Peterburg: Iskusstvo.

Russko-livonskie akty, sobrannye K. E. Napyerskim. 1868. Sankt-Peterburg: Arkheograficheskaya komissia.

Squires E. R., Ferdinand S. N. 2002. *Ganza i Novgorod. Yazykovye aspekty istoricheskikh kontaktov*. Moskva: Indrik.

Sreznevskiy I. I. 1912. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka.* T. 3. Sankt-Peterburg: Izdanie Otdelenia russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk.

Yolkina I. I. 2000. Tekstilnye izdelia iz grobnitsy prepodobnogo Nikity Stolpnika Pereslavskogo. In: *Tezisy dokladov II regionalnoy konferentsii po istorii Moskovskoy oblasti, posvyashchennoy 70 letiyu Moskovskogo pedagogicheskogo universiteta.* Moskva.

Zaliznyak A. A. 2004. *Drevnenovgorodskiy dialekt*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury.

A. E. Zhabreva. **Reprinting as a Way to Save a Source (a case study of the Project "The Peoples of Russia").**

Breton Zh. B. 2007. *Rossia, ili Nravy, obychai i kostyumy zhiteley vsekh provintsiy etoy imperii.* Per. s fr. N. Dobrobabenko. Moskva: RUSAL. (Proekt «Narody Rossii»).

Chabrov G. N. 1957. *Vostochnye okrainy Rossii v russkom izobrazitelnom iskusstve XVIII veka*. Tashkent: Izd-vo SAGU.

Georgi I. G. 1774—1776. *Otkryvaemaya Rossia, ili Sobranie odezhd vsekh narodov v Rossiyskoy imperii obretayushchikhsya.* Vyp. 1—10. Sankt-Peterburg.

Georgi I. G. 1776—1777. *Opisanie vsekh v Rossiyskom gosudarstve obitayushchikh narodov, tak zhe ikh zhiteyskikh obryadov, ver, obyknoveniy, zhilishch, odezhd i prochikh dostopamyatnostey: per. s nem.* Ch. 1—3. Sankt-Peterburg: izhdiveniem knigoprodavtsa K. V. Millera.

Georgi I. G. 1795—1796. *Opisanie obitayushchikh, v Rossiyskom gosudarstve, narodov, tak zhe ikh zhiteyskikh obryadov, ver, obyknoveniy, zhilishch, odezhd i prochikh dostoynopamyatnostey.* Ch. 1—2. Sankt-Peterburg: Izhdiveniem knigoprodavtsa Ivana Glazunova.

Georgi I. G. 1799. *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiyskom Gosudarstve narodov, ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey <…>: V 4 h chastyakh: So 100 gravirovannymi izobrazheniyami narodov i 8 vinyetami.* Sankt-Peterburg: Izhdiveniem knigoprodavtsa Ivana Glazunova.

Georgi I. G. 2007. *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov, ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey.* Moskva: RUSAL (Proekt «Narody Rossii»).

Goncharova N. N. 1987. *E. I. Korneev: iz istorii russkoy grafiki nachala 19 v.* Moskva: Iskusstvo.

Komelova G. N. 1961. *Stseny russkoy narodnoy zhizni kontsa XVIII — nachala XIX vekov po gravyuram iz sobrania Gosudarstvennogo Ermitazha*. Leningrad: Izd-vo Gos. Ermitazha.

Opisanie 1810. *Opisanie v litsakh torzhestva, proiskhodivshego v 1626 godu fevralya 5, pri brakosochetanii gosudarya tsarya i velikogo knyazya Mikhaila Feodorovicha s gosudaryneyu tsaritseyu Evdokieyu Lukyanovnoyu iz roda Streshnevykh.* Moskva: v tipografii Platona Beketova.

[Pauli G.-T.] 1902. In: Polovtsev A. A. (red.) *Russkiy biograficheskiy slovar.* T. 13. Sankt-Peterburg: Imp. Rus. ist. obshch-vo, 339—401.

Pauli G. -T. 2007. *Etnograficheskoe opisanie narodov Rossii.* Per. s fr. A. Moroza. Moskva: RUSAL. (Proekt «Narody Rossii»).

Rehberg K. 2007. *Narody Rossii, ili Opisanie nravov, obychaev i kostyumov razlichnykh natsionalnostey Rossiyskoy imperii.* Per. s fr. Z. Bado, A. Moroza. Moskva: RUSAL. (Proekt «Narody Rossii»).

Renet E. 2002. Khudozhnik ser Robert Kerr Porter v Rossii. *Nashe nasledie*, 63—64, 151—163.

Rovinskiy D. A. 1882. *Dostovernye portrety moskovskikh gosudarey Ivana III, Vasilia Ivanovicha i Ivana IV Groznogo i posolstva ikh vremeni.* Sankt-Peterburg: pechatano v Ekspeditsii zagotovlenia gos. bumag.

Rovinskiy D. A. 1895. *Podrobny slovar russkikh graverov XVI—XIX vv.* T. 1—2. Sankt-Peterburg: Tip. Akad. nauk.

Stanyukovich T. V. 1978. *Etnograficheskaya nauka i muzei*: (Po materialam etnogr. muzeev Akademii nauk). Leningrad: Nauka. Leningr. otd.

Tokarev S. A. 1966. *Istoria russkoy etnografii: (Dooktyabrskiy period).* Moskva: Nauka.

I. F. Grek. **Anthroponymy of Transdanubian Settlers (1770 — early 1800).**

Atanasov G. 2009. *Dobrudzhanskoto despotstvo.* Veliko Trnovo.

Atanasov S. 1958. *Selskite vstaniya v Blgaria v kraya na XVIII v. i szdavaneto na blgarskata zemska voyska*. Sofia.

Berg L. S. 1919. *Naselenie Bessarabii.* Petrograd.

Bulgar S. 2008. *Istoria goroda Komrata*. Kishinev.

Dimitrov Str. 1995. Gagauzkiyat problem. In: *Blgarite v Severnoto Prichernomorie.* T. 4. Veliko Trnovo, 147—168.

Dimitrov Str. 1996. Oshche edno mnenie za imeto «gagauzi». In: *Blgarite v Severnoto Prichernomorie.* T. 5. Veliko Trnovo, 199—219.

Doynov S. 1979. *Blgarskoto natsionalnoosvoboditelno dvizhenie 1806—1812*. Sofia.

Dron I. V. 1992. *Gagauzskie geograficheskie nazvania.*

Kishinev.
Dron I. V., Kuroglo S. S. *Sovremennaya gagauzskaya toponimia i antroponimia*. Kishinev.
Gaydarzhi G. A., Coltsa E. K. *Gagauzsko-russko-moldavskiy slovar*. Moskva.
Grek I. F. 1976. O proektakh planov ustroystva vykhodtsev iz-za Dunaya na polozhenii kazachyikh voysk na yuge Rossii v kontse XVIII — nachale XIX v. *Izv. AN MSSR. Ser. obshchestv. nauk* (3), 46—54.
Grek I. 2003. *Bolgary Moldovy i Ukrainy: vtoraya polovina XVIII v. — 1995 g.* (Bibliograficheskiy ukazatel literatury). Kishinev.
Grek I., Chervenkov N. *Blgarite ot Ukraina i Moldova. Minalo i nastoyashchee*. Sofija.
Grosul G., Danilenko R. 1962. Dokumenty ob uchastii volonterov Dunayskikh knyazhestv i Balkanskogo poluostrova v russko-turetskoy voyne 1806—1812 gg. *Trudy TsGA MSSR*. T. 1. Kishinev, 120—136.
Guboglo M. N. 1973. Gagauzskaya antroponimia kak etnogeneticheskiy istochnik *Sovetskaya tyurkologia* (2). Baku, 84–92.
Kara N. V. 1999. Iz istorii antroponimii bessarabskikh bolgar serediny XIX veka. In: *Istoria i kultura bolgar i gagauzov Moldovy i Ukrainy*. Kishinev, 239—245.
Karanastas-Radova O. K. 2001. *Gagauzy v sostave zadunayskikh pereselentsev i ikh poselenia v Budzhake (konets XVIII — pervaya chetvert XIX vv.)*. Kishinev.
Kazakov N. I. 1955. M. I. Kutuzov i natsionalno-osvoboditelnoe dvizhenie narodov Balkan v period russko-turetskoy voyny 1806—1812 gg. In: *Polkovodets Kutuzov*. Moskva, 141—174.
Khaydarly D. 2007. Yug Pruto-Dnestrovskogo mezhdurechya v XVIII — nachale XIX vv.: etno-migratsionnye aspekty. In: *Kursom razvivayushcheysya Moldovy* 2. Moskva, 480—496.
Khaydarly D. I. 2008. *Naselenie Pruto-Dnestrovskogo mezhdurechya i yuzhnykh rayonov levoberezhya Dnestra v XVIII v. Etnodemograficheskie i istoricheskie aspekty.* Kishinev.
Kolesnik V. 2001. *Evgenovka (Arsa). Onomastika. Govor. Slovar*. Odessa.
Konobeev V D. 1958. Russko-bolgarskie otnoshenia v 1806—1812 gg. In: *Iz istorii russko-bolgarskikh otnosheniy*. Moskva, 194—291.
Kryzhanovskaya K. P., Russev E. M. (sost.). 1957. *Ustroystvo zadunayskikh pereselentsev i deyatelnost A. P. Yushnevskogo.* Sb. dok. Kishinev.
Kryzhanovskaya K. P., Russev E. M. 1961. O nekotorykh formakh klassovoy borby zadunayskikh pereselentsev v Bessarabii v pervye desyatiletia XIX veka. *Izv. MF AN SSSR*(2), 27—37.
Kvilinkova E. N. 2007. *Traditsionnaya dukhovnaya kultura gagauzov: etnoregionalnye osobennosti*. Kishinev.
Meshcheryuk I. I. 1950. Bolgarskie i gagauzskie poselenia Bessarabii v 10-h gg. XIX stoletia. *Uchen. zap. KGU. Gumanitarnye nauki*, 73—87.
Meshcheryuk I. I. 1953. Pervoe massovoe pereselenie bolgar i gagauzov v Bessarabiyu v nachale XIX veka. *Izv. MF AN SSSR* (3–4), 65—97.
Meshcheryuk I. I. *Antikrepostnicheskaya borba gagauzov i bolgar Bessarabii v 1812—1820 gg.* Kishinev.
Miletich L. 1902. *Staroto blgarsko naselenie v Severoiztochna Blgaria*. Sofia.
Moshkov V. A. 2005. *Turetskie plemena na Balkanskom poluostrove.* Kishinev.
Nikoglo D. 2004. *Sistema pitania gagauzov v XIX — nachale XX v.* Kishinev.
Pindikova G. 2006. *Blgarskite zemi ot drevnostta do nashi dni v atlasi, karti, gravyuri i knigi ot kolektsiyata na d-r Simeon Simov.* Sofia.
Polevoy L. L. 1979. *Ocherki istoricheskoy geografii Moldavii XIII—XIV vv.* Kishinev.
Skalkovskiy A. 1848. *Bolgarskie kolonii v Bessarabii i Novorossiyskom krae.* Odessa.
Soroceanu E. S. 2006. *Gagauzskaya kalendarnaya obryadnost.* Kishinev.
Stati V. Moldavane. *Istoricheskoe i etnopoliticheskoe issledovanie*. Kishinev.
Zanetov G. 1902. *Blgarskoto naselenie v srednite vekove.* Russe.

Требования к материалам,
предоставляемым в редакцию журнала «Stratum plus»

Stratum plus — международный научный журнал, посвященный актуальным проблемам археологии и культурной антропологии. Публикуемые материалы — результаты аналитических исследований, интерпретации, качественная публикация новых источников. Помимо материалов по археологии и культурной антропологии принимаются к публикации материалы по древней и средневековой истории, этнологии, нумизматике, эпиграфике и другим вспомогательным историческим дисциплинам.

Журнал выходит на русском языке. Все публикации рецензируются и содержат резюме на английском и русском языках, а также на государственном языке Республики Молдова.

Адрес: MD-2024, Республика Молдова,
Кишинев, ул. Зимбрулуй 10а.
Университет Высшая Антропологическая Школа
Журнал *Stratum plus*
Тел./факс: (+373 22) 92 66 63
E-mail для авторов: stratumplus@gmail.com
Web: www.ant.md/stratum **E-shop:** www.e-anthropology.com

***Stratum plus* выходит шесть раз в год по единому издательскому плану:**

№	Тематика номера	Материалы принимаются не позднее:	Время выхода номера
1-й номер	Палеолит. Мезолит	1 ноября	январь—февраль
2-й номер	Неолит. Энеолит. Бронзовый век	1 декабря	марта — прель
3-й номер	Ранний железный век. Античная эпоха	1 января	май—июнь
4-й номер	Римское время. Эпоха великого переселения народов	1 февраля	июль—август
5-й номер	Средние века	1 марта	сентябрь—октябрь
6-й номер	Нумизматика и эпиграфика	1 апреля	ноябрь—декабрь

Материалы, поступившие в редакцию после указанной даты, могут рассчитывать на выход в соответствующем тематическом номере следующего годового цикла.

Требования к авторам

При подготовке работ к публикации в журнале Stratum plus следует строго выполнять следующие редакционные требования:

Оригинальность

К публикации допускаются оригинальные, не публиковавшиеся ранее материалы. Автор материала обязан проинформировать редактора номера, если он посылает статью одновременно в несколько изданий или в печати находится измененная версия той же статьи, а также о том, в каких печатных изданиях ранее публиковались данные материалы.

Материалы на других языках принимаются для перевода и публикации в журнале на русском языке по согласованию с редактором номера.

Научная этика

- Stratum plus не печатает статьи о материалах, которые могут считаться похищенными.
- Редакция журнала следует закону об авторском праве Республики Молдова и соответствующим международным соглашениям.
- Автор вправе свободно распоряжаться опубликованным материалом и переиздавать его в любых других изданиях. Однако он должен делать это, не нарушая исключительных прав журнала Stratum plus, указывая место первой публикации материала.
- Stratum plus может предоставить право третьей стороне на переиздание, в случае, если получено разрешение от автора соответствующего материала. Если же автор отказывает третьей стороне, то редакция *Stratum plus* действует в соответствии с решением автора.
- Призываем всех авторов соблюдать научную корректность в работах, содержащих критику в адрес коллег. В противном случае редакция оставляет за собой право отклонить материал или исправить его стиль.

• Все материалы рассматриваются редколлегией журнала *Stratum plus* и отсылаются при необходимости минимум двум анонимным рецензентам. При этом основное внимание обращается на научную ценность статьи, ясность изложения и требования научной этики.

Структура подачи материалов:

Материалы предоставляются в завершенном виде, соблюдая следующие требования:

• Сопроводительное письмо в электронном виде, включающее полную контактную информацию об авторе (Ф. И. О., страна, город, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, почтовый и электронный адрес, контактные телефоны);

• Подтверждение. Автор присылает в бумажном или отсканированном виде подтверждение (в свободной форме) об оригинальности статьи/монографии с личной подписью;

• Название статьи/монографии;

• Ключевые слова или выражения (от 5 до 10 слов) на русском и английском языках;

• Резюме на русском и английском языках;

• Текст в электронном виде (в печатном виде текст высылается на адрес редакции — по желанию автора или по требованию редакции);

• Список использованной литературы (требования к оформлению см. ниже);

• Список подписей к иллюстрациям (на русском и **английском**[1] языках) ;

• Список используемых сокращений;

• Таблицы/диаграммы и исходные материалы (файлы), использованные для их построения;

• Если публикация требует специфического шрифта (для редких языков), необходимо приложить шрифт в виде файла (*.ttf или другой формат подобных файлов).

Технические требования

Текст

Материалы принимаются в форматах *.doc и *.rtf.

Объем

Монографии

Объем монографии, представляемой в журнал, вместе с иллюстрациями, заголовками к ним и списком литературы, не должен превышать половину объёма номера журнала, то есть 150 страниц. Для справки: в стандартную страницу нашего журнала умещается около 5000 знаков кириллицы (с пробелами, без заголовков и иллюстраций).

Статьи

Объем статьи/рецензии, представляемой в журнал, согласовывается с редактором номера.

Резюме

Объем резюме, представляемого в журнал, ограничивается 500 символов для статьи и до 2000 для монографии (с пробелами).

Иллюстрации

• Иллюстрации принимаются в растровом формате (оттенки серого) *.tif и *.jpg (без сжатия) с разрешением не менее 300 dpi (на реальный размер изображения) и в векторном формате (*.ai, *.eps, в исключительных случаях — *.cdr), а также на бумаге в контрастном чёрно-белом варианте. Фотографии контрастные.

• Необходимо приложить список иллюстраций в отдельном текстовом файле.

• Диаграммы должны быть оформлены в программах типа MS Excel. При этом обязательно вместе с диаграммами MS Excel предоставлять также таблицы, на основе которых они были выстроены.

• Если рисунок содержит номера или текст, они должны быть впечатаны в электронном виде, а не вписаны от руки.

• Список подписей к иллюстрациям даётся в конце текста статьи или монографии.

---

[1] список подписей на английском языке предоставляется для публикаций в номерах начиная с 2011 года.

Библиография и система ссылок

Настоятельно рекомендуем авторам, присылающим для публикации в журнал *Stratum plus* свои статьи и монографии, использовать нижеприведенные системы составления внутритекстовых ссылок и оформления библиографии.

В случае невыполнения данной рекомендации присланные материалы будут отсылаться обратно для доработки.

Оформление ссылок в тексте статьи:

(Govedarica 2004: 55 ff.).
(Вишняцкий 2005: 213, рис. 3)
(Тельнов и др. 2002: 28—29, рис. 6: 10, 12—19; 7: 5, 7, 16—22; 8: 2—5)
(НАРМ. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16)
(Herod. Hist. IV, 2)
(Быт. 2: 15)
(16 Пчелы, 142(141))

Оформление списка литературы:

Ссылка на книгу/монографию[1]:

Govedarica B. 2004. *Zeptertäger—Herrscher der Steppen. Die frühen Ockergräber des älteren Äneolithikums im karpatenbalkanischen Gebiet und im Steppenraum Sudost- und Osteuropas*. Mainz: Zabern.

Вишняцкий Л. Б. 2005. *Введение в преисторию: Проблемы антропогенеза и становление культуры*. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа.

Тельнов и др. 2002: Тельнов Н., Степанов В., Руссев Н., Рабинович А. 2002. …*Разошлись славяне по земле*. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа.

В том случае, если монография опубликована в одном из номеров продолжающегося издания, ее название приводится курсивом. Затем следует название и номер выпуска, набранные обычным шрифтом. Если название издания дается в сокращенном виде, тогда место издания не указывается, поскольку оно приводится в списке сокращений. Например:

Пассек Т. С. 1949. Периодизация трипольских поселений. *МИА* 10.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.

Ссылки на другие типы работ[2]:

Ссылка на сборник статей и материалы конференций:

Братченко С. Н., Константинеску Л. Ф. 1987. Александровский энеолитический могильник. В: Шапошникова О. Г. (отв. ред.). *Древнейшие скотоводы степей юга Украины*. Киев: Наукова думка, 17—31.

Angelova I. 1991. Chalcolithic Necropolis near the Town Tărgoviště. In: Lichardus J. (Hrsg.). *Kupferzeit als historische Epoche*. Bonn: Habelt, 101—105.

Auxiette G. 1995. La parure en schiste. In: Ilett M., Plateaux M. (dir.). *Le site néolithique de Berry-au-Bac „Le Chemin de la Pêcherie" (Aisne)*. Paris: CNRS éditions, 181—183.

Рындина и др. 1993: Рындина Н. В., Иденбаум Г. В., Колосова В. С. 1993. Сульфидные медные плавки в металлургии позднего энеолита Северо-Восточных Балкан. В: Georgieva P. (ed.). *The Fourth Millenium B.C.* Proceedings of the International Symposium, 28—30. August 1992, Nessebur, Bulgaria. Sofia: New Bulgarian University, 137—145.

Ссылка на раздел (главу) в томе многотомного издания:

Телегин Д. Я. 1985. Среднестоговская культура и памятники новоданиловского типа в Поднепровье и степном левобережье Украины. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 305—320.

Ссылка на статью в продолжающемся издании:

Мовша Т. Г., Чеботаренко Г. Ф. 1969. Энеолитическое курганное погребение у ст. Кайнары в Молдавии. *КСИА* 115, 45—49.

Кореневский С. Н. 1998. Поселение «Замок» у города Кисловодска (нижний слой). *МИИКН СК* 1, 96—147.

---

[1] Указание издательства обязательно.

[2] Указание издательства и страниц обязательно; для сборников статей необходимо указать редактора.

Amiot C. 1985. Un fragment de bracelet en schiste trouvé à Crenay (Haute-Marne). *Préhist. Protohist. Champ. Ard*. 9, 19—21.

Kaufmann D., Günther H. 1984. Ein Siedlung mit Gesichtsdarstellung der späten Stichbandkeramik von Heldrungen, Kr. Artern. *AuF* 29: 4, 153—160.

Ссылка на статью в периодическом издании:

Рунич А. П. 1967. Энеолитическое поселение близ Кисловодска. *СА* (1), 228—233.

Рассамакін Ю. Я., Будников О. Б. 1993. Проблеми раннього степового енеоліту у світлі вивчення нових пам'яток. *Археологія* (3), 128—142.

Ссылка на диссертацию

Свинцов В. И. 1997. *Логические основы редактирования текста*. Дисс…д-ра филол. наук. Москва.

Ссылка на автореферат

Пшеничная Т. А. 1984. *Русская техническая книга, 1725—1880 гг.* Автореф. дисс… канд. ист. наук. Москва.

Ссылка на интернет-ресурс

Бузина О. 2006. Миф о трипольском горшке. *Отрывки из «Тайной истории Украины»*: tabloid.1bs.ru/node/559.

Ссылка на архивные материалы

НАРМ. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16.

Дитлер П. А. 1962. *Отчет археологической экспедиции Адыгейского научно-исследовательского института, проведенной в 1962 году в Лабинском районе, бывшем Ярославском, Краснодарского края в пос. Колосовка на р. Фарс под руководством П. А. Дитлера*. Архив ИАРАН, № 2662.

Порядок работы с принимаемыми материалами

1. Авторы получают подтверждение о получении материала в редакцию (обычно по электронной почте).

2. Редактор принимает решение о соблюдении технических норм материала, его тематическом соответствии и необходимости его отсылки рецензентам (не менее чем двум).

3. В случае необходимости материал отсылают рецензентам, от которых поступает рецензия в срок не более месяца. В порядке исключения этот процесс может занять больше времени, так как может быть затруднен поиск соответствующего рецензента.

4. Редактор после получения рецензий принимает окончательное решение о публикации материала.

5. В течение месяца редакция сообщает автору о принятии или отклонении его материала (в последнем случае с объяснением причин, опираясь на заключения рецензентов), либо о необходимости доработок.

6. После того как материал принят в печать, внесение дополнений или изменений не допускается. Если автор желает внести изменения, материал может быть отложен до начала работы над следующим номером журнала.

7. Автор опубликованного материала получает авторский экземпляр журнала. Кроме того, предоставляется скидка в 30% от розничной стоимости журнала, в котором публиковался автор, и 10% от розничной цены любого другого номера журнала, выпущенного в текущем году.

Requirements to contributions to *Stratum plus*

Stratum plus is an international journal of archaeology and cultural anthropology. It aims to present results of analytical research, interpretations and new sources. Besides contributions on archaeology and cultural anthropology we also accept studies in early and medieval history, ethnology, numismatics, epigraphics and other historic disciplines.

The journal is published in the Russian language. All contributions are reviewed and supplied with abstracts in English, Russian and Moldova state language.

Address: MD-2024, Republic of Moldova,
Kishinev, Str. Zimbrului 10a.
High Anthropological School University
Stratum plus Journal
Tel./fax: (+373 22) 92 66 63
E-mail for contributions: stratumplus@gmail.com
Web: www.ant.md/stratum **E-shop:** www.e-anthropology.com

***Stratum plus* comes out six times following the schedule:**

	Subject	Paper submission deadlines	The issues comes out in
№ 1	Palaeolithic. Mesolithic	1 November	January—February
№ 2	Neolithic. Bronze Age	1 December	March—April
№ 3	Iron Age. Ancient Time	1 January	May—June
№ 4	Roman Time. The Migration Period	1 February	July—August
№ 5	Middle Ages	1 March	September—October
№ 6	Numismatics. Epigraphics	1 April	November—December

Any contribution received after the deadline can be published in the respective thematic volume in the following year.

Notes for Contributors

While preparing your contributions to *Stratum plus,* please following these publication rules:

Originality

We accept only original material that has not been published elsewhere. The contributor shall inform the editor if the same paper is submitted simultaneously elsewhere, or if a different version of the same paper is in press. As well, the contributor shall inform the editor where this material has been already published.

Contributions in other languages to be translated and published in the journal in the Russian language shall be negotiated with the editor of the respective volume.

Scholarly ethics

- *Stratum plus* does not publish articles about material which may be considered as looted.
- *Stratum plus* follows the Republic of Moldova law on copyright and the respective international conventions.
- Contributors shall be entitled to freely possess their published materials and republish it elsewhere. However, they shall not violate *Stratum plus* exclusive rights, and therefore shall be required to indicate the first publication of their materials.
- *Stratum plus* may offer the right to republication to a third party upon consent of the respective contributor. Should the contributor refuse, *Stratum plus* shall abide by the contributor's decision.
- We urge all contributors to observe scholarly ethics in papers that contain critics to their colleagues. Otherwise, the editors shall reserve the right to reject the material or correct its style.
- All contributions are examined by the *Stratum plus* editors and, if necessary, sent to at least two anonymous reviewers. The editors mainly focus on scholarly values of material, clarity of narration and ethic requirements.

Structure of contributions:

Materials shall be submitted in complete form, following these requirements:

- Cover letter in electronic form, including contributor's full contact details (name and surname, country, city, scholarly degree and title, place of work and position, mail and email addresses, contact telephone)

- Confirmation. Contributors shall send a signed statement (paper copy or a scanned document), in a deliberate form, confirming originality of the submitted article/monograph.
- Title of the article / monograph
- Key words (5 to 10 words) in Russian and English
- An abstract in Russian and English
- Text in electronic form (printed copy shall be sent subject to the contributor's own desire or editors' demand)
- List of references (see requirements below)
- List of subtitles to figures
- List of abbreviations
- Tables/graphs and original material (files), on which these are built
- If your material requires a specific font (for rare languages), the respective font file shall be submitted as well.

Technical requirements

Text

Contributions shall be accepted in *.doc and *.rtf formats.

Length

Monographs

A monograph submitted to the journal along with all its figures, subtitles to them and list of references shall not exceed one half of the volume's length, i.e. 150 pages. For your information: a standard page in our journal includes about 5,000 cyrillic characters (with spaces, without headlines and figures).

Articles

Length of an article/review shall be negotiated with the volume's editor.

Abstract

Length of an abstract shall be limited to 500 characters for an article and up to 2,000 characters for a monograph (with spaces).

Illustrations

- Illustrations shall be submitted in bit map (gray scale) *.tif and *.jpg (uncompressed) with resolution of no less than 300 dpi (to the real image size) and in vector format (*.ai, *.eps, in exceptional cases in *.cdr), as well as on paper in contrast black and white version. Photographs shall be high contrast.
- List of figures shall be submitted in a separate text file.
- Graphs shall be made in programs like MS Excel. Besides, please, attach the original tables to the MS Excel graphs.
- If an illustration contains numbers or a text, they must be inserted electronically (no manual work).
- List of titles to figures shall be given after the text of the article or monograph.

Bibliography and references

We insistently recommend the contributors of articles and monographs to use the following system of references in the text and list of references.

Contributions failing to follow this recommendation shall be sent back for improvements.

References in the text:

(Govedarica 2004: 55 ff.).
(Вишняцкий 2005: 213, рис. 3)
(Тельнов и др. 2002: 28—29, рис. 6: 10, 12—19; 7: 5, 7, 16—22; 8: 2—5)
(НАРМ. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16)
(Herod. Hist. IV, 2)
(Genes.2: 15)
(16 Bees, 142(141))

List of references:

Reference to a book /monograph[1]:

Govedarica B. 2004. *Zeptertäger—Herrscher der Steppen. Die frühen Ockergräber des älteren Äneolithikums im karpatenbalkanischen Gebiet und im Steppenraum Sudost- und Osteuropas*. Mainz: Zabern.

Вишняцкий Л. Б. 2005. *Введение в преисторию: Проблемы антропогенеза и становление культуры*. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа.

Тельнов и др. 2002: Тельнов Н., Степанов В., Руссев Н., Рабинович А. 2002. …*Разошлись славяне по земле*. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа.

If a monograph is published in one of the volumes of a continued publication, its title shall be indicated in italic, followed by the title and the number of the volume, in plain font. If the title is given in abridged form, place of publication shall not be indicated, because it is mentioned in the list of abbreviations. For example:

Пассек Т.С. 1949. Периодизация трипольских поселений. *МИА* 10.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва-Ленинград.

Other references[2]:

Reference to a collective volume and conference proceedings:

Братченко С. Н., Константинеску Л. Ф. 1987. Александровский энеолитический могильник. В: Шапошникова О. Г. (отв. ред.). *Древнейшие скотоводы степей юга Украины*. Киев: Наукова думка, 17—31.

Angelova I. 1991. Chalcolithic Necropolis near the Town Târgovişte. In: Lichardus J. (Hrsg.). *Kupferzeit als historische Epoche*. Bonn: Habelt, 101—105.

Auxiette G. 1995. La parure en schiste. In: Ilett M., Plateaux M. (dir.). *Le site néolithique de Berry-au-Bac „Le Chemin de la Pêcherie" (Aisne)*. Paris: CNRS éditions, 181—183.

Рындина и др. 1993: Рындина Н. В., Иденбаум Г. В., Колосова В. С. 1993. Сульфидные медные плавки в металлургии позднего энеолита Северо-Восточных Балкан. В: Georgieva P. (ed.). *The Fourth Millenium B.C.* Proceedings of the International Symposium, 28—30. August 1992, Nessebur, Bulgaria. Sofia: New Bulgarian University, 137—145.

Reference to a section (chapter) in a book published in many volumes:

Телегин Д. Я. 1985. Среднестоговская культура и памятники новоданиловского типа в Поднепровье и степном левобережье Украины. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 305—320.

Reference to an article in a serial publication:

Мовша Т. Г., Чеботаренко Г. Ф. 1969. Энеолитическое курганное погребение у ст. Кайнары в Молдавии. *КСИА* 115, 45—49.

Кореневский С. Н. 1998. Поселение «Замок» у города Кисловодска (нижний слой). *МИИКН СК* 1, 96—147.

Amiot C. 1985. Un fragment de bracelet en schiste trouvé à Crenay (Haute-Marne). *Préhist. Protohist. Champ. Ard*. 9, 19—21.

Kaufmann D., Günther H. 1984. Ein Siedlung mit Gesichtsdarstellung der späten Stichbandkeramik von Heldrungen, Kr. Artern. *AuF* 29: 4, 153—160.

Reference to an article in a periodical:

Рунич А.П. 1967. Энеолитическое поселение близ Кисловодска. СА (1), 228—233.

Рассамакін Ю.Я., Будников О.Б. 1993. Проблеми раннього степового енеоліту у світлі вивчення нових пам'яток. Археологія (3), 128-142.

Reference to a dissertation

Свинцов В. И. 1997. *Логические основы редактирования текста*. Дисс…д-ра филол. наук. Москва.

Reference to a dissertation abstract

Пшеничная Т. А. 1984. *Русская техническая книга, 1725-1880 гг.* Автореф. дисс…канд. ист. наук. Москва.

Reference to a web resource

Бузина О. 2006. Миф о трипольском горшке. *Отрывки из «Тайной истории Украины»*: tabloid.1bs.ru/node/559.

Reference to an archive

НАРМ. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л.15-16.

---

[1] It is mandatory to indicate the publisher.

[2] It is required to indicate the publisher and the number of pages; it is mandatory to indicate the editor in case of collective volumes.

Дитлер П.А. 1962. *Отчет археологической экспедиции Адыгейского научно-исследовательского института, проведенной в 1962 году в Лабинском районе, бывшем Ярославском, Краснодарского Края в пос. Колосовка на р. Фарс под руководством П.А. Дитлера*. Архив ИАРАН, № 2662.

Procedure for acceptance

1. Receipt of a contribution shall be confirmed to contributors (usually by email)

2. The editor shall decide whether or not the contribution corresponds to all technical and thematic requirements and whether to send it to reviewers (not less than two).

3. If necessary, the contribution shall be sent to reviewers, who are expected to give their feedback within a month. In exceptional cases, this procedure may take more than one month, if the appropriate reviewer is hard to find.

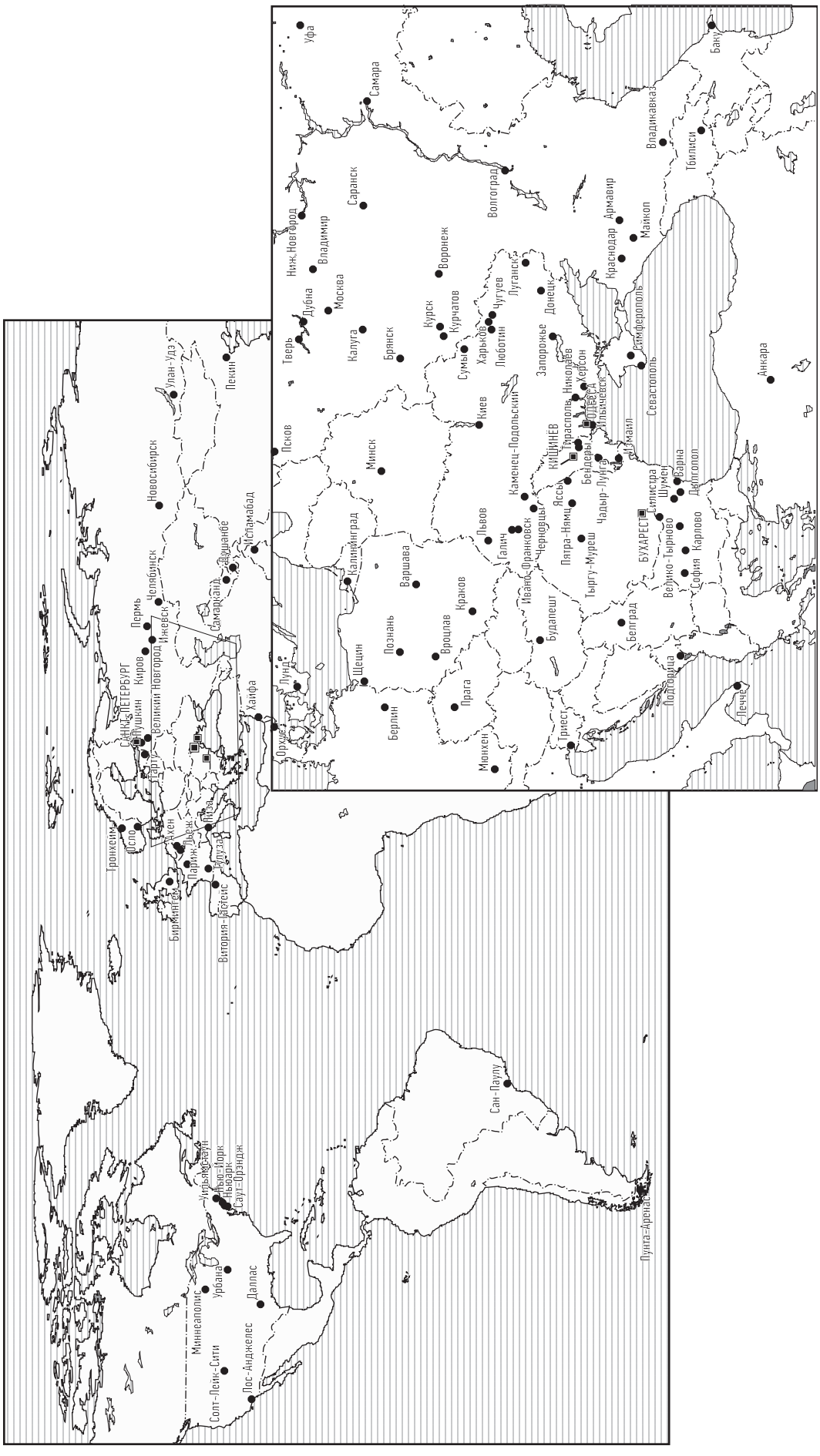
4. Once the reviews have been received, the editor shall make final decision on publication of the contribution.

5. Within a month, the editors shall inform the contributor on whether his/her contribution is accepted or not (with due explanations in the latter case, based on reviewers' opinion), or whether it requires some improvements.

6. Once the contribution has been accepted for publication, no further additions or changes are admitted. If the contributor wishes to make any further changes, the contribution may be postponed until the next volume of the journal is in process.

7. The contributors whose papers have been published shall be entitled to a free copy of this volume of the journal. Besides, they shall benefit of a 30% discount of retail price of the same volume and a 10% discount of retail price of any other volume published in the same year.

Наша география

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
Великий Новгород
Ижевск
Пермь
Челябинск
Новосибирск
Улан-Удэ
Пекин
Самара
Уфа
Саранск
Владимир
Москва
Тверь
Дубна
Нижн. Новгород
Волгоград
Воронеж
Курск
Курчатов
Брянск
Калуга
Чугуев
Луганск
Донецк
Краснодар
Армавир
Майкоп
Владикавказ
Тбилиси
Баку
Симферополь
Севастополь
Запорожье
Харьков
Сумы
Полтава
Киев
Псков
Минск
Каменец-Подольский
Николаев
Херсон
Одесса
Измаил
Бендеры
Тирасполь
КИШИНЕВ
Ясси
Пятра-Нямц
Тыргу-Муреш
Чадыр-Лунга
Констанца
Силистра
Шумен
Варна
Добрич
Велико-Тырново
София
Карлово
Пловдив
Бургас
Анкара
Черновцы
Ивано-Франковск
Галич
Львов
Варшава
Краков
Прага
Вроцлав
Познань
Калининград
Щецин
Берлин
Мюнхен
Будапешт
Белград
Печ
Лунд
Гётеборг
Осло
Тронхейм
Хамина
Выборг
Ханко
Хельсинки
Таллин
Рига
Вильнюс
Каунас
Гданьск
Бромберг
Познань
Лодзь
Катовице
Краков
Ченстохова
Ополе
Вроцлав
Дрезден
Лейпциг
Франкфурт
Кассель
Дортмунд
Гронинген
Амстердам
Роттердам
Гаага
Утрехт
Антверпен
Брюссель
Гент
Лилль
Руан
Париж
Дьепп
Нанси
Страсбург
Мец
Бирмингем
Бристоль
Саутгемптон
Портсмут
Плимут
Саутенд
Кембридж
Ньюкасл
Йорк
Ливерпуль
Манчестер
Шеффилд
Лидс
Ньюарк
Ньюпорт
Ньюкасл
Ньюарк
Ньюпорт
Ньюкасл
Ньюарк
Ньюпорт
Ньюкасл

Издательский дом
«Stratum plus»
Stratum Publishing House

Subscription

Since early 2010 we will offer an opportunity to purchase High Anthropological School University books and periodicals in our e-shop *Stratum Publishing House*.
We can offer you different types of subscription to the international periodical journal *Stratum plus*:

Large: printed and online version of the journal and access to the electronic archive of previous issues back to 1999

Combined: printed and current online versions of the journal

Standard: printed version of the journal

Online: online current version of the journal

The annual subscription package includes **six** volumes. Each new volume shall be sent to the subscriber according to the publishing schedule.

Annual Subscription Rates
Цены на подписку

	Institutional Учреждениям	**Individual** Частным лицам	**Student's** Студентам
Large Расширенная	502€ *or* 748$	235€ *or* 350$	235€ *or* 350$
Combined Комбинированная	269€ *or* 401$	128€ *or* 191$	106€ *or* 158$
Standard Стандартная	240€ *or* 358$	114€ *or* 170$	97€ *or* 144$
Online Онлайн	228€ *or* 340$	109€ *or* 162$	92€ *or* 137$

Подписка

Предлагаем Вам различные варианты подписки на международный периодический журнал «Stratum plus»:

Расширенная. Формат данной подписки дает возможность получать печатную версию журнала, доступ к его электронной версии, а так же неограниченный доступ к электронному архиву журнала «Stratum plus», начиная с 1999 года.

Комбинированная. Формат данной подписки дает возможность получать печатную версию журнала, а так же доступ к электронной версии и его соответствующим приложениям.

Стандартная. В рамках данной категории подписчики получают исключительно печатную версию журнала.

Электронная. В рамках данной категории подписчики получают доступ исключительно к электронной версии журнала и его соответствующим приложениям.

Годовой комплект подписки состоит из **шести** номеров. Каждый новый номер подписчик получает согласно издательскому графику журнала «Stratum plus»

Stratum plus. Nr. 1. **Средний палеолит: в поисках динамики** *(Middle Palaeolithic: In Search for Dynamics)*

Stratum plus. Nr. 2. **Воины медного века** *(Copper Age Warriors)*

Stratum plus. Nr. 3. **Скифские интерпретации** *(Scythian Interpretations)*

Stratum plus. Nr. 4. **Полевой дневник: Римское время** *(Field Journal: Roman Time)*

Stratum plus. Nr. 5. **Русское время** *(Russian Time)*

Stratum plus. Nr. 6. **Причерноморские этюды** *(Black Sea Studies)*

2005–2009

	Set	One
Student	114€	19€
Individual	120€	20€
Institutional	280€	47€

Stratum plus. Nr. 1. **В эпоху мамонтов** *(The Age of Mammoths)*

Stratum plus. Nr. 2. **Дискурс цивилизаций** *(Discourse of Civilizations)*

Stratum plus. Nr. 3. **Скифия, Фракия и эллинский мир** *(Scythia, Thrace and Hellenic World)*

Stratum plus. Nr. 4. **Между пефкинами и феннами** *(Inter Peucinos Fennosque)*

Stratum plus. Nr. 5. **Мастера средневековья** *(Medieval Masters)*

Stratum plus. Nr. 6. **Печати времени** *(Marks of Time)*

2003–2004

	Set	One
Student	103€	17€
Individual	108€	18€
Institutional	210€	36€

2001–2002

	Student	Individual	Institutional
One	16€	17€	34€
Set	97€	102€	199€

Stratum plus. Nr. 1. **В начале был камень** *(In the Beginning Was the Stone)*

Stratum plus. Nr. 2. **Земля Триполиада** *(The Tripoliada Land)*

Stratum plus. Nr. 3. **Старая Скифия** *(Old Scythia)*

Stratum plus. Nr. 4. **На окраинах античного мира** *(On the Outskirts of the Ancient World)*

Stratum plus. Nr. 5. **Славянские древности** *(Antiquities of the Slavs)*

Stratum plus. Nr. 6. **Знамения цивилизаций** *(Omens of Civilizations)*

2000

	Student	Individual	Institutional
One	9€	10€	20€
Set	54€	60€	125€

Stratum plus. Nr. 1. **Время последних неандертальцев** *(The Time of the Last Neanderthals)*

Stratum plus. Nr. 2. **Рождение Европы** *(The Birth of Europe)*

Stratum plus. Nr. 3. **Мельпомена археологическая** *(Melpomene Archaeologica)*

Stratum plus. Nr. 4. **Время великих миграций** *(The Time of Great Migrations)*

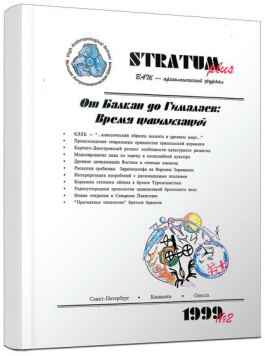
Stratum plus. Nr. 5. **Великая Скуфь** *(The Great 'Skuf')*

Stratum plus. Nr. 6. **Печать презренного металла** *(The Mark of the Contemptible Metal)*

Stratum plus. Nr. 1. **Время собирать камни** *(A Time to Gather Stones Together)*

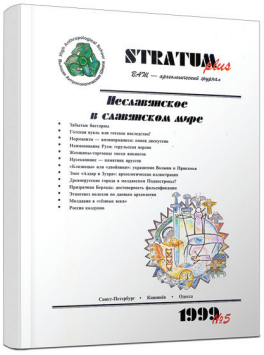
Stratum plus. Nr. 2. **От Балкан до Гималаев: время цивилизаций** *(From the Balkans to the Himalayas)*

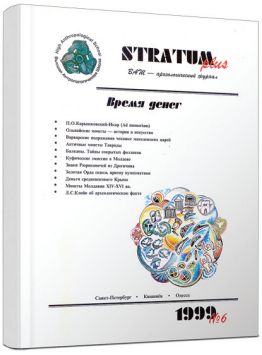
Stratum plus. Nr. 3. **Скифский квадрат** *(Scythian Rectangle)*

Stratum plus. Nr. 4. **Время «Че»** *(The Time of 'Che')*

Stratum plus. Nr. 5. **Неславянское в славянском мире** *(Non-slavic in the Slavic World)*

Stratum plus. Nr. 6. **Время денег** *(The Time of Money)*

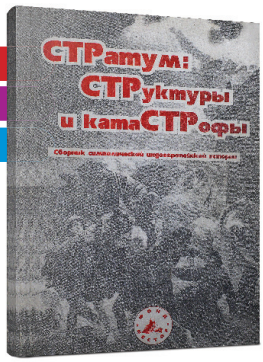
1999

Set 54€ 60€ 125€

One 9€ 10€ 20€

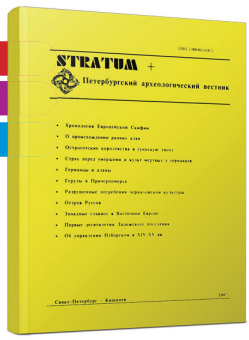
Student Individual Institutional

5€ 6€ 12€

Стратум: структуры и катастрофы *(Stratum: Structures and Catastrophes.)*

5€ 6€ 12€

Стратум + Петербургский археологический вестник *(Stratum + St.--Petersburg Archaeologichesky Vestnik.)*

1997

4€

4€

Антропологические исследования в Молдове *(Anthropological Studies in Moldova)*

13€

И. В. Бруяко. **Ранние кочевники в Европе (X—V вв. до Р.Х.)** *(I. V. Bruyako. Early Nomads in Europe (10th—5th cc. B.C.))*

11€

В. А. Дергачёв, В. С. Бочкарёв. **Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы** *(V. A. Dergachev, V. S. Bochkarev. Metal Sickles of the Late Bronze Age in Eastern Europe)*

3€

П. П. Бырня, Т.Ф. Рябой. **Два клада из Старого Орхея** *(P. P. Birnya, T. F Ryaboy. Two Hoards from Old Orhei)*

1st edition
1-ое издание
3€

2nd edition
2-ое издание
6€

Л. А. Мосионжник. **Антропология цивилизаций** *(L. A. Mosionjnic. Anthropology of Civilisations)*

3€

Н. П. Тельнов, В. П. Степанов, Н. Д. Руссев, Р. А. Рабинович. **«И... разошлись славяне по земле»** *(N. P. Telnov, V. P. Stepanov, N. D. Russev, R. A. Rabinovich. "And... the Slavs Spread Across the Earth")*

1st edition
1-ое издание
5€

2nd edition
2-ое издание
6€

Л. А. Мосионжник. **Человек перед лицом культуры** *(L. A. Mosionjnic. Human in Face of Culture)*

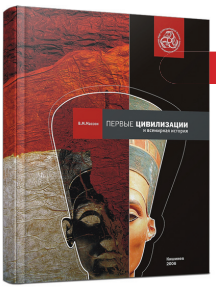
1st edition
1-ое издание
4€

2nd edition
2-ое издание
6€

Л. Б. Вишняцкий. **Введение в преисторию** *(L. B. Vishnyatski. Introduction to Pre-History)*

4€

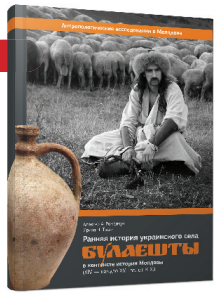
В. М. Массон. **Первые цивилизации и всемирная история** *(V. M. Masson. First Civilizations and World History)*

7€

Я. М. Копанский. **Еврейское национальное движение в Бессарабии в межвоенный период** *(Ya. M. Kopansky. Jewish National Movement in Bessarabia in Interwar Period)*

3€

А. А. Романчук, И. Н. Тащи. **Ранняя история украинского села Булаешты в контексте истории Молдовы** *(A. A Romanchuk, I. N. Taschy. The Ukrainian Population of Bulaesty and Early History of Moldavian Principality)*

5€

Л. А. Мосионжник. **Синергетика для гуманитариев** *(L. A. Mosionjnic. Synergetics for Humanities)*

3€

Н. Д. Руссев. **На грани миров и эпох** *(N. D. Russev. On the Edge of Civilizations and Epochs)*

Stratum plus. № 6 (2010)
Культурная антропология • Археология.
Кишинев. Университет «Высшая антропологическая школа». 2010. — 372 стр.

Подписано к печати 22. 11. 2010 г.

Университет «Высшая антропологическая школа», «Stratum plus» Р. Р.
MD 2024, Республика Молдова, г. Кишинев, ул. Зимбрулуй 10а.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсет №1. Печать офсетная.
Гарнитура «Liberation». Тираж 300 экз. Заказ № 3321.
Отпечатано в Центральной типографии:
г. Кишинев, ул. Флорилор, 1